

Приятного чтения!

Дэвид Вейс Возвышенное и земное

Дэвид Вэйс Возвышенное и земное

Посвящается Джону Уилли

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА К ЛОНДОНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Книга эта – исторический роман, а отнюдь не биография, документальная или романтизированная. Исторический – потому, что жизнь Моцарта тесно переплетена с историческими событиями времени, и, следовательно, эта книга является также и историей его времени. Роман – потому, что в создании образов и развитии действия автор прибегал к средствам художественной прозы. Однако труд этот никак не полет фантазии.

Все внешние обстоятельства в ней подлинны. Улицы, дома, дворцы, города, мебель, одежда – весь быт второй половины восемнадцатого века – описаны такими, какими они были при жизни Моцарта.

События развиваются в строгом хронологическом порядке. Поразительные совпадения, встречающиеся в романе, отнюдь не вымысел автора, так было в действительности. Ни один факт автором не подтасован. Ни одна любовная история не придумана интереса ради. Все произведения Моцарта, упомянутые в книге, точно соответствуют датам, указанным в тематическом каталоге Кёхеля. Автор приводит много документов, и все они достоверны. Все лица, с которыми читатель познакомится, жили в действительности. Повествование нигде не выходит за рамки исторических фактов.

Жизнь Моцарта тщательно документирована. Многие современники оставили нам свои воспоминания о нем, поскольку он стал знаменитостью с шести лет. Список литературы о Моцарте огромен, почти все факты его жизни хорошо известны. Сохранилась обширная переписка Моцарта и переписка его отца – великолепная летопись их века, мест, где они побывали, настроений, владевших людьми в то время, и поэтому часто мир Моцартов показан сквозь призму их собственных впечатлений.

И все же в биографии Моцарта есть белые пятна – это касается также его мыслей и чувств; и, желая по возможности заполнить эти пробелы, автор решил, что лучшей формой для жизнеописания Моцарта будет исторический роман. Необходимо было воссоздать силой воображения и соответственно мотивировать различные ситуации и высказывания, Моцарт прожил бурную жизнь; в ней было все: рискованные приключения, упорная борьба, взлеты и падения – она словно предназначена для романа. Но даже в тех случаях, когда то, или иное событие, создано воображением автора и по-своему истолковано им, оно всегда соответствует образу героя и исторически правдоподобно, иными словами, если какое-либо событие и не имело места в действительности, нечто подобное вполне могло произойти.

Благодаря обширной переписке Вольфганга и Леопольда Моцартов нам известна их манера выразить свои мысли; автор стремился по возможности ее сохранить, избегая, однако, архаизмов. К тому же Вольфганг, который был весьма остер на язык, нередко цитировался современниками, и потому, где только можно, приведены его подлинные слова. И хотя было бы самонадеянностью считать себя способным раскрыть всю правду, неперекаемую и единственную правду о Моцарте, автор все же полагает, что эта работа

прольет новый свет на его жизнь, на его характер, его мысли и чувства.

Книга эта – плод целой жизни. Автор старался писать о Моцарте так, как сам Моцарт писал свои произведения, – предельно просто и ясно; стремился изобразить его без предубеждения, без робости и лести, таким, каким он был. Музыка Моцарта – вот что вдохновляло автора в работе над книгой все эти годы. И если бурное и суетное существование всего рода человеческого может найти себе оправдание в творениях одного человека, то Моцарт, несомненно, был таким человеком.

Дэвид Вейс

г. Нью-Йорк, Ноябрь 1967 г.

ЭПИТАФИЯ В. А. МОЦАРТУ

Здесь обитает Моцарт,
Он верил в Нечто,
Чему названья нет,
И нету слов, чтоб это объяснить.
Он музыкой сумел сказать об этом.
Когда он умер,
Был отнят лишь его телесный облик.
Сказали, что его не опознать,
И труп зарыли в общую могилу.
Но мы предпочитаем верить,
Что никогда он не был похоронен,
Поскольку никогда не умирал.
Внемлите.

Стаймин Карпен, Перевод Д. Самойлова.

Часть первая. РОЖДЕНИЕ.

1

– Вот этот совсем другой!

В действительности Леопольду Моцарту, рассматривавшему своего новорожденного сына, хотелось сказать: "Этот будет другим", – но он побоялся, что такую самонадеянность можно счесть за непокорство воле божьей. И все же он повторил, обращаясь скорее к себе: «Этот совсем другой». Будто убеждать надо было одного себя. Слова, повторенные дважды, ободрила его на какое-то время. Он примирился даже с убогой, тесной и низенькой спальней на третьем этаже дома номер девять по Гетрейдегассе.

В момент появления на свет младенца Анна Мария Моцарт хотела знать только одно: будет ли ребенок жить. Ведь столько детей умерло – пятеро из шести, подумала она с ужасом, от которого ее не спасала даже вера в промысел божий.

Повитуха, принявшая младенца минуту назад, в нерешительности держала его в руках, словно не зная, что делать дальше. И все же она была лучшей акушеркой в Зальцбурге, именно поэтому Леопольд и нанял ее. В этом городе одни только повитухи и могут быть уверены в завтрашнем дне, невесело подумал он; уж они-то зарабатывают больше музыкантов.

Младенец не шевелился, и Леопольду сделалось страшно. Разве бывает, что новорожденный молчит? Все нормальные младенцы плачут. Сам Леопольд Моцарт гордился своим крепким здоровьем. В тридцать шесть лет он, как и остальные музыканты при дворе архиепископа зальцбургского Шраттенбаха, был занят выше головы. В качестве помощника капельмейстера Леопольд давал уроки музыки, обучал хор мальчиков, играл на скрипке в

придворном оркестре и был придворным композитором, но с внезапным ужасом он подумал: если младенец умрет, жизнь потеряет всякий смысл. Здоровье Анны Марии и так уж подорвано частыми родами, еще об одних нечего и помышлять. Правда, Наннерль, которой не было и пяти, уже училась играть на клавесине, но она ведь девочка...

Повитуха, спохватившись вдруг, что младенец все еще не дышит, дала ему звонкий шлепок, и ребенок закричал.

Никогда еще Леопольд не слышал столь желанного звука. Для него крик был слаще музыки, и он возблагодарил бога за этот признак жизни.

– Нет, вы только посмотрите, это же уродец какой-то, – сказала повитуха, разглядывая мальчика при свете лампы.

Он и вправду весь сморщенный и красный, и кожа у него дряблая, подумал Леопольд, но назвать его сына уродцем – нет, это уж слишком.

– И все же вам повезло. Никаких повреждений. Даже головка не помята.

– Дайте его мне, госпожа Альбрехт.

Дрожащими руками Леопольд взял сына и нежно прижал к себе. Младенец перестал кричать, словно согретый отцовской лаской.

Анна Мария сказала:

– На вид он такой слабенький.

– Маленький, а не слабый. Этот будет жить.

– Да, – подтвердила повитуха. – Слава тебе господи, разродилась наконец.

Со вздохом облегчения Анна Мария откинулась на подушки. В долгие часы родовых мук ей не раз казалось, что она не вынесет страданий и умрет. Все ее тело обливалось потом, хотя снег покрывал землю и на дворе стоял январь. Но теперь кровать перестала быть ложем пытки. Волнение исчезло с лица Леопольда, и Анна Мария тоже успокоилась. Она нащупала под подушкой ручное зеркальце. Как она выглядит после седьмых родов – измученной и постаревшей или обновленной и похорошевшей? Она изучала свое лицо в зеркале. Ни то и ни другое, лицо совсем не изменилось, и это ее разочаровало. Если бы она похорошела, то могла бы насладиться победой, добытой столь дорогой ценой, в противном случае можно было бы упиваться жалостью к себе. Анна Мария почувствовала себя обманутой и сунула зеркальце обратно под подушки. Когда они с Леопольдом поженились, их считали чуть ли не самой красивой парой в Зальцбурге, но это было так давно, с тех пор каждый год был отмечен беременностью и очередной неудачей, за исключением Наннерль и, быть может, этого младенца. А вот Леопольд почти не изменился, подумала Анна Мария. Те же правильные черты лица, острый, выступающий вперед подбородок и темно-серые глаза – живые и пронизательные. Как, должно быть, Леопольд, не лишенный тщеславия, гордится, что у него родился сын!

– Ради такого случая я сочиню мессу, – сказал Леопольд.

– Л разрешит ли архиепископ? – усомнилась Анна Мария.

– В честь моего собственного сына?! Ну, конечно! И потом я сочиню мессу и в честь его светлости.

– Дай мне ребенка, Леопольд.

Он осторожно положил ей на руки младенца, нежно поцеловал и повернулся к окну, выходящему на узкий задний дворик. Каждый раз при виде полоски неба, светлеющей за окном, он чувствовал себя узником и приходил в раздражение. Его научили воспринимать мир таким, каков он есть, и все же с некоторыми вещами было трудно мириться. Если вспомнить, что отец его был скромным переплетчиком – в Аугсбурге и что до него музыкантов в семье не было, он поднялся необычайно высоко, однако бывали моменты, когда Леопольд Моцарт сомневался, получит ли он когда-нибудь должность капельмейстера – слишком уж велико было итальянское засилье в Зальцбурге. Спальня вдруг показалась ему оскорбительно убогой. Ненавистными стали скрипучие дощатые полы, скудное освещение.

Анна Мария, заметив, что муж вдруг помрачнел, огорчилась.

– Леопольд, ты не обиделся на меня? – прошептала она.

– За что?

– Ты достоин того, чтобы стать капельмейстером. Архиепископ Шраттенбах относится к тебе с уважением. Ты прекрасно выполняешь свою работу.

Анна Мария слишком добрая, с горечью подумал он, ждет от всех людей только хорошего, даже от князя-архиепископа, по сам-то он не столь наивен. Кое-кому не составляет труда гнуть спину перед кем угодно, а для него это настоящая пытка. Леопольд был ревностным католиком, но мало кого любил из духовных лиц; он был искренним сторонником архиепископа Шраттенбаха и императрицы Марии Терезии, но его возмущало, что они отдают предпочтение итальянским музыкантам. Он жил музыкой, но и они утверждали, что любят музыку, – только разве это меняло что-нибудь для его сына? Будь ты хоть семи пядей во лбу, мир создан на потребу аристократов и духовенства. Дома поместной знати и церковных сановников располагались поблизости от Резиденции архиепископа, от собора, где служил Леопольд, и от других церквей, группировавшихся вокруг собора.

Леопольд знал их все наперечет: церкви св. Михаила, св. Петра, св. Каэтана, св. Эрхарда, францисканская церковь и, наконец, Университетская церковь позади их дома. Аристократы знали, где власть и сила. Они называли эту тесную группу строений «Городом суверена» и считали посторонним всякого, кто жил за его пределами. Даже та часть Зальцбурга, где жили Моцарты – пусть на той же стороне реки Зальцах, – пренебрежительно именовалась «Городом бургеров», и никто из аристократов или церковных сановников не снизошел бы до того, чтобы поселиться на одной из его узких, извилистых темных улиц.

Да и квартира, которую они снимали, была не слишком удобна, что бы там ни говорил владелец дома Лоренц Хагенауэр. Хагенауэр, занимавший первый и второй этажи, частенько напоминал Леопольду, что ни у одного музыканта в Зальцбурге нет такой хорошей квартиры. Однако взбираться на третий этаж не так-то легко – каменная грязная лестница была холодная и темная, а кухня с открытым очагом такая древняя и примитивная, что Леопольд Моцарт иногда чувствовал себя прямо-таки пещерным жителем.

Леопольд вышел в гостиную. Он просил своего знакомого, доктора Баризани, присутствовать при родах, но доктор так и не явился, и Леопольд сомневался, придет ли тот вообще, ведь только аристократы могли рассчитывать на подобные услуги. Его досада возросла, когда он выглянул из окна на Лохельплац в надежде увидеть там запоздавшего доктора. Маленькая площадь была темна, как склеп.

Младенец вел себя так тихо, что у Леопольда от тревоги за него ныло сердце. Будет чудо, если ребенок выживет. И тут вдруг раздались шаги.

Сильвестр Баризани шел к Моцартам с неохотой. Конечно, Леопольд – его приятель, однако хорошая камерная музыка – такая редкость в Зальцбурге, да и архиепископ мог обидеться, если б он ушел, не дослушав концерта. Он и так сделал Леопольду одолжение, согласившись прийти, – ведь в Зальцбурге всех детей, за исключением дворянских, принимали повитухи. К тому же доктор Баризани считал, что, какие бы усилия ни прилагал врач, жизнь или смерть ребенка – дело случая. И тем не менее на длинном унылом лице доктора появилось подобие улыбки, когда он поздравил супругов с рождением сына.

Леопольд спросил:

– Как вы считаете, он выживет? Есть у него возможность?

– Такая же, как у всех. – Доктор пощупал высокую кафельную ночь в спальне – теплая ли она, бросил взгляд на окна, убедился, что комната хорошо проветривается. И только настойчивость Леопольда заставила его обратиться к младенцу.

– Так как же? – спросил Леопольд, вновь охваченный беспокойством: слишком уж озабоченный вид был у доктора.

– Я уже сказал, у него такая же возможность, как у других,

– Вы считаете, он все-таки может умереть?

– Все мы можем умереть – в любую минуту.

– Разумеется. Но ведь дети-то мрут у нас ужасно.

– Ребенок не крупный, может быть, немного слабенький, но, в общем, как я сказал...

Леопольд переменял тему:

– Удачный был концерт?

Ваше отсутствие чувствовалось. Архиепископ считает, что Бруиетти играет плохо.

– Вы, видимо, хотите сказать, господин доктор, что на этот раз его светлость не мог пожаловаться на то, что исполнение чересчур немецкое, – саркастически заметил Леопольд, – а следовательно, варварское?

– Его светлость сказал, что исполнение было зальцбургским и даже хуже того.

– Он был недоволен моим отсутствием?

– Пожалуй. Вы ведь знаете, он любит, чтобы музыка исполнялась как следует.

Анна Мария, видя, что постепенно все улаживается, воспрянула духом.

– Доктор, вы должны попробовать, какие замечательные пирожки готовит наша Тереза, – сказала она.

Пока Тереза, пожилая служанка Моцартов, накрывала на стол, Леопольд обратил внимание доктора на то, что у младенца пальцы музыканта.

– У него самые обыкновенные пальцы, – ответил доктор Баризани.

Но Леопольд продолжал рассматривать пальчики младенца, словно в них была заложена какая-то своя жизнь.

На следующий день Леопольд окрестил ребенка в соборе. Для этого собора – центра музыкальной жизни Зальцбурга – он написал несколько значительных вещей, исполнявшихся во время литургии. Собор с его величественными башнями-близнецами, барочным великолепием и знаменитым органом был для него вторым домом. На улице стоял пронизывающий холод, но присутствие друзей согревало Леопольда. Церемония крещения прошла гладко, и понемногу его мрачные предчувствия рассеялись. Он с гордостью записал в церковной книге: «Иоганнес Хризостомус Вольфгангус Теофилус Моцарт, родился 27 января 1756 года. Отец: Иоганн Георг Леопольд Моцарт, родился 14 ноября 1719 года в городе Аугсбурге.

Мать: Анна Мария Пертль Моцарт, родилась 25 декабря 1720 года в городе Санкт-Гильгепе.

Сестра: Мария Анна Вальбурга Моцарт, родилась 30 июля 1751 года в городе Зальцбурге».

Но, заворачивая младенца в теплое шерстяное одеяльце, чтобы защитить от январской стужи, он испытывал некоторое беспокойство. Когда Леопольд объявил, что его сын должен стать музыкантом, аббат Буллингер возразил:

– Безнравственные слова. Он станет тем, кем ему от бога быть предназначено.

– Конечно, – согласился Леопольд. Кто же станет противоречить важному духовному лицу, пусть даже своему другу? И все же он думал, что этот приземистый пожилой иезуит неправ. Поэтому, когда Буллингер сказал: «Мальчику посчастливилось, что он родился в Зальцбурге – это такой прекрасный город», – Леопольд подумал: все зависит от того, что сможет получить здесь Вольферль в смысле музыки.

Первым воспоминанием Вольферля был звук органа. Это случилось во время церковной службы два года спустя. Раздались громоподобные, оглушительные звуки, от которых у него заболели уши. Он побледнел и расплакался.

Мама смутилась, а Папа прикрыл ему уши руками, и он успокоился. Папа шепнул:

– Он совершенно прав, Анна Мария, орган не в меру громок.

– Ты не сердись на Вольферля?

– Я горжусь им.

Мама прижала к себе Вольферля, и это он тоже запомнил.

Скоро мальчик начал различать многие звуки. Ему уже исполнилось два года, это был большеголовый, голубоглазый ребенок, белокурый, со светлой нежной кожей. Мальчик был вполне здоров, хотя и маловат ростом для своего возраста. Он умел немного ходить – если держался за кого-нибудь или за что-нибудь, – но по-настоящему волновали его только звуки. В комнате был стол, за которым его кормили, а он любил поесть; были окна, из которых

можно было смотреть на прохожих, и ему нравилось это занятие; можно было играть с Наннерль, когда она не занималась с Папой, но самыми счастливыми были минуты, когда он слышал какие-то новые звуки. Дождь стучал по окнам, и это приводило его в восторг. Он прислушивался к ветру, хотя часто шум был громким и пугающим. Тиканье часов завораживало мальчика своей ритмичностью. По стуку тарелок он мог определить, кто моет посуду. Тереза делала это почти беззвучно; Мама, казалось ему, иногда стучала больше, чем нужно; Наннерль всегда гремела посудой, а то и роняла что-нибудь, и тогда от внезапного грохота у него на глаза навертывались слезы. В тот вечер, когда Наннерль с оглушительным звоном разбила блюдо, он рыдал так, словно на него свалилось огромное горе.

Как-то раз Леопольд взял его с собой на вершину горы, где крепость Гогензальцбург возвышалась над всем городом. Подъем был долгий, тяжелый, только архиепископ имел право подъезжать к древнему замку верхом, и Леопольд почти весь путь нес Вольферля на руках. Но когда они уже стояли над Зальцбургом и им открылся знакомый, столь любимый Леопольдом вид – Унтерсберг, баварская равнина, река Зальцах, – он понял, что старался не зря. Трудно было бы найти для Зальцбурга лучшее местоположение, думал Леопольд. Он указывал Вольферлю на плоские кровли, купола церквей и монастыря, узкие темные улочки «Города бюргеров», широкие площади «Города суверена», изящные очертания собора и громаду Резиденции. Это была прекрасная картина, и она не могла не понравиться сыну.

Вольферля же интересовало другое. Пчелы жужжали над головой, и он пытался понять, о чем они разговаривают. Стрекотали кузнечики, и ему хотелось подражать их стрекоту. Он услышал пение малиновки и с наслаждением внимал ему. Когда же в горах поплыл, повторяясь и нарастая, колокольный звон, он забыл обо всем. Вольферль стал покачиваться в такт взад и вперед, взад и вперед.

– Что ты слышишь? – с нежностью спросил его Папа. Колокола – как чудесен их звон! Динь-дон, динь-дон.

Совсем как колыбельная песенка Мамы, от которой у него сладко замирало сердце.

– Нравится тебе? Он кивнул.

– Это музыка.

Вольферль не знал, что такое музыка, но у Папы был очень довольный вид, и он снова кивнул. Его смышленность была немедленно вознаграждена: Папа обнял его и крепко поцеловал, от чего Вольферлю стало совсем радостно. Он тоже любит музыку – так же крепко, как Папу, только он пока еще не знает, что это такое.

С тех пор музыка заполнила все дни Вольферля. Папа, когда мог, работал дома. Дома он давал частные уроки игры на скрипке, сочинял музыку, исполнял вместе с приятелями трио и квартеты и, наконец, учил Наннерль, которая занималась музыкой каждый день.

Теперь, поскольку Вольферль научился ходить самостоятельно, он тоже ковлялся в музыкальную комнату и часами слушал, усаживаясь иногда прямо на пол под клавишином.

Папа убеждал себя – нет ничего удивительного в том, что ребенка привлекают звуки клавишина, многие дети вели бы себя точно так же, – но все же был доволен. Он привык, что ребенок сидит рядом в уголке или под клавишином и сосредоточенно слушает. Присутствие Вольферля заставляло его играть особенно старательно, ему хотелось, чтобы сын слушал музыку в лучшем исполнении. Но когда он попытался научить ребенка произнести слово «клавишин», тот не проявил никакого интереса. Вольферль не знал, как сказать Папе, что каждый раз, слушая игру на этом ящике, он испытывает чудесное волнение.

Как-то вечером Папа играл такую прелестную музыку, что Вольферль не вытерпел. Он должен удерживать эту мелодию в себе. Когда Папа кончил играть, Вольферль стал тихонько напевать мелодию. Какие приятные звуки! Ему не хотелось ложиться спать. В кровати было так скучно. Он не мог заснуть, пока не вспомнил всю мелодию до конца и только тогда, продолжая напевать ее в уме, довольный, уснул. Утром, вспомнив мелодию, которую напевал ночью, мальчик несказанно обрадовался. Ему казалось, что эта музыка может унести его куда угодно, стоит только пожелать.

Мальчику понравилось мурлыкать себе под нос и имитировать всевозможные звуки –

это стало его любимой игрой. Он подражал лаю их домашней собаки, мяуканью кота, щебету канарейки, журчанью воды в фонтане на Лохельплац. Вольферлю нравилось повторять звуки, и он часто это делал.

И еще он любил смеяться. Это была самая простая игра. Когда он был послушным мальчиком, Мама смеялась, и Пана тоже, и он смеялся вместе с ними. Иногда к ним присоединялась и Наннерль, но ему не нравился ее смех: мамин был нежным и ласковым, папин – глубоким и басовитым, а Наннерль смеялась тоненько и пронзительно. И все же, когда они смеялись все вместе, было так приятно, что все его существо наполнялось любовью.

За несколько дней до того, как Вольферлю исполнилось три года, он проснулся от певучих звуков сонаты, которую Папа играл на клавесине. Восхищенный, не в силах устоять против волшебной музыки, он выбрался из кровати и побежал в музыкальную комнату. Для него это было рискованное путешествие – он еще нетвердо держался на ногах, – по ведь нужно расслышан, музыку как следует. Мама с Папой и не заметили, как мальчик очутился у клавесина. Он потянулся к клавишам, чтобы коснуться их, но не достал.

Маму рассмешил этот порыв ребенка, а Папа рассердился. Папа и сам подумывал учить Вольферля играть на клавесине, но убеждал себя, что ребенок слишком мал, слишком неразумен. А теперь Вольферль оказался еще и непослушным мальчиком, чего он, как глава немецкой семьи, допустить не мог.

Он велел Маме немедленно уложить ребенка в постель, и, когда Мама увела Вольферля, Папа захлопнул за ними дверь. На мгновение Вольферль почувствовал неприязнь к Папе. Но не заплакал, хотя стук двери болью отозвался в сердце.

Когда все затихло, он осторожно вылез из кровати, прокрался к двери, прижался к ней ухом и стал слушать. И, поняв, что это та же музыка, что и прежде, весь обратился в слух.

Когда часом позже Мама тихонько приоткрыла дверь, чтобы взглянуть на Вольферля, он сидел, привалившись к двери, и крепко спал. Она стала укладывать его в кровать, и тут в комнату вошел Папа. Папа больше не сердился. На губах ребенка играла блаженная улыбка, словно ему снился какой-то удивительно приятный сон. И тут Папа вдруг понял – в этом спящем ребенке заключены все их надежды. Он горячо поцеловал его, но Вольферль даже не шелохнулся.

На следующее утро Вольферль ничего не помнил, кроме музыки. И когда оказалось, что он может напеть мелодию, его восторгу не было предела. Он повторил ее несколько раз, а потом стал пробовать на разные лады – это тоже было удивительно весело.

2

Леопольд рассказал своим друзьям, как Вольферль боролся со сном, чтобы послушать музыку Скарлатти-младшего, но ему никто не поверил.

Аббат Буллингер сказал: – Он не спал просто потому, что не хотел ложиться, обычные детские капризы.

Доктор Баризани заявил, что, если мальчик будет так поздно ложиться, это пагубно отразится на его здоровье. Леопольд возразил – Вольферль не болел ни одной серьезной болезнью.

– Не болел, так заболит, – ответил доктор. Господин Шахтнер оказался еще большим скептиком.

– Вы, пожалуй, скажете, что ребенок знал, чью музыку слушает.

– Этого я не скажу, – возразил Леопольд. – Но он понимал, что музыка хорошая.

– Просто ему правится все новое. Как всем детям.

Леопольд промолчал. Он сам предложил придворному трубачу встретиться в «Музыканте» – маленькой зальцбургской таверне, где обычно собирались музыканты, по теперь усомнился, стоило ли это делать. Скептицизм друга удивил и обескуражил его. Леопольд не ждал такого от Шахтнера; Андреасу Шахтнеру, темповолосому стройному

баварцу, обладавшему острым умом, было всего двадцать семь лет. Они быстро подружились, так как трубач был к тому же хорошим скрипачом, неплохим поэтом и отменно знал литературу – качества, которые Леопольд ценил в людях. Поэтому он вновь попытался объяснить, что именно чувствует в Вольферле.

– Когда я сажусь за клавесин, он всегда тут же, рядом, и ни за что не хочет идти в кровать.

– Может, ему надоела кровать. Поэтому он и готов слушать музыку. Между прочим, Леопольд, вас очень порицают за отзыв о нашей музыке, который вы дали берлинскому издателю Марпургу.

– Кто порицает – итальянцы при дворе его светлости?

– Не одни только итальянцы. Быть может, вам не стоит столь откровенно показывать, что вы стремитесь стать капельмейстером здесь или где бы то ни было.

– Может, мне к тому же следует возносить хвалу небу за то, что я в поте лица зарабатываю четыреста гульденов в год как помощник капельмейстера, да еще несколько гульденов, если архиепископу придется по душе музыка, которую я сочиняю для его собора? Вы не хуже моего знаете, что мне платят гроши.

– Никто вас не осуждает за то, что вы хотите улучшить свое положение. Только не надо это делать в ущерб другим.

Леопольду очень хотелось ответить в пренебрежительном тоне, но Шахтнер был из тех, кто мог настроить против него архиепископа. Легко сказать: «Ното proponit, Deus disponit»¹, на деле судьба каждого музыканта в Зальцбурге полностью зависит от его светлости. Леопольд спросил:

– А вы читали, что я написал для Марпурга?

– Нет.

И все же у Шахтнера есть на этот счет свое мнение, раздраженно подумал Леопольд, у каждого есть свое мнение обо всем, даже о Вольферле.

– Но я слышал, в статье говорится в основном о ваших заслугах, Леопольд.

– Я вам покажу. Приходите завтра обедать, а заодно почитаете статью, которую я написал для журнала Марпурга.

– Хорошо. Не сомневаюсь, она столь же интересна, как ваша «Скрипичная школа».

– Мою книгу тоже ругают?

– Нет, что вы! Наоборот, говорят, что ее издание делает Зальцбургу честь.

– Не потому ли, что я посвятил ее архиепископу?

– Потому, что она написана со знанием дела. Я прочел книгу, как только она вышла.

Давая уроки игры на скрипке, я неизменно руководствуюсь ею.

Леопольд не поверил. В порыве отчаяния он подумал, что проще, пожалуй, махнуть на все рукой, раз уж обстоятельства складываются против него. Но ведь Вольферль совсем другой, Вольферль должен быть другим. Нет, Леопольд никому не даст убить свою мечту. Он начнет обучать сына музыке, как только тот немного подрастет, может, года через два.

– Сколько сейчас Вольферлю? – спросил Шахтнер.

– Около трех лет.

– Совсем еще маленький.

– Да неужели?

– Уж не рассердились ли вы, Леопольд?

– А разве у меня есть причины сердиться?

– Вы хотите ему добра, но ведь не каждый одаренный ребенок непременно гений.

На следующий день Леопольд заставил всю семью облачиться в лучшие одежды – нужно было показать Шахтнеру, что в качестве капельмейстера он не ударит лицом в грязь. Леопольд сам проследил за всеми приготовлениями.

Мама надела скромное платье из голубой тафты с белой кружевной отделкой, хорошо

оттенявшее ее белокурые волосы и свежий цвет лица, и ждала одобрения мужа.

– Ты выглядишь прекрасно, Анна Мария, – похвалил Леопольд.

– Я очень изменилась?

– Вовсе нет.

– Ты меня обманываешь.

С тех пор как непрерывным беременностям пришел конец, в Маме вновь пробудилось кокетство, а сейчас, в этом платье, она чувствовала себя совсем молодой.

– Ты очаровательна. – Это правда, подумал он, хотя она уже далеко не та хорошенькая молодая девушка, на которой он женился. Однако в этом платье она все еще привлекательна. Ее неугасимая жизнерадостность стоила тысячи поцелуев. Он сказал об этом, и она покраснела.

– Я хочу хорошо выглядеть. Ведь ты такой элегантный.

Леопольд кивнул. Действительно, его белый галстук и серый парчовый камзол с желтой оторочкой выглядели весьма элегантно – он был доволен, но ограничился словами:

– Мы должны быть хорошо одеты. А где же дети?

– Тереза приводит их в порядок.

Сначала подверглась осмотру Наннерль. Девочка чувствовала себя взрослой и волновалась. Впервые в жизни она оделась, как большая.

– Какая ты хорошенькая! – воскликнула Мама и поцеловала дочь.

А Леопольд подумал: Наннерль кажется хорошенькой потому, что юна и застенчива – тоненькая семилетняя девочка в белом тафтовом платьице с узким облегающим лифом. Он поцеловал Наннерль. Она сделала реверанс и сказала:

– Благодарю вас, Папа.

– Ты сыграешь для господина Шахтнера сонату. Четко и без запинок.

– Хорошо, Папа! – И тут Наннерль увидела Вольферля, который уцепился за ее руку. – Ой, какой он смешной!

– Наннерль! – Папа был сама строгость. – Теперь Вольферль у нас настоящий маленький мужчина.

Наннерль не соглашалась – если уж Вольферль маленький мужчина, то она-то совсем взрослая. Но промолчала, спорить с Папой опасно, он может наказать, запретить играть перед господином Шахтнером, а ей так хотелось выступать и быть центром внимания.

Вместо платьица, которое обычно носил Вольферль, Папа велел нарядить его в синие до колен панталоны, белые нитяные чулки, башмаки с пряжками из фальшивого серебра и голубой парчовый жилет. Его волосы были завиты, как у детей императрицы Марии Терезии, и Мама с гордостью подумала, что он выглядит маленьким придворным.

– Его можно хоть сейчас представить ко двору, правда? – сказала она.

Интересно, задался вопросом Леопольд, понимает ли Вольферль, как его вырядили.

– Может быть, одеть его попроще? – спросила Мама.

Леопольд заколебался, но в голове уже окончательно сложился план, и он сказал:

– Не надо. Так или иначе когда-нибудь ему придется носить этот наряд. Пусть привыкает.

Вольферль чувствовал себя очень неудобно. Панталоны слишком свободны, жилет тесен, и к тому же чешется голова. Но все, кроме Наннерль, явно гордились им, и он попытался напустить па себя важный вид.

Как только пришел Шахтнер, Леопольд повел его в гостиную читать свою статью. Закончив чтение, друг сказал:

– Исчерпывающие сведения – и все о вас.

– Я писал только правду.

– Да, о себе.

– И упомянул всех.

– По ведь здесь почти ничего не говорится ни о нашем теперешнем капельмейстере Эберлине, ни о вице-капельмейстере Лолли, а ведь оба они выше вас по положению.

– Я говорю и о них.

Шахтнер прочел выдержку из статьи:

– «Господин Леопольд Моцарт, первая скрипка и руководитель придворной капеллы». Эберлин и Лолли, наверное, в восторге от этого.

– Я написал, что капельмейстер Эберлин – прекрасный музыкант, и это действительно так.

– А Лолли?

Леопольд пожал плечами. Он знал, что Лолли должен унаследовать место Эберлина, по ведь случаются же чудеса, и он только пытался помочь чуду.

– Отлично! – усмехнулся Шахтнер. – Вы когда-нибудь читали Макиавелли?

– Я прочел немало разных сочинений.

– И сами сочинили еще больше, если верить тому, что вы написали для Марпурга, – больше, чем кто-либо в Зальцбурге. – Не обращая внимания на протесты Леопольда, Шахтнер прочитал: – «Из приобретенных известность работ господина Моцарта следует отметить значительное число симфоний, тридцать серенад, множество концертов, двенадцать ораторий и музыку к бесчисленным спектаклям...»

– Прошу вас, не надо! В ваших устах моя статья представляется чистым бредом!

– Когда Эберлин умрет или уйдет в отставку, враги, которых вы нажили с помощью этой статьи, не дадут вам занять место капельмейстера.

Леопольд резко отпарировал:

– Враги? В среде музыкантов создавать себе врагов вовсе нет нужды. Они существуют, потому что существуешь ты, потому что добиваются того же покровительства, что и ты, потому что завидуют музыке, которую ты пишешь, а они написать не могут. И по многим другим причинам. В статье я всего-навсего перечислил кое-какие свои заслуги. Шахтнер скептически улыбнулся.

– А что сказал по этому поводу его светлость? – спросил Леопольд.

– В настоящий момент он больше всего занят тем, чтобы не дать втянуть пас в войну между Марией Терезией и Фридрихом Прусским.

– А мы и не станем вмешиваться. Мы для них не представляем интереса. В этом наше главное преимущество.

– У вас здесь прочное место, а вы ищете чего-то еще.

– Я преданный слуга его светлости.

– Послушайте, Леопольд, журнал Марпурга читают по всей Германии. Вы предложили свои услуги желающим, и притом так ловко, что к вам и не придерешься.

– Это неправда, – упорствовал Леопольд. – Я надеюсь, после смерти Эберлина его светлость остановит свой выбор на мне. А почему это вас беспокоит?

– Мы с вами друзья. Я не хочу, чтобы вы портили себе карьеру.

– Только поэтому?

Прежде чем Шахтнер успел ответить, в гостиную вошла Анна Мария. Не видели ли они Вольферля? Она была встревожена; Наннерль помогает Терезе в кухне, а мальчика нигде не видно.

– А ты не искала его в музыкальной комнате? – спросил Леопольд.

– Ему запрещено туда входить, когда там никого нет.

На мгновение воцарилось молчание, и вдруг из музыкальной комнаты донесся слабый звук клавесина. Он окреп, прервался на секунду, а затем возобновился, теперь уже уверенный и гармоничный. Леопольд тихонько поманил за собой Анну Марию и Шахтнера, и все на цыпочках направились в музыкальную комнату.

Вольферль стоял у клавесина и отыскивал терции. С тех самых пор, как он услышал гармоничные, плавные звуки, которые извлекал из этого чудесного ящика Папа, он мечтал попробовать сам. Сегодня он впервые сумел дотянуться до клавиш. Ликующая радость охватила его. Он запомнил каждое свое движение: вот он тянется все выше и выше, и вдруг его пальцы касаются клавиш, он нажимает одну – раздается приятный звук. Но тон

следующей, плохо сочетается с первой. Его пальцы заскользили по клавиатуре, и скоро он нашел клавишу, тоном которой остался доволен, и стал ударять – одну, потом другую. Он открыл для себя интервал терции, и их гармоничное созвучие наполнило его огромной радостью. Клавиши стали его друзьями, добрыми и надежными. И оттого, что он их так полюбил, он ударял по ним с нежностью.

Вольферль никого не замечал, пока Папа не взял его на руки. Сначала ему показалось, что Папа сердится, так крепко сжал он его в объятиях. Но Папа посадил мальчика на табурет и велел продолжать. Табурет оказался слишком низок, сидя, он не мог дотянуться до клавиш.

Папа положил на табурет две подушки, и тогда Вольферль без усилий достал до клавиатуры. И тотчас же снова принялся подбирать терции, не обращая ни на кого внимания. Он так погрузился в это занятие, что Маме пришлось позвать его несколько раз, прежде чем он сообразил, что его зовут обедать. И хотя на обед был жареный каплун – любимое блюдо Вольферля, – он не хотел идти, пока Папа не успокоил его, сказав, что в эту игру можно поиграть и завтра.

За столом Шахтнер воскликнул:

– Подбирает терции! Но ведь не мог же он додуматься сам. Конечно, вы научили его этому, Леопольд.

– Ничему я его не учил.

– И потом, зачем вы его так нарядили? Он похож на маленького ливрейного лакея.

– Лакеем он не будет. Можете не сомневаться.

– Значит, вы собираетесь сделать из него чудо-ребенка?

– Я хочу сделать из него музыканта.

– Не слишком ли рано начинаете? Меня заставили учиться музыке в пять лет, когда я хотел заниматься совсем другими вещами. Я ее ненавижу. Меня силой сажали за инструмент. Прошли годы, прежде чем я научился любить музыку.

Леопольд не слушал. Он думал. В конце концов его сыном был Вольферль, а не какой-то Шахтнер.

3

Уроки начались на следующий день в музыкальной комнате. Пока Анна Мария одевала Вольферля, Леопольд проверил, все ли готово. Тереза затопила большую кафельную печь, и Леопольд с удовлетворением отметил, что она излучает достаточно тепла, чтобы пальцы сохраняли гибкость. Служанка протерла клавиш, и инструмент засиял. Леопольд взял несколько аккордов, проверяя, хорошо ли он настроен, и остался доволен его звучанием. Проверил Леопольд и дорожный клавишник. Пюпитры для скрипок находились в другом конце комнаты, чтобы, давая уроки, он мог расхаживать по всей зале. Но когда Анна Мария привела Вольферля, мальчик не стал ни на что смотреть, кроме большого клавишника.

Как только Вольферль уселся за инструмент, он забыл обо всем на свете. Беда только – до клавиш трудно дотянуться. Папа положил на табурет подушки, но сиденье получилось неустойчивым. У Вольферля заболела спина. Он не мог сидеть прямо. Папа положил его пальцы на клавиши, и малыш расплакался.

Папа хотел было наказать Вольферля, но его остановила Мама, сказав:

– Вольферль не виноват. Ему неудобно. Разве ты можешь заниматься музыкой, когда тебе неудобно? – Она сняла с табурета ненавистные подушки, вытащила из шкафа семейную Библию и посадила на нее Вольферля. Это была самая большая и самая важная книга в доме, толстая, в отличном переплете, который сделал еще отец Леопольда.

Сидеть на Библии оказалось очень удобно. Вольферль перестал плакать. И когда Папа начал играть, он заиграл вместе с ним. Мама улыбалась – значит, она довольна. Папа, тоже довольный, сидел рядом с сыном и старательно показывал, что надо делать. Подражать было нетрудно. Вольферль любил подражать и с радостью повторял все за Папой.

Леопольд заметил, что Вольферль морщится, когда у него получается диссонанс. Он

шел от ноты к ноте с удивительной точностью. По выражению лица Анны Марии Леопольд видел, что для нее Вольферль все еще несмышленное дитя, сам же он не мог больше относиться к сыну, как к ребенку. А Вольферль хотел играть.

Но когда Анна Мария взяла его на руки и, прижавшись губами к нежной щечке, стала баюкать и ласково напевать колыбельную песенку, он уснул как самый обыкновенный ребенок.

Леопольд обучал Вольферля музыке так, как обучал бы другого ребенка говорить. Вольферль учил гаммы, как другие дети учат алфавит. Но что особенно радовало Леопольда, так это любовь мальчика к клавесину. Вольферля не нужно было заставлять упражняться: в нем, казалось, жила потребность играть упражнения – он нуждался в них как в воздухе. Леопольду и самому было трудно сдерживать свой энтузиазм и заниматься с сыном всего три раза в неделю по часу, но Вольферль был еще очень мал. Мама тревожилась, как бы мальчик не переутомился, и Леопольд твердо держался установленного распорядка, хоть это было нелегко. Если он поправлял Вольферля, мальчик тут же запоминал и никогда больше не повторял ошибку. С той же легкостью учился он играть и на дорожном клавесине. Он начал читать ноты и мог на слух определить большинство.

Перед Вольферлем открылся мир неожиданных чудес. Его так и тянуло к клавиатуре. Он изумлялся тому, что в мире может быть столько радости: можно самому создавать музыку, каким-то волшебством вызывать прекрасные нежные звуки. И Папа больше не кричал на него. У Папы был теперь все время довольный вид. А как много этих клавиш, и каждая звучит по-своему! Ему хотелось обнять клавесин, и, когда в комнате никого не было, он прижимался к инструменту щекой.

К четырем годам Вольферль уже играл менуэты. Леопольд неустанно молился за сына в соборе и вел учет каждой музыкальной пьесе, разученной Вольферлем. Он уже позабыл о своем решении не торопиться с учением, а Вольферль был только рад. Чтобы ребенок учился читать рукописную партитуру и усваивал правила композиции, Леопольд показывал сыну свои собственные сочинения. Как-то он задал Вольферлю выучить скерцо, и мальчик легко сыграл его прямо с листа.

Анна Мария тревожилась за сына. Стоило в доме зазвучать музыке, как Вольферль забывал обо всем. Она пыталась заставить его каждый день ходить на прогулку с Наннерль, чтобы дышать свежим воздухом и укреплять здоровье, но он всему предпочитал клавесин.

Наннерль не нравилось, что Вольферлю уделяют больше внимания, чем ей. Она до сих пор не могла забыть, как играла для господина Шахтнера, а он потом говорил только о Вольферле. Она старалась избегать прогулок с братом, но тот был слишком мал и не мог гулять один. И еще она не хотела играть с ним в четыре руки.

Папа приказал ей, а Наннерль ответила:

– Он еще маленький.

Наннерль сама удивилась своей дерзости, но Папа не наказал ее.

Папа почему-то задумался и проговорил:

– Он же твой брат.

– Все равно я играю лучше. Я уже месяц как выучила скерцо.

Играют-то они одинаково, подумал Леопольд, с той лишь разницей, что Наннерль вдвое старше Вольферля.

– Я умею играть марши, темы с вариациями. А он не умеет.

– Ты играешь их очень хорошо. Наннерль просияла, и Леопольд добавил:

– Поможешь мне научить им Вольферля? Опа подумала: какой хитрый. Но Папа поцеловал ее, будто она уже дала согласие, и повел в музыкальную комнату, где Вольферль разучивал новое скерцо. Папа велел им играть в четыре руки.

– Папа, ведь вы говорили, что я буду помогать вам учить Вольферля.

– Ну да! Вы будете играть дуэты. Ты будешь играть первую партию, а оп вторую.

Наннерль посмотрела на Вольферля, сидящего у клавесина. Брат был вполовину меньше ее ростом. Если он сыграет лучше ее, она этого не перенесет.

Папа поставил перед ней ноты. Усадил рядом с Вольферлем, хотя она до сих пор не решила, соглашаться или нет. По, как и сказал Пана, Вольферль лишь вторил ей. Когда они кончили играть, Папа поцеловал дочку, к нему присоединилась и Мама, узнав, как хорошо она ведет первую партию. Напнерль не могла ни на кого сердиться, даже на Вольферля.

За обедом Наннерль сообщила Вольферлю с высоты своего величия:

– Завтра я научу тебя играть марш.

– Марш? – Вольферль озадаченно посмотрел на сестру.

– Ну, знаешь, вроде того, что ты играешь на барабане.

– А, этот? – Он начал выстукивать пальцами по столу барабанную дробь.

– Неправильно!

– Неправильно? – От огорчения он перестал барабанить.

– Ты что это – сейчас нюни распустишь? – У Вольферля в глазах стояли слезы.

– Ничего подобного. – Но слезы уже текли по щекам. Теперь, когда сестра доказала свое превосходство, ей стало жаль брата, и она пообещала:

– погоди, завтра я тебя научу.

На следующий день Леопольд начал учить Вольферля читать и писать и занялся с ним арифметикой. Только вечером, и то ненадолго, они сели за клавесин. Несколько месяцев Леопольд делал упор на эти предметы, и Вольферль учился прилежно.

Как-то Шахтнер зашел к Леопольду и наткнулся на Вольферля, который, сидя на полу, мелом писал на нем цифры. Цифры были везде – на столах, стульях, стенах, даже на потных страницах.

Шахтнер спросил его, что он делает. – Рифметику, – ответил Вольферль. – Для Папы.

– Ты все делаешь для Папы?

– Для Папы и для боженьки. Сначала для боженьки, а потом для Папы.

– Кто же тебя этому научил?

– Папа. Хотите, я покажу вам, как делать рифметику?

– А зачем она мне?

– Чтобы сочинять музыку. Папа сказал, так легче будет сочинять музыку. Когда я вырасту. А мне уже пять.

– Четыре года, – поправил Шахтнер.

– Четыре, идет пятый.

– Верно, идет, – подтвердил Шахтнер.

– Поиграйте со мной. – Вольферль взял игрушечный барабан, подаренный Шахтнером, и добавил: – Наннерль учит меня играть марш. Давайте, я буду играть, а вы пойте.

Он стал маршировать, выстукивая на барабане мелодию и подпевая сам себе, а Шахтнер, восхищенный чувством ритма в тонкость слуха ребенка, маршировал вслед за ним. Когда Шахтнер сбился с ноги, Вольферль поправил его. Они стали придумывать вариации барабанной дроби, но тут в комнату вошел Папа. Папа поцеловал сына, вручил ему один из своих новых менуэтов и дал ему попробовать сыграть с листа. Вольферль тут же уселся за клавесин.

Шахтнер внимательно слушал. Ребенок нежно и лирично исполнял сочинение отца. Поразительно, думал Шахтнер, только лучше уж я ничего не скажу Леопольду, иначе он бог знает что вообразит.

– Правда, он прекрасно играет? – сказал Леопольд.

– У него неплохая техника, – неохотно согласился Шахтнер.

– Оп день ото дня все лучше играет. Никогда еще у меня не было такого способного ученика.

– Раннее развитие таланта таит в себе опасности.

– К Вольферлю это не относится. – Леопольд чувствовал, что его ребенок отмечен богом. Но скажи он это, Шахтнер, читавший Вольтера, поднял бы его на смех.

Вольферль окончил менуэт и заявил, что хочет сыграть концерт.

– Концерт? – Шахтнер не мог скрыть изумления.

– Кроме собственных сочинений, я даю ему играть вещи других композиторов, – пояснил Леопольд. – И раз уж он так любит клавиесин, я позволил ему разучить несколько несложных концертов.

– Несложных? Наверное, что-нибудь вроде Скарлатти, Гассо или Телемана?

– Нет, они для него слишком трудны.

– Папа! – прервал их Вольферль. – Можно мне сыграть твой концерт?

Леопольд был явно польщен, но ответил твердо:

– Нет. Теперь тебе надо играть гаммы. Последнее время ты их что-то совсем забросил. Целый час, не меньше.

Вольферль огорчился, но послушно принялся за гаммы. Леопольд повел Шахтнера в гостиную. Очевидно, друг пришел сообщить нечто важное.

Однако придворного трубача занимала сейчас иная мысль.

– Почему вы засадили Вольферля за гаммы? – спросил он. – Они ему уже не нужны.

Леопольд самодовольно улыбнулся и ответил:

– Дисциплина.

– Но Вольферль и так во всем слушается вас. Лучшего ученика трудно пожелать.

– Значит, вы тоже считаете, что он не похож на других?

– Да. Он очень музыкален для своего возраста. – Шахтнер переменял разговор. – Вы слышали, Эберлин нездоров?

– Нет. Ведь еще в прошлое воскресенье он дирижировал капеллой.

– С некоторых пор он неважно себя чувствует, по всячески скрывает свое недомогание.

– Очень печально слышать, – искренне сказал Леопольд, – Эберлин хороший композитор, пожалуй не хуже Телемана и Гассе.

– Когда умрет Эберлин, вы сможете занять его место. После него вы наш самый талантливый композитор.

– Но ведь и Лолли придворный композитор.

– Он менее талантлив.

– А как насчет моей статьи для Марпурга? Не вы ли говорили, что из-за нее я нажил себе много врагов?

– Конечно, нажили. И все же кое-кто считает, что у вас есть возможность стать новым капельмейстером. Несмотря на Марпурга. Вашу «Скрипичную школу» ценят очень высоко.

– А как насчет его светлости?

– Архиепископ Шраттенбах хотел бы послушать ваших детей.

– Откуда он узнал о них?

– Они же играли для Буллингера, Баризани, для меня, наконец. Разве вы недовольны, что это дошло до архиепископа?

– Вы все мои друзья. Я только хотел знать ваше мнение. – И, став очень серьезным, Леопольд добавил: – Это поможет мне получить место капельмейстера?

– Если их игра понравится его светлости, это докажет, что вы прекрасный педагог. Причем Баризани утверждает, будто девочка играет даже лучше брата.

Леопольд сомневался в этом, хотя Наннерль играла отлично, особенно если принять во внимание ее возраст и пол. Но мнение архиепископа решает дело. Когда господь возложил на его светлость священный сан, то облек его и большой властью. Одобрение со стороны его светлости позволило бы Леопольду осуществить план, который он вынашивал все это время. Может, Шахтнер его искренний друг?

– Мне понадобится несколько недель, чтобы подготовить достойную случая программу, – сказал Леопольд.

– Его светлость хотел бы послушать их поскорее. Ему нужно ехать в Вену.

– Чтобы подыскать там нового капельмейстера?

– Скорее всего, для того, чтобы не дать втянуть нас в войну между Марией Терезией и Фридрихом. Он гордится, что не впустил ни те, ни другие войска на территорию княжества и сумел сохранить нейтралитет.

– Сколько же времени в моем распоряжении?

– Неделя.

– Слишком короткий срок. Ведь они еще совсем маленькие

– Тогда две недели. Но не больше. Его светлость должен быть в Вене в конце месяца.

Леопольд машинально кивнул. Он понимал: выбора у него нет. Но следует быть весьма осмотрительным. Мало ли что может не понравиться его светлости.

Звуки клавесина замолкли. Обратил на это внимание Шахтнер. Он удивился: Вольферлю и в голову не придет послушаться отца.

По всей вероятности, Вольферль разбирает какую-нибудь партитуру.

Шахтнера одолевало любопытство. Они вошли в музыкальную комнату и застали мальчика пишущим. Вольферль, стоя коленями на стуле, старательно выводил что-то пером. Несколько партитур лежало тут же на столе, но он даже: не смотрел в их сторону, макая перо в чернильницу. Мальчик был так поглощен своим занятием, что, когда на бумагу падали брызги, он просто размазывал их ладонью и продолжал работу.

– Ты чем это занят? – спросил Леопольд.

– Сочиняю концерт для клавесина. Сейчас кончу.

– Ну-ка, дай нам посмотреть.

– Нет, нот, он еще не готов.

– Позволь уж нам решить. Вольферль, дай сюда!

Ребенок нехотя повиновался. Сначала Леопольд и Шахтнер увидели одни кляксы, но постепенно разобрали поты, музыкальное построение и форму концерта.

– Взгляните, Андреас, задумано совершенно правильно! – воскликнул Леопольд.

Шахтнер кивнул.

– Только что с этим сочинением делать, оно такое труд-нос, никто не возьмется его сыграть.

– Папа, но ведь это же концерт, – сказал Вольферль. Надо сначала разучить, а потом уж исполнять.

– А ты можешь его сыграть? – спросил Шахтнер.

– Вот послушайте. – Мальчик начал играть, но играл неуверенно и вдруг остановился, рассерженный своим неумением выразить то, что ему хотелось. Однако Папа горячо поцеловал сына, прежде чем отослать обедать.

Леопольд написал на сочинении сына: «Вольфганг Моцарт» и впал, что до конца жизни будет, как зеницу ока хранить этот концерт. Бог ниспослал ему чудо, теперь уж никто не станет отрицать этого. И от него зависит, чтобы талант сына не был зарыт в землю.

– Интересная попытка, – сказал Шахтнер.

– Ведь он еще такой маленький!

– Ну так, сможете подготовить детей к концерту?

– Я сделаю все от меня зависящее.

4

Прошло две недели. Леопольд чувствовал, что потратил время не напрасно. Он разучил с детьми дуэт Эберлина. Столь дипломатический жест, надеялся он, наверняка заслужит одобрение его светлости. Для сольного выступления он разучил с Наннерль сонату Скарлатти. Скарлатти был любимым композитором архиепископа, а Вольферлю предстояло исполнить менуэт Телемана – этот композитор тоже пользовался при дворе хорошей репутацией. Если же детей попросят бисировать, Наннерль сыграет марш, а Вольферль – скерцо, и то и другое его, Леопольда, сочинения.

Но вот наступил день концерта, и Леопольд заволновался. Легко предаваться мечтам в своей скромной музыкальной комнате, но ведь в огромном, пышном дворце его дети предстанут перед ревнивым взглядом людей, почитающих себя ценителями музыки. С другой стороны, как он рискнет повезти детей в Вену, не решившись показать их еще

где-нибудь, кроме Гетрейдегассс? Если они не выступят сегодня, прекрасная возможность будет упущена. Нет, надо действовать – уговаривал он себя, – чего бы это ни стоило!

Леопольд бросился в гостиную проверить, все ли одеты прилично случаю. По пути во дворец к нему вернулась его прежняя уверенность. Остановившись на Резиденцплац, он объявил:

– Это одна из самых больших площадей в мире. А Резиденция – великолепный дворец, подобный лучшим образцам итальянской архитектуры. Во дворце сто восемьдесят пять комнат, и постройка еще не закончена.

– А почему он итальянский? – спросил Вольферль.

– По стилю. Вольферль не понял.

– Ну, как музыкальные вещи, которые вы играете. Скарлатти по стилю отличается от Телемана.

– А! – Теперь он прекрасно понял.

– Но забудьте, сначала вы сыграете в четыре руки.

– Я играю первую партию, а ты вторую, – напомнила Наннерль Вольферлю.

– Знаю. Ну, а потом ты будешь играть Скарлатти, а я Телемана.

– Ни в коем случае не играйте на «бис», – предупредил Леопольд. – Разве только его светлость сам попросит.

– Папа, а его светлость почти как боженька?

– Он и есть бог, глупенький! – насмешливо заметила Наннерль. – По крайней мере в Зальцбурге.

– Он посланец божий, – поправил Леопольд, сомневаясь, поняли ли дети. Он поднял глаза к небу, моля господу, чтобы все сошло хорошо. Под лучами зимнего солнца дворец светился серебром. Леопольд воспринял это как знак благословения свыше и немного успокоился. Зальцбург был прекрасен.

– А где стоит клавесин? – спросил Вольфганг.

– Наверно, в Конференцзале, там, где проходят почти все придворные концерты, – ответила Анна Мария. С улыбкой она подумала: до чего же все они ей дороги. И тут же погрустнела, ей вдруг сделалось страшно, что Леопольд слишком настойчив и слишком многого требует от детей. Наннерль была такая худенькая, а Вольферль – очень уж маленький и хрупкий для своего возраста. Но она промолчала. Анна Мария никогда не говорила Леопольду ничего такого, что могло ему не понравиться. Даже в том случае, если это была правда. Он – глава семьи. Непререкаемый авторитет.

Моцартам велели подождать в Зале карабинеров. Наннерль была подавлена необъятностью зала, его высокими сводчатыми окнами и росписью на потолке.

– Он больше, чем все наши комнаты вместе, – сказала она.

– Да, – подтвердил Леопольд, – в длину зал около тридцати метров. – Он не мог понять, почему им приходится ждать здесь. Зал карабинеров не был приемной при апартаментах его светлости, тут обычно находилась его личная стража.

– Его светлость еще не готов, – сказал ему граф Арко. – Утром он чувствовал себя неважно. Мы хотели уже отложить концерт.

Леопольд в смутении смотрел на графа Арко. Гофмейстер Георг Феликс Арко был его другом, но в присутствии архиепископа благоразумнее держаться с ним официально. Леопольду не понравилось, что граф одет во все черное и локоны напудренного парика зачесаны за уши в подражание его светлости, а к стати, и для того, чтобы немного удлинить лицо. Не беспокойтесь, сейчас его светлость чувствует себя прекрасно, сказал граф Арко. Напрасно этот учитель музыки столь напорист. Его светлость недолюбливает напористых музыкантов, особенно тех, что ставят перед собой какую-то цель.

– Разве дети будут играть не в Конференцзале, ваше сиятельство?

– А зачем им там играть?

– Но мы ведь играем там. Я имею в виду музыкантов придворного оркестра.

– Так вы же профессиональные музыканты.

- А где состоится концерт?
- В Рыцарском зале.
- Это красивая комната.
- И вполне подходящая для небольшого концерта. Вы согласны?
- Разумеется. – Леопольд с трудом скрыл разочарование.

Ливрейный лакей распахнул широкие белые двери Рыцарского зала, и семья Моцартов предстала перед его светлостью. Архиепископ Шраттенбах, в сером облачении, гармонирующем с цветом его парика, сидел, откинувшись в великолепном кресле. На роскошном мраморном столе перед ним лежали ноты, дабы каждый знал, что имеет дело со знатоком музыки, тут же стояли часы палисандрового дерева, на случай, если какой-нибудь музыкант заиграется. Архиепископ, казалось, погрузился в глубокое раздумье, но Леопольд решил, что он просто переваривает обильный обед, почему, собственно, их и заставили ждать. У него мелькнула мысль, что у его светлости самое подходящее для прелата лицо: острый подбородок, твердый рот и карие глаза, которые имели особенность в одно мгновение делаться жестокими.

В комнате находилось еще человек тридцать, и среди них несколько друзей Леопольда, но он позабыл о них, как только архиепископ Шраттенбах дал знак представить ему детей.

Архиепископу понравилось, что на девочке платье без декольте, но он подумал: для детей музыканта они одеты слишком пышно. Он выразил сомнение, сможет ли такой маленький и тщедушный ребенок исполнить произведения, перечисленные в программе.

- Ему уже пять лет, ваша светлость, – сказал Леопольд.
- Это еще маловато, чтобы играть Эберлина и Телемана.
- Уверяю вас, он справится, ваша светлость, не сомневайтесь.
- Если бы можно было сесть рядом с детьми, так, на всякий случай...
- Интересно послушать, правда ли, что он так хорошо играет.

Узнав, что выступление детей составит лишь часть концерта, и притом незначительную, Леопольд пришел в отчаяние.

Вольферль ждал чего-то чудесного. Его радовало все: и огромная комната, и прекрасный клавесин, и ободряющая улыбка господина Шахтнера, и музыканты, настраивающие инструменты. Концерт начался, и мальчик подался вперед, стараясь не пропустить ни единого звука. Но когда оркестр заиграл Вивальди, дирижировавший Лолли взял слишком быстрый темп, что не соответствовало характеру музыки. Вольферль, не понимавший, как может музыкант сделать такую ошибку, насупился. В последовавшем затем произведении Лолли было столько барабанного боя, что у мальчика разболелась голова. Он не вытерпел и расплакался.

Папа пришел в отчаяние, но его светлость только заметил:

- А мальчик, оказывается, разборчив.

Мама вытерла Вольферлю глаза, скоро барабаны смолкли, и он вздохнул с облегчением.

Потом заиграли трио, и он ясно слышал, что первая скрипка играет на четверть тона ниже, но никто не обратил на это внимания. Ему стало грустно; Папа сказал, что его светлость самый важный после боженьки, а раз так, играть в его присутствии надо безупречно. Неужели никто этого не замечает? Когда музыка окончилась, все громко заплодировали. Вольферлю казалось, что его предали: уж где-где, а в музыке надо быть честным до конца. Затем наступил черед Вольферля и Наннерль. Она взяла его за руку и повела к клавесину, шепнув:

- Не бойся, я начну, а ты играй за мной.

А чего ему было бояться – он же столько раз играл эти вещи.

Когда дети сели за клавесин, Леопольд заметил, что Наннерль сильно побледнела, Вольферль же оставался спокоен. Начав играть, Наннерль стала раскачиваться в такт музыке, но Вольферль сидел на табурете прямо, с серьезным и задумчивым выражением лица. Леопольд чувствовал, что дети играют хорошо, именно так, как он их учил. Все шло гладко,

за исключением одного маленького происшествия. Когда Вольферль исполнял свой сольный номер, в комнату вошел кот, любимец архиепископа и, мурлыча, направился к Вольферлю. Вольферль перестал играть, улыбнулся, погладил кота, посадил его рядом с собой па табурет и снова заиграл с того самого места, где остановился.

Дети закончили свою программу, и все выжидательно уставились на архиепископа. Он захлопал, и гости последовали его примеру. Однако его светлость не попросил детей сыграть на «бис».

Анна Мария в награду поцеловала Вольферля. Наннерль сказала:

– Он вел себя плохо, не надо было играть с кошкой.

Эберлин похвалил детей, так хорошо исполнивших его дуэт, но Леопольд ничего не слышал – он не спускал глаз с архиепископа. Толпа льстецов восторженным кольцом окружила Шраттенбаха: дворяне, с перьями и шпагами, священники и бархатных одеяниях, музыканты и прочий люд, одетые попроще.

Шахтнер выглядел довольным; Буллингер был непроницаем, совсем как ого светлость; Баризани насмешливо улыбался; Лолли лопался от важности.

Наконец Леопольду удалось пробиться к архиепископу.

– Вы оказали нам великую честь, ваша светлость, – сказал он.

Теперь уж Шраттенбах не мог игнорировать его.

– Удивительно, как это мальчик вообще играет, – сказал он, – у него такие крошечные руки.

– Он самый способный и понятливый ученик, какого я встречал, ваша светлость.

– Надо быть чародеем, чтобы научить его играть в столь юном возрасте.

– На то воля божья, ваша светлость.

– Но и ваша заслуга тут, конечно, есть.

– Я его послушный раб, ваша светлость. Иногда мне кажется, что господь говорит со мной через посредство этого ребенка.

Архиепископ Шраттенбах предпочел бы, чтобы учитель музыки но говорил столь благочестивым тоном, по любопытства ради не прерывал его.

– Могу я просить разрешения у вашей светлости свозить детей в Вену, чтобы показать венцам, как высоко стоит музыка в Зальцбурге?

– Я думал, вы готовите вашего сына для моего двора. Шахтнер, внимательно прислушивавшийся к беседе, вкрадчиво сказал:

– Простите, ваша светлость, но, может быть, эти дети прославят Зальцбург?

– В Вене?

– Ваша светлость, вы изволили сказать, что программа хорошо составлена, вам понравилось, что дети начали с произведения Эберлина, нашего капельмейстера.

– Да, играли дети виртуозно, господин Шахтнер, хотя должен признаться, пятилетний ребенок, который так умело обращается с музыкальным инструментом, производит жутковатое впечатление.

– Разрешите мне свозить их в Вену? – попросил Леопольд. – Пожалуйста, ваша светлость.

– Моцарт, гофмейстер сообщит вам мое мнение по этому поводу, когда я сочту нужным.

Вскоре всех пригласили к столу, который был накрыт тут же в Рыцарском зале. Архиепископ, дворяне и духовенство сели во главе стола, семью же Моцартов посадили в самом конце, вместе с другими музыкантами и челядью. Этот дворцовый обычай всегда казался Леопольду обидным, а сейчас он был обиден вдвойне. Есть ему совсем не хотелось, к тому же дети начали ссориться. Вольферль звал Наннерль поиграть в прятки, а она отказалась, заявив, что она уже большая.

– Наннерль, я тебя не люблю, – сказал Вольферль, – Больше всех на свете я люблю вас, Папа, и Маму тоже, а потом господина Шахтнера и боженьку.

Леопольд залюбовался сыном – настоящий принц: разругавшиеся от волнения щеки,

гладкая, чистая кожа, светлые шелковистые кудри, пухлый рот, открытый лоб. Он знал, что смешно протестовать против общепринятых обычаев, и все же ему страстно хотелось оградить свою семью от свойственной аристократам бестактности и пренебрежения к людям. А тут еще подошел этот глупец Лолли и заявил:

– Вашим детям следовало бы поехать в Италию, Моцарт. Им нужно поучиться у настоящего маэстро.

Леопольд не стал отвечать коротышке болонцу. Одна мысль доверить кому-то обучение своих детей казалась ему невыносимой. И кто бы говорил – Лолли, который дирижировал так плохо, что его и повесить мало. Леопольд мог привести массу причин своей неприязни к вице-капельмейстеру.

В тот вечер Леопольд сам уложил Вольферля спать. Тут он допустил отступление от правил: ребенка надо наградить за хорошую игру, сказал он Анне Марии. Он поставил Вольферля на стул, чтобы надеть на него бумазейную ночную рубашку, и спросил:

– Понравилось тебе играть для архиепископа?

– Так себе. Он ведь ужасно старый, правда, Папа?

– Старый?

– Он все время клевал носом. А у него много часов? Пока я играл, он все время смотрел на часы.

– Очень много. – Леопольд вдруг разозлился, вспомнив, что его светлость не дал ему за концерт ни единого гульдена.

– А он любит музыку? Может угадывать ноты, как я?

– Сомневаюсь.

– А он знает, сколько всего нот, и в каком порядке их надо играть, и сколько времени держать одну ноту?

– Нет.

– А на клавесине его светлость умеет играть?

– Совсем не умеет.

– Тогда почему же все его слушают? Леопольд пожал плечами.

– Вольферль, ты любишь Папу?

– Да! Сначала боженьку, потом вас.

Мальчик пропел мелодию собственного сочинения, которая только что пришла ему в голову:

– Оранья фигата фа, марина гамина фа. – Какие чудесные звуки, думал он и, увидев, что Папа повеселел, поцеловал его в копчик носа и пообещал: – Папа, когда вы станете стареньким, как архиепископ, я посажу вас под стеклянный колпак, чтоб и ветерок не дунул – тогда вы всегда будете со мной, и я буду вас почитать.

Леопольд так растрогался, что не мог ответить: слезы навернулись на глаза. Нет, он не лицемерил перед его светлостью. Дети и впрямь посланы ему самим богом. Им нужно помочь расправить крылья. Он подождал, пока мальчик заснул, а потом долго стоял у окна и смотрел на темную улицу, думая о том, что принесет Вольферлю будущее.

5

В ожидании решения архиепископа Леопольд пришел к выводу, что в одиночку достойного будущего себе не обеспечишь. Прошло несколько недель, а от его светлости вестей так и не поступало, казалось, он совсем забыл о концерте, который дали дети. Обычно, когда Леопольда одолевала тревога или грусть, он устраивал музыкальный вечер. Вот и на этот раз он пригласил Шахтнера, Буллингера и Хагенауэра послушать несколько трио, написанных его коллегой скрипачом Венцелем Гебельтом.

Молодой музыкант, только что принятый в придворный оркестр, считал господина Моцарта лучшим скрипачом и педагогом в Зальцбурге и очень хотел узнать его мнение о своих сочинениях.

Перед началом концерта Анна Мария устроилась с шитьем в уголке, Наннерль в кухне помогала Терезе печь торт и варить кофе для гостей, а Вольферля Леопольд усадил возле клавесина, строго наказав никому не мешать. Но когда они собрались играть: Леопольд – первую скрипку, Шахтнер – вторую и Венцель – третью, Вольферль стал упрашивать, чтобы ему разрешили принять участие в концерте, на что Леопольд сурово сказал:

– Ты же никогда не учился играть на скрипке. А не учась, играть нельзя.

– Чтобы играть вторую скрипку, вовсе не надо учиться.

– Ты говоришь глупости. Будешь нам мешать, я сразу велю уложить тебя в постель. Довольно. Ты плохо себя ведешь!

Вольферль залился слезами, он плакал так, что казалось, у него от горя разорвется сердце.

В первый момент Леопольд хотел наказать сына, но, вспомнив, что обычно ребенок беспрекословно его слушается, сдержался. Шахтнер обнял Вольферля и ласково сказал:

– Прежде ты должен научиться играть. Сиди тихонько и слушай внимательно, понемногу и научишься.

Ласковые слова Шахтнера остановили поток слез, и Вольферль возбужденно спросил:

– И тогда я смогу играть? Следующее трио?

– Это уж как Папа скажет. А теперь будь паинькой и больше не мешай. Ты же знаешь, что мы тебя очень любим, а Папа больше всех.

Все закивали, и Вольферль умолк. Однако при первых же звуках трио на круглом личике Вольферля отразилось изумление. И вдруг он выпалил:

– Господин Шахтнер, ваша скрипка расходится с ними па четверть тона.

Шахтнер вопросительно взглянул на Леопольда, но тот только пожал плечами.

– Как же вы не слышите, господин Шахтнер? – Вольферль был в растерянности. Для него музыка была чем-то одушевленным, и он не понимал, почему они не воспринимают ее так, как он?

Трио начали сначала, и снова Вольферль прервал:

– Вот здесь, здесь – на четверть тона. – И Леопольд изумленно подтвердил:

– Он прав.

– На четверть тона, – уверенно повторил Вольферль. – Я же сказал вам, Пана. Позвольте мне сыграть? Я не собьюсь.

Шахтнер сказал:

– Пусть играет вместе со мной. А Буллингер добавил:

– Если он действительно так талантлив, как вы утверждаете, это для него не трудно.

Ну, это уж слишком, раздраженно подумал Леопольд. Однако отступить было поздно. И унижительно.

– Играй вместе с господином Шахтнером, – сказал он, – только тихонечко, чтобы не мешать.

И Вольферль, бережно держа миниатюрную скрипку, полученную в подарок от Леопольда после выступления во дворце архиепископа, заиграл, точно следуя за Шахтнером. Леопольд ждал, что мальчик собьется. Но Вольферль не сбился. Наблюдая за сыном, Леопольд отметил, что Вольферль перенял у него все приемы игры на скрипке. Когда трио закончилось, раздались дружные аплодисменты.

Возбужденный и гордый, мальчик объявил, что может играть и партию первой скрипки. Однако вскоре он взял несколько неверных нот и внезапно остановился, раздосадованным собственным пикианьем, оскорблявшим его слух, и сказал:

– Это все из-за скрипки. Мне нужна другая, Папа.

– Ты прав, – согласился Леопольд. – Завтра же у тебя будет другая скрипка, получше. – Он велел ребенку попрощаться и отослал его спать.

Но Вольферль долго не мог заснуть. Лежа в темноте с открытыми глазами, он вновь и вновь проигрывал трио в уме. Он помнил почти каждую ноту, так почему же, играя первую скрипку, фальшивил? Не удивительно, что Папа отослал его спать. И все же Папа, кажется,

доволен, иначе не был бы так ласков, Непонятно, Буллингер тоже был растерян. И чтобы скрыть свое замешательство, сказал тоном, не допускающим возражений:

– Признайтесь, Леопольд, вы ведь давали ему уроки?

– Клянусь вам, нет.

– Как же он научился играть?

– Наверное, наблюдая за моей игрой. И потом я часто разрешаю ему присутствовать, когда даю уроки.

Леопольд и сам был поражен не меньше Буллингера. Никакого суждения о вещах Венцеля высказано не было, и Леопольд предложил сыграть остальные трио, что и было сделано. Только когда Тереза подала кофе и торт, Леопольд сказал:

– Венцель, ваши трио приятно и слушать и исполнять.

Он умолчал о том, что, по его мнению, они лишены содержания. Мыслью он все время возвращался к Вольферлю. Можно ли довериться друзьям? Можно ли открыть им свои сокровенные чувства? Ведь бескорыстные друзья так же редки, как чудеса света.

Пока остальные обсуждали музыкальные достоинства трио, Леопольд, глубоко тронутый сыном, ведь скрипка была его любимым инструментом, изучал друзей.

Буллингер по общественному положению стоял выше их всех. Он был духовником детей гофмейстера и имел прямой доступ к его светлости. Священник был невысок ростом, но крепок, и на его полном румянном лице нередко появлялось заносчивое выражение. Однако с теми, кто пользовался его расположением, Буллингер бывал весьма любезен, и к тому же Леопольд знал, что он любит хорошую музыку.

Шахтнер тоже был в числе тех, к кому прислушивался архиепископ. Наименьшим весом в глазах Леопольда обладал Венцель Гебельт. Сутулый, маленький Венцель не пользовался никаким влиянием при дворе. По-видимому, от застенчивости он постоянно старался всем угодить, отчего казался смешным. И тем не менее Венцель обладал одним достоинством: он недавно появился в Зальцбурге и был слишком молод и скромн, чтобы соперничать с Леопольдом.

Кого Леопольд не понимал, так это Хагенауэра – владельца дома, где они снимали квартиру, и лучшей бакалейной лавки в Зальцбурге. Хагенауэр высказывался редко и весьма скуп, однако его круглое, с мягкими чертами лицо неизменно выражало спокойствие и благодушие. Леопольд никогда не видел Хагенауэра раздраженным или рассерженным, и, что самое удивительное, Хагенауэр относился к нему с уважением, не в пример другим торговцам, для которых музыканты были немногим лучше бродяг. Но каков он на самом деле, вопрошал себя Леопольд. Человек не может быть всегда в хорошем расположении духа. Это противоречит его натуре.

Буллингер поднялся, чтобы прощаться, так и не сказав больше ни слова об игре Вольферля, и тут Леопольд не сдержался:

– Вы все еще считаете неразумным стремиться к тому, чтобы мальчик выступил в Вене?

– Не то, что неразумно, – ответил Буллингер, – но вряд ли целесообразно.

– Дети, безусловно, произведут впечатление, – сказал Шахтнер. – Вы ведь видели, как легко он овладел скрипкой?

– Впечатление они произведут, – согласился Буллингер, – если будет на то воля божья.

– Воля божья! – подхватил Леопольд. – Разве от нее одной все зависит?

Буллингер был шокирован, остальные удивились, и Леопольд понял, что впредь ему не следует терять над собой контроль.

И тогда он снова заговорил, сдержанно, но с убеждением: – Дорогой Буллингер, ни один разумный человек, ни один добрый христианин не станет отрицать, что все на свете свершается по воле божьей. Но неужели я должен действовать вслепую, проявлять легкомыслие, не думать о будущем и ждать подарка с небес. Сам всевышний счел бы это неразумным.

Буллингер промолчал, но по крайней мере не возмутился.

– Значит, мне следует заботиться о будущем моих детей, иначе у них не будет никакого будущего.

– Согласен, – отозвался Буллинггер. – Но это неминуемо повлечет за собой известные трудности.

Леопольд пожал плечами. Трудности рождаются вместе с человеком.

Буллинггер сказал:

– Поговаривают, что молодой Михаэль Гайдн едет к нам на Вены. А также, что его светлость заботит вопрос о новом капельмейстере ввиду состояния здоровья Эберлина. Если вас не будет в Зальцбурге, когда придет время делать выбор, вряд ли вопрос решится в вашу пользу.

Справедливое замечание, подумал Леопольд, к тому же Михаэль Гайдн, хотя и гораздо моложе Леопольда, представлялся соперником несравненно более серьезным, чем Лолли. В то же время он сознавал, что Вольферль способен достичь высот, для него самого недоступных. И путь к этим высотам лежал через Вену. Вольферль обладал талантом, который следовало утвердить, каких бы жертв это ни стоило. Леопольд спросил Буллинггера:

– Каковы же другие трудности?

– Прежде чем получить отпуск, вы должны найти себе замену.

– Не поэтому ли архиепископ не дает мне разрешения на отпуск?

Буллинггер промолчал, но по лицу его было видно, что причина, возможно, кроется в этом.

Леопольд растерялся. Кто же захочет заменить его? Занимаемое им место не представляло никакой ценности для честолюбивого музыканта. Венцель, видя отчаяние Леопольда, сказал:

– Как вы думаете, если я предложу свои услуги на время отсутствия господина Моцарта, согласится ли его светлость дать ему отпуск?

– Возможно, – ответил Буллинггер.

Но тут Леопольда охватили сомнения. А может, замещать его все-таки выгодно? Но и то сказать, как скрипач Венцель не чета ему, он может возбудить неудовольствие его светлости, а это только к лучшему и лишь поднимет Леопольда в глазах архиепископа.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал он.

– Я сочту за честь.

– Боюсь только, что вы не справитесь со всеми моими обязанностями.

– Если будет надо, я помогу, – сказал Шахтнер.

– Но это еще не все, – заметил Буллинггер. – Поездка в Вену с двумя маленькими детьми обойдется недешево. Хватит ли у вас средств, Леопольд?

Леопольд молчал. Унизительный вопрос, а он не желал, чтобы его унижали, и тем не менее священник прав. Риск велик. Если дети не завоюют успеха, он окажется банкротом.

– Я дам денег Моцартам, – сказал Хагенауэр.

– Поездка может обойтись много дороже, чем мы себе представляем, – напомнил Буллинггер.

– Знаю, – сказал Хагенауэр, – но не в этом дело. Согласится ли вы похлопотать перед его светлостью за нашего друга, если остальное будет улажено?

– Если господин Моцарт сам того хочет.

Леопольд гадал, каких услуг они потребуют взамен, и все же был тронут предложением Хагенауэра, как-никак неохотнее всего люди расстаются с деньгами.

– Если это не затруднительно, – сказал он. – Мне кажется, осторожный разговор с архиепископом мог бы очень помочь.

Буллинггер улыбнулся. Перед его мысленным взором возник Вольферль, только не как обыкновенный ребенок из плоти и крови, а как некий дух, которому судьбой предначертано проявить себя в музыке и которого таинственные силы неотвратимо влекут к цели. Он почувствовал, что все они заодно, хотя показать это не мог, не желая ставить себя на одну доску с остальными.

– Я обращусь к его светлости через графа Арко, – сказал Буллингер.

Аббат пришел в легкое замешательство, когда Леопольд начал горячо благодарить его и обнимать всех остальных. Буллингер сомневался, отвечает ли поездка в Вену божьей воле, но решил сделать все от него зависящее.

– Возможно, не сразу, – добавил Буллингер. – Его светлость сообщит нам о своем решении.

Анна Мария поблагодарила гостей за посещение. Когда они ушли, она вновь притихла. Леопольд считает, что одержал великую победу, а ее одолевали сомнения. Для него дети – это путь к славе, думала Анна Мария, но ведь стоит чему-то случиться с Вольферлем, и мальчик бежит к ней, в ее объятия. Поездка в Вену – дело нелегкое, а здесь, в Зальцбурге, они окружены друзьями.

– Тебе грустно, Анна Мария? – вдруг спросил Леопольд.

– Вольферль совсем еще ребенок. А до Вены так далеко. Ты сам не раз говорил, что это опасное и трудное путешествие.

Леопольд нахмурился. Оба молчали. Затем он объявил:

– Надо учить детей французскому. Это модный в Вене язык.

Анна Мария кивнула, однако страхи ее несколько не рассеялись. Ей хотелось протестовать, но она знала, что только рассердит Леопольда. Она во многом не соглашалась с ним и молила бога, чтобы ее дурные предчувствия не сбылись.

Через неделю граф Арко вручил Леопольду следующую бумагу: «Архиепископ, граф Шраттенбах, князь Зальцбургский и Священной Римской империи выразил милостиво свое согласие на то, чтобы придворный музыкант Леопольд Моцарт получил с Его высочайшего соизволения временный отпуск».

Граф Арко спросил:

– Перед кем будут выступать дети в Вене?

Перед императором... Императрицей... Эрцгерцогами и эрцгерцогинями... Князьями и графами... Французскими и английскими послами... Воображение увлекало Леопольда все дальше, но он лишь сказал:

– Перед друзьями, музыкантами, перед высшим обществом.

– А во дворце?

Ну, конечно же, и во дворце, только зачем вам знать, о чем я мечтаю!

6

Теперь, когда Леопольд получил разрешение архиепископа на поездку в Вену, все, казалось, как нарочно, складывалось против него. Вначале он повез детей в соседствующий с Зальцбургом Мюнхен, где они выступили перед курфюрстом, но сия высочайшая особа отнеслась к выступлению столь сдержанно, что Леопольд был обескуражен. Не успел он оправиться от разочарования и заняться дорожными приготовлениями, как заболел Венцель, и прошло немало времени, прежде чем он смог заменить Леопольда.

Только выздоровел Венцель, умер Эберлин, и место капельмейстера оказалось свободным. Граф Арко объявил, что в число придворных Зальцбургского княжества вскоре вступит Михаэль Гайдн, хотя никто не знал, на какую должность. И снова Леопольд отложил свой отъезд в ожидании, когда архиепископ выберет себе нового капельмейстера. Но назначение так и не состоялось. Зальцбург полнился всякими слухами, говорили даже, будто Пруссия готова повести наступление на Вену, – как-никак война тянется уже почти семь лет, – а вот назвать имя нового капельмейстера не мог никто.

Леопольда утешало одно: задержка с отъездом позволила ему заняться подготовкой детей, и он с жаром отдался этому делу.

Он обучал их французскому, учил читать молитвы по-латыни и непринужденно держаться в гостиных. Его радовало, что Вольферль все более совершенствуется в игре на скрипке и все искусней играет на клавикордах и клавесине. Наннерль тоже делала в музыке

большие успехи. Однако одаренность сына по-настоящему поражала его. Обнаружив, что мальчик сочиняет собственную музыку для клавесина, Леопольд заставил его изучать произведения других композиторов. Среди них были вещи Адольфа Гассе, Георга Телемана и Карла Филиппа Эммануила Баха. К шести годам Вольферль все их играл наизусть. А затем сам сочинил для клавесина три менуэта и аллегро.

Эти сочинения изумили Леопольда. Их никак нельзя было упрекнуть в слабости композиции, обычной для новичков, они отличались четким построением и выразительностью. И свидетельствовали о том, что Вольферль, как и он сам, считал музыку языком великой точности, где каждая нота должна быть тщательно взвешена и необходима. Конечно, мальчик подражал другим композиторам, но так и должно быть, к тому же он подражал лучшим из них – Георгу Телеману и Карлу Филиппу Эммануилу Баху. Произведения Вольферля были записаны в нотную тетрадь, и на заглавном листе довольный Леопольд сделал надпись: «Моему дорогому сыну Вольфгангу Амадею в день его шестилетия от его отца Леопольда Моцарта». Он сказал Анне Марии:

– Ребенок так быстро все усваивает, что нельзя терять ни минуты. Мы не можем дольше откладывать поездку. Надвигается зима, и ехать в холод будет очень трудно. Ну, и потом дети быстро растут, пожалуй, через год они будут слишком взрослыми, слишком большими, чтобы вызвать у кого-то интерес. Чем меньше ребенок, Анна Мария, тем больше он поражает. Надо как можно скорее показать миру его выдающийся талант. А Наннерль вот-вот исполнится одиннадцать. Скоро ее уже не назовешь чудо-ребенком.

Анна Мария кивнула, Леопольд вовсе не ее хочет убедить, думала она, а себя самого, стремится рассеять собственные опасения.

18 сентября 1762 года семья Моцартов выехала из Зальцбурга в Вену через Пассау и Линц. Шахтнер, Хагенауэр и Буллингер пришли на Гетрейдегассе проводить их. Они удивились, узнав, что Моцарты едут через Пассау, который лежал к северу, в стороне от прямой дороги на Вену.

Но посещение Пассау входило в план, составленный Леопольдом. Проверая, надежно ли упакованы и привязаны на крыше наемной кареты его скрипки и дорожный клавесин, он и словом не обмолвился о рекомендательном письме, которое ему дал граф Арко к влиятельному пассаускому епископу, графу Тун-Гогенштейну, имевшему прочные связи в Пене. Он лишь сказал:

– В Пассау мы сможем пересечь на баржу, которая идет вниз по Дунаю, чтобы не трястись по плохим дорогам.

Прощание было теплым, однако Леопольда несколько омрачило напоминание Буллингера:

– Не забудьте, у вас всего полтора месяца отпуска, не больше...

Конец фразы потонул в топоте лошадиных копыт и скрипе тяжелых колес, а в ушах Леопольда еще долго отдавались суровые, как приговор Страшного суда, слова: «Всего полтора месяца отпуска, не больше!» За это время он не сумеет даже добиться, чтобы о детях заговорили. Требуется по меньшей мере полгода, дабы осуществить задуманное. Однако, когда они проехали Линцерштрассе, миновали Саутеровскую арку и горный туннель, настроение Леопольда поднялось. Несмотря на все препятствия, он сумел вырваться. Ему хотелось крикнуть во весь голос: «Мы свободны! Мы избавились от архиепископа, освободились из неволи!» Но Анна Мария вытирала слезы, а Наннерль мутило, и Леопольду пришлось сдержаться. Один только Вольферль был весел и доволен.

Вольферлю очень нравилось ехать в экипаже, нравились издаваемые им звуки и особый ритм. Он гордился, что его не укачивало, как сестру. И у Папы был такой радостный вид. Папа сказал, что там, куда они едут, будет больше музыки, чем в Зальцбурге, и теперь Вольферль поверил ему.

В Пассау, несмотря на рекомендательное письмо графа Арко, им пришлось три дня дожидаться приема у епископа, а затем выяснилось, что епископа интересует игра одного лишь Вольферля. Резиденция епископа, находившаяся в серой древней крепости, на холме

над Дунаем, произвела на мальчика угнетающее впечатление. В зале было темно и холодно, и у него заоченели пальцы. Граф Тун-Гогенштейн оказался старым и тучным, и было трудно поверить, что он что-то понимает в музыке. Но когда Вольферль сказал об этом Папе, тот шепнул, что епископ вовсе не старый, ему всего пятьдесят, и мнение его весьма ценно, независимо от того, понимает он что-то в музыке или нет. Это озадачило Вольферля. К тому же епископ пригласил на концерт нескольких своих приближенных, и мальчик чувствовал себя как на суде. Он был вовсе не расположен играть. Но Папа так волновался, что Вольферлю хотелось сказать: «Успокойтесь». Он начал играть и играл превосходно.

Присутствующие аплодировали, однако, получив от епископа в награду только один гульден, Леопольд решил, что это провал. Он с горечью думал о задержке в Пассау, стоившей им столько денег, как вдруг епископ спросил:

– Вы едете в Вену?

– Да, ваше преосвященство.

– Я мог бы написать в Вену о вашем мальчике моему кузену графу Туноу.

– Вы бы оказали нам честь, ваше преосвященство.

– Граф Тун и его супруга большие ценители музыки, у них для этого есть время.

Граф Герберштейн, каноник Пассауского собора, который пришел к епископу, чтобы обсудить церковные дела, спросил:

– Господин Моцарт, вы едете баржей в Линц и Вену?

– Да. – Леопольд недоверчиво посмотрел на него.

– Ваш сын так прекрасно воспитан. Неужели ему только восемь лет?

– Немногим больше шести.

Граф Герберштейн пришел в восторг.

– Я тоже еду баржей в Линц и Вену. Есть ли у вас там друзья?

Леопольд замялся.

– Ну, разумеется. Вы для того и едете, чтобы приобрести там друзей. В Линце я представлю вас губернатору Верхней Австрии генерал-капитану графу Шлику. Он считает себя большим знатоком музыки.

Граф Герберштейн уговорил графа Шлика организовать публичное выступление детей. Все вещи были исполнены безукоризненно, а умение детей держаться понравилось генерал-капитану не меньше, чем графу Герберштейну. Его интерес возбудил также возраст брата и сестры. Они могли произвести сенсацию в пресыщенной Вене. И он сказал Леопольду:

– Ваши дети очень милы. На следующей неделе я приеду в Вену и с удовольствием введу их в общество.

– Вы очень добры, ваше сиятельство.

Граф Шлик думал, что было бы забавно опередить Герберштейна. И пожалуй, это имеет смысл, потому что императрица, проявлявшая к музыке некоторый интерес, несомненно, будет поражена.

Леопольд был весьма обрадован, что дети могут зарабатывать деньги публичными выступлениями; за концерт в Линце они получили сорок гульденов – больше, чем когда-либо получал за выступление он сам.

Вольферль был разочарован своей игрой перед генерал-капитаном. Папперль же гордилась впечатлением, которое произвела на него: граф Шлик сказал, что она очаровательна, и подарил ей браслет. И все же Вольферль был убежден, что граф разбирается в музыке немногим лучше пассауского епископа. Так же как епископ, граф Шлик болтал во время исполнения, и, если бы не Папа, Вольферль бросил бы играть. Ни один человек, любящий музыку, не станет болтать во время концерта.

И еще его утомило путешествие на барже. Папа красноречиво восхвалял красоты Дуная, на самом же деле Дунай оказался грязной рекой противного коричневого цвета, бурной, беспокойной и страшной. Обычно, если Вольферля что-то пугало, он искал утешение в своей любимой музыке, но баржу так качало, что Папа не позволил

распаковывать ни один из инструментов, опасаясь за их сохранность, и пришлось обходиться без музыки три бесконечно долгих дня.

Ударившая о бок баржи волна отшвырнула Вольферля к поручням, он чуть не свалился за борт и больно ушиб правую руку. К глазам его подступили слезы, но он не заплакал, чтобы не рассердить Папу.

Папа и без того был расстроен. Наннерль, перепуганную яростным порывом ветра, стошнило, а у Мама лицо стало землисто-серым, и она все повторяла:

– Никогда не знаешь, что может с тобой случиться в дороге.

Вольферль чувствовал, что Папа еле сдерживается. Но Папа только сказал:

– Умой детей, Анна Мария. Я думаю, уж Вольферль-то, во всяком случае, аппетита не лишился.

Вольферль очень хотел спросить: «Сколько нам еще ехать до Вены, Папа?» – но не решился.

Мама проверила, тепло ли он одет, и сказала Папе:

– Вольферль прокашлял всю прошлую ночь. Отдаешь ли ты себе отчет в том, что он далеко не такой крепкий, как кажется?

Папа оборвал ее:

– Я во многом отдаю себе отчет. Но ведь все мы, слава богу, пока живы и здоровы, и никто не утонул.

И тут, словно для того, чтобы доказать обратное, кто-то свалился за борт. От волнения Вольферль забыл о морской болезни. Матросы вытащили несчастного из бушующей ледяной воды, но оказалось, что тот уже мертв. Впервые Вольферль видел смерть и совсем растерялся. Сам он был полон жизни и движения, а этот бедняга даже дышать не мог. Мама плакала, Папа хмурился. Должно быть, смерть – это нечто отвратительное, жестокое и злое, думал Вольферль, по почему же тогда люди поддаются ей? Внезапно он тоже расплакался, сам не зная отчего.

На следующий день, когда баржа остановилась в Иббсе, чтобы дать пассажирам размяться и отдохнуть после бурного плавания, он почувствовал себя значительно лучше.

Папа повел их в церковь неподалеку поблагодарить бога, что он спас их во время шторма. Папа был встревожен куда больше, чем казалось, но Вольферль забыл обо всем, как только увидел орган.

Еще прежде, в Зальцбурге, он видел и слышал органы, но ни один из них не мог сравниться в великолепии с этим. Орган был огромен, уходил далеко ввысь, подавляя своим величием и властвуя над всем, как бог. Вольферлю хотелось нежно коснуться одной из бесчисленных золотых и серебряных труб, которые плотным частоколом поднимались вверх по церковной стене.

– Это один из самых замечательных органов в мире, – сказал Папа. И лишь только они кончили молиться, Вольферль уселся у громадного инструмента и попросил Папу показать, как на нем играют.

Папа объяснял, а Вольферль внимательно слушал. Папа думал, что мальчик не справится, но не прошло и нескольких минут, как Вольферль уже играл, и без единой ошибки.

Он играл, и ему казалось, что он одерживает победу. Он справлялся со страхом, который испытал во время плавания. Он знал, что эту победу не отнимет у него никто, даже смерть. Его пленили диапазон и тембральное богатство этого органа. Так мягок и густ был звук иных нот, что Вольферлю казалось, будто он слышит голос самого бога. А когда звуки стали нарастать и крепнуть, у мальчика забило сердце. Он почувствовал прилив невиданной энергии. Его обступили монахи, жившие в монастыре при церкви, но он не обращал на них никакого внимания. Они твердили: «Чудо! Истинное диво!» Орган так чутко откликался на каждое его прикосновение. Вольферль полюбил этот инструмент всей душой.

На следующее утро они добрались до предместий Вены. Служащий таможи, которому надоело смотреть, как Папа бережно распаковывает инструменты, дернул футляр, чем вывел

Вольферля из себя. Это было святотатством. Чиновник обращался с его скрипкой, как с поленом. Вольферль крикнул:

– Не трогайте! Это мое!

Немолодой коренастый чиновник не поверил мальчику.

– Да. Это моя скрипка.

– И ты, конечно, играешь на ней, как виртуоз? Вольферль выхватил скрипку из неловких рук чиновника и заиграл.

Невероятно, думал чиновник, но этот малыш действительно виртуоз. Он и сам немного играл на скрипке, но куда ему до мальчика. Решив блеснуть своими познаниями, он спросил:

– Это что? Аллегро Телемана?

– Менуэт, – поправил его Вольферль. – Менуэт Гассе.

– Ну, конечно же, Гассе. Как это я ошибся.

– Но вы почти угадали, – сказал Папа и добавил: – Мы путешествуем под официальным покровительством графа Шлика, губернатора Верхней Австрии. Его сиятельство намерен представить моих детей императрице.

В этот раз чиновник поверил па слово. Именно поэтому следует так бережно обращаться с инструментами, объяснил Леопольд, и чиновник закивал в ответ и не стал осматривать остальной багаж. Он попросил только мальчика сыграть еще что-нибудь: Гассе, Телемана или Филиппа Эммануила Баха. И когда Вольферль согласился, чиновник счел это большой любезностью с его стороны.

Через час Моцарты были в Вене.

Часть вторая. ЧУДО-РЕБЕНОК

7

Это была любовь с первого взгляда.

Вольферль стоял у въезда в город, завороженный звуками и видом Вены. Папа нарочно задержался возле укреплений, опоясывающих Вену, желая рассказать жене и детям, что именно здесь в 1683 году были разбиты турки, после чего началось превращение Вены в современный город, и что, возможно, Фридрих Прусский не решается штурмовать город именно из-за этих внушительных оборонительных сооружений, но Вольферль заметил, что Папу никто не слушает. Мама задумалась, наверное вернулась мыслями в Зальцбург, Наннерль с любопытством разглядывала нарядных дам в проезжавших экипажах, а сам Вольферль жадно созерцал этот новый мир, стараясь ничего не упустить. Он не мог наглядеться и послушаться.

Его привела в восторг веселая суeta городских улиц, ему нравились ритм и темп жизни города, его многоликость, оживление и толпы людей повсюду.

Папа нанял экипаж, и они отправились к месту своего жительства, в гостиницу «Белый бык», неподалеку от Дворцовой площади. Когда они проезжали по Грабену – сердцу Вены, Вольферль рассматривал толпу на тротуарах, которая становилась все гуще, и воскликнул:

– Папа, а Вена куда больше Зальцбурга, и народа здесь гораздо больше!

– С 1683 года население тут удвоилось, было девяносто тысяч, а стало почти двести. А в Зальцбурге всего десять тысяч человек.

– Мы здесь надолго останемся?

– Сколько понадобится, столько и проживем.

– А это что? – Вольферль указал на шпиль, высившийся в отдалении.

– Это собор св. Стефана, – ответил Папа. – Самый старый и самый большой в Вене. Он в центре города. Мы будем жить поблизости.

Поток экипажей запрудил весь Грабен, они продвигались вперед черепашьям шагом, но Вольферль был только рад – можно по крайней мере насладиться видом города. Несмотря

па серое небо и холод не по сезону, на Грабене было многолюдно. В Зальцбурге никто носа на улицу не показывает в такую погоду, думал Вольферль. Здесь же прогуливалось много господ в пудренных париках и дам в нарядных отороченных мехом накидках. Повсюду слышалась непонятная речь, и Папа объяснил, что люди приезжают в Вену со всего света. Вольферль видел конных солдат в мундирах с императорским гербом, но не заметил никаких других признаков войны, хотя Мама с Папой часто говорили о войне, которая шла между императрицей Марией Терезией и Фридрихом Прусским; Экипаж остановился – пропустить солдат, и Вольферль услышал, что какой-то человек предлагал билеты на фейерверк за двенадцать крейцеров.

Вольферль возбужденно попросил:

– Папа, можно мне пойти?

– Нет.

– Но он говорит, дети до девяти лет могут не платить, если придут с родителями.

– Я сказал – нет, – строго повторил Папа.

Вольферль умолк, но ненадолго. Нищий просил милостыню, протягивая шляпу к сидевшим в экипажах людям, и Вольферль спросил:

– Можно дать ему что-нибудь? Мне его жалко.

Папа рассердился, но господин в карете позади них подал нищему крейцер, и Вольферль обрадовался.

– Дети, бедность – это несчастье, проклятие божье, – сказал Папа, и Вольферль задумался, зачем богу нужно проклинать кого-то? Бог наказывает за дурные поступки, не раз говорил Папа, но ведь проклятие – это совсем другое, что-то вроде глухоты. Страшнее глухоты ничего невозможно себе представить. Мальчик содрогнулся от ужаса и чуть не заплакал.

– Что с тобой, Вольферль? – спросила Мама. Разве мог он объяснить?

– Этот нищий – скверный человек, – сказал Папа. – Иначе ему не пришлось бы попрошайничать.

Мама обняла Вольферля, словно желая защитить от городской толпы, а он предпочел бы, чтобы она этого не делала – так он хуже слышал то, что происходит вокруг. Он хорошо знал почти все звуки Зальцбурга, но в Вене оказалось много новых. И его охватило страстное желание впитать всю эту музыку улиц: людской говор, интонации разных языков, грохот колес проезжающих экипажей.

– Тебе нравится Вена, Вольферль? – спросил Папа и ласково притянул его к себе.

– Очень!

При входе в гостиницу «Белый бык» какой-то человек предложил Леопольду:

– Купите чудотворный талисман. Кусочек от креста святого Стефана. Отдаю за десять крейцеров.

Леопольд возмутился – неужели этот наглец принимает его за деревенского простака?

– Глупые суеверия! – с негодованием сказал он. Однако торговец не отставал. Не желая упустить хорошо одетого господина, он попытался всучить ему «Список парикмахеров, портных и модных магазинов» и, когда Леопольд заинтересовался, предложил ему еще «Подробный и исчерпывающий список венских аристократов», который Леопольд купил, только когда торговец сбавил цену с двадцати до десяти крейцеров.

Позже Леопольд негодовал. Список оказался ничем не лучше его собственного – деньги выброшены на ветер. К тому же и устроились они совсем не так, как рассчитывали. Номер в «Белом быке» – заказал для него зальцбургский знакомый, уверявший Леопольда, что «Белый бык» – гостиница приличная, хоть и недорогая, и находится по соседству с дворцами аристократов, на чье покровительство можно было рассчитывать. Но номер оказался однокомнатным. И в нем не нашлось места даже для дорожного клавирина.

Комнату пришлось разгородить. Она скудно освещалась и была такая холодная, что вода в тазу замерзла, да и с удобствами дело обстояло неважно. Дети принялись шутить по этому поводу, и Анна Мария их поддерживала, но Леопольд сказал, что смеяться тут не над

чем. Ему пришлось улечься на одной кровати с Вольферлем, а Анна Мария с Наннерль устроились в другой половине комнаты.

Леопольд почти не сомкнул глаз. Вольферль всю ночь толкал его и не давал спать, пожаловался он Анне Марии, но это была по единственная причина бессонницы. До сих пор он не получил вестей ни от графа Шлика, ни от графа Герберштейна. Правда, он никогда особенно не рассчитывал на чью-либо помощь, однако вся обстановка действовала на него угнетающе. О переезде не могло быть и речи. Он всем дал этот адрес. Уж не наказывает ли его бог за то, что он осмелился взять судьбу в свои руки? К тому же погода стояла отвратительная, а ведь было только начало октября.

С тех пор как они приехали в Вену, дождь не прекращался ни на минуту. Не верилось, что солнце когда-нибудь снова выглянет.

Прослышав, что императрица и эрцгерцог Леопольд намереваются посетить премьеру новой оперы, Леопольд Моцарт решил воспользоваться случаем. Так или иначе, надо получить аудиенцию у императрицы, но тут же он подумал, что попытка привлечь ее внимание может быть расценена как оскорбление короны. Заплатив дукат, что значительно превышало обычную стоимость билета, Леопольд получил кресло поблизости от императорской ложи.

Императрица не появилась, и Леопольд был очень расстроен. Волей-неволей ему пришлось сосредоточить внимание на опере Глюка «Орфей и Эвридика». Сначала он слушал недоверчиво, но постепенно музыка захватила его, что было некоторым утешением, по крайней мере не напрасно потеряно время; музыка не лишена лиризма. Вольферлю надо обязательно послушать оперу, решил Леопольд.

Когда дирижировавший оперой Глюк поднялся из-за клавесина и, стоя, кланялся аплодировавшей публике, Леопольд услышал, как эрцгерцог сказал своему адъютанту:

– Говорят, в Вену приехал мальчик, который играет на клавесине не хуже взрослого.

Леопольд заторопился назад, в гостиницу, и стал ждать высочайшего приглашения.

Но приглашения не последовало, и, чтобы немного рассеяться, он повел Вольферля на «Орфея и Эвридику». На этот раз дирижировал не Глюк, а кто-то другой – оказалось, что императрица уже почтила своим присутствием оперу. Вольферль сидел задумчивый и притихший.

Это была первая опера, услышанная Вольферлем, и она привела его в недоумение. Папа говорил, что в опере много действия, а на сцене почти ничего не происходило. Но пение оказалось прекрасным. Диапазон голосов был очень широким, Вольферль и не представлял себе, что человек способен брать такие высокие ноты. И потом, певцы совсем не фальшивили. В Зальцбурге такое редкость, даже во время службы в присутствии архиепископа. Вольферль не понял, в чем суть оперы «Орфей и Эвридика». В ней показана победа любви над смертью, сказал Папа, по Вольферлю это мало что говорило. Папа пояснил, что Орфей и Эвридика на самом деле только духи.

– Святые духи? – спросил Вольферль.

Папа улыбнулся и ничего не ответил. Начинался второй акт, а Папа хотел, чтобы Вольферль не пропустил ни одного такта. Музыка Глюка временами казалась Вольферлю ужасно медленной, она словно застыла на месте, но никогда прежде он не слышал таких мелодичных и нежных звуков. Он слушал как зачарованный. Опера кончилась, а Вольферль все сидел на месте, хотя Папа сказал, что в фойе продают сласти.

Когда Папа укладывал Вольферля – Мама и Наннерль уже давно спали на своей половине, – он спросил:

– А я смогу когда-нибудь написать оперу?

– Может статься.

– Скоро?

– Когда научишься. Глюку было под пятьдесят.

– Знаете что, Пана?

– Что?

Вольферль был необычно задумчив.

– В опере слова сами поют друг другу! – Мальчик говорил так, словно делился своим открытием с Папой. – Одни слова поют красиво, а другие отвечают им еще красивее, тогда одни слова спрашивают, а другие поют им ответ, а потом они все вместе радуются, – От возбужденного голоса Вольферля проснулись Наннерль и Мама. Они пришли со своей половины узнать, в чем дело.

Вольферль пропел слова, которые тут же придумал, и сказал Папе:

– А теперь, Папа, вы мне отвечайте словами.

Но прежде чем Папа сообразил, что сын от него хочет, Вольферль низким голосом, как Папа, пропел строфу за него; а потом запел женским голосом:

– Это Мама. – Затем тоненьким, девичьим: – Это Наннерль. Папа, ну, пожалуйста, давайте завтра напишем оперу и споем ее. Я могу петь тремя голосами, а вы споете своим. А назовем мы ее «Венская опера». – Он стал сосредоточенно прислушиваться к мелодиям, звучащим у него в голове.

– Ну довольно, размечтался, – строго сказал Папа, но тут же не удержался и спросил: – А сколько инструментов тебе потребуется для этого произведения со словами?

Вольферль назвал точное число инструментов, которое он собирался использовать.

То есть ровно столько, сколько использовал Глюк. Мальчик не только обладает интуицией, он еще и наблюдателен, подумал Леопольд, как раз то, что нужно для композитора.

Вольферль спросил:

– Папа, а почему я не родился у вас с Мамой в Вене? Вы же знали, что мне бы это понравилось.

– Это бог решает, где тебе родиться, – вмешалась Наннерль.

А Мама добавила:

– И к тому же сейчас поздно. Всем пора спать.

– Да, – подтвердил Папа. – А то смотри, еще захвораешь.

– Папа, почему я не родился в Вене? – настаивал Вольферль.

– Потому что твой дом в Зальцбурге, – строго ответил Папа. – Когда-нибудь ты и там будешь слушать оперу. А пока иди спать. Тебе не надо утомляться – вдруг мы получим приглашение ко двору.

Взбудораженный услышанным, Вольферль почти не спал ночь. В его памяти вновь и вновь возникали мелодии оперы, и он был счастлив. К утру он знал несколько арий Глюка наизусть.

8

На следующий день дети получили приглашение выступить с концертом. Приглашение исходило не от императорской семьи, как рассчитывал Леопольд, а от графа Коллальто. Леопольд удивился – у него не было рекомендательных писем к этой семье. Кроме того, он побаивался предстоящего выступления, потому что дети не упражнялись с тех самых пор, как приехали в Вену. Тем не менее приглашение он принял сразу: граф Коллальто был одним из влиятельнейших вельмож в стране.

Когда они вступили на Дворцовую площадь, где находился дворец Коллальто, Леопольд увидел знаменитую церковь Ам Гоф, построенную иезуитами и одну из старейших в Вене.

– Теперь молитесь богу, – шепнул он своим, – ведь от людей помощи не дождешься.

Анна Мария решила, что муж не в меру вольнодумствует. По великолепной мраморной лестнице лакей провел их в музыкальную комнату, почти такую же просторную, как Рыцарский зал. Анне Марии очень понравились высокий потолок и хрустальные люстры.

Худощавый, изысканно одетый человек, стоявший у клавесина, представился им:

– Господин Моцарт, я граф Пальфи, друг хозяина дома графа Коллальто. По дороге в

Вену я заезжал к графу Шлику, и он уговорил меня задержаться и послушать игру ваших детей.

Леопольд отметил, что манжеты у молодого аристократа сделаны из настоящих валансьенских кружев, а бриллиантовые пряжки на башмаках, должно быть, стоят целое состояние. Он подумал, не слишком ли много взял на себя, и его вновь охватил страх.

– Ваши дети очаровали меня, господин капельмейстер, – продолжал граф Пальфи. – Я рассказываю о них всем и каждому.

– Вы очень великодушны, ваше сиятельство, – ответил Леопольд с низким поклоном.

– Отнюдь нет. Граф Шлик и граф Герберштейн разделяют мое мнение.

Он представил Моцартов гостям, входящим в музыкальную комнату.

Имена, которые он называл, Леопольд знал всю жизнь: граф Коллальто, приближенный императрицы; граф и графиня Тун, принадлежавшие к одному из знатнейших родов в империи; баронесса Гуденус, известная своим покровительством музыкантам, и граф Хотек, канцлер Богемии.

– Моцарт, граф Пальфи утверждает, что ваши дети играют, как взрослые, – сказал граф Коллальто, – но мне кажется, что он преувеличивает.

Не дав Моцарту ответить, он знаком приказал детям начинать.

Первым номером они сыграли дуэт, выбранный Леопольдом, – дуэт был легок и в то же время весьма мелодичен. Затем дети исполнили свои сольные номера. Наннерль играла с большой выразительностью, но по-настоящему завладел всеобщим вниманием Вольферль.

Баронесса Гуденус поцеловала Вольферля, и он рукой вытер щеку. Баронесса ему не понравилась. Она болтала, пока он играл.

Леопольд решил, что высшее общество оскорблено грубой выходкой сына, но графиня Гун сказала:

– Господин Моцарт, ваш сын играет даже лучше, чем о том писал наш двоюродный брат епископ пассауский. Надеюсь, мы еще будем иметь удовольствие послушать ваших детей.

– С превеликой радостью, графиня.

– Мы это устроим. Надо только выбрать удобный день.

– Сколько вашему мальчику, Моцарт? Лет десять? – спросил граф Коллальто.

Леопольд возмутился, но ответил любезно: – Шесть, ваше сиятельство, Всего шесть.

– Непостижимо!

– Дата его рождения, ваше сиятельство, зарегистрирована в Зальцбурге.

Графиня Тун попросила Вольферля сесть с ней за клавесин и показать, как удалось ему добиться такого легкого туше при исполнении сонаты Телемана.

– Я играю на клавесине, но далеко не так хорошо, как вы, – сказала она, словно оправдываясь. Она обращалась с ним как со взрослым. У нее был прелестный певучий голос, и к тому же она была молода и хороша собой.

Вольферль услышал, как граф Коллальто снисходительным тоном объяснял кому-то:

– Вильгельмина недавно замужем. Она еще совсем девочка, ей всего восемнадцать.

Но тут графиня вновь заговорила с ним и полностью завладела его вниманием.

– Вольфганг, мелодия дуэта просто очаровательна. Она тронула меня до слез. По-моему, я никогда прежде его не слышала.

– Его написал Доменико Скарлатти, сын Алессандро. Это очень мелодичный дуэт.

– Вы сыграете мне его еще раз, когда придете к нам?

– Да, да, обязательно, если разрешит Папа.

– Ну конечно же, разрешит. Благодарю вас, Вольфганг, за прекрасный концерт.

– Благодарю вас, графиня. – Вольфганг готов был играть все, что бы она ни пожелала. Будь он постарше, он бы непременно женился на ней.

Леопольд ждал, что за концертом последует оживленный разговор о музыке, но граф Коллальто уже делал саркастические замечания насчет того, что англичане отбирают у Франции ее американские колонии, хотя Франция – союзник Австрии.

Леопольд хотел было вступить в разговор и спросить, не угрожают ли Вене пруссаки – в роскошной музыкальной зале это казалось маловероятным, – но тут лакей дал знак, что Моцартам пора прощаться. Никто из гостей еще не собирался уходить, но Леопольд ничем не выказал своей обиды. К тому же это чувство несколько смягчилось, когда лакей вручил ему тонкие кружевные платки для госпожи Моцарт, великолепный веер для Наннерль, серебряные часы для Вольфганга и двадцать гильденов для него самого.

Концерт во дворце Коллальто произвел впечатление на владельца гостиницы «Белый бык». Обычно Отто Хейнц относился к своим постояльцам пренебрежительно, но граф как-никак был одним из могущественнейших вельмож империи. Толстый краснолицый хозяин предоставил Моцартам более просторный и удобный номер, и с тех пор именовал Леопольда не иначе как «ваше превосходительство господин капельмейстер Моцарт», что очень смешило Вольферля. Он шутливо называл сестру «ваше королевское высочество госпожа фон Аннерль», а себя – «ваше королевское высочество господин фон Оцарт», и Леопольд не делал замечаний сыну – дело в том, что через несколько дней после концерта у Коллальто дети получили приглашение выступить перед императрицей в Шёнбрунне.

Леопольд написал Буллингеру о высочайшей милости и попросил его отслужить в Зальцбурге четыре мессы по одной на каждого члена семьи Моцартов. Затем он занялся туалетом Вольферля, полагая, что мальчик скорее, чем кто-либо из них, может привлечь к себе благосклонное внимание.

Леопольд заставил его надеть кружевные манжеты, башмаки с пряжками из фальшивого серебра, пудренный парик и нацепил ему на бок шпагу в украшенных камнями ножнах, как подобает придворным, после чего Вольферль превратился в маленького графа Пальфи.

В день концерта Леопольд нанял карету, запряженную четверкой лошадей, с кучером и форейтором, хотя это стоило немалых денег. Дети пришли в восторг от такой роскоши и уселись, откинувшись на синие подушки, будто для них это было самым привычным делом. Анна Мария, примирившись в душе с расточительством мужа, тоже радовалась. Они проехали по узким, извилистым улицам внутреннего города, выбрались к предместью Мариахильф и покатали дальше. Все были радостно возбуждены.

Поездка оказалась удивительно приятной. И Вольферлю хотелось, чтобы она длилась как можно дольше. Но вот впереди возникла громада Шёнбрунна, и от его непомерной величины у мальчика перехватило дыхание. Парк перед дворцом был огромный, а сам дворец и того больше. Вольферль был подавлен ею размерами и воскликнул:

– Ой, какой громадный!

– Это самый большой дворец в мире, больше Версаля, – сказал Папа. – Пятьсот акров! Больше, чем многие города. – И больше Зальцбурга?

Папа не ответил, погруженный в созерцание окружавшего их великолепия.

По мере того как они приближались к Шёнбрунну, изумление Вольферля росло. Дворец графа Коллальто выглядел крошечным по сравнению с резиденцией Марии Терезии. Он приехали через решетчатые чугунные ворота, мимо двух высоких обелисков, увенчанных позолоченными имперскими орлами. Чем ближе они подъезжали к Шёнбрунну, тем громаднее он становился. Но вблизи дворец оказался грязновато-желтым, а не ослепительно белым, как издали. И это несколько разочаровало Вольферля. Тем не менее мальчик был взволнован.

– Пана, Шёнбрунн куда больше Резиденции, – сказал он.

– Говорят, в нем тысяча четыреста сорок одна комната, и собираются пристраивать еще.

– А для чего императрице столько комнат?

– Она поставлена богом защищать свой народ и свою империю.

Интересно, есть ли у бога на небе такие же дворцы, подумал Вольферль. Ему стало грустно. Рядом с огромным дворцом он почувствовал себя совсем малюсеньким. Дворец был слишком грандиозен для клавесина. А тут еще Папа стал давать последние наставления, и

Вольферль совсем сник.

– Запомните, – говорил Папа, – нельзя обращаться к ее императорскому величеству или к членам императорской фамилии, пока они сами первые с вами не заговорят.

Им велели войти с заднего хода. Лакей сообщил Леопольду: – Вас ждут в Зеркальном зале, – и, не говоря больше ни слова, повел их туда. Ну что ж, подумал Леопольд, с одной стороны, их впустили, как прислугу, с заднего хода, с другой – принимают в любимой комнате Марии Терезии.

Следуя за высокомерным лакеем через множество роскошных покоев, отделанных в стиле рококо, Леопольд невольно восхищался их пышным великолепием, несмотря на твердое намерение держаться так, будто его ничем не удивишь. Люстры тончайшей работы, золоченые лепные потолки, печи, почти до самого потолка, облицованные затейливым изразцом, паркетные полы, натертые до такого блеска, что в них можно смотреться, как в зеркало, – все казалось еще более роскошным, чем он представлял. Нет, моя мечта неосуществима, говорил он себе, смешно думать, что людей, окруженных таким великолепием, можно еще чем-то удивить. Они растопчут мои честолюбивые устремления на корню.

Тем временем лакей ввел их в Зеркальный зал, и, когда Леопольд увидел императрицу и императора в окружении эрцгерцогов и эрцгерцогинь, ему показалось, будто все они сговорились против него.

Мария Терезия и император Франц I сидели посередине зала, остальные стояли. Леопольд поклонился как мог ниже и, окинув взором огромную комнату, усомнился, услышит ли кто-нибудь игру детей – таким маленьким казался здесь клавесин. И тем не менее, подумал он, где же еще играть Телемана и Скарлатти, как не здесь? Зеркальный зал был даже больше Рыцарского зала, и в нем стояли семь изумительных зеркал высотой от пола до потолка, таких ему еще не доводилось видеть. Стены были белые с золотом, а посреди зала – две огромные люстры. Леопольд надеялся, что дети волнуются меньше его.

Дети сделали императрице реверанс, и она, обратившись к Леопольду, сказала:

– Мальчик совсем еще маленький. Моцарт, сколько, вы говорите, ему лет?

– Шесть, ваше величество. Шесть с небольшим. На лице Марии Терезии отразилось недоверие.

В толпе за спиной императрицы и императора он заметил графа Шлика и графа Пальфи, но они не подали виду, что знают его. Все придворные ждут ее мнения, причем ждут недоброжелательно, казалось Леопольду.

И тут императрица сказала:

– Моцарт, мне со всех сторон твердят о таланте ваших детей. И граф Шлик, и граф Пальфи, и Туны. Хотелось бы думать, что они не преувеличивают.

– Мы приложим все усилия, ваше величество. – Леопольд молил бога, чтобы слухи о ее интересе к музыке оказались правдивы. Говорили, что у Марии Терезии хороший голос и в свое время она занималась с Вагензейлем, который состоял учителем музыки при императорской семье. Вагеннойля Леопольд высоко ценил как музыканта. Но, глядя на императрицу, холодную и величественную, Леопольд не видел ничего, кроме ослепительного блеска бриллиантовой диадемы в ее волосах, и помнил только, что перед ним императрица, которая сумела дать отпор такому могущественному полководцу, как Фридрих Прусский. Дурные предчувствия овладел и им.

– Начинайте! повелительно сказала Мария Терезия.

Вольферлю императрица сразу понравилась. Она была похожа на Маму. Обе были приблизительно одного возраста, разве только императрица чуть потолще, но у обеих красивый румянец и голубые глаза. И хотя, когда мальчика представляли ей, она окинула его неприступным взглядом, он заметил, как взгляд ее потеплел, когда императрица обратила его на своих детей, некоторые среди них были не старше его самого, и как ласково улыбнулась – ну совсем, как Мама. И потом, ведь Папа говорил, что в Вене он должен поправиться именно императрице.

Неожиданно для себя Вольферль улыбнулся Марии Терезии, и она невольно улыбнулась в ответ.

Папа усадил сына на табурет у клавесина, рядом с Наннерль. Вольферлю это не понравилось. Он ведь достаточно большой, чтобы самому залезть, – просто Папе надо показать, какой он маленький. Папа нервничал, у него тряслись руки. А у меня нет, так и хотелось выкрикнуть Вольферлю. Я никогда не волнуюсь, когда играю.

Дуэт всем понравился. Настала очередь Вольферля играть соло, и Мария Терезия вдруг предложила, чтобы ее младший сын эрцгерцог Максимилиан, ровесник Вольферля, переворачивал страницы.

Императрица тут же мысленно упрекнула себя, что расчувствовалась и позволила себе поставить Габсбурга на одну доску с простолудином, но ведь она так гордилась музыкальными способностями своих детей. Однако сознание своей непоследовательности лишь раздражило ее, и, когда император сказал:

– Макс слишком мал, – она возразила:

– Ему столько же лет, сколько и этому Моцарту.

Маленький эрцгерцог сел рядом с Вольферлем, и Леопольд вздохнул с облегчением – мальчик, очевидно, знает свое дело. Мария Терезия внимательно слушала. Со вниманием слушали и все остальные. Леопольд радовался, что ему пришла в голову мудрая мысль включить в программу сонату Вагензейля – любимого композитора императрицы. Вдруг Вольферль остановился, указал пальцем на маленького эрцгерцога и объявил:

– Он только все портит. Нет ли здесь господина Вагензейля? Он умеет. Он будет правильно переворачивать страницы.

Мария Терезия вспыхнула от негодования, и Леопольд подумал, что вот сейчас она прикажет прервать концерт. Но Вольферль снова ей улыбнулся, будто говоря, что они-то с ней понимают, в чем дело, и она отдала распоряжение позвать Вагензейля, который в соседней комнате занимался музыкой с кем-то из ее детей.

Обращаясь к Вагензейлю, Вольферль был сама учтивость.

– Господин Вагензейль, – сказал он, – я исполняю одну из ваших сонат. Не согласитесь ли вы переворачивать для меня страницы?

Учитель музыки посмотрел на императрицу, и та кивнула. Когда Вольферль кончил играть, Вагензейль сказал:

– Ваше величество, мальчик превосходный музыкант. Но тут в разговор вступил император:

– Моцарт, и это все, на что способен ребенок?

– Вольфганг еще умеет импровизировать, ваше величество.

Император подошел к клавесину.

– Мальчик, – сказал он, – играть, когда видишь клавиатуру, проще простого, а ты вот попробуй па нее не смотреть.

– Хорошо, ваше величество. Что вы хотите, чтобы я сыграл?

Император набросил кружевной платок на клавиатуру и сказал:

– Сыграй то же, что играл.

– Ваше величество, – взмолился Леопольд. – Но ведь это не будет импровизацией!

– Ничего, Папа, я сыграю, – сказал Вольферль и, прежде чем его остановили, сыграл всю вещь от начала до конца, не снимая платка.

– Все, как по нотам, – подтвердил Вагензейль. – Поразительно!

– Теперь сыграй одним пальцем, – приказал император. Вольферль сыграл.

– А теперь импровизируй.

– В чьей манере, ваше величество?

– Импровизируй, и больше ничего.

– Это слишком просто, ваше величество. Чью манеру вы предпочитаете – Телемана или Гассе?

Не зная, что сказать, император беспомощно оглянулся на Вагензейля, и тот попросил:

– Если можешь, сыграй мою сонату в манере Телемана. Однако Вольферль не ограничился одним Телеманом и перешел на Гассе.

– Может, ты еще знаешь какие-нибудь фокусы, мальчик? – спросил император.

– Он не маг, – сказала императрица. – Он просто ребенок, пусть даже милый и талантливый, который исполнил все ваши просьбы, хотя некоторые из них не имели ничего общего с музыкой.

– Но ты же осталась довольна, Мария?

– Не в этом дело. – Теперь это была императрица, которая, хотя и делила с ним ложе и имела от него шестнадцать детей, никогда не делила с ним власти. – Франц, мальчик устал, ему надо отдохнуть. – Она обернулась к Анне Марии и более мягко сказала:

– Госпожа Моцарт, ему, наверное, пора спать.

– Да, наше величество.

У вас хорошие дети, госпожа Моцарт.

Господь бог послал нам это счастье, ваше величество.

– Хватит ему играть. Теперь пора к маме.

– Благодарю вас, ваше величество. – Мама обняла Вольферля.

Решив показать, что он любит не одну только Маму, мальчик быстро взобрался на колени Марии Терезии, поцеловал ее в щеку и сказал: – Хотите, я скажу вам один секрет?

– Какой?

– Я вас очень, очень люблю.

Мама в ужасе застыла на месте. Воцарилась мертвая тишина.

– Ты любишь меня так же, как музыку, дитя мое? – спросила Мария Терезия.

– Да, как музыку. – В его устах это был самый большой комплимент.

– Благодарю тебя, Вольфганг. – Она подняла мальчика с колен и передала матери.

Вольферль опечалился. У Марии Терезии такие уютные мягкие колени, а ему вдруг так захотелось спать. Он и не заметил, что все окружающие вдруг прониклись к нему благоволением. Он устал. Когда они шли к карете, Вольферль услышал, как Папа разочарованно шепнул Маме:

– Ни единого дуката, хотя бы кружевной платок за все наши старания. Мне говорили, что она скупа, но все же...

Окончания Вольферль не услышал, потому что сладко зевнул. Наннерль презрительно покосилась на него, но ему было все равно. Он провел такой чудесный день. Карета тронулась, Мама взяла его на руки, и тут он сделал удивительное открытие: Мама и Мария Терезия обнимали его совсем одинаково. Когда они подъехали к гостинице «Белый бык», Вольферль сладко спал на руках у Мамы.

9

После великолепия Шёнбрунна скромная гостиница произвела на Леопольда прямо-таки удручающее впечатление. День проходил за днем, никто о них не вспоминал, и он пал духом. Но когда он уже окончательно уверился в том, что Мария Терезия только делает вид, будто любит музыку, его посетил граф Майр; он заявил, что послан самой императрицей. Леопольд порадовался собственной предусмотрительности: каждый день с утра он на всякий случай надевал свой лучший парик, камзол и черные шелковые чулки – одежду аристократов.

– Значит, вы все еще в Вене, господин Моцарт, – сказал граф Майр.

– А вы думали, мы уже уехали, ваше сиятельство?

– Ее величество выразила пожелание, чтобы вы задержались в Вене, но я был слишком занят разными дворцовыми делами и боялся опоздать с этим сообщением.

– Ее величество очень великодушна. – В голове вертелся вопрос – интересно, насколько? Он не мог задерживаться в Вене дольше, если им не заплатят хоть что-то за выступление.

– Ей хотелось бы, чтобы ваши дети сыграли перед ее детьми.
– Воля ее величества для нас закон.
– Опять в Шенбрунне. Они будут гостями эрцгерцога Максимилиана и эрцгерцогини Марии Антуанетты.

– Слушаюсь, ваше сиятельство. Вот только кто оплатит все расходы?
– Завтра днем. Вас устраивает?
– Завтра днем? Но у нас есть еще несколько приглашений.
– Ее величество просила меня в знак ее восхищения передать вам этот подарок. – Он вручил Леопольду сотню дукатов. – Я состою также императорским казначеем.

– Благодарю вас, ваше сиятельство! – Леопольд с трудом сдерживал ликование. Эта сумма превосходила его самые смелые мечты. – Мы счастливы, что ее величество осталась довольна нашей игрой. Для нас будет честью выступить перед ее детьми.

Императорский казначей улынулся в душе и подумал: Моцарт потому лишь получил сто дукатов, что императрицу тронула искренность чувств мальчика, в чем, однако, она никому не призналась бы.

– Значит, мы можем ждать вас завтра? – спросил он.

– Да, завтра, ваше сиятельство! – радостно подтвердил Леопольд.

– А как насчет других приглашений?

– Я уверен, что никому не придет в голову возражать против желания императрицы.

Граф Майр подал Леопольду два свертка с одеждой.

– Это нам? – удивился Леопольд.

Вашим детям. Подарок императрицы. Парадное платье для концерта, чтобы они чувствовали себя непринужденно в обществе молодых эрцгерцога и эрцгерцогини.

Анна Мария не разделяла радости Леопольда. Ему льстил присланный подарок, ей – нет. Он написал Хагенауэру и Вуллингеру, сообщил им о сотне дукатов и платье для детей и попросил священника заказать еще несколько месс за здоровье Моцартов. Он так сиял, что Анна Мария не решилась его разочаровывать, сама же считала этот подарок подачкой и намеком на то, что в прошлый раз дети были недостаточно хорошо одеты.

На следующий день Леопольд пригласил парикмахера завить и напудрить парики. Анна Мария удивилась. Леопольд всегда стоял за экономию, и вдруг такое расточительство. Единственное, что заботило его сейчас, – это внешний вид детей. Он с гордостью посматривал на сына – мальчик просто очарователен в лиловом камзоле, отделанном дорогим золотым шпуром.

– На камзол Вольферля пошло тончайшее сукно, – заметил он.

Анне Марии казалось, что ребенок похож на марионетку.

– Когда у него на боку прицеплена шпага с осыпанной драгоценными камнями рукояткой, волосы завиты и напудрены, в левой руке шляпа, а правая заложена за борт камзола, Вольферль как две капли воды похож на маленького императора, – прибавил Леопольд.

Анна Мария догадалась, что наряд Вольферля принадлежал раньше эрцгерцогу Максимилиану, а белое тафтовое платье Наннерль было собственностью одной из дочерей Марии Терезии, и это было ей очень обидно. Но когда она намекнула, что детям прислали обноски, Леопольд ответил:

– Я верю в благородство ее величества.

Странно было слышать такое от него – Леопольд очень редко верил в чье-либо благородство.

– Папа, Мама, посмотрите па меня! – воскликнула Наннерль. – Правда, красивое платье?

Должны же они хоть на этот раз понять, что Вольферль не один свет в окошке. Но никто не обратил на нее внимания. Пана оправлял наряд Вольферля, мальчик выглядел скованным и каким-то чужим, а Мамины мысли были далеко.

Анне Марии не хотелось никого хвалить или как-то проявлять свои чувства. Ей надо

было побыть одной, подумать обо всем. В парадных костюмах дети казались совсем взрослыми. Ее мучило предчувствие, что, как бы она ни заботилась о них, никогда больше дети не будут нуждаться, как прежде, в ее материнской любви и защите. Однако Наннерль выглядела такой обиженной, что Анне Марии пришлось сказать:

– Да, моя милая, ты просто прелестна.

Но на сердце было по-прежнему тяжело. Леопольд наставлял Вольферля никому не бросаться па шею, иначе можно помять костюм, и говорил, что концерт для детей императрицы принесет им новые лавры, а Анна Мария думала: все эти победы таят в себе зерно пагубы.

В Шёнбрунне Моцартов встретил граф Майр, весьма любезно проводивший их через парадный вход в Зеркальный зал.

Императрица на этот раз держалась гораздо приветливей. Решив обойтись без обычных церемоний, она просто представила Моцартов своим детям.

Леопольд заметил, что эрцгерцог Максимилиан одного роста с Вольферлем, и понял: Анна Мария правильно догадалась – сын их одет в костюм с эрцгерцогского плеча. Кроме Максимилиана, в комнате находились Мария Антуанетта, которая была на несколько месяцев старше Вольферля, восьмилетний эрцгерцог Фердинанд и тринадцатилетняя эрцгерцогиня Иоганна – она была той же комплекции, что и Наннерль; это ее платье красовалось сейчас на их дочери, догадался Леопольд.

Неожиданным оказалось присутствие наследника престола эрцгерцога Иосифа. Моцарт тщательно готовился к приему и заучил наизусть возраст всех шестнадцати детей Марии Терезии, но никак не ожидал увидеть здесь кого-то из старших принцев. Однако Леопольд тут же вспомнил, что Иосиф, которому уже исполнился двадцать один год, отличался, по слухам, большой музыкальностью.

Худощавого и задумчивого наследника престола заинтересовал маленький виртуоз. Его отец восхищался музыкальными фокусами мальчика, мать говорила, что он очарователен, но Иосиф хотел сам посмотреть, что представляет собой этот ребенок. В противоположность набожной матери, презиравшей Вольтера, которого он читал, Иосиф гордился своим вольнодумством.

– Господин Моцарт, говорят, у вашего сына замечательный слух? – спросил Иосиф.

– Неплохой, ваше высочество.

– Мама, можно, я что-нибудь сыграю? – Это сказала эрц-герцогиня Мария Антуанетта. – Господин Вагензейль и господин Глюк хвалят мою игру на клавесине.

– Мы почтем за честь, ваше высочество, – откликнулся Леопольд; младшая дочь императрицы, Мария Антуанетта, была самой хорошенькой.

– А он пусть скажет, фальшивлю я или нет. – Мария Антуанетта указала на Вольферля.

– Нет, Антуанетта! – Мария Терезия внезапно посуровела. Позволить простолюдину критиковать Габсбургов было бы непростительно.

Тогда, словно в пику ей, Иосиф заявил, что хочет сыграть на скрипке.

Это было совсем уж непозволительно. Но запретить сыну Мария Терезия не могла: Иосиф ее наследник, будущий император.

Леопольд делал вид, что не слышит фальшивых звуков, которые так и лезли в уши; эрцгерцог был любителем и играл как любитель. Пусть Иосиф и будущий император, думал Леопольд, но музыкального таланта он совсем лишен. Однако Леопольд никак не проявлял своих чувств и надеялся, что и Вольферль будет тоже сдержанным.

После того как эрцгерцог несколько раз подряд взял неверную ноту, Вольферль сказал:

– Вы фальшивите, ваше высочество, и у вашей скрипки чересчур резкий звук.

Леопольд ждал бури. Но вместо этого Иосиф, улыбаясь, сказал:

– Bravo! Наконец-то я встретил честного человека. Императрица тоже улыбнулась, правда ее улыбка показалась Леопольду несколько деланной.

– Иосиф, – раздраженно сказала она. – Может, мы дадим Моцартам сыграть одним – ведь для этого они учились.

– Ваше величество, – воскликнула Наннерль, – я могу играть с закрытыми глазами!
– Ну, это просто фокус, – возразил Иосиф, – а вот можешь ли ты сыграть незнакомую вещь?

– С листа? – Наннерль вопросительно взглянула на Папу.

– А почему бы и нет, если это музыка? – вмешался Вольферль.

– Это соната Вагензейля. – Иосиф поставил ноты на пюпитр и спросил: – Вы ее когда-нибудь видели?

– Нет, – отозвался Вольферль. – Но сыграть можем. Правда, Наннерль?

Наннерль постеснялась сказать «нет», однако ей было страшно. Все же она заиграла вслед за Вольферлем и, поняв, что играют они правильно, перестала волноваться. Беря заключительные аккорды, она знала, что игра их вызвала одобрение. Все, даже младшие дети, слушали затаив дыхание, и эрцгерцог Иосиф пожал им руки, что было великой честью, и обращаясь к очень гордому Папе, назвал его «господин капельмейстер».

Вольферлю очень понравились пирожные со взбитыми сливками, которыми угостила его Мария Антуанетта. Она была такой хорошенькой и веселой – просто глаз не отвести. И предлагала посмотреть ее клавесин – может, ему захочется на нем сыграть, а Вольферль думал, как, должно быть, приятно ее поцеловать.

– У вас есть свой парк, чтобы в нем играть? – спросила Мария Антуанетта.

– Нет. – А зачем он нужен, подумал Вольферль.

– А у нас есть. Но у вас, конечно, есть охотничий парк?

– Нет, – грустно ответил он. Белокурая, голубоглазая, с нежной кожей и ярким румянцем, она была просто обворожительна, особенно когда улыбалась. А сейчас вдруг стала очень серьезной.

– У нас самый большой охотничий парк в империи. Папа там сейчас охотится на оленей. А вы любите охотиться?

Вольферль недоуменно пожал плечами, хорошо бы она поговорила о чем-нибудь, знакомом ему.

– Пойдемте, я покажу вам свой клавесин, – предложила Мария Антуанетта.

Тринадцатилетняя эрцгерцогиня Иоганна, решив, очевидно, что отпускать их одних не следует, присоединилась к сестре. Вольферль, желая доказать, что он не маленький, поспешил вслед за старшими, но, непривычный к натертому паркету, поскользнулся и упал. Иоганна сделала вид, будто ничего не заметила, а Мария Антуанетта подбежала к мальчику и, стараясь ободрить, помогла подняться.

Отправившиеся на поиски детей Мария Терезия с Мамой подошли как раз, когда Вольферль говорил Марии Антуанетте:

– Вы очень добры. Когда я вырасту, я женюсь на вас.

Немало удивленная, Мария Терезия спросила почему.

– Из благодарности, – ответил Вольферль, – и еще потому, что она добрая. Ее сестра не захотела мне помочь, а она помогла.

Дети были оставлены на попечение придворной дамы, и императрица указала Анне Марии на кресло. Анну Марию потрясла ее благосклонность. Правда, сама императрица уселась на более высокое кресло с величественной, как у трона, спинкой, но, в общем, они сидели почти как равные.

Марию Терезию заинтересовал маленький мальчик. Она понимала, отец не даст откровенных ответов на ее вопросы, ей казалось, что он слишком эксплуатирует ребенка, но императрице поправилась Анна Мария, в ее представлении образец доброй немки – матери семейства. Дружелюбно, насколько позволяло ее положение, она спросила:

– Когда же это проявилось? – Что, ваше величество?

– Его одаренность, очарование, способности.

– Не знаю, – Анна Мария обвела взглядом натертый паркет, сверкающие люстры, изящные зеркала и снова посмотрела на императрицу. Она встретила ее ободряющую улыбку – улыбку матери и одновременно всеведущей властительницы, которую сам

создатель облек властью, – и вдруг высказала вопрос, годами не дававший ей покоя.

– Ваше величество, откуда у него это?

– Что это? – На сей раз озадачена была Мария Терезия.

– Гениальность. Ведь правда, он гениален, ваше величество?

– Потому, что так хорошо играет для своего возраста? – Мария Терезия снисходительно улыbnулась.

– Нет, ваше величество, не только потому. Что касается музыки, для него нет трудностей.

– Это необычно, – согласилась Мария Терезия, – и, разумеется, он прелестный ребенок.

– Мне иногда кажется, ваше величество, что его гениальность – дар божий.

Мария Терезия не ответила, слова Анны Марии показались ей чересчур дерзкими. Унаследованный ею трон действительно был даром свыше, но что мог получить в наследство от своих предков сын Моцартов? Кроме того, почти все музыканты – цыгане. Мальчик вызывал у нее интерес как у матери, а не как у покровительницы искусств.

– Надеюсь, вы не рассердились на меня, ваше величество, – смиренно произнесла Анна-Мария, – но право же, у Вольфганга вместо крови в жилах течет музыка.

– В вашей семье есть дворянская кровь?

– Говорят, мой отец родом из мелкопоместных дворян, но никаких доказательств нет.

– А по линии вашего мужа?

– Никогда об этом не слышала, ваше величество.

– Поразительно!

– Ваше величество, у Вольферля мой характер, но музыкальные способности мужа.

– Господин Моцарт очень хороший музыкант?

– Да. И наша дочь тоже прекрасная музыкантша. Но они не могут равняться с Вольфгангом. Вот почему мне кажется, ваше величество, что талант его – дар господень.

– При его происхождении это невозможно;

– Но когда он играет, мне кажется, им владеют высшие силы, ваше величество.

– Сомневаюсь. Заботитесь ли вы о духовном воспитании ваших детей?

– Когда мы дома, муж занимается с ними каждый день. Он сам окончил иезуитскую гимназию в Аугсбурге, и мы все ревностные католики.

– Похвально. Нет ничего важнее христианского воспитания.

– Господь – наша опора в трудные дни, ваше величество.

– Господь бог часто одаривает нас своими милостями. И его высшая милость – это наши дети.

– Осмелюсь сказать, ваше величество, мне кажется, ее высочество эрцгерцогиня Мария Антуанетта прелестна и так добра.

– Добра она далеко не всегда. Но ваш сын ее чем-то привлекает.

– Может быть, она дар божий, посланный вам, ваше величество.

– Вполне возможно. – Мария Терезия была убеждена, что это именно так. – Хоть она и моя дочь, но проявляет порой легкомыслие и леность, но гораздо чаще это маленькая богиня, которая знает, что самой судьбой ей предопределено властвовать.

Уместно ли задать императрице вопрос о ее детях, подумала Анна Мария, хотя бы для того, чтобы и со своей стороны проявить интерес?

– Ваше величество, – вдруг спросила она, – а ваши дети когда-нибудь жалуются на усталость? Я не смею огорчать мужа, по мне не хочется, чтобы Вольферль чрезмерно утомлялся. А Вольферль уверяет, будто никогда не устает. Разве такое возможно?

– Никогда не знаешь, когда верить детям и когда нет. Они-то хотят, чтобы им всегда верили. Сама я верю им наполовину, и то считаю себя излишне снисходительной.

– И еще он очень любит путешествовать, даже больше, чем его отец.

– Это тревожит вас, госпожа Моцарт?

– Да, ваше величество. Дома я могу пойти куда мне вздумается. А здесь меня все время водят, как малое дитя. В Зальцбурге мне все знакомо. А в пути не знаешь, что увидишь через

минуту. И потом, кругом столько болезней. Вольферль наш последыш. Из семи детей выжили только он да Наннерль. Если с ними что-нибудь случится, просто не знаю, что делать.

– Жить дальше, – с горечью сказала Мария Терезия. – Я вот живу.

– Но вы – императрица, ваше величество, вы должны жить!

Мария Терезия ничего не ответила. Она думала о войне с Фридрихом Прусским, этим чудовищем, как она его называла, которая тянется с того времени, как она взошла на престол. Только теперь, после многих лет войны и тяжких потрясений, забрезжила наконец надежда на мир. Надо устраивать браки детей так, чтобы укреплять империю. Даже свою любимицу Марию Антуанетту, которой нет еще и семи, ей нужно просватать именно с таким расчетом – и как можно скорее. А эти Моцарты – за исключением, быть может, Анны Марии – мечтают о славе. Право, наивные!

Анна Мария раздумывала, как хорошо было бы, если бы люди могли доверять друг другу и быть в хороших отношениях независимо от занимаемого положения, и тут Мария Терезия сказала:

– Вы правы, госпожа Моцарт, человек должен жить, что бы ни творилось у него в душе. Мы приходим в этот мир не для того, чтобы развлекаться. Не каждому можно подарить свою дружбу, а тем более доверие.

Дети вернулись вместе с Леопольдом, и императрица поднялась, давая понять, что аудиенция окончена.

Вольферль был возбужден – Анна Мария невольно подумала, до чего скучным покажется ему теперь Зальцбург – и сразу принялся рассказывать.

– Мама, вы знаете, у них есть свой зверинец. У Туанетты есть волки, и львы, и медведи!

– Хорошо, хорошо, дорогой, нам пора ехать. Ты, верно, очень устал.

– Нет, совсем не устал, честное слово.

Анна Мария и Мария Терезия понимающе улыбнулись друг другу, а потом все пошло по установленному порядку. Моцарты низко поклонились императрице, и Леопольд поблагодарил ее за доброту, делая вид, что не замечает ее усмешки. Императрица удостоила Анну Марию личной аудиенции, это произведет сенсацию в Вене. Мария Терезия подняла руку – и появившийся откуда-то граф Майр повел их к карете, ожидавшей у ворот.

Вольферль взял Маму за руку: какие у него теплые, доверчивые пальцы, подумала она, как они верят ей, эти замечательные пальцы, творящие музыку и дарующие ласку.

10

Молва о том, что Марии Терезии понравилась игра детей, мгновенно распространилась по Вене. Теперь они получали столько приглашений, что им подчас приходилось выступать с концертами в домах знати и днем и вечером. Анна Мария боялась за здоровье детей, но Леопольд успокаивал: им только полезна столь бурная деятельность. Он был всем доволен и к тому же очень занят. Он писал в Зальцбург о своих успехах, и это приносило ему огромное удовлетворение. Ответ от Хагенауэра пришел очень скоро – тот уведомлял, что сообщил архиепископу хорошие вести, и они произвели должное впечатление, тем не менее его светлость интересуется вопросом, когда Моцарт пожелает обратно.

Спустя несколько недель после второго концерта в Шёнбрунне Леопольд снова уселся за письмо Хагенауэру; писал он весьма старательно, хотя и перо и чернила были из рук вон плохи.

«Уже после того, как я сообщил Вам о получении ста дукатов, императорский казначей известил меня, что ее величество намеревается пригласить детей выступать снова. А поскольку она принимала нас с добротой необычайной, я не считаю себя вправе огорчить ее. Поэтому, как я ни прикидываю, очевидно, раньше рождественского поста домой мы не вернемся. Если и удастся выехать отсюда через две-три недели – что невозможно из-за приглашения ее величества, – нам все равно придется ехать не спеша, – не дай бог, дети

переутомятся и расхвораются.

Вчера мы играли у французского посла, который любезно пригласил нас посетить Версаль и заверил, что его величество король Людовик XV придет в восторг от игры детей. Завтра между четырьмя и шестью мы играем у графа Гарраха, а между шестью и девятью – в доме канцлера графа Кауница. Граф Кауниц – самое влиятельное лицо при дворе и близок к императрице, поскольку является ее главным советником.

Теперь аристократы посылают нам приглашения за три, четыре, а то и за шесть дней вперед, чтобы заручиться нашим согласием. Главный почтмейстер граф Паар уже ангажировал нас на следующую неделю. Мы также выступали с концертами у Тунов, у графа Цинцендорфа, человека весьма близкого к императрице, который знает в Вене всех, у вице-канцлера графа Колоредо и у многих других. Все они очарованы детьми, восхваляют их игру и хорошие манеры. Женщины более восприимчивы к музыке, чем мужчины, и Вольферль имеет у них особенный успех. Они его балуют, а Вольферль, да хранит его господь, держится с ними как с давними знакомыми.

Мам каждый раз что-нибудь дарят; после подарка императрицы мы получили уже не одну сотню дукатов, хотя никто еще не сравнялся щедростью с ее величеством, и обычно мы получаем от десяти до двадцати дукатов за трехчасовое выступление. Так как мы обходимся одним-двумя дукатами в день – за исключением тех дней, когда приходится нанимать карету, – то вернемся домой с кругленькой суммой, и тогда я смогу вернуть деньги, которые Вы так любезно мне одолжили. Тут по-прежнему почти не поминают о войне с Фридрихом Прусским, а если и говорят, то о скором примирении, поскольку ни одна из сторон не может добиться победы.

Если бы Вы могли разузнать намерения его светлости относительно места капельмейстера, я был бы Вам глубоко обязан. Надеюсь, из дружеских чувств Вы выполните эту просьбу. Если выбор его светлости падет на кого-то другого, кто знает, может, планы мои и изменятся.

И все же я по-прежнему предпочитаю Зальцбург всем другим возможностям. Еще раз прошу Вас рассказать его светлости, которого мы каждодневно благодарим за любезно предоставленный нам отпуск, о том, какой мы здесь имеем успех. И сам император и наследник престола эрцгерцог Иосиф называют меня не иначе как зальцбургским капельмейстером, и все расточают похвалы за то, что я прославляю музыку двора его светлости, немало способствовавшую проявлению замечательного таланта Вольферля и Наннерль.

Ваш искренний друг Леопольд Моцарт».

Хагснаур тут же ответил. Место капельмейстера пока свободно, и, хотя архиепископ и доволен успехами Моцартов в Вене, он хотел бы знать, когда Моцарт вновь займет свое место.

Леопольд медлил с ответом. Мария Терезия прислала им приглашение присутствовать на торжественном обеде в честь ее детей, и он надеялся, что императрица предложит ему постоянное место в Вене. Но, хотя она приветливо встретила Моцартов, и особенно Вольферля и после обеда дети играли с эрцгерцогом Максимилианом и эрцгерцогинями Иоганной и Марией Антуанеттой, ни о музыке, ни о будущем никакого разговора не состоялось.

Разочарованный Леопольд не мог понять, что же произошло. На следующий день после обеда у императрицы он сел за письменный стол и занялся подсчетом своих финансов. Моцарты занимали в «Белом быке» самые просторные и лучшие комнаты: пока они прилично зарабатывают, но, как только приток денег прекратится, это станет пустой роскошью. Затем надо решить вопрос о покупке кареты. Кареты стоили недешево, и, кроме того, пришлось бы нанять кучера; с другой стороны, передвижение в карете сохранит здоровье детей.

Все же сумма испугала его, и он сказал вошедшей в комнату Анне Марии:

– Мне совсем не улыбается кормить лошадей и кучера, даже в те дни, когда я не

пользуюсь ими. Хотя, и то сказать, собственный выезд позволит сэкономить на чем-нибудь другом.

– Ты прав, Леопольд.

– И потом, за один месяц в Вене мы заработали столько, сколько я зарабатываю в Зальцбурге за год. – Он вдруг заметил, что жена его не слушает – это было совсем на нее непохоже. – Что случилось? – встревоженно спросил он.

– Меня беспокоит Вольферль. Он все время жалуется на усталость. Даже упражняться не захотел.

Леопольд оторвался от подсчетов:

– А ты не ошибаешься?

– Он играл сонату Скарлатти, ту новую, о которой только и говорил вчера, и вдруг остановился и сказал, что не помнит, как играть дальше.

– Где он?

– Я уложила его в кровать. Уговаривала уснуть, но он не спит.

Увидев у своей постели родителей, Вольферль попытался приподняться.

– Папа, простите, что я не мог доиграть сонату, по мне трудно сидеть. – И снова упал на подушки.

– У тебя что-нибудь болит? – спросил Леопольд.

– Мне то холодно, то жарко. И еще у меня всюду пятнышки.

Пятна были симптомом самой ужасной болезни, оспы. Леопольд постарался ничем не выдать охвативший его страх и с напускным спокойствием стал осматривать Вольферля. Пятна были красные, твердые и болезненные. Похоже на оспу. Леопольд содрогнулся от ужаса. Он уже слышал, что в Вене началась эпидемия оспы, знал он и грозные цифры; обычно заболело более половины населения города, большая часть заболевших умирала, а из выживших многие оставались рябыми на всю жизнь.

– Папа, я очень устал, – заплакал Вольферль.

– Сейчас примешь лекарство, и тебе полегчает. – Он дал ему порошки, помогавшие, как считалось, от всех болезней.

– Думаешь, поможет? – недоверчиво спросила Анна Мария.

Он пожал плечами, подумал с горечью: «*Homo proponit, Dea disponit*» и кинулся за лекарем, чтобы вконец не поддаться отчаянию.

Лекарь Франке только что окончил университет. Напустив на себя солидность, он объявил:

– Мальчик серьезно болен.

Сперва он посоветовал кровопускание, но, увидев, как перепугался Леопольд, решил обойтись без кровопускания, но прописал порошки и побольше питья, чтобы хорошенько очистить организм. Леопольд выполнил его указания, но Вольферлю стало хуже.

– Вы считаете, это оспа? – спросил Леопольд. Лекарь Франке принял важный вид.

– Все в руках божьих, – ответил он.

Лекарь Дессау был глубокий старик. Он непрерывно поправлял сползавший на лоб парик, ронял инструменты, и его очки были плохо протерты. Леопольд сомневался, разглядит ли лекарь сыпь на теле мальчика. Дессау тоже хотел сделать Вольферлю кровопускание, а когда Леопольд воспротивился, прописал еще какие-то порошки и питье. После того как Вольферль принял порошки, боли стали просто невыносимыми. И снова Леопольд спросил:

– Вы считаете, это оспа? Лекарь ничего не ответил и хотел поставить Вольферлю клизму, но Леопольд не разрешил – мальчика и так мучил сильный понос.

Вольферлю становилось все хуже, и Леопольд попросил графов Тун рекомендовать хорошего доктора. Графиня Тун знала отличного доктора по фамилии Бернгард, но, к сожалению, того не было сейчас в Вене; как только доктор вернется, она обещала прислать его к Моцартам.

Леопольду было ясно, что оба лекаря невежды, и он решил дождаться приезда доктора

Бернгарда, и никого больше не приглашать. Однако время шло, не принося Вольферлю облегчения, и у Леопольда не выходили из ума слова хозяина гостиницы, с которым он поделился своими сомнениями насчет искусства Франка и Дессау.

«Больше половины детей в Вене умирают до семи лет», – сказал ему тогда Отто Хейнц. И при этом пожал плечами, словно хотел добавить: «Чем ваш ребенок лучше других?»

Вольферлю не понравились лекари, которых приводил Папа. Они называли его болезнь непонятно, по-латыни, прописывали порошки и питье, от которых его непрерывно слабило и все тело ломило. Ему было стыдно, он знал, что не сможет играть и подводит Папу. После визита второго лекаря у него сильно разболелся живот, есть он совсем не мог. Мама уговаривала выпить немного бульону, но он бормотал:

– Мне не хочется.

– Надо непременно поесть.

– Не могу.

У Вольферля кружилась голова, от страха перехватывало дыхание, он не понимал, где находится. В ушах так звенело, что он ничего не слышал. Он не мог разглядеть Маму и вдруг страшно испугался, что никогда больше не увидит ее. Кто-то что-то говорил Вольферлю, но он не понимал ни слова и не мог разобрать, кто же перед ним. В бредовом кошмаре ему представилось, что он сидит со связанными руками за клавесином, а со всех сторон его обступают клавесины без клавиш, которые ухмыляются, Смеются над ним. И вдруг он почувствовал, что руки у него свободны, только клавиш так и не было.

Жар немного спал: это Мама, едва касаясь, обтирала влажной салфеткой его лицо и нежно нашептывала:

– Спи, дорогой, усни, мой мальчик.

А что, если он заснет и никогда не проснется, подумал Вольферль. Мама все повторяла ласковые слова, а он боялся уснуть. Ужасное предчувствие, что он никогда не проснется, охватило его. Впервые он испугался смерти и понял, что это такое. Ему не раз говорили: смерть унесла его маленьких братьев и сестер, но прежде это были пустые слова. Неужели им было так же больно, неужели их мучили перед смертью такие же кошмары, неужели никогда больше он не сядет за клавесин? От страшной мысли Вольферль расплакался.

– Милосердный боже, оставь мне хоть этого, – всхлипывала Мама.

Вольферль почувствовал себя лучше, когда увидел возле кровати Наннерль, хотя сестра тоже выглядела больной, бледной и испуганной. Он потянулся обнять Наннерль, но она отстранилась. Он не знал, что ей запретили приближаться во избежание заразы. Вольферлю опять стало хуже, он снова впал в беспамятство, звал: «Папа, спасите меня, спасите!» Но Папа не откликнулся. Придя в себя, он услышал, как Пана говорит Отто Хейнцу: Надо позвать священника.

Вид у Папы был ужасный.

Хозяин уже собирался выполнить просьбу Папы, когда приехал доктор Вервгард. Доктор Бернгард, профессор медицины в Венском университете, словно излучал спокойствие. Он не стал сразу осматривать мальчика, а сперва ласково заговорил с ним, спросил, что болит, в каком месте, как сильно и когда заболело. Доктор не выказывал ни малейшей тревоги, пока не познакомился с рецептами двух первых лекарей. «Глупцы», – пробормотал он и принялся осматривать Вольферля.

– Может, послать за священником? – в отчаянии спросил Леопольд.

– Но надо.

– Вы уверены?

– Уверенным быть ни в чем нельзя. Но хоронить его еще рано.

– Это оспа?

– С чего вы взяли? – Доктор вдруг рассердился.

– А эти пятна. И потом, у него неблагополучно с почками.

– Еще бы! Ведь этот шарлатан прописал ему не те лекарства. Нет, это не оспа.

– А что же тогда, доктор?

На лице Папы появились краски.

– Возможно, скарлатина в легкой форме. Я приеду завтра. Сейчас мальчику важнее всего сон. – Он дал Вольферлю снотворное, ребенок успокоился и тут же уснул.

Кошмары исчезли. Во сне Вольферлю явилась Мария Антуанетта. Она говорила, что терпеть не может играть упражнения на клавесине, чем немало его озадачила. Но когда она попросила его сыграть, он сразу приободрился. Оказалось, играть он может, клавесины-уроды куда-то исчезли, перед ним стоял клавесин с чудесными клавишами.

Пробудившись на следующий день, Вольферль не увидел ни Марии Антуанетты, ни клавесина, зато доктор Бернгард улыбался, и Вольферль почувствовал, что все настроены гораздо бодрее.

Через неделю исчезли сыпь, боли и ломота, а вместе с ними исчезли и сны. Все очень радовались его выздоровлению, и Вольферль постеснялся сказать, до чего ему жаль, что он больше не видит во сне Марию Антуанетту. Утешила лишь мысль, что скоро их опять пригласят играть к императрице, где он увидит ее.

Но приглашения не последовало. Заболела эрцгерцогиня Иоганна, сказал доктор Бернгард, и императрица отменила все развлечения. Вольферль был разочарован. И еще он расстроился, узнав, что выступления одной Наннерль не привлекают внимания. Однако и после выздоровления Вольферля они не получили приглашения выступить в домах придворной знати.

Доктор Бернгард отказался от платы, но пришел в восторг, когда дети в знак благодарности предложили выступить у него в доме. Он пригласил нескольких друзей – цвет венской интеллигенции, и все пришли в восторг. А Леопольд, сидя в уютной, хоть и неприятельной гостиной доктора и слушая слаженную игру детей, думал о том, что пути обратно для него нет, какие бы трудности и неудачи не ждали впереди.

Затем Вольферль играл соло. Сонаты Скарлатти, до чего же певучи эти маленькие сонаты! Даже с закрытыми глазами ми Леопольд мгновенно определил бы, что играет их Вольферль.

Насмехайтесь, называйте меня честолюбцем, но разве кто-нибудь догадывается, о чем я мечтаю? Люди говорят, что для меня не существует иллюзий, кроме созданных собственным воображением. Всемогущий боже, сделай моего сына своим рупором, обратись через него к сердцам людей. Боже милостивый, отпусти ему время – пусть сумеет он тронуть их сердца. Тронуть своей музыкой.

У ноябрьского ветра за окном была своя неповторимая песнь, пусть же будет собственная песнь и у его сына.

Анна Мария внимательно следила за Вольферлем, боялась, как бы он не переутомился. Когда доктор Бернгард похвалил дарование детей, она порывисто спросила:

– Как, по-вашему, он достаточно окреп, может выступать?

– Долго играть не надо.

– Скажите, доктор, не грозят ли ему осложнения? Доктор Бернгард задумался, не хотелось тревожить ее. Но матери лучше знать правду, решил он, и сказал:

– Неправильное лечение повредило почкам, но, если мальчик не подхватит еще какую-нибудь серьезную болезнь, все постепенно придет в норму.

– Болезнь была опасная, доктор? Бернгард промолчал.

– Он мог умереть?

– Но ведь не умер же, госпожа Моцарт. И мы должны быть благодарны господу. И потом, он необыкновенный ребенок.

В таком случае можно ли его подвергать опасности? В ноябре резко похолодало. Анна Мария смотрела на Леопольда, подсчитывавшего дукаты, и в душе молила мужа: "Поедем домой!"»

Получим приглашение от графа и графини Тун, Леопольд сразу отложил отъезд в Зальцбург и, преисполнившись надежд, дал согласие. Однако на концерте не присутствовал никто из венской знати, кроме графа Пальфи. После концерта граф Пальфи заверил

Леопольда, что дети играли даже лучше, чем прежде.

– Если бы вы могли рассказать об этом другим, – сказал Леопольд.

– Нельзя винить людей за то, что они избегают ребенка, болевшего заразной болезнью, – заметила Анна Мария.

– Но ведь Вольферль болел не оспой, – настаивал Леопольд.

Он и Анна Мария сидели за кофе с графиней Тун и графом Пальфи, а Вольферль и Наннерль играли в карты с племянниками и племянницами Тунов.

– Надо посмотреть правде в глаза, господин Моцарт, – сказала графиня, – ваша жена права.

– Значит, аристократия опасается рябинок и сыпи?

– Конечно. А разве вы их не боитесь?

– Но ведь у него признали скарлатину, и то под сомнением.

Наступило молчание, затем граф Пальфи сказал:

– Мы вам верим.

– Значит, боязнь заразы – причина холодности императрицы?

– Причина, скорее всего, в том, что ее дочь Иоганна больна тифом.

Леопольд содрогнулся.

– Но ведь тиф почти всегда смертелен.

– Мало кто знает, что у нее тиф, – печально пояснил граф Пальфи, – но моему отцу, канцлеру Венгрии, сообщили, чем она больна.

– Императрица известна своей любовью к детям, но отнюдь не к музыке, – заметила графиня.

– Однако ее величество оказывала поддержку Вагензейлю, Глюку и многим другим, – возразил Леопольд.

– Когда ее это устраивало, – ответила графиня Тун. – Не следует полагаться на монаршью милость. Рано или поздно все приедается и находятся новые фавориты. Ваши дети на мгновение очаровали всех, стали главной сенсацией Вены, а теперь их сменил цирк, самый обыкновенный цирк с марионетками, фокусниками, музыкальными игрушками и большим зверинцем.

Увидев огорченное лицо Леопольда, граф Пальфи сказал:

– Вам нужно поехать с детьми в Венгрию. У нашей семьи там много друзей.

– Благодарим вас, ваше сиятельство, – сказала Анна Мария, – но нам пора возвращаться в Зальцбург.

Леопольд нахмурился.

– Это еще успеется, – сказал он, – мы подумаем о вашем предложении, ваше сиятельство.

Во время поездки по Венгрии граф Пальфи сам представлял детей аристократии, называл их вундеркиндами, однако стояла такая плохая погода, что мало кто решался покинуть свой кров ради концерта. Путешествие оказалось трудным. Изрытые глубокими колеями дороги обледенели. Ночевать приходилось на постоялых дворах, что тоже грозило опасностью. Уборные зачастую вовсе отсутствовали, и разрешить этот вопрос бывало иногда сложнее, чем устроить концерт. Они забыли о чистых простынях и часто спали не раздеваясь, чтобы хоть как-то уберечься от насекомых. Даже Леопольд страдал от отсутствия удобств, от ветра, дождя и холода, обострившего его ревматизм.

После нескольких недель, проведенных в Венгрии, Вена показалась им сущим раем.

Но вопреки надеждам Леопольда ни одного приглашения в Вене они не получили. Он ждал, что их призовет к себе императрица, ведь время показало, что болезнь Вольферля не заразна, но и этого не произошло. Совсем недавно, хотя ее пользовали лучшие врачи, скончалась от тифа эрцгерцогиня Иоганна, по императорскому указу двор облачился в траур, и все развлечения отменили.

В конце декабря, спустя почти четыре месяца после того как Леопольд получил в Зальцбурге полуторамесячный отпуск, Моцарты распрощались с графом и графиней Тун,

графом Пальфи и доктором Бернгардом и тронулись в обратный путь.

Леопольд уезжал, гордый приобретенным опытом и заработанными дукатами, но Анна Мария и Наннерль, забившиеся в самый угол дилижанса, дрожали от холода, а Вольферль с тоской смотрел на исчезающие вдали стены города.

Он было совсем опечалился, но Папа уверил его, что они еще вернутся в Вену. Воспоминания о Вене претворились в звуки разных голосов. Мария Антуанетта... Графиня Тун... Граф Пальфи... Мария Терезия... Доктор Бернгард... Господин Вагензейль... Опера. Голоса – зовущие, поющие, убаюкивающие. Он слышал их, несмотря на грохот тяжелой кареты, – эти звуки звали его назад.

11

Как только Вена осталась позади, карета покатила по замерзшей, твердой как камень дороге. Дилижанс, на котором Леопольд в целях экономии решил возвращаться в Зальцбург, продувало насквозь. Вольферль вскоре озяб и перестал различать голоса – разве только скрип колес да тяжелый топот лошадей.

– Через два-три дня мы будем дома, – объявил Леопольд. Но Анна Мария усомнилась, и действительно, лишь через неделю они увидели знакомые места.

Они ехали и ехали на запад, у всех от холода потрескались губы и замерзли уши, и Анна Мария молила: «Смилуйся, боже, мы но вынесем еще одной ночи в грязной холодной гостинице!», когда вдруг увидела Унтерсберг и сразу повеселела. Но сумерки уже окутывали горы, и Анна Мария снова забеспокоилась: в зимнюю пору так быстро темнеет. Дорога спускалась под гору, и лошади взбодрились, словно почуяли впереди теплое стойло и отдых. Они бежали наперегонки с быстро надвигающейся темнотой. Вот они уже в Зальцбурге и едут по мосту через скованную льдом речку Зальцах. Сердце у Анны Марии забилось от радости, когда она увидела двойной шпиль собора в свете заходящего солнца. Леопольд, обычно такой сдержанный, тоже вздохнул с облегчением. На лице его было ясно написано: «Пусть теперь свирепствует зима – мы дома и по-прежнему вместе». «И давно пора», – подумала Анна Мария. Небо совсем потемнело, когда они подъехали к дому на Гетрейдегассе. Даже в темноте Зальцбург показался им прекрасным.

При виде их Тереза разрыдалась.

– Что случилось? – спросила Анна Мария. Столь бурное проявление чувств поразило ее.

– Вы мне ни разу не написали.

– Да ведь ты не умеешь читать!

– Господин Хагенауэр прочел бы ваши письма. Все смущенно молчали.

– Вы даже не передали мне привета, не спросили, как я живу.

Что правда, то правда, однако Леопольд решил отместить обвинение:

– Мы были очень заняты, – сказал он.

Но только когда Вольферль взял Терезу за руку и сказал: – Мы все ужасно любим вас, Терезь, – и потянулся поцеловать ее, служанка утерла слезы.

– Неужто ты сидел на коленях у императрицы и целовал ее? – спросила Тереза.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Анна Мария.

– В Зальцбурге все только и говорят об этом. Он и вправду ее поцеловал?

– Да, – подтвердил Леопольд. – При дворе он был всеобщим любимцем, и Наннерль тоже. Мария Терезия относилась к ним, как к родным детям.

Тереза посмотрела на Вольферля: те же пухлые щечки, широкий лоб, нежная кожа, ничуть не изменился и не вырос и все же стал совсем другим. В нем появилась уверенность, и ей вдруг почудилось, что она чего-то лишилась.

– Он уже больше не ребенок! – в отчаянии воскликнула служанка. Тереза считала себя полноправным членом семьи: она служила у Моцартов со дня рождения Наннерль, но любила больше Вольферля, хотя и скрывала это.

– А как насчет обеда? – осведомился Леопольд. Он не одобрял подобных излишних чувств, Тереза должна знать свое место.

– Господин Хагенауэр прислал нам форель.

Леопольд очень любил форель, водившуюся в озерах Залкаммергут, однако из предосторожности отнесся к этому сообщению сдержанно: Тереза, чего доброго, разойдется так, что ее не остановишь.

Он послал Наннерль к Терезе на кухню, а сам помог Анне Марии переодеть Вольферля. Затем все уселись за стол. О таком вкусном обеде они уж и думать забыли; Анна Мария обрела прежнее доброе расположение духа и смешала всех до слез.

На следующий день Леопольд получил приказание явиться к графу Арко. Гофмейстер желал знать, почему Моцарт затянул свой отпуск до четырех месяцев: его светлость весьма недоволен.

– Все из-за болезни, ваше сиятельство. Прошло несколько недель, прежде чем Вольферль окончательно оправился.

– Неужели так долго? – Граф Арко явно не верил.

– И потом у меня самого был приступ ревматизма и подагры.

– Я слышал, мальчик тяжело болел. Оспой?

– Нет, ваше сиятельство! У него не было ничего серьезного. Он обласкан императрицей. Вся Вена изумлялась его игре, и ее величество тоже.

– Ну, это покажет будущее. Вы уверены, что мальчик полностью здоров?

– Здоров, как мы с вами.

– Тут не должно быть и тени сомнения. Через месяц состоится торжественный концерт по случаю дня рождения его светлости, которому исполняется шестьдесят пять лет, и архиепископ желает, чтобы дети выступили перед ним с той же программой, что и перед императрицей. Но его светлость опасается, как бы все при дворе не перезаразились.

– Опасности нет никакой, разве что кое у кого от восторга закружится голова.

– Будем надеяться. Вам придется по-настоящему блеснуть, если хотите, чтобы его светлость забыл о вашем неповиновении.

– Ваше сиятельство, а кто будет дирижировать оркестром? – Теперь-то он узнает, кого назначат капельмейстером.

– Никто. Оркестра на торжественном концерте не будет. До свидания, Моцарт.

Леопольд не знал, что и думать, а друзья, собравшиеся отпраздновать день рождения Вольферля, которому исполнилось семь лет, окончательно сбили его с толку. Шахтнер считал, что концерт решит вопрос о новом капельмейстере; Буллингер утверждал, что все в руках божьих; Хагенауэр заявил, что концерту не придадут никакого значения, капельмейстер уже назначен, правда, неизвестно кто именно, а Венцель не сомневался: выбор падет на Леопольда, поскольку он лучший музыкант Зальцбурга.

Не выразил никаких предположений на этот счет лишь один гость, Михаэль Гайдн, его привел с собой на празднества Шахтнер. Леопольд, заинтересовавшись возможным соперником, выяснил, что Михаэлю Гайдну двадцать семь лет, он младший брат композитора и дирижера Иосифа Гайдна, служившего капельмейстером у богатейшего венгерского аристократа князя Эстергази. Михаэль Гайдн и сам славился как даровитый исполнитель и композитор.

Правда, больно уж этот Михаэль Гайдн неказист, думал Леопольд. Молодой человек был невысок и тщедушен, коротконогий, смуглый, у него был большой, широкий нос и застенчиво-печальное выражение лица. Гайдн непрестанно потягивал вино, и Леопольд даже опасался, как бы он не захмелел. Но когда Гайдн вместе с Леопольдом, Шахтнером и Венцелем исполнял струнный концерт собственного сочинения, музыка звучала удивительно мелодично, а сам он играл на редкость точно и выразительно.

А ведь Гайдн, за исключением Вольферля, играет лучше всех нас, отметил Леопольд и сам удивился. Он понимал, что мальчик уже превзошел его самого, но сейчас это открытие почему-то не радовало, а печалило его. Однако любовь к сыну пересилила, и Леопольд

подавил в себе зависть.

Позднее Гайдн обсуждал с Вольферлем свое произведение, и Леопольд с трудом сдерживался. Уж что-что, а педагог он в Зальцбурге лучший, какими бы там талантами ни обладали другие. Когда Гайдн снова взялся за вино, Леопольд резко заметил:

– Вам, Гайдн, Зальцбург должен нравиться. У его светлости лучший винный погреб в княжестве.

Гайдн кинул удивленный взгляд, но промолчал.

– Леопольд, правду говорят, что людей, переболевших оспой, потом месяцами не допускали ко двору? – спросил Буллингер.

– Никто из нас не болел оспой. Просто Вольферль сильно переутомился.

– А я болел оспой, – спокойно сказал Гайдн, указывая на едва заметные рябинки на щеках. – И мой брат Иосиф тоже болел. И вот выздоровели.

Глупо делать такие признания, подумал Леопольд, что там ни говори, а болезнь оставляла страшную отметину на всю жизнь: очень часто люди, изуродованные оспой, запирались до конца дней в монастырях.

Квартет Гайдна был сыгран, а Вольферлю казалось, что воздух все еще полнится несыгранными звуками и созвучиями. Только не знал, как ему выразить это чувство. Звуки выстраивались в стройную процессию, и ему страстно хотелось записать их, чтобы и другие могли услышать. Нужно записать непременно. Неужели никто, даже Папа, не слышит витающей вокруг музыки?

Он тотчас же запишет эти звуки, иначе они бесследно исчезнут. В голове звучали и гайдновские мелодии, легкие и грациозные, с трогательной нежностью перекликающиеся между собой, – их тоже необходимо было сохранить в памяти. Папа должен понять его, по если и не поймет, все равно он непременно точно запишет все мелодии и Гайдна и свои. Гости обсуждали предстоящий концерт, а Вольферль мечтал о мере и чернилах. Сейчас это было для него самым важным.

Леопольд остался доволен сонатой для клавесина, сочиненной Вольферлем. Ему понравились ее стройность и ясность; однако он досадовал, что в музыке явственно слышался Михаэль Гайдн, хотя, признаться, Вольферль проявил хороший вкус в выборе объекта для подражания. Произведения Гайдна отличались изяществом и выразительностью, недоступными даже Эберлину. Но досада не проходила – в музыке сонаты не было ничего от самого Леопольда. Он не позволит Вольферлю играть ее перед архиепископом. Как бы его светлость не заметил влияния Михаэля Гайдна.

Торжественный концерт состоялся в Конференцзале. Один внутренний голос шептал Леопольду, что это говорит о признании их венских триумфов, другой напоминал, что день рождения его светлости является как-никак событием государственной важности.

Так или иначе, Леопольд был доволен выбором зала. Его восхищал Конференцзал, особенно подходящий для музыкальных вечеров. Это был лучший зал Резиденции, превышавший размерами Рыцарский зал и почти квадратный, что, по мнению Леопольда, было идеально с точки зрения акустики; белые стены зала украшала лепка, пол был паркетный из орехового дерева, а входом служила высокая арка из унтерсбергского мрамора, изваянная в 1519 году.

Правда, после Шенбрунна зал уже не производил на Леопольда прежнего впечатления. Остальные члены семьи, видимо, испытывают то же чувство. Анна Мария и Наннерль были совершенно спокойны, а Вольферль держался увереннее обычного. И все же событие было огромной важности; в зале собрались придворные, а, возвещая появление его светлости, герольд перечислил все пышные титулы архиепископа.

Перед началом концерта архиепископ знаком подозвал к себе Моцарта.

– Ну как поживает наш юный талант, – спросил он, – Совсем оправился после болезни?

– Вольфганг прекрасно себя чувствует, ваша светлость.

– А что у него было?

– Ревматизм, ваша светлость.

– Мне говорили, скарлатина.

– Если и скарлатина, то в очень легкой форме, ваша светлость. Вот императрицу, да хранит ее господь, постигла настоящая беда. Эрцгерцогиня Иоганна, которая так любезно водила Вольфганга за руку по детским покоям дворца, скончалась в декабре совсем в юном возрасте.

– Императрица принимала вас несколько раз?

– Три раза, ваша светлость. Она весьма благоволила к Вольфгангу.

– Мне говорили, ей очень понравилась игра мальчика.

– Вы очень добры, ваша светлость, – смиренно поблагодарил Леопольд. Может быть, место капельмейстера еще не потеряно! – Во славу Зальцбурга мы не щадили сил. И Вольфганг всем понравился.

– Не сомневаюсь.

Уж не кроется ли насмешка в словах архиепископа, подумал Леопольд, но лицо его светлости было непроницаемо.

– Ваша светлость, – сказал Леопольд, – мы искренно благодарны вам за милостивое разрешение показать миру, на что способен Зальцбург в области музыки, мы сделали все от нас зависящее, чтобы преуспеть в этом.

Шраттенбах, проводивший в Зальцбурге строжайшую экономию, подумал, что, за исключением аристократов, Моцарты одеты лучше всех. Надо будет пересмотреть жалованье музыканта, решил он, слишком уж Моцарт ненадежен, а получает изрядно. С другой стороны, стоит ли удивляться непоседливости скрипача, ведь в конце концов все музыканты – обыкновенные бродяги.

– В Вене все высокопоставленные особы, даже император и эрцгерцог Иосиф, признавали, что музыка при дворе вашей светлости стоит на большой высоте, раз там вырастают такие замечательные таланты.

– Мне это известно. У нас есть в Вене друзья. – Архиепископ говорил сдержанно, но улыбка, с которой он подал знак начинать концерт, была вполне благосклонна.

Концерт окончился, и Леопольд подумал, что Вольферль – самый лучший исполнитель, а Лолли – самый плохой.

Желая показать, что и он разбирается в музыке, архиепископ заметил:

– У мальчика удивительные руки. На них приятно смотреть, они никогда не спешат, и в то же время быстрые пассажи получаются у него так же хорошо, как и медленные. – Он взял Вольферля за руку, что было большой честью, и добавил: – Какие у него сильные кисти. Теперь я понимаю, почему императрице понравилась его игра.

Затем архиепископ сделал знак графу Арко. Леопольд сильно ошибался, думая, что концерт этот решит его судьбу. Капельмейстер был уже назначен.

Граф Арко официальным тоном объявил:

– Вице-капельмейстер Джузеппе Лолли назначается на должность капельмейстера, Леопольд Моцарт назначается на должность вице-капельмейстера, Михаэль Гайдн – на должность помощника капельмейстера.

Обида Леопольда еще более возросла, когда он увидел Лолли, победоносно шествовавшего по залу, – ведь Лолли совсем не умеет играть на скрипке, непрерывно сбивается с темпа. Гайдн отнесся к назначению с полным безразличием, ЧТО немало удивило Леопольда. Сам он чувствовал себя невинно пострадавшим, все его существо взывало: «За что? За что?»

Шахтнер поспешил к нему со словами утешения. Присоединился в Буллингер, напомнивший Леопольду, что его ведь повысили в должности, но, поскольку Лолли был раньше вице-капельмейстером, выбор, естественно, должен был пасть на него.

Леопольд пожал плечами:

– Этого следовало ожидать, ведь я не итальянец.

– Но вы находились в отъезде, – снова напомнил Буллингер, – а Лолли сидел на месте.

– Это могло повлиять? – спросил Леопольд. Пожалуй, это обстоятельство сыграло

решающую роль, вдруг сообразил он.

– Возможно, его светлость не считает вас надежным человеком.

– Дорогой Буллингер, я непременно остался бы здесь, знай я, что меня ценят.

Священник недоверчиво улыбнулся и промолчал.

– Каковы ваши дальнейшие планы? – спросил Шахтнер.

– А какие могут быть планы? Пойду поблагодарю его светлость за повышение.

– Ну, а потом? – настаивал Шахтнер. – Что потом? Ведь вы же не останетесь в Зальцбурге. Город вовсе не славится своей музыкой, а ведь Вольферль день ото дня играет все лучше.

Леопольд молчал, не желая выдавать себя. Анна Мария начала было выражать сочувствие, но он резко оборвал жену, сказав, что не придает этому никакого значения. Хорошо еще, что Вольферль и Наннерль не понимают до конца всей глубины его унижения.

Вольферль заметил, как побледнел Папа, когда граф Арко объявил о назначении нового капельмейстера. По тому, как быстро и отрывисто разговаривал Папа, он догадался, что Папа огорчен. А его светлость по-прежнему ничего не понимал в музыке. Лолли все время фальшивил, и Гайдн играл совсем не так легко и вдохновенно, как у них дома; можно подумать, что ему все равно, а ведь когда играешь, нельзя, чтобы было все равно. И все-таки архиепископ аплодировал им обоим.

Когда его светлость взял Вольферля за руку, мальчику это не понравилось: руки у архиепископа были потные, мягкие и вялые. Все считали архиепископа святым человеком, но Вольферль почему-то не верил. Мама учила: святые люди скромно одеваются, говорят тихо и мало едят. Архиепископ же носил роскошные одежды и ел и пил так же неумеренно, как Гайдн. И голос у него был совсем немзыкальный – пронзительный и громкий.

Вольферль слышал, как Шахтнер шепнул Буллингеру:

– Его светлость ведет себя так, будто десять гульденов прибавки к жалованью разорят его, а этот банкет, должно быть, обошелся не в одну сотню.

– Ему-то что! – ответил Буллингер. – В этом году его доход составит чуть ли не двести тысяч гульденов плюс двадцать тысяч на личные нужды. Я думаю, лишние расходы ему нипочем.

Вольферль не понимал, что значат все эти цифры, ясно было одно – все вокруг придавали деньгам большое значение и именно из-за них относились к его светлости с особым почтением. Но он позабыл обо всем, когда к нему подошел Михаэль Гайдн и сказал:

– Вольфганг, мне очень нравится твоя техника. У тебя отличный удар. Ты прошел хорошую школу.

Вечером, когда все улеглись спать, Леопольд на цыпочках прошел в гостиную и сел в свое любимое кресло. Можно ли ставить крест на своей карьере, спрашивал он себя. Мысль эта причиняла сильную боль, но он никак не мог от нее отделаться. Леопольд подошел к окну: Лохельплац была погружена во мрак. Леопольд долго стоял в раздумье и неожиданно обнаружил, что плачет. Он и не помнил, когда плакал в последний раз, и вдруг испугался – что, если кто-нибудь увидит его плачущим? Бедняга Леопольд, сказал он себе, закрывая ставни, ах ты, бедняга!

Увидев на пюпитре последнее сочинение Вольферля – сонату, написанную в манере Гайдна, – Леопольд подумал, что Гайдн, конечно, неплохой композитор, но в мире есть и другие, лучше его. Он вновь стал строить планы. И невольно усмехнулся, вспомнив, как Шраттенбах неустанно твердит о духовном богатстве своего княжества, а сам экономит на музыке деньги.

Вскоре после окончания Семилетней войны между Австрией и Пруссией и между Францией и Англией, когда в Европе впервые за много лет воцарился мир, Леопольд испросил разрешения на поездку с концертами по Германии, Франции и другим странам, расположенным к западу от Зальцбурга.

На этот раз архиепископ без проволочек дал Леопольду отпуск, но при одном условии. В случае необходимости Моцарт может отсутствовать даже год, но жалованья за это время

получать не будет. Это увеличивало риск, однако Леопольд снова условился обо всем с Шахтнером, Буллингером и Хагенауэром. Анна Мария говорила, что путешествие окажется изнурительным, повсюду свирепствуют страшные болезни, от которых так трудно уберечься, что они по-прежнему будут всецело зависеть от капризов случайных покровителей, возможно, куда более неприятных, чем его светлость. А Леопольд ответил:

– Нам нельзя останавливаться. Мы не имеем права почтить на лаврах.

Затеянная им гастрольная поездка требовала смелости и находчивости, но сознание этого лишь воодушевляло Леопольда и рассеивало мрачные предчувствия.

Девятого июня 1763 года Моцарты выехали из Зальцбурга. Весна в тот год стояла дождливая, но день их отъезда выдался ясным. Южный ветер был напоен нежным ароматом цветов. Анна Мария с грустью покидала город, но Леопольд и дети были полны ликования. Леопольда нимало не задело, что его светлость отбыл в охотничий домик в горах, видимо желая подчеркнуть свое безразличие к отъезду Моцартов. У Леопольда была теперь собственная карета и слуга – девятнадцатилетний Себастьян Винтер. На этот раз они гораздо лучше подготовились к поездке. Обычно скептически настроенный Леопольд с надеждой смотрел в будущее.

После их возвращения из Вены, вспомнилось Вольферлю, все говорили: «Ты, наверное, рад вернуться домой», а он вовсе не был рад. Вена полна неожиданностей, а в Зальцбурге он все знает наизусть, особенно когда дело касается музыки, здесь ему было скучно. Теперь они едут в Париж и, может быть, даже в Лондон. Никто еще не скучал в этих прославленных городах! Папа прав. Они добьются успеха.

Итак, Моцарты ехали побеждать мир. Наннерль не было еще и двенадцати, а Вольферлю – семи с половиной.

Часть третья. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЕВРОПЕ

12

Когда Моцарты покидали Зальцбург, той же дорогой, по которой много лет назад восемнадцатилетним юношей а город пришел Леопольд, полный надежд одолеть в университете право и богословие – науки, так и не постигнутые им до конца, – Анна Мария все еще находилась во власти сомнений.

– Дети еще слишком малы, чтобы понять, сколько опасностей таит в себе это путешествие, – сказала она Леопольду, – но я-то не ребенок.

А Леопольд ответил, стараясь скрыть собственные опасения:

– Чтобы добиться признания, я бы повез их даже в Америку.

После нескольких часов пути сломалась карета, которую с такой тщательностью выбирал при покупке Леопольд. Треснуло заднее колесо. Кучер рывком остановил тяжело груженный экипаж. Соскочив с козел, он стал успокаивать перепуганных лошадей, а Леопольд, проклиная обнищавшего дворянина, который продал ему неисправную карету, приказал всем поскорее выйти, пока колесо совсем не рассыпалось.

Для Вольферля это было забавным происшествием, но Наннерль испугалась, да и Анна Мария ужасно расстроилась. Может, она была права, считая поездку безумием, подумал Леопольд. Многие друзья предостерегали его, и он был готов к трудностям, но кто мог подумать, что беды свалятся на них так скоро! Он устал на сломанное колесо, пытаясь справиться с мыслями и решить, что делать дальше. Поблизости не видно никаких селений. До Мюнхена – цели их путешествия – далеко, а до ближайшей деревушки Вассербург – несколько часов пути.

Леопольд обратился за советом к кучеру – уж кто-кто, а он повидал на своем веку немало, – но кучер, которого они наняли везти их до Мюнхена, насмешливо посмотрел на колесо и заявил:

– Да разве его починишь!

– Как же быть?

– Колесо новое нужно, вот что, – сказал кучер и пошел за травой для лошадей.

Слуга Себастьян Винтер отправился в кусты.

– Мало того, что приходится платить за прокорм лошадей, да и кучеру, – ворчал Леопольд, – еще и слуга страдает несварением желудка.

Но Себастьян вернулся с доброй вестью. В поисках укромного местечка он набрел на мельницу, и у хозяев оказалось в запасе колесо. Мельник готов был с ним расстаться, правда, за двойную цену.

Леопольд, твердо решивший не дать себя больше обманывать, сообразил, что колесо мало для кареты. Однако выбора не было. Приходится благодарить и за это, сказал он Анне Марии, настаивавшей на возвращении в Зальцбург. Леопольд заплатил за колесо, и тут выяснилось, что колесо не держится на оси, пришлось срубить деревце и примотать к оси чурбачок, чтобы колесо не соскочило по дороге. От кучера и Себастьяна толку было мало, и Леопольд сам произвел починку. В конце концов тронулись в путь, хотя карета угрожающе кренилась набок.

Черепашьим шагом потащились в Вассербург; Леопольд со слугой шли рядом с каретой из опасения, что новое колесо не выдержит большой нагрузки.

Вассербург оказался крошечной деревушкой рядом с древним замком и с еще более древним трактиром. Замок пустовал. Во всей округе не оказалось ни единого дворянина, который захотел бы послушать их игру и приютить на ночь. Такого скверного трактира Леопольд в жизни не видел. Но когда он заикнулся, что хочет ехать дальше в Мюнхен, ему сказали, что путешествие займет всю ночь, дорога не освещена и не охраняется и даже шпага не спасет его от разбойников, которыми с наступлением ночи кишит округа. Новое колесо еле держится, заявил кузнец, и потребуются не меньше суток, чтобы надежно починить карету.

В трактире им подали копченую телятину, черствый хлеб и дрянное вино. Тесные комнатухи не отапливались.

В ту ночь никто не спал, а на следующий день даже Вольферль начал капризничать. Хотя на дворе стоял июнь, мальчик совсем заоченел, и пальцы у него не сгибались. Починка кареты займет еще один день, объявил кузнец.

Утомленный Вольферль по совету Мамы лег в постель, безуспешно пытаясь уснуть.

Но тут Папа принес интересную новость. В местной церкви он обнаружил отличный орган. Вольферль мигом ожил. Вместе с Папой он поспешил в церковь и очень удивился, когда на лице у Папы отразилось смущение.

– На этом органе можно играть только с педалью. А ты никогда на органе с педалью не играл. Ты ведь не пользовался педалью, когда играл в Иббсе.

– А ты научи меня.

– У тебя ноги не дотянутся до педали.

– Я могу играть стоя.

Он никак не мог понять, почему Папа смотрит на него с недоверием. И почему Папа вдруг так удивился, когда, внимательно выслушав его объяснения, Вольферль отодвинул прочь табурет и заиграл стоя, одной ногой нажимая на педаль. Педаль помогала игре, а вовсе не мешала! Благодаря педали звуки обрели особую густоту и выразительность. Вольферль был в восторге от того, что и ноги его могли участвовать в создании чудесной музыки. Пальцы на руках совсем согрелись.

Папа сказал Маме:

– Он управляется с педалью так, будто учился этому прежде. – И Мама очень удивилась, а Вольферль недоумевал: что же тут странного – раз орган с педалью, значит, он должен уметь ею пользоваться.

Карету починили, и Леопольд, выслушав заверения кузнеца, что она теперь совсем как новая, сказал Анне Марии:

– Поломка обернулась для нас удачей. Бог вновь явил нам свою милость, позволив Вольферлю так быстро научиться пользоваться педалью.

Однако тут же Леопольд решил: не следует полагаться на одну милость божью. Приехав в Мюнхен, он занял комнату в лучшей гостинице и поместил на столбцах самой известной газеты объявление, составленное в форме письма венского музыкального критика:

«Любители музыки! Я рад сообщить вам новость, которая в скором времени приведет в восхищение как всю Германию, так и более далекие страны. Я говорю о двух детях зальцбургского капельмейстера, знаменитого Моцарта. Представьте себе девочку одиннадцати лет, которая исполняет на клавинофорте и клавесине труднейшие сонаты удивительно точно, с невероятной легкостью и большим вкусом. Одно это способно привести в изумление публику.

Но вы изумитесь еще больше, когда за клавесин сядет семилетний мальчуган – он играет не как дитя, а как взрослый мужчина. Представьте себе, он может часами импровизировать и аккомпанировать с листа. Признайтесь, такое невозможно себе представить. И тем не менее это истинная правда. Более того, я видел, как он закрывал клавиатуру платком и играл так, словно видел клавиши. Я видел и слышал, как отдельные ноты брались на всевозможных инструментах, а он без запинки называл их из соседней комнаты. А когда звонил колокол или били часы, он мог немедленно определить тональность.

Эти удивительные дети дважды выступали перед императрицей, а также давали концерты принцам и принцессам императорской семьи. Их приглашали самые высокопоставленные лица, и всюду они получали в награду замечательные подарки».

Леопольд исподволь выяснил, где находятся дома аристократов, и, узнав, что князь фон Цвейбрюкен, которому он был представлен в Вене, проживает в Нимфенбургском дворце – летней резиденции баварского курфюрста Максимилиана III, слышавшего игру детей еще до венских триумфов, – отправился туда. Всей семьей они стали прогуливаться в саду перед дворцовыми окнами. Как и рассчитывал Леопольд, князь фон Цвейбрюкен заметил их и пригласил к себе.

– Знает ли курфюрст, что вы находитесь здесь, господин Моцарт? – спросил князь.

– Нет, ваше сиятельство. Мы только что приехали.

– Ах да, я читал об этом в газете.

В восторге от того, что он первый обнаружил детей Моцарта, князь немедленно отправил нарочного с письмом к баварскому курфюрсту, спрашивая, не желает ли тот послушать игру этих чудес природы, детей Моцарта, а Моцартам приказал ждать. Нарочный скоро вернулся с ответом: курфюрст отдал распоряжение, чтобы дети выступили перед ним сегодня же, в восемь часов вечера.

Как и ожидал Леопольд, Наннерль всем понравилась, а Вольферль имел прямо-таки потрясающий успех. Но курфюрст их выступления не слышал – он еще днем отправился на охоту и к вечеру не вернулся. К тому же им ничего не заплатили.

Герцог Клеменс Баварский, самый богатый после курфюрста вельможа в государство, пригласил детей выступить у него во дворце. Концерт длился четыре часа, и опять им не дали ни денег, ни подарков.

Через несколько дней курфюрст вернулся с охоты и захотел послушать детей – он не мог позволить себе в чем-то уступить герцогу Клеменсу. Однако точного дня для концерта не назначил. Его ждала новая охота, и к тому же курфюрст обещал почтить своим присутствием представление Пьесы Мольера. Прошла неделя, прежде чем выступление состоялось. Курфюрст восхвалял мастерство детей и заставил их играть целых пять часов подряд. И снова они покинули дворец без вознаграждения.

Леопольд был в отчаянии. Гостиница стоила дорого, и, чтобы поддержать свое реноме, они жили на широкую ногу. До Леопольда дошли слухи, будто курфюрст хочет сначала узнать, сколько заплатит им герцог, а герцог – насколько раскошелится курфюрст. Прошла еще неделя, расходы непрерывно росли, и Леопольд не чаял поскорее выбраться из

Мюнхена. Он опасался, что, тратя деньги так широко, они не смогут добраться до главной цели своего путешествия – Парижа.

Когда фон Цвейбрюкен попросил их еще раз выступить в Нимфенбургском дворце, Леопольд предупредил: концерт будет последним, так как у них есть другие обязательства и они покидают город на следующий день. Князь заплатил Леопольду за выступление пятьдесят гульденов. Герцог Клеменс, желая превзойти щедростью фон Цвейбрюкена, заплатил им семьдесят пять. В тот же день курфюрст прислал Леопольду сто гульденов. Они покинули Мюнхен с полным кошельком. Кроме того, курфюрст, герцог и князь дали Леопольду рекомендательные письма к покровителям искусств, с которыми их могла столкнуть по Пути судьба.

В Аугсбурге Леопольд встретился со своими младшими братьями-переплетчиками, и радостям не было конца. Иозеф Игнац и Франц Алоиз сердечно приняли семью Леопольда и пригласили остановиться у них в доме. Но Леопольд, чтобы ни перед кем не обязываться и произвести впечатление человека преуспевающего, вновь решил поселиться в самой дорогой гостинице. Иозеф Игнац и Франц Алоиз сразу прониклись нежными чувствами к детям, и они отвечали им тем же.

Аугсбург, уроженцем которого был Леопольд, являлся вольным имперским городом, тут не было знати, которая могла бы ему покровительствовать; аристократы-католики, не имея веса в протестантском Аугсбурге, не могли дать ему никаких рекомендаций, и Леопольд был лишен всякой поддержки. Однако как можно допустить, чтобы родной город отнесся к нему равнодушно! Леопольд устроил несколько открытых концертов в величественной городской ратуше, построенной в эпоху Возрождения. Гениальная мысль, считал Леопольд, ратуша – сердце Аугсбурга и гордость его граждан.

Дети играли с блеском, но публики на концертах было мало, и Леопольд признался в письме Хагенауэру: «Спасибо за щедрую сумму, получение которой было для меня неожиданностью. Правда, благодаря Мюнхену мы не испытываем ни в чем нужды. Но я слишком долго задержался в Аугсбурге без всякой для себя пользы. Население города состоит главным образом из зажиточных бюргеров, а они по-немецки расчетливы и бережливы и вовсе не склонны тратиться на музыку. Я заработал значительно меньше, чем думал, поскольку посещали наши концерты почти исключительно лютеране».

Его порадовало, когда в «Salzburger Europaeische Zeitung» появилась заметка о том, что вице-капельмейстер зальцбургского двора Моцарт доставил гражданам Аугсбурга большое удовольствие, устроив в городе концерты, на которых выступили его замечательные дети. Это произведет должное впечатление на архиепископа, надеялся Леопольд.

Из Аугсбурга они направились в богатый и музыкальный Штутгарт, но, прослышав на постоялом дворе в Плохингене, что щедрый покровитель искусств герцог Вюртембергский находится не в Штутгарте, а в своем охотничьем замке вблизи Людвигсбурга, они тут же изменили планы: запрягли свежих лошадей, на козлы сел новый кучер, и полдня они гнали в Людвигсбург в надежде получить аудиенцию у герцога.

Но его высочество охотился, и аудиенция не состоялась. Герцога запрещено беспокоить, когда он на охоте, сказали Леопольду. Тем не менее Леопольд был вынужден задержаться в Людвигсбурге: оказалось, что его высочество забрал для своих нужд всех лошадей, и Леопольду пришлось уплатить круглую сумму за найденную в конце концов упряжку.

Приятель Леопольда, немецкий скрипач, который хотел поступить в оркестр герцога, но был отвергнут, рассказал ему:

– Герцог обожает итальянских музыкантов, а на немцев и смотреть не хочет. К тому же он самый настоящий деспот и сумасброд, даром говорят, что одна половина его подданных – солдаты и охотники, а вторая – нищие и бродяги.

Но больше всего Леопольда беспокоил Вольферль, мальчик утратил свою обычную живость и заскучал по Зальцбургу, а в то утро, когда они выехали из Людвигсбурга, Вольферль расплакался и стал проситься домой.

Вольферль гордился, что он уже не маленький, – а Наннерль всегда говорит: плачут только маленькие, – но при мысли о том, что Шветцинген, Гейдельберг, Франкфурт и другие города, где они собирались выступать, вдруг окажутся похожими на Людвигсбург, Вольферль не мог удержаться от слез. Людвигсбург такой отвратительный город. Кроме того, ему не хватало ласки, которой его окружали в Аугсбурге дяди. Папа говорил, что их долг – познакомить Германию с настоящей музыкой – пусть даже многие ее не оценят, – однако играть для глухих к музыке людей не доставляло никакой радости.

Герцог Клеменс болтал во время игры; от курфюрста несло конюшней, запах которой вызывал у Вольферля тошноту; а фон Цвейбркен – но утверждению Папы, знаток музыки – предпочитал сонаты Самmartини сонатам Скарлатти, хотя любой мало-мальски смыслящий в музыке человек понимал, что Скарлатти несравненно выше. И все они ничего не понимали в музыке, хоть и хвалили его игру. Курфюрст так плохо играл на виолончели, что Вольферлю хотелось плакать. Если, как говорит Папа, за грехи попадают в ад, курфюрст именно туда и угодит.

Но когда он высказал все это Папе, тот усмехнулся и посоветовал держать подобные мысли при себе. На глазах Вольферля выступили слезы, и он спросил:

– Я плохой мальчик?

В порыве нежности Папа поцеловал его – обычно Папа был так занят устройством дел, что у него не оставалось времени на ласку – и воскликнул:

– Не плохой! Просто невежливый. Но сказал ты правду.

Папа стал всем делиться с Вольферлем – он хотел научить его разбираться в людях, событиях и обстоятельствах не хуже, чем в музыке.

– Это играет важную роль в жизни музыканта, – сказал Папа, – каким бы одаренным он ни был.

Вольферль спросил Папу, почему они только переночевали в Ульме и уехали, хотя там был концертный зал. Папа ответил:

– Ульм – уродливый, старомодный и неинтересный город. Так же как и Вестерштеттен, Гёппинген и Плохинген. В этих городах все третьесортное. Там не услышишь хорошей музыки. Но надо признать, что Вюртембергское княжество очень красиво, хоть герцог и опустошает его своими охотами и военными забавами.

Они проехали через готический Айнцвайинген, и Папа шепнул Вольферлю:

– Отвратительное место, и к тому же населен одними лютеранами.

Папе понравился Брухзаль, где преобладал стиль барокко и жили в основном католики. Он решил задержаться в нем, объявив:

– Достойный город, здесь следует остановиться и познакомиться с ним поближе.

В Шветцингене, летней резиденции курфюрста Карла Теодора Мангоймского, прославленного ценителя музыки, они побывали на концерте местного оркестра, и Папа сказал:

– Это самый лучший немецкий оркестр.

Вольферль еще раньше пришел к такому же заключению. Ему не терпелось выступить перед мангеймскими музыкантами. Он не сомневался, что они будут благодарными слушателями.

Вольферль играл лирично, слегка импровизируя, но точно следуя мелодии. Музыканты восторженно аплодировали, и Вольферль готов был играть для них без конца. Однако после двух вызовов Папа остановил его – сам курфюрст выразил желание послушать мальчика, и Папа не хотел переутомить сына.

Не удивительно, что после второго концерта Папа написал Хагенауэру: «В Шветцингене дети произвели фурор. Курфюрст чрезвычайно высоко оценил их исполнение. Они поразили всех своим мастерством и вкусом; по общему мнению, их игра достойна Мангейма, иными словами исключительна».

Леопольд покинул Шветцинген с чувством искреннего сожаления. Одно приглашение следовало за другим, и дети играли подолгу и допоздна, и ни один из них, к счастью, ни разу

не заболел. Это обстоятельство смягчило и Анну Марию, которую по-прежнему тревожило их здоровье. Кроме того, музыканты мангеймского оркестра – а чем больше Леопольд слушал его, тем сильнее убеждался, что это лучший оркестр в Германии, – не раз восхищались талантом детей.

К тому же Леопольд заработал здесь еще одну сотню гульденов. Но больше всего его порадовали слова Карла Теодора. Послушав игру Вольферля на скрипке – Вольферль до этого никогда не играл на скрипке публично, хотя и регулярно упражнялся, – Карл Теодор воскликнул:

– Господин Моцарт, ваш сын – чудо, а вы, его учитель, – просто гений! Будь ваш сын постарше и не имей вы сами других обязательств, я был бы рад принять вас обоих в свою капеллу.

Каждый раз, вспоминая эту фразу, Леопольд сиял от счастья и его охватывало сомнение – а не следовало ли ему на деле проверить искренность предложения мангеймского курфюрста? В Гейдсльберге Вольферль одержал новую победу. Городской магистрат пригласил мальчика – вести об успехах Вольферля опередили его появление – сыграть на великолепном органе, стоявшем в знаменитой гейдельбергской церкви Святого Духа, что само по себе являлось большой честью. Исполнение Вольферля отличалось такой звучностью, выразительностью и красотой, что магистр приказал выгравировать на органе его имя и дату концерта, чтобы навеки сохранить память об этом событии.

Во Франкфурте по настоянию Леопольда, помимо обычной программы, Вольферль выступил еще и с игрой на органе. Концерт привлек очень много слушателей, публика шумно аплодировала, и Леопольд остался весьма доволен сбором. Посланник Марии Терезии граф фон Перген поздравил Леопольда с успехом. В это время к ним приблизился человек средних лет в сопровождении юноши, который выразил желание познакомиться с импресарио, господином Моцартом.

Граф фон Перген представил их:

– Господин Иоганн Гете, один из наших имперских советников, и его сын Иоганн Вольфганг.

Леопольд почувствовал, что граф не слишком расположен к господину Гете, но старается быть предупредительным, потому что тот пользуется известным влиянием. Он отметил про себя, что лицо отца угрюмо, а сын – его полная противоположность. Правда, крупный нос и большой рот Иоганна Вольфганга не соответствовали образцам мужской красоты, но приветливое выражение лица делало юношу по-своему привлекательным, особенно в сравнении с насупленным отцом.

– Господин Моцарт, мой сын заинтересовался вашим сыном, – сказал старший Гете. – Он не верит, что ему всего семь лет.

– Да, всего-навсего семь лет. – Леопольд взглянул на сцену, где стоял Вольферль, – мальчик, не обращая внимания на похвалы окружившей его толпы, взглядом искал Анну Марию, желая увериться в ее одобрении, и, когда она послала ему воздушный поцелуй, радостно засмеялся.

– Но это же замечательно, – сказал Гете-младший. – Я старше его вдвое, с младенчества играю на клавесине, но куда мне до него.

– Мой сын хочет слишком многого, – пояснил господин Гете. – В четырнадцать лет он рисует и играет. Пишет стихи, занимается фехтованием, верховой ездой...

– Одним словом, законченный дилетант, – насмешливо прервал старшего Гете граф фон Перген.

– Ни в коем случае, – ужаснулся господин Гете. Заметив, что дети поджидают его, Леопольд поспешил водворить мир:

– Я уверен, господин Гете, ваш сын многого достигнет в жизни. – Пустой комплимент, но что еще можно было сказать?

Гете-старший недоверчиво хмыкнул.

– Господин Моцарт, если вашему сыну всего семь лет, зачем вы наряжаете его как

взрослого и заставляете носить пудренный парик и шпагу? – спросил Гете-младший.

– А играет он, по вашему мнению, как взрослый?

– Еще бы! – с энтузиазмом откликнулся Гете.

– Так почему же не одевать его как взрослого?

– Но он еще ребенок.

– Вы же тоже одеты как взрослый.

– Мне четырнадцать лет.

– А между тем вы еще ребенок. – Но, увидев, что юный Гете вдруг вспыхнул, совсем как Вольферль на сцене, Леопольд добавил: – Хоть и развиты не по годам.

Гете-отец нахмурился, граф фон Перген улыбнулся, но оба промолчали.

Желая показать, что и он обучен манерам, Леопольд предложил:

– Господин Вольфганг Гете, а вы не хотели бы познакомиться с моим сыном?

В душе Леопольд считал, что мальчику больше подошло бы познакомиться с Наннерль, которая была младше его на два года, – с девочкой они нашли бы общий язык, но потом решил, что это ни к чему. А все же в молодом Гете есть много привлекательного, подумал он.

Юный Гете задумался, но, когда дети были уже совсем близко, вдруг ответил:

– Нет! – Что нового о его игре может сказать он этому маленькому человечку? Все уже сказано другими.

Так, Вольфгангу Моцарту и Вольфгангу Гете не суждено было даже познакомиться; в историю каждый из них вошел своим путем.

13

В тот же вечер Леопольд услышал, как господин Гете по-французски, чтобы его не поняли, жаловался графу фон Пергену, что это грабеж брать 4 гульдена 7 крейцеров за удовольствие послушать игру двух детей, как бы талантливы они ни были. Леопольд пришел в бешенство. Господин Гете высокомерно полагал, будто Леопольд не знает французского, бегло изъясняться на котором полагалось всем немецким дворянам, и замечание его было в высшей степени невежливо и недостойно. Перед отъездом из Франкфурта, после еще одного прибыльного концерта, Леопольд гордо вывел на окне гостиницы: «Mozart Maitre de la Musique de la Chapello de Salzburg avec Sa Famille 12 Aofit 1763»²

Спустя несколько недель, находясь в Ахене, Леопольд подумал, а не написать ли господину Гете о том, как принцесса Амалия, услышав игру его детей, умоляла Леопольда не ездить в Париж, а поехать с ней в Берлин, где их, без сомнения, приняли бы с распростертыми объятиями. Принцесса Амалия приходилась родной сестрой Фридриху Прусскому, и подобное приглашение расценивалось как великую честь. Леопольд писал Хагенауэру: «Принцесса Амалия всячески старалась уговорить меня поехать с ней в Берлин. Вся беда в том, что у принцессы совсем нет денег, и двор ее скорее напоминает приют для сырых и убогих, нежели королевскую свиту. Если бы все поцелуи, которыми она одарила моих детей, и особенно Вольферля, превратились в гульдены, мы стали бы богачами. Но, как Вам известно, ни с почтовым смотрителем, ни с хозяином гостиницы поцелуями не расплатишься».

Когда же принцесса стала настаивать, уверяя, что ее брат Фридрих с удовольствием послушает игру детей, Леопольд смиренно ответил:

– Ваше высочество, для нас это большая честь, и все же наше любезное приглашение я принять не смогу. Я обещал, что дети выступят перед королем Франции и госпожой Помпадур, и не вправе нарушить свое слово.

Никаких обещаний Леопольд никому не давал, однако, приехав в Брюссель, предпринял кое-какие шаги, пытаясь заручиться рекомендательными письмами к

придворным французского короля. Прошла неделя, не принеся Леопольду успеха, и он решил в первую очередь обеспечить себе покровительство Карла Александра, брата императора и генерал губернатора австрийской провинции Нидерландов.

Принц Карл принял Леопольда и согласился через несколько дней послушать детей, но на том дело и кончилось.

Напрасно прождав несколько недель приглашения принца Карла, Леопольд созвал семейный совет. Он знал, что окончательное решение примет сам, и не желал показывать своего мрачного настроения, постепенно овладевавшего им, но ведь надо же выяснить мнение жены и детей. Они сидели в роскошной приемной своего номера в гостинице «Англетер», и не успел Леопольд рта раскрыть, как Анна Мария сказала:

– Мы живем не по средствам.

– Я снял эти комнаты, заботясь о здоровье семьи и нашем положении. Живи мы скромнее, высокопоставленные люди не станут нас принимать и относиться к нам с уважением.

– Эти комнаты слишком парадны. Я в них теряюсь.

– Ты должна привыкать к такой жизни.

– Я никогда к ней не привыкну, – вырвалось у Анны Марии.

– Скажи, Анна Мария, разве до сих пор все наши мечты не сбывались?

– Еще вчера ты жаловался, что мы тратим слишком много.

– Но ведь эти траты покрываем не мы, а другие.

– Другие, другие, – с тоской повторила она. – Не ты ли постоянно твердил, что надо полагаться только на самих себя?

– Верно. Но ведь я заработал больше, чем рассчитывал.

– Но и израсходовал больше, чем ожидал. Наступило молчание.

Несмотря на все успехи, мы не богаче прежнего, с горечью думала Анна Мария. Леопольда осыпали похвалами, но никто не предложил ему хорошего места, и, что бы он там ни говорил, нет у него уверенности в завтрашнем дне. Прошлой ночью ей приснилось, что они движутся навстречу гибели. Она не посмела рассказать об этом мужу – он не верил в дурные приметы и посмеялся бы над ней. Леопольд знает людей и умеет им угождать. Он изучал историю. Но разве можно заглянуть в будущее? Что было, то было. Чему быть, того не миновать. Видно, останутся они до конца дней своих странниками, и никогда, никогда у них не будет надежного крова над головой, но что могла она поделать? Только следовать за ним, даже если это грозило им безвременной гибелью.

Стремясь рассеять мрачные предчувствия, Анна Мария порывисто поцеловала Вольферля, и сын с любовью прижался к ней. Без нарядного камзола, без пудренного парика и шпаги он казался таким маленьким и беззащитным. Страстное желание оградить сына от всех бед овладело ею; в эту минуту она с радостью променяла бы его талант па обычное человеческое детство. Но нужно взять себя в руки, Леопольд не одобрит подобную слабость. И все же Анна Мария спросила:

– А если дети попросят, мы вернемся домой? Муж укоризненно посмотрел на нее и сказал;

– По всей вероятности.

Анна Мария повернулась к Наннерль:

– Хотела бы ты вернуться домой?

Наннерль задумалась. Ей нравилось, когда с ней обращались, как со взрослой дамой, но временами охватывал страх при мысли, что она никогда больше не увидит Зальбурга.

– Я скучаю по нашим друзьям и еще по нашему дому. – Наннерль надеялась, что Папа не обидится на ее слова; если когда-нибудь она выйдет замуж, то только за человека, похожего на него.

– Ну, а ты? – спросила Анна Мария Вольферля.

– Не знаю, Мама.

– Ты уже не маленький! – резко сказал Папа. – Нужно иметь свое мнение.

Вольферль промолчал. Ему нравилось, когда Себастьян наряжал его в красивое платье, он любил играть перед публикой, понимающей музыку, он хотел побывать в Париже, но ждать было так утомительно, да и надоели бесконечные упражнения.

Брюссель его ничем не привлек. Вот если бы он мог сочинять музыку, но Папа велел с этим подождать до лучших времен.

– Мы выступали почти во всех городах Германии, которые славятся своей музыкой, – торжественно произнес Папа.

– А будем выступать перед принцем Карлом? – спросил Вольферль.

– Кто знает? – с горечью сказал Папа. – Принц только и делает, что ест, пьет в три горла да гогочет, к тому же у него нет денег.

– Чего же мы ждем?

– Принц Карл обещал тебя послушать, не могу же я обидеть его.

– А почему бы нам тем временем не выступить еще перед кем-нибудь?

Принц оскорбится, если не услышит вас первым. – И Папа встал, показывая, что разговор окончен. Совсем как это делала Мария Терезия.

Спустя несколько дней, торжествующий Леопольд объявил, что ожидание оказалось ненапряжным: принц Карл пригласил их на премьеру комической оперы Никола Пиччинни «Добрая дочка». Это говорит о расположении принца, утверждал Леопольд, но Анна Мария считала, что со стороны генерал-губернатора это всего-навсего тщеславие.

Мама права, решил Вольферль. Из их ложи они гораздо лучше видели принца Карла, чем сцену.

После спектакля принц Карл пригласил Моцартов в королевскую ложу.

– Великолепный театр, не правда ли? – сказал он Леопольду. – Я по частям перевез его из Вероны. Потребовалось большое искусство снова собрать его, по театр того стоит; со всей Европы к нам приезжают люди лишь затем, чтобы побывать в нем.

– Их можно понять, – сказал Папа с должным почтением.

– Вы не хотели бы дать здесь концерт?

– Мы сочтем за честь, ваше высочество.

– Ваше высочество, – спросил Вольферль, – ведь вы же представляете императрицу, отчего же у вас итальянская опера, итальянцы – певцы и театр тоже итальянский?

– Какой забавный мальчик, – сказал принц Карл. – Мне кажется, Моцарт, вы зря наряжаете его как взрослого.

Вольферль решил добиться ответа на свой вопрос – почему все в этой опере итальянское?

– Итальянский язык – это язык музыки, – строго сказал ему Папа, – а Италия – родина музыки.

Но мальчик не был удовлетворен объяснением. «Добрая дочка» изобиловала бравурными пассажами, и ни один из них не отличался мелодичностью и изяществом «Орфея и Эвридики». Кроме того, чтобы передать чувства героев, итальянские певцы заставляли свои голоса вибрировать, от этого искажался звук, и потом до чего же громко они пели! В разгар действия Вольфганг спросил Папу:

– Чего они так раскричались? И Папа ответил:

– Они же итальянцы.

А теперь вдруг Папа толкает его в бок, чтобы он замолчал, и говорит:

– Замечательный спектакль, ваше высочество, вполне достойный такого прекрасного театра. Не удивительно, что ваша опера столь знаменита.

Чем сильнее рассыпался в похвалах Папа, тем внимательнее принц Карл прислушивался к его словам. А когда Папа объявил:

– Ваше высочество, мне кажется, ваш музыкальный вкус не уступает вкусу вашего брата-императора. Мы будем счастливы выступить перед вами, – принц Карл совсем расплылся в улыбке и выразил желание немедленно послушать игру детей.

Позднее Папа отругал Вольферля за неуместные замечания. Они вернулись в

гостиницу, Папа стал готовить программу к предстоящему завтра концерту в оперном театре принца Карла, и Вольферль повторил:

– Мне спектакль не понравился. Но Папа ответил:

– Это никого не интересует. Принц Карл аристократ, а аристократы – хозяева в стране. К их услугам все, чего только они ни пожелают: яства, лошади, прислуживающие им люди, развлечения, Нам же приходится с этим мириться.

– Но разве честно хвалить плохую музыку, Папа? – Честно, если имеешь дело со знатью. Жить-то надо.

Вольферль и на следующий день пытался разобраться в этом несоответствии, которое, к его удивлению, никого больше не волновало.

Принцу Карлу понравилась игра детей; он бурно, аплодировал и подарил Папе сто гульденов. И рекомендовал детей другим любителям музыки.

Перед отъездом из Брюсселя Папа хвастался:

– Мы стали на двести гульденов богаче. Этого больше, чем достаточно, чтобы добраться до Парижа.

А Хагенауэру написал:

«Дети получили множество дорогих подарков. Вольферлю подарили две великолепные шпаги: одну – архиепископ мехлинский, другую – генерал граф Феррарис. Архиепископ поднес Наннерль фламандские кружева – это помимо всяких других дорогих безделушек. Теперь у нас столько табакерок, золотых часов и колец, что мы можем открыть лавку».

Написав эти слова, Папа сказал:

– Если Париж нас хорошо встретит, нам, пожалуй, потребуется для подарков отдельная карета.

– Непременно потребуется, – с уверенностью сказала Наннерль.

– Если только парижане не сочтут нас провинциалами, – предупредил Папа. – Не забывайте, Париж мнит себя центром вселенной. Если мы не покорим его, наши прежние успехи потеряют всякий смысл.

14

В Париже их ждала приятная неожиданность. Графиня ван Эйк предложила Моцартам остановиться у нее и отвела им удобные комнаты в своем шикарном особняке на улице Сент-Антуан. Графиня была женой баварского посланника в Версале и дочерью графа Арко. И хотя в детстве она не раз слышала игру Леопольда у них в доме и знала его хорошо, но глубокому убеждению Леопольда, гостеприимство графини свидетельствовало о том, что благоприятные отзывы об их поездке уже достигли Зальцбурга.

Вольферлю графиня понравилась: очень хорошенькая и ласковая. Она предоставила в его распоряжение свой новый отличный клавесин и часами слушала затаив дыхание игру мальчика. Особенно ее растрогали несколько сонат. Когда Вольферль кончил играть, она осыпала его поцелуями. Он готов был смеяться от счастья, если бы не одно странное обстоятельство: только что она утверждала, что его игра доставляет ей величайшую радость, и тут же с глазами, полными слез, начала рассказывать, как ребенком в Зальцбурге проводила дни за клавесином. Вольферль чувствовал: графиня одинока и тоскует по дому – он и сам временами испытывал грусть, – но в следующий момент графиня принялась восторгаться Версалем, его красотой, блеском и изяществом и уверять, что хозяйки модных салонов будут без ума от Вольферля.

А Версаль молчал; не получали Моцарты и других приглашений. Графиня объясняла это тем, что первое приглашение должно исходить от короля, а Людовик XV сейчас в трауре, но Вольферль не слишком ей верил. Снова наступили дни томительного ожидания, казалось, жизнь остановилась, ничего хорошего не ждет их впереди, и снова они всецело зависят от прихотей аристократов, а у тех на уме только моды да охота. Вольферль решил, что, когда вырастет, ни за что не станет терпеть этих унижительных проволок. Папа явно начинал

отчаиваться, как вдруг ясным осенним утром к графине приехали какие-то важные посетители.

Что это важные гости, Вольферль догадался по тому, с какой гордостью графиня назвала имена барона Гримма и госпожи д'Эпинэ.

Папа тоже казался довольным, и Вольферль, которому не терпелось узнать, в чем дело, ловил каждое слово именитых гостей. Он не мог определить возраста госпожи д'Эпинэ – она была слишком искусно накрашена, – но ему понравилась ее манера держаться, грациозные жесты, мелодичный и выразительный голос, она владела им в совершенстве, как неким тонким инструментом. Госпожа д'Эпинэ разговаривала с ним без тени покровительства, как с равным, и Вольферль чувствовал себя на седьмом небе.

Барон Гримм тоже понравился Вольферлю. Он отметил прекрасную осанку барона – не то что граф ван Эйк, который ходит вразвалку; его острый, пронизывающий взгляд и правильную речь – граф же мямлил и подчас говорил глупости. Интерес, выказанный бароном и его спутницей, обещал многое. Понятно, что Папа был очень взволнован их визитом.

Леопольд тем временем думал: Фридрих Мельхиор Гримм – человек, на которого стоит делать ставку. Услышав, что Гримм самый влиятельный немец при французском дворе, Леопольд еще раньше все разузнал о нем. Сын скромного регенсбургского пастора, Гримм приехал в Париж в 1748 году, в двадцатипятилетнем возрасте, и очень скоро стал известен не только в Версале, но и во всей Европе. Он был доверенным лицом, другом и корреспондентом великих французских мыслителей. Помимо того что он исполнял обязанности секретаря при герцоге Орлеанском и пользовался покровительством принца Конти – двух могущественнейших вельмож в стране, он был также редактором журнала «Литературная корреспонденция» и помогал Дидро в составлении его знаменитой «Энциклопедии».

И хотя литературный журнал и «Энциклопедия» зачастую выражали взгляды, противоположные взглядам Леопольда – особенно в вопросе торжества разума над религией, Леопольд считал себя слишком просвещенным человеком, чтобы отрицать их значение. Леопольда отталкивало безбожие Вольтера, и он ни во что не ставил мнение Руссо о музыке, но и тот и другой были самыми популярными писателями в Европе, их одобрение пришлось бы весьма кстати; а ведь и Вольтер и Руссо регулярно печатались в литературном журнале Гримма, так же как философы Дидро и Бюффон. Правда, обычно Леопольд мало интересовался философами – он считал их людьми «не от мира сего», однако не надо забывать, что аристократы читали и Дидро, и Бюффона.

К числу подписчиков «Литературной корреспонденции» принадлежали столь важные особы, как эрцгерцог Иосиф, Фридрих Прусский, Георг III Английский, Екатерина Великая и Людовик XV, который часто не соглашался с журналом, но гордился, что просвещенный французский рационализм оказывает влияние на всю Европу.

Шахтнер, выписывавший этот журнал, говорил Леопольду, что и Шраттенбах, как образованный человек, читает его и следит за духовной жизнью Европы, хотя и запрещает своим подданным читать Вольтера и Руссо. Появиться на страницах «Литературной корреспонденции» считалось честью даже для противников журнала.

Следовательно, все занимающие высокое положение особы обязательно узнают о нас, рассуждал Леопольд, внимательно слушая Гримма.

– Графиня любезно представила меня как барона, – говорил Гримм, – на самом деле я не принадлежу к титулованной знати. Я пришел сюда выразить свое преклонение перед блестящим музыкальным талантом вашей семьи.

– Откуда вы о нас узнали? – спросил Леопольд.

– Слава ваших детей опережает ваше прибытие. Немецкие читатели моего журнала писали, что они изумительные музыканты. А так как Версаль – Мекка для людей искусства, мы не могли упустить такую возможность.

– Мы слыхали, что ваш сын не уступает любому взрослому музыканту, – заметила

госпожа д'Эпинэ.

– Сущая правда! – воскликнул Леопольд. Стоит ли этим гордиться, подумал Вольферль. Велика важность! – Я привез с собой много рекомендательных писем, – продолжал Леопольд.

– Как правило, рекомендательные письма совершенно бесполезны, – заметил Гримм.

– В Версале к ним привыкли, – смягчила удар госпожа д'Эпинэ. – Но я уверена, письма, привезенные вами, господин Моцарт, не будут оставлены без внимания.

– Необходимо все тщательно продумать, – сказал Гримм. Барон мне определенно нравится, решил Леопольд.

– Подготовку я возьму на себя, – продолжал Гримм. – В «Литературной корреспонденции» мы поместим статью о ваших детях, и Париж о них заговорит. После этого вас обязательно пригласят в Версаль, а затем попросят выступить и перед самим королем.

– Не знаю, как вас и благодарить! – воскликнул Леопольд.

– Будьте осмотрительны. Не уподобляйтесь буржуа и ничему нигде не изумляйтесь. И постарайтесь похвалить мадам Помпадур, если она вздумает сыграть на клавесине. Она мнит себя музыкантшей. В Версале все зависит от дам. Большинство из них играет на клавесине весьма посредственно, ну а некоторые превосходно. Помните, мадам Помпадур очень влиятельна.

– Что еще вы посоветуете, господин Гримм?

– Не забывайте, трудности неизбежны. Найдутся музыканты, которые будут вам завидовать, придворные, которые станут бранить концерт только потому, что не они открыли ваших детей.

– Вы откровенный человек, господин барон.

Гримм пожал плечами, но, прежде чем Вольферль понял, что хотел сказать Папа, закашлялась графиня ван Эйк. Сначала Вольферлю показалось, что она кашляет нарочно, чтобы прекратить неуютный разговор, но кашель все усиливался, и платок графини окрасился кровью. Вольферль испугался, хотел броситься к ней. Но графиня стала успокаивать всех – пустяки, маленькое недомогание, однако лица у взрослых сделались озабоченные, и Вольферль понял: графине никто не верит.

Через несколько дней в «Литературной корреспонденции» появилась пространная статья, превозносящая Моцартов, где, к вящему удовольствию Леопольда, Гримм, безбожник и поклонник Вольтера, написал: «Впервые в жизни я зрел чудо – и это чудо дети Моцарта!»

Моцартов пригласили пожить в Версале, поблизости от дворца. Они приехали туда в сочельник и присутствовали на рождественской мессе в королевской часовне, где дети познакомились с французской хоровой музыкой. Вскоре им было указано выступить в первый день Нового года на парадном дворцовом обеде.

Какое доброе новогоднее предзнаменование, ликовал Леопольд. Он даже позабыл, во сколько им обходится жизнь и Версале, где каждое полено стоило пять су, а печи приходилось топить непрерывно. Пока их вели через парадные апартаменты, Леопольд заметил, что резиденция Людовика XV превосходит роскошью Шёнбрунн, однако многие комнаты находятся в запустении и не отапливаются. Но разное это имело значение в столь торжественный момент? Две дочери Людовика, увидев Вольферля и Наннерль, почтительно и молча стоявших в толпе придворных, тотчас к ним подбежали, протянули для поцелуя руки и в свою очередь поцеловали брата и сестру в щеку. Людовик распорядился пригласить детей к королевскому столу. Солдат в мундире швейцарской гвардии шествовал перед ними, расчищая дорогу.

Леопольд сиял от счастья. Шраттенбах непременно должен узнать об этом.

Королева Мария Лещинская, дочь свергнутого с престола польского короля, так заинтересовалась «чудом природы», что приказала Вольферлю во время обеда стоять у ее кресла и разговаривать с нею.

– Успокойся, – шепнул Леопольд взволнованной Анне Марии. – Она не хуже нас с

тобой говорит по-немецки.

Высокую, худую и некрасивую королеву забавляла предупредительность ребенка. Она сказала королю, ни слова не понимавшему по-немецки:

– Он держится, как маленький придворный. Такого гостя приятно принимать.

Глаза всех были устремлены на Вольферля, который непринужденно отвечал на благосклонные расспросы королевы, переводившей его слова королю.

Все же королю и королеве далеко до господина Гримма или госпожи д'Эпинэ, вот те действительно умеют вести беседу, подумал Вольферль. Король либо просто не знал, какое вставить слово, либо не прислушивался к их с королевой разговору. Королевскую семью больше интересовала слава Вольферля, чем его игра, и это тоже огорчало мальчика. Никто еще не слышал, как он играет, а между тем до небес превозносят его талант.

После парадного обеда господин Гримм повел мальчика к мадам Помпадур; Вольферль надеялся, что она окажется умнее других. Это удивительная женщина, говорил барон, обладающая огромным вкусом.

Роскошнее ее личных покоев Вольферль ничего в жизни не видел. Изумительные канделябры из серебра и золота освещали их путь, но особое внимание Вольферля привлекли обнаженные женщины, изображенные на потолке.

Папа шепотом объяснил:

– Это богини любви, а рисовал их Буше, знаменитый художник и фаворит мадам Помпадур.

Вольферль не мог отвести от этих женщин взгляда. Какое тело! Какие прекрасные груди и бедра! Он и прежде видел на картинах обнаженные тела, только не такие красивые. В Брюсселе Папа показывал ему картины Рубенса, однако по сравнению с Буше женщины Рубенса казались толстыми и грузными. Рассмотреть бы эти картины поближе. Неужели женщины могут быть такими прекрасными? В них было что-то манящее и в то же время такое нежное, неужели ему когда-нибудь придется увидеть подобную женщину? От одной мысли Вольферль покраснел и отвел глаза в сторону. Было стыдно смотреть на Маму и Наннерль. И все же он продолжал бросать украдкой взгляды на потолок: так приятно разглядывать этих женщин, но может, быть, чтобы тут было что-то дурное.

Мадам Помпадур разочаровала Вольферля. Он думал, она красавица, а оказалось, что это женщина средних лет, как Мама, скорее миловидная, чем красивая. К тому же она приказала посадить его, словно ребенка, на позолоченный мраморный столик.

Вольферль решил показать, что не сердится, и наклонился ее поцеловать, но мадам Помпадур отвернулась. Огорченный Вольферль выпалил:

– Вы только подумайте, Папа, она не хочет меня поцеловать! Ведь меня целовала сама императрица!

Мадам Помпадур покраснела, потом сухо улыбнулась и наредила:

– Господин Гримм, ребенок дурно воспитан. По-вашему, он действительно такое уж чудо?

– Вам нужно послушать его игру.

– А слушала ли его королева?

– Вы же знаете, королева предпочитает карты. – Голос барона стал вкрадчивым: – Вы первая в Париже услышите игру мальчика.

Она подумала, затем с холодным высокомерием сказала:

– Уступаю эту честь другим. Тем, кто больше ее оценит. Вольферль обратился к ней с той же холодностью, и Гримм не мог понять, передразнивает он мадам Помпадур или отвечает как равный равной:

– Прошу вас, мадам, снимите меня со стола.

Мадам Помпадур сняла Вольферля со стола, но не поцеловала и не попросила сыграть на подаренном ей королем клавесине, украшенном ее и его портретами.

Леопольд ожидал, что барон рассердится на Вольферля.

Однако Гримм, провожая их до портшезов, сказал без всякого раздражения:

– Мадам очень больна, но скрывает это от короля. Каждый день наряжается и вообще ведет себя так, будто совершенно здорова. Людовик не любит больных. Они его угнетают. Но это притворство ей дорого стоит.

– Что с ней? – спросил Леопольд.

– Чухотка Лекарь называет эту болезнь «закупоркой легких».

– Мне кажется, этим больна и графиня ван Эйк.

– По слухам, да. И все же ни та, ни другая не хотят записываться в больные. Боюсь, упрямство их погубит.

– Неужели дела обстоят так плохо? – спросил пораженный Леопольд.

Обе дамы были всегда одеты по последней моде и вели бурную светскую жизнь.

– Похоже на то. Но точно неизвестно, они никому в этом не признаются.

– Вы не считаете наш визит напрасным?

– Ни в коем случае. Приглашение к мадам Помпадур в глазах придворных большая честь. Не беда, что она не слышала игры детей. Теперь о них заговорят все. Любопытство возбуждено. А выступить они успеют. Вот увидите, скоро вы получите приглашение.

– Она не захотела поцеловать Вольферля. А ведь он, как вы сами говорили, такой милый ребенок.

– Во Франции это не принято. От поцелуя сошли бы румяна. Париж – не Германия, господин Моцарт. Франция – изысканная страна, и люди здесь более утонченны.

– По всей вероятности, мадам Помпадур была настоящая красавица, она и сейчас еще хороша.

– Раньше она слыла первой красавицей Франции, – ответил Гримм.

Леопольд улыбнулся в душе: когда нужно, он ни в чем не уступит любому французу.

К вечеру настроение Папы переменялось. Едкость и горечь его замечаний поразили Вольферля. Папа, помогая ему раздеваться, – Вольферль прекрасно справлялся сам, но это было проявление Папиной любви, – вдруг со злостью сказал:

– Никогда нельзя доверять шлюхам!

Вольферль, слышавший слова господина Гримма и проникшийся жалостью к госпоже Помпадур, удивленно спросил:

– А разве она не возлюбленная короля?

– Ну и что же?! Никому не говори, конечно, об этом, но она самая обыкновенная шлюха, и неизвестно, чего ради с ней так носятся. Заруби себе на носу: никогда нельзя доверять шлюхам.

– А госпожа д'Эпинэ? Ведь вы говорили, она возлюбленная господина Гримма.

– Это другое дело.

И Папа не стал ничего больше объяснять. А когда Вольферль спросил, что нашел король в госпоже Помпадур, Леопольд цинично ответил:

– Его величество без ума от собак, лошадей, охоты и табакерок и бранному полю предпочитает постель.

Спустя несколько дней Вольферль получил приглашение сыграть перед королевской четой на королевском органе в Версальской часовне. Озабоченный Папа сказал Гримму, что Вольферль лучше играет на клавесине, но тот ответил: со времен Людовика XIV орган считается королем инструментов и инструментом королей. К тому же это блестящая возможность показать себя; и нимало не озабоченный Вольферль с удовольствием наблюдал, как Себастьян тщательно завивает его парик, чистит жилет и шляпу. Он не испугался и не проникся благоговением, когда ему сказали, что орган, на котором он будет играть, любимый инструмент Франсуа Куперена, прозванного Великим и считавшегося непревзойденным французским органистом. Орган есть орган, важно, чтоб был хорошим.

Вольферлю понравился чистый тон органа, хотя, как ему казалось, тембр мог быть менее резким. Вольферлю долго аплодировали и осыпали комплиментами, но самая важная похвала исходила из уст короля. Обращаясь к Гримму, король сказал:

– Этот музыкальный феномен заслуживает тем большего внимания, что происходит из

страны, которая редко дарит миру первостепенные таланты.

Вольферль поинтересовался, почему король не сказал ему этого лично.

– Людовик благоволит к юношам, но боится новых лиц и не знает, о чем говорить с незнакомыми людьми, – объяснил Гримм.

Вскоре дети получили еще одно приглашение: Гримма спросили, не согласятся ли Моцарты выступить перед принцем Конти. На этот раз в волнение пришел даже Гримм.

– Принц – самый образованный человек во Франции, – сказал он Леопольду. – Одно его одобрительное слово – и вашим детям обеспечена мировая слава.

Даже если Гримм преувеличивает, думал Леопольд, все равно это редкая удача.

Леопольд воспрянул духом. Пока дети готовились к концерту, им были вручены королевские подарки: пятьдесят лидуоров и золотая табакерка, собственноручно изготовленная королем.

– Знак наивысшего одобрения, – сказал Гримм. – Его величество больше всего на свете гордится своими табакерками.

15

Сорокашестилетний Луи Франсуа де Бурбон, принц Конти и принц крови, любимый кузен короля, весьма гордился своим музыкальным вкусом. Худощавый, элегантный аристократ, он был личным секретарем короля, выступал в поддержку союза с Марией Терезией и устраивал у себя во дворце лучшие в Париже музыкальные вечера. Чтобы послушать гриммовских вундеркиндов, он пригласил к себе весь цвет общества и самых знаменитых музыкантов.

Леопольда, хотя и глубоко польщенного приглашением принца, слегка тревожило присутствие музыкантов. Но он на преминул внимательно разглядеть обстановку дворца; желая определить, насколько состоятелен его покровитель! Богатство принца Конти произвело на него большое впечатление. Леопольду редко случалось видеть равную по роскоши гостиную. Шелковые гобелены и изящная мебель стоили Целого состояния.

Среди гостей Леопольд заметил много влиятельных придворных. Мужчины в пудренных париках, камзолах всевозможных цветов, белых шелковых чулках и при шпагах с рукоятками, осыпанными драгоценными камнями, щеголяли роскошью своей одежды, словно стремясь в этом превзойти дам. Принц оказался весьма любезным хозяином; изысканно учтивый, он принимал гостей, стоя рядом со своей очередной любовницей, графиней де Тессэ.

Но Леопольд ни на минуту не забывал о музыкантах, их присутствие стесняло его. Никто из музыкантов не подошел к Моцартам – они держались в стороне. Леопольд легко выделял их в толпе по скромности одежды, отвечавшей их низшему положению в обществе, а также по отсутствию шпаг, носить которые им запрещалось.

Тем не менее по тому, как приветлив был с ними принц, Леопольд догадался, что здесь собралась не рядовые музыканты. Может, они настроены враждебно? Почему никто из них не обращает на нас внимания? Может, им претит сама мысль о соперничестве с детьми? Леопольд понимал их настороженность. На их место он, наверное, думал бы точно так же.

Леопольд вздохнул свободней, когда Гримм взял его под руку и повел в противоположный конец гостиной представить музыкантам: Жан Филипп Рамо, переживший многих музыкальных врагов, теперь, в восемьдесят лет, был единственным французским композитором, признанным повсюду, даже в Италии; Арман Луи Куперен, родственник «великого» Куперена и сам выдающийся органист; Пьер Гавинье, который сейчас, в тридцать семь лет, считался лучшим французским скрипачом; молодой привлекательный Франсуа Госсек, недавно назначенный принцем на должность капельмейстера; Иоганн Шоберт, считавшийся в свои двадцать три года юным дарованием и, несмотря на немецкое происхождение, сумевший стать любимым композитором и клавесинистом принца; и, наконец, Готфрид Экхард, который был немногим старше Шоберта и тоже немец по

происхождению, – известный композитор и виртуоз-клавесинист.

Гримм представил Леопольда как капельмейстера его высокопреосвященства князя-архиепископа зальцбургского, но Леопольду было ясно – интересуется их не он сам, а Вольферль, они не очень-то доверяют толкам о его таланте и потрясены его юным возрастом. Они не ожидали, что Вольферль так мал, и Шоберт, сам умевший извлекать немалую пользу из своего возраста, сказал:

– Мы понимаем, Моцарт, что вы руководствуетесь лучшими намерениями, но...

Леопольд тут же насторожился.

– Что вы хотите сказать?

– Ваш сын совсем маленький. Ему не дашь больше пяти.

– Ему семь лет. – Вольферлю только что исполнилось восемь.

– Пусть даже семь, все равно он слишком мал! – Шоберт говорил с раздражением.

– Какое отношение это имеет к его игре?

– Очень большое. Без сомнения, нам придется сделать скидку на возраст.

– Ни в коем случае! Он играет как взрослый музыкант. Шоберт насмешливо улыбнулся.

Рамо, который внимательно прислушивался к разговору, сказал: – Я начал выступать, когда мне было семь лет. Все взрослые музыканты меня ненавидели.

– Однако вы все же стали великим музыкантом, – льстивым тоном заметил Шоберт.

– Тем сильнее они меня возненавидели, – сказал старец.

Леопольд повернулся к Гримму и спросил его официальным тоном, хотя они успели близко сойтись за это время:

– Скажите, господин Гримм, разве мой сын играет, как ребенок?

– Ну, разумеется, пет. Не понимаю, к чему весь этот разговор?

Прежде чем Шоберт успел ответить Гримму, к ним подошел принц Конти.

– Господин Моцарт, – сказал принц, – хотелось бы, чтобы дети играли первыми, затем выступят господа Экхард и Шоберт, поскольку они тоже клавесинисты и немцы, а после них снова ваш сын. Пусть он играет импровизации на темы их сочинений, ведь, говорят, он может импровизировать на любую тему. Вы согласны?

Это было скорее приказание, чем вопрос, и Леопольд вынужден был согласиться, хотя в душе опасался, окажутся ли подобные импровизации под силу Вольферлю.

Вольферль понимал, собравшихся по-настоящему интересуется лишь третья часть программы – его импровизации. В мертвой тишине приблизился он к клавесину. Хорошо еще, что Папа на этот раз не стал подсаживать его на табурет. Пора оставить эту привычку, ведь ему уже восемь лет. Вольферль был разочарован отсутствием на концерте графини ван Эйк – она бы оценила его импровизации, но Папа сказал, что графиня больна. Затем он начал импровизировать на тему сонаты Экхарда и позабыл обо всем. Импровизация всегда доставляла ему огромную радость. Он любил это вдохновенное творчество, новизну непредугаданного. Звуки рождались без всякого усилия. Он наслаждался чувством свободы. У него есть тема, он уже представляет рисунок мелодии, больше ему ничего не нужно.

Увидев, с какой легкостью Вольферль подражает манере Экхарда, Леопольд успокоился, а уверенная импровизация Вольферля на тему Шоберта привела его в такой восторг, словно он сам ее сочинял. Это было чудо. Он оставался верен теме Шоберта, и все же музыка, рождавшаяся из-под его пальцев, принадлежала только ему. Мальчик развивал тему с необычайным мастерством.

Вольферль с радостью импровизировал на тему экхардовской сонаты – она отличалась легкостью и мелодичностью, но в настоящий восторг пришел, прослушав сонату Шоберта: певучесть, живость и изящество музыки этого композитора захватили Вольферля и придали особенную яркость его исполнению. Вот такую музыку он хотел бы сочинять сам. Создавая собственную импровизацию, сохранявшую, однако, всю лиричность музыки Шоберта, он пребывал в состоянии полного блаженства. Никогда еще он не был так счастлив.

Но Шоберт сказал:

– Меня это не поражает. Не верю, что мальчик импровизировал. Должно быть, он раньше изучил мою сонату, уж слишком близко он держался темы, будто смотрел в ноты.

– А мне очень понравилось, как он импровизирует, – сказал Экхард. – С моей сонатой он никак не мог раньше познакомиться. Она нигде не была напечатана.

– Моя была издана в Германии, – настаивал Шоберт, – именно там, где он выступал.

Госсек, который соперничал с Шобертом, добиваясь милостей принца, поддержал Экхарда; Куперен, недовольный тем, что король похвалил игру ребенка на его органе, согласился с Шобертом; Гавинье, чужак в этой среде, промолчал; престарелый Рамо продремал всю импровизацию.

Принц получил удовольствие от спора. Концерт обещал произвести сенсацию, выступление мальчика будет обсуждаться во всех салонах.

– Господин Шоберт, – предложил он, – а почему бы вам не сыграть что-нибудь совсем новое, тогда будет ясно, может ли господин Моцарт импровизировать на незнакомую тему. Если сумеет, значит, ваши обвинения напрасны.

Но не успел Шоберт сыграть и нескольких тактов своего нового, весьма сложного произведения, как Вольферль воскликнул:

– Прошу вас, позвольте мне, господин Шоберт! – Новая тема, веселая и грациозная, звучала у него в ушах.

Принц одобрительно кивнул, и Шоберт уступил место за клавесином. Вольферль импровизировал так, словно знал эту тему всю жизнь.

Лицо Шоберта стало еще напряженнее, однако, когда Вольферль кончил, он выдал из себя несколько слов неискренней похвалы.

– А ведь вы, Гримм, были правы насчет мальчика, – сказал принц. – Сомневаться в его даровании не приходится – оно очевидно. Как вы считаете, Шоберт?

Шоберт поклонился:

– Ваше высочество, согласен, ребенок умеет импровизировать. Только в его музыке нет ничего самобытного. Ведь он использовал мою тему.

– Но истолковал ее по-своему, – поправил Гримм. Шоберт улыбнулся.

– Так, что она стала почти его собственным сочинением. Вы это хотите сказать, Гримм?

– Да, – недоумевая, согласился Гримм.

– Если он действительно столь гениален, то должен сочинять сам.

Гримм задумался, но, когда принц Конти согласился с Шобертом, он вопросительно взглянул на Леопольда, – тот по-прежнему хранил молчание.

Шоберт продолжал:

– Будь он взрослым музыкантом, его импровизации не поразили бы никого, он считался бы хорошим исполнителем, не более.

Гримм утратил вдруг обычное самообладание.

– Господин Моцарт, вы говорили, в шесть лет ваш сын сочинил концерт! – воскликнул он.

– Ему не было даже шести. Но, конечно, это была несовершенная вещь.

– Я сочинил несколько сонат, – сказал Вольферль. – Еще когда мы жили в Зальцбурге.

– И их можно было играть? – насмешливо спросил Шоберт.

– Да, конечно, они совсем нетрудные.

– Нетрудные! Ты, наверное, скоро возьмешься и за оперу?

– Я хотел, но Папа сказал, мне еще рано.

– Видимо, придется обождать год-два, – усмехнулся Шоберт.

– Мне было пятьдесят, когда я сочинил свою первую оперу, – неожиданно вставил Рамо.

– Теперь другие времена, – сказал Вольферль. – Папа разрешил попробовать, когда мне исполнится десять лет.

– Разве тебе еще нет десяти? – спросил Шоберт.

– Я уже говорил, ему семь, – ответил Леопольд. Прежде чем Вольферль успел поправить Папу, – ему уже восемь, – Леопольд заметил их скептические улыбки и добавил: – Можете написать в Зальцбург, оттуда подтвердят.

– Вопрос в том, умеет ли мальчик писать музыку. Его возраст нас не интересует, – сказал Шоберт.

Страдание, отразившееся на лице Гримма, и страх потерять его поддержку заставили Леопольда воскликнуть:

– Да он и сейчас сочиняет!

– И кому он намерен посвятить свое произведение? – не унимался Шоберт. – Не его ли величеству?

– Вы угадали. Он сочиняет сонату для дочери короля. Вольферль удивился. Он ничего ни для кого не сочинял, но с удовольствием взялся бы, особенно после того, как услышал чудесную музыку Шоберта.

– Может быть, он сочинит сонату и для меня? – спросил принц Конти.

– Мы сочтем это за честь, – ответил Леопольд и, заметив ехидную усмешку Шоберта, добавил: – Сонаты будут но для клавесина, а для клавесина и скрипки.

– Вы ему поможете, конечно, – уточнил Шоберт.

– Если угодно, можете сидеть рядом с ним, пока он будет писать, – отпарировал Леопольд.

– Вы мне нисколько не мешаете, – заверил Вольферль.

– Благодарю, я не могу тратить время на подобную чепуху.

– Вольфганг закончит свои сонаты через одну-две недели, – настаивал Леопольд. Во взгляде принца Конти отразилось недоверие; однако он выразил желание познакомиться с сонатами, даже если они окажутся совсем простенькими.

Рамо, прослушавший последнюю импровизацию Вольферля, сказал:

– Мальчик, без сомнения, обладает редкостным чувством гармонии. Уверен, он напишет сонаты как следует, и мне хотелось бы послушать их.

– Это невозможно, – упорствовал Шоберт, – мальчик не справится. Дело не только в возрасте, есть и другие причины. Его подготовка, его...

Рамо не дал ему закончить:

– С разрешения вашего высочества я предложу эти сонаты моему переписчику.

Принц согласился и, повторив: – Значит, через две недели, – отпустил музыкантов и вернулся к гостям.

16

И почему это господин Гримм так волнуется, думал Вольферль. Напрасно барон все время спрашивает, когда будут закончены сонаты. После концерта у принца прошла всего неделя, а господин Гримм заезжал к ним чуть не каждый день – справлялся, как подвигается работа. Папа был с ним вежлив, но грустен. Папа, не в пример господину Гримму, знал, что в таких делах торопиться не следует. Вопрос не в форме, Вольферль мог бы написать сонату очень быстро, но ему хотелось, чтобы музыка была столь же яркой и грациозной, как в сонате господина Шоберта, а на сочинение такой музыки требовалось время.

К тому же графиня ван Эйк слегла, и Вольферлю приходилось играть тихо, хотя она настояла, чтобы они остались у нее в доме и Вольферль занимался музыкой по-прежнему. Однако болезнь графини нарушала душевное спокойствие Вольферля. Каждый раз, входя в спальню, он ужасался ее бледности. А она радовалась его успехам, они, казалось, вдыхали в нее жизнь.

– Как-никак мы с тобой земляки, – шепнула она однажды Вольферлю, почувствовав себя лучше. – Оба родом из Зальцбурга.

Он кивнул, но ему сделалось так грустно, что он перестал работать над сонатой, иначе настроение непременно отразится на музыке.

Вольферль все искал мелодию, и тут Папа посоветовал:

– Можешь взять какую-нибудь известную мелодию, если она тебе нравится.

– Даже мелодию Шоберта? – Пожалуй, музыка Шоберта нравилась ему больше всего.

– Даже Шоберта.

– А я думал, он вам не по душе, Папа.

– Это не имеет отношения к его сочинениям. Я ни в грош не ставлю французскую музыку, но Шоберт – немец, как ни прикидывается французом, и это чувствуется в его вещах.

Мелодия Шоберта все время звучала у Вольферля в голове.

– Ты можешь взять за основу любую известную тебе мелодию.

Вольферль выбрал мелодию Шоберта, переделал ее на свой вкус, а потом стал развивать, сочетая партию клавесина с партией скрипки, как это делал Папа.

Мелодичные созвучия носились в воздухе, Вольферль слушал их с наслаждением... Они искрились, переливались с волшебной легкостью, и он заставил всю сонату искриться и сверкать, и сам был зачарован пленительной музыкой. Он сидел за клавесином, пока Мама не сказала:

– Леопольд, ведь совсем темно. Ничего не видно.

Но Вольферлю темнота не мешала. Мама зажгла свечи и позвала его ужинать. Он был голоден, но уйти не мог. Первая соната была почти завершена, остались только заключительные аккорды.

За ужином он мысленно проиграл финал сонаты, а когда лег в постель, не мог уснуть. Он боялся забыть финал. В голове носились обрывки стольких музыкальных фраз. Проснувшись утром, Вольферль обнаружил, что помнит все сочиненное накануне. Это было замечательно!

Папа внимательно просмотрел сонату и сказал:

– Соната годится для исполнения. Они останутся довольны. – И облегченно вздохнул. Соната была детской по теме, и в ней чувствовалось влияние Шоберта, правда, без его блеска и глубины, но тем не менее она отличалась ясностью и была хорошо построена, соната для клавесина и скрипки, вполне годная для исполнения, – сочинение его сына.

Все последующие дни Вольферль с увлечением заканчивал сонаты. Он не мог думать ни о чем другом. Это была игра, и он увлекся ею. Вольферль заставлял клавесин и скрипку петь дуэтом и приходил в восторг от их покорности; брал знакомые мелодии и облекал их в новую ясную форму. Вольферля так захватила работа, что вместо двух сонат он сочинил четыре.

Он несколько не удивился, когда Папа сказал:

– Сонаты мне нравятся.

Ему они тоже нравились. Будь у него больше опыта, они получились бы лучше, но и так они вполне мелодичные, ясные и живые – не хуже шобертовских.

Принц Конти пригласил Рамо, Шоберта и Экхарда прослушать сонаты Вольферля. Принца поразила правильность их композиции. Он сказал Гримму:

– Вы были правы, это необыкновенный ребенок. Но Шоберт остался недоволен:

– Ваше высочество, ребенок подражает мне.

– Возможно, – отозвался принц. – Но разве это преступление?

Шоберт не успел ответить, потому что Вольферль горячо сказал:

– Да ведь это лучшая музыка в Париже! – И Шоберт не мог не улыбнуться.

– Подражание есть самая искренняя похвала, – поспешил вставить Леопольд, – а тема у него собственная.

– Мне очень жаль, что Вольфганг подражал не мне, – добавил Экхард.

Рамо с трудом поднялся, опираясь на палку, и старческим голосом объявил:

– *Andante* в последней сонате очень выразительно и своеобразно. Господин Шоберт должен быть счастлив, что ребенку понравилась его музыка. Я был бы рад, если бы моя музыка произвела на него такое же впечатление.

Нетвердой походкой он подошел к Вольферлю, все еще сидевшему за клавесином, и расцеловал его в обе щеки.

Вольферль покраснел. Этот подарок был для него дороже всех денег и безделушек, которыми осыпала его знать. Принц Конти заметил:

– Господин Шоберт, у ребенка явно хороший вкус, раз он избрал вас для подражания.

Шоберт, великодушно махнув рукой, ответил:

– Что ж, ваше высочество, если его это не смущает, то мне и подавно смущаться нечего.

– Значит, вы признаете, что Вольферль – композитор? – спросил Леопольд.

Шоберт замялся, но, увидев нахмуренное лицо принца, пробормотал:

– Ваша зрелость и опыт позволяют вам лучше судить о таких вещах.

– Без сомнения, он композитор и настоящий виртуоз, несмотря на свой возраст, – заключил принц Конти. – А вы, господин Гримм, заслуживаете всяческой похвалы за то, что познакомили нас с этим милым и на редкость одаренным ребенком.

Нужно было кому-то преподнести сонаты – на это ушло несколько дней. Вольферль хотел подарить их графине ван Эйк и госпоже д'Эпинэ, поскольку музыкальные сочинения было принято дарить дамам и обе они нежно относились к нему, но Гримм посоветовал поднести тем, от кого можно было ждать большей выгоды: дочери короля – принцессе Виктуар и любовнице принца Конти – графине де Тессэ.

Вольферлю было все равно, что писать, но Леопольд пришел в восторг, прочитав посвящения, составленные Гриммом. По правде говоря, они были чересчур высокопарны, но Леопольд целиком полагался на друга. Поэтому его весьма удивил отказ графини де Тессэ принять посвящение.

– Оно слишком пышно, – сказала она, – я не заслуживаю таких похвал, посвящение следует писать сдержаннее.

Гримм рассердился, но выполнил ее желание. Рамо, как и обещал, передал сонаты своему переписчику, лучшему в Париже, и тот сделал с них копии, после чего каждой даме было преподнесено по две сонаты.

Вольферлю особенно понравилось, что Папа велел ему расписаться на них Иоганн Вольфганг Моцарт и с тех пор стал называть его Вольфгангом.

17

Графиня ван Эйк умерла хмурым, ненастным днем. Дождь лил все утро, и небо было мрачно-серым. Анна Мария тяжело восприняла ее смерть. Она знала, что графиня обречена, но пришла в отчаяние, когда слуга принес ей эту печальную весть. Леопольд и дети были в театре, репетируя программу первого публичного концерта в Париже, а она готовила дома ужин. От горя у нее руки опустились. Графиня была сама доброта – олицетворение их дома, Зальцбурга. Анна Мария заплакала. Она вспомнила день, когда графиня покидала Зальцбург, чтобы выйти замуж за графа ван Эйка. Даже обычно сдержанный граф Арко выглядел озабоченным, словно предчувствовал, что расстанется с дочерью навсегда. Какой страшный удар для него, с грустью думала Анна Мария. В Зальцбурге граф Арко был всемогущ, а вот дочь свою спасти не смог.

Будет ли он терзаться оттого, что отпустил своего ребенка, дал ему умереть на чужбине? Л что, если кого-нибудь из ее семьи постигнет та же участь? Анна Мария вздрогнула. В этой мысли было что-то жуткое, нечестивое.

В тот вечер Мама была особенно нежна с Вольфгангом. Она всегда целовала его, когда он возвращался домой, но сейчас не хотела выпускать его из своих объятий. Потом Анна Мария сказала что-то по секрету Папе. А когда Вольфганг спросил у Мамы:

– Как себя чувствует графиня? – Папа выразительно посмотрел на Маму, и Мама ответила:

– Графиня уехала.

– Куда?

– Потом узнаешь.

Они рано уложили его спать, словно он им мешал. Но Вольфганг не мог заснуть. Наверное, случилось что-то ужасное. Он вышел в коридор и наткнулся на Наннерль. У сестры были заплаканные глаза, и она не стала, как обычно, подшучивать над ним. Вольфганг спросил:

– В чем дело?

Наннерль ответила:

– Ты еще мал, тебе рано знать! – И он почти возненавидел ее. Никогда он не думал, что можно испытывать подобное чувство к сестре, но Наннерль, поглощенная своими мыслями, словно забыла о нем.

На следующий день они покинули дом графини. На новой квартире Вольфганга оставили на попечение Наннерль, а Папа с Мамой куда-то ушли. Наннерль знала куда, но молчала. В ту ночь, после того как родители вернулись домой, Вольфгангу приснилось, будто он потерялся. Не мог найти ни Папу, ни Маму. Вольфганг проснулся в холодном поту и увидел у кровати встревоженную Маму: нежным голосом она стала напевать ему колыбельную песенку, и он вскоре уснул.

На следующее утро Вольфганг все спрашивал о графине, и Мама сказала:

– Она отправилась в долгое путешествие.

– Отчего же вы такие печальные? А когда она вернется?

Никто не ответил, все делали вид, будто чем-то заняты.

Вольфганг сидел у окна в их новой квартире поблизости от улицы Сент-Оноре, где им предстояло давать концерт, и все время думал о графине. Он отказался от ужина, что с ним редко случалось, и никто не стал настаивать, даже Папа. Погода окончательно испортилась, бурные потоки воды неслись по улице – пройти было почти невозможно. Двое мужчин, с трудом переставляя ноги, брели по воде, неся в одной руке по факелу, а другой, поддерживая носилки. Что-то длинное, прикрытое простыней, лежало на этих носилках, и Вольфганг сразу догадался, что это женщина; намоченная материя облепила тело. Он вскрикнул от страха, но тут же смолк.

– Это похороны, – печально прошептала Мама, – хоронят бедную женщину, у них нет денег на гроб? – Вновь лицо графини возникло перед Вольфгангом, и он понял, что произошло. Им овладел ужас. Как могло случиться, что графиня лишилась жизни, той самой жизни, которая переполняла его?

Дождь невыносимо громко барабанил по крыше, Вольфганг не мог уснуть и наконец, невзирая на темноту и холод, прокрался в спальню Папы и Мамы, надеясь найти у них утешение.

Мама хотела взять его в кровать, но Папа запретил:

– Он уже не маленький.

– Тогда надо ему сказать.

– И погубить концерт?

– Ты всегда говорил, он должен знать о жизни всю правду.

– Но ведь графиня не умерла? – умоляюще спросил Вольфганг, вкладывая в эти слова, в самый звук голоса всю свою надежду.

– Скажи ему, – разрешил Папа.

– На все воля божья, – сказала Мама и расплакалась, а Вольфганг бросился вон из комнаты, давась от подступающих к горлу рыданий.

Опасения Леопольда сбылись – на следующее утро Вольфганг совсем расхворался, и концерт в театре пришлось отложить. Это было крупным невезением – публичный концерт удалось устроить только благодаря поддержке принца Конти. Согласно французскому закону, публично могли выступать лишь люди, находящиеся на службе у короля, и Людовик XV мог в любое время лишить их этой привилегии. Законом благодаря принцу Конти

поступились, господин Гримм взял на себя хлопоты по устройству концерта; все говорило за то, что сбор будет большой.

Анна Мария совсем растерялась. Первый лекарь, которого она пригласила, нашел у мальчика ангину, однако, как ее лечить, не знал. Другой определил ревматизм и заявил, что излечить его может только время. Узнав, что Вольфгангу не становится лучше, Гримм назвал лекарей дураками и пообещал прислать своего домашнего лекаря – он вылечит ребенка. Сей ученый муж и верный подписчик «Литературной корреспонденции» внимательно осмотрел Вольфганга и объявил:

– По всей видимости, у него воспаление легких, да и горло у него обложено, – Анна Мария испугалась, решив, что Вольфганг заразился от графини. Врач добавил: – Надо бы привить ему оспу. И вашей девочке тоже. Но Леопольд воспротивился.

– Это кощунство, – сказал он Анне Марии. – Мы должны во всем полагаться на милосердие божие.

Анна Мария, более набожная, чем Леопольд, на сей раз не согласилась. Прививки только что появились, были вещью новой и непривычной, но она слыхала, что кое-кто из знати прививал оспу своим детям. Однако Леопольд стоял на своем, и у Анны Марии осталось одно средство – материнская любовь. Постепенно, однако, грусть, охватившая Вольфганга, рассеялась, он повеселел, через несколько дней встал с постели и принялся за упражнения.

Публичный концерт имел такой успех, что Гримм решил дать еще один. Второй концерт дал не меньший сбор, и потому Анна Мария немало удивилась, когда Леопольд вдруг принял решение ехать в Лондон. Ведь, помимо публичных концертов, дети снова выступали в Версале, дали несколько концертов в домах аристократов; хозяйки прославленных салонов, диктующих вкусы и моды, были очарованы Вольфгангом и в один голос твердили, что он отличается прекрасными манерами и изысканностью вкуса. Нигде еще дети не заработали столько денег и не получили столь щедрых подарков.

Когда Леопольд велел жене собираться, она воспротивилась:

– Ну зачем нам уезжать из Парижа? К нам здесь так хорошо относятся.

– Мы не можем дольше здесь оставаться. Вся французская музыка не стоит и ломаного гроша.

– Ты же был не против, чтобы Вольфганг поучился кое-чему у Шоберта.

– Шоберт – немец. А вообще я надеюсь, что такое понятие, как французское направление в музыке, лет через пятнадцать исчезнет без следа.

– Но ведь ты считал, что танцы в Версале просто великолепны.

– И порочны. В Версале царит такая умопомрачительная роскошь, что богатых людей там почти не осталось. Большинство родовитых семейств увязло в долгах. Чуть не все богатство страны находится в руках нескольких банкиров и финансистов, да и те тратят деньги главным образом на содержание всяких Лукреций, которые, к сожалению, не склонны кончать жизнь самоубийством.

Анна Мария не улыбнулась шутке. Леопольд, как ни порицает Францию, подумала она, сам в душе француз ничуть не меньше, чем господин Гримм, которым он так восхищается. Она погрузилась.

– Все говорят, климат в Англии может оказаться вредным для детей, – сказала она, – там всегда туманы и дождь. А Вольфганг не блещет здоровьем, легкие у него слабые, к тому же он мог заразиться от графини.

Леопольд молчал. Он не мог открыть жене главной причины своего решения, хотя та сцена продолжала стоять у него перед глазами, словно произошла только вчера.

С неделю назад он повез Вольфганга в Версаль послушать и посмотреть исполнение французских менуэтов, написанных, в основном, итальянцами. Французские учителя танцев считались лучшими в Европе – и Вольфгангу стоило посмотреть на плоды их трудов.

Вольфганга пленили гармоничность и завораживающая красота французских «Dances a

Deux»³Он и сам не прочь был принять в них участие, его привела в восторг грациозность и ритмичность танцоров, но Папа сказал, что он еще не дорос до танцев. Тогда он мысленно сочинил менуэт и вообразил себя танцующим под него. И тут ему захотелось в уборную. Папа вел его по длинному коридору и думал: в таком цивилизованном месте, как Версаль, поиски уборной могли бы быть менее затруднительны. Наконец они услышали какой-то шум и решили, что нашли то, что искали. Однако вместо этого они наткнулись на пару, предающуюся любви в мрачном, сыром коридоре. Виден был лишь пудренный парик мужчины, подпрыгивающий в темноте, и слышалось тяжелое дыхание. Папа понял, в чем дело, да и Вольфганг тоже. Женщина взвизгнула, а мужчина разразился площадной бранью.

Вольфганг был ошеломлен. Он отказался идти в уборную, словно усмотрел в этом что-то непристойное. Он совсем онемел. Существует различие полов, он это знал, но представлял себе все иначе. Любовь в его воображении была прекрасной, изящной, чарующей, а оказалась такой же грязной и отвратительной, как парижские улицы, где, если не сидеть в портшезе, приходилось, стыдливо отворачиваясь, перешагивать через отбросы, гниль и испражнения.

В эту ночь Вольфганг не спал. Безобразные звуки, которые издавала та пара, звучали у него в ушах. Любовь прекрасна, говорила музыка, прекрасна, повторяли Папа и Мама, так отчего же эти двое так противно сопели? Думать – и то омерзительно. Он испытывал отвращение и к самому себе.

Боль за сына, которому пришлось перенести такое потрясение, снова пронзила Леопольда. Повернувшись к Анне Марии, он резко сказал:

– Версаль – клоака.

Она спросила почему, и Леопольд ответил:

– В этом месте забыли о боге. Если там и творятся чудеса, то отнюдь не святыми и не девственницами, чудеса творит грешники, торгующие своим телом. Не разберешь, где жена, где любовница. Все живут, как им заблагорассудится, и если бог не смиляется над Францией, ей уготована судьба персидской империи.

Леопольд не стал больше ничего объяснять и велел приниматься за сборы.

В Англии их встретят с распростертыми объятиями, утверждал Гримм. Леопольд тоже так думал, но Наннерль, которая выглядела совсем взрослой в своих элегантных французских накидках, не хотела уезжать. Анна Мария видела, что Вольфганг рад отъезду. Уж не из-за графини ли, которую он так любил, подумала она. И ей вдруг захотелось крикнуть Леопольду: «Вернемся домой, ведь наши корни в Зальцбурге, там наше будущее!»

Но Леопольд оставил без внимания застывшую на лице жены мольбу. На прощанье они с Гриммом расцеловались, как добрые французы, и поклялись в вечной дружбе. Наемная карета ждала их у дверей, и они снова пустились в путь.

На следующий день после их отъезда умерла мадам Помпадур.

18

Моцарты приехали в Лондон, и вскоре дети получили приглашение от Георга III и его жены Шарлотты, немки по происхождению. Гримм написал королю, который тоже был подписчиком его журнала, что «это чудо природы – дети Моцарта» едут в Лондон, и указал, где они остановятся, а также поместил в своем журнале еще одну хвалебную статью, вызвавшую августейшее любопытство.

Путешествие из Парижа в Лондон было нелегким, да к тому же пришлось расстаться с Себастьяном Винтером, не отважившимся пересечь Ламанш. Но сам Лондон оказался чудесным городом, а квартира, снятая ими по совету Гримма у парикмахера господина Казана на Сент-Мартин Лейн, была чистой и удобной и находилась неподалеку от

Букингемского дворца.

Вольфганга разочаровала простота убранства этого дворца. Чтобы заставить сына проникнуться важностью момента, Папа рассказал, что Англия недавно победила Францию в Семилетней войне и стала самой сильной державой в Европе, захватив многие французские колонии в Америке. И все же Версаль был куда роскошней. Удивил Вольфганга и невзрачный вид короля. Самый скромный придворный в Версале был одет богаче. Георг III носил дешевый парик, жилет скучноватой расцветки и серые чулки. Он был очень молод, почти как Шоберт; румяное лицо, покатый лоб и безвольный, срезанный подбородок. Королева Шарлотта, небольшого роста, миловидная, скромно одетая женщина, не носила никаких украшений и побрякушек, столь излюбленных французскими модницами.

После их дуэта с Наннерль, обычно открывавшего концерты, король предложил Вольфгангу сыграть в четыре руки с королевой. Вольфганг колебался, а Георг III с гордостью сообщил:

– Это клавесин ее величества. Королева получила его в приданое. Она искусная музыкантша. Ее учитель Иоганн Кристиан Бах говорит, что лучшей ученицы у него не было.

Видно, Бах не очень-то строгий судья, решил Вольфганг во время игры. Королева не шла ни в какое сравнение с Наннерль. Посредине сонаты Генделя ему пришлось остановиться и переставить ее пальцы. Папа встревожился, а король вспыхнул, с трудом сдерживая гнев.

Но королева сказала:

– Мальчуган прав. – И король успокоился. Немного погодя Вольфганг заметил королеве, что она спешит, и она кивнула в знак согласия, замедлила темп, и, к ее великому удовольствию, они дружно закончили сонату. Король радостно аплодировал и снова заявил:

– Королева – прекрасная музыкантша!

Никто не возразил королю, хотя на мгновение Леопольд испугался за Вольфганга – мальчик нахмурился, что было явным признаком несогласия.

– А теперь, господин Моцарт, – сказал король, – королева споет нам арию, и я прошу вашего сына аккомпанировать ей на клавесине.

Королева выбрала арию Кристиана Баха, и Вольфганг подумал: «Надо надеяться, поет она лучше, чем играет». Но его надежды не сбылись – пела королева еще хуже, чем играла. У нее был совсем слабенький, невыразительный голос, она не умела держаться, и Вольфганг решил: будь она профессиональной певицей, ее прогнали бы после первого же выступления. Но музыка Баха восхитила его. Ария была мелодична и удивительно грациозна. Георг, вне себя от восторга, выкрикивал:

– Чудесно! Какое изумительное исполнение!

Все присоединились к аплодисментам; никто не осмеливался сомневаться в правильности суждений короля.

Довольный, что публика по достоинству оцепила пение королевы, Георг сказал:

– Господин Моцарт, я читал в журнале «Литературная корреспонденция», что ваша игра на органе – нечто доселе неслыханное. Это правда?

Вольфганг пожал плечами. Он играл на органе так, как следовало играть.

– Вы могли бы сыграть Генделя? Вольфганг кивнул.

– Отлично! А потом наступит черед импровизации.

Но когда пришло время импровизировать, Вольфганг заволновался. Ему нравилась органная музыка Генделя, торжественная и величественная, но веселая, жизнерадостная ария Кристиана Баха пришлась по душе куда больше. Словно под воздействием неведомой силы, он в своей импровизации незаметно перешел от Генделя к Баху. Король отбивал такт свернутыми в трубку нотами, и никто не решался сказать ему, что он давно сбился с такта, а когда один из маленьких пажей задремал, он теми же нотами стукнул его по пудреной головке. Вольфганг и хотел бы вернуться к Генделю, но не мог сопротивляться нежной, завораживающей мелодии Баха. Сначала на лице Папы появилось изумление, а затем беспокойство; Наннерль усмехалась, очевидно, принимая все это за шутку; но больше никто

– даже сама королева – не заметил разницы. И вдруг Вольфганг увидел стоявшего в дверях высокого, красивого человека, одетого по последней моде, который слушал его с таким напряженным вниманием, что Вольфганг мгновенно догадался: это, конечно, сам Иоганн Кристиан Бах. Теперь Вольфганг думал лишь о том, как бы угодить композитору, музыка которого так ему понравилась. К концу импровизации он и думать забыл о Генделе.

Король энергично закивал в знак одобрения и объявил:

– Нет, превзойти Генделя невозможно. Среди композиторов он не знает себе равного. Сомневаться могут лишь глупцы и невежды. Верно, Бах?

– Вы совершенно правы, ваше величество, – подтвердил Бах.

– Вам понравилось, как мальчик играл Генделя?

– Он прекрасный органист, ваше величество.

– Гримм прав. Импровизируя на тему Генделя, он не сделал ни единой ошибки.

Папа, возблагодаривший судьбу за то, что никто, кроме Баха, – пронеси господи! – не заметил самовольства Вольфганга, сказал:

– Мы ваши покорнейшие слуги, ваше величество.

– Ваше величество, позвольте мальчику сыграть сонату вместе со мной, – попросил Бах.

– Прямо с листа? – с сомнением спросил король.

– Я уверен, он справится. Если разрешит ваше величество.

Вольфганг не удержался.

– Я очень прошу вас, ваше величество, очень! – воскликнул он.

– Но ты слишком мал, чтобы играть с таким замечательным музыкантом.

– Я постараюсь, ваше величество.

. Бах посадил мальчика к себе на колени и сыграл несколько тактов, Вольфганг продолжил, и так, играя поочередно, они исполнили всю вещь до конца, ни разу не сбившись, не потеряв ни одной ноты: казалось, сонату исполнял один человек.

Кристиан Бах и словом не обмолвился, что Вольфганг использовал для импровизации тему его арии, а вовсе не сонату Генделя, он напомнил об этом, лишь когда отец с сыном пришли к нему в студию. Бах расценил это как комплимент себе, а не как шутку над королем и сказал Леопольду:

– Я буду рад представить ваших детей лондонским ценителям музыки.

Вольфгангу очень понравился рабочий кабинет Баха, обставленный в стиле версальских гостиных и выходящий окнами на Грин-Парк. В нем стояли клавикорды, клавесин, орган и фортепьяно; и еще, не в пример другим музыкантам, отметил Вольфганг, Бах даже дома одевался богато и изысканно.

Леопольду не слишком нравилось увлечение его сына Бахом! По никуда не денешься, этот композитор, исполнитель и учитель музыки королевы, хорошо знал музыкальный мир Лондона и пользовался здесь большой известностью.

И к тому же Бах происходил из знаменитой семьи. Кристиан Бах принадлежал к шестому по счету поколению музыкантов. Его отец, старый Иоганн Себастьян Бах, хоть и был всего лишь церковным учителем пения и к тому же лютеранином, считался прекрасным музыкантом и был отцом нескольких блестяще одаренных в музыкальном отношении сыновей. Но с ним Леопольд никогда не встречался, ибо невидимая стена разделяла лютеранскую и католическую Германию. И хотя музыка старого Себастьяна Баха, умершего четырнадцать лет назад, была написана для лютеранских богослужений и никогда не исполнялась в католическом Зальцбурге или в Вене, произведения тех его сыновей, которые пользовались наибольшей известностью, Леопольд знал. Он давал Вольфгангу играть сонаты Карла Филиппа Эммануила и воочию для органа старшего сына Вильгельма Фридемана.

Но больше всего говорили о Кристиане Бахе, младшем из одиннадцати сыновей старого Себастьяна; он уехал из Германии в Италию, чтобы стать учеником прославленного итальянского педагога, падре Мартини, и впоследствии принял католичество, чтобы его оперы могли исполняться в Италии. Теперь, после смерти Генделя, Кристиан Бах был самым

известным музыкантом в протестантской Англии, хотя и оставался католиком.

«Значит, в Лондоне предпочитают немецкую музыку?» – подумал Леопольд.

– Господин Моцарт, в Англии не существует сейчас английской музыки, – словно угадав его мысли, сказал Бах, – только итальянская и немецкая, Пуччинни и Гендель.

– И Кристиан Бах, – сказал Леопольд и про себя добавил: «Который взял понемногу и от того и от другого».

– Благодарю вас, но следует помнить, что счастье изменчиво.

– Поверьте, я никогда об этом не забываю.

Леопольд внимательно разглядывал дорогой наряд Баха, его полное лицо, в котором привлекали пронизательные глаза и высокий лоб, и думал, искренне ли он заинтересовался Вольфгангом.

Тем временем Вольфганг разглядывал фортепьяно. Он уже видел несколько подобных инструментов и даже играл на них, во фортепьяно Баха казалось лучше других, и мальчику не терпелось его попробовать. Вольфганг просительно взглянул на Баха, и тот сказал:

– Если тебе позволит отец.

– Я давал Вольфгангу играть сонаты вашего брата Карла Филиппа Эммануила, – сказал Леопольд. – На мой взгляд, они удивительно яркие и мелодичны, но ведь предназначены они для исполнения на клавесине. А те немногие произведения вашего отца, с которыми я имел возможность познакомиться, написаны исключительно для органа.

– Мой отец был несколько старомоден, особенно когда дело касалось фортепьяно, но я убежден, что этому инструменту принадлежит будущее.

– Мы ни разу не встречали его во время наших путешествий.

– Оно еще не вошло в моду.

– Единственная ли это причина?

– Люди не привыкли к нему. Фортепьяно – инструмент новый, необычный, еще не завоевавший себе сторонников. Вы видели, как гордится королева своим клавесином.

– А вы когда-нибудь играли на фортепьяно публично?

– Нет, Лондон еще не готов к его приему, но скоро это произойдет. – И Бах добавил: – Я думаю, стоит публике по-настоящему узнать фортепьяно, к тому же, если его немного усовершенствовать, этот инструмент вытеснит клавесин.

– Сразу?

– Быть может, лет через десять, двадцать, но я не сомневаюсь, в конце концов фортепьяно станет любимым инструментом сольных исполнителей.

– Но почему же? – спросил Вольфганг, дотронувшись до маленького, аккуратно сделанного, квадратного инструмента. Оно было красного дерева, но уступало красотой и размером дворцовым клавесином, на которых ему приходилось играть.

– Звук у него мягче, сильнее и имеет много оттенков.

– Тогда почему на нем не играют?

– Господин Бах уже объяснил тебе. – Леопольд начал терять терпение.

– Только поэтому?

– Люди боятся нового, – спокойно объяснил Бах.

– Даже в музыке?

– Да, Вольфганг, в музыке особенно.

– Папа, можно мне сыграть на фортепьяно? Леопольд нехотя согласился.

Бах поставил на попир одну из своих сонат и кивнул Вольфгангу. Секунду Вольфганг стоял в нерешительности. Хотя это фортепьяно и возбуждало его любопытство и ему очень хотелось пойти по стопам своего нового друга, Вольфганг боялся обмануть его ожидания. К тому же фортепьяно, на которых он играл раньше, обладали неприятным звуком, ноты звучали слишком громко, резонировали, а то и фальшивили. Но отступать было поздно.

Он начал медленно, неуверенно. Как он и опасался, звук фортепьяно тоже оказался слишком громким и недостаточно четким. Ему не хватало чистоты и ясности клавесина. Некоторые ноты слишком долго задерживали звук. Нет, он не мог довериться этому

инструменту с его столь нечетким и неровным звучанием. Особенно смутило его fortissimo, несравненно более сильное, чем у клавесина или клавикордов. Не удивительно, что музыканты прозвали этот инструмент «барабаном». И все же, по-видимому, и Баху и Папе его исполнение нравилось. Вольфганг вдруг почувствовал уверенность в себе. Ухо различало все новые оттенки в каждой ноте.

Вольфганг забыл, о времени и больше не помнил о клавесине. Овладев понемногу клавиатурой, он почувствовал прилив Неизведанного дотоле волнения. Ему казалось, что не только душа его, но и тело находится во власти музыки. Он чуть изменил силу удара, и звучные басы обрели вдруг страстность и литую теплоту, Вольфганг забыл, что звук клавесина казался ему более четким, – что это по сравнению с богатством нюансов, с огромными возможностями фортепьяно! Радость переполняла его, он был готов играть бесконечно. Ему открывался новый язык музыки, и он должен был им овладеть. Кончив играть, Вольфганг спросил:

– Папа, можно мне учиться играть на фортепьяно? Я попрошу господина Баха давать мне уроки.

Леопольд кивнул, и Вольфганг бросился к отцу на шею и стал целовать, чем привел его в полное смущение.

– Ты уже не маленький, – урезонивал он сына. – Господин Бах поможет тебе, а это уже много.

Но Леопольд удивился, когда Бах отвел его в сторону и, понизив голос, сказал, что Вольфгангу надо брать уроки у Манцуоли.

– У кастрата?! – воскликнул Леопольд.

– Джованни Манцуоли – лучший певец в Лондоне. А может, и во всем мире.

– Вы с ним близко знакомы?

– Весьма. Он поет в моей новой опере, – с гордостью сказал Бах.

– Но у Вольфганга нет ни голоса, ни желания стать певцом.

– Вы ведь хотите, чтобы он когда-нибудь занялся сочинением опер?

– Да. – И чем скорее, тем лучше, думал Леопольд, вот тогда-то мы по-настоящему удивим мир.

– Раз так, он должен учиться сочинять музыку для кастратов. Все хорошие оперы пишутся для голосов такого рода.

Леопольд понимал, Бах прав, но в душе противился этому совету. Варварский обычай кастрировать мальчиков в возрасте Вольферля, чтобы они и взрослыми могли петь высокими голосами, практиковался до сих пор, несмотря на преследование законом и угрозу отлучения от церкви; но Леопольд находил, что Вольфганг еще мал для знакомства с подобной стороной жизни.

– Кроме того, он должен научиться петь правильно.

– Он слишком мал.

– Если ваш сын поправится Манцуоли, тот, может помочь в устройстве публичных концертов.

– А как быть с тем, что Манцуоли кастрат?

– Нужно объяснить Вольфгангу, что это такое.

Задача была не из легких. Хотя Леопольд всегда разговаривал с сыном как со взрослым, но, приступая к этому вопросу, он испытывал большую неловкость.

– Понимаешь, великий оперный певец Манцуоли – кастрат. Когда он был мальчиком, ему сделали операцию, и теперь он не может иметь детей, зато у него удивительный голос – высокий, как лирическое сопрано.

– Но он все же мужчина?

– Да, его можно назвать мужчиной.

– Но не может иметь детей?

– Да.

– Почему?

Леопольд хотел было углубиться в сложные медицинские подробности, но вместо этого сказал:

– Вырастешь – узнаешь.

Вольфганг рассердился. Он знал все, что касалось взаимоотношений мужчин и женщин, и старания взрослых что-то утаивать только смешили его.

– У Манцуоли лучший в Лондоне голос, – повторил Леопольд.

– Это оттого, что он кастрат?

– Возможно.

Бах тоже разочаровал Вольфганга. Вольфганг надеялся, что Бах объяснит ему, как кастрат становится кастратом, – ему казалось, что у него и его нового друга родственные души, – но Бах твердил лишь о несравненных качествах голоса Манцуоли. Сам Манцуоли мальчику не понравился. Студия итальянца была меньше, чем у Баха, и обставлена далеко не так красиво; Бах представил его как первого в Лондоне *musico*⁴, однако у этого толстого пожилого господина был большой горбатый нос и грубые черты лица; тяжелые веки почти скрывали его глаза, Вольфганг удивился, что Бах кланяется Манцуоли чуть ли не ниже, чем королю.

– Разве может восьмилетний малыш смыслить что-то в музыке? – с насмешкой спросил Манцуоли.

– А вы проэкзаменируйте его.

Вольфганг без запинки ответил на все вопросы певца относительно клавесина, он видел, что Манцуоли заинтересовался, хотя все еще настроен скептически.

– А теперь спой что-нибудь, мальчик, – велел он.

– Я не умею.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь, как петь. – Манцуоли с торжеством взглянул на Баха.

– Нет, синьор, я знаю, что у меня плохой голос.

– А, значит, ты еще и критик. Баста! Решать буду я. А ты пой, мальчик, пой!

– Что мне петь?

– Ну хотя бы английский гимн. Если ты, конечно, его знаешь. Патриотизм всегда уместен.

Вольфганг знал мотив гимна, его исполняли перед началом концерта во дворце. Только он очень стыдился своего голоса. Он хотел остановиться после первых же тактов. Пел он совершенно верно, но голос звучал тонко и пронзительно и к тому же вибрировал.

Кастрат улыбнулся и насмешливо обратился к Баху:

– Мальчик явно нуждается в операции. Как раз подходящий возраст.

– Он вовсе не стремится стать певцом, – сдержанно ответил Бах, – просто хочет научиться сочинять оперы для лучших голосов. Таких, как ваш.

Стоит польстить человеку, и в нем сразу просыпается интерес, подумал Вольфганг.

– Что же вы предлагаете? – спросил Манцуоли.

– Пусть он споет вместе с вами. Вы увидите, умеет ли он петь в унисон.

Манцуоли запел, Вольфганг подхватил мелодию и точно следовал за Манцуоли, пока тот не взял слишком высокую для него ноту, тогда он замолчал и стал с восхищением слушать итальянца.

Польщенный, сам того не желая, Манцуоли пел как перед полным залом.

У него было звучное и сильное сопрано, Вольфганг никогда не слышал прежде голоса такой мощи и диапазона и в то же время столь нежного и гибкого, без усилия переходящего от рулады к руладе.

Вольфганг был заворожен голосом итальянца.

Певец задал ему несколько вопросов, и по тому, как оживился Манцуоли, мальчик понял, что ответил правильно, сам же он думал: если уж сочинять оперу, то только для таких

голосов.

Манцуоли, пораженный способностью Вольфганга схватывать все на лету, взялся бесплатно заниматься с ним несколько раз в неделю.

– Это необыкновенный ребенок, – говорил он Баху, – учить его – одно удовольствие. Он никогда не станет певцом, но понимает все, что я рассказываю ему об искусстве пения, вплоть до тонкостей постановки голоса. Он необыкновенно впечатлителен. Впитывает как губка все, что ему говоришь.

– То же самое и на моих уроках, – подхватил Бах, – когда я учу его игре на фортепьяно и законам композиции. Он на редкость восприимчив к музыке.

Через месяц величайшей похвалой, которой Моцарты могли удостоить певца, стало: «Поет, как Манцуоли». Чем глубже Вольфганг познавал секреты пения, тем сильнее возрастало его желание сочинить оперу, но Папа продолжал твердить, что он еще слишком молод. Достиг он больших успехов и в игре на фортепьяно, однако Леопольд запрещал публичные выступления на этом инструменте, говоря:

– Меня не прельщает слава первооткрывателя. Вольфганг и не догадывался, как обижался Папа, когда он называл Баха «мой учитель музыки», хотя Папа не раз подчеркивал, что сам он всего лишь «импресарио и устроитель гастролей»; ведь Папа должен радоваться тому, что Бах учит его сочинять симфонии и даже повел его в театр на одну из своих опер.

Это было торжественное событие. Газеты объявили, что оперу Баха удостоит своим присутствием «их величества», но на Вольфганга произвели больше впечатления яркая сверкающая музыка его учителя, мастерски составленное либретто и использование кларнетов в оркестре. Вольфганг впервые услышал кларнет в оркестре, и такое применение духовых инструментов показалось ему очень удачным.

Манцуоли пел главную партию блестяще, но толпа поклонников помешала им пройти за кулисы, чтобы выразить певцу свое восхищение. Вольфганг с удовольствием смотрел на оживленных нарядных людей, собравшихся у театра на Хеймаркет, но Бах презрительно сказал:

– Вольфганг, не принимай этих разряженных господ всерьез. Теперь, когда они удовлетворили свое тщеславие, попав на Манцуоли, они отправятся па поиски новых развлечений: может, это будут азартные игры, а может, танцы.

Но Вольфганг любил и танцы.

19

Леопольд очень обрадовался, когда Бах и Манцуоли взяли на себя устройство публичных концертов. Программа была составлена так, чтобы полностью продемонстрировать поразительную одаренность детей, и, хотя Анна Мария поначалу сомневалась в успехе, Леопольд торжествовал, первый же концерт принес им неслыханную сумму в сто гиней, По случаю дня рождения Георга III они еще раз выступили во дворце, но основной доход поступал от публичных выступлений. Их капитал после пяти концертов равнялся пятистам гинейам.

Леопольд ликовал. Не обращая внимания на страхи Анны Марии, которую пугал английский климат, он принял решение остаться в Лондоне на всю зиму, а то и на весь 1765 год, но именно в этот момент пришло неприятное письмо из Зальцбурга.

Буллингер писал, что архиепископ интересуется, когда же наконец вернется Моцарт, и так надолго затянувший свой отпуск, архиепископ заявил, что не может до бесконечности держать для него должность вице-капельмейстера.

Леопольду почудилось, будто за ним захлопнулась тюремная дверь. Он долго сидел в раздумье, не зная, что предпринять, и не заметил появления в кабинете сына.

– Бах хочет, чтобы я сыграл с ним несколько дуэтов Генделя, – сказал Вольфганг.

– Ну и что? – Леопольд с раздражением посмотрел на сына.

– На благотворительном концерте в пользу больницы для рожениц. Бах говорит, это

будет расценено как патриотический жест, и тогда мы получим приглашение от госпожи Корнели.

Леопольд очнулся от невеселых мыслей. Госпожа Корнели – хотя, правда, всего лишь дорогая куртизанка – имела самый блестящий в Лондоне салон. Баху не откажешь в дальновидности. С одной стороны, знать оказывала покровительство больнице для рожениц, с другой – заботилась о том, чтобы приток туда их незаконнорожденных отпрысков не ослабевал. Леопольд не мог сдержать улыбки.

– Передай господину Баху, что ты будешь счастлив выступить с ним, – сказал Леопольд, – тем более со столь достойной целью. И что на «бис» ты, с его разрешения, сыграешь сонату собственного сочинения.

Вольфганг поспешил к клавесину – играть свою сонату, а Леопольд занялся ответом Буллингеру:

«Дорогой друг, – писал он, – мы глубоко тронуты вниманием, которое проявляет к нашей судьбе его светлость, и я очень прошу Вас передать ему, что мы чрезвычайно благодарны ему за разрешение совершить эту триумфальную поездку по городам цивилизованного мира.

Пожалуйста, заверьте его, что мы неустанно вплетаем новые лавры в венки его светлости.

Моя дочь считается лучшей исполнительницей в Европе, хотя ей всего двенадцать лет, а Вольфганг, которому восемь, блеском своего таланта затмит любого зрелого музыканта. За это время талант его возрос, Вы не узнали бы моего сына.

Сейчас он сидит за клавесином и сочиняет сонату для большого публичного концерта, а до этого провел день в обществе «английского Баха» и Манцуоли – самых знаменитых музыкантов в Англии, и все же, вернувшись от них, Вольфганг первым долгом попросил передать Вам привет. Не проходит дня, чтобы он не вспомнил с любовью Зальцбург и наших тамошних друзей, хотя здесь его осыпает похвалами сам Георг III, милостиво оказывающий ему свое покровительство.

Англичане глубоко благодарны Зальцбургу за знакомство с «этим чудом природы», как они называют детей, и все говорят – Зальцбург, наверное, священный город; это при том, что Англия – протестантская страна. Они наградили нас не одной сотней гиней, думаю, больше нас зарабатывает один лишь кастрат Манцуоли. Мы выступали перед Георгом III в день его рождения и приглашены играть во дворце по случаю четвертой годовщины его восшествия на престол; кроме того, Вольфганг получил заказ сочинить шесть сонат для королевы.

Поэтому нам нелегко сейчас уехать отсюда. Но, покинув Англию, мы сразу же вернемся в Зальцбург.

Просим Вас передать наше соболезнование графу Арко по случаю смерти его дочери. Это весьма печальное событие. Графиня ван Эйк была чрезвычайно добра к нам, и Вольфганг к ней искренне привязался. Он только теперь начинает оправляться после этой тяжелой утраты.

Но самое главное, мы остаемся наипреданнейшими и покорнейшими слугами его светлости, достойнейшего и высокородного князя Священной Римской империи, и будем, как и прежде, всячески стараться оправдать благодеяния, оказанные нам».

Написав письмо, Леопольд почувствовал облегчение. По совести говоря, ему хотелось приписать другу: «Каждая потерянная сейчас минута потеряна навеки», но такие слова могли обидеть архиепископа. Достаточно, что письмо поможет оттянуть день возвращения в Зальцбург, пока оно дойдет до Зальцбурга, мало ли что может произойти здесь, в Лондоне? Может, ему даже удастся получить более доходную должность у какого-нибудь знатного лорда, и тогда он навсегда распрощается с архиепископом Шраттенбахом.

Из этих соображений он заставил Вольфганга отдать дань английскому патриотизму и исполнить на благотворительном вечере органной концерт Генделя, который принял в свое время британское подданство и считался кумиром англичан.

Благотворительный концерт имел огромный успех. Надежды Леопольда оправдались:

за ним последовало приглашение выступить и модном салоне госпожи Корнели.

Разглядывая гостей, окружавших госпожу Корнели, Леопольд сомневался, интересуется ли кого-либо из этих шумных, бесцеремонных аристократов музыка. Большинство друзей госпожи Корнели считали музыку пустячной забавой и предпочитали ей попойки, азартные игры и разврат, однако по количеству шелковых чулок, модных жилетов и осыпанных драгоценностями шпаг этот салон не имел себе в Лондоне равных. Присутствовавшие женщины были не женами, а любовницами, и потому деньги лились рекой. Леопольд не зря дал детям разрешение выступить тут – концерт, затянувшийся за полночь, принес ему более ста гиней.

Вскоре после концерта, когда они уже перебрались с Сент-Мартин Лейн в новую, более комфортабельную квартиру на Эбери-стрит, Анна Мария сказала Леопольду:

– Близкое знакомство с нравами английской знати может оказать дурное влияние на детей.

Леопольд нахмурился.

– Не так уж эти нравы плохи, – сказал он, – вот Версаль – действительно клоака.

– Ты весь вспотел, – сказала вдруг она, – а окна раскрыты настежь.

– Но ведь сейчас как-никак лето.

Виной тому переутомление и волнение последних дней, решил Леопольд. И вдруг почувствовал, что его бросает то в жар, то в холод.

Лекарь, которого пригласила встревоженная Анна Мария, сказал:

– Господин Моцарт, у вас инфлюенца. Вам надо теплее одеваться.

Но Леопольд сильно расхворался и провел в постели! несколько недель. Анна Мария не отходила от него. Лондон вдруг превратился в мрачный, неприветливый город. Из Зальцбурга не было никаких вестей. Бах и Манцуоли не навещали их.

Узнав о том, что у Леопольда сильная инфлюенца, оба музыканта решили, что он заболел чахоткой, и, боясь заразы, остерегались навещать Моцартов. Без их помощи дети не получали приглашений выступить на концертах. Деньги постепенно таяли.

Леопольд удивлялся, что Вольфганг не унывает. Ему было запрещено играть на клавишине, Бах и Манцуоли не приглашали мальчика к себе, он редко появлялся в комнате отца, что немало огорчало Леопольда, и почти все время проводил в кабинете.

Вольфганг сочинял симфонию. День за днем, вскарабкавшись на стул, он проводил за отцовским столом. В голове все время вертелись слова Баха: «Симфония должна иметь тему, Вольфганг, и приятную мелодию». Ничто не мешало ему – их никто не навещал, но ничто и не вдохновляло, и поэтому мальчик воскрешал в памяти все путешествия, всех королей, с которыми они познакомились, и, в конце концов, придумал свое собственное королевство, которое назвал «Королевство Баха». Если уж Георг III владел королевством, то наверняка Иоганну Кристиану оно тоже полагалось. Он воображал себя сыном Иоганна Кристиана, ему была приятна мысль, что он и сам когда-нибудь станет королем.

В этом призрачном королевстве не было ничего безобразного, там никто никогда не болел, солнце всегда ярко и тепло светило, не то что в Англии. Жизнь была прекрасна, и он был счастлив. Он вспомнил, как Бах говорил: «Музыка должна петь». У Баха она в правда пела. Итак, тема у него есть. Поглощенный думами о споем королевстве, Вольфганг в то же время записывал созвучия, которые еще прежде слышал у Баха. Подражая своему кумиру – Баху, он строил симфонию на контрастах, делая все, чтобы она звучала мелодично и нежно, как у учителя. В симфонии не должна звучать печаль. Музыка Баха вовсе не печальна. И еще он вспомнил о кларнетах, которые использовал в своей опере Бах, и сказал Наннерль, с любопытством следившей за ним:

– Напомни мне, чтобы я поручил валторнам что-нибудь интересное.

– Сам помни, – огрызнулась Наннерль, чувствуя себя несчастной и брошенной. Все только и думали о Вольфганге, а он просто глупый мальчишка – выдумал себе какое-то королевство и не хочет сказать, кто же в нем царствует, а ведь по сравнению с ней он ничего не смыслит в жизни. Папа говорит всем, что ей двенадцать, а ей уже тринадцать,

четырнадцатый, она почти взрослая, а Вольфганг – ребенок. Но, увидев, как сильно брат увлечен работой, она все-таки напомнила ему о валторнах, и он в знак благодарности поцеловал сестру, а она обрадовалась, хотя и сделала вид, что не любит подобных нежностей.

Вольфганг вскоре закончил симфонию. И когда Леопольд окончательно выздоровел, преподнес ее отцу.

В душе Леопольд был очень доволен подарком и мастерством сына, но никак не проявил своих чувств – пусть Вольфганг считает сочинение музыки обычным делом. Он не удивился влиянию музыки Баха, ясно ощущавшемуся в симфонии. Очевидно, сын по-прежнему считал Баха лучшим, умнейшим и прекраснейшим из людей; все же, преподнося симфонию, Вольфганг горячо обнял Папу.

Утешаясь этим воспоминанием, Леопольд принялся наверстывать упущенное время. Он велел Вольфгангу сочинить шесть сонат для клавесина, скрипки и виолончели – их они посвятили королеве. А когда королева, приняв подарок, прислала Леопольду пятьдесят гиней, а затем пригласила детей принять участие в придворных празднествах по случаю четвертой годовщины восшествия Георга III на престол, он окончательно уверился в мудрости своего решения попытать счастья в Англии.

20

Король и королева восторгались игрой детей, однако дальнейших приглашений не последовало. Суровая политика Георга III в отношении американских колоний вызывала всеобщее недовольство, и в январе 1765 года, как раз когда Вольфганг праздновал свое десятилетие, а Леопольд мечтал о новых триумфах, – в городе начались беспорядки в знак протеста против ущемления Георгом III прежних свобод. Волнения были подавлены по приказу короля, требовавшего беспрекословности, повиновения, но недовольство внутри страны осталось. Георг заболел, и все дворцовые развлечения были отменены.

Из-за политических осложнений сократилось и число публичных концертов. Выступления Моцартов перестали быть сенсацией, и зная потеряла к ним интерес. Бах был погружен в собственные дела, хотя и продолжал заниматься с Вольфгангом, а разбогатевший Манцуоли строил планы возвращения в Италию; ни у того, ни у другого не оставалось времени заботиться о Моцартах. Поэтому, как только Леопольд заметил, что расходы их стали превышать доходы, он решил покинуть Англию.

Вольфганг радовался отъезду. Теперь, когда интерес к ним ослаб, Англия быстро ему наскучила. Папа свозил их с Наннерль посмотреть Тауэр, собор св. Павла и Вестминстерское аббатство, Линкольнфилдз и колонну, сооруженную в память пожара 1666 года, но разве могло все это сравниться с выступлениями или сочинением музыки? Однако при прощании с Бахом Вольфганг расплакался и не хотел покидать дом учителя.

Иоганн Кристиан тоже расчувствовался, а Вольфганг твердил:

– Мы больше не увидимся. На что Бах сказал:

– Обязательно увидимся!

– Нет, нет, – говорил Вольфганг, – ведь вы никогда не приедете в Зальцбург, что вам там делать?

Бах молчал: он понимал, мальчик прав. Повернувшись к Леопольду, композитор спросил:

– А вы не вернетесь?

– Из Зальцбурга? Вряд ли.

– В Англии ваших детей искренне полюбили.

– Вы думаете?

– Уверен. Несмотря на неудачи, постигшие вас в последнее время, – в голосе Баха зазвучали несвойственные ему умоляющие нотки, – прошу вас, приезжайте.

В последнюю минуту Леопольд переменил планы и вместо того, чтобы возвращаться

домой через Париж, решил поехать в Голландию. Он написал в Зальцбург, что голландский посол в Англии настойчиво просил детей выступить перед семнадцатилетним принцем Оранским, который через год должен был стать во главе Нидерландской республики, и перед его беременной сестрой принцессой Каролиной. Как пояснил Леопольд в письме к Буллингеру: «Разве можно отказать беременной женщине, а ей очень хочется послушать детей; но оттуда мы, не задерживаясь, направимся домой».

Не мог же он поведать о том, что его томят мрачные предчувствия, что стоит вернуться в родной город, и ему неизбежно придется распрощаться со своей независимостью и поставить крест на собственной карьере. Леопольда несколько взбодрил теплый прием, оказанный им принцем Оранским и принцессой Каролиной: те пришли в восторг от детей и щедро осыпали его гильденами.

Через три недели после приезда в Гаагу они узнали о внезапной кончине мужа Марии Терезии императора Франца I, умершего от апоплексического удара. Однако Леопольд не испытывал особой печали, так как, по общему мнению, наследник Франца – новый император Иосиф II был несравненно музыкальнее отца.

В тот вечер, когда Леопольд узнал о смерти императора Франца, заболела Наннерль. Сначала Леопольд решил, что это просто сильная инфлюенца, которой он и сам переболел в Англии, но скоро ей стало совсем плохо, и отец потерял голову. Никто из лекарей – хотя среди них был и личный лекарь принцессы Каролины, и лекарь, присланный английским послом, – не мог определить, что у девочки за болезнь и как ее лечить. Наннерль становилось все хуже, и Леопольд спешно послал за священником, чтобы причастить дочь на случай, если господь пожелает призвать ее к себе.

Наннерль думала, что умирает. Никогда прежде не испытывала она таких мучений. А тут еще возле кровати появился священник. Значит, теперь вся слава достанется одному Вольфгангу. Хмурый священник унылым голосом уверял ее, что в раю живется куда лучше, чем в сем грешном мире. Желая облегчить агонию, он совал ей крест, а она инстинктивно прижимала руки к животу, стремясь утишить боль, до того ужасную, что ей чудилось, будто она уже в аду.

Она забылась, и в бреду ей являлось много разных людей, но среди них Наннерль не видела близких. А когда она снова пришла в себя, священника уже не было, у кровати стояла, заливаясь слезами, Мама, рядом с ней Папа, и вид у него был просто ужасный. Но где же Вольферль? Неужели брат не знает, как сильно она больна? Наннерль хотела спросить родителей, но в глазах у нее снова помутилось.

Как видение, перед ней возник Зальцбург. Радуга ореолом охватила город и крепость Гогензальцбург. Это было так красиво, что у нее перехватило дыхание, и она страстно пожелала: «Пусть я умру, и они будут наказаны за то, что против воли увезли меня отсюда! Ведь его светлость отпустил Папу всего на год, а не на два и не на три!» И тут Наннерль снова увидела Папу. Он стоял рядом и плакал навзрыд, совсем как Мама, а сам искал ее руку, и Наннерль хотелось прижаться к Нему и сказать: «Я люблю тебя больше, чем Вольферль», но не хватило сил.

Ужасные желудочные спазмы прекратились, и вскоре она смогла повторить за Папой:

– Боже милостивый, я люблю тебя!

Она действительно любила всевышнего – почти так же, как Папу, в этом-то Вольферль уступал ей. Папа шептал:

– Ты должна покаяться, иначе тебе будет тяжело на том свете. – Наннерль просила бога простить ее за то, что она завидовала Вольферлю и сердилась на Папу и Маму, которые любили брата больше, и Папа был потрясен, услышав это.

– Ты не должна так думать, – сказал он, – это неправда. Что неправда? И вообще, где они? В Лондоне, Париже, Вене?

– Крепись, деточка! Тебе уже лучше.

– А когда мы поедem домой, Папа? Скажи – когда?

– Как только тебе станет лучше.

Он видел, что она все еще борется со смертью.

Мама начала напевать псалом, который всегда пела в Зальцбурге, Наннерль знала его чуть не с рождения. Ослабевшая девочка с трудом открыла глаза и прислушалась. Мама обняла ее и, укачивая, как маленькую, шептала:

– Солнышко наше, любимая доченька!

Понемногу Наннерль стала выздоравливать. Окруженная любовью, она чувствовала, что снова заняла в семье по праву принадлежащее ей место. Папа и Мама говорили только о ней. Но окончательно она убедилась, что находится вне опасности, лишь когда Папа начал жаловаться на свою подагру. Папа сказал, что Наннерль болеет уже целый месяц. Она спросила, где же Вольферль, и Папа пояснил, что он тоже болен. Брат снова хочет ее затмить, решила Наннерль.

Вольфганг устал болеть. По приезде в Гаагу он тут же слег с ангиной; едва оправившись после болезни, он стал мучиться от ревматизма в руках, и ему пришлось прекратить упражнения. И только встала Наннерль с постели, как он свалился с высокой температурой, тошнотой, поносом и резами в желудке.

Вольферль провел в постели несколько недель, терзаясь от того, что не может упражняться. Болезнь угнетала его. Папа и Мама, желая развеселить сына, подшучивали над частыми действиями его желудка, но он даже не улыбался. Видно, никогда не избавиться ему от боли и страданий, со страхом думал он. Слабость, овладевшая им, казалась унижительной. Почувствовав себя немного лучше, он сразу же захотел встать, и Папа, с облегчением вздохнув, сказал Маме:

– Наверное, прав был лекарь, тот, который сказал, что дети, видимо, больны typhus abdominalis – брюшным тифом. – Папа гордился знанием латыни.

Вольфганг стыдился своего немощного тела. Он попытался встать, но не смог устоять на ногах – ступни и пальцы ног точно онемели. Лишь через неделю, когда он, наконец, начал ходить без посторонней помощи, к родителям вернулся сон.

На празднествах по случаю того, что принц Оранский стал главой Нидерландской республики, Вольфганг и Леопольд исполнили шесть сочиненных Вольфгангом сонат для клавесина и скрипки, которые он посвятил принцессе Каролине. Принц дал им пятьдесят гульденов, и после почти целого года, проведенного в Голландии, они наконец двинулись в Париж. Перед отъездом Леопольд, встревоженный молчанием Шраттенбаха по поводу его столь затянувшегося отпуска, послал архиепископу сонаты, посвященные принцессе Каролине, сопроводив их скромным и очень милым письмом от Вольфганга.

Леопольд остался доволен сердечным приемом, оказанным его семье Гриммом. Гримм вновь представил его публике как капельмейстера архиепископа зальцбургского, устроил несколько концертов у принца Конти и поместил в «Литературной корреспонденции» хвалебную статью о Моцартах, где особо подчеркнул растущее мастерство Вольфганга как композитора. Сам Леопольд не мог бы написать лучше, и статья Гримма привела его в восхищение.

Но прошло два месяца, и Леопольд понял, что и в Париже невозможно рассчитывать на постоянный успех. Заболел принц Конти, и все концерты во дворце отменили. У аристократов, покровительствовавших им прежде, появились новые развлечения. Людовик XV после смерти госпожи Помпадур занялся поисками очередной любовницы и совсем забыл о музыке. Итак, снова увидев, что расходы стали превышать доходы, Леопольд собрался в дорогу. Граф Арко от имени архиепископа прислал ему коротенькую благодарственную записку за «голландские сонаты», и больше ничего.

Господин Гримм и госпожа д'Эпинэ, пришедшие проститься, посоветовали им ехать домой через Швейцарию, где дети могли бы выступить перед их большим другом – Вольтером, он жил в Ферни, поблизости от Женевы. Леопольд считал Вольтера безбожником и проходимцем, но понимал, как важно заручиться его покровительством.

– Прекрасная мысль! – воскликнул он. Госпожа д'Эпинэ пришла в восторг.

– Я сама напишу ему.

– Вольтер любит ее, потому что она не лебезит перед ним, – пояснил Гримм.

– Вольтера очень интересуют феномены вроде Вольфганга, – сказала госпожа д'Эпинэ.

А Гримм добавил:

– Леопольд, надеюсь, вы не требуете от мальчика слишком многого. Он очень хрупкий на вид.

– Он же болел тифом в Голландии. Но ничего, как только мы вернемся домой, времени для отдыха у него будет больше чем достаточно. С путешествиями покончено. По крайней мере, на время.

– У мальчика удивительный природный ум и очарование. Будет обидно, если преждевременное развитие убьет в нем эти качества.

– Согласен с вами – сказал Леопольд и в знак благодарности за все услуги, оказанные им Гриммом, преподнес ему с дарственной надписью свою «Скрипичную школу», изданную в Голландии во время их пребывания там.

– Точно такой же экземпляр я подарил принцу Оранскому, – гордо заявил он.

– Я очень тронут, очень! – ответил Гримм. – Желаю вам удачи у господина Вольтера.

После месяца, проведенного в Дижоне и Лионе, где они давали концерты, Моцарты поспешили в Женеву. В Женеве Леопольда ожидало письмо от госпожи д'Эпинэ, в котором та сообщала, что Вольтер из-за болезни не сможет принять детей. Вольфганг весьма удивился огорчению Папы, он-то знал, что такое болезнь. На него не действовала и слава Вольтера, он уже играл для стольких знаменитостей – одной больше или меньше, разве это имеет значение?

В подтверждение своих слов госпожа д'Эпинэ приложила ответ Вольтера, и рассерженный Папа прочитал его вслух:

«Я весьма сожалею, мадам, но Ваш маленький Моцарт выбрал крайне неподходящее время, чтобы нести гармонию в храм Дисгармонии, где обитаю я. Как Вам известно, я живу в двух лье от Женевы и редко куда-либо выезжаю. А теперь еще заболела госпожа Дени. Сам я уже несколько недель лежу в постели, а Вы хотите, чтобы я слушал Вашего молодого клавесиниста. Право, милый друг, Вы требуете от меня слишком многого. Я даже не вступил еще на путь выздоровления».

Папа вышел из себя:

– Проклятый безбожник! Смеет еще распространяться о своих мерзких шлюхах! Говорят, будто он мнителен до отвращения. Как бы то ни было, мы едем в Италию. Отсюда до нее рукой подать.

Вольфгангу очень хотелось поехать в Италию – самую музыкальную страну в мире, но только не сейчас, а когда пройдет усталость. Но он не смел противоречить и без того рассерженному Папе.

Мама, однако, поняла его и сказала:

– Мы не можем больше затягивать нашу поездку. Дети совершенно измучены. Стоит им еще раз заболеть – и мы их потеряем.

По выражению лица Папы было видно, что в душе он согласен с Мамой, но не хочет признаваться в этом.

– Мне лучше всех известно состояние их здоровья, – сердито сказал он.

В конце концов, Папа решил держать путь в Германию, не заезжая больше ни в какие страны; в это время года погода в Италии вредна для здоровья, объявил он.

Иногда Вольфгангу казалось, что Папа вовсе не хочет возвращаться домой: по пути они останавливались в каждом швейцарском и немецком городе, где только можно было дать концерт, и лишь через несколько месяцев направились в Зальцбург.

В Мюнхене, совсем недалеко от дома, они снова задержались.

Прошла неделя, а они все не трогались с места. Казалось, Папа боится этого последнего шага, отделяющего их от Зальцбурга. Мама умоляла его ехать домой, а он сидел у стола и разбирал бумаги, накопившиеся за поездку. И как только у Папы хватало терпения вести столько записей? «Но Папа так гордился поездкой, что вел подробный дневник, где

были поименованы все города, которые они посетили, и все люди, перед которыми выступали, а также полученные за это время деньги и все музыкальные произведения, сочиненные Вольфгангом.

– Вы только посмотрите, – объявил Папа. – После отъезда из Лондона мы дали концерты в Дюнкерке, Лилле, Тенте, Антверпене, Роттердаме, Гааге, Амстердаме, Утрехте, Париже, Дижоне, Лионе, Женеве, Лозанне, Берне, Цюрихе, Винтертуре, Шафхаузене, Донауэшингене, Диллингене и вот теперь в Мюнхене! Подумать только, что мы...

– Ты считаешь, это произведет впечатление на архиепископа? – перебила его Мама.

– Оставь свой язвительный тон. Посмотри, сколько мы заработали! Сколько вещей сочинил за это время Вольфганг! Тридцать, включая симфонии и оперные арии.

– Сколько же мы заработали?

– Нам хватит на жизнь, если архиепископ меня уволит.

– На всю жизнь, до самой смерти?

Папа молчал, и вдруг у Вольфганга вырвалось:

– Папа, я буду играть везде, где вы только захотите. И сколько захотите.

– Да, мой мальчик. – Папа с трудом сдержал волнение. – Нам всем придется много трудиться.

– Но теперь мы можем ехать домой? Поедемте, прошу вас, Папа!

Проходил час за часом, а Папа все не принимал окончательного решения. Вновь и вновь перечитывал свои записи, а в ушах по-прежнему звучал умоляющий голос сына. С его стороны, конечно, было большой дерзостью затянуть отпуск до трех лет. Но мысль о том, что после трех лет, проведенных в обществе знатных и именитых людей, он вновь станет жалким вице-капельмейстером, была невыносима. В отчаянии он решил написать Хагенауэру:

«Больше всего меня заботит будущее детей. Поймите, мой друг, всевышний одарил их необычайным талантом; если я сложу с себя попечение о них, это будет означать, что я отступился и от него. Потерянных мгновений не вернуть никогда, я и прежде понимал, сколь ценно время в юности, но теперь я в этом полностью убедился. Вам известно, что мои дети приучены трудиться. Они понимают: чтобы чего-то достигнуть, нужна железная воля. Но кто знает, какой прием ожидает меня в Зальцбурге? Может, такой, что мы будем рады тут же убраться прочь? Я всецело полагаюсь на Вашу мудрость и доброе сердце».

Хагенауэр ответил без промедления: «В Зальцбурге у Вас по-прежнему есть добрые друзья. Возвращайтесь домой, Леопольд, понемногу все утрясется».

При виде Унтерсберга Мама и Наннерль от радости бросились друг другу в объятия, а Вольфганг вдруг понял, почему Папа не хотел возвращаться домой. Теперь уже Папа не будет главой, не он, а кто-то другой будет теперь распоряжаться. Вольфгангу стало жаль Папу. Он радовался, что скоро ему исполнится одиннадцать, хотя Папа по-прежнему утверждает, что ему только девять, а, между прочим, Папа прекрасно умеет считать.

Часть четвертая. ГОДЫ МУЖАНИЯ.

21

Остался ли он вице-капельмейстером? По возвращении домой этот вопрос не давал Леопольду покоя. Он страшился положительного ответа – тогда ему придется надолго застрять в провинциальном Зальцбурге; но страшился и отрицательного – это означало бы полную зависимость от публичных концертов, а сбора от них никогда заранее не предугадаешь. Но ответа на свой вопрос Леопольд ни от кого не мог добиться. У казначея не оказалось для него денег. Леопольд доложил о своем приезде капельмейстеру Лолли – тот, как всегда, бодро дирижировал капеллой, готовя ее к домашнему концерту, – но Лолли даже не удостоил Моцарта приветствием, а лишь бросил через плечо:

– Ваши обязанности исполняет Михаэль Гайдн, обратитесь к нему.

– Мне помощь не нужна, – сказал Гайдн и повернулся к подросткам, которым давал урок игры на скрипке, буркнув себе под нос: – Я выполняю свои обязанности по указанию графа Арко.

Граф Арко пребывал вместе с архиепископом в охотничьем замке в горах. Никто не знал, когда они вернутся, да и мало кого это заботило.

На вечере, устроенном Хагенауэром в честь возвращения Моцартов, все разговоры сводились к их поездке.

– Скажите, Леопольд, мадам Помпадур, правда, была так хороша собой? – поинтересовался Хагенауэр.

– Я бы скорее назвал ее импозантной, чем красивой. Она немного похожа на императрицу.

Хагенауэр пришел в смущение, а Леопольд невольно улыбнулся наивности друга.

– Неужели англичане даже оперные арии поют на своем ужасном языке? – спросил Баризани.

– В Лондоне все оперы исполняются па итальянском.

– Вольфганг действительно понравился Рамо и Баху? – допытывался Венцель.

– Да. И Манцуоли тоже. Уезжая в Италию, знаменитый певец пригласил нас к себе.

– А подарки, подарки? – О подарках хотели знать все. – Неужели вы получали их от самого Людовика XV и от короля Георга III?

Леопольд с гордостью продемонстрировал золотую табакерку, полученную в подарок от французского монарха, и пояснил:

– Англичане предпочитают одаривать звонкой монетой. – Затем он велел Наннерль и Вольфгангу принести в гостиную наиболее роскошные сувениры, а сам давал пояснения: – Дюжина золотых часов, две дюжины табакерок, пекоторые с золотыми и серебряными инкрустациями, серьги слоновой кости с жемчугом, четыре золотых кольца, дорожный серебряный бьювар с серебряными перьями, чтобы Вольфганг мог сочинять в пути, две шпаги с рукоятками, осыпанными драгоценными камнями, голландские кружева, английские шляпы, фламандские плащи, французские накидки и коробка для зубочисток из чистого золота.

Леопольд приостановился, чтобы дать возможность затаившей дыхание аудитории оценить все эти удивительные дары, и Буллингер заметил:

– Эти подарки, должно быть, стоят не одну тысячу гульденов?

– Обер-камергер Людовика сообщил мне, что, если я когда-либо пожелаю продать золотую табакерку, король купит ее за несколько сот гульденов.

Гости полюбовались табакеркой, а затем Буллингер спросил:

– Вы, наверное, заработали за поездку никак не меньше десяти тысяч гульденов?

Радостно оживленный Леопольд внезапно омрачился, подозревая какой-то подвох.

– Не забудьте, мне пришлось потратить целое состояние, чтобы не ударить в грязь лицом перед знатью. А сколько мне стоил каждый концерт, представить трудно! Я сомневаюсь, покрыли ли мы все наши расходы.

Шахтнера удивило, что Вольфганг почти не вырос за эти три с половиной года. И пока Леопольд перечислял знатных господ, перед которыми выступали дети, Шахтнер внимательно присматривался к брату и сестре Моцартам. У девочки гордый вид, совсем как у отца, но Вольфгангу явно успели наскучить подарки. Пожалуй, черты лица мальчика стали еще тоньше, думал Шахтнер, а худоба и бледность говорят о том, что болезни его не щадили. Но Вольфганг не забыл его, при встрече бросился на шею и особенно оживился, когда Шахтнер попросил:

– Покажи-ка мне свои новые сонаты.

– Я написал еще и вариации, они вам непременно поправятся.

Но прежде чем мальчик успел отправиться за нотами, в разговор вмешалась Анна Мария. Она за руку подвела к Шахтнеру Наннерль и спросила:

– Ну скажите, Андреас, разве она не подросла?

– Очень, и к тому же похорошела.

Наннерль вспыхнула и, чтобы скрыть смущение, стала показывать ему свои голландские кружева.

– Удивительно красивые, – похвалил Шахтнер. – Вы счастливица.

Анна Мария отослала Наннерль и Вольфганга к другим гостям и лишь тогда спросила:

– Его светлость сердится на Леопольда?

– Отчего же?

– Андреас, вы отлично знаете, Леопольд получил отпуск всего на год.

– Я не сомневаюсь, что Леопольд знал все условия.

– Вы не отвечаете на мой вопрос!

– В следующий раз, Анна Мария, спрашивайте моего совета до отъезда, а не после.

– Но Леопольд такой упрямый!

Словно почувствовав, что разговор идет о нем, к ним подошел Леопольд, и Шахтнер спросил:

– Вы решили навсегда покончить с поездками?

– Ни один разумный музыкант не станет пренебрегать такой возможностью.

– И все-таки рассчитывали, что вас встретят здесь с распростертыми объятиями?

– Разве я мало сделал для прославления Зальцбурга?

– Но какой ценой! Дети очень плохо выглядят: похудели, бледные.

– Они так много болели, – вздохнула Анна Мария. – Но теперь отдохнут.

– Скажите, Леопольд, сколько вы заработали? За вычетом всех расходов?

– Почему это вас интересует? – Леопольд поразился любопытству друга.

– Я хочу знать, стоило ли так рисковать.

Леопольд сделал предостерегающий жест – к ним подходил граф Арко. Леопольд заметил, что гофмейстер постарел, черты лица его заострились.

– Моцарт, – объявил граф Арко безо всякого вступления, – его светлость желает, чтобы ваш сын сочинил музыку к первой части драматической оратории «Долг первой заповеди». Гайдн и Адельгассер сочиняют вторую и третью. Мальчик должен писать музыку в Резиденции, дабы не возникло никаких сомнений в его авторстве.

– Неужели его светлость сомневается в том, что Вольфганг сам сочинил присланные мною сонаты?

Еще как сомневается, подумал граф Арко. Потому-то он и запирает его во дворце. Вслух граф сказал:

– Трудно поверить, чтобы одиннадцатилетний ребенок мог написать такие зрелые вещи.

– Вольфгангу было девять, когда он сочинил французские и английские сонаты.

– Тем более он не нуждается теперь ни в чьей помощи. Леопольд промолчал. Тон графа Арко ясно говорил, что дальнейший спор бесплоден.

Граф Арко продолжал с печальной улыбкой:

– Вся моя семья благодарит вас за соболезнование.

– Графиня удостоила нас своей дружбой, – ответил Леопольд. – Ее смерть была тяжелым ударом для всех нас и особенно для Вольфганга – графиня очень его любила.

– Она хвалила мальчика в своих письмах.

– Графиня ван Эйк была необыкновенной женщиной. Знакомство с ней для нас большая честь.

Подошли другие гости, и граф снова заговорил официальным тоном:

– Оратория должна быть готова через месяц, к годовщине возведения его светлости в сан. Он рассчитывает получить произведение, соответствующее важности этого события.

– Целый месяц? – Леопольд рассмеялся. – Этого вполне достаточно, ваше сиятельство.

– Полагаю, ваш сын не обманет наших ожиданий, – сухо сказал граф Арко. – Это явилось бы большим разочарованием для его светлости.

Почему Папа беспокоится? Вольфганг был совершенно уверен в себе. Он выдержал такое же испытание у принца Конти, а в то время знал куда меньше. От того, как он, Вольфганг, справится с ораторией, во многом зависит авторитет и положение отца; Вольфганг это понимал, но Папе не стоило волноваться, все будет в порядке. Сюжет старой мистерии был скучноватый, но сочинение музыки к ней не представляло трудности. Вольфганг слышал немало ораторий и прекрасно помнил, как строится их музыка. Ему достаточно было один раз услышать какую-нибудь вещь, и он мог легко воспроизвести ее форму. И все же, когда за ним закрылись двери салона, где он должен был сочинять в обществе одного только лакея, у Леопольда было такое лицо, словно сына бросили в темницу.

Обстановка салона удручала Вольфганга. Правда, в комнате стоял стол, а степы украшали картины из истории Великого потопа, но клавесин был посредственный и общая атмосфера гнетущая.

Вольфганга скоро утомило однообразие оратории, и он с удовольствием принялся за арию для мужского сопрано. Постепенно он увлекся и даже взял партитуру с собой в кровать; во всем дворце ария была единственно дорогой и близкой ему вещью.

Как-то граф Арко наведился к нему узнать, как подвигается сочинение, но Вольфганг только пожал плечами. Они не доверяли ему, а он не доверял им.

Через несколько дней Вольфганг попросил лакея распахнуть окно. Никто, кроме графа Арко, не навещал его, а Вольфганг ненавидел одиночество. Одиночество порождало грусть, а грусть душила мысли. Но теперь, после того как с разрешения графа отворили все окна, стал слышен звон колоколов, голоса слуг, берущих воду из источника, стук подков о булыжную мостовую. Привычные звуки рождали мелодии. Он придал своей части оратории форму Генделя и содержание Эберлина. Его светлость останется доволен. Вольфганг предпочитал оратории Генделя всем другим, но его светлость больше любил музыку Эберлина. Желая удостовериться, что его мелодии можно петь, Вольфганг напевал их сам себе. Он по-прежнему недолюбливал свой голос, тонкий и пронзительный, но пел верно и под конец пришел к выводу, что сочинение вполне пригодно для соборного хора, который будет исполнять ораторию.

Через две недели Вольфганг сказал, что его часть закончена. Граф Арко изумился. Он никак не ожидал от ребенка, что тот так быстро справится с заданием. Почерк был детский, небрежный, и, увидев испещренные кляксами нотные листы, граф Арко решил, что перед ним просто мазня, которую нельзя играть. Желая увериться в этом, он отдал партитуру Лолли, но тот неохотно подтвердил, что первая часть вполне пригодна для исполнения. Затем граф показал ноты Гайдну, еще не закончившему свою часть, и тот сказал:

– Это заимствованная вещь. Чистый Эберлин.

– А ее можно исполнять?

– Думаю, что да. Но мальчику еще многому надо учиться.

– А вы в возрасте Вольфганга написали бы лучше? – Граф Арко отнюдь не собирался принимать чью-то сторону, но никуда не денешься – ребенок удивительный.

– Разве в этом дело?

– Для Вольфганга как раз в этом.

После исполнения оратории его светлость сказал Леопольду:

– Я рад, что ваш сын оказался достойным лестных отзывов, полученных нами из-за границы.

– Благодарю вас, ваша светлость. Мы молим бога, чтобы он помог нам заслужить ваше одобрение.

– Но если вы еще раз без моего разрешения затянете отпуск, я не буду столь снисходителен.

– Я ваш покорный слуга, ваша светлость. Шраттенбах развеселился. Неужели музыкант думает, что его так легко провести? Архиепископ чуть было не сказал Моцарту, что прекрасно понимает, чего стоят его лицемерные заверения в покорности, но одумался: не

пристало ему снисходить до пререканий со слугой.

– Для нас большая честь, ваша светлость, принимать участие в праздновании вашей годовщины.

– Такая же честь, как выступать перед Людовиком XV? Или Георгом III?

– Большая, ваша светлость. Где бы ни выступали дети, наши мысли постоянно были о том, как бы заслужить ваше благорасположение и благословение.

Архиепископ удостоил его улыбки, но Леопольд увидел лишь холодный оскал. Затем его светлость удалился, и Леопольд, оставшись вдвоем с графом Арко, спросил:

– А в чем состоят мои обязанности, ваше сиятельство?

– Что вас интересует? У вас вполне достаточно обязанностей.

– Да, да, разумеется. – Вот только каких именно, недоумевал Леопольд.

– Надеюсь, вы по-прежнему остались искусным скрипачом. Его светлости нужны исполнители и учителя, а не гении. – Увидев, что музыкант поставлен на место, граф смягчился:

– Леопольд, иногда вы бываете чересчур напористы. Да, у вас необыкновенные дети, но ведь и у меня они необыкновенные, и одной дочери я уже лишился. Благодарите судьбу за то, что к вам она более снисходительна.

– Я благодарен судьбе, ваше сиятельство. Но вы ведь понимаете, дети действительно заслужили право выступать перед императрицей, перед Людовиком XV, перед Георгом III.

– Уж не подумываете ли вы о новой поездке? – удивился граф Арко.

– Ни в коем случае! По крайней мере, не сейчас. Но если, к примеру, через год императрица захочет вдруг послушать детей или потребует Вольфганга сочинить что-нибудь для нее, как отнесется к этому его светлость? Ведь это великая честь для Зальцбурга.

– Можно будет испросить еще один отпуск. Без оплаты, конечно. Но не следует забывать, что вы находитесь в услужении его светлости.

– Без оплаты?

– Вы получите деньги, как только снова приступите к исполнению своих обязанностей.

– В качестве вице-капельмейстера?

– Неужели, по-вашему, мы должны дать отставку Лолли, всегда готового к услугам его светлости?

Глубоко опечаленный, Леопольд стоял в полной растерянности. Как бы ни повернулись события, они всегда сумеют найти предлог, лишь бы не дать ему должность капельмейстера.

– На вашем месте я бы больше думал о карьере в Зальцбурге. У вас ведь здесь немало добрых друзей.

– Граф Арко, я искренне ценю все, что вы для меня сделали. Благодарю вас от всего сердца.

– Правда, цените, Леопольд?

– Как можно в этом сомневаться! Вольфганг говорил, что вы заглядывали к нему каждый день.

– Он прекрасный мальчик. Милый, ласковый, только немного упрямый, как и его отец. Будьте осмотрительны, особенно когда заметите, что он становится поперек дороги другим композиторам. Стоит им почувствовать в нем реальную угрозу, как они немедленно ополчатся против него, а то, что он ребенок, озлобит их еще больше. – Граф Арко протянул Леопольду золотую медаль для Вольфганга – подарок архиепископа за первую часть оратории.

Леопольд был разочарован – золота в медали оказалось всего на двенадцать дукатов, но Анне Марии подарок поправился, а Наннерль пожалела, что ей нельзя носить медаль вместо Вольфганга, которого больше заинтересовало поручение его светлости сочинить еще одно произведение.

Для его светлости Вольфганг написал пасхальную кантату, получившую высочайшее одобрение. Он сочинил две симфонии для князя фон Фюрстенберга, за которые ему заплатили. Переложил четыре сонаты Шоберта и Баха в концерты для клавесина и исполнил их в присутствии архиепископа, и тот заметил, что они достойны Гайдна. Но вершиной удачи был заказ, полученный в следующем году от Марии Терезии написать музыку для празднеств в честь бракосочетания ее дочери Марии Йозефы с неаполитанским королем Фердинандом. Вольфганг ощущал большой прилив сил, он отдохнул и жаждал новизны. И он готов был сочинить для императрицы все, что она пожелает, хорошо бы, правда, она остановила свой выбор на опере.

Папа получил отпуск на условиях, о которых его предупреждал граф Арко. Вся семья с нетерпением ждала поездки. Они выехали в Вену, полные радужных ожиданий. Но не успели явиться ко двору, где Вольфгангу должны были указать, какую писать музыку, как в городе вспыхнула эпидемия оспы.

Через неделю стала известна еще одна печальная новость. Папа собрал их в тесной гостиной квартиры, которую они снимали в доме ювелира, и объявил:

– Эрцгерцогиня Мария Йозефа заболела оспой. Все приготовления к свадьбе отложены.

– Что же делать? – спросила Мама.

– Что делать! – сердито отозвался Папа. – Ждать, как все ждут!

Вскоре эрцгерцогиня умерла.

– Теперь никто не захочет приглашать детей, – сказал Папа. – Все боятся оспы.

– Еще бы не бояться! – возразила Мама. – Говорят, эпидемия все растет.

– Какая там эпидемия, отдельные случаи в домах, где редко чистят выгребные ямы.

– А ты не ошибаешься? – Анна Мария не могла преодолеть страх.

– Нет, не ошибаюсь. У тебя просто нервы не в порядке. На следующий день Анна Мария сказала Леопольду:

– У нашего хозяина заболел старший сын, наверное, оспа, к нему никого не пускают.

Леопольд не ответил, его терзали другие заботы.

Вольфгангу тоже нездоровилось. Голова горела, а руки были холодны как лед. Но скажи он об этом, и его тотчас увезут из Вены, а он не хотел уезжать. К тому же страшила мысль, что он опять заболел, разве не хватит с него страданий, перенесенных в прошлую поездку? Вольфганг сел упражняться за дорожный клавесин, хотя голова раскалывалась от боли, а руки совсем окоченели. Но едва он, с трудом шевеля пальцами, взял несколько аккордов, как хозяин попросил его прекратить игру: двое его младших детей тоже заболели и нуждались в покое. Это же хозяин сказал и Папе, когда тот попытался заглянуть к детям и посмотреть, что с ними: в детскую никого не пускали.

Папа навестил всех своих знакомых и всюду слышал одно: в Вене свирепствует оспа, особенно косит детей.

Оспой переболела половина всех детей в городе. Из них половина умерла, а половина выживших осталась изуродованной на всю жизнь.

Когда Леопольд узнал, что дети хозяина покрылись красными пятнами, они спешно покинули квартиру. Вольфгангу сделалось совсем плохо, и он пожаловался Папе. В отчаянии Леопольд увез семью в Брно, подальше от Вены. Но оспа пришла и в Брно. Тогда Моцарты выехали в Оломоуц, где у Леопольда среди знати были знакомые, в надежде, что там они окажутся в безопасности.

Однако из боязни заразы никто из оломоуцских аристократов не решился принять Моцартов. Все комнаты в лучших гостиницах были заняты состоятельными беженцами из Вены. Леопольд с трудом раздобыл комнату в убогой гостинице под названием «Черный орел». Но спасения не было. Лицо Вольфганга покрылось красными пятнами, он никого не узнавал.

Леопольд уложил сына в постель и, оставив на попечение дрожавших от ужаса Анны Марии и Наннерль, бросился за лекарем. Поиски оказались безуспешными. Оспа косила жителей Оломоуца, и все лекари были заняты. Леопольду страшно было возвращаться в

гостиницу. За время его отсутствия лицо у Вольфганга распухло и красные пятна осыпали все тело.

«Неужели Папа не понимает, как мне плохо», – думал Вольфганг. Он ничего не видел. Он ослеп. Никогда больше он не сможет сочинять музыку. Пропали все его надежды, тьма поглотила чудесную единственную мечту его жизни. Ночь воцарилась навеки, и во тьме ему слышались жуткие завывания. Это были гарпии – они хотели, чтобы он слышал только самые отвратительные звуки.

После Папа рассказывал, что спасла сына лишь необычайная доброта графа Подстатского, декана кафедрального собора в Оломоуце, который, не боясь заразы, пригласил к себе в дом всю семью, позвал своего лекаря и окружил их всяческой заботой. Но Вольфганг знал, спасло его не это. Когда шум в голове стал невыносимым, он заставил себя вспомнить свою самую любимую вещь – сонату для клавесина Иоганна Кристиана, – и постепенно перед обманчиво простыми звуками сонаты, этим чудом изящества и мелодичности, шум отступил и боли прекратились. Нет, не все еще потеряно, если даже во мраке он мог слышать дивные гармонии, четкие, совершенные. Нет, не все!

Леопольд и Анна Мария опасались, не ослеп ли Вольфганг навсегда, но через девять дней он вдруг стал их узнавать.

Вольфганг спросил, что это за город и как давно они здесь живут, и, услышав ответ Папы, смолк, потрясенный тем, как долго он болел.

– Оспинок у тебя не останется, – заверил его Леопольд. – Были красные пятнышки, но они уже бледнеют.

– И жара у меня больше нет?

– Ну конечно, ты же выздоравливаешь.

– Скажите, Папа, неужели мне было так плохо?

– Ты нас напугал до смерти. – Леопольд улыбнулся – первая улыбка за время болезни Вольфганга. – Скоро ты опять начнешь играть и сочинять музыку.

– Если я не ослеп.

– Вот еще, ты же прекрасно видишь!

Вольфганг не поверил, он попросил ноты той самой сонаты, которая звучала у него в ушах в тяжелые минуты болезни, и принялся рассматривать их. Да, он запомнил сонату правильно, но не в этом дело – главное, он мог читать ноты. Значит Папа не обманул его. Он действительно видит. С этой мыслью Вольфганг заснул спокойным, делительным сном.

Леопольд и Анна Мария, обрадованные, долго стояли обнявшись и молили бога об одном: пусть эта болезнь будет последней.

23

Прошло несколько месяцев, прежде чем они были приняты при дворе императрицы. Леопольд почувствовал прилив уверенности, когда у входа в апартаменты Марии Терезии их встретил собственной персоной новый император Иосиф II и провел внутрь.

Узнав, что Вольфганг болел, Мария Терезия выразила сочувствие и порадовалась его выздоровлению. Но когда Леопольд сказал, сколь опечалены они смертью ее дочери, лицо императрицы омрачилось и на глазах появились слезы. Оспа была настоящим бедствием. Страшная болезнь унесла троих ее детей, двух невесток и дядю. Многие приходят в панику от одного слова «оспа», заметил Леопольд, однако заметно постаревшая императрица нахмурилась и сухо сказала:

– Бояться оспы неразумно, человек ведь не волен в своих болезнях.

– Вы совершенно правы, ваше величество, – поспешил ответить Леопольд и добавил: – Мы всецело в вашем распоряжении.

– Я слышала, ваш сын стал композитором.

– Тягаться с ним не под силу многим капельмейстерам. На лице Марии Терезии отразилось недоверие, по она только сказала:

– После смерти мужа вопросами музыки занимается мой сын.

Интересно, большой ли властью располагает Иосиф, подумал Леопольд. Одно дело быть избранным королем Римской империи и стать коронованным императором Германии, но куда труднее добиться полной власти при жизни столь деспотичной матери. Леопольд слышал, что Мария Терезия все еще тяжело переживает смерть мужа, однако продолжает сама вершить всеми государственными делами. Назначая сына регентом, она сумела сохранить за собой всю полноту власти. Даже теперь, выступая проповедницей строгого аскетизма в империи, она не жалела денег на расширение и украшение Шёнбрунна. С другой стороны, Мария Терезия никогда не интересовалась оперой. Может, конечно, сын поведет себя иначе, размышлял Леопольд. Он выжидающе посмотрел на нового императора, Иосифу едва можно было дать его двадцать семь лет.

– Господин Моцарт, – сказал император, – сочинения вашего сына пробудили у многих людей сомнения, сам ли он их писал.

– Так испытайте его, ваше величество! – не выдержал Леопольд. – Очень прошу вас, ваше величество!

– Что же ему заказать? Сонату? Или, может быть, серенаду? Хотя это не так уж сложно.

– Ну а если оперу, ваше величество? Иосиф удивился.

– В его-то возрасте?

– Через неделю Вольфгангу исполнится двенадцать, ваше величество. Двадцать седьмого января.

Похоже, этот самонадеянный музыкант бросает мне вызов, подумал император, почувствовав раздражение. Но лишь на мгновение, как-никак он был человеком разумным, состоял подписчиком «Литературной корреспонденции», а Гримм, отнюдь не склонный к преувеличениям, не скупился на похвалы мальчику. К тому же забавно будет наблюдать соперничество ребенка со взрослыми. Это, пожалуй, вызовет интерес. Вся просвещенная Европа заговорит о нем, новом императоре Иосифе II.

– Ваше величество, ведь для постановки оперы здесь имеется и оперный театр.

– Тот, что я сдал внаем графу Афлиджио?

– Тот самый, ваше величество. – Всегда ему приходится всем подсказывать, вплоть до императоров. – Одно ваше слово, ваше величество, и этот импресарио тут же закажет оперу Вольфгангу Моцарту.

Иосиф посмотрел на мать, но та молчала. Афлиджио не был подчинен ему, просто он сдавал внаем графу королевский театр, потому что императрица уже угробила на него массу денег; с другой стороны, Афлиджио наверняка прислушается к его просьбе. К тому же императрице, кажется, приятна встреча с Моцартами.

– Подумайте только, ваше величество, – продолжал Леопольд, – какая будет сенсация, сегодня своей оперой дирижирует знаменитый Глюк, которому уже пятьдесят четыре, а на следующий день с ним, как равный с равным, тягается двенадцатилетний мальчик.

Но во сколько все это обойдется? Иосиф сделался вдруг осмотрительным, хотя ставить оперу пришлось бы не ему.

– Я подумаю, – сказал император.

– Одно ваше слово, ваше величество, – и все будет улажено.

Музыкант проявлял настойчивость, Иосиф нахмурился. И все же идея показалась заманчивой. Если опера провалится, вся вина падет на Афлиджио. Ну а если она будет иметь успех, то императору воздадут должное за его вкус.

– Я устрою вам встречу с графом Афлиджио, – сказал он.

Роскошь квартиры импресарио на Кольмаркт вполне могла соперничать с Шёнбрунном. Леопольд сомневался в принадлежности Афлиджио к аристократам, несмотря на его титул. Слишком уж пышно он был одет – с явным расчетом поразить воображение. Но наружность Афлиджио ему понравилась: точеные черты лица, гладкая смуглая кожа и пронизательные черные глаза. Разговор шел по-итальянски, и Леопольд понимал, что импресарио проверяет их знание языка.

– Венская опера вся в моих руках, – заявил Афлиджио, – на этот счет у вас не должно быть никаких сомнений.

– У нас их нет, ваше сиятельство, – подтвердил Леопольд.

– Император говорит, что ваш сын готов сочинить оперу, но мальчику всего двенадцать лет. Как же можно доверить ему столь сложное дело?

– Я уже написал несколько арий, – бегло, не хуже Папы, сказал по-итальянски Вольфганг. – Для английского короля, для императрицы и для императора Иосифа.

– Его величество полагает, что разбирается в музыке. Ну что ж, посмотрим. – Игнорируя Вольфганга, граф обратился к Леопольду: – У меня есть либретто нашего нового придворного поэта Марко Кольтеллини, к нему надо написать музыку. Это «La Finta Semplice». Вам знакомо, Моцарт?

– «Мнимая простушка», – перевел Леопольд Вольфгангу, хотя мальчик и сам понял и удивился, зачем Папе понадобилось переводить. – Это не по пьесе ли Гольдони?

Афлиджио нахмурился.

– Вы ошибаетесь, – сказал он. – Так вот, я хочу, чтобы музыка была написана в манере «Доброй дочки» Пиччинни – оперы, пользующейся наибольшим успехом.

– Я слышал ее в Брюсселе, когда совершал с сыном концертную поездку.

– В Брюсселе?! – усмехнулся Афлиджио. – Даже в Вене трудно поставить итальянскую оперу, но у меня, по крайней мере, есть итальянские певцы. – Он протянул Вольфгангу либретто – посмотреть, пока они с Леопольдом договариваются об условиях.

Было решено, что Вольфганг напишет оперу за три месяца и получит за нее сто дукатов; Афлиджио обещал поставить оперу при первой же возможности.

Папа готов на все, лишь бы получить заказ, думал Вольфганг. Сюжет «Мнимой простушки» был довольно примитивен: обыкновенная третьесортная комедия, где ловкая женщина устраивает судьбу двух робких холостяков – в том числе своего брата, – лесник их на любимых девушках. Но не успел Вольфганг высказать свое мнение, как Папа уже благодарил Афлиджио за любезность, которую тот и не думал проявлять.

– Ваше сиятельство, я уверен, получив партитуру, вы разделите мнение Джованни Манцуоли и Иоганна Кристиана Баха.

– Возможно. Скажите, Моцарт, ваш сын девственник?

– Ваше сиятельство, ему всего двенадцать! – Шокированный Леопольд потянул импресарио в сторону.

– Манцуоли в двенадцать лет был уже кастратом. А вы утверждаете, будто сын ваш развит не по годам.

– Это сушая правда. Что, касается музыки, то он выше многих известных композиторов.

– Ну а что касается жизни? Ему ведь не вечно будет двенадцать. Чтобы писать оперы, нужно уметь писать о любви. Других тем нет. Вы считаете, он созрел для любви?

Леопольд молчал. Он и сам задумывался об этом, но каждый раз решал положиться на естественный ход событий, отодвигал эту мысль на неопределенный срок. Но откуда ему знать, смыслит Вольфганг что-нибудь во всех этих любовных связях и будуарных делах или нет.

– Мне кажется, Моцарт, – сказал Афлиджио, – вы неминуемо станете ревновать сына к первой женщине, которую он полюбит. Вам будет казаться, что он изменил вам, осквернился, предал вас.

– Я желаю ему счастливой семейной жизни, такой же, как у меня самого.

– Вы хотите повенчать его с музыкой, хотите, чтобы музыка заменила ему и жену и любовницу?

– Вы изволите шутить, ваше сиятельство!

– Нисколько. Вы поклоняетесь своему сыну, а я – Дон Жуану. Или в музыке вашего сына мотивы любви отсутствуют?

– Граф, ему только двенадцать.

– Он пишет музыку для взрослых людей, а вы хотите, чтобы к нему относились как к ребенку, как к чуду. Вы же умный человек, Моцарт.

Такой ли уж я умный, думал Леопольд. Афлиджио сделался почти любезным, словно обнаружил в собеседнике ту единственную черту характера, которую уважал. Но когда они покидали графа, Леопольд крепко, до боли, сжал Вольфгангу руку.

Что такое с Папой, раздумывал Вольфганг. Чем он озабочен? Вольфганг слышал столько опер. Он уже придумал тему арии для хорошо поставленного, гибкого сопрано.

По пути домой Папа сказал:

– Сдается мне, напрасно мы сюда приехали. В Вене сейчас не меньше шлюх, чем в Версале.

– Вам не понравился импресарио, Папа?

– А тебе?

Папа хочет знать его мнение, Вольфганг удивился. Видно, он и правда чем-то сильно огорчен.

– Мне кажется, граф не очень любит музыку. Он что, тоже шлюха?

– Я бы скорее назвал его сводником. Но Папа не объяснил, что это такое.

– Одни утверждают, что Афлиджио профессиональный игрок, – сказал он, – другие считают его профессиональным обольстителем. Впрочем, без этих качеств, видимо, импресарио не обойтись. Вот что, Вольфганг! – Вид у Папы сделался серьезный.

– Да, Папа?

– Скажи, Вольфганг, ты... – Леопольд покраснел, кашлянул, но продолжать не решился.

Вольфганг улыбнулся.

– Тебе нравятся девушки?

– Некоторые нравятся.

– И сильно? – озабоченно допрашивал Папа.

– Как это – сильно?

– Вольфганг, я не шучу!

– Так же сильно, как Людовике XV нравилась мадам Помпадур?

– А что ты об этом знаешь?

– То, что вы мне говорили.

– Я сказал, что она – шлюха. Больше ничего.

– Ну, еще я знаю, что они спали вместе. И он предпочитал ее всем остальным.

– Ничего подобного я тебе не говорил. Ну, а еще что ты знаешь? – Папа насторожился.

– Все знают, как рождаются дети. За исключением самих детей.

– А ты... Ты пробовал заниматься этим делом?

Как ученик, который чувствует себя умнее учителя, Вольфганг снисходительно посмотрел на Папу.

– Вы ничего не понимаете, Папа, – сказал он. – Я еще слишком мал. Но имею представление, как это делается.

Папа переменял тему.

– Мы этому Афлиджио еще покажем. Я полагаю, три месяца на оперу для тебя далее много. – А про себя подумал: чем больше сын будет занят, тем лучше.

Вольфганг с головой ушел в работу. Он вовремя ложился спать, вовремя ел и трудился под бдительным надзором Мамы, которая ревниво следила, чтобы сын не переутомлялся. По утрам они с Папой разбирали партитуры других композиторов. После обеда Вольфганг сочинял. А по вечерам, если не чувствовал себя слишком усталым, обсуждал написанное с Папой.

Больше всего ему нравилось писать арии. Человеческий голос представлялся ему лучшим музыкальным инструментом, и он стремился писать арии мелодичные и певучие. Он вспоминал свои любимые арии, и кое-где в партитуре зазвучали мотивы Баха и Глюка. Но у

него рождались и собственные мелодии. Он не боялся использовать чужую форму, но содержание всегда было его собственным. Его особенно радовало, когда ария, которую он сочинял, звучала естественно и ласкающе. Вольфганг чувствовал прилив сил, работа спорилась. Сидя за красивым мраморным столом, купленным ему Папой, Вольфганг окружал себя нотными листами – они лежали повсюду: на коленях, на столе, под рукой, – так легче было единым взглядом охватить целое и в то же время сосредоточить, если нужно, внимание на какой-то отдельной арии. Папа явно одобрял его работу и редко предлагал свои поправки.

Через два месяца партитура «Мнимой простушки» была закончена. Она состояла из увертюры, трех актов, двадцати шести арий и множества речитативов – всего пятьсот пятьдесят восемь нотных страниц.

Они представили ее Афлиджио, и тот сказал, что в скором времени поставит оперу, но обещанных ста дукатов не заплатил.

На первой репетиции Леопольд сидел рядом с Вольфгангом, которому не терпелось услышать поскорее свою музыку в живом исполнении и внести обычные поправки по требованию капризных певцов. С первой же ноты Леопольд понял, что певцы не потрудились разучить партий, никто не прорепетировал заранее свою партию под клавесин, не было проведено ни одной спевки дуэтов или финала, и тем не менее репетиция шла с полным оркестром. Леопольд не сомневался – это сделано нарочно, чтобы обесценить музыку. Он не узнавал ни одной арии. Музыка звучала как-то неприятно и неряшливо. Кое-кто из певцов с трудом удерживался от смеха. День, на который Леопольд возлагал столько надежд, стал самым мрачным днем его жизни.

И все же, когда после репетиции к нему подошел импресарио, Леопольд сумел взять себя в руки. Широко улыбаясь, Афлиджио заявил:

– Музыка очень неровная и рассчитана на слишком высокие голоса. Певцы соглашаются петь в этой опере при условии, если ваш сын внесет кое-какие поправки.

Вольфганг внес поправки. По просьбе Афлиджио он сочинил еще две арии для первого акта. Но когда пришло время репетировать, Афлиджио сказал:

– Придется репетицию отложить, тесситура арий понижена недостаточно, певцы не могут брать такие высокие ноты.

– А я могу, – вмешался Вольфганг, – хотя у меня почти нет голоса. – И прежде чем импресарио вмешался, пропел первую арию. У него был жиденский голосок, и все же ария прозвучала весьма мелодично.

– Моцарт, ваш сын, кажется, изображает кастрата, – сказал Афлиджио.

– Что же вы все-таки думаете об опере? – спросил Леопольд, твердо решивший не отступать.

Афлиджио пожал плечами.

– Вас можно поздравить.

Леопольд не знал, что и думать – может, он все-таки ошибся в импресарио?

– Вы утверждали, что мальчик может написать оперу, и он действительно ее написал.

– И что же дальше, ваше сиятельство?

– Пусть он перепишет эти две новые арии, тогда, быть может, мы поставим оперу к возвращению императора из Венгрии в следующем месяце.

– Благодарю вас.

– Хочу, однако, предупредить вас, Моцарт, многие поговаривают, будто большая часть музыки написана вами. – Не успел Леопольд с возмущением отвергнуть эту клевету, как Афлиджио добавил: – Кроме того, тесситура арий все еще слишком высока и музыка чересчур немецкая по духу. – И с этими словами он выпроводил Моцартов из театра.

«Доброй дочери» Пиччинни; ходили упорные слухи, будто «Мнимая простушка» Моцарта постановки не увидит, потому что певцы отказываются петь в опере, найдя музыку слишком немецкой; поговаривали также, что мальчик не знает достаточно итальянского и не имеет никакого представления ни о построении мелодии, ни о форме. Когда эти слухи дошли до Леопольда, он понял: настало время действовать. Он хотел было обратиться к императору, но Иосиф все еще находился в Венгрии; подумывал, не прибегнуть ли к защите Марии Терезии, но его предупредили, что она отнесет недовольство поведением Афлиджио в адрес сына, а следовательно, и в свой собственный.

Желая как-то опровергнуть ложные слухи, Леопольд договорился об устройстве музыкального вечера в доме вновь приобретенного горячего поклонника Вольфганга – барона Готфрида ван Свитена. Ни один человек в Вене не откажется от приглашения барона. Отец Готфрида, Герхард ван Свитен, выразил согласие присутствовать на концерте, а этот известный доктор пользовался расположением Марии Терезии, и она с уважением относилась к его мнению, что было ей также не свойственно.

Вольфганг, совершенно подавленный поведением Афлиджио, оживился, узнав, что концерт состоится в доме Готфрида ван Свитена. Мальчику нравился тридцатилетний барон, похожий на своего отца крупными волевыми чертами лица, нравились его энергичные манеры и сердечное отношение к людям. Внушала Вольфгангу уважение и любовь ван Свитена к музыке. Барон умел играть на клавесине и на скрипке, изучал историю и теорию музыки и сам сочинил несколько песен и сонат. Очень скоро Вольфганг и ван Свитен подружились и завели моду отвечать друг другу на разных языках – оба, помимо немецкого, говорили на итальянском и французском и знали немного латынь и английский, кроме того, оба нередко объяснялись загадками и недомолвками. Они могли с величайшей серьезностью обсуждать творчество только что умершего Телемана и тут же переключиться на шуточный разговор о примадоннах с голосами, напоминающими визг пилы, и о премьерных-кастратах, которые обязательно икали на высоких нотах, и о маэстро, дирижировавших оперой словно в полусне.

Леопольда удивило, что сын не интересуется, кто будет присутствовать на концерте.

– Вот еще! – сказал Вольфганг. – Мне все равно. – Но в душе надеялся, что Афлиджио придет на концерт к барону. Тут уж он покажет этому болтуну, кто сочинил «Мнимую простушку».

Моцарты по настоянию хозяев вместе с ними встречали именитых гостей.

Это доброе предзнаменование и к тому же совсем воспрянул духом, увидев канцлера князя Кауница, недавно получившего от императрицы княжеский титул за какие-то заслуги. Канцлер приехал в сопровождении князя Дмитрия Голицына, русского посла при венском дворе. В пятьдесят восемь лет князь Кауниц был худощавый высокий мужчина с продолговатым властным лицом и холодными голубыми глазами – после императрицы самый влиятельный человек в империи. Если кто-то и мог оказать давление на Афлиджио, то, безусловно, князь. Ну и конечно, князь Дмитрий – Голицын предпочитал, чтобы его так называли, – весьма просвещенный человек, аристократ до кончиков ногтей. Князь Дмитрий, искусный дипломат, сумел сохранить дружбу и с Вольтером, и с императрицей Марией Терезией, хотя те терпеть не могли друг друга. Голицын тоже к нам благоволил, подумал Леопольд, недаром он щедро заплатил детям за концерт и пригласил их посетить Россию. Вот и теперь князь Дмитрий напрямик направился к ним. За ним неохотно следовал Кауниц.

– Господин Моцарт, – обратился к Леопольду князь Дмитрий, – я весьма горд тем, что посоветовал вам посетить Париж. Но когда вы осчастливите своим посещением Россию?

Леопольд, серьезно обдумывавший это приглашение, дивясь собственной храбрости, сказал:

– Ваше сиятельство, мы готовы хоть завтра тронуться в путь, но, как у истых патриотов, у нас есть обязанности перед родиной.

– Когда они будут выполнены, вы должны почтить своим визитом и Россию.

– Это будет большой честью для нас, ваше сиятельство, – с низким поклоном ответил

Леопольд.

Князь Кауниц внимательно приглядывался к Вольфгангу, оживленно беседующему с ван Свитенами.

– Я слышал, ваш сын болел оспой, – сказал князь.

– Он совсем выздоровел, ваше сиятельство, – заверил Леопольд канцлера, зная, что тот боится малейшего сквозняка и заразы и уже дважды отменял встречу с ними из-за перенесенной Вольфгангом болезни. – Красные пятна проступают только в сильные холода, – а сам подумал: сейчас как-никак лето, и очень теплое, канцлер должен бы знать это.

Тем не менее князь Кауниц еще долго присматривался к мальчику и осмелился приблизиться, лишь когда Голицын пожал Вольфгангу руку, поздравляя с завершением оперы.

– Кауниц, это огромный талант, – сказал он, обращаясь к князю. – Будь я немцем, я бы хранил его как зеницу ока.

– Что мы и делаем, – подхватил Кауниц. – Но ведь у нас много всяких других забот.

– Каких же? – поинтересовался князь Дмитрий.

– Только что окончилась весьма разорительная для нас война.

– Она окончилась пять лет назад.

– Да, но мы до сих пор не расплатились с долгами. Что до меня, то я высоко ценю дарование мальчика, – торопливо добавил Кауниц, желая показать, что тоже не лишен хорошего вкуса.

Его поддержал герцог ди Браганца, любитель музыки, с годовым доходом в сто тысяч дукатов, позволявшим ему потворствовать своей слабости.

– Господин Моцарт, – сказал герцог, – насколько я понимаю, в оперной музыке вашего сына чувствуется Глюк. Нет, нет, не принимайте это за упрек, – добавил он, увидев, как хмурится Леопольд. Герцог ди Браганца, хоть и покровительствовал Глюку, но внес свою долю и в оплату концерта Моцартов. – Естественно, что столь молодой композитор восприимчив к влиянию других музыкантов.

Леопольд промолчал; гости прибывали один за другим: граф Дитрихштейн – особо доверенный советник императора, фрейлина фон Гуттенберг – глаза и уши императрицы, старавшаяся держаться поближе к графу; кто же из них за кем следит, раздумывал Леопольд, склоняясь в поклоне перед графиней Тун, графом Пальфи и отцом Игнацием Паргамером – духовником императора и любимцем императрицы – и перед вошедшим вслед за ними доктором Францем Антоном Месмером – протее доктор ван Свитена, который слыл ценителем музыки и пользовался авторитетом как специалист по части гипноза.

Вольфганг заинтересовался гостями лишь когда заметил среди них придворного композитора Адольфа Гассе и придворного поэта Пьетро Метастазियो, споривших о чем-то с другим придворным композитором Джузеппе Бонно. Вот для кого ему хотелось бы сыграть. Папа говорил, что они лучше всех в Вене понимают оперную музыку и что Гассе – единственный немецкий композитор, которого признают в Италии, а как либреттисту Метастазियो нет равных на свете. Но Вольфганг не успел заговорить с ними – князь Кауниц дал знак начинать музыкальное испытание.

– Господин Метастазियो, – обратился к поэту Леопольд, – доктор ван Свитен любезно достал из дворцовой библиотеки том ваших либретто, ни с одним из них мой сын не знаком. Прошу вас выбрать любой имеет по вашему вкусу, а мой сын тут же сочинит к нему музыку.

Величавый семидесятилетний поэт старательно перелистывал том, отыскивая стихи, которые еще не были положены на музыку, а Вольфганг думал: Папа действует как волшебник, а ведь никакого волшебства не требуется. Мелодию он подготовил заранее – ее можно было приспособить к любому тексту, названному поэтом.

– Вот это, мальчик! – Метастазियो явно злорадствовал.

Он нашел текст, который не так-то легко было положить на музыку.

Вольфганг с минуту смотрел на слова, затем стал быстро писать и тут же пропел

мелодию, сопровождая себя на клавесине.

Некоторое время все молчали, затем раздались аплодисменты. И тогда Вольфганг, недолго раздумывая, заиграл свою оперную музыку. Папа велел исполнить только первый акт – у аристократов не хватает терпения дослушать до конца, но все гости, даже князь Кауниц, казалось, превратились в слух. Вольфганг доиграл любовную арию, завершившую первый акт, и остался за клавесином.

Гости столпились вокруг него, и князь Кауниц объявил:

– Непостижимо! Не присутствуй я при этом, никогда бы не поверил.

– Ваше сиятельство, – спросил Леопольд, – неужели кто-нибудь еще сомневается, что Вольфганг сам написал музыку к «Мнимой простушке»?

– В самом деле! – воскликнул Кауниц. – Ну, а что скажете вы, Гассе?

Старик Гассе близоруко наклонился и стал разбирать ноты, написанные Вольфгангом. Сам Гассе в свои шестьдесят девять лет сочинил столько опер на либретто Метастазиио, что потерял им счет.

Леопольда одолевало нетерпение. Он ненавидел Гассе, в руках которого находилась сейчас судьба его сына.

– Ария написана по всем правилам, – неторопливо сказал старик.

– И притом написана им самим, не так ли? – поторопил его Леопольд.

– Господин Моцарт, неужели именно это не дает вам покоя?

– Не мне, господин Гассе, а Афлиджио.

– Не стоит падать духом, если при постановке первой оперы возникают трудности.

Но тут в разговор вступил Вольфганг:

– Скажите, господин Гассе, почему должны возникать трудности, если опера хорошая?

Леопольд начал извиняться за сына, но Гассе остановил его:

– Ну что вы, право, ведь он еще ребенок.

– Мне двенадцать с половиной, – твердо сказал Вольфганг. – И оперу написал я сам.

– Правда? – спросил князь Кауниц.

Под гневным взором Папы Вольфганг сник. Ничего не понять. Он писал эту музыку с любовью, а вот их она явно не тронула. Но ему нечего стыдиться. Пусть стыдятся они. Это у них, а не у него нет сердца. Заступилась за него графиня Тун.

– Напиши я такую оперу, как Вольфганг, я бы тоже ее защищала.

– Вот только он ли написал ее? – настаивал Кауниц. – Скажите ваше мнение, Гассе.

Гассе поднял глаза от партитуры. К чему такая торопливость? Хотя он до сих пор во многом зависит от князя, но на этот вопрос ответит, как и когда пожелает. Он относился к мальчику без предубеждения, однако не одобрял того, что Моцарт выжимает из сына все соки.

– Музыка есть музыка, – уклончиво ответил Гассе.

– Уже поздно. – Кауниц стал прощаться.

«Старый завистливый дурак», – со злостью подумал о Гассе Леопольд, вместо того чтобы честно соревноваться, хочет погубить Вольфганга.

– Стиль оперы говорит о том, что ее сочинил ребенок, – продолжал между тем Гассе.

– Вот как! – Кауниц приостановился. – Вы уверены в этом?

– Да, ваше сиятельство.

– И хорошая музыка?

– Он еще ребенок, ваше сиятельство. Не следует забывать об этом.

– Я уважаю ваше мнение, господин Гассе, – перебил его Леопольд, – но Вольфганга нельзя равнять с обыкновенным ребенком.

– Согласен. Большинство его мелодий певучи и грациозны, хотя и не всегда новы, и оркестровка вполне правильная.

– Следовательно, его музыка годится для исполнения – вокального и оркестрового?

– Несомненно!

Но не успел Леопольд возликовать, как Гассе добавил:

– Есть, однако, одно затруднение. Некоторые его арии рассчитаны на голос, подобный Манцуоли.

– Вольфганг преклоняется перед ним, – пояснил Леопольд.

– Все это прекрасно, если в опере будет петь Манцуоли. Но большинству певцов его арии просто не под силу. Они не смогут исполнить то, что легко исполнил бы Манцуоли, и возненавидят за это вашего сына.

– Господин Гассе, – сказал Вольфганг, – певцы сами просили, чтобы арии звучали бравурно. Но если вы хотите, я переделаю их, Сейчас же!

– Нет, нет! – испугался Гассе. Не сидеть же здесь до утра!

– Я могу, – настаивал Вольфганг. – Это недолго.

– Но ты, наверное, устал?

– Вы были так добры, согласившись меня послушать, и я готов вам угодить.

Гассе улыбнулся, взял Вольфганга за руку и сел рядом с ним у клавиатура.

– Возьми арию, которую ты сочинил сегодня вечером. Она написана для кастрата, так вот, не можешь ли ты переписать ее так, чтобы она годилась для баса?

– С удовольствием, господин Гассе.

Все молча наблюдали за его работой. А когда Вольфганг кончил, Готфрид ван Свитен, обладавший приятным басом, негромко и выразительно пропел арию.

– Мальчик еще не достиг вершин мастерства, – сказал Гассе, – но для его возраста это поразительно!

– Благодарю, господин Гассе, – сказал князь Кауниц. – Вы нам весьма помогли.

– Задерживать развитие такого таланта просто преступно, – заметил князь Дмитрий.

Все заговорили сразу и, как показалось Леопольду, с удивлением: неужели кто-то препятствует постановке оперы его сына?

Вольфганг, однако, отметил, что князь Кауниц ни словом не обмолвился об Афлиджио.

Вскоре знать покинула дом барона, но Вольфганг не огорчился – музыканты остались.

– Господин Моцарт, – сказал Джузеппе Бонно, – я познакомился с вашей «Школой скрипичной игры». В ней все так ясно и точно, ничего подобного прежде я не встречал.

Леопольда это очень тронуло, он даже готов был заключить придворного композитора в объятия.

– Вы были прекрасным учителем для своего сына, – сказал Гассе.

Отец Паргамер тоже закивал и добавил:

– Императрица милостиво согласилась почтить своим присутствием торжественное освящение храма, который я строю для сиротского приюта на Ренвеге. Если бы маленький Вольфганг сочинил музыку для торжественной мессы, можно было бы посвятить ее этому богоугодному заведению.

Леопольд рассыпался в благодарностях, а доктор Месмер прибавил:

– Ну а если младший Моцарт напишет оперу для бала, который я даю осенью, я буду счастлив ее поставить.

– А почему бы вам не поставить «Мнимую простушку»? – охваченный внезапным подозрением, спросил Леопольд.

– У меня просторный дом, но его не сравнить с Бургтеатром, – ответил доктор Месмер, – в нем нельзя поставить оперу-буффа. Вот если мальчик сочинит небольшой немецкий зингшпиль, это придется весьма кстати.

– С удовольствием! – воскликнул Леопольд, обретая прежнюю уверенность. – Оба эти заказа для нас большая честь. Вольфганг выполнит их в срок. – Он отвесил низкий поклон отцу Паргамеру и доктору Месмеру. Держись теперь, Афлиджио!

Афлиджио был сама любезность, когда Леопольд попросил его возобновить репетиции «Мнимой простушки».

– Я с радостью приступил бы к репетициям, – сказал он, – но дело в том, что синьора Бернаскони и синьора Бальони нездоровы.

Спустя неделю Леопольд узнал, что обе певицы давным-давно репетируют «Добрую

дочку». Он спросил Афлиджио, правда ли это, но импресарио только пожал плечами.

– Вы же знаете, как рождаются слухи.

– Значит, это тоже слухи, что вы не собираетесь ставить оперу моего сына?

– Вы меня не поняли. Я совсем не против постановки «Мнимой простушки», но будет ли она иметь успех, еще не известно. Как и вы, я забочусь о собственных интересах. «Добрую дочку» Я ставлю, чтобы оградить себя от случайностей. На моем месте вы поступили бы точно так же.

– И что же дальше?

– Коли «Добрая дочка» сделает хороший сбор, я рискну поставить оперу вашего сына.

– Но только что вы объясняли задержку болезнью певиц.

– Не стоит так волноваться, господин Моцарт. Неделя – не так много. Поставлю «Добрую дочку» и тут же примусь за вашу оперу.

Однако после «Доброй дочки» Афлиджио начал репетировать еще одну оперу Пиччинни. А поспешивший в театр Леопольд обнаружил, что переписчику вообще приказано прекратить работу над партитурой «Мнимой простушки» и что оперу никто и не думает ставить.

Леопольд потребовал у импресарио объяснения, и тот сказал:

– Все очень печально. Певцы утверждают, что, хотя музыка прекрасно написана, она тем не менее мало сценична и петь ее невозможно.

– Но певцам нравится опера, они сами признавались в этом.

– Вы же знаете певцов. Они просто не хотели вас обидеть.

– Гассе и Метастазियो утверждают, что опера моего сына лучше многих, уже поставленных в Вене.

– Вот пусть они ее и ставят.

– И это награда за все труды и талант моего сына?

– Я же предупреждал вас, сколь рискованно для двенадцатилетнего ребенка писать оперу. Ребенку, ничего не понимающему в любви.

– А как насчет ста дукатов, которые вы обещали заплатить?

– У вас есть мое письменное обязательство?

– Вы дали честное слово, господин Афлиджио. Афлиджио расхохотался.

– Венцы предпочитают иные зрелища, – сказал он, – Два моих бульдога, способные затравить зубра, привлекут куда больше публики, чем любая опера вашего сына. Кстати, этот аттракцион я сейчас и подготавливаю.

– Я пожалуюсь императору, – заявил Леопольд. Афлиджио внезапно разозлился:

– Ну и жалуйтесь, Моцарт, только потом пожалеете.

– Император выслушает меня. Императрица очень заинтересована в Вольфганге.

– Императрицу интересует любая новинка, при условии, что она ей ничего не стоит.

– Вы не останавливаетесь даже перед тем, чтобы порочить императрицу?

– Если вы не останавливаетесь даже перед тем, чтобы торговать собственным сыном...

– Торговать сыном! Да вы просто негодяй! – Леопольд задохнулся от ужаса и гнева.

– А вы глупец, – презрительно парировал Афлиджио. – Все говорят, что вы торгуете сыном в надежде разбогатеть.

Бешеная ненависть к Афлиджио охватила Леопольда, он способен был убить его, но в ужасе от брошенного ему обвинения не мог вымолвить ни слова.

– И знайте, если меня все-таки заставят поставить оперу вашего сына, то уж я позабочусь, чтобы ее осмеяли и освистали.

В эту ночь Леопольд не сомкнул глаз. Неужели он действительно торгует сыном? Ведь он так любит Вольфганга, а Вольфганг – его. И все же Афлиджио посмел обвинить его в этом...

На следующий день он сказал Вольфгангу, что постановка «Мнимой простушки» немного откладывается, после разговора с императором будет назначен новый срок, и посоветовал ему приступать к зингшпилю и мессе. Вольфганг явно огорчился, однако

перечить Папе не стал. Леопольд всегда советовал, а не приказывал, но делал это тоном, не допускающим возражений. Может быть, это они и имели в виду?

– Ты не слишком огорчился, Вольфганг? – вдруг спросил Леопольд, хотя решил не касаться этого вопроса.

– Из-за чего? – Вольфганг думал, как лучше построить зингшпиль.

Леопольд замялся, боясь ответа.

– Вы имеете в виду вранье Афлиджио?

– Ты знаешь, что он врал нам, Вольфганг?

– Ну, конечно. Он только и делает, что врет.

– Тебе хочется сочинять зингшпиль и мессу? Вольфганг с жаром обнял отца:

– Ну, конечно же, Папа. Мне все равно, что сочинять, лишь бы сочинять музыку.

Леопольд с облегчением вздохнул. Афлиджио пытался подорвать его веру в себя, а Вольфганг позволил ему вновь обрести прежнюю гордость и радость. Как можно было доверять Афлиджио, этому низкому и подлому человеку? Леопольд крепко обнял сына.

На следующий день Леопольд попросил аудиенции у императора. Он получил ее и через неделю представил Иосифу II пространную жалобу на графа Афлиджио. А Хагенауэру написал:

«Его величество был ко мне чрезвычайно милостив и заверил, что справедливость будет восстановлена. Он обещал приказать расследовать дело, а Афлиджио заплатить сто дукатов, которые тот задолжал нам за оперу. Кроме того, я требую оплаты расходов, вызванных задержкой постановки оперы, и надеюсь, что это будет скоро улажено».

Состоялись премьеры двух опер Пиччинни, а затем появилось объявление о грандиозном великолепном зрелище с участием свирепых зверей в постановке несравненного импресарио графа Афлиджио, но вопреки надеждам, появившимся у Леопольда после аудиенции у императора, этот театральный деятель никак не давал о себе знать.

Встревоженный Леопольд решил обсудить все с Готфридом ван Свитеном.

– Наверное, это Глюк повлиял на императора, – сказал Леопольд, на что ван Свитен ответил:

– Сомневаюсь. Хотя его последнюю оперу «Альцеста» и считали успешной, она не сделала полного сбора – одна из причин, почему оперный театр передали Афлиджио. Нет, Глюк тут ни при чем.

– А что же князь Кауниц? Я думал, он обладает куда большим влиянием.

– Все это так. Но император не собирается вкладывать деньги в постановку оперы. И поскольку Афлиджио тратит свои средства, какими бы путями он их ни добывал, ни император, ни князь Кауниц ничего с ним поделать не могут.

– А если я поговорю с самой императрицей?

– Не надо.

– Она любит Вольфганга. И всегда с ним ласкова.

– До тех пор, пока ей это ничего не стоит.

Леопольд не последовал совету ван Свитена. Успех одноактного зингшпиля «Бастьен и Бастьенна», написанного Вольфгангом по заказу доктора Месмера на сюжет «Деревенского колдуна» Руссо, вдохновил его на дальнейшую борьбу против Афлиджио. Ибо не успела еще кончиться ария, открывающая эту незатейливую сказочку из деревенской жизни, как доктор Месмер повернулся к сидевшему рядом Леопольду и воскликнул:

– Это же музыка! Настоящая музыка! Неужели ему только двенадцать лет!

– Да!

– Удивительно! Просто удивительно!

Дифирамбы «Бастьену и Бастьенне» гремели по всей Вене, а тем временем Вольфганг удостоился еще одной похвалы от императрицы и венского архиепископа, присутствовавших на освящении церкви при сиротском приюте.

Императрица похвалила Вольфганга за благочестие, и Леопольд решил, что теперь-то

его враги будут посрамлены. Мария Терезия была в прекрасном расположении духа, растроганная и просветленная, как и сам Леопольд.

– Ваше величество, есть ли надежда, что «Мнимая простушка» будет поставлена? – отважился он.

– Надежда? – переспросила она.

Почему она так нахмурилась? Собравшись с духом, он продолжил:

– Да, надежда. Разве вы не согласны, что маленький Вольфганг написал чудесную музыку?

Мария Терезия ничего не ответила, но, обратившись к Паргамеру, поздравила его с отличным исполнением торжественной мессы.

– Благодарю вас, ваше величество, – поклонился отец Паргамер, – это все потому, что Вольфганг Моцарт дирижировал сиротским хором с такой старательностью и благоговением.

– Благоговением! – Она задумалась, словно стараясь вникнуть в смысл слова.

Леопольд заколебался. Он не чувствовал в Марии Терезии искреннего расположения. Ему вспомнился разговор с графиней Тун! «Мария Терезия – это сочетание противоположностей. Она обожает своих детей и в то же время бессердечно устраивает их браки, руководствуясь исключительно политическими соображениями и нисколько не считаясь с их чувствами. После смерти мужа она погрузилась в глубокий мрак, по четыре часа в день молится о спасении души, но стоит только Иосифу пойти против ее воли, она тут же превращается в настоящего деспота. У них одна лишь общая черта: оба терпеть не могут тратить деньги. И это движет всеми их поступками». – «Но я думал, музыкальный вечер у ван Свитенов сыграет какую-то роль. Ведь как-никак доктор ван Свитен спас ей жизнь, когда она болела оспой». – «Она не забывает об этом. И благодарна ему. Но не настолько, чтобы затратить деньги на постановку оперы, сочини ее хоть сам ван Свитен».

И все же, когда Мария Терезия погладила Вольфганга по голове и ласково посмотрела на него, Леопольд не удержался.

– Ваше величество, музыка маленького Вольфганга всегда исполнена благочестия, – сказал он. – Даже его оперная музыка.

– Опера находится в ведении моего сына, – неожиданно резко и высокомерно ответила императрица. – Но за музыку, которая исполнилась здесь, мальчик получит подарок.

Неприязненный тон Марии Терезии не на шутку обеспокоил Леопольда; в тревоге прошло несколько дней, пока не был получен щедрый подарок. И тем не менее и Афлиджио и все остальные словно забыли о «Мнимой простушке». В Вене много говорили о чести, которую оказала императрица Моцартам, почтив своим присутствием мессу, но новых заказов они не получали. Поэтому через шестнадцать месяцев после того, как они покинули Зальцбург, Леопольд решил вернуться домой.

25

Несколько недель спустя Вольфганг стоял у окна своей комнаты и смотрел на Гетрейдегассе, жадно вглядываясь в то, на что раньше не обращал внимания.

После неудобств, испытанных в поездке, он наслаждался домашним уютом. Он радовался и своей кровати, и знакомым предметам обстановки, и старым друзьям, особенно девочкам, которые, как и он, выросли с каждым днем. Ему только что исполнилось тринадцать, и он чувствовал себя совсем взрослым. И в довершение ко всему стоял чудесный зимний день.

Небо, сиявшее голубизной, не угрожало снегопадом, и, хотя было холодно, ледяной ветер, обычно дующий с окрестных гор, на этот раз стих. Белые пушистые облачка, плывшие над Лохельплац, напоминали нежные воздушные мелодии. Интересно, на каких инструментах можно было бы их исполнить? Он заметил одно, размером с носовой платок, затем второе, напоминающее шпиль францисканской церкви в «Городе суверена», и еще

одно, формой походившее на маленькую скрипку, на которой он когда-то играл.

Видения превращались в звуки. Ему слышались призывные голоса. Музыка переполняла его. Большинство людей совсем не разбираются в окружающих их звуках, просто не замечают их, а ведь главное – это уметь слышать. Музыка витает повсюду. Хотя нет, слышать звуки – это еще не все. Бот, например, он сам: сначала прислушивается, а затем внутри у него рождается мелодия. Как будто настоящий творец живет где-то в нем и, чтобы он начал творить, нужно лишь вызвать его к жизни.

Взрослые толковали о каком-то «вдохновении», озарявшем его, подобно вспышкам молнии, но они ошибались, вдохновение всегда с ним, только необходимо пробуждать его и направлять, не полагаясь на случай или удачу. И потом, создать мелодию – это еще не самое главное.

Иногда этих мелодий рождалось столько, что Вольфганг терялся перед их наплывом. Приходилось выбирать. Выбирать лучшую. Ну, а выбор, что там ни говори, дело вкуса. Как бы ему хотелось самому решать, какую вещь сочинять следующей, хотя в Вене он и сказал Папе, что всецело полагается на него. Но ведь скажи он другое, Папа обидится, а обидеть Папу он просто не смеет.

Он увидел Папу, который шел по Гетрейдегассе со стороны дворца. Папа шел энергичной, упругой походкой и, честное слово, вполне заслуживал того, чтобы написать для него марш. Папа ходил во дворец по приглашению архиепископа, и по его спешной походке Вольфганг догадался: у Папы какие-то важные новости.

Но не успел Папа и рта раскрыть, как Мама спросила:

– Ну как, будешь ты опять получать жалованье?

– Его светлость приглашал меня вовсе не за этим. Он очень благосклонно говорил о мессе, которую Вольфганг сочинил для отца Паргамера. Сказал, что получил о ней хороший отзыв от венского архиепископа.

– И что же его светлость теперь хочет? – спросил Вольфганг.

– Чтобы ты сочинил еще одну мессу! – с гордостью воскликнул Папа. – Для Университетской церкви.

– А как же все-таки с жалованьем, Леопольд? – настаивала Анна Мария.

– О жалованье я не говорил. Видимо, тут просто какая-то ошибка. Никогда еще его светлость не был ко мне так добр. Венский архиепископ, сказал он, с большой похвалой отозвался о благочестивой музыке, что создается в Зальцбурге. Если ему понравится новая месса, архиепископ, наверное, поставит и «Мнимую простужку», а может, даже разрешит нам поехать в Италию.

– Мы и дома-то совсем не побывали, а ты снова говоришь о поездке.

– Глупо отказываться, если его светлость предложит мне отпуск.

– Он тебе не заплатил за три недели работы, а ты твердишь о его доброте. Неужели ты надеешься, что он еще заплатит?

– Я уже приготовил прошение.

– Вроде того, которое подавал императору?

– Анна Мария, какая муха тебя укусила?

– Я устала от путешествий и от болезней.

– Но Вольфганг никогда не стал бы тем, чем он стал, если бы не путешествовал и не встречался с величайшими музыкантами мира. Такими, каких он повстречает в Италии.

– А мне бы хотелось пожить дома, Папа, – сказала Наннерль.

– Я и не настаиваю, чтобы ты ехала. – Папа повернулся к Вольфгангу и спросил:

– Ну, а ты как?

Вольфганг колебался. Он далеко не был уверен, так ли ему хочется пускаться в новое путешествие, но нельзя огорчать Папу.

– Решайте сами, Папа, – сказал он.

Папа, прилетевший домой как на крыльях, почувствовал себя обиженным. После стольких незаслуженных унижений он наконец-то почтя убедил Шраттенбаха в

гениальности своего сына, но никто в семье, казалось, не оценил его победы, разве только Вольфганг, да и тут Леопольд сильно сомневался.

Анна Мария осмелела и стала высказывать совсем необычные для нее мысли.

– Не думаешь ли ты, Леопольд, что, прежде чем ехать куда-то, Вольфгангу следовало бы походить в школу и заняться латынью, греческим и математикой?

– Латыни я его обучал сам, а в математике он силен и не нуждается ни в каких учителях. Ну, а что касается музыки, то только в Вене он написал три симфонии, несколько маршей, сонат для клавесина и скрипки, менуэтов и итальянских арий – это не считая опер и мессы. С тех пор как я начал его учить, он сочинил более пятидесяти вещей.

– Это что, много? – спросил Вольфганг.

– Много! И я верю, что его светлость поможет нам. Вот увидите.

Архиепископ сам служил мессу, музыку для которой написал Вольфганг, и мальчик больше не жалел, что послушался Папу. В качестве награды Шраттенбах велел соорудить во дворце оперную сцену, и в день его именин при участии певчих дворцовой капеллы была поставлена «Мнимая простушка».

Вольфганг остался недоволен пением. Зальцбургские певцы не шли ни в какое сравнение с венскими, но Папа сиял, и Вольфганг постарался скрыть свои чувства. По окончании оперы его светлость громко аплодировал. Только Вольфганг не мог понять, радуется ли архиепископ, что опера кончилась, или она ему действительно понравилась.

– Он понемногу начинает разбираться, – объяснил Папа. Папа сиял: ему заплатили наконец жалованье, хотя и пришлось подавать прошение его светлости.

А Вольфганг радовался, что следующим заказом были два дивертисмента. Главные партии в них он предназначил для скрипок, а исполнены они были в университете на торжественном акте по случаю выпуска философов и медиков, состоявшемся в троицын день.

Но больше всего ему нравилась месса, которую он сочинил и которой сам дирижировал в церкви св. Петра по случаю посвящения в сан священника Каэтана «Доминикуса» Хагенауэра, сына их домохозяина. До того как Каэтан стал готовиться к посвящению в сан, он был любимым другом Вольфганга.

Каэтан был на десять лет его старше, но они вместе стреляли из духового ружья, а когда Вольфганг играл, Каэтан раздувал мехи органа. Но теперь его друг стал «отцом Доминикусом» и свою первую мессу служил под музыку Вольфганга. Старший Хагенауэр чрезвычайно гордился этим обстоятельством и назвал мессу – «Мессой Доминикус».

– Вольфганг, это необычайно проникновенная музыка, в ней столько любви, – сказал он и благословил Вольфганга.

Вольфганг покраснел. Он вложил в мессу всю душу. Ему хотелось выразить в мессе глубину своего уважения к этому скромному человеку.

В тот год он написал еще несколько менуэтов и маршей, а также новую симфонию – для практики, как сказал Папа, – но с сочинением опер ничто в сравнение не шло. Поэтому, когда Папа объявил, что они едут в Италию, на родину оперы, Вольфганг обрадовался, но одновременно и опечалился при мысли, что ему придется расстаться с Барбарой фон Мельк и Терезой Баризани.

Никакие сомнения не мучили Леопольда. Он даже считал, что отъезд слишком долго откладывается. Однажды вечером, почти через год после их возвращения в Зальцбург, он объявил:

– Его светлость не только предоставил мне отпуск, но и оплатит нашу поездку.

– Ты хочешь сказать, Леопольд, что Шраттенбах даст тебе денег на поездку в Италию?

– Уже дал. Сто двадцать дукатов. – И он показал их Анне Марии.

– Вот уж никогда бы не подумала, что его светлость способен на такое.

– Я же говорил, что сумею добиться его расположения. Ему уже правится духовная музыка Вольфганга. Стоит только Вольфгангу научиться писать свои мессы с истинно итальянской торжественностью – и из него получится настоящий маэстро, – это собственные

слова архиепископа.

Анна Мария понимала, Леопольд добился многого и за него можно порадоваться, она поздравила его и поцеловала. Но все-таки не могла преодолеть беспокойства.

А у него была припасена еще одна новость, совсем уж неожиданная.

– Поедем только мы с Вольфгангом. – Леопольд объявил это самым решительным тоном, желая избежать спора, который легко мог закончиться его поражением.

При мысли о разлуке на глазах у Анны Марии показались слезы.

– Но ты же сама не хотела ехать. А его светлость дает нам денег только на двоих – ведь только мы находимся у него на службе.

– На службе? – удивилась Анна Мария.

– Да. Теперь Вольфганга можно называть «господин концертмейстер».

Вольфганг, подавленный вестью о предстоящей разлуке с Мамой и Наннерль, с недоверием спросил:

– Меня сделали придворным музыкантом?

– Что в этом удивительного? Ты вполне подготовлен. Это-то Вольфганг знал, но ведь есть, наверное, и другие основания.

– Вы шутите, Папа.

– Его светлость назначил тебя третьим концертмейстером.

– Без оплаты, конечно, – заметила мама, у которой неожиданная новость высушила слезы.

– Пока Вольфганг находится в отсутствии. А как только вернется из Италии и начнет исполнять обязанности концертмейстера, ему сразу начнут платить.

– Сколько? – поинтересовался Вольфганг.

– Мне не сказали, но обычное жалование равно ста пятидесяти гульденам. Его светлость хочет привязать тебя к Зальцбургу.

– Но, Папа, ведь вы говорили, что одна из причин, почему мы едем в Италию, – это поискать новые возможности. Вы не раз так говорили.

– Только дома. Но никак ни его светлости.

– Да он и без того знает, – сказала Мама. – Но уверен, что ты все равно вернешься, как было прежде.

– В этом и ты можешь быть уверена, Анна Мария, – ласково сказал Леопольд.

Расставание было печальным. Хорошо еще, что Папа запретил Маме и Наннерль провожать их до кареты – побоялся не устоять перед потоком слез и остаться дома. Папа сказал Вольфгангу, что нужно держаться – ведь он мужчина.

Тоска по Маме охватила Вольфганга, уже когда они шли к поджидавшему их дилижансу. Мама стояла у окна гостиной. А Наннерль, казалось, относилась совсем равнодушно к предстоящему расставанию, довольная тем, что сама остается: ее нигде не было видно. И вдруг Вольфганг увидел сестру – она отчаянно махала ему из бокового окна. Почему же она стоит у бокового окна? И он понял: ей хотелось быть поближе к ним. За последние годы волосы у Наннерль потемнели, и она стала очень похожа на Маму – Наннерль, его любимая сестра.

На дворе стояла промозглая декабрьская погода, но Мама высунулась из окна и крикнула:

– Пошлите мне воздушный поцелуй! Папа послал ей поцелуй и крикнул в ответ:

– Я шлю тебе не один, а тысячу поцелуев. – Вид у него был тоже печальный.

А Вольфганг, пренебрегая приказом Папы, бросился обратно вверх по лестнице и крепко поцеловал сначала Анну Марию, потом Наннерль, нетерпеливо ждавшую своей очереди, и сказал Маме:

– Я не мог послать вам поцелуй, я хотел доставить его сам.

Первая ночь вдали от Дома была особенно грустной. Поэтому, закончив письмо Анне Марии, Леопольд сказал, чтобы Вольфганг тоже написал Маме.

«Я очень счастлив, – писал Вольфганг, – путешествие такое интересное, а карета удобная, и у нас необыкновенный кучер, который, когда позволяет дорога, мчится словно ветер. Папа расскажет об остальных подробностях, а я пишу, чтобы Вы знали, что я остаюсь Вашим преданным и любящим сыном. Вольфганг Моцарт».

Леопольд попросил его написать и Наннерль, сестра не должна чувствовать себя забытой, и он написал по-итальянски, чтобы похвастаться, как хорошо знает этот язык.

«Любимая моя сестра, слава богу, мы доехали до Воргля. Путешествие развлекает нас, и к тому же мы не испытываем никаких неудобств. Скажи Шахтнеру, что «Траляльера» я пою и что теперь, раз уж мы уехали из Зальцбурга, Папа разрешил мне есть суп без сахара. Передай привет всем моим дорогим друзьям, а также и Барбаре с Терезой. Как говорит Папа, главное – но болеть и не страдать от запора, остальное приложится. Целую тебя тысячу раз. Твой итальянский братец, капельмейстер от бухгалтерии».

Леопольд не был настроен столь оптимистично. Опасная и тяжелая дорога через Альпы могла занять дней десять. Но, даже говоря сыну: «Италия – это родина музыки, величайшие немецкие музыканты Гендель, Гассе, Глюк и Бах получили образование в Италии», в душе он испытывал страх; неизвестно, какой прием ждал их в этой стране, и еще пугала мысль об обледеневших дорогах, засыпанных снегом перевалах и снежных лавинах.

В течение следующей недели Леопольд не раз сожалел, что решился на эту поездку, да к тому же зимой. Казалось, ничто не могло погасить радостное возбуждение Вольфганга, который был от путешествия в восторге. Леопольд же пребывал в постоянной тревоге – стоило ему немного успокоиться, пока карета пересекала широкую тирольскую долину, как долина тут же сужалась и переходила в глубокое ущелье. Часто прямо над головой нависали снежные карнизы. Они нанимали опытных кучеров, которые хорошо знали дорогу, знали, где и когда можно ожидать обвалов, но ведь и самые опытные кучера могли ошибиться.

В одном узком ущелье скалы чуть не смыкались над ними. Толстые пласты снега, казалось, ползли вниз по стенам, и даже у кучера вид был растерянный и испуганный, а Вольфганг тем временем напевал аллегро, стремительным темпом и зажигательностью похожее на итальянское. Когда при въезде в ущелье кучер остановил лошадей, Леопольд неожиданно для себя сказал:

– И зачем только нас понесло в Италию!

– Что случилось, Папа? – спросил Вольфганг.

– Как быть, господин Моцарт? – спросил кучер. – Уж больно много снега впереди. – Лицо, выглядывавшее из мехового воротника, было бледное и взволнованное.

Я беру на душу большой грех, думал Леопольд, но возвращаться назад невыносимо.

Не успели они проехать ущелье, как за ними с грохотом обрушилась снежная лавина и засыпала дорогу. Но они тут же позабыли о прежних страхах перед новой опасностью: ехали по обледенелой дороге, по одну сторону высилась отвесная скала, по другую зияла бездонная пропасть; о том, чтобы повернуть обратно, нечего было и думать. Подковы лошадей заскользили по льду, и на одно ужасное мгновение Леопольду показалось, что они сейчас рухнут в пропасть. Карету сильно трянуло, и Вольфганг, очнувшись от своих музыкальных мечтаний, невольно вскрикнул, а Леопольд прикрыл сыну глаза рукой, чтобы заслонить от него страшную картину их падения, и крепко прижал к себе.

Еще долго после того, как кучеру удалось выправить лошадей, у Леопольда кружилась голова и ныли плечи, а Вольфганг сидел, сжав руки так, что побелели суставы.

Старею я, что ли, думал Леопольд, раньше у меня никогда не кружилась голова в дороге. Куда бы они ни выезжали из Зальцбурга, их путь всегда лежал через горы. Но не такие высокие, не такие грозные и опасные. При всякой возможности Леопольд писал домой, и это его немного успокаивало.

В первый день рождества 1769 года, через две недели после начала путешествия, они прибыли в Роверето, маленький городок в Северной Италии. Там не было и намека на снег, а

отвесные горы сменились пологими холмами. Леопольд немедленно отправился в самую большую церковь, чтобы возблагодарить бога за благополучное прибытие, и по дороге столкнулся со старым знакомым.

Барон Христиани очень обрадовался ему. Барон сохранил самые приятные воспоминания о том времени, когда в Зальцбурге он брал у Леопольда уроки игры на скрипке. Весть о приезде Моцартов в Италию уже дошла до него.

– Господин Моцарт, мы будем счастливы послушать игру вашего замечательного сына.

Решив не уступать в любезности барону, который был в Зальцбурге представителем святейшего престола, а теперь именем Марии Терезии и ранил Роверето, Леопольд с жаром воскликнул:

– Это мы сочтем за счастье играть для вас, господин барон!

Поток любезностей, не прекратившийся и на следующий день, когда Вольфганг играл в доме барона Христиани в присутствии именнейших граждан Роверето, немало смущал мальчика. Барон Христиани восклицал:

– Это же настоящее чудо природы! Гости кричали: – Браво, Моцарт!

А Папа отвечал: – О, как вы добры! Доброта – неотъемлемая черта людей вашей великой страны.

Но Вольфганг-то помнил, как ненавидел Папа Лолли и других итальянцев, которым покровительствовал Шраттенбах.

Однако барон, видимо, был совершенно искренен. Он дал понять Моцартам, что не может заплатить им, поскольку они его гости и такой жест явится оскорблением, но, если Вольфганг согласится сыграть в его церкви, это наверняка будет способствовать спасению их душ. Барон говорил с такой убежденностью, что Вольфганг почти поверил ему и понял, что Папа уже дал свое согласие.

В церковь были приглашены только знать и музыканты Роверето, но по пути в церковь портшез барона, в котором несли Вольфганга, окружила толпа, возраставшая с каждой минутой. Люди бежали со всех сторон. Монахини бросали цветы к ногам Вольфганга. Матери поднимали вверх младенцев, чтобы показать им чудо природы и чтобы на них распространилась хоть частица его благодати. Когда Вольфганга поднесли к церкви, у входа толпились чуть не все жители Роверето. Народу было столько, что Вольфганга провели через боковой вход, и дорогу к органу расчищали несколько атлетически сложенных священников. Однако стоило ему заиграть, как в битком набитой церкви воцарилась напряженная тишина. Многие слушали, закрыв глаза и затаив дыхание. Лишь только он закончил, церковь огласилась восхищенными криками:

– Браво, Моцарт! O benedetto! O Dio!⁵

В Вероне его пригласили выступить в Филармонической академии. Это считалось великой честью. Ни один музыкант моложе двадцати одного года еще не выступал в этой знаменитой музыкальной школе, и послушать Вольфганга явились многие профессора музыки. Вольфганг с листа играл клавишинный концерт, неизвестные ему сонаты и написал финал, используя тему, заданную ему профессором гармонии.

– Со времен Католла Верона не видела чуда, подобного господину Амадео Вольфганго Моцарту, – объявил присутствовавший при испытании профессор Пьетро Мантова. – Только Данте мог бы достойно воспеть его талант.

Два веронских поэта, поняв намек, немедленно посвятили Вольфгангу пылкую оду и сонет. С него был написан маслом портрет, где он стоял у клавирина, одетый в свой любимый алый камзол, без парика, со слегка припудренными светлыми волосами, а на пюпитре виднелись ноты одного из его произведений.

Папа упивался, всем этим восторженным поклонением. Он написал Маме, что портрет получился чудесный: Вольфганг на нем очень красив и похож на нее.

Вольфганг же считал, что расточаемые ему похвалы сильно преувеличены. Ведь он не

сделал ничего такого, чего не делал прежде. И когда его назначили капельмейстером Веронской филармонической академии, он воспринял это назначение как нечто само собой разумеющееся.

Такой же триумф ожидал Вольфганга в Мантуе и в Кремоне, но в Милане, первом большом итальянском городе, их ждало разочарование.

Граф Фирмиан, генерал губернатор и наместник Марии Терезии в Ломбардии, их старый знакомый и покровитель, дал знать Леопольду, что сможет принять их только через одну-две недели. Оставалось ждать, и Леопольд пытался развеять огорчение посещениями оперы.

Задержка в Милане лишь обрадовала Вольфганга. Посещение оперы доставляло ему огромное удовольствие. Охваченный непреодолимым желанием выразить чувства, порожденные обилием впечатлений, он написал Наннерль длинное письмо. Это было 26 января, в канун его четырнадцатилетия, и ему хотелось как-то отметить столь важное событие.

«Моя любимая сестра! Кончилась немецкая клоунада и началась итальянская. Теперь мы слушаем одни только оперы. Но даже постановка «Руджиеро», которая идет с большим успехом в Вероне, в отношении пения оставляет желать лучшего. В ней поет одна баронесса, которая обладает сносным голосом и хорошей фигурой, но фальшивит нещадно. Премьер-кастрат поет слегка в манере Манцуоли, у него красивый и сильный голос, но он слишком стар. На вид ему дашь все пятьдесят пять, и у него дрожит кадык. У примадонны прелестный голос, но его не слышать из-за болтовни в зрительном зале.

В Мантуе прекрасная опера, мы там видели «Деметрио» нашего друга Гассе, но с голосами дела опять же обстоят неважно. Примадонна поет хорошо, но слишком тихо. Вторая певица имеет наружность гренадера и соответственно мощный голос и поет так, будто зла на весь мир. Кастрат поет лирично, но чересчур напрягается на высоких нотах. Второй певец староват и мне не понравился. Тенор немного лучше, но поет с натугой, что вообще отличает итальянских теноров. Герой-танцовщик хорош, прима-балерина тоже хороша и, как говорят, недурна собой, но я ее близко не видел. Есть и шуточный персонаж, который делает неплохие прыжки, но при этом издает непристойные звуки.

Пиччинни, который собирается писать еще одну оперу, находится здесь, и мы, возможно, с ним увидимся. Хоть он и неаполитанец, но пользуется сейчас в Милане большой популярностью. Однако как он ни старается создавать мелодичные вещи, его музыка оглушительна и слишком вычурна.

Других новостей, пожалуй, нет, могу, правда, сообщить тебе, что лейпцигский поэт Геллерт недавно умер и с тех пор не пишет стихов.

Я здоров и по-прежнему люблю паясничать. Тысячу раз целую Мамины ручки, а тебя сто раз нежно чмокаю в щеку. Addio. Вольфганг в Германии, Амадео в Италии».

Прошло несколько недель, прежде чем Моцарты сообщили, что граф Фирмиан готов дать им аудиенцию.

27

Граф Карл Иосиф Фирмиан стоял у окна своей приемной в глубоком раздумье и ждал появления гостей. Внезапно он принялся ходить взад и вперед по блестящему паркету, а потом остановился перед высоким до потолка венецианским зеркалом на противоположной стене. Он верой и правдой служил Марии Терезии и тем не менее через год, в крайнем случае через два, его место займет мальчик. Третий сын Марии Терезии, эрцгерцог Фердинанд, которому через полгода исполнится шестнадцать, будет назначен наместником Ломбардии после его брака с принцессой Моденской. А граф Фирмиан чувствовал себя в расцвете сил. Он посмотрел в зеркало и увидел там одутловатого коренастого мужчину пятидесяти четырех лет, с грубоватыми чертами лица, вполне бодрого и энергичного. Однако что толку? Фердинанд был Габсбургом, и в глазах Марии Терезии это решало все.

Она неустанно читала своим подданным душеспасительные проповеди, а сама любыми средствами укрепляла власть Габсбургов. Графу ничего не оставалось. Он знал, что ему придется примириться с второстепенным положением или обречь себя на отставку и, следовательно, забвение. Но если он останется советником эрцгерцога, что соответствовало желанию императрицы, как она сама ему намекнула, то он будет самостоятельно принимать почти все решения и сможет осуществить задуманный план.

Если взять Моцарта за образец нормально развитого юноши, всем сразу стала бы очевидна детская незрелость Фердинанда. Музыкант был на полтора года моложе эрцгерцога, но по уму превосходил его лет на десять. Сравнение вызвало улыбку на лице графа. Но тут нужно держать ухо востро. Если у Марии Терезии появится хотя бы тень подозрения, придется совершенно отстранить от себя Моцартов. Все же мысль эта сильно занимала графа, и он подумал, почему бы не рискнуть? К тому времени, как лакей доложил ему о приходе четырех самых известных в Италии оперных композиторов, которых он хотел повидать до появления Моцартов, граф совсем повеселел.

Адольф Гассе, Джованни Саммартипи, Никола Пиччинни и Иозеф Мысливечек прибыли каждый отдельно, но граф Фирмиан приказал ввести их всех вместе. У всех четверых на лицах было написано изумление. Что бы это значило? Получив приглашение, каждый на них решил, что ему предложат новый заказ для Миланской оперы. Теперь же каждый заподозрил какой-то подвох.

Музыканты склонились в поклоне, и граф Фирмиан подумал, что во всей Италии пет композитора, красивее Гассе, который даже в свои семьдесят лет был хорош, и невольно задался вопросом, уж не способствовало ли это успеху Гассе, как-никак итальянцы ведь большие поклонники физической красоты.

А Саммартини, который был, наверное, не моложе Гассе, совсем высох за последние несколько месяцев, как показалось графу. Однако влиянием этого человека никак нельзя пренебрегать. У Саммартини учился Глюк, он слыл самым уважаемым миланским музыкантом, и его оперы и симфонии исполнялись повсюду.

Но наиболее знаменитым композитором в Италии сейчас считался сорокадвухлетний Пиччинни. Маленький, худощавый, с длинным носом, острым подбородком и серьезным бледным лицом, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая, когда же заговорит граф.

Чех Мысливечек чувствовал себя неловко. В свои тридцать три года он был еще мало известен. Мысливечек добился успеха во Флоренции и Болонье, но для Милана это не имело большого значения.

Всем подали вино, а Мысливечку кофе. Нарушив затянувшееся молчание, Пиччинни вдруг стал рассыпаться в похвалах последней опере Гассе «Деметрио», которую сам он, к сожалению, еще не имел счастья слышать.

Гассе вздохнул:

– Боюсь, это моя последняя опера. Она не имеет успеха.

– Нет, нет! Это была бы слишком большая потеря! – воскликнул Пиччинни.

Гассе с сомнением посмотрел на него, но промолчал.

– Моцарты тоже должны прийти, – неожиданно объявил граф Фирмиан.

Пиччинни готов был обратиться в бегство, Саммартини по смог скрыть удивления, Мысливечек как-то растерялся, а Гассе спросил:

– И отец и сын?

– Конечно! Они веди, кажется, неразлучны?

– Обычно, да. Ваше сиятельство, вы собираетесь дать мальчику новый заказ?

– А вы считаете, стоит?

– Я не импресарио, ваше сиятельство, – сказал Гассе.

– Но, насколько я знаю, вы хвалили его князю Кауницу? Ведь так?

– Вы правы, наше сиятельство.

Граф Фирмиан улыбнулся. Этого музыканта легко не проведешь. Чтобы добиться

своего теперешнего положения, Гассе, подобно многим другим композиторам в Италии, пришлось также овладеть искусством интриги. В иных случаях добившийся успеха композитор мог бы оказаться лучшим правителем, чем Габсбург, думал граф. Сказать бы это Марии Терезии!

– Вы считаете, «Мнимую простушку» стоило бы поставить? – спросил он Гассе.

– Трудно сказать. Никогда не знаешь заранее, будет ли опера иметь успех.

– Маэстро Пиччинни, ваши оперы Афлиджио все-таки ставил.

– Я тут ни при чем, ваше сиятельство. Он сам всегда решает, что ему ставить в своем театре.

– Ну, а вы как считаете: следовало поставить оперу этого мальчика или нет?

– Не знаю, ваше сиятельство. Право, мне неловко отвечать на подобный вопрос.

– Я получил от его отца несколько симфонических сочинений Вольфганга, которые мальчик любезно посвятил мне, – сказал Самmartини, – они хорошо построены и производят прекрасное впечатление. И написаны с большим вкусом.

Граф Фирмиан добавил:

– Я слышал его игру на клавишине, когда ему было шесть лет. И никогда этого не забуду.

Леопольд привык к неожиданностям и гордился своим умением никогда не терять присутствия духа, но, увидев четырех композиторов в сборе, лишился дара речи. Он считал графа Фирмиана другом, на которого можно положиться, однако сейчас почуял что-то неладное. А Вольфганг так обрадовался Гассе, что бросился прямо к старику, забыв вначале поклониться графу.

Леопольд стал приносить извинения за сына, по граф Фирмиан перебил:

– Я разделяю его чувства, господин Моцарт. Как музыкант господин Гассе стоит выше меня. – И граф представил Леопольду других гостей.

Искусно маневрируя, Леопольд держался подальше от Пиччинни, которого считал хитрым неаполитанцем, не заслуживающим доверия. Он испытывал некоторую скованность, разговаривая с Мысливечком, не зная, считать ли его соперником, но был с ним вежлив. С Гассе же и Самmartини все шло отлично, особенно после того, как подошедший граф Фирмиан спросил:

– Ваш сын сохранил свое изумительное туше?

– Он добился еще большего совершенства, ваше сиятельство, – ответил Леопольд, чувствуя, как к нему возвращается уверенность.

– Поразительно! Вам не кажется, господин Гассе?

– Мне кажется, ваше сиятельство, игра Вольфганга говорит сама за себя.

– Что вы хотите, чтобы я сыграл, маэстро Гассе? – спросил Вольфганг.

– Пусть это решит его сиятельство.

– Немного попозже, – сказал граф. – Успеется. – Он опять повернулся к Леопольду: – Ваш сын изменился. Повзрослел. И стал совсем смуглым.

– Это от обилия воздуха и частого сидения у очага, ваше сиятельство.

– А теперь скажите, как насчет оперы?

– Для Миланского театра, ваше сиятельство? – Не может быть, думал Леопольд, никогда еще ни одна его заветная мечта не осуществлялась с такой легкостью. – Вы хотите, чтобы мой сын написал оперу?

– Но он способен ее написать. Так ведь?

– Да, да, ваше сиятельство! – воскликнул Леопольд, – ведь ты можешь, Вольфганг?

Вольфганг, обсуждавший с Самmartини достоинства посвященных ему симфоний, был недоволен, что его прервали, но, увидев серьезное выражение на лице Папы, тут же переспросил:

– В чем дело, Папа?

– Не хотел бы ты сочинить оперу для Миланского театра?

К его изумлению, Вольфганг молчал. Леопольд чуть было не закричал: «Ты что – ума

решился?» – но, сделав над собой усилие, спросил:

– Разно ты не слышал моего вопроса?

– Я слышал, Папа, – но... – Он заметил, с каким вниманием слушает его Гассо. – Маэстро Гассе, мне очень понравился «Деметрио». Я знаю наизусть почти все арии.

– Спасибо, Вольфганг.

Нет, его сын не решился ума, подумал Леопольд. Более изящного комплимента не придумаешь, это, без сомнения, поможет делу.

– Но, маэстро, – продолжал Вольфганг, – когда я слушал ее, мне стало так нехорошо.

Все ждали, что последует дальше.

– В зале было столько посторонних звуков, что я часто не мог разобрать слов.

– Такова уж итальянская публика, – сказал Гассе.

– Почему бы им не принимать заранее слабительное, может, тогда притихли бы, – заметил Вольфганг.

Леопольд замер от ужаса. Вольфганг, конечно, прав, но какая грубость!

– Значит, итальянская публика всегда так шумно ведет себя? – обратился Вольфганг к Гассе.

– За очень редкими исключениями.

– Вы бы посмотрели, что делается в Неаполе, – вмешался Пиччинни. – Потому я и пишу такую бравурную музыку. Иначе ее не услышат.

Миланская публика ничуть не лучше, заметил Самmartини. Мысливечек сказал, что флорентийская публика заглушает иногда даже оркестр; Гассе объявил, что итальянскую публику только тогда увлечешь, когда действие касается непосредственно ее. Разговор необычайно оживился.

Композиторы говорили, перебивая один другого, и было трудно что-нибудь разобрать, но граф прервал беседу, хлопнув в ладоши.

– Bravo! Вы полностью подтвердили правоту мальчика! – воскликнул он и жестом приказал Вольфгангу начинать.

Когда он кончил, все композиторы, включая Пиччинни, заплодировали, а затем граф попросил Самmartини испытать композиторские способности мальчика.

Самmartини велел ему сочинить четыре новые арии на слова Метастазियो. Вольфганг мгновенно выполнил заданное, и Самmartини, прочитав ноты, объявил:

– Ваше сиятельство, они действительно прекрасно написаны.

Его поддержал Гассе, затем Мысливечек; последним, хоть и неохотно, высказал свое одобрение Пиччинни.

Граф Фирмиан поздравил Моцартов. Он был доволен: мальчик произвел должное впечатление, и музыкантам ничего не оставалось, как одобрить сочинение ребенка, хотя в душе каждый остался при своем мнении.

– Ваше сиятельство, мой сын сочтет за честь написать для вас оперу, – сказал Леопольд.

– Не для меня, а для эрцгерцога, – поправил граф Фирмиан. – Все будет зависеть от него.

Леопольд пришел в недоумение. Слово графа ведь закон в Милане. Просто он, подобно всем правителям, никогда не даст прямого ответа, тут же решил Леопольд.

– Если ваш сын выступит у меня во дворце на приеме в честь невесты эрцгерцога принцессы Моденской и ее отца герцога и им понравится музыка, пожалуй, можно будет надеяться на получение заказа.

– Да благословит вас бог за вашу доброту, ваше сиятельство.

– Постарайтесь, чтобы мальчик был на высоте. Вольфганг хотел было сказать, что он и так всегда на высоте, но Леопольд поспешил заверить графа:

– Без всякого сомнения, ваше сиятельство.

– Прекрасно! Вольфганг, вы что-то хотели сказать?

– Это, наверное, будет замечательный, торжественный прием, ваше сиятельство.

– Вы не боитесь?

– Чего же бояться, ваше сиятельство? Надо только настроиться на торжественный лад. Увидев, что граф Фирмиан рассмеялся, а вовсе не рассердился, Леопольд сказал:

– Ваше сиятельство, Вольфганг мог бы быть отличным первым капельмейстером или концертмейстером. Он уже третий концертмейстер в Зальцбурге.

Вот была бы потеха, подумал граф Фирмиан: шестнадцатилетний правитель, а при нем четырнадцатилетний капельмейстер!

– Он нисколько не уступает музыкантам, вдвое старше его.

– Интересная мысль. Итак, мой управляющий договорится с вами о концерте. – Это был знак, что аудиенция окончена.

Саммартини поздравил Леопольда с успехом, его примеру последовали Мысливечек и Пиччинни, хотя Леопольду казалось, что оба они раздражены, а Пиччинни так даже ненавидит в эту минуту Вольфганга. Но куда же девался Гассе?

А Гассе уже спускался с младшим Моцартом по красивой мраморной лестнице: они обсуждали любимое блюдо Вольфганга – клецки с кислой капустой. Гассе приглашал мальчика на настоящий немецкий обед, сытный и вкусный.

– Мы очень благодарны вам за приглашение, маэстро, – сказал подоспевший Леопольд, – но неизвестно, будет ли у Вольфганга время. Ему придется усиленно готовиться к концерту.

– Вы следите за каждым шагом сына, это может испортить его.

– Разве похоже, что я его порчу? – спросил Леопольд.

– Пока нет, но неизвестно, как это отразится на нем в дальнейшем.

– Он нуждается в руководстве. Он еще очень молод.

– Только по годам.

– И он не возражает против моего руководства. Разве не так, Вольфганг?

Вольфганг, которому наскучила Папина муштра, хотел было сказать: «Нет!» Но у Папы на глазах выступили слезы: и Вольфганг пожалел Папу. Только бы маэстро Гассе не заметил Папиных слез. Взяв Папу и Гассе за руки, он спросил:

– Как вы думаете, граф даст мне заказ?

Тут Леопольд вспомнил о влиянии, каким располагал Гассе, и смиренным тоном сказал:

– Я уверен, господин Гассе лучше нас с тобой может ответить на этот вопрос.

– Думаю, ответить на него не может никто. Пока что. Слишком многим людям нужно угодить.

Леопольд продолжал:

– Но мне кажется, его сиятельству мы угодили.

– Вполне возможно, – ответил Гассе. – Его сиятельство – человек со вкусом.

28

На приеме в палаццо Фирмиана в честь принцессы Моденской и ее отца присутствовало сто пятьдесят человек, представлявших верхушку миланской знати.

Программа Вольфганга состояла из его собственных произведений и вещей Саммартини – композитора, пользовавшегося в Милане самой большой популярностью. По просьбе графа Фирмиана Вольфганг сыграл четыре арии, написанные им во время аудиенции. Герцог Моденский громко аплодировал, а принцесса сказала:

– Его музыка очень мелодична, а играет он просто виртуозно. – Вслед за этим многие из присутствовавших аристократов принялись кричать:

– Браво, Амадео!

Вскоре Вольфганг получил заказ написать музыку к драме, которой предполагалось открыть следующий сезон в Миланском оперном театре. Все переговоры велись между Леопольдом и графским управляющим доном Фернандо Джермани. По представлении оперы

в готовом виде Вольфганг должен был получить сто цехинов, кроме того, ему предоставлялась бесплатная квартира на время работы над оперой. Либретто предстояло выбрать графу Фирмиану, он пока не остановился, на чем-то определенном, хотя и склонялся к пышной опере-серия.

– Вы можете не спешить, – сказал им дон Фернандо. Этот учтивый и представительный уроженец Милана, женатый на богатой венке и одинаково свободно говоривший по-немецки и по-итальянски, имел важные деловые связи в Вене и мог оказывать генерал-губернатору множество услуг, – Господин Леопольдо, – продолжал он, – поскольку вы с Амадео намереваетесь путешествовать по Италии, мы пришлем либретто вам, где бы вы ни находились, как только подберем. Остальные условия договора обычные и вам известны.

Он передал договор Леопольду, и тот прочел: «...Маэстро Амадео Вольфганге Моцарт обязуется также представить речитативы к октябрю 1770 года и вновь возвратиться в Милан в ноябре того же года, чтобы сочинять требуемые арии и присутствовать на всех репетициях оперы. Возможность театральные неудач, а также право окончательного решения свыше оговариваются как обычно. В остальном же да поможет нам бог».

Дон Фернандо заметил нахмуренный вид Леопольда и сказал:

– Пусть Амадео не волнует мысль, что ему придется сочинять непосредственно для певцов. Так делают все.

– Он уже столкнулся с этим в Вене. Но вот «решение свыше» – что это такое?

– Ну, это решение, которое могут принять императрица, эрцгерцог, генерал-губернатор...

– Я думал, хоть здесь-то мы будем ограждены от опеки.

– Разумеется, мой друг. Не тревожьтесь! Гассе на вашей стороне и Саммартини тоже, даже Мысливечек – и тот хвалил Амадео. Поезжайте, как собирались, в Болонью, Флоренцию, Рим и Неаполь, а я уж постараюсь блюсти здесь ваши интересы.

Он подал Леопольду пачку инеем.

– Это рекомендательные письма графа к самым высокопоставленным и влиятельным людям Италии. Они вам помогут.

Леопольд сердечно обнял управляющего, и тот столь же горячо ответил на объятие, правда, с сожалением добавив:

– Есть еще два условия.

– Какие?

– Во-первых, необходимо получить согласие вашего архиепископа.

– Это не представит трудности, – с облегчением вздохнул Леопольд. – Он сочтет за честь дать разрешение. До него архиепископом зальцбургским был дядя графа Фирмиана. Я поступил на службу еще при нем.

– И второе, опера должна быть итальянской. Иначе вся эта свора набросится на вас и раздерет в клочья. Никакой указ не заставит итальянскую публику оценить оперу, если она построена не так, как они привыкли.

– Дорогой друг, неужели вы думаете, что я пошел бы на подобный риск?

На сей раз дон Фернандо заключил в объятия Леопольда и воскликнул:

– Я полностью доверяю вам! А это тебе, Амадео. – И подал Вольфгангу прощальный подарок графа – золотую табакерку с двадцатью пятью цехинами.

Вольфганг не прислушивался к разговору. В голове одна за другой возникали мелодии, и он старался запомнить их, чтобы попозже записать.

По пути в Парму они ночевали в Лоди, и там Вольфганг закончил струнный квартет, который сочинял во время путешествия. Лоди, расположенный на берегу реки Адда, изобилует памятниками эпохи Возрождения, и остановились они в гостинице на великолепной соборной площади, но для Вольфганга не существовало ничего, кроме музыки, – ведь он впервые сочинял струнный квартет. Посреди ночи Вольфганг поднялся, чтобы записать окончание квартета, и разбудил Папу, но Папа сделал ему выговор. С тех пор он стал запоминать сочиненную музыку, где бы ни находился: в кровати ли, в дилижансе или

в портшезе, даже во время концерта, если сам не играл – и только потом уже записывал ее. Эта способность укрепляла его веру в себя и радовала до такой степени, что с течением времени запоминание мелодий превратилось у него в своего рода игру. Он обнаружил, что способен помнить какую-нибудь тему или пассаж много-много дней.

В Парме их пригласила на обед Лукреция Агуари – самое знаменитое сопрано Италии. Гассе, вещи которого она исполняла, написал ей письмо с просьбой спеть для Моцартов; он надеялся также, что Агуари согласится петь в опере Вольфганга, чем обеспечит ей успех.

Лукреция Агуари была незаконной дочерью одного аристократа и потому носила прозвище «La Bastardella»⁶. Вольфганг строил всякие догадки о ее наружности: он предполагал, что, как дитя любви, она будет более соблазнительной и неотразимой, чем другие сопрано, которых он знал. Но его постигло разочарование: Бастарделла оказалась некрасивой, хромой и к тому же была замужем.

Однако стоило ей запеть, и Вольфганг забыл обо всем. Зачарованный, он слушал ее голос, сильный и певучий, словно орган, на низких нотах, и ясный, легкий и чистый – на высоких. Он задохнулся от радости, когда Лукреция согласилась петь его арии.

Она пела и была уже для него не женщиной, а инструментом. Он хотел слушать спокойно а бесстрастно, а вместо этого замирал от восторга. Ее интонация оказалась абсолютно правильной, исполнение безупречным, в голосе, который только что звучал трогательно и нежно, вдруг появлялись гордые, величественные нотки.

Сядясь за письмо Наннерль, Вольфганг все еще был во власти ее очарования. «Мы слышали Бастарделлу, и она поразительна. У нее ни с чем не сравнимый голос: никогда прежде я не встречал подобной гибкости и столь широкого диапазона. Вот какие ноты она брала и какие пассажи исполняла в нашем присутствии».

И он выписал их все, чтобы и сестра могла по-настоящему оценить Бастарделлу.

Чем чаще он вспоминал о великолепном голосе Лукреции Агуари, тем сильнее хотел сочинять для нее. Они уже прибыли в Болонью, и Папа рассказывал, что этот город в долине По имеет лучшую в мире музыкальную академию, а у Вольфганга в ушах по-прежнему звучали высокие ноты Агуари. Леопольд был чрезвычайно возбужден, так как фельдмаршал Паллавичини, к которому у них было рекомендательное письмо от графа, согласился тут же дать им аудиенцию.

Фельдмаршал Паллавичини, выглядевший весьма романтично в своих развевающихся одеждах и серебряного цвета парике, с нескрываемым интересом прочитал письмо графа Фирмиана и сказал:

– Господин Моцарт, генерал-губернатор очень тепло отзывается о вас и о способностях вашего сына, а я чрезвычайно высоко ставлю его мнение. Буду счастлив, если господин Амадео любезно согласится играть на приеме, который я даю завтра вечером на моей вилле.

Леопольд сомневался, хватит ли у них времени подготовить программу, но Вольфганг заверил фельдмаршала:

– Ваше высокопревосходительство, я могу играть все, что вы пожелаете, – Саммартини, Гассе, Иоганна Кристиана Баха.

– А может, Амадео Моцарта, – предложил фельдмаршал. Фельдмаршал прислал за ними карету, и, хотя на приеме было множество князей, герцогов, послов и кардиналов, Вольфганг видел только одного падре Мартипи. Вольфганг много слышал об этом францисканце, самом образованном музыканте в Европе, чье суждение было решающим для всех. Он удивился, увидев его здесь: по общим отзывам, падре Мартини никогда не посещал концертов. Наружность монаха также разочаровала Вольфганга: он думал, что падре обладает не менее благородной внешностью, чем Гассе, а тот оказался маленьким и еще более сухоньким, чем Саммартини.

В концерте принимали участие оркестр и два певца-кастрата, но гости шумно требовали выступления господина Амадео. Сначала он играл один на клавесине, потом

исполнил с оркестром концерт, потом аккомпанировал кастратам, певшим арии, которые он сочинил во время аудиенции у графа Фирмиана, и, наконец, дирижировал оркестром. Концерт, начавшийся в половине восьмого, закончился около полуночи, закончился только потому, что падре Мартини сильно устал.

Вольфганг мог бы играть до бесконечности. Ради такой замечательной публики он готов был превзойти себя. Графиня Паллавичини пригласила множество прелестных дам, засыпавших его похвалами. Некоторые протягивали ему для поцелуя руку, другие гладили по голове, а кое-кто даже обнимал. Но больше всего ему понравилась хозяйка.

Когда графиня Паллавичини, пьянше красивая, темноглазая, со смуглой кожей и прекрасной высокой грудью, поцеловала Вольфганга в награду за исполнение, у него закружилась голова. На мгновение она задержала свою руку в его руке, и он не хотел выпускать ее, а когда графиня отвернулась к кому-то из гостей, ему стало грустно. Он слышал, как хозяин сказал:

– Господин Моцарт, вы и ваш сын должны остаться в Болонье и стать членами нашей замечательной Филармонической академии.

На что Леопольд ответил:

– Мы были бы счастливы, ваше высокопревосходительство, но на страстную неделю мы едем в Рим.

Вольфганг удивился. Он впервые это услышал, должно быть, Папа, по своему обыкновению, только что составил новый план действий. Он заметил, как засияли Папины глаза при словах фельдмаршала:

– Государственный секретарь Ватикана кардинал Паллавичини мой дальний родственник и друг. Я вам дам рекомендательное письмо к нему.

Падре Мартини, покидавший великолепный музыкальный зал, задержался, чтобы сказать:

– Господин Моцарт, я живу затворником, но буду счастлив, если перед отъездом в Рим вы удостоите меня своим посещением.

– Благодарю вас, ваше высокопреподобие, – ответил Папа, – мы сочтем за честь.

– Спокойной ночи, Амадео, после такого блестящего выступления ты нуждаешься в хорошем отдыхе.

Однако ночью, пока Папа писал Маме длинное письмо, делясь с ней добрыми новостями – фельдмаршал Паллавичини заплатил ему двести пять лир за выступление Вольфганга, – Вольфганг лежал без сна. Просто удивительно, сколько красавиц было на этом приеме, думал он. В его возрасте следовало бы гнать от себя подобные мысли, а он мечтал ощутить ласку женских рук; очаровательные кокетки пробудили в нем грешные мысли, и они не шли из головы. А ведь иные из этих красавиц были немногим старше его; итальянские девушки, казалось ему, созревают быстрее, чем немки; интересно, относится ли это и к юношам? Чтобы отвлечься, он сделал приписку к Папиному письму, адресовав ее Наннерль: «Моя милая и самая обожаемая сестра! Как говорит пословица, помяни дьявола – и он тут же явится. Меня радует, что тебе понравилось кататься на санках с Баризани, но волнуется, что ты огорчила фон Мелька, отказавшись поехать с ним. Сколько, должно быть, он сменил мокрых платков из-за твоей жестокости! Напой его рвотным, дабы он очистился от низменных мыслей. Пожалуйста, скажи Барбаре, что я действительно послал ей мои песни и предвкушаю, как по возвращении мы будем с ней кататься на санях и вообще веселиться. Поцелуй за меня Мамины ручки тысячу раз, я тебя я целую сто раз в твою замечательную мордочку. Вольфганг в Милане, Амадео в Болонье».

Стоило ему написать это шутивное послание, как на душе сразу стало легче. Соблазны исчезли, и он заснул.

Через несколько дней они обедали у падре Мартини. Священник извинился за скудный стол, правда, похвастался деликатесом – болонской колбасой.

– Без нее совсем плохо: по совету лекарей я съедаю на обед только кусочек холодной курицы и ростбиф, а по постным дням немного рыбы, – пояснил он. Леопольд похвалил

колбасу.

– Просто необыкновенная, по сытости – немецкая, а по вкусу – итальянская.

Падре Мартини был очень доволен.

– Гораздо разумнее не обременять желудок, – сказал он. Леопольд выразил согласие и ответил:

– Вольфганг никогда не переедает, иначе становится сонным и не может сочинять.

Этим разговорам не будет конца, подумал Вольфганг, но тут падре повел их в кабинет показать свою самую богатую в мире нотную библиотеку – семнадцать тысяч томов.

Леопольд предложил, чтобы Вольфганг продемонстрировал свой композиторский талант, но падре отказался:

– Мои лекари советуют мне пораньше ложиться спать. – Прием был исключением. – Но если вы завтра свободны, я познакомлю вас с моим другом, который живет за городом.

– Завтра мы предполагали тронуться в Рим.

– Это мой очень близкий друг. Карло Броски.

– Фаринелли? Самый знаменитый певец-кастрат?!

– Самый знаменитый. Ему хочется познакомиться с вашим сыном.

Вольфганг и сам хотел познакомиться с Фаринелли. Теперь он узнал, хоть и не от Папы, как кастрат становится кастратом, относился к этому спокойно. Он по-прежнему надеялся, что Манцуоли не откажется петь в его новой опере.

На следующий день Вольфганг, сидя между папой и падре Мартини, по пути на виллу Фаринелли раздумывал, есть ли какая-нибудь разница между священником и кастратом, поскольку предполагалось, что ни у того, ни у другого не может быть детей. Почему-то Манцуоли стоял в его представлении особняком, может, потому, что был их другом. Интересно, думал Вольфганг, в чем причина замкнутости падре Мартини, может, в том, что он тоже кастрат?

Вилла Фаринелли не уступала размерами и пышностью убранства вилле Паллавичини, а сам Фаринелли оказался полной противоположностью аскету падре Мартини, хотя, судя по всему, они очень дружили.

Жилет Фаринелли переливался драгоценными камнями, белый пудренный парик был причесан по последней моде, а башмаки украшали золотые пряжки. Фаринелли выглядел моложе своих шестидесяти пяти лет. Он был высок, худощав и двигался с придворной грацией. Алые губы, подкрашенные, совсем как у версальской дамы, выделялись на бледном лице, карие глаза смотрели на Вольфганга с нескрываемым любопытством.

– Так это и есть тот самый мальчик, о котором столько говорят? – спросил он, здороваясь.

– Может, вы хотите, чтобы он сочинил фугу? – спросил Папа.

Фаринелли кивнул и указал Вольфгангу на свой любимый клавесин – один из многих, пояснив:

– Этот мне подарила покойная испанская королева; она заказала его для Скарлатти, своего учителя. Вы знаете, кто такой Скарлатти?

– Я с пяти лет играю его вещи.

– Тогда сочините мне фугу в манере Скарлатти.

Вольфганг выполнил пожелание и почувствовал, что поразил сдержанного падре Мартини, чему Папа был весьма рад. Люди склонны придавать значение таким пустякам, подумал Вольфганг, даже Папа не исключение.

– Ваше высокопреподобие, – сказал Леопольд, – когда мы вернемся из Рима, я надеюсь, вы примете моего сына в члены Болонской филармонической академии, которая славится на весь мир.

– Он слишком молод. Мы не избираем в члены академии лиц, моложе двадцати лет.

– Но, ваше высокопреподобие, возможно, вам не приходилось встречать юношу, в равной степени одаренного.

– Вполне возможно. Мы рассмотрим этот вопрос после вашего возвращения.

– Когда мне было четырнадцать, я даже петь не умел как следует, – добавил Фаринелли.

– Но ведь я не кастрат, господин Фаринелли, – возразил Вольфганг.

– Тебе уже поздно. И это очень жаль, если ты и вправду так талантлив, как говорят.

– Король Георг III, Людовик французский и императрица Мария Терезия так считают, – сказал Леопольд, пытаясь скрыть раздражение.

– Лишь глупцы полагаются на суждение монархов.

По пути во Флоренцию Вольфганг внезапно почувствовал усталость, ему захотелось отдохнуть, но ничто не могло остановить Папу. Казалось, в него вселился бес и неотступно гонит его вперед. Они мокли под проливным дождем, их прохватывал буйный ветер, но Папа делал вид, будто все эти тяготы путешествия вовсе не существуют.

– Понятно, отчего Фаринелли так озлоблен, – говорил он, – ведь после того, как он своим пением излечил Филиппа Испанского от меланхолии, король сделал его чуть ли не премьер-министром, а как только Филипп умер, новый король, его пасынок, возненавидел кастрата и тут же выслал его из Испании. Тем не менее Фаринелли, хотя всего-навсего певец, сумел сколотить себе большое состояние. Может, и тебе так же повезет.

По приезде во Флоренцию Вольфганг, схвативший простуду во время переезда через Апеннины, когда они угодили под сильный ливень, слег на день в постель, чем немало огорчил Папу.

Но уже на следующее утро Папа представил рекомендательное письмо графа Фирмиана обер-камергеру графу Орсини-Розенбергу. И хотя в приемной сидело множество людей, письмо генерал-губернатора возымело немедленное действие: эрцгерцог Леопольд, второй сын Марии Терезии и правитель Тосканы, сразу же принял Моцартов. Двадцатидвухлетний эрцгерцог прекрасно помнил Вольфганга по его выступлениям в Вене и предложил ему выступить перед его женой, инфантой Луизой Испанской.

На следующий вечер состоялся большой концерт для эрцгерцога и его жены. Вольфганг еще не оправился от простуды, но на игре это нисколько не отразилось. Лучший скрипач Италии Нардини исполнял вместе с Вольфгангом его сонаты для клавесина и скрипки.

Никогда прежде Вольфганг не слышал, чтобы из скрипки извлекали такие божественные звуки. Они просто завораживали своим богатством и полнотой. К тому же Нардини обладал необычайной чуткостью, и играть с ним вместе было одно удовольствие. И все же при мысли, что никогда Папа не будет играть так ярко и выразительно, никогда ему не достичь техники исполнения и мастерства Нардини, Вольфгангу стало грустно.

– Я же говорил тебе, он играет, как взрослый музыкант, – сказал эрцгерцог жене.

Манцуоли, присутствовавший на концерте, горячо обнял Вольфганга и воскликнул:

– Если только удастся, я с радостью спою в твоей опере, Амадео!

На той же неделе Нардини, совершенно очарованный Вольфгангом, познакомил его со своим любимым учеником Томасом Линлеем – англичанином того же возраста и даже роста, что и Вольфганг. Они сразу сыгрались и с того момента сделались неразлучны: вместе упражнялись, вместе выступали, учились друг у друга, мечтали о совместном турне по городам Италии, Германии и Англии; кроме того, Томас учил Вольфганга английскому языку, а тот его – немецкому. Впервые Вольфганг говорил со своим сверстником как с равным, и это доставляло ему много радости.

Когда через две недели пришло время прощаться, Томас подарил Вольфгангу сонет «На отъезд из Флоренции В. А. Моцарта», который специально заказал поэтессе Корилле Олимпике. Вольфганг уже попрощался с Манцуоли и Нардини, подошел черед прощаться и с Томасино. Стоило ему поближе узнать кого-то и искренне полюбить, как наступал печальный час разлуки.

– Амадео, пусть эта поэма принесет тебе удачу в пути, – сказал Томасино. Обнял Вольфганга, и оба расчувствовались до слез.

Леопольд и сам с трудом сдерживал слезы. Томасино был удивительно красивым и

ласковым мальчиком, и он успел к нему привязаться. Но им надо спешить – на страстной неделе нужно во что бы то ни стало получить аудиенцию у папы римского.

Томас Линлей проводил их до самых городских ворот и долго, пока карета не скрылась из виду, махал вслед.

Вольфганг забился в угол, и чем красноречивее рассыпался Папа об их флорентийских успехах, тем больше он грустил и часто оборачивался назад.

29

Они приехали в Рим в страстную среду, и Леопольд решил немедленно отправиться в собор св. Петра. Он узнал, что в этот день в Сикстинской капелле будет исполняться «Мизерере» сочинения Аллегри, и сказал, что обязательно нужно послушать знаменитое песнопение, будто это могло ускорить получение аудиенции у папы.

Правда, теперь Леопольд сомневался, так ли уж нужна ему аудиенция у папы Клемент XIV, хотя это и могло произвести впечатление на Шраттенбаха, а от него зависело получение разрешения на заказ для Миланской оперы. Леопольд до сих пор ничего не сообщил архиепископу, между тем прошел уже месяц, как он подписал контракт. Всего месяц, а сколько произошло за это время благоприятных событий.

Эта мысль вернула Леопольду прежнюю уверенность, и, когда они подъехали к собору, план действий уже был готов. Стоявший на карауле швейцарец, на которого произвели впечатление отличные манеры и одежда Леопольда, показал ему, как пройти в Сикстинскую капеллу. Поманив за собой сына, Леопольд отправился по лабиринту коридоров и вошел в капеллу с видом настоящего придворного, и, хотя у него не было приглашения, никто не посмел остановить столь важное лицо. Служивший службу папа Клемент XIV находился возле алтаря, и Леопольд, присмотрев укромный угол, направился туда. Он сказал Вольфгангу, чтобы тот внимательно слушал «Мизерере» и даже, если сможет, записал его.

Это «если сможет» особенно рассердило Вольфганга. Неужели Папа все еще в нем сомневается? Он сел и стал внимательно слушать, не обращая внимания ни на стены, расписанные Микеланджело, ни на пышность, с какой была обставлена месса. Мелодия была по-своему логична и выдержанна, она развивалась стройно и закономерно и без труда запоминалась. Еще вначале Вольфганг увидел, что «Мизерере» будет исполнять девятиголосный хор и про себя поделил его на два хора в четыре и пять голосов. Когда же в финале все девять голосов слились воедино, это было естественным завершением вещи. Вольфганг постиг структуру произведения, отличавшегося внутренней цельностью, и к концу отчетливо держал в голове все произведение. Он поступал так теперь со всеми собственными сочинениями и был немало удивлен, когда Папа, сам попросивший его записать «Мизерере» по памяти, пришел в совершенный восторг и написал Маме: «Как тебе известно, знаменитое «Мизерере» столь высоко чтится в Риме, что музыкантам капеллы под страхом отлучения от церкви запрещается выносить ноты, переписывать их или давать кому бы то ни было. Но у нас уже есть партитура «Мизерере», и все это благодаря Вольфгангу, который записал музыку по памяти совершенно точно, до единой нотки, и можно было бы прислать тебе ее в Зальцбург вместе с этим письмом, да она нужна здесь нам самим. Но мы обязательно привезем партитуру домой, потому что, поскольку это одна из свято хранимых тайн Рима, мы не можем допустить, чтобы она попала в чужие руки, и тем навлечь на себя церковную кару».

На следующий день – это был страстной четверг – во время обряда омовения ног в соборе св. Петра Леопольд уверенно прошел через глазающую толпу прямо к столу, за которым восседали кардиналы. Беглость, с какой он говорил по-итальянски и по-немецки, его роскошная одежда, гордая осанка, а также красивый и дорогой костюм Вольфганга из розового муара и тафты и торжественный тон, каким наемный лакей просил солдат швейцарской гвардии расчистить им путь, позволили ему с легкостью осуществить свой план. К немалому удовольствию Леопольда, многие решили, что Вольфганг – иностранный

принц, путешествующий со своим воспитателем. Когда они миновали последнюю цепь папской гвардии, их с поклонами провели к кардинальскому столу.

По наущению Леопольда Вольфганг остановился подле кардинала Паллавичини, которого они узнали по портрету, висевшему в портретной галерее на вилле фельдмаршала. Уверенные манеры мальчика привлекли внимание кардинала, он поманил Вольфганга и спросил:

– Будьте любезны, скажите мне, кто вы такой?

– Вольфганг Амадео Моцарт.

– А, значит, вы тот знаменитый мальчик, о котором так много пишут?

– А вы кардинал Паллавичини?

– Да, я кардинал Паллавичини. А почему вас это интересует?

– Ваше преосвященство, у нас есть к вам письмо от его высокопревосходительства фельдмаршала Паллавичини, и мы хотим засвидетельствовать вам наше почтение.

– Он мне писал о вас.

В это время начался обряд омовения ног, и кардинал предостерегающе поднял руку, однако тут же знаком указал Вольфгангу оставаться подле него. Когда папа закончил обряд омовения, кардинал сказал:

– Я хочу послушать вашу игру сразу после страстной недели.

Кардинал отпустил его, и Вольфганг, чувствуя, что большего сейчас не добьешься, каковы бы ни были Папины соображения на этот счет, преклонил колена перед кардиналом и поцеловал ему руку, а тот похвалил его за благочестие.

Леопольд был весьма расстроен тем обстоятельством, что на страстной неделе нельзя будет устроить ни одного выступления, однако, узнав, что кардинал выразил желание послушать Вольфганга спустя несколько дней, снова приободрился. Концерт состоялся в палаццо князя Хиджи, который пригласил самых знаменитых людей в Риме, и программа концерта была составлена Леопольдом в соответствии со вкусом кардинала Паллавичини. Паллавичини горячо аплодировал Вольфгангу.

– Господин Моцарт, – сказал он, – я в одинаковой степени поражен благочестием и мастерством вашего сына; должен сказать все же, что папа римский редко приглашает к себе музыкантов-виртуозов.

– Ваше преосвященство, я не смею и мечтать об этом.

– Тем не менее таково ваше желание, или я не прав? – Ваше преосвященство, я тронут до глубины души вашей заботой.

– Быть может, в ближайшие несколько месяцев мы сумеем чего-нибудь добиться для вас у его святейшества.

– Через две недели мы должны выступить в Неаполе.

В разговор вмешался Христофори, один из папских певчих. Он не мог поверить, чтобы кто-то сумел по памяти записать «Мизерере», и попросил Вольфганга показать ноты. Гости кольцом окружили Вольфганга и Христофори, подошел даже слегка нахмурившийся кардинал.

У Леопольда упало сердце – а вдруг кардинал рассердится! Но Вольфганг, казавшийся таким маленьким рядом с огромным папским певчим, спокойно протянул ему партитуру.

– Тут не должно быть ни одной ошибки, – сказал он. При полном молчании остальных Христофори внимательно изучил партитуру.

– Неужели он действительно не ошибся ни в единой ноте? – спросил кардинал.

– Ваше преосвященство, партитура абсолютно правильна.

– Ваше преосвященство, – произнес Леопольд, – обещаю вам, что никто ее не увидит.

Но кардинал властным жестом остановил его.

– Эта партитура не такая уж тайна, – сказал он, – ее копии есть у испанского короля, у императрицы Марии Терезии и у падре Мартини.

Затем кардинал обратился к Вольфгангу, и Леопольд с испугом ждал, что ответит сын.

– Мальчик, разве ты не знал, что партитуру «Мизерере» запрещено выносить из

капеллы?

– Запрещено? Как же можно запрещать музыку? Ваше преосвященство, это такая прекрасная и благочестивая музыка, все должны услышать ее. Ведь я ее правильно записал?

– По-видимому, да. – Фельдмаршал и граф Фирмиан несколько не преувеличили очарование и ум мальчика, подумал кардинал. Он повернулся к Леопольду и сказал:

– Возможно, когда вы вернетесь из Неаполя, его святейшество сумеет вас принять, хотя на музыку времени у него обычно совсем не остается.

И он удалился в сопровождении свиты священников, секретарей, лакеев и камердинеров.

Леопольд отложил поездку в Неаполь, потому что многие знатные особы, чьего покровительства следовало домогаться сами изъявили желание послушать игру Вольфганга. В течение следующих двух недель Моцарты дали целый ряд концертов и заработали столько денег, что их хватило бы на дорогу в Неаполь и обратно.

Но особенно лестным оказался заказ на сочинение оперы, предложенный Флоренцией, а затем и Римом. С великим сожалением Леопольд отклонил эти предложения. Перед самым отъездом в Неаполь он написал наконец Шраттенбаху, чувствуя, что больше откладывать нельзя. Он особо подчеркнул, что папа Клемент XIV скоро предполагает дать им аудиенцию. Сообщил об одобрении, выраженном кардиналом Паллавичини, и похвале падре Мартини. Написал далее, что Вольфганга просят сочинять оперы для Милана, Рима и Флоренции, и попросил разрешения начать работу над оперой для Миланского театра, то есть, намекнул он, для императрицы и графа Фирмиана.

А Вольфганг писал Наннерль: «Моя милая трудолюбивая сестренка! Слава богу, и сам я, и перо, которым я мараю бумагу, находимся в порядке и работаем, не покладая рук, и еще мне бы очень хотелось, чтобы моя сестричка очутилась в Риме, ей понравился бы этот город, такой безукоризненный и опрятный. Повсюду здесь полно цветов, и люди распевают прямо на улице, иногда совсем как в капелле, а иногда даже лучше.

Я рад, что тебе понравился менуэт, написанный мною для господина Пика, который танцевал под эту музыку в Миланском театре. Надеюсь, в Зальцбурге его исполнят лучше, потому что господин Пик, танцуя, издавал неприличные звуки. Когда получишь контрданс, который я посвятил тебе, скажи честно, что ты о нем думаешь.

Если ты не слишком занята со своими друзьями-воздыхателями, пришли мне арифметические таблицы, в первую очередь «Искусство счета», потому что я потерял свои где-то в пути. С тех пор как я писал тебе в последний раз, я сочинил одну симфонию и, как только допишу это письмо, сяду заканчивать следующую. Ну вот, я нарисовал тебе святого Петра с ключами и святого Павла с мечом; знай, что я сподобился чести поцеловать ногу святого Петра в его собственном соборе, а так как имею несчастье быть маленького роста, то меня, все того же дурачка, В. А. М., пришлось посадить, а то бы я не дотянулся. А теперь мы едем в Неаполь, тра-ля-ля!

Папа утверждает, что Неаполь – родина оперы, но это еще надо посмотреть. Целую тебя и Маму тысячу раз и остаюсь твой, не сказать чтоб красивый, Вольфганг в Германии, Амадео в Италии и Моцарто – угадай где?»

Неаполь оказался шумным и оживленным городом. Кишевшие народом улицы напоминали гигантский муравейник, и каждый считал своим долгом, разговаривая, кричать что есть мочи. Вольфганг был очарован живостью итальянцев, но ему не нравилось, с какой громогласностью они обсуждали свои дела. Самая обычная беседа велась на высоких нотах. За пять минут в Неаполе он слышал столько ссор, рыданий и воплей, сколько в Вене не услышишь и за день. Его уверяли, что никто еще не превзошел неаполитанцев в искусстве оперного пения, а он испытывал неловкость, наблюдая, как певцы входят в раж на сцене. Он ходил с Папой в оперу при любой возможности, если только не предстоял визит к премьер-министру, или к имперскому послу графу Кауницу, или к английскому послу сэру Уильяму Гамильтону, – и всякий раз Вольфганг думал: здешних певцов больше интересуют внешние эффекты, а вовсе не то, какую музыку они поют.

Многие неаполитанские певцы, по его мнению, совершенно не умели держаться на сцене: они брали слишком быстрый темп, форсировали голоса до крика и заканчивали арии с истерическим надрывом. Опера Номмелли – единственная, которая ему понравилась, хотя сюжет ее был слишком старомоден и серьезен для театра, – совсем не пользовалась успехом. Зато с огромным успехом шли оперы Пиччинни и Паизиелло, изобилующие скачками от *piano* к *forte*, неожиданными переходами от высоких нот к низким и наоборот, и дикими модуляциями. Вольфганг приходил в отчаяние.

Опера была в такой моде, что Папа сумел устроить для Вольфганга всего один концерт. Правда, Папа остался доволен результатом – они заработали немало цехинов и, кроме того, получили заказ написать оперу и для Неаполитанского театра. Вольфганг считал, что итальянцы плохо воспитаны и бестактны: во время концерта они все время болтали и не могли усидеть на месте.

Куда приятней было подниматься на густо дымящийся Везувий, осматривать Помпею, Геркуланум, гробницу Вергилия, бани Нерона, наслаждаться видами Адриатики.

А пока он с нетерпением ждал либретто и разрешения архиепископа писать оперу для Миланского театра (надо сказать, что недовольство Неаполитанской оперой только усилило его желание сочинять), пришло письмо от кардинала Паллавичини.

Папа с видом, весьма довольным, хотя и несколько таинственным, тотчас приступил к сборам в дорогу.

Они выехали самым быстрым дилижансом. Леопольд повсюду объявлял себя уполномоченным имперского посла, и ему немедленно предоставляли лучших лошадей и карету, а в Риме им даже не пришлось заходить в таможню. Чиновники с поклонами предложили им продолжать путь. При последней смене лошадей – одна из них взвилась на дыбы, и Леопольд получил ранение: крылом экипажа ему до кости рассекло голень, но он скрыл это от сына. Он гордился своим стоицизмом и тем, что расстояние от Неаполя до Рима они покрыли за двадцать семь часов, в то время как раньше на это уходило четыре дня. Оба не спали всю дорогу, и в гостинице в Риме Вольфганг заснул прямо на стуле. Леопольд раздел сына, уложил в постель, а тот даже не пошевелился. Проснувшись утром, Вольфганг никак не мог понять, каким образом очутился в кровати. Он заметил, что Папа прихрамывает, но Папа успокоил его:

– Чепуха. Нам надо спешить к кардиналу. Мы приглашены на обед.

– Об этом он и писал вам?

– Да, и еще кое о чем. – Папа редко бывал так воодушевлен.

За обедом кардинал Паллавичини, обращаясь к Вольфгангу, называл его «*Signor Cavaliere*⁷» к немалому удивлению Леопольда, который полагал, что папский государственный секретарь пригласил их затем, чтобы сообщить об аудиенции у папы. С таинственным видом, совсем как Леопольд в Неаполе, кардинал поблагодарил их за скорое возвращение и обещал пригласить снова в ближайшие дни. Леопольду не оставалось ничего другого, как ждать, а Вольфганг занялся сочинением новых арий для Миланской оперы. Прошла неделя, кардинал так и не дал о себе знать, и Леопольд уже начал проклинать непонятную загадочность кардинала, а заодно и свою доверчивость.

Когда, наконец, их пригласили в палаццо Квиринале, резиденцию кардинала Паллавичини, Леопольд с трудом сдержал свое нетерпение.

Спокойным голосом, однако с оттенком торжества, кардинал произнес:

– Двадцать шестого июня его святейшество пожаловал Амадео Вольфгаго Моцарту, жителю Зальцбурга, орден Золотой шпоры.

– Двадцать шестого июня! – изумленно повторил Леопольд. Именно в этот день они вернулись в Рим.

– Да, двадцать шестого, но нам надо было подготовить соответствующие бумаги.

– Ваше преосвященство, это великая честь!

– Величайшая, какой может удостоиться музыкант. Вольфганг сказал тихо:

– Благодарю вас, ваше преосвященство!

– Не за что. Прежде чем это решение было принято, вопрос подвергся самому серьезному обсуждению. Послушайте, Амадео! – И кардинал зачитал часть папского патента: «Нашей апостольской властью Мы возводим тебя, который, как Мы знаем, с самых ранних лет совершенствовался в сладчайшем искусстве игры на клавесине, в ранг рыцаря Золотого ордена».

Самый высокий ранг, ликовал Леопольд.

Вольфганг преклонил колена перед кардиналом, и тот надел ему на шею красивый золотой крест на красной ленте и произнес:

– Синьор кавалер, отныне вы рыцарь Золотой шпоры. Вольфганг был рад за Папу.

– Носите его с честью и достоинством, – продолжал кардинал.

– Он будет носить его с честью и достоинством, обязательно будет! – подхватил Леопольд. – Нет слов, чтобы выразить вам нашу благодарность, ваше преосвященство!

Посмотрим, посмеет ли Шраттенбах теперь ему отказать!

– Через несколько дней вы будете приняты его святейшеством.

Через три дня Вольфганг, с золотым крестом ордена на шее, предстал перед папой Клементом XIV в его временной резиденции – палатце Санта Мария Маджиоре. В зале находился также управляющий графа Фирмиана дон Фернандо, и вид у него был такой, будто награда эта распространялась и на его хозяина; присутствовали здесь и кардинал Паллавичини, и еще целый ряд духовных и светских лиц высокого звания.

Леопольда удивило, с каким вниманием здесь относились к Иерониму Колоредо, епископу Гурка. Обычно епископам не оказывалось подобных почестей, тем более в присутствии кардиналов. Леопольд нашел этого высокого, стройного епископа весьма обаятельным, хотя даже для римского прелата он казался излишне светским и искушенной жизнью. Интересно, кто за ним стоит, подумал Леопольд и тут же вспомнил, что семья Колоредо занимала в Вене очень видное положение. Потом его мысли вернулись к началу аудиенции, когда пана Клемент XIV назвал Вольфганга «Кавалер Моцарт». Почему он говорил по-французски? Видимо, из тщеславия; хорошо еще, что Вольфганг знает этот язык. Леопольд не мог понять, какое впечатление произвела на Вольфганга оказанная ему честь: все держались официально, даже сам Вольфганг.

Слишком уж официально, решил Вольфганг. Вряд ли все эти люди дружески расположены к нему, разве только дон Фернандо и кардинал Паллавичини, да и то поручиться нельзя. Ему казалось, что такое событие должно сопровождаться музыкой и пением, а все были настроены на торжественный лад. Вид у Леопольда был победоносный, словно эта дань таланту сына распахнула перед ним дверь в другой, лучший мир, а Вольфгангу казалось, что, войдя в эту дверь, он вторгнется в чужие владения. В голове рождались и пели все новые мелодии, и он с трудом удерживался от смеха, когда его называли «синьор кавалер». Может, выразить это при помощи музыки? То-то будет весело!

Вечером Пана описывал Маме, как их сын стал дворянином, и Вольфганг сделал приписку для Наннерль на смеси немецкого, французского и итальянского языков: «Моя милая сестренка, я поражен тем, как хорошо ты умеешь при желании сочинять музыку. Твоя песня прелестна. Ты должна почаще заниматься этим делом. Когда будешь посылать мне шесть менуэтов Михаэля Гайдна, которые мне так нравятся, не забудь приложить и что-нибудь свое. Передай сердечный привет всем моим друзьям. Тысячу раз целую Мамины ручки, а тебя, синьорина, возвожу в ранг рыцаря Золотой шпоры. Будь здорова. Здесь стоит такой шум, что нельзя разобрать музыки. Кавалер Моцарт – тра-ля-ля – ха-ха-ха!»

Фельдмаршал Паллавичини, узнав, что Моцарты вернулись в Болонью и поселились в гостинице, пригласил их пожить у себя на вилле. Он стал особенно настойчив, когда ему

сообщили, что Леопольд никуда не выходит из-за раны на ноге.

– Живите сколько вам понравится, – убеждал он, – и ногу свою подлечите.

Леопольд колебался, не хотел проявлять чрезмерную готовность.

– Может, вам надо еще куда-нибудь ехать? Например, в Венецию или Милан?

– Нет, нет, ваше высокопревосходительство. Мы намеревались остаться на лето в Болонье. Это прекрасный город, и падре Мартини хочет позаниматься с Вольфгангом.

– Тогда вы должны провести лето с нами.

– Но мне трудно передвигаться. Правая нога распухла, и я не могу ходить без трости, да и с тростью не так-то' легко.

– В вашем распоряжении один из моих экипажей и мои слуги.

Чем больше отговорок придумывал Леопольд, тем настойчивей становился фельдмаршал.

Отведенные им комнаты были просторны и красивы, с мраморными полами, высокими потолками и окнами, совсем как в Шёнбрунне. И хотя стоял август и в саду было нестерпимо жарко, в доме всегда царила прохлада. Вольфганг наслаждался тонким постельным бельем, комфортабельными широкими кроватями. К ним приставили двух слуг – камердинера и лакея, причем лакей спал в комнате рядом, чтобы находиться под рукой. Как это чудесно, когда все вокруг такое свежее, чистое и приятное, думал Вольфганг. Почему им всегда так не жить? Он понимал, что никакой указ папы римского не сделает из них настоящих аристократов, но разве это так уж важно? Он может расплачиваться за приятную жизнь своей музыкой. Вольфганг был в прекрасном расположении духа и радовался, что Папа тоже полон бодрости и почти перестал хромать.

Вскоре они получили письмо от Шраттенбаха; архиепископ разрешал сочинять оперу для Миланского театра и поздравлял Леопольда с папской милостью. Вслед за тем пришло и либретто, и Леопольд счел такое стечение обстоятельств добрым предзнаменованием, хотя тема либретто немного встревожила его. Граф Фирмиап остановился на «*Milidate, Ve di Ponto*» («Митридат, царь Понтийский»), трагедии Расина в обработке либреттиста Чинья-Сантти.

– Это опера-серия на историко-героический сюжет, с ней нелегко будет справиться, – сказал Леопольд Вольфгангу. Он попытался коротко пересказать сыну сюжет: – Сыновья Митридата, Сифар и Фарнас, уверенные, что их отец погиб в войне против Рима, добиваются благосклонности невесты Митридата Аспазии. Аспазия предпочитает Сифара, зная, что Фарнас в заговоре с Римом против Митридата. Когда Митридат узнает об этом, он приказывает казнить обоих сыновей и Аспазию. Но сыновья восстанавливают свою честь, вступая в борьбу с Римом, и, когда Митридат действительно погибает, Сифар и Аспазия соединяют свои судьбы.

Вольфганг пожал плечами. Сюжет не произвел никакого впечатления, но можно и на него написать оперу.

Гораздо больше радости приносила Вольфгангу его крепнувшая дружба с падре Мартини. На францисканского монаха произвела немалое впечатление награда Клементя XIV.

Леопольд преподнес падре Мартини свою «Скрипичную школу», а в ответ получил его «*Storia della Musica*» – «Историю музыки» с надписью: «Синьору Леопольдо Моцарту и Кавалеру Амадео Вольфганго Моцарту».

Падре Мартини сказал, что сочтет за честь давать уроки Амадео, и они встречались каждый день после обеда: по утрам Вольфганг работал над оперой, а вечера проводил в обществе фельдмаршала Паллавичини и других друзей.

Ближе познакомившись с падре, Вольфганг понял, что этот чуткий, талантливый музыкант не выносил посредственной музыки и был скорее музыкантом-педагогом, чем францисканским монахом, – ведь, что бы он там ни говорил, подлинным богом для него была музыка.

Падре Мартини открывал Вольфгангу точные законы старинной полифонической

музыки и не переставал изумляться трудолюбию юноши.

Понемногу Леопольд догадался, что падре готовит Вольфганга к вступлению в члены Болонской филармонической академии – наиболее высокочтимого музыкального учреждения в Италии.

– Но ведь туда не принимают лиц, моложе двадцати одного года, – как-то напомнил он падре Мартини.

– Амадео не совсем обычный кандидат, – с улыбкой ответил тот.

– Но он должен к началу репетиций оперы в октябре вернуться в Милан.

– Он поспеет туда вовремя. Наберитесь терпения, Леопольд.

Леопольд старался следовать его совету: прием в академию считался большой честью. Однако, узнав, что экзамен отложен на октябрь, он забеспокоился и молил бога, чтобы ожидание не оказалось напрасным. В день главного испытания Вольфганга заперли в комнате, дали ему мелодию и предложили сочинить на основе старинного грегорианского песнопения шестнадцатого века три верхних голоса для антифона со строгим соблюдением всех правил полифонии. Леопольд не на шутку испугался, задача была весьма трудной и к тому же вовсе не отвечала склонностям Вольфганга. Он немного успокоился, узнав, что Вольфганг справился с ней за час: другим на это понадобилось бы не менее трех часов – и что его работу проверяет сам падре Мартини.

И все же Леопольду не нравилось раздраженное состояние Вольфганга, столь для него необычное. С замиранием сердца слушал он, как падре Мартини читает свое заключение. Однако падре одобрил сочинение, после чего Вольфганг был единогласно избран в члены академии, получив звание композитора и маэстро.

Вольфганг не разделял Папиной гордости. Он заметил, что его партитура пестрит поправками падре Мартини. Когда через несколько дней падре передал ему диплом члена академии, он спросил:

– А ведь я не очень хорошо справился с верхними голосами? Как вы считаете?

– Совершенство возможно разве что на небесах. Ведь вас же приняли в члены академии.

– С вашей помощью, досточтимый отец.

– С божьей помощью, дитя. Я просто выразил его волю.

По пути в Милан Вольфганг все размышлял о своих ошибках. Папа обращался с дипломом как с редчайшей драгоценностью и рассказывал всем, что Вольфганг отлично справился с испытанием, но это было не так. И хотя Вольфганг любил и уважал падре Мартини как учителя и друга, он совсем не ценил его сочинений – они казались ему старомодными. И зачем только его заставили писать в этой старинной манере? В угоду традиции он вставил в грегорианское песнопение невыразительные, скучные пассажи. Сухость и бесцветность произведений шестнадцатого века вызывали у него скуку. Он пытался подавить в себе это чувство и в результате наделал ошибок. Впредь нужно полагаться только на свое чутье и вкус.

В соответствии с контрактом дон Фернандо снял для них квартиру. Но после роскошной виллы Паллавичини две комнаты в частном доме показались им тесными и неудобными. Кроме того, Леопольд, памятуя о почестях, каких они были удостоены, ожидал, что граф Фирмиан пригласит их к себе.

Управляющий догадался о неудовольствии Леопольда, хоть тот и благодарил его за помощь, и сказал:

– Я снял эту квартиру, чтобы вам быть поближе к театру, а палатца графа Фирмиана слишком далеко отсюда.

Не так уж далеко, если ехать в экипаже, подумал Леопольд, а вслух сказал:

– Комнаты очень хорошие. Мне особенно нравятся балкон и камин. Здесь вдоволь свежего воздуха и тепла.

Но при этом одна кровать на двоих, хотел было возразить Вольфганг. Папа ворочался во сне, и Вольфгангу не нравилось спать с ним вместе. Но он промолчал.

В суете репетиций они скоро позабыли о подобных мелочах. Почти все певцы уже приехали и с нетерпением ждали арий, которые Вольфгангу предстояло сочинять для них тут же, на месте. Ему приходилось во всем слушаться певцов, всячески угождать им, выполнять любой их каприз.

Но для творчества ему нужен был также покой. Надо было столько сделать, и в такой короткий срок: за несколько недель сочинить двадцать арий, увертюру, дуэт и квартет; речитативы были закончены еще в Болонье. Он разрывался между театром и домом. Перестал писать письма Маме и Наннерль. У него болели пальцы. Глаза воспалились от напряжения, потому что перья и чернила никуда не годились.

Он мечтал сочинять милую его сердцу легкую и веселую музыку, а Папа говорил, что для такого текста она не подойдет – слишком лирична и сентиментальна. А сюжет «Митридата» оказался такой напыщенный. Вольфганг сомневался, сумеет ли передать в музыке подобную торжественность. Он с удовольствием изменил бы либретто, но это было невозможно. Поэт находился в Неаполе, работал над либретто для Пиччинни, а без него никто не смел менять текст.

Кроме того, возникла еще одна трудность. Когда Вольфганг вместе с Папой и доном Фернандо пришел в театр прослушать написанный им для примадонны и премьеры дуэт, примадонна Антония Бернаскони пожаловалась:

– Дуэт не подходит для моего голоса. Пусть кто-нибудь другой пишет мои арии. Какой-нибудь взрослый композитор.

– Вы уже пробовали петь этот дуэт? – спросил дон Фернандо.

– А зачем? Я и без того знаю, что могу петь и что нет.

– Его сиятельство хочет, чтобы исполнялась музыка господина Моцарта, а не вашего учителя господина Лампуньяни.

– Ну, а если арии придется переписать, как бывает обычно?

– Они и будут переписаны, – заверил примадонну дон Фернандо, – Вольфгангом.

– Может, дуэт слишком высок для голоса госпожи Бернаскони? – спросил Вольфганг.

– Что касается моей партии, то она, наоборот, недостаточно высока. Я могу петь дуэт с любым мужским сопрано.

Под ее недоверчивым взглядом Вольфганг переписал женскую партию и отдал ей со словами:

– Теперь вы сможете блеснуть виртуозной техникой. Госпожа Бернаскони продолжала упорствовать, и тогда дон Фернандо сказал:

– По контракту господин Лампуньяни исполняет обязанности помощника дирижера, а вовсе не композитора. Если он нарушит этот контракт, то нового ему не видать.

Примадонна согласилась петь в дуэте, но заметила:

– А как это получится, будет видно, только когда мы споем его вместе с премьером.

На следующий день премьер Пьетро Бенедетти объявил:

– Я не могу петь дуэт с Бернаскони. Ведь я – ведущий голос, а все высокие ноты в ее партии.

– Господин премьер, – сказал Вольфганг, – я писал вашу партию, думая о Манцуоли.

Леопольд чуть не застонал – какая вопиющая бестактность, но сдержался: его непременно обвинили бы в том, что он вмешивается не в свое дело, и так уж об этом твердят все кому не лень.

Вольфганг был в восторге от своих хороших манер: ведь он не сказал прямо, что Бенедетти и сравнивать нельзя с Манцуоли. Поверив обещанию Манцуоли петь в его опере, он задумал эту роль в расчете на голос кастрата. Только Манцуоли потребовал за участие тысячу дукатов, а дон Фернандо, ведавший расходами, объявил такое требование вздорным и сказал, что за эти деньги можно нанять даже такую звезду, как Фаринелли, хоть тот и покинул сцену. Арии мужского сопрано должны по красоте и выразительности превосходить все остальные – в Италии это закон, преступить который не может никто, и Вольфганг об этом тоже помнил.

– Я писал ее, думая о Манцуоли, – повторил он, – так что господин премьер может в полную меру показать свой замечательный голос.

– Мне не приходится напрягаться, когда я беру высокие ноты, – усмехнулся Бенедетти.

– Тогда попробуйте взять мои, – с вызовом сказала Бернаскони.

– Кто здесь мужское сопрано – я или госпожа Бернаскони?! – возмутился премьер.

– Я здесь настоящее сопрано! – огрызнулась она.

На мгновение Вольфгангу показалось, что они сейчас вцепятся друг другу в волосы. Но это было всего-навсего представление: куда безопаснее словесно поносить друг друга, ведь, дав волю рукам, они могли попортить свои прически.

– Я в ужасе, – вопил Бенедетти, – у нее совершенно нет вкуса!

– Как вы смеете меня оскорблять! – визжала Бернаскони.

– Вкус есть у вас обоих, – сказал Вольфганг, – потому-то я и написал для вас такую музыку. – В конце концов он должен найти подход к немцам. – Господи Бенедетти, если вы пожелаете, я могу сделать дуэт выше.

Бенедетти в гневе топнул ногой и воскликнул:

– Баста! Чтобы я мог взять такие высокие ноты, меня пришлось бы кастрировать вторично!

Дон Фернандо успел удержать примадонну от дальнейших замечаний и твердо сказал:

– Граф Фирмиан не потерпит больше никаких проволочек. Мы немедленно возобновим репетиции, как только синьор кавалер Моцарт перепишет этот дуэт, как он любезно обещал. Если же вас это не устраивает, мы найдем замену, если потребуется, даже самих Манцуоли и Бастарделлу.

Тут премьер и примадонна в один голос стали утверждать, что впервые слышат столь прекрасную музыку и что честь Миланской оперы им дороже всего.

Первое представление оперы «Митридат, царь Понтийский» состоялось на второй день рождества. Леопольд гордо восседал в ложе, поглядывая на Вольфганга, который сидел за клавином, готовый дирижировать. Как бы ни приняли оперу, еще одна цель достигнута – его сын стал признанным оперным композитором. В королевской ложе сидел граф Фирмиан, в следующей – Саммартини и Гассе, в третьей – фельдмаршал Паллавичини. Леопольд готов был плясать от радости, и вдруг перед самым началом увертюры он заметил, как Вольфганг волнуется – это так ему несвойственно. Вольфгангу предстояло дирижировать первыми тремя представлениями, а Лампуньяни – остальными, но сегодняшнее было самым ответственным. У Леопольда сильно заныла правая, «дирижерская», рука. Всего-навсего ревматизм, понимал он, однако, когда увертюра прошла гладко, боль заметно ослабела. А когда началось действие и Вольфганг стал дирижировать все уверенней, боль прошла бесследно.

Дуэт премьера и примадонны вызвал овацию, и, когда занавес опустился, они заставили Вольфганга выйти на сцену и разделить с ними аплодисменты, и тут граф Фирмиан встал и крикнул:

– Bravo! Bravo, Il Signor Cavaliere Filarmonico!⁸ Публика подхватила его слова и стала скандировать, и даже Саммартини и Гассе присоединились к общему хору.

Повсюду в Италии Вольфганга величали этим титулом. После того как опера двадцать раз прошла в Милане при переполненном зале, они покинули город и отправились в Турин, Виченцу, Падую и Венецию, во теперь это был скорее отдых, которым они наслаждались, хотя Вольфганга всюду ожидал бурный прием.

В Зальцбург они вернулись ровно через год после того, как впервые познакомились с кардиналом Паллавичини. Леопольд чувствовал себя победителем. Домой они возвращались с новым заказом на оперу для миланского карнавала 1772 года, кроме того, ходили слухи, что сама Мария Терезия намерена заказать Вольфгангу оперу.

Вольфганг надеялся, что на этот раз с либретто повезет больше. Несмотря на горячий

прием в Милане, он не разделял Папиных восторгов по поводу музыки «Митридата». Продуманная, искусно построенная, да, он согласен, но это еще далеко не все. И тут он очутился в объятиях Мама, целовал ее и Наннерль, смеялся и плакал от радости, забыв обо всем на свете.

31

До чего же возмужал Вольфганг, удивлялась Мама. Костюм, сшитый еще в Зальцбурге, стал ему явно тесен и короток. Утирая слезы, Мама немного отступила назад, чтобы хорошенько рассмотреть сына, а Наннерль повисла на шее у Папы и никак не хотела его отпустить.

Папа показал им золотой крест и дипломы Болонской и Веронской академий.

– Мы окупили все наши расходы по поездке, – говорил он, – а к деньгам, что мне дал архиепископ, я даже не притронулся. Знаете, кроме оперы, Вольфганг сочинил еще несколько арий, четыре симфонии, менуэты, несколько духовных произведений, струнный квартет.

А Вольфганг, перебивая его, спрашивал:

– Скажи, Наннерль, как наш господин Кенарь – поет еще? И может по-прежнему взять верхнее соль?

– Ну, конечно, – отвечала Наннерль. – Помнишь, как вы пели с ним дуэтом?

Но Вольфганг уже сам побежал в музыкальную комнату, чтобы удостовериться, и огорчился, когда кенарь не узнал его и забился в дальний угол клетки, отказываясь петь. Вольфганг стал напевать, надеясь подзадорить птичку, но тут же осекся; прибежавшая вслед за ним Наннерль спросила, в чем дело, и он ответил:

– Я больше не могу петь! Что-то случилось с моим голосом. Не могу брать ни низких, ни высоких нот. Совсем пропал голос. Даже собственные арии не могу петь!

Брат вдруг стал так печален, что Наннерль принялась его утешать.

Вольфганг немного приободрился, повидавшись с Барбарой фон Мельк и Терезой Баризани. Они радостно встретили его. Им были известны его триумфы – весь Зальцбург знает о них, сообщили девушки; они сначала немного смущались, словно подавленные его превосходством. Но в воскресенье во время службы в соборе Барбара села рядом с ним, и, когда он шепнул ей: «Ты очень похорошела за мое отсутствие», она вспыхнула, явно обрадованная его словами, ведь он стал теперь таким знаменитым!

А он был счастлив сидеть рядом с девушкой. По сравнению с Барбарой Тереза выглядела дурнушкой. У Барбары изящный овал лица и тонкие, некрупные черты. Губы немного полноваты, но соблазнительны. Только румяные щечки, «зальцбургские», по его выражению, результат всегдашней сырой и ветреной погоды, были совсем другие, чем у итальянок, на которых он заглядывался. Взгляд Барбары говорил: «Как я рада тебя видеть!»

– Помнишь, Баберль, – так называл он ее в детстве, – помнишь, как, говоря о Шраттенбахе, мы нарочно заменяли букву «ш» на «с»?... – Барбара приказала ему замолчать, но не покраснела, а улыбнулась во весь рот – она узнавала прежнего Вольфганга.

И все же он изменился, думала она. Вырос, хотя, возможно, высоким не будет никогда – для своего возраста он маловат, и потом стал таким любезным, обходительным. Держался Вольфганг с такой уверенностью, что девушка не чувствовала между собой и им разницы в возрасте, хотя была на четыре года старше. В продолжение всей службы Вольфганг не отпускал ее руку. Он не желал говорить с Барбарой о музыке, которую написал в Италии, а лишь о менуэтах, сочиненных для нее. Он пригласил Барбару покататься в экипаже.

– Погода очень уж ненадежная, – ответила она.

– Зато я вполне надежен, – возразил он.

Вольфганг сильно огорчился, когда после службы Шраттенбах задержал его, чтобы поздравить с наградой, полученной от Клементы XIV. Но Барбара обещала подождать, поэтому Вольфганг был вежлив, хотя ему не терпелось поскорее убежать.

– Ты хорошо послужил мне, – сказал его светлость, – кардинал Паллавичини писал о твоём благочестии и о музыке, сочиненной тобой, и отметил, что как то, так и другое, делает честь Зальцбургу.

Вольфганг опустил пород архиепископом на колени.

– Благодарю вас, ваша светлость, – начал он, – я счастлив, что...

Но Папа перебил, торопясь напомнить архиепископу:

– Ваша светлость, Вольфганг теперь почетный капельмейстер Болоньи и Вероны, и он действительно принес славу Зальцбургу, хоть тут он всего-навсего третий концертмейстер и даже без жалованья... – Но Шраттенбах резко оборвал Леопольда: – Мне известны заслуги вашего сына, – и знаком отпустил их.

Леопольд расстроился, а Вольфганг был весел – ведь его ждала Барбара. Она сдержала слово, хоть и отказалась от катания в экипаже. Они гуляли по берегу Зальцаха, и Барбара спросила:

– Ты скучал по мне?

– Очень!

– А по Зальцбургу? Вольфганг пожал плечами:

– Все города похожи один на другой, за исключением Вены и Лондона.

– Даже Милан?

– В Милане любят оперу. – Словно этим было все сказано. Он хотел поцеловать Барбару, но она уклонилась.

– Мне очень понравились менуэты, которые ты сочинил для меня, – сказала она.

– А если я сочиню для тебя еще что-нибудь? Тогда как?

Она ничего не сказала, но улыбнулась нежно и лукаво.

– По рукам! – И он тут же потребовал платы.

Его губы были горячи и настойчивы. Барбара понимала, что поступает нехорошо, она старше его и отнюдь не кокетка, а он совсем еще мальчик. Но Вольфганг так настаивал, что она уступила.

На следующее утро Вольфганг долго разглядывал себя в зеркало, раздумывая, как бы украсить свою наружность. Он вспоминал, как Барбара покачивает при ходьбе бедрами, представлял себе ее хорошо развитую грудь. Папа приказывал садиться за клавесин, а у него в ушах звучал голос девушки. Барбара не музыкальна, но голос у нее приятный, он терпеть не мог девушек с резкими голосами. Сидя за клавесином, Вольфганг подсчитывал дни до следующей встречи.

Каждое воскресенье после службы они с Барбарой шли погулять. Но она не позволяла ему ничего, кроме редкого поцелуя, даже после того, как он сочинил для нее еще несколько менуэтов. Но и эти случайные поцелуи, несколько не удовлетворяя, наполняли его ликующей радостью.

В тот вечер, когда Папа, еле владея собой от возбуждения, принес домой весть о новом заказе, Вольфганг, погруженный в мечты о Барбаре, остался равнодушен к его сообщению.

– Я получил письмо от графа Фирмиана, – торжественно объявил Папа домашним, – от имени императрицы граф предлагает Вольфгангу написать серенаду к празднествам в честь бракосочетания ее сына эрцгерцога Фердинанда с принцессой Беатриче Моденской, которое состоится в Милане в октябре.

Вольфганг очень хотел открыться Папе в своих чувствах к Барбаре, но боялся, как бы Папа не поднял его на смех.

– Заказ самой императрицы! Никогда еще мы не удостоивались подобной чести, а потом это открывает перед нами отличные возможности. – Радость Папы сменилась раздражением: – Вольфганг, ты меня слушаешь?

– Да! Я должен написать еще одну оперу для Миланского театра?

– Да не оперу – серенаду! Опера заказана Гассе.

– Я уверен, Гассе напишет хорошую оперу.

– Гассе – твой соперник. Нечего тебе превозносить его.

– А как же быть с Зальцбургом? – спросила Мама. – Ведь Вольфганг теперь концертмейстер.

– Без жалованья и без обязанностей! А в Италии его знают и любят повсюду.

– И все же, когда ты здесь, архиепископ тебе платит.

– А когда я предлагаю ему дать Вольфгангу какой-нибудь заказ, он отделяется шуточками.

– Он нездоров. Шахтнер говорит, архиепископ, по-видимому, недолго протянет.

– И все же не хочет отпускать нас от себя. Посмотрим, может, нам удастся все-таки его перехитрить.

– Леопольд, мы с Наннерль хотим поехать с вами. Нам очень скучно без вас.

– Это невозможно, – ответил он неумолимо. – Вы не выдержите дороги. Но после нашего возвращения из Милана, если, конечно, Вольфганг не получит места у эрцгерцога, мы подыщем себе новую квартиру. Нечего нам больше спать вповалку, как солдатам в казарме. Наннерль и Вольфганг уже не дети.

– Ты думаешь, эрцгерцог захочет взять Вольфганга на постоянную службу?

– Анна Мария, у нас в Италии есть не только добрые, но и влиятельные друзья. Императрица тоже всегда относилась к нам благосклонно. Правда, Вольфганг?

Вольфганг не слушал. Он в сторонке уговаривал Наннерль передать Барбаре его послание. Наннерль согласилась. Она сочувствовала брату, эта тайна словно сближала их.

«*Ascanio in Alba*» («Асканио в Альбе») называлось либретто, выбранное для серенады графом Фирмианом с одобрения Марии Терезии. Бракосочетание эрцгерцога изображалось здесь в виде пышной аллегии, а императрица предстала в роли Венеры, помогающей соединению влюбленных, Вольфгангу либретто не понравилось, но он не стал протестовать; дон Фернандо напомнил, что либреттист Джузеппе Парлини был фаворитом графа, и это уже само по себе было веским предупреждением.

Сценическое представление мало интересовало Вольфганга, его занимала только музыка и чувства, которые ему предстояло в ней выразить. Эрцгерцог, хрупкий, бледный юноша, никак не рисовался ему величественной фигурой, не было ничего романтического и в его невесте-принцессе, которая по сравнению с Барбарой была просто некрасива, но Вольфганг рисовал себя и Барбару в образе молодых влюбленных – героев серенады и стремился излить в музыку свои нежные чувства.

Приезд Манцуоли, который должен был петь в серенаде главную партию, еще больше вдохновил его. Они вместе с Манцуоли работали над его ариями, и эти часы переполняли радость сердце Вольфганга. Манцуоли пел так чудесно, что Вольфганг был окончательно покорен. Он не находил слов, чтобы выразить свое восхищение, слушая, как Манцуоли исполняет финал серенады.

– Амадео, это прелестная ария, – сказал Манцуоли.

Вольфганг совсем расчувствовался. Он никогда не слышал подобного исполнения своих арий.

– Петь ее – одно удовольствие.

– Я написал эту арию специально для вашего голоса.

– Надеюсь, ты всегда будешь писать для меня такую музыку.

– Буду стараться изо всех сил, синьор маэстро!

– Амадео, для меня будет честью петь в твоей новой опере в Миланском театре.

– Нет, это для меня будет честью! – с пылом сказал Вольфганг.

Словно скрепляя договор, Манцуоли горячо поцеловал мальчика в щеку.

Позднее в тот же день Вольфганг сел за стол – ему очень хотелось излить в письме к Наннерль чувства, переполнявшие его сердце, но они были слишком сокровенными и слишком глубокими. Поэтому он ограничился шутливой припиской в Папином письме к Маме: «Моя милая сестричка! Мы тут терпим страшную жару, а пыль забивает нам рты и носы, делая все, чтобы мы окончательно задохнулись, ну да мы тоже не дураки. Тут, в Милане, уже целый месяц не было дождя.

А теперь о том, что ты обещала – ты ведь помнишь мою просьбу, – так вот, не забудь ее выполнить, я буду тебе за это очень благодарен, а для нее пришлю скоро новые сочинения.

Самая важная наша новость: у принцессы неладно с желудком, и все встревожились, что свадьбу придется отложить, по думая, все обойдется – дадут рвотного, и ее прочистит с обоих концов.

Вот какие дела. Над нами живет скрипач, под нами – еще один, а рядом – учитель пения, который дает уроки весь день напролет, а напротив – гобоист, который упражняется с утра до ночи. Но мне это нравится. Помогает сочинять. У меня возникает множество идей. Поцелуй за меня Маму. Манцуоли поет чудесно. Addio. Твой сонный, но верный братец».

Вечером, в день бракосочетания, в честь молодоженов давали оперу Гассе. Это явилось выдающимся музыкальным событием, но Леопольду опера показалась скучной, а Вольфганг поглощен был мыслями о своей серенаде.

Серенада была поставлена на следующий день и заслужила больше аплодисментов, чем опера Гассе, немало порадовав Леопольда. Эрцгерцогская чета пришла в восторг от арий Манцуоли и так громко аплодировала, что Манцуоли вынужден был их повторять. А в финале эрцгерцог и его супруга, перегнувшись через перила королевской ложи, крикнули Вольфгангу, который дирижировал, сидя за клавиноном:

– Брависсимо, маэстро! Весь зал подхватил эти слова.

Эрцгерцог Фердинанд приказал повторить «Асканио в Альбо», а через несколько дней попросил сделать две копии партитуры: одну для себя, а другую для своего брата – императора Иосифа II. На улице к Леопольду и Вольфгангу непрерывно подходили с поздравлениями самые разные люди.

– Как это ни печально, но приходится признать, что твоя серенада затмила оперу Гассе, – сказал довольный Леопольд Вольфгангу. – Все изумляются, что написал ее пятнадцатилетний мальчик. Это может иметь для нас чрезвычайно важные последствия.

Поэтому, когда их с Вольфгангом пригласили на большой прием, который граф Фирмиан давал в честь новобрачных, Леопольд решил: пришло время действовать. Среди гостей было множество знакомых: фельдмаршал Паллавичини, его двоюродный брат – кардинал, Гассе, Саммартини, но Леопольда интересовал только эрцгерцог. Он выждал, когда граф Фирмиан, показывавший эрцгерцогу и эрцгерцогине свое палаццо, провел их в музыкальный зал. Более благоприятного момента для аудиенции не придумаешь, решил Леопольд. Он шагнул вперед, чтобы оказаться в поле зрения эрцгерцога, и его надежды оправдались: тот выразил желание побеседовать с Моцартами.

Эрцгерцогиня сняла перчатку и протянула Вольфгангу руку для поцелуя, Вольфганг почтительно приложился к ней. Она благосклонно улыбнулась и сказала:

– Надеюсь, мы скоро вновь будем иметь удовольствие услышать вашу музыку.

– Когда бы вы ни пожелали, ваше высочество. Хоть сейчас, – учтиво ответил Вольфганг.

– Это было бы чудесно, но сегодня мы слишком заняты.

– Ваше высочество, – сказал граф Фирмиан, – а какое удовольствие доставил бы вам столь даровитый музыкант, как господин Амадео, будь он в числе ваших придворных.

Внезапно наступило молчание. Эрцгерцогиня взглянула на мужа, и тот неуверенно ответил:

– Это не так просто решить.

– Но подумать об этом стоит – вам не кажется, ваше высочество?

– Господин Амадео – необыкновенный музыкант. Я слышал, как он играл перед моей матерью в Шёнбрунне, еще совсем мальчиком. Кажется, ему тогда было восемь.

– Шесть, шесть с половиной, ваше высочество, – поправил Леопольд. – Прошу прощения, всего шесть.

– Но теперь Амадео уже не мальчик, – нетерпеливо перебил его граф Фирмиан, – ему почти шестнадцать. Как вы считаете, господин Моцарт, способен ли ваш сын исполнять обязанности капельмейстера?

Леопольд ответил так, как ожидал граф:

– Он уже капельмейстер, ваше сиятельство, в Болонье и Вероне и, кроме того, концертмейстер в Зальцбурге.

– Ваше высочество, – сказал граф Фирмиан, обращаясь к эрцгерцогу, – господин Амадео пользуется в Италии огромной любовью. Назначение его вашим капельмейстером лишь усилит теплые чувства, которые питают к вам ваши подданные.

– Неплохая мысль, – сказал эрцгерцог, но не успел Леопольд возликовать, как он добавил: – Только вот разрешат ли вам покинуть Зальцбург? Архиепископ Шраттенбах наш хороший друг. – И он вопросительно взглянул на Леопольда.

Леопольда охватила злость, перед которой померк даже страх. В гневе смотрел он на ребяческое прыщеватое лицо эрцгерцога Фердинанда с несоразмерно крупным носом, отчего мелкие черты его казались еще мельче. Трудно представить себе большее унижение, чем служить этому желторотому юнцу. Как смеет какой-то мальчишка судить о его сыне! Они ждали его ответа, но попробуй он сказать, что думает, и карьере Вольфганга конец.

– Насколько я понимаю, – Фирмиан начал очень мягко, словно желая подчеркнуть свое дружеское отношение, – князь архиепископ Шраттенбах именно потому и финансировал вашу поездку в Италию, чтобы ваш сын, Вольфганг Моцарт, мог подыскать место, соответствующее его таланту?

– Именно так, ваше сиятельство! – воскликнул Леопольд. Как это умно со стороны графа. – Зальцбург не может похвалиться своей музыкальной жизнью, ваше высочество, – грустно вздохнул он, поклонившись эрцгерцогу, который внимательно следил за разговором. – Но Милан – это подлинно великий город, и мы были бы счастливы потрудиться во славу вашего высочества.

– Что же вы предлагаете, господин Моцарт? – спросил эрцгерцог Фердинанд.

– Мой сын исполнит любое ваше желание, ваше высочество. Он может играть на клавишине, на скрипке, на органе, по вашему выбору, он может сочинить любую оперу, дивертисмент, симфонию...

– Знаю. Но чтобы стать капельмейстером, этого недостаточно.

– Ваше высочество, вы же видели, сколь мастерски он дирижировал.

– Прелестно, – подтвердила эрцгерцогиня. – И он так чудесно выглядел!

– Амадео, вы хотели бы стать здесь капельмейстером? – спросил эрцгерцог.

Вольфганг не был в этом уверен, но Папа всем своим видом выражал нетерпение, и он ответил:

– Я готов служить вашему высочеству на любой должности. – И улыбнулся эрцгерцогу милой и в то же время почтительной улыбкой, а тот невольно улыбнулся в ответ.

Только вот, что скажет его мать – императрица? Недаром она учила его, что правитель никогда не должен давать прямого ответа. К ним подходил Гассе с кардиналом Паллавичини, и эрцгерцог воспользовался этим и сменил тему разговора. Он похвалил Гассе за хорошую оперу, но старик ответил грустно:

– Она недостаточно хороша для Милана, публика предпочла ей серенаду.

– Серенада – прекрасное музыкальное произведение, – заметил граф Фирмиан.

– Согласен с вами, – ответил Гассе, – ее красота примиряет меня с мыслью, что самому мне больше писать опер не следует.

– Не следует писать опер! – воскликнул Леопольд. – Для искусства это явится большой потерей, маэстро.

– Сомневаюсь. Как бы там ни было – я уступаю поле боя вашему сыну.

Леопольд подозрительно спросил:

– А как же Пиччинни? И Глюк?

– Амадео затмит всех нас.

– Вы действительно так считаете? – спросил эрцгерцог.

– Ваше высочество, я слишком стар, чтобы лгать. – Чем больше раздувался от гордости Леопольд, тем безразличнее делалось выражение лица Вольфганга, и Гассе это забавляло. –

«Асканио в Альбе» – это только начало, – сказал старик.

– Ваше высочество, позвольте мне подать вам прошение от имени моего сына! – воскликнул Леопольд.

– Если хотите, пожалуйста.

– И вы отнесетесь к нему благосклонно, ваше высочество?

Эрцгерцог Фердинанд хотел было утвердительно кивнуть. Всеобщие похвалы и восторги убедили его. Но он знал, что сначала втайне от всех, даже от жены, должен посоветоваться с матерью. Желая дать понять, что последнее слово принадлежит ему, он принял высокомерный вид и сказал:

– Я подумаю.

Подарок за серенаду, полученный Вольфгангом от Марии Терезии – золотые часы, украшенные ее портретом на эмали, – несколько скрасил Леопольду ожидание. Он еще больше воспрянул духом, узнав, что за свою оперу Гассе удостоился от нее лишь простой золотой табакерки.

К немалому удивлению Леопольда, ответ па прошение передал ему дон Фернандо. Он ожидал, что его примет сам эрцгерцог.

– Его высочество отбыл по делу, – сказал управляющий.

– А граф Фирмиан? – спросил Леопольд, сразу почуяв недоброе.

– Его сиятельство сопровождает эрцгерцога.

– Значит, это отказ?

– Дорогой друг, ведь Амадео зарабатывает музыкой очень много денег.

– Это вас и просили мне сообщить? Дон Фернандо пожал плечами.

– Меня просили сообщить, что имперская казна не предусматривает расходов на новые музыкантские должности.

– А истинная причина?

Дон Фернандо осторожно ответил:

– Эрцгерцог сказал графу Фирмиану, что не может лишить доброго друга их семьи, архиепископа Шраттенбаха, сразу двух таких ценных слуг.

– И граф Фирмиан не протестовал?

– Граф Фирмиан ваш друг. Он тоже очень огорчен. Но ведь теперь правителем Ломбардии является эрцгерцог. – Увидев отчаяние, отразившееся на лице Леопольда, управляющий добавил:

– Когда вы вернетесь сюда к следующему оперному сезону, вы сможете попытаться счастья у эрцгерцога Леопольда в Тоскане. Он старше Фердинанда и самостоятельнее. Он не побоится соперничества вашего сына.

– Соперничества? – переспросил Леопольд.

– Ну, это я так, к слову. Все мы по-прежнему любим господина Амадео.

Вошедший Вольфганг спросил:

– Значит, мы едем домой, Папа?

– Если только нас не попросят остаться.

Но управляющий посмотрел на него печально, и Леопольд понял – оставаться было бы унижительно.

Ах, если бы ему поговорить с кем-нибудь понимающим, например с Марией Терезией!

Эрцгерцог Фердинанд посоветовался с матерью; он искренне намеревался ваять к себе на службу Вольфганга. Но ответ Марии Терезии переменял его планы: «Ты спрашиваешь, взять ли тебе на службу молодого зальцбургского музыканта. Не знаю, для чего он тебе, мне кажется, ты не нуждаешься ни в композиторе, ни в других бесполезных людях. Если же это доставит тебе удовольствие, я не стану препятствовать. Просто хочу посоветовать тебе не обременять себя людьми бесполезными; не надо давать такого рода людям звания придворного служителя. Они обесценивают это звание, когда, подобно нищим, рыщут по свету; кроме того, у него большая семья».

Фердинанд никому не сказал о письме матери. Эрцгерцог хотел, чтобы все, а в

особенности его жена и граф Фирмиан, считали, будто это решение принял он сам.

Леопольд и Вольфганг вернулись в Зальцбург. Анна Мария добивалась от Леопольда истинной причины отказа, а он, стараясь заодно убедить и себя, повторил официальную версию:

– Эрцгерцог не взял на службу Вольфганга потому, что не хотел обижать друга своей семьи архиепископа Шраттенбаха, лишив его сразу двух таких ценных слуг.

Но Вольфганг Папе не верил.

На следующий день после их возвращения в Зальцбург архиепископ скончался.

Часть пятая. ГОДЫ ОЖИДАНИЯ

32

В волнении отправился Леопольд на первую аудиенцию к новому зальцбургскому правителю. Ожидая вместе с Вольфгангом приема в хорошо знакомом, удивительно красивом Рыцарском зале, Леопольд не имел никакого желания любоваться ни прелестной росписью потолка, ни величественным простором помещения. Со смерти Шраттенбаха прошло уже несколько месяцев, назначение его преемника необычайно затянулось, не обошлось и без вмешательства венского двора, что противоречило обычаю, да и сам преемник внушал зальцбуржцам опасения. Новый архиепископ граф Иероним Колоредо, бывший князь-епископ Гурка, слыл человеком вполне светским и правителем в достаточной мере суровым.

Хорошо бы снова попытаться счастья в Италии, думал Леопольд, несмотря на неудачу с Фердинандом. И как всегда, вспомнив об эрцгерцоге, он в сотый раз задал себе вопрос, почему же, собственно, их постигла неудача, и, как всегда, ответа не нашел. И все-таки нужно еще раз поехать в Италию. Вырваться из Зальцбурга. После смерти Шраттенбаха музыкальная жизнь во дворце почти замерла, никаких новых произведений не исполнялось.

Вольфганга, сидевшего рядом с отцом на красивом резном диванчике, занимали иные мысли. Он ни на шаг не продвинулся в своих отношениях с Барбарой и очень скучал без оперы в Зальцбурге, и тем не менее он был весь переполнен счастьем и новыми мелодиями. Он только что открыл для себя симфоническую музыку, так ему казалось, хотя он сочинил уже не одну симфонию. Симфонии, услышанные в Италии, отличались от тех, что он знал прежде, и ему хотелось использовать их форму, только музыку сочинить свою. Папа так нервничал из-за нового архиепископа, прямо на месте не мог усидеть, а у него в голове раздавались новые грациозные созвучия, и нужно было запомнить их, прежде чем они улетучатся из памяти. Почему Папа бросил сочинять? Он, Вольфганг, еще и не начал, хотя Папа гордится, что сын написал уже более ста вещей; Папа ведет им учет, а Вольфгангу это безразлично. Стоит ли подсчитывать уже сотворенное, ведь радость в том, чтобы творить вновь и вновь. К своему шестнадцатилетию он сочинил ля-мажорную симфонию. А теперь, спустя несколько месяцев, в голове зародилась вот эта новая тема и настойчиво требовала воплощения. Погруженный в раздумье, он не слышал, как граф Арко пригласил их войти в кабинет нового архиепископа.

– Что, Вольфганг, замечтался? – спросил граф Арко. Его позабавил отсутствующий вид юноши. Впрочем, музыканты вечно витают в облаках.

– Нет, я не мечтаю, – ответил Вольфганг, а сам подумал: «Музыка – не пустое мечтание, только это вряд ли понять графу».

– Тогда чем же ты занят?

– Он сочиняет, – ответил за него Леопольд.

– Прямо тут? В Рыцарском зале? – Граф Арко не мог поверить.

– Разумеется, – сказал Вольфганг. – Разве нельзя? Граф Арко пожал плечами и повел их к новому правителю.

Архиепископ Колоредо стоял у роскошного бюро в Аудиенцзале, изучая большую карту, и знаком приказал Моцартам подождать в углу, пока он кончит. Граф фон Мельк, придворный канцлер и отец Барбары, показывал архиепископу границы его владений, и вид у архиепископа был недовольный. Оказалось, что княжество тянется в длину на 80 миль и в ширину на 40. В Вене ему обещали территорию больших размеров.

– Ваша светлость, но ведь наши соседи – Австрия и Бавария. Хорошо еще, что у нас не отобрали и того, что мы имеем.

Архиепископ умышленно не обращает на них никакого внимания, подумал Вольфганг; с их приходом тон его светлости стал подчеркнуто властным. Новый правитель хотел довести до их сознания каждое свое слово, дать им понять, кто тут настоящий хозяин, и тем самым дать почувствовать свое ничтожество. Граф Арко стоял в стороне, испытывая неловкость оттого, что поспешил пригласить Моцартов, хотя всего лишь выполнил приказание архиепископа, а Папа, хоть и делал непринужденный вид, застыл рядом с графом и молчал. Вольфганг пытался вспомнить мелодию, родившуюся у него в голове, пока они ждали в Рыцарском зале. Он рассердился и начал прислушиваться к разговору, что, по-видимому, соответствовало желанию Колоредо, поскольку тот ничуть не понизил голос при их появлении. Но при этом, не желая доставлять удовольствия архиепископу, Вольфганг притворился, будто занят своими мыслями.

– А как насчет ваших доходов, фон Мельк? – спрашивал Колоредо.

– Ваша светлость, доход нашей провинции составляет двести тысяч гульденов в год, – с гордостью ответил граф фон Мельк. – Двадцать тысяч гульденов выделяется на ваши личные расходы. И конечно, все доходы княжества находятся в вашем полном распоряжении.

– Мне это известно. Есть у нас постоянная армия?

– Случалось, мы набирали войско до восьми тысяч человек, но в последнее время такой необходимости не возникало.

– Ну, а если возникнет?

– Ваша светлость, мы не подвергались нападению с шестнадцатого века!

– А сейчас восемнадцатый. Сколько мы держим музыкантов?

– Восемьдесят, ваша светлость, когда они все на месте.

– Надо увеличить их число до ста. Но тем, кто находится в отъезде, мы платить не станем. – Не меняя сурового выражения лица, Колоредо отпустил канцлера.

Однако выражение его несколько смягчилось, когда он обратился к Моцартам. Архиепископ знаком приказал им приблизиться и объявил:

– Мы уже встречались в Риме, на аудиенции у его святейшества. Вы, разумеется, помните?

– Разумеется, ваша светлость! – подтвердил Леопольд, хотя ровно ничего не помнил. Вольфганг, тоже не помнивший этого обстоятельства, промолчал. Наступила пауза, пока они разглядывали друг друга.

Для архиепископа Колоредо Моцарты были не больше чем слугами, но слугами ценными, поскольку они пользовались известностью при европейских дворах. Отец держался с подобающей почтительностью, а мальчишка смотрел на него с равнодушием, граничащим с наглостью. Захвалили с ранних лет, подумал архиепископ, но улыбнулся, не желая выказывать свои истинные чувства.

Назначение его, видимо, не обошлось без нажима Вены, думал Леопольд, уверенный, что Колоредо не обладает необходимым для архиепископа благочестием. Как это он мог запомнить, ведь Колоредо – старший сын императорского вице-канцлера, человека богатого и влиятельного и одного из главных советников Марии Терезии.

Вольфганга не обманывал сонный взгляд архиепископа из-под опущенных век, он понимал, что от этого взгляда ничто не ускользает. И чувствовал себя стесненно, хотя Колоредо жестом подозвал его к себе под благословение.

Поднявшись с колен, Вольфганг почувствовал себя еще более неудобно. Он был такой маленький. Стоя, Колоредо возвышался над ним, как башня. Казалось, он хотел заставить

Вольфганга понять свое ничтожество. Глядя снизу вверх, Вольфганг подивился, какой он высокий. У архиепископа были узкие длинные кисти рук, худое продолговатое лицо и желтые непроницаемые глаза.

Граф Арко, до сих пор державшийся в стороне, вдруг сказал: – Господин Моцарт, вы первый из музыкантов удостоились чести быть представленным его светлости.

– Я это очень ценю, – заученным тоном произнес Леопольд.

– Хотелось бы знать, какое впечатление произвела на вас итальянская музыка? – спросил архиепископ.

– Она восхитительна. Вольфгангу повсюду оказывали восторженный прием, ваша светлость.

– Итальянская музыка самая лучшая, – сказал архиепископ тоном, не допускающим возражения.

Зачем спрашивать, если знаешь, подумал Вольфганг.

– Может, вам это не по душе, Моцарт, но не будете же вы отрицать, что итальянцы превосходят музыкальностью немцев. Или юноша придерживается иного мнения?

– А что такое итальянская музыка? Музыка бывает хорошая и плохая – и только, – сказал Вольфганг.

– Какую же музыку вы считаете хорошей, мальчик?

– Музыку Кристиана Баха.

– Английского Баха?

– Он родился в Германии.

– И получил образование в Италии, ваша светлость, – поспешил добавить Леопольд. – Бах учился у падре Мартини, а падре Мартини относится к Вольфгангу, как к родному сыну.

– Нам известно, что итальянцам свойственна чрезмерная восторженность, – нетерпеливо перебил его Колоредо. – Мы составим свое собственное мнение. Моцарт, я хочу, чтобы ваш сын написал к моему возведению в сан оперу. И если она окажется хорошей, концертмейстер Вольфганг Моцарт получит от нас Жалованье в сто пятьдесят гульденов в год при условии, что будет находиться в Зальцбурге. – Архиепископ остановил их излишние благодарности и добавил: – Канцлер фон Мельк займется финансовыми вопросами.

33

Либретто, избранное для торжественного концерта по случаю возведения в сан архиепископа Иеронима Колоредо, носило название «Il songo di Scipione» («Сон Сципиона»). Предполагалось, что оно принадлежит перу Метастазиио и потому должно соответствовать важности события, однако Вольфганг узнал, что венский придворный поэт позаимствовал сюжет у кого-то еще, кто в свою очередь взял его у Цицерона.

Либретто повествовало о Сципионе-младшем и было столь льстивым и фарисейским, что Вольфганг не мог читать его без отвращения. Он не понимал, как можно относиться к такому тексту серьезно, но Папа сказал, что нужно взять себя в руки, иначе архиепископ оскорбится.

Более слабого либретто Вольфгангу еще не приводилось читать, к тому же в Зальцбурге не было певцов, для которых стоило бы писать, да и декорации на сцене не менялись. Поскольку никаких приспособлений для постановки оперы в Зальцбурге не было, ее должны были дать в концертном исполнении, но для Колоредо это не имело значения, полагал Вольфганг.

Папа хотел, чтобы Вольфганг заработал свое жалованье, это позволит им выторговать лучшие условия в других местах, поэтому Вольфганг старался изо всех сил. Он порадовался немногословности либретто и быстро закончил двенадцать арий, сосредоточив все внимание на инструментальной музыке – для нее в Зальцбурге можно было найти неплохих исполнителей. Написал увертюру в форме итальянской симфонии и остался весьма ею

доволен. Когда оперу поставили, он радовался – наконец-то труд его окончен.

Архиепископ Колоредо одобрительно отнесся к опере.

– Метастазियो – великий поэт, – объявил он, обводя присутствующих выжидательным взглядом.

И все гости, находившиеся в просторном, великолепном Конференцзале, где давали оперу, окружив кольцом архиепископа, наперебой выражали свое согласие.

Вольфганг вдруг оказался один. Даже Папа стоял рядом с архиепископом, а Мама и Наннерль беседовали с графом Арко. Неужели музыка была так уж плоха? Зальцбург, вдруг стал ему ненавистен. Он увидел Барбару в толпе, окружавшей Колоредо, а ведь в Италии центром восторженной публики был он. Вольфганг решил уйти – нельзя давать волю слезам, тем более при всех – он уже взрослый, а взрослому мужчине не подобает плакать; у мраморной арки, служившей выходом, кто-то взял его под руку.

Обернувшись, Вольфганг увидел Шахтнера, ласково глядевшего на него. Вольфганг сглотнул слезы, затуманившие глаза, и через силу спросил:

– Вам понравилась опера?

– Просто удивительно, как ты сумел переложить на музыку – и местами просто хорошо – такое ужасное либретто.

– Вы не обманываете?

– А разве я тебя когда-нибудь обманывал?

– Нет.

– Мне особенно понравилась оркестровая музыка.

– Но ведь певцы никуда не годятся!

Шахтнер с удовольствием отметил, что Вольфганг поборол слезы. Он был очень привязан к мальчику с самого его детства, привязанность сохранилась до сих пор, хотя виделись они теперь куда реже. – В Милане певцы будут получше, – сказал Шахтнер.

– Если архиепископ отпустит нас.

– Будешь относиться к нему с должным уважением – и отпустит.

– По-вашему, мне не следует уходить домой?

– Сначала пойдешь засвидетельствуешь свое почтение его светлости.

– Я всего-навсего скромный третий концертмейстер.

– Это неправда, ты сам знаешь.

Вольфганга тронуло внимание Шахтнера. И когда Папа взял его за другую руку и подвел к архиепископу, он почтительно поклонился и поблагодарил Колоредо за честь, которую тот ему оказал, позволив написать оперу. Колоредо снисходительно ответил:

– В вашей музыке есть что-то итальянское. Мне это понравилось.

Подошла Наннерль, и Вольфганг облегченно вздохнул, теперь он снова был самим собой. Наннерль извинилась, что не сразу поздравила брата, и шепнула:

– Старик Арко твердил нам, что только благодаря ему ты получил этот заказ, и все норовил коснуться меня своими лапами.

– Да, лапы, лапы... – ответил Вольфганг, – один сует лапу в карман, где густо, а у других зато пусто. Ты лучше скажи, сестричка, моя музыка не так уж плоха?

Она улыбнулась:

– Ну и глупый же ты! Твоя музыка звучала весьма гармонично, хоть певцы и пели вразброд.

В награду она поцеловала брата в щеку, и он почувствовал себя лучше. Держась за руки, они вместе покинули дворец, считая ступеньки и весело смеясь, совсем как в детстве.

Вскоре Вольфганг стал получать жалованье. Но продолжалось это недолго – они с Папой вновь выехали в Милан, чтобы успеть сочинить оперу к карнавному сезону 1772 года.

В Милан они прибыли в начале ноября. Стояла прекрасная погода, дон Фернандо сердечно встретил их и снял им удобную квартиру.

Леопольд, хоть и настроенный недоверчиво, не мог устоять перед любезностью

управляющего. Дон Фернандо обнял Вольфганга и воскликнул:

– Опера получится великолепная! Это «Лючио Силла», либретто прекрасное, в нем много действия, а какие там захватывающие сцены!

Вольфганг не разделял восторгов дона Фернандо, ему понравилось лишь несколько сцен между влюбленными. Сюжет показался надуманным: римский тиран Лючио Силла прельстился очаровательной Юнией, невестой римского сенатора – своего врага Чечильо. Чтобы завладеть Юнией, Лючио Силла приговаривает Чечильо к смерти. Великодушный порыв тирана, который простил Чечильо и разрешил ему соединиться с Юнией, не тронул сердца Вольфганга. В этот порыв невозможно было поверить.

Но дуэты влюбленных позволили ему выразить свои собственные романтические настроения, и он сочинял музыку с подъемом. Партии влюбленных исполняли два самых знаменитых итальянских певца: примадонна Анна д'Амичис и премьер Венанцио Рауццини. Папа посоветовал написать для них самые лучшие арии. Примирившись с тем, что не Манцуоли будет петь первого любовника – кастрат потребовал за выступление тысячу дукатов, и дирекция ему отказала, – Вольфганг написал для влюбленных вдохновенные яркие арии. Он сочинял их в приподнятом настроении. Романтические сцены были овеяны нежностью и страстью.

Репетиции шли успешно. Мысливечек посетил Моцартов, чтобы засвидетельствовать свое почтение, Гассе пригласил их на обед, Саммартини счел за честь их присутствие на его концерте.

Казалось, все благоприятствовало первому представлению, намеченному на 26 декабря в театре Реджио Дукаль. Занавес должны были поднять в пять часов вечера, потом отложили до половины шестого, ждали, пока соберутся запоздавшие. Однако пробило шесть, а спектакль так и не начинался. Его королевское высочество еще не прибыл.

Леопольд из ложи смотрел на оркестр, где за клавином сидел Вольфганг, в любую минуту готовый начать дирижировать, как того требовал обычай, первым представлением оперы, и не знал, что и думать. Театр был набит до отназа. В зале стояла духота. Леопольд чувствовал, как растет напряжение. Он видел стоявших за кулисами певцов, напуганных тем, что им придется петь перед столь многочисленной и возбужденной публикой, – беспокойство их возрастало с каждой минутой. Тенор из собора в Лоди, приглашенный накануне представления, чтобы заменить заболевшего певца, никогда прежде не выступал в таком большом театре, и ожидание изрядно усиливало его растерянность. Леопольд недоумевал, что могло задержать Фердинанда? Может, тут их вина? Может быть, эрцгерцог рассердился на Вольфганга? Вольфганг держался с ним не как подданный, а как равный с равным. Вот и теперь Вольфганг сидит за клавином и как ни в чем не бывало болтает с концертмейстером, в то время как все остальные не находят себе места.

Эрцгерцог закончил обед в четыре, но трапеза была плотвой, и ему захотелось отдохнуть. Затем он вспомнил, что следует написать новогодние поздравления и пожелания матушке, братьям Иосифу, Леопольду и Максимилиану, а также князю Кауницу. И написать собственноручно, а писал он очень медленно. Больше всего времени у него отняло письмо к матушке, оно требовало особого внимания. Он снова перечитал ее последнее послание.

«Дорогой Фердинанд, считаю необходимым сообщить тебе о злополучном разделе Польши. Эта бесславная акция отняла у меня по крайней мере десять лет жизни. И все же пришлось пойти на раздел. В противном случае Пруссия и Россия захватили бы Польшу целиком.

Тебе известно, как я презираю Екатерину за ее безнравственность, а также какого мнения я о Фридрихе – этом воплощении сатаны, который отнял у нас Силезию и сделал все, чтобы погубить нас. Но твой брат, который является императором и регентом, несмотря ни на что, восхищается Фридрихом; он уговорил меня принять участие в этом разделе по той причине, что раздел позволит сохранить мир и помешает росту могущества России и Пруссии, что представляет реальную угрозу для нас.

Все же я последней подписала этот неправый договор о разделе, и то лишь потому, что

пруссский король и царица уже поставили под ним свои подписи и готовы были захватить целиком всю Польшу. Иосиф сообщил, что моя подпись его обрадовала, но я могу сказать по этому поводу одно: я подписала – и только. Для успокоения совести они вставили в договор слова: «справедливый раздел», но я вычеркнула слово «справедливый».

Я глубоко обеспокоена. С тех пор как началось наше несчастливое правление, мы гордились тем, что, несмотря на все бедствия и испытания, справедливо и достойно исполняли наш долг. Это заслужило нам уважение всей Европы и даже уважение наших противников. Но все то, что создавалось годами, мы утратили в один год. Ничто еще не причиняло мне таких страданий, как эта потеря нашего доброго имени. С болью в сердце я должна признаться тебе, что мы того заслужили. Хоть мы и прикидывались честными, а оказались не лучше пруссаков. И я потеряла покой.

Я мечтала бы отрешиться от этого постыдного раздела, который омрачает все наше правление. Да будет со мной милость божья. Мое участие в этом печальном деле преследует меня. Оно давит, как тяжкий крест, и отравляет мне жизнь, которая и без того нерадостна. Восстановить свое доброе имя мне необходимо, иначе печаль и меланхолия окончательно одолеют меня.

Я славилась безупречной репутацией. И ты должен всячески хранить свою. Надеюсь, это научит тебя быть предельно честным во всех делах. Задача нелегкая для правителя, тем более, когда он окружен врагами. Твоя преданная и верная мать Мария Терезия».

Фердинанд не знал, соболезновать ли матери или поздравлять. Несмотря на все ее сетования, она увеличила империю на два миллиона подданных. Он вспомнил слова Фридриха об отношении Марии Терезии к разделу Польши: «Она плакала, но брала, и чем сильнее плакала, тем больше брала». И невольно улыбнулся, хотя и не разделял восхищения своего брата Иосифа Фридрихом. Так похоже на мать – терзаться угрызениями совести и в то же время всю использовать свою политическую власть. Однако этого Фердинанд ей не написал, а написал, что по мере возможности всегда будет следовать ее совету, и просил ее не поддаваться меланхолии, потому что все дети нуждаются в ней. Запечатав и отправив письмо, Фердинанд поехал в оперу.

Эрцгерцог прибыл в театр Реджио Дукаль в восемь часов. Публика задыхалась от духоты, но никто не решался покинуть зал, это сочли бы за оскорбление короны, Долгое ожидание вконец измучило певцов, но никто не посмел жаловаться.

Вольфганг, рассерженный задержкой, хотел было протестовать, но, пока он раздумывал, начинать ли дирижировать, раздался ясный ледяной голос Фердинанда:

– Мы ждем!

Вольфганг начал. Он не испытывал раболепных чувств, как певцы, и потому был недоволен их пением. Они так волновались, что пение их походило скорее на крик. Тенор, привыкший к церковному хору, а не к театру, смешил своей жестикуляцией и брал такие высокие ноты, будто хотел затмить мужское сопрано. А между тем мужское сопрано упросил эрцгерцогиню аплодировать в первую очередь ему. Это вывело из себя примадонну, которая стала вкладывать в каждую фразу массу надрыва, стараясь превзойти кастрата, хотя Вольфганг писал ее арии в расчете на удивительную легкость ее исполнения.

Опера превратилась для Вольфганга в пытку, и ей, казалось, не будет конца. Занавес опустился в два часа ночи, и последним действием Вольфганг дирижировал как во сне.

Он не слышал аплодисментов, он был уверен, что опера провалилась. Стоял поздний час, и все мечтали лишь поскорее добраться до кровати, вследствие этого после представления не устроили приема. Папа, нахмурившись, молчал. Вольфганг был совсем подавлен.

На следующий день он с удивлением узнал, что весь Милан только об опере и говорит, и причина тому – соперничество певцов. Театр был снова полон, спектакль начался вовремя, и певцы пели гораздо лучше. После недели представлений при полном зале «Лючио Силла» стала самой популярной оперой в Милане, спектакли шли еще много раз.

Граф Фирмиан дал Моцартам личную аудиенцию. Он не стал обсуждать причины

отказа эрцгерцога Фердинанда, но намекнул Леопольду Моцарту – неплохо бы написать о Вольфганге эрцгерцогу Леопольду. Восхищенный успехом «Лючио Силлы», граф считал, что тосканский правитель – более музыкальный, чем его младший брат, – сочувственно отнесется к подобному предложению.

Леопольд последовал совету со смешанным чувством. От его прежнего оптимизма не осталось и следа, но отступать он не мог. Мысль о возвращении в Зальцбург, где музыка находилась в таком загоне, ужасала его. Он написал графу Арко: «Прошу Вас передать его светлости наши извинения в связи с задержкой возвращения в Зальцбург, но ревматизм, который и прежде не давал мне покоя, в последнее время сильно обострился. Мало того, что болели плечи, теперь боль распространилась на бедра и на колена. Я не могу ходить и вынужден писать Вам, лежа в кровати, да и писать-то мне трудно, жестоко мучает боль. Прошу Вас, однако, заверить его светлость, что мы возвратимся при первой же возможности».

Они ждали ответа неделю, вторую, месяц. После двадцати шести представлений «Лючио Силлу» сняли, а они так и не получили никаких вестей от тосканского двора. Однако граф Фирмиан просил их подождать, и они ждали, томясь неизвестностью.

Вольфганг подружился с Рауццини – кастратом, певшим Чечилью. Премьер считал свою партию лучшей в опере, он понимал, что Вольфганг писал ее в расчете на голос Манцуоли; Рауццини был очарован блеском и проникновенностью арий.

– Я счел бы за счастье, – сказал он Вольфгангу, – если бы вы написали что-нибудь специально для меня. Что-нибудь такое, с чем не справиться и примадонне.

Оперный жанр непреодолимо влек Вольфганга, тем не менее мотет, сочиненный им для Рауццини, предназначался для исполнения в церкви, и назвал он его «Exsultate, Jubilate*» («Ликуйте и радуйтесь»), что вполне отвечало его настроению. На этот раз ему не мешало посредственное либретто, не надо было заботиться о постановке, и все внимание он сосредоточил на музыке. Вольфганг писал о любви, ликуя и радуясь. Несомый потоком творчества, он сочинил мотет в виде инструментального концерта с сольной партией для Рауццини – самой высокой, на какую только способен человеческий голос. Лишь колоратурное сопрано необычайной чистоты и силы может исполнить ее, думал он. Или кастрат – такой, как Рауццини или Манцуоли. Он с восторгом предавался чувству чистой любви. Любовь поющая. Любовь всесильная. Любовь нежная и легкая, словно воздух. Бог незрим, но они слышат голос бога в его музыке, голос бога любви, бога, которого он сам мог любить.

Рауццини исполнял «Ликуйте и радуйтесь» удивительно проникновенно, казалось, рожденные им бурные чувства раздвигают стены церкви.

Я слышу глас божий, думал Леопольд; ему вдруг почудилось, что его сын совсем взрослый, и он представил себе, что именно такую музыку Вольфганг станет сочинять в зрелости.

Рауццини подошел к Леопольду.

– Какие прекрасные звуки умеет создавать ваш сын, господин Леопольд, – сказал он. – Для его таланта нет недостижимого.

– А нахожу, что вы великий певец.

– Благодарю вас, господин Леопольд. Но мне еще никогда в жизни не приходилось исполнять такой восхитительной музыки.

Леопольд попросил Рауццини исполнить «Ликуйте и радуйтесь» в следующее воскресенье, и тот с готовностью согласился. В этот день Вольфгангу стукнуло семнадцать лет.

Вольфганг понимал радость Папы, но в качестве подарка он предпочел бы покататься на ослике.

Понимает ли сын, что он создал? В этом мотете есть нечто такое, что нельзя ни осязать, ни слышать, ни ощущать, его нельзя воспринимать никакими органами чувств, думал Леопольд, и в то же время каждый звук в этом мотете исполнен значения. Бог незрим, но

теперь Леопольд слышал его глас. Нет, нелегко будет им расставаться с Италией.

Несколько дней спустя эрцгерцог Леопольд отказал Вольфгангу Амадею Моцарту в месте капельмейстера и придворного композитора.

34

Леопольду казалось, что их предали. Создание Вольфгангом «Ликуйте и радуйтесь» – этого совершенного гимна, изумительного по своей искренности и красоте, – было чуть ли не самым счастливым событием в его жизни, а оказалось, что музыка Вольфганга никому не нужна. Это ожесточило его против всего света и привело в растерянность. Именно в Италии Вольфганга превозносили до небес, и тем не менее, никто не предложил ему постоянного места. Но что скажешь сыну? На вопрос Вольфганга, что же случилось, он ответил:

– Видно, всевышний хочет по-другому распорядиться нами.

Лицо Вольфганга выразило сомнение, но он промолчал.

Граф Фирмиан посочувствовал им и заверил, что сделал все возможное, но австрийские эрцгерцоги, по-видимому, предпочитают итальянских музыкантов. В Зальцбурге положение Моцартов окажется более прочным, выразил надежду граф.

Решение было принято. Леопольд не мог дольше затягивать пребывание в Италии и распрощался со своими миланскими друзьями; никто больше не предложил им контракта на оперу, что тоже было ударом – он предполагал, что такой заказ будет поступать каждый год, – и в марте 1773 года они с Вольфгангом вернулись домой.

В апреле Леопольд снял новую квартиру. Снял, ни с кем не посоветовавшись, и это помогло ему восстановить веру в себя. Леопольд весьма гордился квартирой на Ганнибаль-плац, в новой части города. И заверил семью:

– Квартира стоит всего на несколько гульденов дороже, но ее не сравнишь с нашей теперешней.

– А как же дети? – спросила Анна Мария. – Все их друзья живут здесь поблизости. Дети расстроятся, особенно Наннерль.

– Можно подумать, мы переезжаем в Вену или в Милан, – нетерпеливо прервал ее Леопольд. – Будем жить за рекой, тут и пешком дойти недалеко. Эта квартира стала нам тесна. Живем, как солдаты в казарме. Вольфганг уже взрослый, и Наннерль тоже.

– А у меня будет своя комната, Папа? – спросила Наннерль.

– У каждого будет своя комната.

Тут все оживились, даже Вольфганг, сидевший с безразличным видом.

– У нас там восемь комнат, все на одном этаже. И подниматься нужно лишь на второй этаж. И еще там есть сад, двор и собственный концертный зал.

– Собственный концертный зал? – На Вольфганга это произвело впечатление.

– Почти как Рыцарский зал.

– Не может быть!

– По крайней мере, такой же длинный. К тому же мы но можем больше здесь оставаться. Этот дом построен в 1360 году и совсем обветшал.

Анна Мария совершенно растерялась. Квартира на Гетрейдегассе была для нее как старое платье, износившееся и уже, конечно, утратившее элегантность и красоту, но удобное и уютное. И к тому же ей будет недоставать Хагенауэров. С другой стороны, если новая квартира поможет удержать Леопольда и Вольфганга в Зальцбурге, то ради этого стоит переехать. Все же, собираясь, она затосковала. Слишком уж много воспоминаний на старой квартире связано с детьми.

В день переезда Хагенауэр, Шахтнер, Буллингер и Гайдн пришли помочь Моцартам. Леопольд нанял грузчиков, решив достойно обставить свой переезд, но кое-какие предметы посторонним не доверишь, тем более что носить пришлось с третьего этажа. Немного удивил его приход Михаэля Гайдна – они были совсем мало знакомы.

Но, как и следовало ожидать, грузчики под руководством Анны Марии таскали вещи, а

Леопольд в сторонке разговаривал с друзьями.

– Что у вас все-таки произошло с эрцгерцогом? – неожиданно спросил Шахтнер.

– Каким эрцгерцогом? – Леопольд был само неведение.

– Эрцгерцогом Леопольдом. Говорят, вы добивались у него места?

– Меня же свалил ревматизм. Пролежал пластом несколько недель.

– Боюсь, наш новый архиепископ этому не поверил, – с сомнением сказал Шахтнер.

– Значит, ему известно? – Леопольд прикусил язык. Так можно и проболтаться.

– Никто точно не знает; он не посвящает нас в свои дела, но Колоредо – не Шраттенбах, он вам не простит таких отлучек. Вам известно, почему эрцгерцог Леопольд отказался вас принять?

– Мне известно лишь одно: вся Италия восхищалась Вольфгангом.

– Ну, а все-таки, – спросил Буллингер, – много ли дали вам эти поездки?

Разве объяснишь, думал Леопольд. Если священник и сейчас ничего не понимает, дальнейшие объяснения бесполезны.

– Вы не испытываете горечи? – спросил Буллингер.

– Почему я должен ее испытывать?

– Вы вложили в Вольфганга столько труда.

– Он благодатная натура. Если его талант лелеять, он даст пышные всходы.

– Ну, а ваша собственная карьера? Вы бросили сочинять, не даете концертов.

– Я учу.

– По-настоящему вы учите одного лишь Вольфганга. Остальным же ученикам уделяете очень мало времени.

– Одного лишь Вольфганга! Неужели вы не понимаете, что он стоит наравне с лучшими композиторами?

Буллингер всем своим видом выражал сомнение. Михаэль Гайдн сказал так тихо, что с трудом можно было разобрать его слова:

– Мальчик сделал огромные успехи. Ре-мажорная симфония, которую исполняли на последнем концерте для его светлости, написана не менее мастерски, чем любое итальянское произведение. И притом с такой уверенностью, словно у Вольфганга не возникало никаких проблем. Просто удивительно. У него, видимо, абсолютный слух.

– А как вы думаете, у нашего нового архиепископа он тоже абсолютный? – сухо спросил Шахтнер.

– Позволю себе напомнить, это качество для него не обязательно, – сказал Буллингер.

– Что, однако, не мешает ему критиковать, – возразил Шахтнер.

Все рассмеялись, и Леопольд объявил:

– Наша новая квартира вам всем должна понравиться.

– Это признак того, что вы решили наконец осесть? – заметил Буллингер.

– Дорогой друг, я прослужил в придворной капелле уже целых тридцать лет.

– Но не подряд.

– В списках музыкантов я числился всегда.

– Все вещи уже вынесены, – сказала Анна Мария, – пора двигаться, а Вольфганга нигде нет. Наннерль и Тереза тут, а вот сын куда-то запропастился. – Леопольд встревожился, и Анна Мария подумала: ведь Вольфгангу уже семнадцать, а отец носит с ним как нянька.

Пытаясь небрежным тоном замаскировать беспокойство, Леопольд сказал:

– Наверное, что-нибудь забыл. Вы же знаете, какой он рассеянный.

Наконец молчаливый, как всегда, Хагенауэр нашел Вольфганга: тот сидел на каменной скамеечке с Бимперлем на руках – щенком фокстерьером, недавно купленным для него Анной Марией.

– Вольфганг сегодня что-то задумчивый, даже мрачный, – заметил Шахтнер.

– Ему не хочется уезжать отсюда, – сказала Наннерль.

– Нет, хочется, – отрезал Папа.

– Он признался мне, что будет скучать по этому дому.

– Мы все будем скучать, зато там больше простора для работы и для развлечений.
– Ему все равно, где сочинять. Он сочиняет даже в уборной, – заметила Наннерль, считая, что среди друзей можно не церемониться.
– Он все еще ребенок, этого не следует забывать, – сказал Буллингер.
– При том, что он столько сочинил! – изумился Леопольд.
– Он теперь больше похож на вас, Леопольд, чем на Анну Марию, – сказал Шахтнер. – Лицо округлилось, волосы потемнели, стали почти каштановыми, а глаза немного навывкате.
– После болезни, – пояснила Анна Мария, – хорошо, хоть оспинок не осталось.

Вольфганг погрустнел. Папа сказал: переезд на новую квартиру – большая радость, а ему жаль покидать Гетрей-дегассе. Он вышел на Лохельплац и сел на свою любимую скамейку, чтобы все хорошенько обдумать. Скамеечку из унтерсбергского мрамора, стоящую в стенной нише как раз напротив их дома, в этот час заливало солнце, и на ней так приятно сидеть и размышлять. Удивительно, думал он, лишь потеряв вещи, начинаешь их ценить. Привычные, обыденные предметы обрели вдруг для него особую значимость. Они хранили счастливые воспоминания, оживляли, казалось, весь дом. Он невольно поежился, вспомнив, как порой в зимнюю ночь никто не мог набраться мужества, чтобы встать с кровати и, дрожа от холода, разжечь потухшие печи – на это уходило иногда не меньше часа. А Маме будет так недоставать рынка позади их дома, где она делала покупки и болтала с соседками. Мама говорит, они прожили в этом доме двадцать пять лет, поселились здесь сразу после женитьбы и никогда отсюда не выезжали. Не удивительно, что Мама плакала в тот вечер, узнав о переезде. Вольфгангу захотелось написать об этом песню, но он тут же упрекнул себя в излишней чувствительности, и ему стало неловко, а он никогда не сочинял, если чувствовал себя неловко. И еще, он очень любил маленький фонтанчик в стене при входе в кухню. Сама кухня была уродливым средневековым помещением с открытым очагом, Вольфганг избегал заходить в нее, к тому же кухня не место для мужчин, но вот фонтанчик ему нравился. Он и сейчас стоял перед глазами: водопроводная труба в виде фантастической фигуры – лицо, высоченное с необычайным мастерством, рот совершенной формы, из которого лилась вода, а под ним чаша, украшенная тонкой резьбой. Скульптор не оставил имени на этом прекрасном произведении искусства. На нем стояла лишь дата – 1657 год.

Рядом с ним очутился вдруг Папа.

– Пора идти, – сказал он.

В глазах у Хагенауэра блеснули слезы, и, чтобы скрыть свои чувства, Леопольд пошутил:

– Не в Италию ведь мы едем... Совсем рядом. Не больше мили пути. Сначала по Гетрейдегассе, потом у ратуши повернуть налево, перейти через реку...

– Я знаю дорогу, – остановил его Хагенауэр. Леопольд дал знак отправляться в путь. Каждый нес то, что ему было особенно дорого. Вольфганг прижимал к себе щенка и клетку с канарейкой. Наннерль гордо держала тетрадь со своими первыми сочинениями и золотую табакерку, подаренную Людовиком XV. Анна Мария несла первую скрипку Вольфганга и шкатулку с прядями его светлых младенческих волос. Тереза взяла колыбельку, в которой она укачивала Наннерль и Вольфганга. Папа никому не доверил диплом Болонской филармонической академии, папский патент, посвящавший его сына в рыцари Золотой шпоры, и первые детские сочинения Вольфганга.

Друзьям не досталось ничего; похоже, подумал Вольфганг, что Папа им не слитком доверяет или, может, не хочет ни перед кем обязываться. Но все пошли проводить их до нового дома.

Квартира всем понравилась. Папа хвастался:

– После полудня тут все время солнце, да и Ганнибальплац, как вы знаете, куда больше Лохельплац. Дом угловой, на площадь выходят одиннадцать окон. И заметь, Анна Мария, этот двор наш собственный, тут и сад есть для тебя.

– Неужели! – радостно воскликнула она и моргнула, смахивая слезы.

– По ту сторону Ганнибальплац – театр, его видно отсюда, – сказал он вдруг, заметив отрешенный вид сына.

– Это очень хорошо, Папа!

Во всяком случае, удобно, подумал Вольфганг. Но радостно оживился, только увидев концертный зал. Папа не преувеличивал: зал оказался и вправду таким же длинным, как Рыцарский зал, да имел и другие достоинства. Высокий потолок был украшен затейливой позолоченной лепкой, пять окон выходили на Ганнибальплац и два – во двор, а сияющий паркет ничем не уступал паркету во дворце. Теперь он понял, отчего Папа чувствовал себя победителем.

Папа показывал всем остальные комнаты, и Вольфганг заметил, что, сознательно или бессознательно, Папа подражает архиепископу. Друзья поздравляли Папу, но Вольфганг не разделял их уверенности в том, что жизнь в этом доме принесет им счастье.

35

Несколько дней спустя в Резиденции состоялся концерт по случаю первой годовщины правления архиепископа Колоредо. В концерте приняли участие три композитора, по мнению его светлости, лучшие в Зальцбурге: Вольфганг Моцарт, Михаэль Гайдн и Джузеппе Лолли. Вольфганг обрадовался, что на его долю досталось писать дивертисмент для духовых инструментов. Музыка веселую, легкую, жизнерадостную.

Но Лолли так неуклюже дирижировал, что Вольфганг подумал: «Да простит его господь, а я не могу». Колоредо, видимо, остался доволен, он дослушал дивертисмент до конца, но не сказал Вольфгангу ни слова. Однако дирижирование Лолли привело Колоредо в такое раздражение, что он прервал следующий номер – тоже дивертисмент, на этот раз Гайдна, вполне заслужившего, казалось Вольфгангу, быть дослушанным до конца, и покинул зал, не дав Лолли исполнить свое собственное произведение – квинтет.

Вскоре капельмейстером назначили Доменико Фишетти. Вольфганг еще в Милане познакомился с пошлыми и посредственными комическими операми этого неаполитанского композитора, последние семь лет занимавшего место капельмейстера в Дрездене.

И тем не менее Лолли не лишился места; и в ответ на просьбу Леопольда назначить его вице-капельмейстером архиепископ заявил, что им будет Лолли. А когда Леопольд попросил пересмотреть решение, утверждая, что Лолли настолько неспособен, что, какое бы место ни занимал, его обязанности все равно будет выполнять он, Леопольд, архиепископ отнесся к этой просьбе скептически и даже намекнул: в Зальцбурге Моцартам надеяться не на что, свое счастье им лучше поискать где-нибудь еще.

Архиепископ отбыл на лето в Вену навестить больного отца, а Леопольд, потрясенный всеми событиями, тут же принял решение готовиться к отъезду.

– Венский капельмейстер Гассман совсем плох, – сказал он домашним, – императрица наверняка подумывает о его замене. Вольфганг написал столько вещей для ее сына, я не допускаю мысли, чтобы она его отвергла. Но, помните, ни слова никому, это не должно дойти до Колоредо. Мы просто хотим повидать наших старых друзей, ну а Мария Терезия всегда считалась нашим добрым другом.

Императрица согласилась принять их с Вольфгангом в Шёнбрунне, и Леопольд решил, что поступил правильно. Она принимала их в Миллионном зале, своем самом любимом.

Вольфганга не тронула бьющая в глаза роскошь Миллионного зала, на который Мария Терезия потратила миллион гульденов. Богатство его отделки скорее отталкивало, чем привлекало. Обилие позолоченных и золотых украшений угнетало.

Перемена, происшедшая в императрице, поразила его. Всего пять лет прошло с их последней встречи, а постарела Мария Терезия лет на десять. Она щурилась через лорнет. Лицо ее пожелтело и обрюзгло. Императрица до безобразия растолстела, и уже ничто не напоминало о ее прежней красоте.

Мария Терезия, видно, страдает от ревматизма, подумал Леопольд, так неловки и

неуклюжи все ее движения, а может, у нее и водянка, отекала она изрядно. Вдовий траур, который она не снимала со дня смерти мужа, еще более подчеркивал мрачное выражение ее лица.

Она сделала им знак подойти поближе, и Леопольд заметил висящую у императрицы на поясе сумку с бумагами. Сначала он решил было, что это государственные бумаги, но потом заметил, что это всего лишь ее письма к детям.

Одно письмо особенно не давало покоя Марии Терезии. Огорченная поведением Марии Антуанетты, она без конца обдумывала свой ответ дочери. От посланников в Версале, направленных туда специально, чтобы следить за дочерью, она много наслушалась об опасной враждебности, проявляемой Марией Антуанеттой к нынешней любовнице Людовика XV госпоже Дюбарри, о сумасбродствах и легкомыслии дочери и считала своим долгом предупредить ее: «...если ты не станешь вести себя более сдержанно и осторожно, с тобой может случиться большая беда, по тогда уже будет поздно».

И вот теперь ни с того ни с сего приходится урывать свое драгоценное время для этих Моцартов, которые немногим лучше бродяг и, конечно, пришли о чем-нибудь кланяться. Но Мария Терезия никогда никому не отказывала в аудиенции и гордилась этим. И к тому же интересно посмотреть, остался ли мальчик таким же заморышем или подросток?

– Рассмотрев их через лорнет, Мария Терезия сказала:

– Господин Моцарт, ваш сын выглядит бледным и хилым. Бесконечные поездки измучили его. Вы слишком многого от него требуете.

– Ваше величество, Вольфганг никому ни в чем не уступит. Даже Глюку.

– Вот как? Но ведь он еще ребенок. Посмотрите, какой он маленький!

– Однако его оперы не назовешь маленькими. Ваше величество, если господин Гассман не сможет справляться со своими обязанностями, Вольфганг будет счастлив служить вам.

– Вам следует обратиться к императору. Это по его части.

– Могу ли я поговорить с ним, ваше величество? Он всегда был добр к нам.

– Он в Польше.

Светским тоном, чтобы скрыть свое разочарование, Леопольд сказал:

– Ваше величество, вы можете гордиться тем, как император Иосиф разрешил польский вопрос.

Мария Терезия сидела сторбившись, тяжело дыша. Но, заметив жалость во взгляде Леопольда, подтянулась и высокомерно произнесла:

– Пришлось забрать эти земли, чтобы оградить империю от России и Пруссии. Только так нам удалось предотвратить войну.

– Должно быть, это потребовало от вас немалых усилий, ваше величество?

– Да! – Она переменила тему. – Вы видели в Италии моих сыновей. Как они? Здоровы? Я поддерживаю отношения с детьми лишь с помощью переписки. Мои обязанности привязывают меня к Вене. Таков уж мой удел.

– Они здоровы, ваше величество. Оба были весьма милостивы к нам.

– Очень тяжело примириться с тем, что дети покидают нас, один за другим.

– Ваша дочь Мария Антуанетта отнеслась к нам с большой добротой, – сказал Вольфганг.

– Давно это было? – Мария Терезия забыла о том времени.

– Вольфганг был тогда еще ребенком, ваше величество, и вы держали его на коленях.

Вольфганг не хотел вспоминать о том времени, когда Мария Терезия держала его на коленях, но он не забыл красоты и очарования Марии Антуанетты.

– Она показывала мне Шёнбрунн, ваше величество.

– Моя дочь была тогда девочкой. Вам повезло, господин Моцарт, наш сын остался с нами, а мои сыновья рассеяны по всему свету.

– Мы благодарны вам за вашу доброту, ваше величество. И очень надеемся, что, если бедный господин Гассман покинет нас, вы не забудете о Вольфганге.

Императрица встала, показывая, что аудиенция окончена.

– Очень милостиво с вашей стороны было принять нас, в те величество.

Вольфганг этого не думал. Он сомневался, действительно ли Мария Терезия их добрый друг, как утверждал Папа. Чтобы сохранить равновесие, она ухватилась за высокое кресло, видно, у нее уже давно не гнется спина, догадался Вольфганг.

Они пятились к дверям Миллионного зала, не отводя глаз от Марии Терезии. Такой Вольфганг запомнил ее навсегда: суровая правительница, способная хорошо относиться к человеку лишь в том случае, если это не требовало от нее никаких затрат или если человек этот – ребенок, предпочтительно ее собственный.

Леопольд несколько примирился с судьбой, когда его пригласили дирижировать мессой Вольфганга «Dominicus» («Доминикус») в церкви Ам Гоф. Это была большая честь. Иезуитская церковь, старинная и знаменитая, находилась рядом с дворцом Коллальто, где Вольфганг играл в свой первый приезд в Вену. Дирижуя произведением сына, Леопольд позабыл о ревматизме; он чувствовал, что успешно справился с почетной задачей, потому что Вольфганг обнял его потом и ласково пошутил:

– После боженьки идет Папочка.

Концерт состоялся весьма своевременно – через три недели буллой Клементы XIV иезуиты были изгнаны из всех владений Габсбургов.

Через месяц Колоредо вернулся в Зальцбург, а вслед за ним вернулся Леопольд. Узнав, что Мария Терезия неплохо пополнила имперскую казну за счет иезуитского имущества, архиепископ тут же последовал ее примеру.

Это показалось забавным Леопольду, и он сказал Шахтнеру, которого пригласил к себе на новую квартиру, чтобы разузнать, не рассержен ли Колоредо его отлучкой:

– А архиепископ знает, как добывать деньги.

– Его отец – один из главных советников Марии Терезии. С кого же ему брать пример!

– И вы это одобряете? – Шахтнер был вольнодумцем, и у него, как и у Леопольда, среди иезуитов имелись друзья – тот же Буллингер, например.

– Запрещение Ордена не прошло, видно, даром для архиепископа. Он страдает поносом с самого возвращения из Вены.

– Что же его так расстроило?

– Сменится папа – и иезуиты вновь окажутся в фаворе. Ведь их изгнали только из политических соображений. Ну как, Мария Терезия пообещала вам что-нибудь?

– Что вы имеете в виду? – Леопольд смутился.

– Все в Зальцбурге знают, что Гассман тяжело болен и скоро двору потребуется новый капельмейстер. Иначе зачем вам было добиваться аудиенции у Марии Терезии?

– Дураки везде дураки, а в Зальцбурге особенно.

– И тем не менее вы просили место для Вольфганга? Разве не так?

– Правда то, что в Зальцбурге многие страдают не только поносом, но и словесным недержанием, а если оба вида вместе – это становится опасно. Колоредо ничего не говорил по поводу моего отсутствия?

– Он был слишком занят иезуитами.

– Лучше бы он занялся вопросом стоимости жизни. Цены баснословно растут, неизвестно, как мы сумеем прожить на свое маленькое жалованье. Нам придется просить подаяние.

– Леопольд, вам пообещали что-нибудь в Вене?

– Полагаю, всевышний готовит нам иную судьбу.

– Без сомнения. – В голосе Шахтнера звучала насмешка.

Леопольд сказал более мягко:

– Мы с Анной Марией сочтем за честь, если вы согласитесь быть гостем на нашей серебряной свадьбе.

– С радостью. Но ведь вы говорили, что двадцать пять лет исполнилось в прошлом году.

– Двадцать первого ноября 1772 года. Только мы не могли тогда отпраздновать это

событие – ездили с Вольфгангом в Италию из-за постановки «Лючио Силлы».

– А Буллингера вы пригласите?

– Разумеется. Он наш близкий друг.

Барбаре Вольфганг решил передать приглашение сам. С сердцем, полным любви, в прекрасном расположении духа он шел быстрым шагом через мост в старую часть города. Вольфганг любил оживленную суету и веселье приемов и балов, ему нравились хорошенькие девичьи лица и изящная музыка, которую он писал для таких случаев: искрящаяся, нарядная, легкая, но уж никак не пустая, с горячностью подумал он; и ему хотелось, чтобы Барбара поделила его настроение. Ему хотелось петь в предвкушении радостной встречи, но он боялся, что своим голосом не сумеет выразить охватившие его чувства. Стоял ясный воскресный день, необычно сухой и погожий для ноября. Вольфганг радовался привычным предметам, встречавшимся на пути. Быстро пройдя через Юденгассе в «Городе бюргеров» и через переулки, такие узкие, что, вытянув руки, можно было коснуться стен противоположных домов, он вышел на широкую Резиденцплац, где стояли в ряд несколько экипажей. При ярком солнечном освещении «Город суверена» выглядел особенно внушительно.

Сегодня Вольфганг без насмешки смотрел на величественные здания Резиденции, собора и крепости Гогензальцбург.

Семья фон Мельк жила в «Городе суверена», поблизости от: дворца, чтобы придворный канцлер всегда находился вод рукой у архиепископа. Площадь, где стоял их дом, несколько в стороне от других домов, была меньше Ганнибальплац, но сам дом значительно больше: трехэтажный, в четырнадцать комнат, настоящий дворец.

Появление Вольфганга удивило Барбару. Он отсутствовал более двух месяцев, и, хотя писал ей через Наннерль, она не знала, когда он вернется.

Барбара была одета для выхода. По ее лицу он не мог определить, рада она встрече или нет.

– Ты вернулся, – сказала она.

– Да, да.

– И надолго?

– Как будто надолго.

Барбара отвела взгляд в сторону, не зная, что еще сказать.

Вольфганг заметил, как скованно держится девушка, а возбуждение его несколько угастро. Прекрасная, как принцесса, и столь же недосыгаемая. И все же он решился:

– Мои родители празднуют серебряную свадьбу. Я хотел бы пригласить тебя, Барбель.

Она нахмурилась, словно ей не понравилось это имя, и смущенно ответила:

– Мне очень жаль, Вольфганг, но я не смогу прийти.

– Почему? – Занята.

– Но ты даже не знаешь, когда это будет!

– Неужели ты ничего не понимаешь?

– Что?

– Продолжать встречаться нам глупо. Ты так редко бываешь в Зальцбурге.

– Но ведь сейчас я здесь с тобой, Барбель.

– Мне не нравится это имя. Я уже больше не девочка.

– Ну конечно же, синьорина, мадемуазель, фрейлейн, разумеется, вы не девочка. Вы прелестны, прекрасны, очаровательны, умны, я обожаю ваши легкие, вашу печень, ваш животик...

– Вольфганг, перестань дурачиться!

– Я совершенно серьезен.

– И я тоже. – Ее тон стал решительным. – Мы не можем больше видеться!

– Не можем больше видеться? – Он в ужасе уставился на нее. – Разве я заразный?

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Нет, скажи прямо.

– Я не так умна, как ты, но и то понимаю – тебя нельзя принимать всерьез. Только начнешь к тебе привыкать, как ты уже ускакал в Италию, или в Вену, или еще бог весть куда.

– В этом истинная причина? – Вольфганг задыхался от обиды.

Нет, причина не в этом, думала она. Просто отец запретил ей видаться с ним. Графу Феликсу фон Мельку нравились Моцарты, он считал их старыми друзьями, но он не желал иметь зятя, зарабатывающего сто пятьдесят гульденов в год и не уверенного в завтрашнем дне. Даже архиепископские повара и камердинеры зарабатывали больше. И хотя Вольфганг был милый мальчик, положиться на него невозможно, как на всякого музыканта.

Устремленные на Вольфганга светло-голубые глаза ничего не выражали, а голос прозвучал как-то резко и пронзительно, когда она повторила:

– Да, в этом истинная причина. – И добавила: – Мне очень жаль, Вольфганг, право, жаль!

Но она ни о чем не жалеет, он это видел. Она сказала это как-то по-детски, а между тем Барбара отнюдь не глупа.

– Вольфганг, чего ты так на меня уставился? Вечно ты витаешь в облаках! Мне неловко от твоего взгляда.

Даже прелестнейшее лицо может стать отталкивающим. У Вольфганга невольно вырвалось:

– Кто он?

– Почему мужчины всегда ищут соперника? – с обидой сказала Барбара.

Он летел сюда на крыльях, и теперь ему стало нестерпимо жаль себя. В последний раз попытался он растопить ее холодность.

– Барбара, ну пожалуйста, приходи, прошу тебя!

– Нет, – отрезала она. – Очень жаль, но не могу.

– Видно, всему виной мои менуэты, – сказал он насмешливо. – Оказались слишком скучны.

– Все нет! – воскликнула Барбара. – Менуэты мне очень нравились!

Лицо Барбары снова застыло в маске, ледяным тоном она проговорила:

– Прошу извинить меня. За мной должны зайти.

– Что ж, поздравляю. Bravo!

В дверях он столкнулся с ее братом Альбертом и графом Карлом Арко. Вольфганг хорошо знал и того и другого. В двадцать четыре года Альберт фон Мельк догонял по комплекции своего отца; лицо у него было полное, обрюзгшее, и держал он себя развязно.

До Вольфганга наконец дошло, кто оказался его соперником; он пристально посмотрел на графа Арко. Тридцатилетний сын гофмейстера, высокий, сухощавый, с резко очерченным худым лицом и холодными, невыразительными глазами, недавно получил при дворе высокую должность; Карл Арко говорил по-французски, хотя никогда не бывал во Франции; считал себя знатоком музыки, хотя не играл ни на одном инструменте и не имел слуха; любил наставлять и давать советы, даже когда его об этом не просили. Но он был достаточно богат, чтобы держать собственную карету, достаточно знатен, чтобы носить шпагу, и достаточно важная персона, чтобы самое плоское замечание его считалось милой остротой.

Барбара улыбнулась графу Арко очаровательной улыбкой, и Вольфганг застыл на месте. Они принялись о чем-то болтать, а он молчал, он и так сказал слишком много.

Барбара подошла к графу Арко, и тот галантно поцеловал ей руку, а она заметила:

– Вольфганг, вы слишком близко принимаете все к сердцу, но ничего, со временем это пройдет.

Ему хотелось ответить: «Уже прошло», но это прозвучало бы слишком ядовито. Сдержанно и с достоинством Вольфганг сказал:

– Мне надо еще заняться музыкой. Прошу извинить.

На полпути к дому он вдруг остановился. Сердце сжималось от боли. Он находился еще на этой стороне Зальцаха, в старом городе, и понял, что покидает его навсегда. Река неслась мимо бурным потоком. Вольфганг взглянул на обступившие Зальцбург горы и

почувствовал себя как в тюрьме. Горы словно подчеркивали его одиночество, и Вольфганг вдруг возненавидел их безмолвие. Он быстро перешел через мост. Беда в том, что он принял мечту за действительность.

На вечере Вольфганг танцевал со всеми подряд. Папа и Мама сияли от счастья, и он тоже решил быть счастливым. Гостей собралось куда больше, чем ожидали. Папе и Маме особенно польстил приход фон Робинигов и Хаффнеров – двух самых богатых семейств в Зальцбурге, а при появлении графини Лютцов и графини Лодрон они возликовали.

Вольфганг знал, что семьи Лютцов и Лодрон расположены к нему. Графиня Лодрон приходилась родной сестрой графине ван Эйк и графу Карлу Арко, а графиня Лютцов была племянницей архиепископа – как-никак самые влиятельные зальцбургские семьи. Граф Лодрон командовал армией, а граф Лютцов был комендантом крепости Гогензальцбург.

Но больше всего удивило Вольфганга появление графа Феликса фон Мельк в сопровождении его сыновей Франца и Альберта и нового обер-камергера графа Карла Арко. Вот этого уж Вольфганг никак не ожидал.

Наннерль пожалела, что с ними нет Барбары, и Альберт фон Мельк пояснил:

– Ей нездоровится. Сильно болит голова.

– Бедняжка, – сказала Наннерль, – нам будет без нее скучно.

– И ей тоже, – откликнулся Альберт.

Тереза Баризани сказала Вольфгангу, что он прекрасно танцует; Урсалу Хагенауэр удивила его спокойная манера держаться – раньше он был другим. Барбара Зеци, дочь их бакалейщика, пожаловалась, что Вольфганг слишком крепко ее обнимает, однако не стала его отталкивать.

Вольфганг танцевал менуэт с графиней Лютцов. Несмотря на разницу в возрасте, они были лучшей парой в зале, и все остановились и стали им аплодировать. Все, кроме графа Арко, который похлопал по плечу Вольфганга, отобрал у него даму и сам повел ее в танце, пытаясь затмить Вольфганга. Вольфганг с удовлетворением увидел, что его противнику недостает грации; явно недовольна своим новым партнером была и графиня Лютцов.

Вольфганг услышал, как граф Феликс фон Мельк сказал Папе:

– Как выросли ваши дети! Скоро они обзаведутся собственными семьями.

– У них еще есть время, – ответил Папа. – Особенно у Вольфганга.

– Теперь, когда вы окончательно устроились, Вольфгангу надо подыскать хорошую невесту.

– Окончательно? Это на мое-то жалованье?

– Зачем же вы переехали на Ганнибальплац?

– Я сделал это ради семьи.

К ним присоединился Карл Арко; графиня Лютцов, сказавшись усталой, не захотела больше танцевать.

– Все знают, Моцарт, что вы очень богаты, – сказал граф.

– Вот как?

– Вы, должно быть, составили себе за поездки целое состояние? – продолжал Карл Арко.

– Вы забываете о расходах. На еду, на дорогу, на квартиру.

– В Париже вы жили у моей сестры, несомненно, вам частенько удавалось устраиваться подобным образом.

– Ваша сестра была необычайной женщиной, – с чувством сказал Леопольд,

– Не вижу, какое это имеет отношение к моим словам

– Ваша покойная сестра относилась к нам очень сердечно. – И Леопольд повернулся к Буллингеру, стоявшему в стороне.

– Не тратьте на меня время, Леопольд, – усмехнулся Буллингер. – Я – изгой. Иллюстрация терпимости архиепископа.

Но от Карла Арко было не так-то легко избавиться, он последовал за Леопольдом.

– Почему бы вашему сыну не сыграть для нас? – спросил он.

– Зачем?

– Это у него лучше всего получается.

И прежде чем Леопольд успел что-нибудь ответить, граф подошел к Вольфгангу, беседовавшему с графиней Лютцов.

– У вас такие чудесные руки, Вольфганг, – говорила графиня, – сильные и нежные.

Вот и покажите нам свои руки. Сыграйте что-нибудь, Моцарт, – перебил ее Карл Арко.

Если бы граф Арко умел читать чужие мысли! Но лицо Вольфганга ничего не выражало, когда, повернувшись к графу, он спокойно ответил:

– Сегодня я не расположен играть.

Арко возмущенно посмотрел на Вольфганга, но не успел выразить своего недовольства – к ним подошла его сестра графиня Лодрон.

– Мне бы хотелось, чтобы мои дочери брали уроки игры на клавесине у Вольфганга, – сказала она.

– А как к этому отнесется его светлость? – спросил Леопольд.

– Не сомневаюсь, что графиня Лютцов при желании сумеет добиться разрешения у своего дяди. Ведь платить за уроки мы будем сами. Не вмешивайся, пожалуйста, – остановила графиня Лодрон брата, порывавшегося что-то сказать.

– Я буду рада похлопотать за Вольфганга, – тут же согласилась графиня Лютцов.

– Значит, решено, – продолжала графиня Лодрон. – Вольфганг будет давать уроки девочкам.

– Если согласится, – вставил Леопольд.

– Я буду рад, – сказал Вольфганг. – Могу давать уроки также и вам, графиня. – Что будет куда интереснее, подумал он.

– Спасибо, Вольфганг. Посмотрим, как пойдут дела у девочек.

– Уверена, дела у них пойдут прекрасно, – сказала графиня Лютцов.

И прежде чем граф Арко успел пригласить ее, она опять пошла танцевать с Вольфгангом.

– Не огорчайтесь, Вольфганг, – шепнула графиня, – это не последняя ваша любовь.

– Я вполне счастлив, графиня.

– И, наверное, поэтому не хотите играть?

– Зато хочу танцевать.

– С вами очень приятно танцевать. Но в первую очередь вы музыкант, а потом уж кавалер.

Что верно, то верно, подумал Вольфганг, он может шутить с графиней, он даже может танцевать с ней, но жениться ни на ней и ни на ком другом из ее круга не имеет права.

36

К восемнадцати годам Вольфганг уже имел некоторый опыт ухаживания за девушками.

Он было остановил свой выбор на Терезе Баризани, за которой ухаживал и прежде, – она дарила его своим вниманием, но после Барбары казалась малопривлекательной. Несколько вечеров он провел в обществе Урсулы Хагенауэр, девушки несравненно более миловидной, но они слишком давно и хорошо знали друг друга, и он относился к ней почти как к сестре. Ему нравилась и Луиза фон Робиниг, только она была чересчур чопорна.

Графини Лютцов и Лодрон были куда более привлекательны. Они добились для Вольфганга разрешения давать уроки, и он проникся к ним еще большей симпатией. Графиня Лютцов одевалась по последней моде, лицо ее все еще было красивым, несмотря на впалые щеки и слишком острый подбородок, разговор отличался остроумием, и она понимала музыку. Графиня часто говорила ему комплименты, и без тени кокетства. И хотя это была весьма приятная дружба, Вольфганг предпочел бы более романтические отношения.

Графиня Лодрон не отличалась такой красотой и умом, но обладала природным очарованием, напоминавшим ему графиню ван Эйк; покровительствуя Вольфгангу, она

держалась так, словно честь делали ей. Однако ей хотелось влиять на него и в нравственном отношении, и это ограничивало свободу общения.

По характеру Вольфганг был юношей увлекающимся и в любое дело вкладывал всю душу, но ничто не захватывало его целиком. Однако Зальцбург, этот провинциальный по сравнению с Веной, Миланом и Парижем церковный городок, начинал занимать в его жизни место более значительное, чем ему того хотелось бы.

Михаэль Гайдн устраивал вечер струнных квартетов, и Вольфганг обрадовался, узнав, что Гайдн предполагает включить в программу концерта квартеты своего брата Иосифа. Еще в Вене Вольфганг слышал квартеты этого композитора и был покорен их красотой и своеобразием.

А новые квартеты Иосифа Гайдна превосходили прежние. Вольфганг немедленно проникся их духом. Они начинались просто, но таили в себе массу откровений, массу вдохновенных и искрящихся жизнерадостностью пассажей.

– Нет, вы посмотрите! – Вольфганг вне себя от восторга изучал партитуру квартета, который только что исполнили он, Папа, Шахтнер и Гайдн. – Тут есть чему поучиться. Благодарю вас, господин Гайдн! – Внезапно Михаэль Гайдн превратился из пьяницы и лентяя, как утверждал Папа, в музыканта с отличным вкусом.

– Скажите, а нет ли у вас симфоний вашего брата?

– Есть несколько.

– Можно взглянуть?

Гайдн вопросительно посмотрел на Леопольда, но тот сказал:

– Вольфганг достаточно взрослый и вполне подготовлен, чтобы решать самому.

Вольфганг нетерпеливо листал ноты Иосифа Гайдна. Симфонии оказались естественным продолжением его квартетов. Вольфганг пришел в восхищение, словно обнаружил вдруг звезду невиданного дотоле блеска и красоты, и в то же время проникся благоговейным трепетом, потрясенный силой ее сияния. У этой музыки был свой собственный голос, уверенный голос, заставлявший прислушиваться.

– Скажите, господин Гайдн, ваш брат бывает в Вене?

– Когда разрешает его хозяин, князь Эстергази. Вольфганг ушам своим не поверил.

– Иосиф не может отлучиться даже на день без разрешения князя.

– Мне так хотелось бы с ним познакомиться.

– Думаю, что и ему тоже.

– Вы, правда, так думаете, господин Гайдн? – удивился Вольфганг.

– Мне кажется, он был бы очень рад, – негромко сказал Михаэль Гайдн.

А Вольфганг скромно прибавил:

– Он оказал бы мне большую честь.

Новый подъем чувств вернул его к жизни. Мелодии возникали одна за другой, и постепенно он забыл боль, причиненную Барбарой фон Мельк, и неудачные поиски новой любви. Теперь он делил свою работу на две части: музыку, которую сочинял для себя, и вещи, которые писал по чьему-либо заказу. Колоредо нуждался в музыке для исполнения на банкетах, и Вольфганг послушно сочинял легкие, грациозные серенады. Для графини Лодрон он сочинял изящные, очаровательные сонаты. Они вызывали восторг, но сам он считал их сносными, не более того. Полное удовлетворение он получал, лишь сочиняя для себя. Тут он испытывал особый прилив энергии. Так было, когда он сочинял шесть квартетов, подобных квартетам Иосифа Гайдна. Ему приходилось нелегко, он сомневался, что когда-нибудь сумеет сравняться с Гайдном.

Закончив квартеты, он тут же показал их Папе, но Папино суждение его удивило. Обычно Папа сразу одобрял его сочинения, но на этот раз почему-то нахмурился.

– Они вам не нравятся? – воскликнул Вольфганг. Леопольд недоумевал. Он обнаружил в этих квартетах несвойственные Вольфгангу грустные мотивы, и это обеспокоило его. Но даже печальные темы были изложены с вдохновенной красотой. И хотя все они отличались прекрасным построением, с характерной для Вольфганга ясностью и точностью, слишком

многое, очевидно, было заимствовано у Иосифа Гайдна, причем написанная в подражание музыка получилась довольно посредственной; и Леопольд вдруг попил: хотя Вольфганга больше не назовешь вундеркиндом, как композитор он пока еще себя не нашел. Но упомянуть об этом нужно осторожнее.

– Почему они не нравятся вам, Папа?

– Трудно сказать.

Леопольд замолчал. Иногда легче подыскать музыкальную фразу, чем выразить мысль в словах.

– Они хуже гайдновских?

– Иосифу Гайдну за сорок. По словам его брата, он работал над квартетами много лет.

А для тебя это новая форма.

– И вы считаете, что я ею еще не овладел?

– Я этого не говорил.

– Но вы так думаете, Папа, ведь я уже не мальчик.

– Ты уже давно не мальчик. Почему бы тебе снова не приняться за симфонии? Ты написал их достаточно и полностью овладел формой. Ре-мажорная, созданная по возвращении из Италии, прекрасна. Напиши еще одну в том же роде, используя все почерпнутое у Гайдна. Если она мне понравится, я добьюсь, чтобы ее здесь исполнили.

– Только в том случае, если понравится? – В голосе Вольфганга прозвучала насмешка.

Леопольд был потрясен. Что случилось с сыном? Неужели он озлобился и против него?

– Папа, вы тут ни при чем, просто мне надоело угождать чужим вкусам.

– И даже моему?

Вольфганг чуть не крикнул: «Чему бы то ни было!» Но разве можно обидеть Папу? Папа всегда старался казаться неуязвимым именно потому, что в душе был легко раним.

– Значит, вам понравилась моя итальянская ре-мажорная симфония?

– Я от нее просто в восторге! Сочинял бы такие симфонии, как и подобает немецкому композитору, смог бы выразить в них свои чувства и в то же время угодить другим.

– Но вы забываете, что Колоредо нравится только итальянская музыка.

– Так ты и пиши в итальянской манере. Три части – быстрая, медленная и снова быстрая, и в каждой выражай свои собственные идеи. Если архиепископ останется доволен, а это наверняка так и будет, то он разрешит нам взять заказ Венеции на оперу.

Вольфганг решил последовать Папиному совету, но симфония, рождаясь, создавала свои собственные законы. Он хотел сделать ее ре-мажорной, однако в ля мажоре она звучала более естественно. Он намеревался сделать первую часть легкой и живой, но *Allegro spiritoso* предыдущей симфонии превратилось тут в *Allegro moderate*. В соответствии с традициями тема должна была развиваться легко и грациозно, однако, приступив ко второй части, Вольфганг увидел, что *Andante* получилось самым задумчивым из всех, которые он когда-либо сочинял. В этой жизни, где многое стало ненадежным и трудным, симфония сделалась его прибежищем, только ей он мог поверять свои чувства. Завершив работу, Вольфганг подумал, что наконец-то нашел себя. Форма симфонии отличалась гайдновской сжатостью, но содержание было его собственным.

Он остался доволен и решил написать еще одну симфонию, на этот раз ре-мажорную, как предлагал Папа. Симфония получилась гораздо более оптимистичной, поскольку все свои сокровенные чувства он уже выразил в ля-мажорной симфонии. И тогда в приливе энергии Вольфганг сочинил еще две. Все четыре сочинения он отдал Папе в надежде, что они понравятся. Он не хотел хвастаться, но ему казалось, что в этих симфониях отразилось его возмужание.

Леопольда восхитили строгость и простота новых симфоний сына. Вольфганг научился у Гайдна необходимой сжатости и при этом не изменил самому себе. И если квартеты Вольфганга были подражательными, то симфонии оказались вполне самобытны. Менее всего Вольфганг ожидал, что Папе понравится ля-мажорная, но она-то и тронула его.

В самом почерке ощущалось такое напряжение, такая взволнованность, будто сын

изливал на бумаге свою душу Последние три части – всего их было четыре, а не обычные три – были написаны уверенно, ясно, без помарок, словно, начиная со второй части, Вольфганг окончательно осмыслил, что именно он хочет сказать.

Папа переворачивал страницы, они неприятно шуршали, и это раздражало Вольфганга. Что высматривает там Папа, неужели сомневается, что он написал эту музыку сам?

– Я ведь просил тебя нумеровать свои сочинения, – сказал Папа. – А у этих симфоний нет номеров.

Вольфганг пожал плечами. Сначала он пытался нумеровать, но потом ему это наскучило, отвлекало от работы. К тому же Папа все равно регистрировал каждую его вещь.

– Ну, а как вы находите симфонии?

– Ты отдаешь себе отчет, что вместе с этими симфониями у тебя их уже тридцать?

Вольфганг ничуть не удивился.

– Мои первые симфонии скорее можно назвать увертюрами.

– Ну, эти-то увертюрами никак не назовешь. Я хочу исполнить для Колоредо двадцать девятую.

И дались же Папе эти номера! Что он к ним так прицепился?

– Ля-мажорную. На следующем концерте я буду замещать капельмейстера. Фишетти заболел, а Колоредо терпеть не может, когда дирижирует Лолли.

– Вы хотите исполнить всю симфонию?

– Целиком, как ты ее написал.

– Но это может утомить его светлость. Он предпочитает вещи покороче.

– Если у него есть хоть капля вкуса, он придет в восторг от ля-мажорной.

В программе концерта симфония стояла первой. Леопольд умышленно решил начать с нее, чтобы архиепископ прослушал сочинение Вольфганга до того, как почувствует утомление, – это с ним случалось нередко.

Кресло Колоредо было поставлено так, что он возвышался над всей публикой, заполнявшей Конференцзал, но Вольфганг видел только Барбару. Он убеждал себя, что давно к ней остыл, и все же поминутно поглядывал в сторону девушки, пока к ней не подсел Карл Арко, тогда Вольфганг сосредоточил внимание на музыке.

Папа дирижировал лучше, чем ожидал Вольфганг, энергично и четко, как того требовала симфония. Однако уже к началу второй части Колоредо заерзал на стуле. А в самом патетическом месте *Andante* архиепископ начал покашливать. Скоро к нему присоединились остальные, когда же после третьей части симфония не окончилась, как можно было ожидать, архиепископ явно рассердился.

После концерта Карл Арко передал Моцартам мнение Колоредо:

– Его светлость не интересуют незрелые опыты. Симфония излишне длинная и скучная. Его светлость считает, что для таких вечеров больше подходят серенады.

– Итак, да здравствуют его светлость и серенады! – сказал Вольфганг.

Шутит мальчишка или пет? Попробуй догадайся! И Карл Арко строго заметил:

– Если я передам ваши слова архиепископу, это ему вряд ли понравится.

– Воля ваша. Что же касается меня, я буду писать музыку короткую, легкую и удобоваримую.

Леопольд хотел было предостеречь Вольфганга, но передумал. Прекрасней музыки сын еще не создавал, а этот мерзкий хлыщ смеет лезть со своими замечаниями. Не слишком ли? Леопольду нелегко было унижаться перед Карлом Арко, которого он знал с пеленок. Но он взял себя в руки и спокойно спросил:

– А как насчет заказа на оперу, который нам предлагают в Венеции? Можно ли его принять?

– Нет!

– Почему? – Леопольд был потрясен, а Вольфганг горько усмехнулся.

– Я очень сожалею, – говорил Карл Арко, всем своим видом выражая обратное, – но его светлость не привык вдаваться в объяснения.

– Архиепископ Шраттенбах никогда нам не отказывал.
– Вот и обратитесь к нему.
– Вы изволите шутить.
– Как и ваш сын, Моцарт. Он ведь всегда шутит. Леопольд сдерживался из последних сил.
– Граф Арко, – сказал он, – наше первейшее желание – угодить его светлости но вы, конечно, понимаете, что лучшую музыку композитор создает по велению сердца.
Граф Арко снисходительно улыбнулся.
– Забудьте о Венеции, – сказал он, – в ближайшее время его светлость собирается часто устраивать приемы, и для обедов потребуется много дивертисментов и серенад.

37

Однако, когда баварский курфюрст решил заказать Вольфгангу оперу, архиепископ все-таки дал согласие. Колоредо пошел на это лишь потому, что побоялся испортить отношения со своим могущественным соседом.

Вольфганг, обрадованный возможностью выбраться из Зальцбурга, не задавал никаких вопросов, а получив либретто, тут же принялся за работу. И снова никто не спрашивал его мнения относительно либретто «La Finta Giardiniera» («Мнимая садовница»), выбранного самим курфюрстом.

Сюжет «Мнимой садовницы» сводился к приключениям аристократки, решившей отомстить мужу и в то же время вернуть его любовь. Героиня скрывается под видом садовницы и становится жертвой любовных преследований. В этой путанице и романтической неразберихе принимали участие еще две пары, но в финале все недоразумения благополучно разрешались в лучших традициях оперы-буффа.

Вольфгангу либретто показалось запутанным и глупым, но тема неразделенной любви нашла отклик в его сердце. И он выражал это в своей музыке. Пусть они не думают, что он сочиняет лишь для их удовольствия. Все любовные арии были исполнены нежности и грации, и постепенно Вольфганг полюбил эту музыку. Ко времени их приезда в Мюнхен партитура была закончена. Вольфганг не стал вначале прослушивать певцов, как делал в прошлом. Пусть сами справляются, как умеют, решил он, в жизни так часто приходится полагаться только на свои силы.

Репетиции шли гладко, и Леопольда это радовало. Музыка ему очень нравилась. Увертюра легкая, очаровательная и написана с профессиональным мастерством. Первая значительная ария звучала весьма изящно и в то же время отличалась хорошим построением. Игривые нотки, встречающиеся в партии служанки, подчеркивали глубину страданий ее госпожи.

Бас отвечал поддразнивающей его служанке на забавной смеси немецкого, итальянского, французского и английского. Леопольду понравился трагикомизм этой арии, хотя в самом либретто не было ни трагичного, ни комичного.

Новой для уха явилась и ария тенора, певшего о неразделенной любви. Она звучала величественно и патетично и трогала до глубины души.

А дуэт примирения вызвал у Леопольда слезы. Дуэт был овеян нежностью и лиризмом. Совершенство мелодии внушало благоговение.

Когда генеральная репетиция окончилась, Леопольд молча обнял сына.

Все было подготовлено, но премьера оперы дважды откладывалась, и Вольфганг начал волноваться. Папа возлагал надежды на то, что, если курфюрсту понравится «Мнимая садовница», он предложит сыну место, но курфюрста не было в Мюнхене. Задержка объяснялась множеством причин: Максимилиан охотится, Максимилиан занят важными дипломатическими делами, Максимилиан недоволен партитурой, Максимилиан ждет приезда архиепископа Колоредо, чтобы тот мог почтить своим присутствием премьеру.

Когда стало ясно, что Колоредо и не собирается приезжать, Максимилиан вернулся в

Мюнхен. И на следующий вечер «Мнимую садовницу» впервые поставили на сцене.

Театр был переполнен. После каждой арии в зале долго гремели аплодисменты, а когда занавес опустился, восторженные крики: «Браво, Моцарт!» – буквально сотрясли театр.

Позже на приеме в честь курфюрста Максимилиан подошел к Моцартам.

– Мы с вами старые знакомые, – сказал он, – я слышал игру мальчика, когда он приезжал еще совсем маленьким. Даже дважды. Господин Моцарт, вы знакомы с моим театральным директором графом фон Цейлем?

– Да, мы имели честь познакомиться с его сиятельством в наши прежние визиты. – Леопольд слышал, что граф пользуется большим влиянием.

Граф фон Цейль, почтительно стоявший рядом со своим хозяином, слегка кивнул.

– Опера вашего сына интересна, – сказал он. Вольфганг сомневался, комплимент ли это.

– Мы счастливы, ваше сиятельство, – сказал Леопольд, – доставить вам удовольствие.

– Она превзошла все ожидания. Сколько лет вашему сыну? Восемнадцать?

– Через несколько дней исполнится девятнадцать. Вольфганг будет рад познакомить его высочество и с другими своими произведениями: дивертисментами, симфониями.

– В данный момент я очень занят, – ответил курфюрст.

– Мы можем подождать, – с готовностью откликнулся Леопольд.

Курфюрст, казалось, погрузился в глубокое раздумье, а Вольфганг вспомнил, что, пока публика кричала: «Браво, Моцарт!» – курфюрст непрерывно нюхал табак и сморкался. Курфюрст не знает, на что я способен, подумал Вольфганг. Никто не знает, даже Папа. Наконец курфюрст сказал:

– Как вам известно, музыку я люблю, но заниматься этими делами предоставляю графу фон Цейлю.

Курфюрст удалился. Ему нужно было пораньше лечь спать – на завтра предполагалась большая охота. Дождливые дни он посвящал любовным развлечениям, но в солнечные ничто не могло заменить ему охоты, а сейчас как раз стояла удивительно сухая и теплая для января погода, которая могла продержаться с неделю, не больше. Свежий воздух и охотничий азарт бодрили курфюрста, заставляли забывать, что ему уже сорок семь. Его высочество не любил переутомлять себя, ему нравилась лишь усталость после дня, проведенного на свежем воздухе. Заказывая оперу, граф фон Цейль хотел развлечь его, но вернулся курфюрст в Мюнхен лишь потому, что учтивость требовала его присутствия в случае приезда Колоредо. Сама же опера казалась ему лишней обузой, не больше.

Приунывший после ухода курфюрста Леопольд постарался скрыть свое разочарование.

– Граф фон Цейль, – сказал он, – вы знаете, мой сын – талантливый композитор, и вы могли бы воспользоваться его услугами.

– Но ведь ваш сын состоит на службе у архиепископа, не так ли?

Леопольд пожал плечами:

– В общем-то да, ваше сиятельство, но это не помеха.

– Уверяю вас, ваше сиятельство, я могу написать любую заказанную мне вещь, – сказал Вольфганг.

– Но у нас есть капельмейстер и композитор, господин Михль.

Который, как говорят, все свое время отдает обучению певцов, подумал Леопольд, и ведет, можно сказать, собачью жизнь. Вслух он сказал:

– Вольфганг мог бы быть его помощником.

– Концерты нам уже приелись.

– Я буду осмотрителен в этом отношении, – сказал Вольфганг. Он знал, что Папа ждал от него этих слов, и пересилил себя.

– Не сомневаюсь, что и другие ваши вещи имели бы большой успех, – продолжал граф фон Цейль. – Только их некому слушать. Двор на некоторое время покидает Мюнхен. Сожалею, но сейчас у нас нет вакансии.

– А позднее? – спросил Леопольд.

– Трудно сказать. За оперу вам причитается пятьдесят гульденов.

Колоредо прибыл в Мюнхен через день после премьеры «Мнимой садовницы». Леопольд и Вольфганг не сомневались, что его светлость опоздал умышленно. Оперу повторили еще два раза, и оба раза архиепископ отсутствовал, хотя и находился в Мюнхене. Узнав о приезде именитого гостя, поспешно вернулся курфюрст, и придворные музыканты получили распоряжение дать в честь архиепископа концерт во дворце.

Вольфганга пригласили, но не как исполнителя, и это встревожило Леопольда. Однако после концерта, по мнению Леопольда и Вольфганга, весьма посредственного, из публики послышались выкрики: «Моцарта! Моцарта!» И когда Вольфганг, подталкиваемый отцом, поднялся с места, со всех сторон понеслись крики: «Браво!» – и разразилась буря аплодисментов. Курфюрст, сидевший рядом с Колоредо, шепнул что-то графу фон Цейлю, и тот знаком подозвал Леопольда.

– Его высочество хочет послушать игру вашего сына, – сказал граф.

Вольфганг сыграл на клавесине одну из своих сонат и удостоился похвалы курфюрста за прекрасное исполнение.

Колоредо не промолвил ни слова и вообще делал вид, будто не замечает их присутствия. Леопольд слышал, как курфюрст сказал: «Вам повезло, Иероним, что у вас на службе такой талантливый юноша» – и видел, как Колоредо, пожав плечами, неохотно кивнул в ответ.

Следует засвидетельствовать свое почтение его светлости, подумал Леопольд, однако пробиться к нему оказалось почти невозможным: плотная толпа льстивых придворных кольцом окружала архиепископа. А позднее граф фон Цейль отвел его в сторону, подальше от архиепископа, и сообщил:

– Я сказал его светлости, что Вольфганг – необыкновенный музыкант, и тем самым укрепил ваше положение, Моцарт. Теперь он до конца жизни с вами не расстанется.

Граф преподнес это как великую похвалу, но Леопольд подумал: уж не хочет ли баварец избавиться от них? И тут вдруг они с Вольфгангом очутились в одиночестве – все гости вслед за курфюрстом и архиепископом направились в зал для приемов.

Спустя несколько дней Франц Иосиф Альберт, веселый и добродушный владелец гостиницы «Черный орел», где остановились Моцарты, предложил Вольфгангу принять участие в соревновании в игре на клавесине с капитаном Игнацем фон Бецке.

Вольфганг хотел отказаться, ему претила самая мысль о подобного рода соревнованиях, но Папа сказал:

– Отлично придумано! Господин Альберт – большой любитель музыки и знаком со многими видными баварскими музыкантами. Бывая в Мюнхене, они всегда останавливаются у него. К его мнению прислушиваются.

– Это еще не значит, что он действительно способен судить о музыке.

– Я говорю не о том. Бецке считается лучшим немецким клавесинистом. Если все увидят, что ты играешь намного лучше, а сам вдвое моложе Бецке, такая победа пойдет нам на пользу.

Вольфганг нехотя согласился.

Но, увидев инструмент, на котором предстояло играть, он чуть было не отказался. В гостиной у Альберта стояло большое новое фортепьяно, а не клавесин. С тех пор как Кристиан Бах давал ему в Лондоне уроки игры на фортепьяно, Вольфганг еще несколько раз играл на этом инструменте, но не выступал перед публикой. И тем не менее, пришлось принять вызов – ведь дело касалось музыки.

Познакомив их, Альберт объявил: первым играет Бецке, как старший по возрасту, и сначала он исполнит два своих собственных сочинения.

Вольфганг увидел, как длинные пальцы его сухопарого соперника с необычайной проворностью замелькали по клавишам. Сочинения Бецке показались ему никуда не годными, но публике они, видимо, пришлись по вкусу – аплодировали громко. Бецке играл так быстро, будто принимал участие в скачках, руки его носились по всей клавиатуре с

необузданностью молодого жеребца. Темп был неровный, а играя бравурные пассажи, он явно рисовался. Бецке участвовал в Семилетней войне, где и заработал чин капитана; вот и зря не остался в армии, подумал Вольфганг.

Наступил черед Вольфганга. Взяв несколько аккордов, он понял, что никогда еще не играл на таком прекрасном инструменте. Правда, многое было непривычным. Начал он в медленном темпе, играя с подчеркнутой точностью, но, по мере того как осваивался с фортепьяно, игра его приобрела полное богатство оттенков.

Сын выглядит весьма изящно в своем коричневом бархатном камзоле, белых шелковых чулках и аккуратно напудренном парике, решил Леопольд. И руки, свыкнувшись с клавиатурой фортепьяно, летали по клавишам с удивительной легкостью. Нечего Вольфгангу себя недооценивать, думал Леопольд. Привлекательный юноша, пусть маловат ростом и слабее других сложением, но у него красивые голубые глаза, белая кожа – любая женщина позавидует, и лицо такое доброе и приятное.

Вольфганг исполнил два своих сочинения, и Альберт воскликнул:

– Вольфганг – чудо! Он ни в чем не уступает капитану Бецке, хотя и младше его в два раза. Только у него совершенно иная манера исполнения.

Бецке тоже поздравил Вольфганга.

– У вас приятное туше, – сказал он.

Вольфганг промолчал. Исполнение Бецке было лишено всякого вкуса.

– Я считаю, что это ничья! – объявил господин Альберт.

– Вы правы, – подтвердил Леопольд. Он понимал, что сын положил Бецке на обе лопатки. Только почему у Вольфганга такой отсутствующий вид?

А Вольфганг влюбился. Это фортепьяно оказалось несравненно лучше всех, на которых ему приходилось играть. И если звук фортепьяно Кристиана Баха был несколько смазан, то здесь он отличался поразительной чистотой. Но выступал он отнюдь не блестяще, что бы там ни говорил Папа. Играл на фортепьяно, как на клавесине. Ему следует хорошенько поупражняться.

Вольфгангу не терпелось обсудить это с Папой, но Папа был чем-то расстроен. Леопольд получил записку от Колоредо, в которой Моцартам приказывалось незамедлительно вернуться в Зальцбург.

– Колоредо становится невыносимым, – ворчал Папа.

– Что он от меня хочет? – спросил Вольфганг.

– Не знаю. Похоже, однако, дело срочное.

Через несколько недель в Зальцбург с государственным визитом прибыл младший сын Марии Терезии эрцгерцог Максимилиан, гостивший перед этим у своей сестры Марии Антуанетты, недавно коронованной королевы Франции. В честь сего великого события третий концертмейстер архиепископа Колоредо Вольфганг Моцарт написал оперу «Il Re Pastore» («Король-пастух»). Либретто, повествовавшее о доброте Александра Великого к молодым влюбленным, уже использовалось многими композиторами, но Колоредо именно на нем остановил свой выбор, чтобы достойно отпраздновать приезд девятнадцатилетнего принца. Архиепископа мало заботило, что выбор сделан в последнюю минуту и тем самым придворный композитор поставлен, перед необходимостью написать в кратчайший срок увертюру и четырнадцать арий.

На извинение эрцгерцога, что он стал причиной такой спешки, внезапно приняв решение посетить Зальцбург, архиепископ ответил: музыкантам палка полезна. В душе он полагал, что добросердечный правитель – это слабый правитель; твердость характера – качество более ценное. Архиепископ не жалел затрат на оперу и гордился этим: в добавление к придворным музыкантам он нанял на службу одного кастрата. Но не повысил жалованья композитору и не сделал ему подарка в награду за оперу. Все написанное его придворными музыкантами он считал своим достоянием.

Максимилиану понравилась опера «Король-пастух».

– Любой сюжет, – сказал он после спектакля, – Метастазиио умеет сделать

занимательным, да и музыка соответствующая, хотя, на мой взгляд, слишком уж красивая.

– Музыка Моцарта всегда слишком красивая, – подтвердил Колоредо, – но пока у нас нет лучшего композитора.

К ним подошел граф Карл Арко.

– Может быть, ваша светлость желает побеседовать с кем-нибудь из музыкантов? – спросил он. – Они ждут.

Архиепископ взглянул на эрцгерцога, и тот сказал:

– Кастрат пел очень неплохо. Передайте ему от меня двадцать гульденов.

– Сочту за честь, – ответил Карл Арко. – Какие будут еще приказания у вашего высочества?

– Больше никаких.

– Больше никаких! – повторил архиепископ. Провожая эрцгерцога в его личные покои, архиепископ украдкой рассматривал гостя – эрцгерцог был ниже его ростом и совсем еще мальчик. Однако ходили слухи, что, как только эрцгерцог достигнет совершеннолетия, его тут же сделают архиепископом или кардиналом. Эта мысль вызвала у Колоредо раздражение, и он подумал, что быть радушным хозяином не так-то легко, как считают иные аристократы.

38

Игра на фортепьяно словно окрылила Вольфганга. Как только эрцгерцог покинул Зальцбург, надобность в услугах композитора временно отпала, и, улучив момент, в первый же свободный вечер Вольфганг сказал Папе:

– Купите мне фортепьяно.

– По словам господина Альберта, фортепьяно стоит более двухсот гульденов. Сейчас нам это не по карману.

– Но я не могу без него. Скоро все будут играть на фортепьяно.

– А как же скрипка?

Вольфганг стал прогуливаться по концертному залу, Танцмейстерзалу, делая вид, будто не слышал вопроса, но Папа не отступал.

– Ты не очень-то усердствуешь в игре на скрипке. Если бы упражнялся на ней с такой же охотой и старанием, как на клавесине, мог бы стать первым скрипачом в Европе.

– А вы купите мне фортепьяно, если я стану упражняться на скрипке, сколько вы пожелаете?

– Не торгуйся со мной, – возмутился Папа. Вольфганг взял из вазы яблоко и повторил:

– Значит, если я стану упражняться на скрипке сколько скажете, вы приобретете фортепьяно?

– Опять ты не то говоришь. Надо самому загореться желанием играть на скрипке.

– А я загорюсь. Если буду упражняться и на фортепьяно.

– Вот уже тридцать лет, как я даю уроки игры на скрипке. И никогда еще у меня не было ученика, который играл бы с такой выразительностью, таким чувством и таким безразличием, как ты.

Папа был явно обижен, и Вольфгангу стало стыдно.

– Если вы купите фортепьяно, я напишу скрипичный концерт, – сказал он, – может, даже два.

Папа не мог удержаться от насмешки:

– Смотри не переутомись.

– Они будут коротенькими и легкими, под силу даже его светлости.

– Bravo! Может, тогда он признает твою гениальность?

– Я постараюсь последовать вашему совету, Папа. И буду очень рад, если сумею угодить вам своим скрипичным концертом.

Леопольд еще поворчал насчет цены, но все же купил в Регенсбурге фортепьяно, самое

лучшее, какое там было. Теперь Вольфганг упражнялся на фортепьяно и на скрипке. Он принялся учить и Наннерль, и скоро она играла на фортепьяно с той же легкостью, что и на клавишине. И они снова возобновили игру в четыре руки.

Как-то вечером, видя, что Вольфгангу не терпится закончить обед и поскорее проиграть только что сочиненный фортепьянный дуэт, Мама пошутила:

– Ты, пожалуй, готов и меня засадить за инструмент.

– А почему бы и нет?

– Не много ли музыкантов на одну семью?

Леопольд, с аппетитом принявшись за тушеное мясо, прекрасно приготовленное Терезой, недоуменно поднял голову и с изумлением посмотрел на Маму, и она уже мягче добавила:

– Я хочу сказать, Леопольд, трех талантов в семье вполне достаточно.

– Ну, уж меня-то за последние годы в таланты не зачислишь, – с горечью сказала Наннерль.

– Ты могла бы стать великолепной исполнительницей, – ответил Вольфганг, – если бы больше упражнялась, но музыка у тебя на последнем месте, а дыхатели на первом.

У Анны Марии болезненно сжалось сердце. Наннерль скоро исполнится двадцать четыре, неужели ее дочь останется старой девой? Эта мысль приводила ее в отчаяние.

– Всему свое время, – сказала Анна Мария. – Не надо ссориться. Ведь мы же друг другу самые близкие люди!

Спустя несколько недель Леопольд спросил, как подвигается обещанный скрипичный концерт, и Вольфганг ответил:

– Я еще не остановился на теме, но не беспокойтесь, скоро она появится, и такая, что концерт можно будет исполнить при дворе.

Папа успокоился. Вольфганг и словом не обмолвился, что, прежде чем приступить к сочинению, он решил изучить Папину «Скрипичную школу».

Эта «Школа» была для него в детстве Библией; Папа так с ней и обращался: он сам выбирал и давал учить сыну отрывки из нее, не забывая сопровождать их наставлением о пользе упорного труда. Теперь Вольфганг читал ее от начала до конца. «Школа» содержала немало элементарных истин, но были в ней и вещи, неизмеримо более глубокие, чем обычные инструкции по усовершенствованию техники.

Через всю «Школу» красной нитью проходила мысль – а заключительные главы изобиловали сопоставлениями, подтверждающими ее, – что скрипач, пусть даже виртуоз, в первую очередь слуга музыки. Когда дети возносили ему хвалу, Папа часто восклицал: «Хватит! Я ведь не святой!»

Но за преданность скрипке, думал Вольфганг, его следовало бы причислить к лику святых. Дочитав до конца «Скрипичную школу», он проникся новым уважением к Папе и с готовностью принялся за сочинение своего первого скрипичного концерта. Вольфганг избрал тональность си-бемоль мажор и написал первую часть *Allegro moderato*. Он вспоминал лучшие произведения скрипичной музыки Вивальди, Тартини, Боккерини и Нардини и писал в той же манере – весело и живо.

Во второй части, *Adagio*, его собственная натура возобладала, и он сосредоточился на мелодии – музыка была простой по композиции, но теплой и звучной. Ему нравилась сдержанная взволнованность избранной им темы. Она была подобна легкому, приятному сновидению. И в то же время в ней намечалась танцевальная мелодия, под которую он, влюбленный и изысканно-учтивый, выступал величаво об руку с какой-нибудь прекрасной дамой, ну, скажем, с графиней Лютцов. Он писал со страстью, но страстью сдержанной, музыка, созданная им, согревала сердце.

После проникновенной второй части следовала третья – бравурное *Presto*, словно созданное для такого виртуоза, как Нардини, лучшего из всех слышанных им скрипачей, и, может быть, его друга Томаса Линлея, которого он до сих пор вспоминал.

Через месяц Вольфганг показал Папе законченное произведение, и тот похвалил:

– Вещь звучная и вполне годная для исполнения. Вольфганга это удивило и разочаровало. Он ожидал большего. По-видимому, отец недоволен концертом, решил он.

На самом деле Леопольду концерт очень понравился, но он не хотел захваливать сына, чего доброго, еще разленится и перестанет работать.

– Теперь, раз уж ты освоился с формой, – добавил он, – напиши-ка еще один концерт. С наступлением весны Колоредо больше интересуется охотой, чем музыкой. Напиши два марша и серенаду, на какое-то время с него хватит, и ты сможешь сочинять для себя.

Вольфганг сочинил для архиепископа два марша и серенаду и тут же приступил к новому скрипичному концерту. Он избрал ре-мажорную тональность, но, окончив концерт, остался недоволен. Концерт был несколько не лучше первого.

В поисках темы он бродил по городу, прислушивался к его звукам, но ничто не вдохновляло его. На Домплац и Резиденцплац постоянно толпился любопытный народ. По толстым черным чулкам этих людей, их скромным теплым жилетам и грубым башмакам Вольфганг распознавал в них провинциалов, Зальцбург казался им невиданным и чудесным городом. Среди деревенских девушек встречались и хорошенькие, они будили в нем смутные желания. Барбара фон Мельк уехала погостить в Вену, а графини Лодрон и Лютцов – две женщины, с которыми он так любил поговорить, проводили лето в своих имениях.

Работая над первыми двумя концертами, Вольфганг старался не привносить в них свое настроение, но третий он писал в полном смятении чувств: их нужно было выразить, привести в порядок. Папа, несмотря на летнее время, простудился и лежал в постели, и Тереза ухаживала за ним; Мама причесывала Наннерль, ожидавшую прихода возможного и достаточно завидного жениха, а Вольфганг томился от одиночества и тоски. И однако все в нем пело, а в голове непрестанно звучала прелестная мелодия. Устоять перед красивой мелодией было выше его сил. Сам того не замечая, он потянулся за пером и записал ее. Записывал старательно, сознавая, что в ней нашли выражение все одолевавшие его чувства. Вольфганг сочинял, позабыв обо всем, и вдруг его осенило: ведь раньше он всегда писал в угоду кому-то, но этой музыкой он вряд ли кому-нибудь угодит.

Папа не проявил интереса ко второму концерту, и Вольфганг был рад, хотя его и обидело явное безразличие отца. Он рассчитывал, что новая вещь придется Папе больше по вкусу: ведь в этой музыке он впервые высказывал свои сокровенные мысли и писал ее так, как хотел.

Пока он сочинял первую часть третьего концерта, не уступающую по выразительности симфонии, чувство одиночества исчезло. В первых пассажах Allegro доминировал оркестр. Вольфганг изливал тут свою душу. Он работал изо дня в день в концертном зале, стараясь не обращать внимания ни на летнее солнце, заливавшее Ганнибальплац, ни на смех детей, игравших во дворе позади дома. Тема развивалась. Теперь концерт соль мажор стал словно бы дуэтом его и Папы; солистом был он, а оркестром – Папа. Оркестр звучал энергично, настойчиво, живо, как бы выражая Папин характер, а солист по большей части подчинялся ему. Заканчивалась первая часть мощным нарастающим звучанием торжествующего оркестра.

Никогда еще Вольфганг так не раскрывал в музыке свое сердце, как во второй части. Он жаждал физической любви. Но только не вульгарной, не грубой. Не мог он допустить стенаний, слез, укоров. В своей музыке он изобразит любовь такой, какой она должна быть, а не такой, какой бывает в жизни. В Adagio ясно звучал голос солиста, его голос. Adagio пело. Ведь любовь поет! Она – не мираж, даже если мираж все остальное. Он писал о любви, какой мечтал для себя. Он свободно изливал свои чувства. В каждой ноте билось его сердце. Домашним было строго-настрого запрещено беспокоить Вольфганга, когда он сочинял, но обратись сейчас к нему кто-нибудь, разве бы он услышал? Музыка пела в нем, и он чувствовал себя всесильным. Но нужно держать себя в узде, отбирать, совершенствовать, очищать от лишнего и случайного. И непременно использовать все возможности скрипки: ее певучесть, грациозность, выразительность.

Переписывая набело вторую часть, он вслушивался в каждую нотку, отбрасывал все,

что не входило в основную тему, и постепенно зазвучала мелодия, изумительная по своей красоте и прозрачности, именно такая, какой он добивался. В Adagio встречались меланхолические нотки, мрачные даже, но они тут же исчезали, не могли не исчезнуть, слишком уж бурлила в нем жизнь. Чудесные созвучия рождались как бы сами собой, и каждое тотчас занимало свое место. Ноты пели, танцевали. Он писал, а сам раскачивался в такт на стуле. Грациозный менуэт, задумчивый и проникнутый легкой печалью, возник неожиданно в середине второй части – хорошо бы станцевать под эту музыку с графиней Лютцов, – классически простой и изящный танец.

Третья часть получилась стремительной и веселой. Он поставил в заголовке Kondo, добавив Allegro, чтобы подчеркнуть избранный им темп; в этой части солист и оркестр выступали как равные партнеры. Каждый уже высказался, и сейчас они слились в дружный дуэт. Вольфганг никогда еще не писал подобной музыки. Но это вовсе не значит, что можно продолжать до бесконечности. Внезапно он остановился. Представил себе изумленные лица слушателей: по традиции концерт нужно было завершить бурным, постепенно нарастающим финалом.

Но Вольфганг уже сказал все, что хотел. Проиграл еще раз в уме заключительные пассажи и приказал себе: «Довольно! Все хорошо!» Он долго смотрел на последнюю написанную ноту и вдруг рассмеялся: готово!

В столовой шли приготовления к обеду, но Вольфганг стал умолять родных послушать его новый концерт.

– Всего несколько тактов. Мне интересно, понравится ли вам основная тема! – Он подхватил Маму и принялся кружить ее по комнате, напевая мелодию. Он был пьян от радости.

– В чем дело? – спрашивала Мама. – Уж не влюбился ли ты снова?

– Нет, нет! С этим покончено!

– До следующего раза, – пояснила Наннерль. – Так кто же она?

Вольфганг покраснел, весело усмехнулся и сказал:

– Идемте, все идемте! Я хочу сыграть вам мой новый концерт, это такая красивая музыка!

Несколько удивленный Папа – Вольфганг редко приходил в возбуждение, закончив какую-нибудь вещь, – подал знак, и все последовали в Танцмейстерзал.

Папа принялся изучать партитуру нового концерта, а Вольфганг, взяв скрипку, объявил:

– Я сыграю небольшой отрывок из второй части, где мелодия наиболее выразительна.

Вольфганг сиял от переполнявших его чувств, но стоило коснуться смычком струн, и он весь сосредоточился на музыке, играя уверенно и точно.

Техника его неизмеримо улучшилась, с радостью думал Леопольд, вот что значит регулярно упражняться. Музыка пленила его, и Леопольд слушал с восхищением. Мелодия бесподобна! Третий концерт намного превзошел первые два, музыка его поистине божественна.

– Прекрасно! – сказал Папа. – Когда я слушаю такую музыку, она вливает в меня силы. За год ты сделал огромные успехи.

– Вы уже прочли второй концерт? – подозрительно спросил Вольфганг.

– Нет, ни единой ноты. – Леопольд просмотрел ре-мажорный концерт, когда Вольфганг был во дворце, но скрыл это от сына, не желая его огорчать. – Но этот концерт восхитителен.

Маме концерт тоже понравился: Вольфганг видел по ее улыбке. Наннерль спросила:

– Почему ты его так построил?

Вольфганг пожал плечами. Он-то знал почему, но что-то мешало ему ответить.

– Adagio – это признание. Гимн любви, которая могла бы быть, но прошла стороной, – сказала Наннерль.

Значит, Наннерль тоже страдала. Он остро почувствовал свою близость к сестре и спросил:

– Разве способен человек выразить невозможное?
– Что значит «невозможное»? – отозвался Папа. – Для гения все возможно.
– Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь сочинил такую музыку для меня, – сказала Наннерль.

Но Вольфганг решительно ответил:

– Я написал ее только для себя, ни для кого другого. И смутился оттого, что выставил напоказ свои чувства.

Папа не стал упрекать сына, а только сказал:

– Надеюсь, ты сочинишь еще много подобных концертов для скрипки, это лишь начало.

– Буду стараться. – В голове уже начала слагаться новая тема.

– Можно мне взять этот концерт, Вольфганг?

– Сыграть?

– Нет, на память.

– Пойдите, Папа. – Вольфганг взял партитуру из рук удивленного Леопольда, написал в самом конце: «Concerto di Violino di Wotfgango Amadeo Mozart, Salizburgo, li 12 di Sep-tembre 1775» («Концерт для скрипки Вольфганга Амадео Моцарта, Зальцбург, 12 сентября 1775 года») – и с улыбкой вручил отцу.

39

Вольфганг незамедлительно приступил к четвертому концерту для скрипки. Он решил писать его в ре-мажоре, поскольку предыдущий концерт в этой тональности его не удовлетворял; первую часть он назвал *Allegro* и с самого Начала писал ее со страстным увлечением. Жизнь бурлила в нем. Восхищение родных доставляло ему огромную радость. На свете не было композитора, которому он мог бы завидовать. Вольфганг до сих пор вспоминал, как радовалась Мама, когда он закружил ее в танце. Если музыка первой части третьего концерта была симфонической, то эту он писал танцевальной. Ритм возбуждал, пьянил, но, даже сочиняя столь веселую и искрящуюся музыку, он ни на минуту не забывал о строгих законах композиции.

Дойдя до второй части, Вольфганг назвал сочинение «моим страбургским концертом», потому что использовал в нем мелодию, популярную в этом городе. Его природная жизнерадостность вновь взяла верх, и он написал *Andante canta-bile* как страстную серенаду, без тени печали или торжественности.

Скрипичное соло звучало, в сущности, как превосходная ария. И хотя мелодия, казалось, трепетала от сдерживаемой страсти, она текла плавно, «как по маслу», сообщил он Папе.

Завершил он концерт *Kondo*, которое было одновременно и песней и танцем. Он отказался от общепринятых сложнейших скрипичных пассажей и вновь закончил концерт спокойно, так, чтобы скрипач виртуозной техникой не подавил музыку.

И сразу же перешел к пятому скрипичному концерту. Он построил его, как и предыдущий, только избрал тональность ля мажор, да и содержание концерта было совсем иным. Пусть теперь музыка говорит сама за себя.

Партитура, написанная с кажущейся простотой, была вся пронизана нежностью и сдержанной страстью. Этот концерт, сжатый, почти как гайдновский квартет, стал самым душевным из всех его скрипичных концертов. Вольфганг решил, что мир, возможно, и суетен, но музыка должна быть возвышенной.

Он отдал Папе оба концерта. Шел декабрь 1775 года, девять месяцев прошло с тех пор, как он обещал написать один скрипичный концерт. Когда начинал, все распускалось под ласковым весенним солнцем, а теперь стояла суровая, беспросветная зима; снег толстым слоем покрывал землю, небо сделалось свинцово-серым, и Вольфганг считал, что его все покинули, даже случайная птичка не подлетала к окну, чтобы порадовать его взор. Он вдруг

почувствовал себя утомленным, подавленным, опустошенным. Поднявшись до таких высот, он вдруг спустился на землю. Он боялся, что Папе не понравится его пятый скрипичный концерт – такой не похожий ни на один известный концерт, в нем нет и намека на парадность, характерную для итальянской музыки.

Концерт ля мажор поразил Папу. Он показался ему конечным выражением его собственной «Скрипичной школы». Божественно прекрасный – Леопольд не мог найти слов, чтобы выразить свои чувства.

Они были одни в концертном зале – Вольфганг слишком устал, чтобы делиться своей музыкой с кем-то еще, – и каждый ждал, когда заговорит другой.

– Вот как! А ты и не сказал, что их два! – наконец резковато воскликнул Папа.

– Вы хотите знать, в каком порядке я их писал? Не все ли равно?

– Их невозможно сопоставить. Они совсем разные.

– Сыграйте на выбор, какой вам больше нравится.

– Не для того же ты их сочинял! Помолчи минутку. Не оправдывайся, это ни к чему, да я и не поверю. Мне они не под силу, да и ты вряд ли сыграешь. Со временем, если будешь много упражняться.

– Я могу их сыграть. Они вам нравятся?

– Разве это так важно?

Теперь заупрямился Вольфганг. Он сделал вид, будто готов разорвать партитуры, но Папа не отдал их, посмотрел на сына, как на сумасшедшего, и сказал:

– Все дело в том, понравятся ли они Колоредо.

– А помните, что случилось с симфониями?

– Еще бы! Но если один из концертов возьмется сыграть Брунетти, Колоредо может и одобрить. Ему нравится игра Брунетти, кроме того, архиепископ любит скрипку, поскольку сам на ней играет.

– Но вам-то они нравятся, Папа?

– Сначала я должен их услышать. В сторону сантименты! Партитуры надо немедленно отдать переписчику, пока ты их не растерял. Но за перепиской придется понаблюдать, иначе насажают кучу ошибок.

– Но вы ведь недолюбливаете Брунетти и все-таки хотите, чтобы он исполнил один из концертов?

– Какое это имеет значение? Наш первый концертмейстер пользуется благосклонностью Колоредо, по его мнению, Брунетти – лучший скрипач Зальцбурга.

Леопольд сказал Колоредо, что Вольфганг сочинил концерты, памятуя о любви его светлости к скрипке, и тогда архиепископ согласился их послушать. Музыкант несколько преувеличивает, подумал Колоредо, но скрипку он действительно любил, и к тому же его интересовал музыкальный вкус юноши. Как и ожидал Леопольд, Брунетти остановил свой выбор на четвертом концерте, Вольфганг решил играть пятый: в третий он вложил слишком много личного. Брунетти предложил, кроме того, исполнить какое-нибудь трио вместе с архиепископом и Вольфгангом.

Концерт состоялся в Конференцзале Резиденции в январе 1776 года, за неделю до дня рождения Вольфганга – ему исполнялось двадцать лет, – и Леопольд, до тонкости изучивший нее дворцовые порядки, подумал: теперь Колоредо придется признать Вольфганга равным Брунетти.

Среди публики Леопольд увидел многих друзей и покровителей: семьи Лютцов и Лодрон, фон Робиниг, фон Мельк, Баризани, а также Шахтнера и Буллингера, но он решил не отвлекаться и отдать все внимание музыке.

По желанию архиепископа концерт начался с трио. Колоредо стоял впереди, делая вид, что играет партию первой скрипки, не желая никому уступать первенства, да и никто не смел играть, повернувшись к архиепископу спиной.

Высокий темноволосый обаятельный Антонио Брунетти, один из немногих музыкантов, не уступавших ростом Колоредо, стоял позади архиепископа, но достаточно

близко, чтобы прикрыть его ошибки и повести трио, если в этом возникнет необходимость. Брунетти аранжировал небольшую фантазию Нардини так, чтобы она оказалась по силам архиепископу, на долю Вольфганга оставался аккомпанемент, Вольфганг сожалел, что архиепископ изъявил желание играть на скрипке. Колоредо касался струн не пальцами, а ногтями, не водил смычком, а царапал, брал темп, какой ему заблагорассудится, и вообще играл из рук вон плохо. После трио – Брунетти закончил его в одиночестве, без Колоредо, который потерялся где-то в пути, – Брунетти громко зааплодировал и крикнул: «Браво!» Если архиепископ и впрямь заботится о спасении своей души, подумал Вольфганг, ему не следует больше брать в руки скрипку.

Однако он постарался отнестись без предубеждения к исполнению Брунетти его четвертого скрипичного концерта. Первый концертмейстер, бывший солистом зальцбургского оркестра еще до рождения Вольфганга, мог при желании играть прекрасно. Но слишком часто играл небрежно; тем не менее манера исполнения Брунетти, несколько старомодная, напоминая Тартини, была весьма приятной, а топ его скрипки звучен и глубок. Начал Брунетти неплохо. *Allegro* шло задушевно и очень лирично, но в *Andante cantabile* он проявил излишнюю эмоциональность: закатывал глаза, раскачивался, будто раздираемый страстью, и играл медленно и с надрывом, а в *Rondo* смазывал ноты и слишком спешил.

Леопольд забыл обо всем, слушая музыку. Он заметил все ошибки Брунетти, но исполнение итальянца показалось ему выразительным. Леопольда привели в восхищение чистота мелодии и певучесть ре-мажорного концерта. Музыка была удивительно красива, нежна, грациозна и поражала своей зрелостью.

Наконец Вольфганг сыграл свой пятый концерт – концерт ля мажор, и Леопольд понял, как далеко ушел его сын. Лучшей музыки Вольфганг еще не сочинял. Концерт отличался необыкновенной приподнятостью чувств и тончайшими нюансами, несвойственными прежде Вольфгангу. С его стороны было глупо беспокоиться за исполнение. Каждая нотка прозвучала отчетливо, каждый пассаж был безупречен.

Никто не заметил трудностей концерта в исполнении Вольфганга – лучшая похвала исполнителю, подумал Леопольд, тогда как Брунетти лишь подчеркивал их, и все же итальянцу аплодировали куда больше, чем Вольфгангу.

А тут еще Колоредо подозвал к себе Брунетти и Вольфганга и приказал первому концертмейстеру повторить вторую часть ля-мажорного концерта – он остался недоволен игрой Вольфганга. В огромном зале стояла полная тишина, пока Брунетти играл *Adagio*.

Леопольд негодовал в душе, но вот Брунетти кончил играть, и заговорил Колоредо; с невозмутимым лицом Леопольд подошел и встал рядом с сыном, которому было приказано ждать, будто нерадивому ученику.

– Сеньор Брунетти, что вы думаете об *Adagio*? – спросил Колоредо.

– Вы хотите знать мое искреннее и непредубежденное мнение, ваша светлость? – спросил Брунетти, и Леопольд подумал: вот сейчас-то он и солжет.

– Разумеется, сеньор Брунетти. Ведь вы наш лучший скрипач.

– Ваша светлость, я играл на скрипке, когда этот юноша еще и на свет не родился.

– Не считаете ли вы темп *Adagio* слишком медленным?

– Оно слишком надуманное, ваша светлость. Его следует переписать.

– Это не составит труда, ваша светлость, – невозмутимо сказал Леопольд, хотя все в нем клокотало. – Вольфганг будет счастлив написать новую часть.

– Прекрасно. Пусть он сделает ее полегче и покороче.

– Только, ваша светлость, не хотелось бы испортить концерт, – добавил Леопольд.

Колоредо повернулся к Вольфгангу:

– Вы тоже этого боитесь? Вольфганг ответил:

– Я подумаю, ваша светлость.

– Сеньор Брунетти, а исполнение, по-вашему, каково? – спросил Колоредо.

Брунетти, уже много лет не живший в Италии, но с каждым лишним годом,

проведенным вдали от родины, становившийся все более ярким патриотом, с пафосом воскликнул:

– Passabilmente⁹ для Зальцбурга! Для Италии – нет!

– Я считаю, Моцарт, что музыка эта чересчур трудна для вашего сына, – сказал Колоредо.

– Прошу прощения, ваша светлость, на мой взгляд, его исполнение было безупречным.

– Вы не понимаете итальянской манеры.

– Ваша светлость, мы три раза ездили в Италию. И Вольфганга горячо приветствовали повсюду.

– Итальянцы – великодушный народ, – заметил Брунетти, – но они не всегда говорят то, что думают.

– Вы совершенно правы, – подтвердил Вольфганг. Брунетти слегка смутился.

– Вы сказали, что мои концерты превосходны и в то же время, что в них нет ничего необычного.

– Не в этом дело, – нетерпеливо перебил Колоредо.

– А в чем же, ваша светлость? – вежливо спросил Вольфганг.

– Довольно оправданий! – Колоредо говорил с непривычным для него жаром. – Самые лучшие скрипачи и композиторы – это итальянцы. Нет ни одного немца, способного сочинить скрипичную музыку, подобную Вивальди и Тартини, или играть так же хорошо, как Нардини и Брунетти. Да что вы знаете о скрипке! Вам бы следовало поехать в Италию и поучиться там в консерватории.

– И нам можно, не откладывая, поехать в Италию? – тут же спросил Вольфганг.

– Ни в коем случае! Вы нужны здесь! – вспыхнул Колоредо.

Как только они оказались вдвоем, Вольфганг сказал Леопольду:

– Удивляться, что наш Великий Муфтий¹⁰ не понимает музыки, так же нелепо, как удивляться, что глухой не слышит.

40

Не успел Леопольд опомниться от восхищения исключительной плодовитостью Вольфганга, создавшего за девять месяцев пять скрипичных концертов, – это обстоятельство немало облегчило боль, причиненную нападками Колоредо, – как Вольфганга уже охватил новый творческий порыв, который поразил Леопольда ничуть не меньше.

Так Вольфганг ответил на пренебрежение Колоредо. Фортепьяно все больше привлекало его, он сочинил для себя клавирный концерт си-бемоль мажор и, довольный результатом, написал для графини Лодрон и двух ее дочерей концерт фа мажор для трех клавиров. Затем, дабы не обидеть графиню Лютцов, он сочинил и для нее концерт до мажор.

По просьбе Хаффнеров он написал серенаду к свадьбе их дочери Елизаветы. Простенькая камерная вещица разрослась в сложное симфоническое произведение в восьми частях, весьма разнообразных по стилю, прославляющих радости супружеской любви.

Зная, как страдает Наннерль от того, что она до сих пор не замужем, он написал к ее двадцатипятилетию *Serenada Notturna* («Ночную серенаду»). Сестра так обрадовалась подарку, так нежно расцеловала его, что он сочинил еще и дивертисмент, более живой и веселый.

Графиня Лодрон, позавидовавшая Хаффнерам, попросила Вольфганга написать дивертисмент к балу, который она собиралась дать, и он сочинил сразу два дивертисмента, искрящихся весельем, игривых и очаровательных.

Они так понравились ему самому, что в 1776 году он написал еще шесть дивертисментов для собственного удовольствия и на радость друзьям.

Музыка, предназначенная для архиепископа, не доставляла ему подобной радости. Вольфганг был обязан еженедельно являться к Карлу Арко, дававшему ему резкие, отрывистые указания.

Сегодня Арко говорил:

– Его светлости нужно несколько простых и недлинных псалмов для собора.

В следующий раз он заказывал:

– Напишите несколько церковных сонат и *Missa brevis*¹¹ ко дню ангела архиепископа.

Иногда его светлости требовалась развлекательная музыка, и тогда Арко объявлял:

– Его светлость приглашает к обеду гостей. Ему требуется серенада, создайте что-нибудь приятное для слуха.

Вольфганг старательно выполнял заказ, но не вкладывал в него душу, а Леопольд считал архиепископа вампиром, высасывающим кровь из ее сына: архиепископ без конца требовал новых произведений, хотя относился безразлично к таланту Вольфганга. В конце года Леопольд подсчитал, что сын создал за двенадцать месяцев тридцать сочинений для Колоредо, но ему так и не повысили жалованья и он не получил ни единого гульдена в виде подарка и ни одного слова похвалы, хотя друзья и покровители всегда преподносили Вольфгангу подарки за музыку, которую он для них писал.

Зря они так возмущаются архиепископом, считала Анна Мария. Как-то вечером, в январе 1777 года, когда Леопольд с Вольфгангом обдумывали, нельзя ли им вырваться из плена Колоредо и уехать из Зальцбурга, она сказала;

– Нам надо устроить вечер.

– По какому случаю? – спросил Леопольд, раздраженный ее вмешательством в разговор.

– По случаю дня рождения Вольфганга, ему ведь исполняется двадцать один год.

Разговор происходил в концертном зале, и Анна Мария долго старалась улучшить удобный момент, когда Леопольд придет в доброе расположение духа и прислушается к ее словам. Она подождала, пока Вольфганг принес Леопольду свое новое сочинение, что почти всегда действовало безотказно.

– Как-никак это его совершеннолетие! Леопольд поднял голову от нот и сердито сказал:

– Вольфганг написал отличную арию для кастрата, но из-за глупости и жадности Колоредо ее некому исполнить в Зальцбурге.

И все же совершеннолетие следует отметить: это немного примирит Вольфганга с жизнью в Зальцбурге.

– Можно устроить маскарад, – сказала она. – Вы ведь оба так любите переодевания.

– А как быть с его карьерой? Он же совсем здесь закоснеет.

– Благодаря архиепископу мы живем в мире.

– Наш Великий Муфтий слишком труслив, чтобы полезть драться, – сказал Вольфганг.

– Пусть так, но он уберег нас от войны.

– Мама, у нас не на что позариться. В придворной капелле нет даже кастрата.

– И все равно мы живем в мирной стране, хотя кругом неспокойно; ходят упорные слухи о новой войне между Францией и Англией за американские колонии. А Вена и Берлин ссорятся из-за Баварии. Нам повезло. Еще неизвестно, куда угодишь, если уедешь отсюда.

– В город, где есть театр, а следовательно, и опера. Теперь, когда Колоредо закрыл придворный театр, на постановку оперы здесь исчезла последняя надежда.

– А состязания в стрельбе? Ты будешь по ним скучать, Вольфганг.

Вольфганг улыбнулся. Он так любил в воскресенье после обеда пострелять с друзьями из духовых ружей по забавным мишеням.

– Ты любишь вечера, маскарады, тебе нравится бывать у графини Лодрон и у графини Лютцов.

– Знаешь, Анна Мария, не следует придавать большого значения похвалам графини Лодрон и графини Лютцов, – неожиданно вставил Леопольд. – Рассчитывать на них не приходится.

Вольфганг вовсе не придавал большого значения комплиментам этих дам, просто ему доставляло удовольствие бывать у них в гостях. Он спросил:

– Отчего же? Им искренне нравится моя музыка.

– Конечно, нравится. Сколько вещей ты написал для них, и почти всегда в подарок? Но эти светские дамы во всем зависят от милости архиепископа. Поэтому, хоть они тебе и покровительствуют, не следует возлагать на них слишком большие надежды.

Вошла Наннерль и принесла письмо от мадемуазель Женом, известной французской пианистки, приехавшей в Зальцбург по приглашению архиепископа.

Леопольд прочел письмо вслух: мадемуазель Женом просила маэстро Моцарта написать для нее фортепьянный концерт. По причине немалых дорожных расходов и скромности вознаграждения, обещанного ей архиепископом, говорилось в письме, она сможет заплатить за концерт только сорок гульденов. В Париже она слышала несколько произведений маэстро Моцарта и считает их вполне отвечающими французскому вкусу, поэтому ей так хочется исполнить его концерт.

– Я могу написать концерт ей в подарок, – немедленно отозвался Вольфганг, причинив немалое огорчение Леопольду; он не успокоился, даже когда сын пояснил:

– Это будет дружеским жестом. Она может оказаться нам полезной в Париже.

– Глупости! – отрезал Леопольд. – Колоредо ей платит, значит, и она может тебе заплатить. Ты слишком горяч и великодушен, нельзя так!

– А как же с днем рождения? – спросила Анна Мария.

– Вечер, который мы можем дать дома, никого не удивит, – ответил Леопольд. – Вот если мы отпразднуем этот день во дворце нашего князя и знаменитая пианистка исполнит на приеме новый концерт Вольфганга, это произведет большое впечатление даже на архиепископа.

Три фортепьянных концерта, написанные Вольфгангом ранее, явились как бы подготовкой к выполнению заказа мадемуазель Женом. В течение всего года он много играл на фортепьяно и сочинял и понял, что голос этого инструмента способен одинаково хорошо передать и поэтическое настроение, и бурную взволнованность чувств. Его приводили в восторг богатейшее разнообразие оттенков и удивительная звучность фортепьяно. Интерес французской пианистки к его музыке пробудил в Вольфганге огромную энергию и вселил новые надежды. Вновь он понял, что для него нет недостижимого, и отметал самую мысль о возможности неудачи. Наконец-то он сочинял не для дилетанта: мадемуазель Женом слыла одной из лучших пианисток Европы.

Вольфганг работал над этим ми-бемоль-мажорным концертом, не зная усталости, позабыв обо всем на свете, и писал его с красноречивой сдержанностью, изысканностью и техническим совершенством; звуки пели, танцевали и выражали именно то, что он хотел выразить. Партия солиста начиналась, по его замыслу, с первых же тактов первой части, словно бросая кому-то вызов, и дальше уже партия солиста и оркестр шли рядом, дополняя и оттеняя друг друга.

После Allegro он написал Andantino – трагическое и сдержанное, но отнюдь не сентиментальное. Фортепьяно откликалось на любое его чувство. Вольфганг полюбил инструмент всем сердцем. Многие вещи в этом мире были непонятными, темными, злыми, но к фортепьяно это не относилось; он касался его ласковой рукой, и оно возвращало ему ласку. Он вливал в него жизнь, и оно отвечало ему тем же. Он придал заключительным пассажам Andantino налет легкой грусти без страдания, он не выносил страданий.

Последнюю часть он назвал Rondo и прибавил Presto, указывая темп. Музыка звучала вдохновенно и лирично, нежность смешивалась с весельем, словно говоря: любые печали преходящи, а жизнерадостность и бодрость духа непременно возьмут свое. Вольфганг бесстрашно смеялся в лицо врагу. Затем он сочинил вариации на ту же тему; в них было

столько женски-лукавого— ему прямо слышался задорный смех мадемуазель Женом. Финал прозвучал властно, он говорил о неминуемости судьбы, говорил в полный голос, уверенно и непререкаемо. Фортепьяно стало для Вольфганга богом.

Мадемуазель Женом концерт сразу понравился. К тому времени, когда должно было состояться ее выступление с камерным оркестром под управлением Брунетти, она знала его не хуже самого композитора.

Мадемуазель Женом была темноволосая маленькая женщина средних лет. Ее умение сосредоточиться и блестящая техника произвели на Вольфганга впечатление, и он надеялся, что она сыграет концерт так, как он его задумал.

Его огорчило известие, что играть она будет в замке Мирабель перед избранной и специально приглашенной публикой. Замок Мирабель относился к числу летних резиденций архиепископа, и обычно там концерты не устраивались. Колоредо считал этот замок лучшим образцом архитектуры барокко в Зальцбурге, отвечающим французскому вкусу. Вольфганг несколько воспрянул духом в день концерта – январь был уже на исходе, воскресное утро выдалось холодное, но на редкость ясное. Снежные вершины гор вокруг Зальцбурга ослепительно сияли, залитые ярким солнцем. Углубленный в музыку, Вольфганг редко замечал природу, но сегодня она привела его в хорошее настроение. Замок Мирабель, окруженный красивым парком, находился по ту сторону Ганнибальплац, совсем недалеко от их дома, и Папа счел это добрым предзнаменованием.

Мама согласилась с ним, а Наннерль сказала, что предпочла бы Резиденцию— там все же теплее. Вольфганг, не любивший ходить пешком, шел молча. Хорошо еще, что замок так близко. Парк был обнесен двумя высокими каменными оградами; войдя в ворота, они вступили на широкую аллею; заставленный статуями парк очень напомнил Вольфгангу Версаль.

Подъезд замка был сделан из великолепного унтерсбергского мрамора, им же были облицованы парапет и весь нижний этаж. Поднимаясь по лестнице, Вольфганг взял сестру за руку; прелестные толстощекие купидоны, украшавшие замысловатую балюстраду, одобрительно посматривали на них. Желая побороть волнение, он принялся считать ступени. Тринадцать, потом площадка, одиннадцать...

– Ты думаешь, их стало больше с тех пор, как ты был здесь прошлым летом? – перебила его Наннерль.

– Наннерль, Сага Sorella Mia¹², что бы я делал без твоих умных замечаний?

– Что-то я не замечала, чтобы ты к ним очень прислушивался.

– А вот если бы ты меня слушала, то сегодня выступала бы не Женом, а ты.

– И целое утро меня мутило бы от страха. Нет, благодарю вас, маэстро.

– У тебя очень красивая прическа. Она улыбнулась.

– Это Виктория Адельгассер меня причесала.

– К концерту?

– Нет, дурачок, к утренней мессе!

Оба рассмеялись, и у Вольфганга стало легче на душе.

– Примите мои комплименты, прелестная мадемуазель, синьорина, фрейлейн! – сказал он, расшаркиваясь.

Когда они уже сели позади всех – только аристократам, таким, как Лодрон, Лютцов или Арко, разрешалось сидеть в первых рядах, – Вольфганг догадался, отчего для концерта выбрали этот зал: архиепископ решил, что он будет наиболее подходящим для инструмента с негромким звуком, но где ему знать, что звук фортепьяно несравненно громче звука клавесина. По размеру зал почти равнялся Рыцарскому залу, но от его мраморных стен и пола веяло холодом. Он совсем не подходил для мягкого, густого тембра фортепьяно, и Вольфганг пожалел о неудачном выборе архиепископа.

Первым номером была исполнена серенада, состоявшая из трех коротких частей,

написанная Вольфгангом по заказу Колоредо. Дирижировавший Брунетти отвратительно кривлялся, и Вольфганга это начало раздражать. Собственная музыка не доставляла ему никакого удовольствия. Брунетти калечит не только музыку, казалось ему, но и его самого.

Две большие переносные печки стояли впереди, чтобы согреть Колоредо и музыкантов, а в дальнем конце мраморного зала все ежились от холода. Холод поднимался от пола, пронизывал до костей. Последняя часть серенады – менуэт – прозвучала, как похоронный марш. Брунетти, дергавшийся из стороны в сторону, дирижировал так же бездарно, как Лолли, только еще больше кривлялся.

Но пианистка заставила Вольфганга позабыть обо всем. Мадемуазель Женом объявила, что исполняет концерт в честь маэстро Вольфганга Амадея Моцарта, и с первых же аккордов сосредоточила внимание на чистоте тона и ясности выражения, нисколько не стремясь блеснуть своим мастерством. У нее была чудесная левая рука, но она отнюдь не старалась показать виртуозность и беглость. Вольфганг мысленно повторял за ней каждый пассаж. В медленной второй части пианистка не пропустила ни единой ноты, легко касаясь клавиш, сдерживая удар, она добила звука такой божественной красоты, что Вольфганг готов был ее расцеловать.

В последней части пианистка была решительна и уверена в себе и в то же время искусно давала почувствовать, сколько нежности и поэзии таит в себе эта музыка.

Восхищенный ее исполнением, не замечая никого вокруг, Вольфганг бросился к мадемуазель Женом и воскликнул:

– Все было отлично! Фразировка, темп, настроение! Мадемуазель, вы несравненны!

– Совершенно верно, – услышал он голос позади себя и с удивлением узрел архиепископа.

Он привычно склонил голову, но мадемуазель, сделав небрежный поклон, сказала:

– Это все вы, маэстро Моцарт. Если я и доставила удовольствие его светлости, то причиной тому красота и очарование вашего концерта.

– Для меня он такой музыки не пишет, – проворчал Колоредо.

– Я всегда к услугам вашей светлости, – сказал Вольфганг.

– Прекрасно. Могу я взять себе этот концерт?

– Я сочту за честь. Только, ваша светлость, он написан для мадемуазель.

– Она не будет возражать. Не правда ли, мадемуазель? У пианистки сделался такой огорченный вид, что Колоредо вдруг вспомнил о хороших манерах.

– Я не позволю себе отнять у дамы по праву заслуженное.

– Благодарю вас, ваша светлость, вы очень любезны. Колоредо усмехнулся и промолчал.

– Этот концерт совсем во французском вкусе, – продолжала мадемуазель Женом. – Он будет пользоваться большим успехом в Париже.

– Без сомнения, – сдержанно ответил Колоредо.

– Ваша светлость, я расскажу в Париже, на какой высоте находится в Зальцбурге музыка. Она делает честь его великому правителю.

Колоредо удовлетворенно кивнул, протянул ей руку для поцелуя и направился к своему трону с видом почти благодушным.

– Это ваше любимое сочинение? – спросила мадемуазель Женом.

– Мое любимое сочинение – то, над которым я в данный момент работаю.

– Вы пришли бы по вкусу парижанам.

– Я уже испытал это, когда приезжал туда ребенком. Она подумала: он так молод. И легко краснеет, наверное, еще не знал женщин, хотя ему уже двадцать один год. Красавцем Моцарта не назовешь, но светлые волосы, голубые глаза и необычайная живость делают его весьма привлекательным; он мог бы иметь большой успех у дам при французском дворе.

– Как жаль, что вы растрчиваете свой талант в таком провинциальном городке, как Зальцбург, – сказала она. – Вы не думаете приехать в Париж?

– Ну разумеется, мадемуазель!

– В чем же помеха?
– Я состою на службе у архиепископа.
– Вы бы, несомненно, понравились парижской публике, вы умеете расположить к себе.
– В Париже у меня есть добрый друг, барон Гримм. Вы его знаете?
– Все при дворе знают барона Гримма. Почему бы вам не обратиться к нему за содействием?

Вольфганг призадумался, и в этот момент мадемуазель Женом позвали – граф и графиня Лютцов давали прием в ее честь. Тут Вольфганг вспомнил, что она сделала одно важное упущение. Забыла ему заплатить.

Подошедший Папа спрашивал, как же это получилось.

Но что Вольфганг мог поделаться? Графиня Лютцов не пригласила его на прием. При выходе из мраморного замка Мирабель холод вновь пронзил Вольфганга. Он посмотрел в сторону крепости Гогензальцбург, где комендантом был граф Лютцов. Казалось, до крепости рукой подать, хотя она находилась за несколько миль. Солнце спряталось, серые тучи заволокли небо, стал накрапывать дождь.

– В Зальцбурге вечно идет дождь, – с неприязнью сказал Вольфганг. – Голос Зальцбурга – это шум дождя.

– Верно, – подтвердил Папа. – Тебя это раздражает, Вольфганг?

– Да нет.

Папе хотелось похвалить Вольфганга. Он был очень взволнован и, боясь показаться смешным, не знал, что сказать. У Вольфганга необычайное стремление учиться, совершенствоваться, наверное, отсюда и создается впечатление, будто он родился на свет взрослым.

– Колоредо, кажется, остался доволен, – сказал Леопольд.

– Может быть, он все-таки даст нам отпуск?

– Только прошу вас, не раздражайте его! – воскликнула Мама.

Через неделю Вольфганг получил по почте двадцать гульденов – половину суммы, обещанной мадемуазель Женом. Он готов был примириться с этим, но случайно узнал, что сама пианистка получила от Колоредо сто гульденов. Папа обрадовал его, сказав, что им во что бы то ни стало следует добиваться отпуска.

41

Вскоре Колоредо согласился дать Вольфгангу личную аудиенцию. Папа хотел сопровождать его, но Вольфганг отказался:

– Лучше мне увидаться с ним один на один, А то он думает, что вы вмешиваетесь в мои дела.

– Вмешиваюсь? – Папа оскорбился. – Ты тоже так думаешь?

– Я-то нет. А он может подумать.

Папа поворчал, что это глупо, но сдался, когда Вольфганг согласился передать архиепископу составленное Леопольдом прошение с просьбой предоставить им отпуск для улучшения материального положения. Тон прошения был исполнен кротости и смирения, оно не может не убедить Колоредо, казалось Папе. У Вольфганга, однако, вовсе не было такой уверенности. Архиепископ скорее отпустит его одного – ведь он в конце концов слуга только наполовину, – но Папа непременно хотел поехать вместе с ним. Одно удивляло Вольфганга: зачем Колоредо велел принести партитуру концерта, написанного для мадемуазель Женом?

И еще его немного смущало настойчивое желание Папы, чтобы он надел орден Золотой шпоры, пожалованный ему Клементом XIV. В Риме теперь правил новый папа, и Вольфганг опасался, как бы не прогневить Колоредо. Но Леопольд настаивал: при виде ордена Колоредо, присутствовавший при церемонии награждения в Риме в 1770 году, вспомнит, какой известностью Вольфганг пользовался в Италии. Поэтому сын склонил голову, и

Леопольд надел ему на шею золотой крест на красной шелковой ленте. Чтобы прикрыть орден, Вольфганг накинул плащ; до Резиденции недалеко, карету нанимать не стоило, но кто знает, каким насмешкам подвергнешься, столкнувшись на улицах Зальцбурга с каким-нибудь олухом.

Стоял холодный мартовский день, и Вольфганг поплотнее укутался в плащ. Во дворце от каменных стен и пола на него повеяло холодом. Стены дворца больше походили на крепостные, чем па дворцовые, а полезные решетки на окнах наводили на мысль о тюрьме. Дворец словно навалился на него всей своей тяжестью – равнодушная каменная громада, с места не сдвинешь.

На этот раз Вольфганг был не в настроении пересчитывать ступени, как часто делал прежде. Самая длинная лестница, из всех виденных им, сегодня показалась ему бесконечной. Но лестнице ведь безразлична судьба его музыки, и, поднимаясь по ступеням из красного мрамора, Вольфганг пытался унять дрожь.

Вольфганг направился в Зал карабинеров, расположенный перед самыми покоями архиепископа, где его личная стража круглосуточно несла службу.

Вольфганг нередко бывал здесь, и потому его удивило, когда какой-то чин, а скорее всего, просто лакей, приказал ему убираться.

– Его светлость назначил мне аудиенцию, – пояснил Вольфганг, но лакей-итальянец, презиравший простых смертных – он только что приехал из Рима, где состоял на службе у кардинала, – ответил:

– Я ничего не знаю. Никому не следует находиться здесь без разрешения архиепископа.

– Я Моцарт, музыкант, – сказал Вольфганг, но лакей пожал плечами: музыкантов он тем более ни во что не ставил – и указал на дверь.

– Граф Арко здесь?

– Который из них? – Лакей явно собирался позвать капитана стражи, чтобы прогнать наглого молодого человека.

– Старший граф Арко. Граф Георг. Гофмейстер.

– Он здесь бывает редко. Совсем отошел от дел. Хотите, я позову его сына?

– Нет! – Не станет он унижаться перед Карлом Арко.

– Тогда уходите. Иначе позову стражу.

Вне себя от ярости, Вольфганг стал спускаться по лестнице. Идти было трудно – лестницу застлали досками, чтобы архиепископ мог въезжать наверх прямо в своей карете – привилегия одного лишь архиепископа. И вдруг Вольфганг, все еще кипя от злости, услышал стук копыт на вымощенном камнем дворе, и, прежде чем он успел опомниться, лошади уже вступили на настил и стали взбираться вверх. Захваченный врасплох посередине лестницы, Вольфганг но смел попросить кучера остановиться: сдержать испуганных лошадей на столь крутом подъеме было почти невозможно, к тому же кучер гнал лошадей, стараясь побыстрее одолеть трудное место.

Вольфганг укрылся в нише, больше деваться было некуда. В нише только-только мог уместиться человек – она представляла собой архитектурное украшение, а вовсе не убежище. Но, оставаясь па лестнице, Вольфганг рисковал испачкать одежду, попортить орден Золотой шпоры или партитуру фортепьянного концерта. Он втиснулся в углубление и чуть не вскрикнул от боли – кованая железная решетка врезалась ему в плечо. Но сдержал крик и не двинулся с места, даже когда лошади, почуяв незнакомый запах, прынули от страха и обдали лестницу навозом и мочой. Испуганный, изо всех сил стараясь сохранить присутствие духа, Вольфганг выбрался из ниши, от поспешности чуть не угодив ногой в лошадиный навоз. Только этого мне и недоставало, со злой иронией подумал он. Уже у подножия лестницы его догнал лакей:

– Его светлость хочет вас видеть!

Архиепископ, велевший кучеру остановить карету на верхней площадке лестницы, впери в Вольфганга тяжелый взгляд.

– Что вы здесь делаете, Моцарт? – спросил он. Вольфганг не ответил на взгляд желтых

глаз, но пробормотал:

- Вы обещали мне аудиенцию, ваша светлость. Вот записка.
- Совсем забыл, – сказал Колоредо. Вольфганг молчал.
- Я вас приму, но вначале переоденусь.
- Это займет много времени, ваша светлость?

Лакея привела в ужас подобная смелость – музыкант, видимо, ума лишился, но Колоредо сказал:

- А вы что, торопитесь?
- Не больше, чем вы, ваша светлость.
- Очень хорошо. Тогда ждите.

Вольфганг сел на диван в прихожей Зала карабинеров. Хотелось встать и пройтись, но ему приказали сидеть. Диван был слишком велик и высок, откинувшись на спинку, Вольфганг не доставал ногами до пола; в этом весь Колоредо, со злостью думал он, даже диваны рассчитаны на то, чтобы люди маленького роста чувствовали себя еще меньше, а высокие – еще выше.

Ожидание длилось бесконечно долго. Он не мог даже сочинять, как делал обычно, – гнев и раздражение кипели в нем. Наконец его позвали. При появлении Карла Арко Вольфганг постарался взять себя в руки и держаться с достоинством. В молчании прошли они через Зал карабинеров, Рыцарский зал и Конференцзал, и Вольфганг мечтал об одном: никогда больше не видеть этих комнат. В прихожей перед Аудиенцзалом – самым роскошным залом дворца – Арко остановился и спросил:

- Почему такая спешка? Вольфганг молчал.
- И почему вы в плаще? Может, что-нибудь прячете?
- Мне холодно. Здесь плохо топят.

Придется снять. Никому не позволено появляться в покоях его светлости в таком виде.

- Уверяю вас, у меня нет опасного оружия.
- Как знать. Пока не снимете плащ, я не допущу вас к его светлости.

Вольфганг, не торопясь и стараясь не показать раздражения, снял плащ.

Секунду Арко молчал. Потом вдруг рассмеялся:

– В этом жилете вы великолепны. А это что за крест? Разве вам не известно, что только дворяне имеют право носить ордена в присутствии его светлости?

– Это не орден, а папское благословение. Когда я был в Риме, Климент XIV сделал меня кавалером ордена Золотой шпоры. За мою музыку.

– Кавалер Золотой шпоры, – издевался Арко. – И сколько это вам стоило?

У Вольфганга перехватило дыхание, он не мог вымолвить ни слова.

– Пять гульденов? А разрешение носить его есть? И сколько вы за него заплатили? – Заметив, что Вольфганг вот-вот выйдет из себя, Арко с насмешкой сказал: – Успокойтесь, может, хотите табачку? Возьмите щепотку. Или кавалеру сие не пристало?

– Я просил аудиенции у его светлости, в ваших же замечаниях не нуждаюсь.

– А вам бы только пошли на пользу мои советы.

– Какое отношение они имеют к аудиенции?

– Вы слишком молоды, Моцарт, но ничего, жизнь еще вас научит. Воображаете, у архиепископа только и дела, что думать о вас?

– Нет, конечно! Что вы хотите сказать мне, граф Арко?

– Его светлость недавно узнал, что император Иосиф II остановится в Зальцбурге по пути в Париж, где его ждет Людовик XVI. Баварский курфюрст тяжело болен, и ходят слухи, – что Иосиф хочет после его смерти захватить Баварию, для чего и пытается заручиться поддержкой французского короля. Если он захватит Баварию, мы окажемся в сердце Австрийской империи. У него может появиться затем желание захватить и нас.

– И архиепископ обеспокоен?

– А вам хотелось бы стать частью Габсбургской империи?

Да, подумал Вольфганг, Иосиф II, по крайней мере, любит музыку. Но выскажи он это

вслух, его бы сочли изменником. Поэтому, приняв огорченный вид, он озабоченно спросил:

– И тогда его светлость не будет больше князем-архиепископом?

– Понимаете, почему надо особенно осторожно держаться с его светлостью?

– Да, благодарю вас, граф! Можно теперь увидеть его светлость?

Арко приказал лакею провести Моцарта в зал; Вольфганг, не обращая внимания на лакея и находившегося тут же камердинера, направился прямо к архиепископу, сидевшему за письменным столом, и поклонился.

Колоредо удивился, но писать перестал – он был занят составлением письма Иосифу II, в котором заверял императора, что сочтет его посещение за честь, хотя на самом деле мечтал избавиться от этой чести, – и спросил:

– Ну, Моцарт, говорите, что вам нужно?

Каковы бы ни были причины, двигавшие Арко, отмахиваться от его предупреждений не стоило; Вольфганг понимал, что ему следует держаться почтительно, но жажда свободы пересиливала, и он без всяких колебаний сказал:

– Мне нужна помощь, ваша светлость!

– Чтобы сочинять музыку? – Колоредо улыбнулся собственной шутке, а вместе с ним его камердинер, лакей, и граф Арко.

Один лишь Вольфганг остался серьезным.

– Чтобы улучшить мое положение, ваша светлость, – сказал он. – Об этом говорится в прошении.

Колоредо взял прошение, подумав: «Какие ужасные манеры!» Он не согласился бы дать этому наглецу аудиенцию, если бы не приезд Иосифа – придется заказать для него что-нибудь, поскольку Габсбурги благоволили к Моцартам, и император, кроме того, воображал себя знатоком музыки. Не читая прошения, Колоредо приказал:

– Изложите ваше дело.

– Это касается отпуска, ваша светлость, прошу вас рассмотреть прошение. Я мало зарабатываю. И не могу жить на свое жалованье.

– Вы были ребенком, когда я назначил вас концертмейстером. Да и сейчас еще слишком молоды.

– Ваша светлость, ребенком я зарабатывал достаточно. Концертное турне помогло бы мне заработать немало.

– Вы принесли ноты фортепьянного концерта?

– Да, ваша светлость.

– Дайте!

Вольфганг неохотно подал партитуру Колоредо.

– Что это значит? Вы посвятили его мадемуазель Женом?

– Она же заплатила за него, ваша светлость.

– Но вы сочинили концерт, находясь у меня на службе.

– Ваша светлость, я не могу отказываться от заказов. Не могу сидеть на шее у отца, я должен сам зарабатывать.

– Ваше сочинение следовало бы уничтожить. – Колоредо сделал вид, будто собирается порвать ноты и швырнуть в камин, и Вольфганг в ужасе подался вперед, чтобы остановить Колоредо, пусть даже силой, хотя это могло стоить ему жизни – персона князя-архиепископа считалась неприкосновенной.

Граф Арко преградил ему путь, шепнув:

– Ради бога, не злите его больше.

Вольфганг отступил назад, ведь Колоредо при желании может бросить его в темницу крепости Гогензальцбург, такую тесную, что там невозможно ни сесть, ни лечь, и узник выходил оттуда горбуном, если вообще выходил.

С трудом овладев собой, Вольфганг сказал:

– Если вашей светлости нравится мой фортепьянный концерт, я сочту за честь сочинить для вас новый.

– Но этот вы мне не отдадите?

– Ваша светлость, я обещал его мадемуазель Женом. Их взгляды встретились; Вольфганг не опустил глаз, и Колоредо, по-видимому, решил не настаивать. Дорого досталась мне эта победа, подумал Вольфганг, когда архиепископ отдал ему ноты со словами:

– В следующий раз не ждите от меня снисходительности.

Вольфганга словно вернули к жизни. Он прижал к груди дорогую ему партитуру концерта и тут же дал себе клятву немедленно отнести ее к переписчику, пусть даже придется потратить все полученные от мадемуазель Женом деньги.

– Благодарю вас, ваша светлость!

– Многие музыканты готовы служить мне лучше вас, Моцарт.

– Значит, вы не возражаете дать мне отпуск, ваша светлость?

– Из-за музыки вы совсем потеряли рассудок, – презрительно заметил Колоредо.

– Ваша светлость, умоляю вас рассмотреть мое прошение.

– Я его уже рассмотрел.

– Вы его даже не прочли! – воскликнул Вольфганг.

– И не надо, – высокомерно объявил Колоредо. – Я знаю, о чем там говорится.

– Значит, ваша светлость, вы разрешаете...

– Я вам разрешаю подготовить застольную музыку к приезду в Зальцбург его величества Иосифа II.

– А может быть, фортепьянный концерт, ваша светлость? – не удержался Вольфганг.

– Кто же его исполнит?

– Я!

– Нет! Вам не хватает блеска в игре. Сочините-ка лучше несколько коротких и простых дивертисментов. Нам предстоит многое обсудить с императором, музыка не должна быть слишком громкой.

– Значит, мы с отцом можем получить отпуск, ваша светлость? – настаивал Вольфганг.

– Ваш отец, по-видимому, вообразил себя импресарио.

– Ему прекрасно удавалась эта роль, когда мы с ним ездили в турне, ваша светлость.

– Вы тогда были ребенком. Диковинкой. С тех пор многое переменялось. Вы мне плохо служите, но я не могу позволить моим музыкантам бродить по свету, как нищим.

– Ваша светлость, три года назад, когда мы просили вашего позволения посетить Вену, вы сказали: тут мне надеяться не на что, лучше поискать счастья в другом месте.

– Верно. Но отпуска вы все-таки не получите. – Не читая, Колоредо отложил в сторону прошение. – И больше не являйтесь ко мне с этим крестом на шее. Вы не дворянин, и самый благожелательный папа римский в дворяне вас не произведет.

42

Два дивертисмента, сочиненные Вольфгангом для Иосифа II, так и не дождалось исполнения. Император приехал в Зальцбург инкогнито, в его честь не устраивалось никаких приемов, а следовательно, не было и музыки. Вольфганга не пригласили на закрытый прием в честь императора, и он несколько огорчился; гостями на приеме оказались одни дворяне. Шло много толков о том, собирается ли император действительно захватить Баварию и Зальцбург, но, поскольку ничего не произошло, постепенно внимание всех переключилось на другое.

С наступлением лета вопросами первостепенной важности стало: кого Колоредо пригласил на охоту, кого – на обед, что там подавали и кто выпил лишнего. Немалое значение придавалось также состоянию желудка и подагре архиепископа, так как при обострении его болезней страдал не он один. Вздуродило город и поведение Михаэля Гайдна: играя на органе во время торжественной мессы, которую служил сам архиепископ, он столько раз ударил невпопад по клавишам, что все поняли – перед службой Гайдн выпил

целую бутылку вина. Но на положении музыканта это никак не сказалось, и мало-помалу разговоры смолкли. Затем распространилась молва о беременности любовницы Брунетти, и все ломали голову над тем, как отнесется к этому факту Колоредо; когда же тот предпочел посмотреть и на это сквозь пальцы, интерес к событию упал.

Вольфганг задыхался в смрадном мирке Зальцбурга, желание покинуть город стало непреодолимым. Как-то вечером за обедом он с несвойственным ему жаром объявил:

– Я должен уволиться со службы у Муфтия, – шаг, куда более серьезный, чем просьба об отпуске, и Вольфганг ожидал протеста со стороны Папы.

Но Папа, помолчав, сказал:

– Твои чувства понятны, однако сначала следует все хорошенько взвесить.

– Не могу я больше ждать. Я старался сохранять терпение, но ведь вы сами знаете, как недолговечна мирская слава.

– И все же оба мы уволиться не можем – на что тогда жить?

– Я могу взять еще несколько уроков, – предложила Наннерль.

– Это поможет, но отнюдь не решит вопроса, – ответил Папа.

– Будем жить экономнее. Я могу сама готовить и убирать, – сказала Мама.

– Все мы проявляем удивительное благородство, а не лучше ли подойти к вопросу трезво и благоразумно, – сказал Папа. Он сознавал: если Вольфганг оставит службу у архиепископа, им придет конец.

Но Вольфганг упорствовал. Он еле сдерживался от раздражения.

– Мне никогда не удастся сочинить тут оперу. А ведь я – оперный композитор и не могу зарывать в землю талант, которым все милостивейшему господа было угодно меня одарить. Во мне говорит вовсе не тщеславие, просто я отчетливо, как никогда раньше, сознаю это.

– Верно, но ведь нельзя же бродяжить по свету. Нужно все подготовить. Если тебе удастся освободиться от Муфтия, а мне он предоставит отпуск, мы подыщем такое место, где ты сможешь развивать твой талант, зарабатывать достаточно денег на приличную жизнь и строить планы на будущее.

– Чудесно! – воскликнул Вольфганг. – Значит, давайте снова обратимся к архиепископу!

В голосе сына было столько горечи, что тщательно подавляемые воспоминания о годах вынужденного повиновения и раболепия всколыхнулись вдруг в душе Леопольда, и он чуть не заплакал от обиды. Архиепископа Шраттенбаха можно было назвать великодушным лишь по сравнению с Колоредо, подумал он. Чтобы отрезать себе путь к отступлению, Леопольд торопливо написал прошение об увольнении Вольфганга. Если прошение примут, он поедет с сыном и не оставит его, пока Вольфганг не найдет подходящего прибежища для своего таланта.

На этот раз Моцарты подали прошение через гофмейстера, графа Георга Арко, который по-прежнему благоволил к ним.

На прошение, поданное 1 августа, спустя месяц все еще не было ответа, и Леопольд с Вольфгангом начали беспокоиться. Но 28 августа их обоих уволили со службы.

Вольфганг ликовал, а Леопольд совсем пал духом. Деньги, заработанные во время поездки по Европе, были истрачены, и теперь, лишившись места в Зальцбурге, куда он мог бы вернуться в случае неудачи, Леопольд оказался в полной растерянности. Он не хотел поверить, что с ним так легко расстались после тридцати семи лет службы. И готов уже был просить Колоредо о восстановлении на службе, когда от архиепископа пришел следующий указ:

«Его светлость пересмотрел свое первоначальное решение и милостиво повелевает Леопольду Моцарту, при условии, что он берется усердно исполнять свои обязанности в капелле, вернуться на прежнюю должность без изменения в жалованье».

Как выяснилось, причиной тому явилась неспособность Фишетти и Лолли справляться

со своими обязанностями. Капелла просто не смогла обойтись без Леопольда.

Но тут возникло новое осложнение. Леопольд не решался отпустить сына одного.

– Ты же не сумеешь договариваться насчет лошадей и представления не имеешь, как разрешать трудности, возникающие в дороге на каждом шагу, – сказал он.

И тогда Леопольду пришлось принять одно из самых мучительных в его жизни решений: с Вольфгангом поедет Анна Мария.

Анна Мария не хотела ехать. Она боялась, что это путешествие в Мюнхен, Аугсбург, Мангейм и Париж окажется трудным и опасным; она будет скучать без близких и друзей, да и как ей обойтись без Леопольда?

Однако муж оставался неумолим, иного выхода он не видел.

Приготовления к отъезду вконец измучили всю семью. Дел было множество; и еще больше мрачных предчувствий. Наннерль вела себя так, словно навеки расставалась с Мамой и Вольфгангом, а Леопольда больше всего беспокоил денежный вопрос. Денег на поездку не доставало, а просить займы не хотелось. Самая мысль о подобной просьбе приводила его в ужас. Поэтому его тронуло до глубины души, когда Шахтнер одолжил им пятьдесят, а Буллингер – триста гульденов. Как и прежде, сто гульденов дал займы Хагенауэр, но на это Леопольд рассчитывал; священник же предложил на поездку почти все свои сбережения.

23 сентября они тронулись в путь. Леопольд рассчитал так: Вольфганг с Анной Марией, выехав на рассвете, проведут весь день в пути и на завтра, если все сойдет благополучно, достигнут Мюнхена. Накануне отъезда никто не спал. Леопольд занялся укладкой вещей. Анну Марию от волнения все время мутило, Наннерль мучилась сильнейшей мигренью, а Вольфганг, отбиравший сочинения, которые он хотел взять с собой, не мог усидеть на месте.

Вольфганг и Анна Мария уже устроились в нанятой Леопольдом карете, и Леопольд тщательно проверял, все ли надежно упаковано и привязано; чтобы скрыть тревогу, он без умолку давал им наставления:

– Выезжайте всегда спозаранку, ночью ехать опасно, перед выездом внимательно осматривайте карету, особенно колеса. Если нет дождя, проследите, чтобы колеса облили водой. И никому не рассказывайте на постоялом дворе, куда и когда едете. Помните, в первую очередь необходимо заработать деньги, не забывайте об этом ни на минуту. А ты, Вольфганг, не бросай латыни и, если потребуется, не отказывайся играть на скрипке – тебе пригодится любой заработок. В Мюнхене и Мангейме любят музыку, и если ты сумеешь там устроиться, то и слава богу, но помни: настоящие деньги и имя можно сделать только в Париже, однако и расходы там велики: сколько денег уходит на свечи, на дрова, на портных, на вино...

– Что верно, то верно, – прервала его Анна Мария, с трудом удерживаясь от слез, – только смерть ничего не стоит, да и это не совсем так.

Потрясенный таким взрывом отчаяния, Леопольд хотел как-то утешить жену, но тут громко залаял Бимперль, заглушая последние слова прощания. Карета двинулась; все сдерживались из последних сил, боясь сделать расставание невыносимым.

Усталый, подавленный Леопольд поднялся к себе в комнату и бросился на кровать. Он мужественно держался весь день и вдруг вспомнил, что в суете забыл дать сыну родительское благословение. Подбежав к окну, он хотел издали благословить сына и жену, но опоздал – дорога, ведущая к городским воротам, была пуста. Долго сидел он, не шелохнувшись. Наннерль рыдала в соседней комнате, и Леопольд пошел ее утешать. Она никак не могла успокоиться, и наконец он уложил ее в постель. Он лег и сам, но, несмотря на усталость и упадок сил, уснуть не смог. «Самый печальный день в моей жизни», – подумал Леопольд и прочел утреннюю молитву.

Вольфганг не помнил себя от радости. В ушах звучали напутственные слова Папы: «Если ты завоеешь положение в Париже, в Мангейме или в Мюнхене, я буду самым счастливым человеком на земле».

И еще Папа сказал: «Путешествие – дело серьезное, старайся не терять ни минуты», – и

повторил свои наставления на тему о высокой нравственности, осторожности и экономии, а когда карета отъезжала, Папа зашелся в нервном кашле. Слезы навернулись на глаза, но тут Вольфганг увидел, что Анна Мария плачет навзрыд. Теперь ведь он глава семьи, вспомнилось Вольфгангу, надо как-то развеять Мамину тоску.

– Тебе обязательно понравится Мюнхен, – сказал он. – Там очень хорошо приняли «Мнимую садовницу».

– Так я же знаю этот город, бывала там, – ответила Анна Мария.

– Ну, разумеется!

Глупо бояться. Ничто не могло охладить его восторга. Вольфганг твердо верил: теперь-то он достигнет в музыке всего, с честью выдержит любое испытание. Вне Зальцбурга жизнь казалась ему прекрасной.

Часть шестая. В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

43

В Мюнхене Вольфганг и Анна Мария сняли номер в гостинице «Черный орел» у господина Альберта. Он радостно принял их и, узнав, что Вольфганг оставил службу у архиепископа, предсказал ему великое будущее в музыкальном городе Мюнхене.

Но когда на следующее утро Вольфганг явился с визитом к графу Цейлю, оказалось, что театральный директор отправился с курфюрстом на охоту. Памятуя наказ Папы, Вольфганг проявил настойчивость, и через несколько дней граф Цейль принял его. И хотя Вольфганг, освободившись от Колоредо, готов был служить в Мюнхене, граф Цейль не мог обещать ему аудиенции у курфюрста.

Вольфганг рассказал об этой неудаче своему приятелю, виолончелисту мюнхенского оркестра Францу Вошитке, и тот взялся помочь.

– Я устрою тебе аудиенцию у Максимилиана, – сказал он.

Но когда они направлялись ко дворцу курфюрста, Вольфганг начал сомневаться в разумности подобной затеи. Вошитка объяснил: аудиенция будет неофициальной, для официальной слишком рано, всего девять часов утра, и Вольфганг заподозрил неладное. Вошитка привел его в крошечную проходную комнатку и сказал:

– В десять часов его высочество пройдет здесь по пути в церковь перед охотой.

Вольфганг совсем пал духом.

– Обратиться к нему прямо тут?

– Лучше не придумаешь. Тут он от тебя не ускользнет.

С тех пор как курфюрст в последний раз видел Вольфганга, прошло несколько лет, но он тотчас узнал юношу, подошел и спросил:

– Что вы хотите, Моцарт?

Максимилиан был в охотничьем костюме, он излучал здоровье и приветливость и отнюдь не походил на человека обреченного или на правителя, чья страна находилась в опасности, и Вольфганг, опустившись перед ним на колени, сказал:

– Позвольте, ваше высочество, предложить вам свои услуги.

– Вы что, навсегда покинули Зальцбург?

– Навсегда, ваше высочество.

– Что же произошло? Поссорились с архиепископом?

– Нет, ваше высочество. Я попросил разрешения совершить турне, он отказал, и мне пришлось уйти со службы. Я уже давно собирался просить об увольнении, ибо хорошо знаю, что зальцбургский двор не для меня.

– Господи, вот что значит молодость! А разве ваш отец не в Зальцбурге?

– Он там, ваше высочество, смиренно просит засвидетельствовать вам свое почтение и надеется, что вы возьмете меня на службу. Я слышал, вы нуждаетесь в хорошем

композиторе.

– Не слишком ли вы спешите? Вам следует повидать свет, посетить Италию, набраться опыта.

– Ваше высочество, я сочинил в Италии три оперы, я член и почетный капельмейстер Болонской и Веронской академий, самых знаменитых в Италии музыкальных школ. Дипломы у меня с собой. Я удостоился милостей и папы Клементя XIV, и падре Мартини, однако мое единственное желание – служить вашему высочеству.

Курфюрст не обратил внимания на дипломы, протягиваемые ему Вольфгангом.

– Ну, а что вы еще умеете делать? – проговорил он.

– Ваше высочество, созовите всех мюнхенских композиторов или пригласите кого угодно из Италии, Германии, Франции, и я готов состязаться с любым из них.

– Вы уже предлагали где-нибудь свои услуги?

– Нет, ваше высочество, – с надеждой сказал Вольфганг.

Курфюрст замолчал, словно задумался, но, вспомнив, что опаздывает на охоту, неожиданно сурово отрезал:

– Сейчас не время говорить об этом.

– Ваше высочество, вы сами убедитесь, что я могу служить любому европейскому двору.

– Не сомневаюсь, молодой человек, да только места у меня нет.

– Ваше высочество, позвольте мне сыграть для вас.

– Я уже слышал вашу игру.

Максимилиан и не представляет себе, на что я способен, с обидой думал Вольфганг, нет, этих властителей ни в чем не убедить, если они сами не желают в чем-то убедиться, однако вслух сказал:

– Ваше высочество, я постараюсь прославить ваш двор.

– Очень сожалею, но, как я уже сказал... – Курфюрст раздраженно удалился, задержка означала запоздание с охотой, поскольку при всем желании мессу он пропустить не мог. Свита последовала за ним, и Вольфганг остался в одиночестве.

Сразу после мессы курфюрст и его двор отбыли на охоту, и, когда возвратятся в Мюнхен, никто не знал. Но едва Вольфганг оправился после этого удара, как его природная стойкость вновь восторжествовала. Альберт придумал для него новый план, как ему остаться в Мюнхене, и, хотя Мама считала этот план неосуществимым, Вольфганг за него ухватился. «У господина Альберта возникла весьма разумная идея, – писал он Папе, – он подыщет десять любителей музыки, каждый из которых беретса платить мне пять гульденов в месяц, а я взамен буду выполнять любой их музыкальный заказ. Это составит шестьсот гульденов в год, и, живя один, я сумею как-нибудь перебиться на эту сумму.

Я постараюсь быть бережливым. Пропитание не обойдется мне дорого – меня часто приглашают в гости, когда же приглашений нет, господин Альберт всегда рад угостить меня обедом. Ем я мало, а после обеда съедаю что-нибудь из фруктов и выпиваю рюмочку вина. А деньги на квартиру я всегда сумею заработать уроками.

Папа, я хочу остаться в Мюнхене. Здесь есть опера. Даже когда двор выезжает, оперу все равно часто ставят. У меня такое желание вновь сочинить оперу, что я с трудом сдерживаюсь. Это моя величайшая страсть, приносящая мне радость. Без мыслей об опере я не могу жить, не могу не посещать оперный театр, не слушать, как музыканты настраивают свои инструменты – все это бесконечно волнует меня».

Вольфганг не сомневался, что Папа разрешит ему остаться, и с нетерпением ждал ответа. Ответ скоро пришел. «Я уверен, что Альберт твой добрый друг, но кто эти твои будущие покровители? На самом деле любители музыки или просто филантропы? Возможно, ты сумеешь сам содержать себя в Мюнхене, но какая в этом честь? Представляю, как известие об этом развеселит архиепископа! Таким делом ты можешь заниматься повсюду, не только в Мюнхене. Не следует себя недооценивать и размениваться на мелочи. В этом нет нужды: мы еще не дошли до подобной крайности. Ты должен немедля

отправляться в Аугсбург, потому что, несмотря на все проявления дружбы и похвалы, ты только растрачиваешь даром время и деньги, а наших запасов ненадолго хватит. Ваш любящий отец и муж».

На следующий день Вольфганг и Анна Мария выехали в Аугсбург.

Они не роптали, привыкнув к тому, что за Леопольдом всегда было решающее слово. Желая доказать свое послушание, Вольфганг во всем последовал совету Папы. По приезде в Аугсбург он снял комнаты в лучшей гостинице, навестил любимого Папиного брата Франца Алоиза и попросил представить его бургомистру Лангенмантелю и известному клавесинному мастеру Андреасу Штейну.

Франц Алоиз, уже много лет не видевшийся с ними, отнесся к Вольфгангу и Анне Марии как к самым почетным гостям и с готовностью согласился выполнить любую просьбу Леопольда. Его жена, Мария Виктория, простая и приветливая, и их девятнадцатилетняя дочь Мария Текла, которую Вольфганг называл Безль, приняли их по-родственному.

Полненькая, круглолицая Безль, с пухлым ртом и пышными бедрами и грудью, была олицетворением молодой, здоровой жизнерадостности, и Вольфганга тянуло к ней. Ему нравились ее острый язык и неизменное чувство юмора. Безль сообщила ему, что Аугсбург – лютеранский город, хотя сами они католики. Вольфганг ответил:

– Все равно мне придется целовать им задницу, – И Безль громко расхохоталась.

Они придумали условный язык специально, чтобы передразнивать чванливых и надутых бюргеров, и дружба о Безль приятно возбуждала Вольфганга. С ней было просто, она позволяла себя погладить, ущипнуть за мягкое место, дотронуться до груди – и в ответ только хихикала. Все шло легко, без всяких сложностей, он вовсе не был влюблен, но Безль давала ему то, в чем он так нуждался, – женское кокетство; с ней было интересно, забавно испытывать, как далеко она позволит зайти, говорить самые ужасные вещи, которые она выслушивала с невозмутимой улыбкой. Они прекрасно понимали друг друга. У них создался свой собственный мир, полный шуток, многозначительных взглядов, подталкиваний в бок и откровенных признаний, и они чувствовали себя в этом мире прекрасно. Им было легко и весело вместе.

На другой день после приезда Франц Алоиз представил Вольфганга Якобу Лангенмантелю. Вольфганг засвидетельствовал ему от имени Леопольда почтение, хотя бургомистр отнюдь не вызвал у него почтительных чувств – спесивый бюргер знатного рода в чересчур напудренном белом парике.

Лангенмантель, самый видный гражданин Аугсбурга, помнил Леопольда смолodu и знал о славе Вольфганга. Он приказал Францу Алоизу подождать в приемной и попросил Вольфганга сыграть для него.

Вольфганга разозлило пренебрежительное отношение бургомистра к его дяде, и при других условиях он отказал бы Лангенмантелю.

Но Папа предупреждал, что с такими влиятельными людьми следует быть любезным, поэтому Вольфганг поблагодарил Франца Алоиза за то, что тот познакомил его с сановником, и предложил не ждать – никто не знал, как долго затянется концерт. Исполнив несколько вещей на клавесине Лангенмантеля, Вольфганг извинился, на сегодня у него назначен еще визит к Андреасу Штейну. На бургомистра произвела впечатление игра юноши. Сын Лангенмантеля вызвался проводить Вольфганга до дома Штейна.

По пути Вольфганг попросил сына бургомистра, коренастого молодого человека с короткой толстой шеей и большой, как у отца, головой:

– Не говорите господину Штейну, кто я. Посмотрим, сумеет ли он отличить виртуоза от простого музыканта.

Молодой Лангенмантель согласился.

– Вот будет здорово, если вы надуете его. – Но, представляя Вольфганга Штейну, произнес: – Имею честь представить вам виртуоза-клавесиниста. – И громко захохотал.

Ну и осел, подумал Вольфганг.

– Я всего-навсего скромный ученик господина Зигля из Мюнхена, – сказал он, –

господин Зигль просил передать вам привет.

Пятидесятилетний Андреас Штейн ответил:

– Но вы похожи на господина Моцарта!

– Ну что вы! Мое имя Трацом. – То есть Моцарт, прочтенное справа налево. – Могу я попробовать какое-нибудь из ваших фортепьяно?

– Вы когда-нибудь играли на моих инструментах прежде?

– Нет!

– Тогда вам будет нелегко. У меня не совсем обычные инструменты.

– Обещаю не повредить клавиатуру.

Штейн отворил дверь склада, Вольфганг тут же бросился к фортепьяно и заиграл одну из своих сонат.

Молодой Лангенмантель молчал, а Штейн восхищался. Руки пианиста невелики, думал он, но их движения легки и изящны, а звук поражает нежностью и в то же время силой. И музыка так поэтична. Вольфганг кончил играть, и Штейн обнял его.

– Вы – господин Моцарт! Как это я сразу не догадался! Кто еще играет с подобной выразительностью!

– Это благодаря вашему фортепьяно. Никогда я не играл на столь прекрасном инструменте!

– Не хотите ли дать концерт для именитых граждан города? – предложил Лангенмантель.

– Как вам будет угодно.

– Приходите к нам завтра, и мы это обсудим.

Вольфганг засыпал Штейна вопросами. Фортепьяно привело его в восторг. Он подробно написал о нем Папе: «Я хочу безотлагательно рассказать Вам о фортепьяно Штейна. До этого я считал лучшими фортепьяно Спата, но теперь предпочитаю штейновские. Когда играешь forte, то вне зависимости от того, снимаешь ли или оставляешь пальцы на клавишах, звук не дребезжит, не делается сильнее или слабее и не исчезает, а остается ровным и неизменным. Штейн не продаст инструмент меньше чем за триста гульденов, да и то сказать, труд и мастерство, которые он вкладывает в них, неоценимы. Его фортепьяно имеют еще одно преимущество перед другими – у них есть модулятор. Это очень редкая вещь, и разве что один фортепьянный мастер из сотни утруждает себя этим, но без модулятора нельзя избежать дребезжания или искажения звука, а также призвука. Но если ударяешь по клавише штейновского фортепьяно, молоточек, ударив в свою очередь по струне, тотчас же возвращается обратно, даже если продолжаешь держать клавишу. Я сыграл на его фортепьяно одну из моих сонат, и она прозвучала превосходно, звуки лились, как масло».

Вольфганг ликовал, ему не терпелось играть и для Лангенмантеля – у бургомистра было штейновское фортепьяно, к тому же Папу это обрадует. На следующий день он пришел к бургомистру, но тот сказал:

– Прежде чем принять решение, я хочу вас послушать. Вольфгангу это не понравилось, но приходилось держаться любезно и с достоинством, и он ответил:

– Как вам будет угодно.

– Приходите завтра. Пришлите ноты сочинений, которые вы хотите исполнить, я посмотрю, подходят ли они для наших любителей музыки, и тогда вы сможете выступить о аугсбургским оркестром.

– В качестве испытания?

– Проверить, получится ли у вас что-нибудь с ними, И оденьтесь понаряднее.

Анна Мария уговорила Вольфганга надеть орден Золотой шпоры. Он сделал это неохотно, вспомнив насмешки Карла Арко. Но с начищенной, сверкающей на боку шпагой – совсем как у придворного – он сам себе понравился.

Бургомистр холодно поздоровался с Вольфгангом и объявил:

– Концерт не состоится. Именитые граждане уведомили меня, что они не настолько

богаты, чтобы платить такому виртуозу, как вы. – Однако молодой Лангенмантель настаивал: пусть Вольфганг сыграет с оркестром, который он собрал, и Вольфганг уступил. Музыканты играли плохо, но Лангенмантель похвалился:

– У нас хороший оркестр, не правда ли?

– Мне приходилось слышать и хуже, – ответил Вольфганг. Правда, не часто, подумал он про себя.

И вдруг сын бургомистра сказал:

– Я тоже хотел бы купить себе такой крестик. Сколько вы заплатили за ваш, Моцарт?

Вольфганг промолчал.

– Не одолжите ли ваш крест? – насмешливо продолжал Лангенмантель. – Я дам его ювелиру определить, сколько он стоит. Баварский талер, наверное, а то и меньше, может, он вовсе и не золотой, а медный.

Вольфганг пришел в бешенство, но спокойно ответил:

– Вы снова ошиблись. Это жесть.

– Значит, мне не следует брать вашу «шпору», чтобы определить ее стоимость?

– Конечно, не следует. Точно такая шпора застряла у вас в голове.

– Скажите, а ваша собака тоже носит такое украшение?

– Что вы! Ненужные мы отдаем нашим свиньям. Позвольте мне мою шпагу.

Лангенмантель побледнел, но приказал слуге принести шпагу.

Вольфганг схватил шпагу так, словно собирался пустить в ход, он вполне способен был сейчас прикончить решившего поглумиться над ним патриция. Но тут же вспомнил, что он не дворянин, ему не положено пользоваться шпагой – и так он превысил свои права, надев ее, а если посмеет ею воспользоваться, то темницы не миновать. Без дальнейших слов он пристегнул шпагу. Но в дверях все же обернулся и сказал Лангенмантелю:

– Вы – свинья! Обыкновенная жирная свинья! Прощайте!

После этого случая Вольфганг хотел немедленно покинуть Аугсбург.

– Я сожалею, что приехал сюда, – сказал он Штейну, к которому успел привязаться. – Подумать только, в родном городе моего отца мне пришлось подвергнуться такому обращению. Какой смысл устраивать концерты для подобных олухов?

– Аугсбург покроет себя несмываемым позором, если один из его талантливейших уроженцев не даст здесь концерта, – ответил Штейн. – Я добьюсь извинения.

Штейн сдержал слово. Он не только добился извинения от молодого Лангенмантеля, но к Вольфгангу обратились с просьбой выступить перед именитыми гражданами города Аугсбурга и перед прочими любителями музыки.

Вольфганг немного успокоился, тем более что смог провести еще какое-то время в обществе Безль. Безль охотно показывала ему город, и они дружно потешались над всем и вся.

Концерт для именитых граждан состоялся в Гешлехтерштубе. После концерта Вольфгангу вручили всего два дуката с извинением, что и это для них дороговато, и он пришел в негодование.

Совсем другой дух царил на концерте, устроенном Штейном. Андреас снял концертный зал Фуггера, лучший зал в Аугсбурге, назначил плату – гульден за место – и попросил Вольфганга надеть папский орден. Этот орден – большая честь, уверял Штейн. Он всюду расхваливал концерт и подобрал первоклассных музыкантов, чтобы аккомпанировать «кавалеру Моцарту».

Вольфгангу горячо аплодировали, и он остался доволен: ему заплатили девяносто гульденов, но Мама, которая теперь вела их дела, сказала: не стоит обольщаться.

– Зал и оркестр нам, правда, ничего не стоили, но расходов оказалось немало. Аугсбург обошелся нам в двадцать пять с лишним гульденов.

– Не так уж плохо, – заметил Вольфганг. – Значит, мы почти полностью покрыли наши расходы.

– Да, но Папа велел зарабатывать, а не тратить деньги.

– Значит, теперь вы наш казначей?
– Кому-то быть придется, Вольфганг. Запомни, бедность – не такая уж добродетель.
– Поэтому я рад, что мы отсюда уезжаем. Знаете, Мама, мне снова хотелось бы жить в городе, где есть двор.

Вольфганг был так нежен, что Мама не могла ему больше выговаривать. А он терпеть не мог споров – от них болела голова. Но когда они готовились к отъезду в Мангейм, Анна Мария не раз пожалела, что сын ее такой непрактичный. Говорить, что все невзгоды путешествия тебе нипочем, – одно дело, а вот справляться с этими невзгодами сложнее. Анна Мария вздохнула: хорошо бы Леопольд был сейчас с ними. Не напусти она Вольфгангу, он позабыл бы в Мюнхене все свои дипломы.

Вольфгангу было жаль расставаться лишь с Безль. При прощании кузина с силой сжала его в объятиях, и он перепугался – уж не переломила ли она ему хребет? Хорошо еще, никто не заметил, бог знает, что бы подумали.

44

В Мангейме музыка звучала повсюду. Моцарты приехали в столицу княжества, и Вольфганг снял комнату в гостинице на Пфальцишер Гоф, поблизости от дворца курфюрста и квартала, облюбованного музыкантами. На другой день Даннер, скрипач знаменитого мангеймского оркестра, пригласил его на репетицию – познакомиться с оркестрантами и оценить их игру.

Мама осталась недовольна комнатой – в мансарде, тесная и холодная. Анна Мария сильно замерзла во время долгого, утомительного путешествия в карсте и никак не могла согреться, и Вольфгангу пришлось утешать ее: это лишь временная квартира.

Он повторил Папины слова: «В Мангейме самый музыкальный в Германии двор, изысканностью вкуса и авторитетом он уступает разве только Парижу. Курфюрст тратит на музыку гораздо больше денег, чем другие немецкие правители, и его оркестр считается лучшим в Европе. Если ты с умом используешь свои возможности, то получишь там место».

Мама сделала вид, что согласна с Папой, подкинула дров в печь и сказала, что ей надо распаковывать вещи, а ему не следует заставлять ждать господина Даннера.

По пути на репетицию Вольфганг сразу подружился со скрипачом – им казалось, что они знакомы уже много лет. Репетиция еще не началась, музыканты, по-видимому, дожидались Вольфганга. Даннер знакомил его с ними по очереди, в соответствии с их рангом. Он называл музыкантов, а Вольфганг чувствовал на себе их оценивающие взгляды: Христиан Каннабих, капельмейстер и дирижер оркестра, в сорок семь лет считавшийся самым выдающимся музыкантом в Мангейме; аббат Фоглер – двадцатидевятилетний вице-капельмейстер, придворный композитор, педагог, необычайно одаренный, баловень Мангейма; Антон Рааф, великий тенор, карьера которого близилась к закату – ему было уже около шестидесяти; Йоганн Вендлинг, известный всей Европе флейтист и, несмотря на свои пятьдесят пять лет, все еще представительный мужчина; молодой Фридрих Рамм, искусный гобоист, и еще несколько музыкантов, чьи имена Вольфганг не запомнил. Большинство музыкантов – те, которые знали о нем, – были вежливы и почтительны, но несколько человек, не слышавшие, по-видимому, никогда его имени, снисходительно его разглядывали, и Вольфганг думал: «Ну, подождите, вы считаете, раз я молод и мал ростом, значит, не способен ни на что серьезное, но я вам докажу».

Оркестр начал репетировать ораторию Фоглера; музыка вице-капельмейстера показалась Вольфгангу чересчур высокопарной. Однако Фоглер был фаворитом курфюрста Карла Теодора. Затем прославленный Рааф пропел арию, причем так пыжился, что Вольфганг с трудом удерживался от смеха. Но ему понравился оркестр и как им дирижирует Каннабих. Такого исполнения он еще не слышал.

Как великолепно прозвучат в исполнении этого оркестра его симфонии! Будь в его распоряжении оркестр с такими возможностями, какие бы симфонии он написал! Только для

такого вот оркестра ему и хочется писать. Флейтист Вендлинг и гобоист Рамм оказались настоящими виртуозами, они открывали новые, дотоле неизвестные Вольфгангу возможности этих инструментов.

Глубоко взволнованный Вольфганг сказал Каннабиху после репетиции:

– Вы создали самый замечательный оркестр, какой мне приходилось слышать.

– Благодарю, господин капельмейстер. Слышать такую похвалу от вас – великая честь.

– А господа Вендлинг и Рамм были просто великолепны.

– Моцарт, а что вы скажете о музыке? – спросил Фоглер.

Вольфганг не захотел кривить душой. Он промолчал. Фоглер нахмурился, но не стал настаивать, и тогда Каннабих сказал:

– Я надеюсь, вы осчастливите нас своим выступлением, господин капельмейстер?

Вольфганг колебался.

– На этот раз я ведь не совершаю концертную поездку, – ответил он, чуть помедлив.

– Но я слышал самые восторженные отзывы о вашей игре, – сказал Рааф.

Тенор вдруг показался ему искренним, славным человеком. И при этом пел так напыщенно!

– Благодарю вас, господин Рааф, – ответил Вольфганг, – я сочту за счастье выступить перед вами. Но больше всего меня интересует должность придворного композитора.

– У нас уже есть несколько композиторов, считая Фоглера и меня, – сказал Каннабих, но, увидев огорчение Вольфганга, добавил: – Может быть, что-нибудь и удастся сделать. Вообще-то нам нужен еще один оперный композитор. Все зависит от того, как вы сумеете поговорить с курфюрстом. Я могу устроить вам аудиенцию. Будет лучше, однако, если сначала вы перед ним выступите. Не хотите ли сыграть концерт с нашим оркестром?

– Для меня это большая честь!

– Вот и прекрасно! Отобедайте у нас, и мы обсудим все подробности.

За обедом у Каннабиха было много разговоров, много музыки, хорошего рейнского вина и вкусной отварной говядины, но особенно привлекла Вольфганга способность всех присутствующих понимать и ценить шутку. На обед пригласили также Вендлинга с женой, прекрасной певицей, но лучше всего Вольфгангу было в обществе двух юных дочерей Каннабиха – Розы и Лизель. Они попросили его сыграть для них, уселись по обе стороны от него, а когда он исполнил свою фортепьянную сонату, каждая поцеловала его в щеку; затем девушки упросили сочинить сонату и для них – это будет большой честью, сказали они.

Лизель была слишком молода, чтобы принимать ее всерьез, но пятнадцатилетняя Роза показалась ему весьма привлекательной и отличной для своего возраста пианисткой. Вольфганг пообещал сочинить для нее сонату – в обмен на два поцелуя.

Анна Мария редко видела сына таким счастливым. Он очарован сердечностью Каннабихов, думала она, но в глубине души шевелилось сомнение – не потому ли они так сердечны, что у них дочь на выданье?

Рамм, пришедший после обеда, восхитился сочинением Вольфганга, а Вольфганг, которому так понравилась прозрачная чистота звучания инструмента гобоиста, недолго думая, предложил:

– Я буду счастлив написать концерт для гобоя и преподнести его вам.

Анна Мария удивилась. Вольфганг не раз говорил, что не любит сочинять для духовых инструментов, и Леопольд просил Вольфганга никогда ничего не сочинять даром, и вдруг сын предлагает Рамму концерт для гобоя в качестве подарка. Стоило Каннабиху похвалить его музыку, и он тут же с готовностью исполнил фортепьянный концерт совершенно бесплатно.

– Вы играете так проникновенно, господин капельмейстер, – сказал Каннабих, – и у вас прямо-таки безукоризненная техника. Как архиепископ решился отпустить вас?

– Он не уволил меня, я сам попросил об увольнении.

– Хорошо, но как он мог расстаться с таким замечательным музыкантом?

– Мне было сказано, что соната, которую я только что играл, написана плохо.

– Что за абсурд! Какой глупец это сказал?

– Его светлость князь-архиепископ Колоредо.

– Я никогда не соглашусь сочинять для духовных лиц, – воскликнул Каннабих, – они ничего не смыслят в музыке! Вы должны сыграть свой концерт на торжественном вечере в присутствии курфюрста.

Концерт, посвященный Женом, вызвал бурю аплодисментов, и Вольфгангу пришлось сыграть на «бис» еще сонату и фантазию. Вольфганг считал, что угодил курфюрсту, Карл Теодор все время сидел почти рядом с фортепьяно.

После концерта Каннабих шепнул Вольфгангу:

– Теперь самое время для аудиенции, – и подвел его к курфюрсту прежде, чем им успели помешать.

Дирижер подошел к Карлу Теодору, и Вольфганг чуть не улыбнулся – до того они были несхожи. Каннабих – длинный, худой, со срезанным подбородком, а Карл Теодор – тучный коротышка с толстым, двойным подбородком.

Вольфганг поцеловал курфюрсту руку, и тот сказал:

– Наверное, прошло лет пятнадцать с тех пор, как вы приезжали сюда.

– Да, ваше высочество, я уже давно не имел чести бывать в вашем городе.

– Вы очень хорошо играете. Мне говорили, что вы написали оперу для Мюнхенского театра.

– Да, ваше высочество. Мое величайшее желание – написать оперу и для вас, и я надеюсь, вы обо мне не забудете.

– Это можно устроить. Согласны вы давать уроки?

И хотя Вольфганг вовсе не желал никого обучать, но, вспомнив слова Каннабиха, как страстно обожает Карл Теодор своих четверых побочных детей, из которых двое играют на клавесине, ответил:

– Да, в Зальцбурге я давал уроки.

– Мой сын и старшая дочь играют на клавесине. Вам неплохо бы с ними познакомиться.

– Я сочту за честь.

На следующий день Каннабих привел Вольфганга во дворец. За эти дни они успели крепко подружиться.

– Курфюрст так любит своих детей, – сказал Каннабих, – что, если вы им понравитесь, он постарается вас здесь оставить. Но имейте в виду, сейчас их учитель – Фоглер, а потому будьте в разговоре поосторожнее. Фоглер человек хитрый и сумел убедить курфюрста в своей гениальности.

Вольфганг и дети понравились друг другу с первого взгляда, чему Каннабих очень обрадовался, – они так хорошо поладили, словно Вольфганг был их одноклассником. А потом вдруг капельмейстер усомнился, разумно ли поощрять интерес, пробудившийся у его дочери Розы к Моцарту. Нет сомнения, он весьма одаренный молодой человек, да вот сможет ли он прокормить семью? Вольфганг порывистый, впечатлительный, слишком откровенный для этого мира, где гораздо лучше уживаются хитрецы, интриганы и ловкачи. Но не надо забегать вперед, остановил себя Каннабих, Вольфганг и Роза нравятся друг другу – это очевидно, однако стоит ли уговаривать молодого человека остаться в Мангейме?

В комнату вошел Карл Теодор: курфюрст хотел узнать мнение господина Моцарта об игре его детей на фортепьяно.

– Они играют хорошо, – ответил Вольфганг, – особенно принимая во внимание...

– Что? Принимая во внимание, какой у них учитель? Каннабих многозначительно смотрел на него, и Вольфганг поспешил добавить:

– О нет, ваше высочество. Учат их хорошо.

– Но могли бы играть получше?

– Ваше высочество, я играю с тех пор, как научился ходить.

– Тогда вам следует понимать, в чем трудность обучения детей.

– Да, ваше высочество. Что касается музыки, я могу выполнить все, что вы пожелаете. Могу сочинять, играть...

Карл Теодор перебил его:

– Как долго вы думаете пробыть в нашем городе?

– Как того пожелает ваше высочество. Я в вашем распоряжении.

– Можете пробыть здесь зиму?

– Если таково будет желание вашего высочества.

– А что думает на сей счет ваша матушка?

– Мы предполагали остаться в Мангейме на зиму из-за нее. Ваше высочество, я не хотел бы подвергать матушку невзгодам зимнего путешествия, особенно трудного для пожилой женщины.

– Значит, вы остаетесь здесь?

– Все зависит от вашего высочества.

– Я буду благодарен, если вы возьметесь заниматься музыкой с моими детьми.

Вольфгангу не заплатили за участие в торжественном концерте, это его огорчило, но Каннабих успокаивал;

– Самое главное – вы расположили к себе детей.

Необходимо отпраздновать столь доброе предзнаменование, заявил капельмейстер и устроил вечеринку, затянувшуюся на всю ночь, где Вольфганг от души повеселился.

На следующий день он написал Папе, что Карл Теодор отнесся к нему благосклонно; остальную часть письма он посвятил поздравлению Папы с днем рождения:

«Я не умею писать стихи, я не поэт. Не умею создавать свет и тени, я не художник. Не умею движениями и жестами выражать свои мысли и чувства, я не танцор. Но я могу обратиться к Вам с помощью звуков, потому что я музыкант. И завтра, находясь в гостях у Каннабиха, я поздравлю Вас с днем рождения, исполнив в Вашу честь на фортепьяно сонату, специально сочиненную к этому событию. А сегодня, любимый Папочка, я могу пожелать Вам того, что желаю всегда: доброго здоровья, счастья, самой долгой жизни и столько лет наслаждаться музыкой, сколько Вы сами пожелаете. Одному господу богу известно, как я Вас люблю и как дорожу Вами, я смиренно надеюсь, что и Вы будете по-прежнему любить меня всем сердцем и снисходительно относиться к прегрешениям – вольным и невольным – и к моим сочинениям, которые, если на то будет воля божья, поумнеют вместе со мной. Сто раз целую Вам руку и остаюсь самым покорным и преданным сыном».

Вместе с письмом Вольфганг послал сонату.

Через десять дней от Папы пришел взволнованный ответ: «Меня глубоко тронуло твое письмо, и если я, случается, браню тебя, то, пожалуйста, не обижайся, ведь у нас с Наннерль в Зальцбурге нет другого счастья, кроме твоих и Маминых писем.

То, что ты пишешь о курфюрсте, звучит обнадеживающе, хочется думать, что он скоро примет решение, ведь близятся холода, и тогда Мама не сможет путешествовать.

Соната прелестна, и я с огромным удовольствием прослушал ее в исполнении Наннерль, мы оба были очень счастливы. Если останешься учителем при внебрачных детях Карла Теодора, советую тебе не обращать внимания на их поведение. Им позволены вещи, какие не позволены музыканту. И вам было бы разумнее переехать па частную квартиру, жить в гостинице слишком дорого, а деньги имеют обыкновение незаметно уплывать из рук.

Прости за наставления, но помни, что вряд ли на целую тысячу людей найдется хоть один, который станет тебе верным другом не из корыстных соображений, найти такого человека – то же, что открыть одно из семи чудес света. Не будь мне дороги твои интересы, я бы не стал напоминать тебе об этом. Ваш тоскующий отец и муж».

Вольфганг очень взволновался, получив приказание явиться во дворец, где ему предстояло получить подарок в награду за выступление, и Каннабих пошел вместе с ним. Но случилось то, чего Вольфганг опасался. Денег не дали: он получил золотые часы.

– Одни цепочка и брелоки стоят, должно быть, немало гульденов, – сказал Каннабих.

– Я предпочел бы деньги. У меня уже пять пар часов.

– Вам щедро платили.

– Я оцениваю щедрость своих покровителей по часам, которые мне дарят. Придется добавить карманчиков на всех моих костюмах – по карманчику на каждую штанину, чтобы носить сразу две пары часов, когда играю для какого-нибудь аристократа. Тогда, по крайней мере, больше их дарить не станут.

– Есть какие-нибудь новости от Карла Теодора?

– Никаких. Я занимаюсь с детьми дважды в неделю, сочинил для них вариации этюдов, которые им как будто нравятся; у нас прекрасные отношения, но никто и не заикается о плате.

– Нужно терпеливо ждать.

– Нельзя ли как-нибудь помочь, господин капельмейстер?

– Я поклонник вашего таланта, вы знаете. Но некоторые вещи от меня не зависят.

В конце концов, Вольфганг сообщил пожилой гувернантке, с которой поддерживал добрые отношения, что не может продолжать занятия с детьми, пока не договорится с курфюрстом о точных условиях.

– Я приду в следующий понедельник, – сказал он, – и, если мы ни на чем не порешим, уеду в Париж.

Он не готовился к отъезду; в понедельник утром, во время занятий с дочерью курфюрста, в комнату вошел Карл Теодор. Девочка кончила играть вариации, написанные для нее Вольфгангом, и Карл Теодор спросил:

– Она их правильно играет?

– Ваше высочество, я был бы счастлив иметь возможность и дальше обучать ее этим вариациям.

– А не кажется ли вам, что второй учитель может скорее повредить, чем принести пользу?

– Все зависит от того, какой учитель.

– Как долго вы думаете здесь пробыть?

Вольфганг вздохнул. Неужели Карл Теодор уже забыл их разговор? Но ответил как можно смиреннее:

– Как того пожелает ваше высочество.

– Прекрасно. Я подумаю об этом.

Вольфганг написал Папе: «Мы зашли так далеко, что теперь мне остается лишь одно – ждать».

45

Прошло несколько недель ожидания. Карл Теодор больше не появлялся на уроках Вольфганга. Сгорая от нетерпения и негодуя – эта задержка им дорого обходилась, – Вольфганг отправился на придворный концерт, чтобы там встретиться с Карлом Теодором и добиться определенного ответа, но курфюрст уклонился от разговора. Вольфганг рассказал Каннабиху, и тот ответил:

– Мне очень жаль, Вольфганг, но боюсь, вы зря стараетесь.

– Курфюрст мог бы сообщить мне об этом раньше.

– Он до сих пор не принял бы никакого решения, не подтолкни вы его к этому.

– Я подтолкнул?! Господин Каннабих, я столько времени терпеливо ждал ответа.

– Именно это я ему и сказал.

– Значит, вы все-таки с ним разговаривали?

– Пытался разговаривать. И тем не менее вам следует ждать. Зарабатывайте уроками.

Вольфганг рассказал Вендлингу о поведении курфюрста, и флейтист сердито заметил:

– Карл Теодор просто дурак. Мы должны изыскать способ удержать вас здесь.

Полтора месяца Моцарты прожили в гостинице, а потом Вендлинг устроил их на квартиру в доме придворного казначея Серрариуса.

Анна Мария повеселела. Лестница, ведущая в их мансарду, вконец измучила ее. Она несколько дней не выходила из дому – не в силах была взбираться на пятый этаж. Да кроме того, в комнате стоял ужасный холод. Она договорилась с горничной, чтобы та разжигала печь по утрам, когда они вставали, и снова топила вечером перед сном. Это обходилось в двенадцать крейцеров. Ради экономии днем печь не разжигали, и Анна Мария отчаянно мерзла. Порой она ее могла даже писать письма – рука совсем коченела – и сидела, закутавшись в шубу, в валяных сапожках. Уж не кара ли это божья, спрашивала она себя. Иногда и шуба с сапожками не спасали, холод пронизывал до костей, казалось, душа с телом расстается. А Вольфганг не замечал холода, ему не приходилось просиживать целые дни в мансарде: он пропадал то во дворце, то у Каннабихов, то у Вендлинга. Анна Мария не жаловалась ни на головные боли, ни на постоянную простуду. Не хотела расстраивать сына. Она утешала себя тем, что новая комната все-таки несравненно лучше. Скрывая свои недомогания, Анна Мария писала домой только хорошие новости.

«Слава богу, наконец-то мы переехали из гостиницы; теперь у нас прекрасная просторная комната с двумя чистыми кроватями в доме придворного казначея Серрариуса. Комната на нижнем этаже, и у нас достаточно свечей и угля. За это Вольфганг дает дочери Серрариуса уроки игры на фортепьяно.

Обедает Вольфганг обычно у Каннабиха или у Вендлинга, а в благодарность помогает Розе совершенствоваться в игре на фортепьяно и всячески развлекает Вендлингов. Он, кроме того, обучает композиции голландского офицера Деляпотри, который платит ему четыре гульдена за двенадцать уроков. Это немного, но он надеется возместить убытки, сочинив три концерта для другого голландца – Дежана, богатого любителя-флейтиста. Дежан пообещал ему двести гульденов, если эти концерты для флейты будут короткими, простыми и легкими для исполнения. Познакомил Вольфганга с голландцами Вендлинг, он же договорился обо всем с ними и с Серрариусом. Рааф, Каннабих и Рамм говорят, что среди музыкантов нет равного Вольфгангу, они в восторге от его сочинений. На него большой спрос, мы совсем с ним не видимся. Я почти все время сижу одна; на улице так сыро и холодно, что страшно выходить. Но здесь нам хорошо, хотя Вольфганг сильно занят, и я только молю бога, чтобы он не заболел».

Мама не преувеличивает, думал Вольфганг. Он действительно поднимался с восходом солнца, торопливо одевался за ширмой, стараясь не шуметь и не разбудить Маму.

Наскоро перекусив, он шел к Вендлингам, там в его распоряжении была комната с фортепьяно, и он в полном одиночестве упражнялся до полудня. Затем завтракал с Вендлингами и снова сочинял в музыкальной комнате несколько часов подряд. В три часа он спешил в гостиницу на Майнцишер Гоф, обучать Деляпотри композиции; в четыре возвращался домой и давал урок мадемуазель Серрариус и в шесть успевал к Каннабихам, где за фортепьяно его уже ждала Роза. После ужина у Каннабихов кто-нибудь музицировал. На письма – Папе и Безль он писал часто – оставалось время после полуночи.

Почти все в Мангейме сочувствовали Вольфгангу; Вендлинг сказал, что Карл Теодор только потому не взял его на службу, что Фоглер, обучавший детей курфюрста и пользовавшийся большим влиянием при дворе, опасался соперничества.

Но Вольфганг старался не думать о своих огорчениях, тем более что Розе очень понравилась его соната, а Рамм пришел в восторг от концерта для гобоя. А тут еще Вендлинг придумал новый план действий. Вольфганг бросился домой – они уже с месяц жили в доме Серрариуса, – чтобы посвятить в этот план Маму.

– Рамм и Вендлинг предлагают мне поехать с ними в Париж, – торопливо сказал он, – мне одному, без вас. Как вы к этому относитесь?

Анна Мария вовсе не хотела ехать в Париж. Но если с ним сейчас согласиться, кто знает, что он придумает в следующий раз.

– А кто возьмет на себя все заботы? – спросила она.

– Вендлинг. Он ни раз бывал в Париже.

– Почему же он едет туда, если Мангейм – рай для музыкантов?

– Во время поста тут не исполняют музыки, а в Париже устраивается много концертов.

– Но Вендлинг безбожник, да еще гордится тем, что дочь его была любовницей курфюрста, хотя у Карла-Теодора она не первая и не последняя. Папе не понравится, что ты столько времени проводишь в обществе вольнодумца.

– Вы же знаете, он совершенно безвреден, – рассмеялся Вольфганг. – Наполовину француз, наполовину немец, в чем-то циник, в чем-то идеалист. От любви до ненависти у него один шаг. Утверждает, что на свете нет ничего святого, а сам приходит в неистовый восторг от музыки; одобряет свободную любовь, но ютов убить человека, который посмеет прикоснуться к его жене. Мама, с каких это пор вы стали так нетерпимы?

Разве может она поведать сыну о своих страхах? Хотя Вольфганг сразу подмечает в человеке все его слабости, но стоит ему привязаться к кому-то, и он готов отдать последнюю рубашку.

Заметив, что Мама вдруг помрачнела, Вольфганг испуганно спросил:

– Вам плохо?

– Просто я замерзла.

– Я знаю, вы были против этой поездки.

– Вольфганг, ты еще не во всем умеешь правильно разобраться.

– Суждение человека во многом зависит от обстоятельств.

– Мне кажется, ты счастлив своим теперешним положением.

– Счастлив? – переспросил он и с горечью добавил: – Счастье существует лишь в воображении.

– Разве тебе не нравится Роза Каннабих?

– Она говорит, что ей пятнадцать, а я узнал – ей всего тринадцать лет.

– А Безль? – Анна Мария вовсе не хотела задавать этот вопрос, но отступить было поздно. – Хоть она тебе двоюродная сестра.

Вольфганг промолчал. Ну к чему эти расспросы? Может, Безль вообще лишь плод его воображения, отражение его шутиwego, насмешливого «я»? Как знать?

– Ты не собираешься жениться? – Анна Мария была не против, чтобы сын женился, только ни одна из этих девушек ему не подходит. Леопольда беспокоило непостоянство сына, но Анна Мария верила: стоит ему найти себе подходящую пару, и он сразу остепенится.

– У меня слишком много дел. Нужно сочинять, упражняться, выступать в концертах.

– Где вы остановитесь в Париже?

– Вендлинг знает. Он тоже близко знаком с бароном Гриммом.

– Может, мне следует написать об этом Папе?

– Напишите. Вас он скорее послушает.

Вольфганг с благодарностью поцеловал Анну Марию.

Пока они ждали ответа из Зальцбурга, пришло известие, что американцы разбили английскую армию Бургойона возле Саратоги, и французы, уверенные, что теперь-то с помощью американцев они смогут победить Великобританию, собираются подписать договор о союзе с американскими колониями и начать войну против англичан. В это время курфюрст баварский Максимилиан умер от оспы, и Карл Теодор поспешил в Мюнхен – заявить свои права на этот престол; между тем ходили упорные слухи, что Австрия собирается напасть на него, а возможно, и на Пруссию. Все это, конечно, усиливало беспокойство Анны Марии, но Вольфганг, которому не терпелось уехать в Париж, уверял, что тучи скоро рассеются.

Панин ответ был адресован Вольфгангу: «Я предпочел бы, чтобы ты устроился в Мангейме; в Зальцбурге поговаривают, что Австрия может поддержать притязания Карла Теодора в Мюнхене, и, если это случится, музыкальная жизнь при его дворе станет еще полнее и богаче. Кроме того, Мангейм в два раза ближе к нам, чем Париж. Должен признаться, хотя прошло всего несколько месяцев со дня вашего отъезда, мне они показались годами. Но если барон Гримм и правда хороший друг Вендлинга, что весьма вероятно, так

как музыкальная репутация у этого флейтиста прекрасная, то пренебрегать такой возможностью не следует.

Не забудь позаботиться и о Маме. Тебе следует убедиться, что она спокойно проживет у Серрариуса до наступления теплой погоды и лишь тогда отправится в обратный путь. Нужно купить ей хорошую шубу, а я договорюсь, чтобы она ехала до Мюнхена, а оттуда до Зальцбурга в удобной, теплой карете. И еще – прежде чем отправишься в Париж, отдай свои сочинения переписчику. В Париже это обойдется куда дороже, а тебе полезно поучиться экономии. Со времени вашего отъезда наши долги возросли, и, если ты не подыщешь в Париже выгодного занятия, наше положение станет трудным, возможно, даже отчаянным».

Вендлинг послал Вольфганга к самому дешевому переписчику нот, какого знал, – Фридолину Веберу.

Вольфганг стоял у двери маленького домика, держа в руке несколько арий, – разве мог он доверить неизвестному переписку своих самых любимых произведений, не посмотрев предварительно, как тот работает, – и раздумывал, стоит ли входить. Жилище выглядело невзрачно: между булыжниками в палисаднике пробивалась трава, решетка ограды покрылась ржавчиной, молоток у двери треснул. Однако, вспомнив настойчивую просьбу Папы, Вольфганг преодолел нерешительность и постучал. Дверь открыла девушка.

Она была одного с ним роста, и он заметил ее глаза – темные и добрые, правильные черты лица и слегка заостренный нос: красавицей не назовешь, подумал он, но очень мила; на вид ей было лет тринадцать.

Девушка не удивилась – посетители, наверно, были для них не редкость, а когда он сказал:

– Я Моцарт. Могу я видеть господина Вебера? – она провела его в скромно обставленную гостиную.

– Отец будет рад, – сказала девушка. – Прошу вас подождать.

– Вы меня знаете, фрейлейн?

– Все музыканты в Мангейме знают вас, господин Моцарт.

– А вы дочь господина Вебера? – Ему нравилось, как она держится.

– Да, господин капельмейстер. Нас четыре сестры. Я Констанца.

– Вы тоже музыкантша?

– Мы все музыкантши. Две старшие сестры поют, младшая играет на клавесине, а я люблю их слушать, – с гордостью объявила Констанца и вышла из комнаты.

В дверях появилась госпожа Вебер, за нею – все остальные члены семьи. Цецилия Вебер почтительно, как именитого гостя, приветствовала Вольфганга:

– Познакомьтесь с таким замечательным музыкантом – для нас большая честь.

Вольфгангу вдруг показалось, что все это с ним уже случалось прежде, что он вот так же стоял в простенькой гостиной, явно не принадлежавшей Веберам, перед женщиной, которую обступили четыре девушки, словно она была капельмейстером в семье. И в то же время Веберы совсем не походили на большинство людей, с которыми он до сих пор встречался: ни на императрицу и императора, ни на эрцгерцогов и эрцгерцогинь, ни на королев, ни на принцев и герцогов. У них не было ничего общего с Папой, с князем-архиепископом, с Гассе, с Бахом или с падре Мартини. Скоро ему исполнится двадцать два, а его до сих пор иногда принимают за ребенка, хотя все детство он провел в мире взрослых и рано перестал считать себя ребенком, как бы ни оберегали его от жизни родители. Веберы явно не принадлежали к миру богатых и знатных, но Вольфганг сразу почувствовал себя у них как дома. Хорошо, что он отбросил все сомнения и постучал.

Фридолин Вебер, тщедушного сложения, бледный и истощенный мужчина, выглядел, однако, моложе жены, которая в юности, должно быть, была недурна собой. Госпожа Вебер представила ему дочерей: крупную, полногрудую девятнадцатилетнюю Иозефу, десятилетнюю Софи, совсем еще ребенка, и Констанцу. Но, увидев Алоизию, Вольфганг позабыл обо всем.

Остальные сестры сильно проигрывали в сравнении с ней. Высокая, тонкая, с изящной

фигурой, волосы струятся, как черный шелк, и серые глаза, такие же нежные, как звуки сонаты, написанной им для Розы Каннабих. Смотреть на Алоизию доставляло не меньшее удовольствие, чем слушать ее: голос у нее был музыкальный, удивительно приятный.

Заметив, какое впечатление Алоизия произвела на Вольфганга, Цецилия Вебер сказала:

– Алоизия с удовольствием споет вам что-нибудь, господин капельмейстер. Правда, милая?

– Как скажете, матушка.

– Но я пришел отдать свои поты в переписку, госпожа Вебер.

– Мой муж – отличный переписчик. Констанца, приготовь для господина Моцарта кофе. На дворе холод, он, должно быть, совсем промерз.

Не успел Вольфганг опомниться, как госпожа Вебер усадила его за фортепьяно. Рядом очутилась Алоизия, готовая исполнить одну из его арий. Вольфганг хотел было протестовать, ему порядком надоели любители, но устоять перед этой красивой девушкой он не мог; она прикоснулась к его плечу, давая знак начинать.

– Если вы предпочитаете, маэстро, я могу аккомпанировать себе сама, – сказала Алоизия.

– Ни в коем случае. – Как она прелестна! Но он все-таки опасался, что стоит ей открыть рот, и очарование исчезнет.

Фортепьяно оказалось отличным, а пение девушки поразило Вольфганга. Голос у нее был чистый и выразительный, хотя умения не доставало. Но она ни разу не сфальшивила. У нее было безупречное *legato*, а верха звучали просто изумительно. Каких замечательных результатов мог бы он добиться с таким инструментом! Аккомпанируя, он не мог отвести от Алоизии взгляда. Все в ней казалось совершенным, за исключением разве техники.

– Простите меня, господин Моцарт, – сказала Алоизия, – если я не угодила вам своим пением.

– Не угодили? Вы поете очаровательно!

– С ней занимался мой муж, – объяснила госпожа Вебер. – Он с 1765 года служит при мангеймском дворе.

– Я был бы счастлив, господин капельмейстер, услышать ваше искреннее мнение о пении нашей дочери, – сказал Фридолин Вебер.

– Когда вы перепишете арии, господин Вебер, я готов еще раз послушать Алоизию.

– Значит, завтра, – сказала госпожа Вебер. – Если, конечно, вы располагаете временем, маэстро.

– Постараюсь прийти, – сказал Вольфганг. – Приблизительно в это же время.

– Если соизволите меня послушать, я могу сама себе аккомпанировать, – заметила Алоизия.

Вольфганг раздумывал, стоит ли говорить Маме о своих новых друзьях, и решил рассказать позже, когда получше их узнает. Мама поинтересовалась, хороший ли переписчик господин Вебер, и Вольфганг с энтузиазмом ответил:

– Отличный! Первоклассный!

– Но ведь ты не удосужился даже посмотреть образцы его работы, не правда ли?

– Я слышал пение одной из его дочерей. Вебер – прекрасный музыкант.

Вольфганг считал минуты до новой встречи с Алоизией. А затем снова сидел в их бедной гостиной, и сердце его ликовало: Алоизия показалась ему еще более обворожительной, чем в прошлый раз.

Арии Вебер уже переписал; работа оказалась выполненной отлично. За переписку двух концертов для флейты Вольфганг вручил Веберу пять гульденов. Вебер отказывался от вознаграждения. Господин Моцарт, говорил он, бесплатно дал его дочери ценные советы, как можно брать с него деньги? Но Вольфганг и слушать не хотел. Что там советы – у фрейлейн Алоизии большой талант, и он сочтет за счастье заняться с ней, и в конце концов, к удовольствию Вольфганга, Фридолин Вебер согласился взять деньги. Кроме Алоизии, Вольфганг не замечал ничего вокруг. На этот раз она сама аккомпанировала себе, а он

слушал, замороженный ее голосом.

Теперь Вольфганг каждый день посещал Веберов. Когда Анна Мария узнала, что у Веберов четыре дочери и одна из них обладает прекрасным голосом и очень хороша собой, она обеспокоилась. Ее не удивило неожиданное сообщение Вольфганга:

– Принцесса Вейльбургская, сестра принца Оранского, которой я так понравился еще ребенком, изъявила желание снова послушать мою игру. Кирхгейм всего в десяти часах езды от Мангейма, и принцесса обещала заплатить мне семь луидоров, если я напишу для нее несколько арий. Принцесса обожает пение.

– А петь будет фрейлейн Вебер?

– Не бойтесь, она поедет не одна. С отцом. Чтобы отблагодарить за помощь, он переписывает мне ноты почти бесплатно.

– Ты влюблен в фрейлейн Вебер?

– Она совсем еще ребенок. Но у нее удивительный голос.

– А как же с твоими учениками и концертами для голландца?

– Ученики никуда не денутся, и я уже сочинил два концерта для флейты. Третий закончу, когда вернусь. Семь луидоров – немалые деньги.

Вольфганг отсутствовал двенадцать дней. С Фридолином Вебером они отлично ладили. Вебер прекрасно разбирался в музыке и понимал, когда нужно оставить Вольфганга наедине с Алоизией. В карете молодые люди сидели рядом, и ее волнующие прикосновения, напряженное внимание, с каким она ловила каждое его слово, наполняли сердце Вольфганга радостным предчувствием. А как легко она все схватывала! Ее голос становился с каждым днем все красивее и выразительнее. Вместе мы могли бы многого достичь, думал он, и ему казалось, что какое-то необыкновенное духовное родство все крепче связывает его с Алоизией.

Анна Мария совсем растерялась, когда Вольфганг сказал, что раздумал ехать с Вендлингом в Париж.

– Вендлинг – порядочный человек, – сказал он, – но безбожник и имеет склонность к вольнодумству.

– Когда я говорила тебе то же самое, ты не слушал.

– Я его плохо знал.

– Как же ты объяснишь свой отказ?

– Не беспокойтесь, что-нибудь придумаю. – Он отдал ей два луидора.

– Ты же получил семь.

– Я оплатил половину расходов Вебера. Он, бедняга, очень мало зарабатывает, а Алоизия штопала мне чулки и чинила одежду. И я предложил им поехать в Италию, там она наверняка станет примадонной и заработает кучу денег – под моим руководством, разумеется. Но это после вашего отъезда в Зальцбург.

Вольфганг сообщил Папе об изменившихся планах, спрашивал его одобрения и помощи: «Вендлинг – честный человек и прекрасный музыкант, но его безбожие смущает меня. Не сомневаюсь, Вам бы не понравилось, что я столько времени провожу в его обществе. Веберы же, напротив, – чрезвычайно набожные люди.

Фридолин Вебер отлично переписал мои ноты и взял за это очень мало. Он так напоминает мне Вас: способный, умный, музыкант с тонким вкусом, но, хотя он поет, суфлирует и мастерски переписывает ноты для Карла Теодора, платят ему гроши, что Вам тоже знакомо. Его дочь Алоизия, хотя ей всего шестнадцать, – прекрасная певица, диапазон ее голоса удивителен, ей надо только немного научиться играть и исправить кое-какие недочеты в технике, чем я сейчас с ней занимаюсь, – тогда она сможет петь в любой опере.

У них еще три дочери, и все музыкальные, и мать, которая относится ко мне с великим уважением, хотя весь дом ходит у нее по струнке, но из всех по-настоящему талантлива одна Алоизия.

Веберы очень добры ко мне, я сильно привязался к этой незадачливой семье и мечтаю им помочь. Хочу, чтобы господин Вебер и Алоизия поехали со мной в Италию попытать там

счастья в каком-нибудь оперном театре. Если бы Вы написали нашим друзьям в Милане и других городах, может, они и смогли бы подыскать место для фрейлейн Алоизии, которая, безусловно, станет примадонной в недалеком будущем. Уверяю Вас, став певицей под моим руководством, она принесет мне большую славу. За то короткое время, что я обучаю ее, она сделала огромные успехи.

Если этот план осуществится, мы с господином Вебером и его дочерью будем иметь счастье и удовольствие посетить моих любимых Папу и сестренку по пути в Италию. В Италии я обязательно должен получить контракт на сочинение оперы. Вы знаете, как мне безумно хочется написать оперу, это мечта моей жизни, а если в ней будет петь Алоизия, то представление оперы станет для меня делом чести, а не мучением.

Вендлингу я уже сказал, что не могу ехать с ним в Париж, поскольку получил письма, требующие моего присутствия в другом месте для сочинения оперы. Дорогой Папа, я молю бога, чтобы Вы одобрили мой план. Веберы для меня все равно что вторая семья – после Вас, разумеется, – и Мама согласна, что фрейлейн Вебер для ее возраста поет поразительно».

Без ведома Вольфганга Анна Мария сделала к письму сына следующую приписку:

«Прочтя письмо Вольфганга, ты лишней раз убедишься: уж если ему кто-то понравится, он готов отдать этому человеку все, даже в ущерб себе. Он прав – певица она прекрасная, но ведь мы должны думать и о своей выгоде. Я никогда не одобряла его поездки в Париж с Вендлингом, но молчала – со мной он мало считается. А вот подружившись с Веберами, он сразу переменял решение. Моему обществу он часто предпочитает чужое, а когда я пытаюсь его расспрашивать, уходит от разговора.

Поэтому тебе решать, как нам быть. Я по-прежнему против его поездки с Вендлингом в Париж, лучше уж – если погода установится – я сама с ним поеду почтовой каретой, это нам недорого обойдется. Может, ты получишь хорошие вести от барона Гримма. А пока живется нам сносно, денег тратим немного и можем пожить тут еще некоторое время. Пишу тебе по секрету. Вольфганг ушел в гости, он не должен ничего знать».

Леопольда письма потрясли. Его тщательно разработанные планы, казалось, вот-вот рухнут. Он приготовился ко многим неожиданностям, но подобного не ожидал. Наннерль, когда он ей рассказал, горько расплакалась. Он изо всех сил сдерживался – кому-то в семье ведь следует сохранять присутствие духа, – но, оставшись один в комнате, дал волю своим чувствам. Порой ему хотелось выкопать глубокую яму и спрятаться в ней от всех невзгод. Что же теперь с ними будет? Если сын последует этому безумному плану, вся его старательно обдуманная карьера разлетится в пух и прах и все о нем позабудут. Хорошенькие губки и звучное legato погубили все надежды, которые Леопольд возлагал на своего Вольфганга! Как зло подшутила над ним судьба!

В концертном зале, усевшись за письменный стол, Леопольд стал писать ответ сыну и мучался, не зная, с чего начать. Молчаливым и мрачным казался ему сейчас Танцмейстерзал – их самая красивая комната.

Родные считают его таким мужественным, а знают ли они, чего ему стоит сохранять это мужество? Душевным переживаниям Леопольд был подвержен не меньше Вольфганга. Друзья говорили, что он слишком много отдает сыну, но, чтобы вырастить такой талант, требуется масса сил. Зато сколько радости доставляло ему каждое новое сочинение Вольфганга! А теперь талант сына будет растрочен попусту!

Свеча почти догорела, а письмо даже еще не начато. Поднявшись из-за стола, Леопольд стал ходить взад и вперед по комнате, одолеваемый грустными чувствами. Халат у него весь в дырах, туфли стоптаны – он отдал все ради этой поездки сына. За те несколько месяцев, что Вольфганг и Анна Мария отсутствовали, долги их возросли с четырехсот до семисот гульденов. То-то посмеются теперь над ним в Зальцбурге – Колоредо в особенности, – узнав, что Вольфганг, этот виртуоз, претендующий на звание капельмейстера, убежал с молоденькой девчонкой, вообразившей себя примадонной.

В комнату вошла Наннерль, и Леопольд постарался взять себя в руки; Наннерль, всхлипывая, спросила, как он собирается поступить.

– Как поступить? Остановить его. Пока он окончательно не отбил от рук.
– Только не будьте с ним слишком суровы, Папа.
– Стоит хорошенькой девушке ему улыбнуться, как он уже теряет голову.
– Может, он одинок. Может, хочет жениться?
– В его возрасте легко влюбляются.
– И в моем тоже. Что мне делать, Папа? Неужели я останусь старой девой?
– Тебе еще только...
– Двадцать шесть. Для незамужней девушки немало. Когда я плакала о Вольфганге, я плакала, наверное, и о себе.
– Мужчины не обходят тебя вниманием, нечего тебе отчаиваться.
– Я самая обыкновенная учительница музыки, – всхлипнула она. – Трудно мне жить одним прошлым. – И, сама пугаясь откровенности своих слов, Наннерль выпалила: – Почти все мои подружки замужем.

Леопольд обнял дочь.

– И ты выйдешь. Ты так похожа на Маму, а когда я на ней женился, Мама была самой хорошенькой девушкой в Зальцбурге, значит, и ты тоже, и скоро настанет день, когда вся наша семья снова объединится.

Наннерль прижалась к отцу. Сейчас она снова почувствовала себя маленькой девочкой, путешествовавшей когда-то с ним по Европе. Она поцеловала его, пожелала спокойной ночи и, пообещав больше не плакать, послушно пошла к себе.

Леопольд просидел всю ночь, сочиняя ответ сыну. Ему следует сделать вид, будто он готов помочь этой Алоизии, которая явно хочет поймать его сына на крючок, хотя совершенно ясно, что примадонны из нее не получится. Отправляя письмо, Леопольд молил бога вернуть его сына обратно на землю.

Вольфганг, с надеждой и трепетом ожидая Папиного решения, готовил своих учеников к прощальному концерту. Основное внимание он уделял Алоизии. Вендлинг, которого скорее позабыл, чем обидел, отказ Вольфганга ехать с ним в Париж, выразил желание участвовать в концерте, Рааф тоже согласился, и концерт немало способствовал прославлению Вольфганга.

Но Вольфганг не чувствовал себя счастливым, потому что его мучило безденежье. Он отдал Дежану два из трех заказанных голландцем концертов для флейты и заверил, что скоро закончит и третий, а Дежан ответил:

– Не беспокойтесь о третьем, мне он не понадобится, не уверен, сумею ли я использовать и те два. – И заплатил Вольфгангу всего девяносто шесть гульденов вместо обещанных двухсот.

Вольфганг отдал деньги Маме, чтобы она купила себе новую шубу, а остальные сохранила.

– Может, это Вендлинг сыграл тут какую-то роль? – спросила она.

– Нет! Просто Дежан дурак.

– Ты по-прежнему намерен ехать в Италию? Ведь заработал ты гораздо меньше, чем рассчитывал. А цены все растут.

– И все равно я поеду. Вот получу только согласие Папы.

Однако уверенность его поколебалась, когда вечером того же дня он пришел на урок к Алоизии. Он обещал ей попросить помощи у отца, хотя знал, что Папа воспротивится его решению. Но на поездку в Италию у него не хватает денег, мысль же, что им с Алоизией придется там бедствовать, казалась ему слишком унижительной.

Алоизия все не появлялась, и Фридолин Вебер объяснил:

– Вы же знаете девушек, господин капельмейстер, они любят наряжаться для желанных гостей. Есть известия от господина Леопольда?

– Нет. Но скоро будут. Обычно он не медлит с ответом.

– В Италии вас оценят, маэстро. Это вам не Мангейм, где мелкий завистник Фоглер способен бог знает что наговорить о вас эрцгерцогу и тем подставить ножку, в то время как

Каннабих прикидывается, будто разбивается ради вас в лепешку, а сам сидит сложа руки. Вы слишком большой музыкант для наших провинциальных вкусов, в этом вся беда.

То же самое говорили ему в Зальцбурге, с тоской подумал Вольфганг.

– А теперь, когда Карл Теодор сидит в Мюнхене и выжидает, какая из кошек прыгнет первой: Австрия или Пруссия, – в Мангейме и думать перестали о концертах.

Вошла Алоизия, и Вольфганг позабыл обо всем. Лиф ее платья был низко вырезан, она протянула ему руку для поцелуя, и когда он повел ее к фортепьяно, то с трудом удержался, чтобы не обнять. Но стоило ему придвинуться к ней, как Алоизия отодвигалась. И все же, казалось, девушка искренне радовалась его приходу. Она не кокетка, уверял он себя, но через секунду сомнения снова охватывали его. Алоизия беспрекословно слушалась мать, но под этой внешней покорностью чувствовалась сильная воля и упорство. Занималась она пением очень напряженно, с какой-то даже одержимостью.

Начался урок; Фридолин Вебер оставил их вдвоем, но только пение смолкло, как в дверях появилась Цецилия. Вольфганг с раздражением заметил, что так происходило каждый раз. А сегодня вместе с Цецилией Вебер в комнату вошла и Констанца. Вольфганг почти не замечал девушки после первой встречи: рядом с Алоизией Констанца казалась неуклюжим подростком. Сейчас ее улыбка говорила, что она искренне рада его видеть.

– Маэстро, вы сообщите нам, когда получите ответ от отца? – спросила Цецилия Вебер.

– Разумеется! Я ведь не меньше Алоизии мечтаю о поездке в Италию. Я три раза ездил туда, и каждый раз с большим успехом. И папа римский, и падре Мартини, и...

– Знаем, знаем! – перебила Алоизия, весело добавив: – Вы произвели там фурор! – и, улыбнувшись ангельской улыбкой, проводила его до дверей.

Дома его ждало письмо от Папы. Папа отказал – Вольфганг сразу догадался по Маминому тону. Смешно было ожидать другого ответа, с обидой подумал он. Некоторые страницы он перечитал дважды, поражаясь пронизательности отца, как ни неприятны казались его наставления.

«Ты говоришь, что хочешь сопровождать фрейлейн Вебер в Италию и устроить ее там в оперу на амплуа примадонны. Дорогой сын, назови хоть одного певца, который появился бы на итальянской сцене, не выступив раньше многократно в Германии. Но и тогда для достижения своей цели им приходилось заручиться поддержкой могущественных покровителей вроде князей и кардиналов или хотя бы таких знаменитых композиторов, как Гассе и Глюк. А рекомендовать шестнадцатилетнюю девочку, не ведающую, что такое оперная сцена, – подлинное безумие. Ты лучше других знаешь: для сцены пение – это еще не все. Надо уметь свободно держаться, уметь играть, обладать известным шиком. Не говоря уже об умении причесываться, одеваться, гримироваться, столь необходимом каждой примадонне, – умением, которое дается лишь большим опытом. Как бы талантлива она ни была, как бы ни была подготовлена, как бы мастерски ни пела, любой импресарио сочтет тебя за сумасшедшего, если ты станешь рекомендовать ему начинающую девочку, Твоя собственная высокая репутация, создать которую мне стоило такого труда, будет загублена. Ты станешь всеобщим посмешищем. И Муфтия это немало позабавит.

Вольфганг, желание твое совершенно фантастично. И все же я восхищаюсь твоей добротой. Эту потребность помогать обделенным судьбою ты унаследовал от своего отца. Но как же можно забывать о здоровье и счастье твоих родителей, обо всем, что они вынесли ради тебя? Если ты это сделаешь, то обречешь себя на погибель.

Я скажу, как можно помочь фрейлейн Вебер. Попроси Раафа прослушать ее. Он уже почти потерял голос, но когда-то он был великим певцом, пел в Италии, и его там до сих пор помнят. Если Раафу понравится ее голос, а так оно, видимо, и будет, раз он понравился тебе с твоим прекрасным вкусом, Рааф сможет порекомендовать ее итальянским импресарио, которые знают и почитают его еще со времен расцвета его славы. А пока фрейлейн Вебер следует добиваться ролей на мангеймской сцене, пусть даже без оплаты – это позволит ей приобрести опыт, который пригодится впоследствии, и даже имя.

Но разве можно, забыв обо всем на свете, решиться на столь безумный шаг, после того,

что претерпели ради тебя все мы, и особенно твоя сестра, принеся в жертву свою карьеру! Не позволяй себе поддаваться под чьи-то чары. Ты предпринял это трудное и опасное путешествие, чтобы найти службу, отвечающую твоим способностям, и заработок, которого ты заслуживаешь, но главное, чтобы утвердить свою репутацию и завоевать славу. И уже достаточно в этом преуспел. Теперь все зависит лишь от тебя одного: достигнешь ли ты величайших высот, каких когда-либо достигал композитор, будет ли твое имя чтиться потомками, или, соблазненный женщиной, останешься заурядным капельмейстером, позабытым миром, и умрешь на грязной соломенной подстилке в хижине, окруженный оборванными, голодными детьми.

Поэтому спеши в Париж! Не задерживайся! Найди свое место среди великих людей. *Aut Caesar aut nihil*¹³. Одна мысль о поездке в Париж должна бы спасти тебя от всех этих глупых идей. Из Парижа слава музыканта с подлинным талантом распространяется по всему свету. Там двор относится к талантливым музыкантам с должным уважением. Там ты обретишь признание, которого вполне заслуживаешь».

Вольфганг сидел в молчании, и Мама спросила:

– Как ты собираешься поступить?

– Поеду в Париж.

– С Вендлингом?

– Нет! Папа против. Он советует нам с вами ехать вместе.

– А ты не пожалеешь, Вольфганг?

– Надеюсь, вы не пожалеете, Мама.

Анна Мария ободряюще улыбнулась, хотя при мысли о долгом и изнурительном путешествии ее бросало в дрожь.

Но случилось так, что заболел Вольфганг, а не она, и ему пришлось просить Маму объяснить Веберам, почему придется отложить поездку в Италию: для этого еще не настало время.

Анна Мария передала им слова Вольфганга и добавила:

– Возможно, он сумеет поехать в следующем году или еще через год, когда устроится в Париже. Сейчас слишком рано.

– Мне кажется, они совсем не удивились, выслушали меня с таким видом, будто ничего другого и не ждали, – сказала она Вольфгангу.

– Вы передали Алоизии, что ее послушает Рааф?

– Да!

– Она обрадовалась?

– Улыбнулась, увидев, что улыбнулась ее мать.

– Вы объяснили, что я болел?

– Да, и что это одна из причин, почему ты не едешь в Италию.

К прощальному концерту Вольфганг написал для Алоизии арию, на которой она могла себя показать; сочинил он арию и для Раафа, принимая в расчет ограниченные возможности старого тенора; он попросил Вебера сделать копию концерта для флейты, чтобы Вендлинг мог исполнить его, и сам заплатил переписчику за работу; кроме того, устроил так, чтобы Роза исполнила сочиненную для нее сонату. Таким образом, Вольфганг не обидел никого.

Каннабих остался доволен успехами Розы, но не заплатил Вольфгангу за уроки ни единого крейцера и даже не поблагодарил.

Раафа привела в восторг ария Вольфганга, она подчеркивала его красивые низкие ноты, в которых он пока еще был вполне уверен, и певцу понравился голос Алоизии. Но когда Вольфганг спросил, не согласится ли Рааф давать ей уроки, тенор ответил:

– С удовольствием, но, разумеется, за плату. Вендлингу очень понравился концерт для флейты, и он решил взять его в Париж, но тоже ничего не заплатил Моцарту.

Один лишь Вебер тронул Вольфганга до глубины души.

– Ваш концерт для флейты, – восхищенно сказал Вебер, – чудо нежности и мелодичности.

– Благодарю вас! Но до чего трудно сочинять для инструмента, который тебе не по душе.

– И тем не менее концерт безупречен. Он звучит выразительно и естественно.

– Я мог бы написать его кое-как, но, раз моя музыка выходит в свет, я не хочу за нее краснеть. Мне хотелось, чтобы концерт получился хорошим, и я вложил в него много сил.

– И добились своего! Но почему вам не нравится флейта, маэстро?

– Я предпочитаю инструменты с более точным звуком, которые легче контролировать.

Вебер пригласил Моцартов пообедать у них вечером накануне отъезда. От приглашения пришлось отказаться. Они наняли отдельную карету, объяснила Анна Мария, и выезжают на рассвете с тем, чтобы не терять дневных часов. К Веберам они зашли попрощаться пораньше.

Констанца подала кофе и торт, но Вольфганг, сидевший рядом с Алоизией, удовлетворился бы хлебом и водой – ему было вполне достаточно ее присутствия.

– Мне очень жаль, что мы не едем в Италию, Вольфганг, очень! – сказала Алоизия.

– И мне тоже. Вместе мы бы там многого добились.

– Все еще впереди. Если ваши планы изменятся, я к вашим услугам.

– Обещаете?

Алоизия поцеловала его в лоб, шепнула «обещаю» и подала рукавички, которые связала ему на память.

Пришло время расставаться; у Вольфганга разрывалось сердце. Веберы обняли его, Констанца чуть не расплакалась, а Фридолин преподнес ему в подарок пьесы Мольера и сказал Анне Марии:

– Мы чрезвычайно обязаны вашему сыну, госпожа Моцарт. Он был так добр к нам. Мы благодарны ему за все, что он для нас сделал, нам будет очень не хватать его.

47

Путешествие из Мангейма в Париж длилось девять долгих дней. Никогда еще Вольфганг не испытывал такой тоски. Он мог думать только об Алоизии; расстояние, разделяющее их, увеличивалось с каждой минутой, причиняя ему страдания. А подаренные ею рукавички все время горько напоминали о ней.

Анна Мария наслаждалась теплой и солнечной мартовской погодой, правда, последние два дня пути шел холодный дождь и ветер пронизывал насквозь, радовало ее и отсутствие всяких признаков войны, хотя Франция уже объявила войну Англии, а Пруссия и Австрия бряцали оружием, ссорясь из-за Баварии. Анна Мария старалась развеселить Вольфганга, пыталась пробудить в нем интерес к французским городам, через которые они проезжали, – Мец, Верден, Шалон-на-Марне; она повторила Папину шутку, что Вольфганг вторгся в эту страну для того, чтобы покорить ее, но Вольфганг совсем не чувствовал себя покорителем и не испытывал радостного возбуждения, как в ту, прежнюю, поездку по Европе.

Когда они приехали в Париж, Вольфганг приказал кучеру везти их прямо в дом господина Мейера, немца-старьевщика на улице Бург л'Аббэ, где им посоветовали остановиться. Район Маме не понравился: улица Бург л'Аббэ была узкая и короткая. И улица и комнатка, крошечная и темная, навели ее на мысль о тюрьме. Вольфгангу, однако, не хотелось терять времени на поиски нового жилища, пока они по-настоящему не устроятся в Париже. Он убеждал Маму, что ей здесь не будет так одиноко, поскольку Мейеры говорят по-немецки, а если она хочет иметь представление о настоящей тюрьме, пусть посмотрит Бастилию, которая тут совсем рядом. Анна Мария вздрогнула от ужаса. Страшные рассказы о толстых стенах Бастилии, о подземельях, куда людей упрятывали, как в могилу, и об узниках, годами не видевших солнца, ходили по всей Европе. Теперь снятая ими комната показалась Маме уютной, и она просила Вольфганга не тревожиться, пока не устроятся, она

проживет и тут.

На следующий день Вольфганг поспешил засвидетельствовать свое почтение барону Гримму и с огорчением узнал, что их старый друг выехал из Парижа по делам государственной важности и вернется лишь через неделю. Спустя неделю он снова стоял перед домом, в котором жили барон Гримм и госпожа д'Эпинэ. Интересно, кому же принадлежит этот красивый особняк, думал он. Вольфганг слышал, что госпожа д'Эпинэ после смерти своего беспутного мужа унаследовала огромное состояние. Не слишком ли много надежд я возлагаю на это знакомство, подумал он. Папа писал: «Если Гримм в Париже, считай, что твое будущее обеспечено». Вольфганг, осторожно, словно драгоценность, держа в руке адрес, присланный Папой, перечитал его: «Monsieur le Baron de Grimm, Ministre Plenipotentiaire de Saxe-Gotha, rue de la Chaussee d'Antin» – «Господин барон Гримм, полномочный посол князя Сакс-Гота, улица Шоссе д'Антэн».

Внезапно Вольфгангом овладело мрачное предчувствие. Музыкальный Париж разделился на два лагеря – сторонников Глюка и сторонников Пиччинни. Барон Гримм считался одним из самых сильных приверженцев Пиччинни, а Вольфганг совсем не любил музыку этого композитора.

Шоссе д'Антэн была широкой и чистой улицей, на которой жила знать. От гостиницы на Бург л'Аббэ она находилась недалеко, но Вольфганг взял портшез, потому что улицы, через которые лежал путь, тонули в грязи, а он не хотел испачкать одежду и обувь.

Парикмахер причесал и напудрил парик Вольфганга; он надел белые шелковые чулки, башмаки с серебряными пряжками, строгий, но дорогой черный камзол, отделанный золотым шнуром; папский орден оставил дома, памятуя прежние истории.

– Прошу вас, мсье!

Это камердинер барона Гримма распахнул перед ним дверь.

Барон Гримм и госпожа д'Эпинэ приняли Вольфганга в просторной, роскошно убранной гостиной. Они сердечно поздоровались, и Гримм сказал:

– Мне очень жаль, господин Амадео, что наша встреча не состоялась раньше, но я отсутствовал по делам в Пруссии. Фридрих хочет, чтобы я всеми силами удерживал Францию от вмешательства в его распрю с Австрией – на случай, если ему придется объявить войну Габсбургам. Как-никак французская королева по происхождению австриячка, хотя Мария Антуанетта бывает подчас более француженкой, чем сами французы.

– Я встречался с ней в детстве, господин барон.

– А когда вы в последний раз имели аудиенцию у ее матери, императрицы?

– Вскоре после постановки «Лючио Силлы». Во время раздела Польши.

– Пять лет назад. С тех пор многое изменилось. Мария Антуанетта стала королевой, и ее мать больше не имеет на нее никакого влияния.

– Не могу ли я выступить перед ней, господин барон?

– Мария Антуанетта не питает интереса к музыке. Вольфганг огорчился, и госпожа д'Эпинэ добавила:

– Она ждет ребенка, хотя об этом мало кто знает, и редко появляется на людях. На Версаль вряд ли можно рассчитывать. Но как-то помочь вам, думаю, мы сможем.

– Благодарю вас, госпожа д'Эпинэ. – Вольфганг подумал, что Гримм не слишком изменился за эти годы, чего не скажешь о других людях, которых он не видел с детства. Редактор прославленной и влиятельной «Литературной корреспонденции» сохранил хорошую фигуру, стройные ноги и юношескую живость.

Кто сильно постарел, так это госпожа д'Эпинэ. Но она, по-видимому, не хотела сдаваться: ее кокетливый наряд в пору бы носить юной девушке, хотя выглядела госпожа д'Эпинэ не моложе Мамаи.

– С вашего разрешения, господин барон, – сказал Вольфганг, – я бы прежде всего хотел написать оперу.

– Не торопитесь, – ответил Гримм. – Сейчас в моде Пиччинни. Все только и говорят, что о нем и о Глюке. Никто не обратит на вас внимания.

Или наоборот, подумал Вольфганг, обратят слишком большое внимание и увидят, какая посредственность на самом деле Пиччинни. Но вслух он сказал:

– Я всецело полагаюсь на вас, барон.

– В вашем таланте я не сомневаюсь. Я восхищался вами, когда вы были ребенком, и рад нашей встрече в Париже; вас, безусловно, здесь оценят, в свое время, разумеется, – сейчас любителей музыки интересуют только Пиччинни и Глюк!

– Почему же вы предложили мне приехать, господин барон?

– На этом настаивал ваш отец. Однако такого впечатления, как тогда, вы, конечно, не произведете. Вы уже не чудо-ребенок. Но вот по-французски говорите отлично.

– Разве это имеет значение?

– Это пригодится в светских гостиных. В Париже музыкальными делами по-прежнему вершат дамы. Я устрою, чтобы вас послушала герцогиня де Шабо.

– Она богата, – заметила госпожа д'Эпинэ.

– И влиятельна, – добавил Гримм. – Вы не знаете французских обычаев, Амадео. Без моих советов вы пропадете.

Вольфганг смиренно поклонился.

– Я ваш покорный слуга, барон.

– Но не огорчайтесь, если она окажет предпочтение картам, – сказала госпожа д'Эпинэ.

– Что ты говоришь, Луиза! – возмутился Гримм.

– Я просто предупреждаю Вольфганга. И еще ему следует переехать куда-нибудь поближе к театрам и аристократическим кварталам.

– Может ли он себе это позволить?

– Само собой разумеется, – гордо ответил Вольфганг, хотя совсем не был в этом уверен.

– Я постараюсь найти вам просторную, чистую квартиру с хозяевами-немцами, чтобы ваша матушка не скучала.

– Как вы думаете, может, мне следует нанести визит и американскому послу, доктору Франклину?

– Уж не мечтаете ли вы о поездке в Америку? – Гримм рассмеялся. – Там ничего не смыслят в музыке.

– По слухам, доктор Франклин любит музыку. И со времени подписания договора он самый популярный человек в Париже.

– Вот как? Знаете, Амадео, слушайте-ка лучше меня, а не всяких болтунов. Доктора Франклина больше интересуют дамы, нежели музыка. И еще громоотводы.

– Я буду во всем следовать вашим советам.

Но Вольфганг, который настроился на знакомство с американцем – скорее из любопытства, – вдруг погрузился, и Гримм сжалился над ним, пообещав:

– Я представлю вас Пиччинни, если у него найдется свободная минута.

– Мы встречались с ним в Италии. И не один раз.

– Теперь он куда более знаменит. Познакомил бы я вас и с кавалером Глюком, но после встречи с Вольтером он вернулся в Вену.

– Но ведь Вольтер – поклонник Пиччинни?

– Это еще не значит, что он невежда. Глюк – великий человек.

– И Вольтер тоже?

– Разумеется! – Гримм был поражен. – А вы разве другого мнения, Амадео?

– Мне он не нравится. Ни он, ни Руссо. Они делают вид, будто прекрасно разбираются в музыке, а на самом деле почти ничего о ней не знают. Отчего философы имеют такое влияние на музыку?

– Вы всегда столь откровенны, Амадео?

– Господин барон, а разве правдолюбие – не добродетель? – наивным тоном спросил Вольфганг.

– Вы что, действительно так думаете?

– Когда как, смотря по обстоятельствам. Натянутость исчезла. Гримм рассмеялся.

– Я еще хочу познакомить вас с Легро, – объявил он. – Это директор лучшего музыкального общества в Париже "Духовные концерты». Легро в приятельских отношениях с господином Раафом и господином Вендлингом – большими вашими поклонниками. Оба очень хвалили ваши сочинения. Они просто очарованы музыкой, которую вы написали для них в Мангейме.

– Рааф и Вендлинг в Париже?

– Вчера я виделся с ними. Вам необходимо набраться терпения, карьера ваша впереди. Вы молоды, ничего не случится, если успех к вам придет не сразу.

– В мой прошлый приезд любимцем Парижа был Шоберт, умер он всего двадцати семи лет, отравившись грибами.

– Все юноши думают, что умрут рано. Это болезнь молодости. В вашем возрасте я тоже так думал. Но вам я предсказываю долгую жизнь. Маленькие люди не так скоро изнашивают свой организм, как большие. Амадео, приглашаю вас на обед с вашей очаровательной матушкой. Скажем, на следующей неделе?

– Мы сочтем за честь, барон.

– К тому времени я подготовлю для вас рекомендательные письма.

Обед прошел великолепно. Барон Гримм и госпожа д'Эпинэ говорили по-немецки, чтобы Анна Мария не чувствовала себя стесненно, и заверили ее, что как только Вольфганг приспособится к новой среде и завоюет какую-то известность, он добьется в Париже блестящего успеха.

Госпожа д'Эпинэ не отличалась здоровьем и редко выходила из дому, но ей все же удалось подыскать для Моцартов две солнечные большие комнаты на улице Гро Шенэ, выходящие окнами на улицу. Анна Мария нашла, что они значительно лучше их прежнего жилища, хотя здесь было холодно, даже когда топился камин, по ради Вольфганга, она мирилась с любыми неудобствами. Новая квартира находилась поблизости от особняка барона, от театров и аристократического квартала, и Маме нравилась чистая улица, свежий воздух, а также то, что хозяин говорил по-немецки. Часто ей целыми днями приходилось довольствоваться его обществом, так как Вольфганг пропадал с утра до вечера, устраивая свою судьбу.

Первое рекомендательное письмо Гримма было адресовано герцогине де Шабо. Вольфганг узнал, что герцогиня принадлежит к одному из знатнейших родов Франции, который к тому же, как ему сказали, мог позволить себе роскошь держать капельмейстером музыканта его масштаба. Он оставил секретарю письмо барона и через неделю получил приглашение посетить герцогиню.

Чтобы произвести наилучшее впечатление, Вольфганг не опоздал ни на минуту. Но его провели в большую комнату с нетопившимся камином, где гуляли сквозняки, и началось бесконечное ожидание. К тому времени, когда герцогиня наконец вошла, Вольфганг промерз до костей, но она сказала:

– Сначала мне придется заняться моими гостями. А потом вы сыграете.

Герцогиня – некрасивая, толстая женщина, на вид лет тридцати – без дальнейших слов уселась за стол и принялась рисовать. Ее окружили четыре неизвестно откуда появившихся кавалера. Никто не обращал на Вольфганга внимания. Его ни с кем не познакомили, и ему оставалось лишь ждать. Окна и двери были распахнуты настежь, и Вольфганг совсем окоченел, да и голова разболелась. Герцогиня продолжала рисовать в глубоком молчании.

Остальные неотрывно следили за ней, и Вольфгангу казалось, что все, кроме него, сошли с ума. Герцогиня рисовала целый час. Если бы не барон Гримм, Вольфганг ушел бы. Когда холод, головная боль и скука стали совсем нестерпимыми, герцогиня подняла голову и сказала:

– Если хотите, можете теперь сыграть.

Вольфганга так измучило ожидание, что он чуть не бегом бросился к фортепьяно. Инструмент оказался никуда не годный, но больше всего раздражало Вольфганга, что, пока

он играл, герцогиня ни на минуту не прекращала своего занятия; кавалеры по-прежнему следили только за ней, и Вольфганг играл для стен, для стульев и столов.

Наконец Вольфганг не выдержал и встал. Герцогиня подняла голову. Значит, она все-таки слушала, с удовлетворением отметил он.

– Сыграйте мне ваши фишеровские вариации, – предложила она. – Я слышала, они забавны.

– Я предпочел бы сыграть их в другой раз, когда будет потеплее.

Но она чуть не силой подвела его обратно к фортепьяно, уселась рядом, подав знак свите, чтобы и они последовали ее примеру, и стала внимательно слушать.

Вольфганг позабыл про холод, про головную боль и, несмотря на плохонький инструмент, играл с обычным воодушевлением.

– Я вижу, руки у вас согрелись, – сказала герцогиня. Но он совсем огорчился, когда герцогиня не соизволила ему заплатить.

– Посадите меня за лучший в Европе клавесин, – сказал Вольфганг Гримму, – но, если слушатели ничего не понимают в музыке, игра не доставит мне никакого удовольствия.

– Вы слишком обидчивы, Амадео, стоит ли сердиться на герцогиню. Хорошо еще, что она не резалась в карты, пока вы играли.

Гримм послал его к герцогу де Гиню, близкому другу Марии Антуанетты, пользовавшемуся при дворе известным влиянием и к тому же одному из самых больших любителей музыки среди парижских вельмож. Герцог прекрасно играет на флейте, заверил Гримм Вольфганга, дочь его – способная арфистка, и это редкий случай, которым следует воспользоваться. Но Вольфганг, настроенный недоверчиво, без особой надежды отправился к герцогу.

Герцог де Гинь, к удивлению Моцарта, приветливо и совсем не свысока встретил его. Одет он был элегантно, без показной роскоши и не нарумянен – редкость в Париже, где большинство аристократов сильно румянились. В молодости, сообщил герцог, он брал уроки музыки у Рамо. Услышав это, Вольфганг смягчился.

Дочь герцога оказалась хорошенькой молодой женщиной, правда, на взгляд Вольфганга, излишне полной. Она была одного возраста с Алоизией, но далеко не такая очаровательная; нахлынувшие воспоминания повергли Вольфганга в грусть. Мадемуазель хотела научиться сочинять музыку. Герцог нанял Вольфганга без промедлений, и тот сообщил добрую весть Папе: «Для аристократов они музыкальны. Герцог совсем недурно играет на флейте, а его дочь – отличная арфистка. Герцог много наслышан обо мне, и, не будь он столь погружен в заботы о дочери, более сильного покровителя мне бы не сыскать. Все его мысли – о том, как сделать из дочери композитора, хотя я сомневаюсь, способна ли она к этому. Я буду два часа ежедневно давать ей уроки композиции, за что мне заплатят весьма щедро, а именно три луидора за двенадцать уроков. Кроме того, я получил заказ на концерт для флейты и арфы, и, хотя не люблю эти инструменты, мне хочется порадовать герцога, который добр и великодушен, не в пример большинству французов».

Шел уже четвертый урок композиции, когда герцог, заметив растерянность на лице Вольфганга, сказал:

– Я ведь не собираюсь сделать из нее великого композитора. Достаточно, чтобы она могла писать вещицы для своего инструмента.

– Все правила композиции ей известны.

– Я уверен, что у нее масса идей, – сказал герцог. – Просто она слишком застенчива и не уверена в себе.

Горе в том, что никаких идей у нее вообще не было. Но как сказать отцу, обожавшему свою дочь, что она начисто лишена воображения, что ей ничего не приходит в голову, что он перепробовал все возможное, но безрезультатно, потому что у девицы пустая голова!

– В чем же дело, Моцарт? – спросил герцог.

– Возможно, она не знает, как начать, – ответил Вольфганг. Он написал вступительные такты и попросил ее продолжить, и девушка это сделала. Ободренный успехом, он

предложил ей написать что-нибудь свое.

Она долго раздумывала, но так ничего и не написала. Только очень утомилась.

Герцог рассердился, и Вольфганг поспешил объяснить?

– Ну и глупец же я. Начал менуэт и даже первую часть, а вот кончить не могу. Мадемуазель, не могли бы вы мне помочь? – И подал лист нотной бумаги с четырьмя вступительными тактами менуэта.

После долгих трудов она написала еще несколько тактов, достаточно музыкальных и в том же стиле, что и первые четыре.

Обрадовавшись, что наконец, они чего-то добились, Вольфганг сказал:

– Теперь надо только завершить мелодию. Продолжайте так же, и у вас получится вещь собственного сочинения. – Он повернулся к герцогу, удовлетворенному успехом дочери: – Завтра, ваше сиятельство, мы будем праздновать победу.

Но следующий день не принес победы. Мадемуазель встретила его в слезах.

Уроки становились Вольфгангу в тягость, его старания не приносили никаких результатов. Ученица напоминала все, что он ей говорил, знала наизусть все правила композиции, прекрасно играла на арфе, но неспособна была сочинить ни единой оригинальной мелодии.

Раздосадованный Вольфганг погрузился в сочинение концерта для флейты и арфы. Концерт он сделал простым и уравновесил партии сольных инструментов с тем, чтобы каждый исполнитель мог блеснуть своим мастерством.

Герцог пришел в восторг от концерта и сказал:

– Его нужно исполнить в присутствии королевы. Когда она разрешится от бремени, при дворе состоятся большие празднества и на музыку будет огромный спрос. Этот концерт придется весьма кстати.

За двенадцать уроков дочери герцога ему ничего не заплатили. Обеспокоенный, он обратился к Папе за советом и немедленно получил ответ: «Терпение, дорогой сын, не следует сердить герцога, как бы долго ни пришлось дожидаться твоих луидоров. Я не раз читал о де Гине, он имеет огромное влияние при дворе. Так, значит, его дочь не способна сочинять музыку? Неужели ты думаешь, у всех такой талант, как у тебя? Ее талант проявится постепенно, раз у нее хорошая память. Eh bien!¹⁴ Пусть она ворует, или, выражаясь более изящным языком, заимствует. Я уверен, стоит господину герцогу услышать хотя бы одно сочинение своей дочери, и он будет вне себя от радости и превратится в твоего пламенного приверженца».

Пока Вольфганг учился терпению, герцог с дочерью, не известив учителя, уехали из Парижа в свой замок в провинции.

Эта грубая выходка обидела Вольфганга еще больше, чем поведение герцогини де Шабо. Гримм спросил, отчего прекратились уроки.

– Я дал двенадцать уроков, – ответил Вольфганг, – и не получил ни единого су.

– Вам заплатят. Герцог медлителен в таких вопросах. Не следует быть мелочным, Амадео, в Париже надо учиться скрывать недовольство, иначе другие используют его в своих интересах. Всегда соблюдайте приличия. Ваш отец прав, советуя не проявлять нетерпение.

– Откуда вам это известно? – Неужели его письма читают посторонние люди и здесь, и в Зальцбурге?

– Ваш отец пишет мне. Он беспокоится о некоем молодом человеке, живущем в распутном Париже, но я уверил его, что ваше поведение безупречно.

Гримм отлично знает, с неприязнью подумал Вольфганг, что ни один европейский город не таит в себе столько соблазнов, сколько Париж, и что не поддался он им лишь благодаря Алоизии. Но, стараясь произвести впечатление человека, искушенного жизнью, Вольфганг ответил:

– Я видел здесь слишком много молодых людей, страдающих французской болезнью. Еще в детстве я слышал, как итальянцы говорили, что сифилис – самый большой подарок, какой им преподнесли французы.

– На вашем месте я не стал бы нигде повторять эти слова.

– Не потому ли многие аристократы носят маски и сильно румянятся, что хотят скрыть следы этой болезни?

– Вы должны следить не только за своей нравственностью, но и за своими словами... Жаль, что ваш отец не смог приехать. Он-то знает, что можно, а чего нельзя произносить вслух.

– Разве я чем-то оскорбил герцога?

– Этого я бы не сказал. Но неужели нельзя было преподнести ему свое сочинение и выдать за сочинение его дочери?

– Я же вам говорил...

– Убеждать надо не меня, а герцога, – перебил Гримм. – Как бы то ни было, он скоро вернется. Хотя бы для того, чтобы присутствовать при родах королевы. Вы вручите ему свой концерт, и он, возможно, выполнит обещание и сыграет его.

– Но концерт я уже ему вручил.

– И он не заплатил? Амадео, разве можно быть таким доверчивым?

– Господин барон, он его потребовал.

– Вам следует написать что-нибудь для Легро. Уж он-то наверняка заплатит.

Вольфганг сразу понравился толстому, веселому Жану Легро, оперному композитору и директору музыкального общества «Духовные концерты», и тот пригласил его к себе домой на обед, после чего Вольфганг стал завсегдатаем в доме директора. Там он встречался со многими музыкантами и кое с кем из старых друзей. Вендлинг и Рааф – частые гости Легро – неподдельно обрадовались встрече с Вольфгангом, и это его очень растрогало.

– Они честные люди и хорошие музыканты, – сказал он Маме, придя вечером домой, – и шлют вам большой привет.

Настроение Вольфганга сразу улучшилось, когда Легро попросил его написать четыре хора и дуэт на текст «Мизерере», хотя он предпочел бы что-нибудь повеселее.

– Собственно говоря, это не совсем мое сочинение, – сказал он Маме. – Сочинил «Мизерере» капельмейстер Гольцбауэр, но, поскольку он находится в Мангейме, а я в Париже и поскольку Легро считает написанные им хоры бесцветными и слабыми, а нужно, чтобы они звучали ярко и мощно, он и попросил меня переписать их для его оркестра.

Мама, лежа в кровати, кивала головой.

– За это мне заплатят. Папа будет доволен. Мама молчала.

– Что с вами, дорогая Мама? Вам нездоровится?

Анна Мария не знала, что ответить. Простуда, которую она схватила по пути из Мангейма, не проходила. Но сын был так занят борьбой за успех, что она не решалась вваливать на него лишнюю заботу.

– Не волнуйся за меня. – Она через силу улыбнулась. – Я просто устала. Не заставляй Легро ждать. Ты же говорил, у него есть для тебя еще заказ.

Вольфганг кивнул. Но когда, усевшись в портшез, чтобы спастись от грязи и отбросов, в которых тонули улицы, он отправился к Легро, его обуяли мрачные предчувствия. Он хотел пригласить лекаря, но Мама отказалась от услуг французского лекаря. Извещенный о ее нездоровье Папа прислал срочное письмо с просьбой немедленно пустить ей кровь, но Анна Мария отказалась и от этого средства. Она кашляла все сильнее, и Вольфганг часто слышал, как Мама вскрикивает во сне и стонет, словно от боли. Ему очень не хотелось оставлять Маму одну, и, когда он просил у нее прощения, что уходит, она отвечала: «Ничего не поделаешь, деньги зарабатывать нужно». И была права.

– «Концертную симфонию» для флейты, гобоя, валторны и фагота? – повторил Вольфганг просьбу Легро. Ему так хотелось, чтобы директор предложил что-нибудь другое, более близкое его душе.

– Oui, oui, Вендлинг говорит, что ваши вещи для флейты просто очаровательны.
– Он виртуозно играет на этом инструменте. С ним никто не сравнится.
– Вендлинг будет одним из наших солистов, – возбужденно говорил Легро. – Он, Рамм, Пунто и Риттер – четыре блестящих исполнителя, лучшие в Париже.

Новерр, знаменитый танцовщик и балетмейстер, с которым Вольфганг познакомился еще во время преншей поездки по Европе, встретившись с ним на обеде у Легро, сказал:

– Вы осчастливите меня, господин Моцарт, если согласитесь написать музыку для моего балета «Les Petite Riens» («Безделушки»). А если балет поправится, за ним может последовать заказ и на оперу.

Новерр хочет сказать, если музыка балета понравится королеве, подумал Вольфганг, но тактично промолчал. Новерр, учитель Марии Антуанетты, получил лично от нее назначение на пост главного балетмейстера оперного театра и, по его словам, имел большое влияние на директора Парижской оперы.

– Господин Новерр, как скоро вам потребуется музыка для балета? – спросил Вольфганг.

– Как можно скорее. Она нам нужна чрезвычайно.

Вольфганг с головой ушел в работу. Ни один из заказов не вдохновлял его по-настоящему, но он не позволял себе работать спустя рукава. Как бы неуклюжи ни были инструменты и форма произведения, музыка должна звучать изящно и мелодично. Идеи приходили в голову одна за другой, порождая прелестные мелодии, и, полагаясь, как всегда, на свой безупречный вкус, он постарался, чтобы и по темпу и по настроению они отвечали моде парижских салонов, и через несколько недель вручил готовые заказы и Легро и Новерру.

Тем не менее первое исполнение «Мизерере», на котором Вольфганг присутствовал, оказалось для него сущей пыткой. Он шепнул Вендлингу:

– Какое скверное пение. Я не могу разобрать ни единого слова. И все этот ужасный французский язык. До чего отвратителен! Немецкий по сравнению с ним кажется божественным. А певцы – если их только можно назвать певцами, – ведь они же не поют, а визжат и завывают изо всех сил, кажется, будто звук идет у них не только через горло, но и через нос.

– Легро не использовал два ваших хора. Два самых лучших!

– Это не так важно, Вендлинг, – с горечью сказал Вольфганг, – кто знает, что хоры эти написал я? Их по-прежнему приписывают Гольцбауэру.

Несколько дней спустя, когда пришло время репетировать «Концертную симфонию», оказалось, что она еще не переписана, хотя Легро торопил Вольфганга с ее окончанием и получил партитуру еще четыре дня назад.

– Легро, необходимо отдать ноты в переписку, – сказал Вендлинг. – Я видел симфонию – она чудесна!

– Oui, oui! – воскликнул Легро. – Господин Моцарт – просто чудо!

– С этим следует поторопиться, я скоро уезжаю из Парижа.

Легро пожал плечами и ответил:

– Я постараюсь сделать это к завтрашнему дню, Вендлинг.

На следующий день Вендлинг и Вольфганг зашли к Легро за партитурой «Концертной симфонии», и Легро сказал:

– Я совсем забыл!

– Забыли? – Вендлинг не верил своим ушам.

– Да! И к тому же затерял партитуру. Никак не могу найти.

Пока Легро объяснялся с рассерженным Вендлингом, Вольфганг, перебиравший наваленные на столе ноты, обнаружил «Концертную симфонию» – она лежала под увертюрой Пиччинни. Но он не сказал ни слова, боясь нажать себе лютого врага, а оставил ее на прежнем месте.

– Кто-то засунул куда-нибудь, – сказал Легро. И тут Вендлинг разбушевался:

– Я знаю эти подлые штучки, французские штучки! А вы, Легро, низкая душонка. И все ваши музыканты из Королевской музыкальной академии – тоже. Вы, французские композиторы, до того напуганы музыкой Моцарта, что даже боитесь ее исполнять, а если и исполняете, то не так, как она написана, иначе каждому станет ясно, до чего вы все бездарны!

– О нет, господин Вендлинг, я как раз хотел заказать ему симфонию.

– Симфонию? – Вольфганг невольно заинтересовался.

– Не позволяйте снова обвести себя вокруг пальца, – сказал Вендлинг. – Пока не заплатит, не пишите ни единой ноты.

– Я заплачу! Вот, пожалуйста! – И Легро подал Вольфгангу два луидора.

– А как насчет хоров? И «Концертной симфонии»? – не отставал Вендлинг. – Господин Моцарт слишком доверчив, но я не таков.

– Я пришлю ему деньги по почте.

– Ну нет, – уперся Вендлинг. – Если господин Моцарт не получит от вас перевода, вы скажете, что он затерялся. Он должен получить свои деньги не сходя с места.

Медленно и неохотно Легро протянул Вольфгангу еще два луидора, по одному за каждое законченное сочинение.

– Очень сожалею, что ваша «Концертная симфония» затерялась, – сказал он, – постарайтесь, чтобы новая оказалась не хуже.

Вольфганг недоумевал, почему Легро заказал ему еще одну симфонию, а сам припрятал первую, по Вендлинг объяснил:

– Обычная симфония никогда не произведет такого впечатления, как концертная: французы обожают виртуозную музыку. Но Легро не хочет с вами окончательно порывать на тот случай, а вдруг вы войдете в моду!

Заказ Новерра тоже принес одни огорчения. Балетмейстер не заплатил ему ни единого су за полную увертюру и тринадцать танцевальных номеров, и на программе стояло одно лишь имя – Новерр. Но Вольфганг не жаловался: балетмейстер обещал добыть ему заказ на оперу, как только найдется подходящее либретто.

Услышав о том, что герцог де Гинь вернулся в Париж, хотя он и не давал о себе знать, Вольфганг нанес ему визит, но герцог встретил его холодно и сказал:

– Мадемуазель больше не нуждается в уроках. Она скоро выходит замуж.

– Ваше сиятельство, а как же с теми уроками, которые я дал?

– А что, собственно, вас интересует? – Герцог был явно рассержен.

Вольфганг молчал. Просить деньги казалось ему слишком унижительным.

Он пошел к двери, и герцог сказал на прощание:

– Вам заплатит экономка.

Экономка вынесла три луидора и на его вопрос: – А плата за мой концерт? – ответила: – Это посредственная вещь, да и мадемуазель вы мало чему научили.

Вольфганг хотел швырнуть деньги ей в лицо, но он в них очень нуждался. Мама совсем расхворалась. И он поспешил домой – теперь, по крайней мере, можно заплатить лекарю или хотя бы сделать Маме кровопускание.

48

Мама по-прежнему отказывалась от лекаря.

– Теперь уж вы не сможете ссылаться на то, будто лекарь нам не по средствам, – сказал Вольфганг, но Мама ответила: – Я не доверяю французским лекарям, – хотя с каждым днем она чувствовала себя, несмотря на установившуюся в июне теплую погоду, все хуже. Она верила в лекарства Леопольда – до сих пор эти средства помогали им от всех болезней и на этот раз поставят ее на ноги. В последующие дни состояние ее не улучшилось, и она, наконец, согласилась на кровопускание. После этого ей полегчало. Мама смогла подняться с постели, и Рааф, регулярно их навещавший, даже повел ее гулять в Люксембургский сад.

Прогулка доставила Анне Марии большое удовольствие, но очень утомила. У Вольфганга появилась надежда, что Мама сможет присутствовать на первом исполнении симфонии, написанной им для Легро.

Каково же было его разочарование, когда в день концерта Анна Мария вдруг сказала:

– Я недостаточно хорошо себя чувствую, чтобы пойти на концерт, хотя кровопускание сильно помогло. Смотри не пиши Папе о моем недомогании, не огорчай его понапрасну.

– Не напишу при одном условии: если вы позволите вызвать лекаря, как только вам снова станет хуже.

Мама заколебалась, но, взглянув на взволнованное и решительное лицо сына, кивнула в знак согласия.

– Папа успокоится, узнав, что вам пустили кровь. Он в это верит.

– А ты разве нет, Вольфганг? Он пожал плечами.

– Если помогает, то верю. Папу позабавит мое сообщение о смерти Вольтера.

Послушайте, что я написал.

Вольфганг прочел:

«Безбожный мошенник Вольтер подох 30 мая, как паршивая собака».

– Почему ты так его не любишь? Ведь с другими вероотступниками ты в дружеских отношениях. С Шахтнером, например, Вендлингом, Гриммом. И они тебе немало добра сделали.

– Его обожает Колоредо.

– Но, говорят, Вольтер умер, примирившись с церковью. Вольфганг, если что-нибудь случится со мной, прошу тебя соблюсти все, что положено по обряду.

– С вами ничего не должно случиться, Мама.

Пришел Рааф. Он согласился с Вольфгангом, что вид у госпожи Моцарт после кровопускания стал намного лучше, и добавил:

– Как только симфония вашего сына получит всеобщее признание, вы забудете обо всех своих недугах.

– На это я не возлагаю больших надежд, – сказал Вольфганг. – Французов обескураживает моя музыка. Они не знают, как ее воспринимать.

Мама с гордостью сказала:

– Твоя новая симфония ре мажор написана с большим мастерством, а ведь ты уже сколько лет не сочинял симфоний.

– Я убежден, она произведет благоприятное впечатление, – заметил Рааф.

– Это не так уж важно, – с усмешкой сказал Вольфганг. – И что они подумают, тоже не важно. Мне все равно, понравится симфония или нет. Но начал я ее все же в парижском стиле, с их излюбленного *premier coup d'arc-chet*¹⁵, энергично и в унисон, будто это такое уж достижение. Ну и потеха!

Однако, сидя в Швейцарском зале дворца Тюильри и ожидая начала исполнения своей симфонии – первой, написанной им за четыре года, – Вольфганг, несмотря на все презрение к французской музыке, волновался. Не слишком ли надолго забросил он эту музыкальную форму? А может, зря он использовал в своей новой симфонии парижский стиль? Раздались аккорды первой части, и Вольфганг подумал, что оркестр оставляет желать лучшего. Но вступление задумано им правильно: французы привыкли к мощным, стремительным началам.

Никто из оркестрантов не заметил, казалось, что первая скрипка сбилась с такта, и Вольфганг вскочил и хотел было кинуться в оркестр исправить ошибку, но Рааф удержал его, прошептав:

– Боже упаси, Моцарт, такая выходка может стоить вам жизни, неужели вы не понимаете, что рискуете провалить симфонию?

Тем временем первая скрипка нагнала инструменты, которые ей полагалось вести за

собой, и Вольфганг понемногу успокоился.

Пассаж в середине второй части вызвал бурю аплодисментов, но Вольфганг не удивился – он и писал его с расчетом на публику.

Медленная и серьезная вторая часть так и светилась поэтичностью и изяществом, а слушатели восприняли ее без всякого энтузиазма.

Однако, как только раздалось forte динамичной третьей части, слушатели стали восторженно аплодировать и кричать: «Брависсимо!» – и так продолжалось до самого конца.

Легро с королевским вензелем на камзоле подошел к Вольфгангу и сказал:

– Это самая чудесная из всех написанных для меня симфоний, – однако остаток обещанных денег Вольфгангу не отдал, а вместо этого представил его Пиччинни.

Гримм и госпожа д'Эпинэ тоже поздравили его, и Пиччинни сказал:

– Мы встречались прежде, синьор Моцарт, в Италии, вы были тогда ребенком.

Вольфганг чувствовал себя подавленным. Первым номером программы шла увертюра к опере Пиччинни – все тот же затасканный, развлекательный мотивчик, с отвращением подумал Вольфганг, и, несмотря на это, Пиччинни – любимец Парижа. Что обходится Парижу дороже – музыка Пиччинни или расточительство Марии Антуанетты? Но Гримм не спускал с него глаз, поэтому Вольфганг поклонился Пиччинни и вежливо заметил:

– Я счастлив вновь встретиться с вами, маэстро.

– Ваша симфония интересна. Намерены ли вы писать здесь оперу?

– Мне предложили. Вы считаете, такое предложение стоит принять?

– Разве угадаешь, синьор! – Пиччинни вскинул руки, изображая отчаяние. – Я ехал в Париж не затем, чтобы соперничать с кем бы то ни было, и меньше всего – с кавалером Глюком, музыкой которого восхищаюсь, но теперь нас считают злейшими врагами. Хотя музыка моя так же далека от его, как и от вашей.

– Главное, чтобы музыка пользовалась успехом у публики, остальное не имеет значения, – сказал Вольфганг.

Пиччинни вспыхнул, восприняв это как оскорбление. По лицу Гримма Вольфганг увидел, что его покорило подобное замечание, и поспешно добавил:

– Синьор Пиччинни, я убежден, ваши оперы вполне заслуживают всех расточаемых им похвал.

Гримм благожелательно улыбнулся, а Пиччинни произнес:

– Вы очень великодушны, синьор.

– Нисколько, маэстро. Вы знаете свое дело так же, как я свое.

Когда Вольфганг собрался было покинуть их, госпожа д'Эпинэ спросила:

– Как поживает госпожа Моцарт? Мы слышали, она сильно болела. Если понадобится наша помощь, мы к вашим услугам.

– Благодарю вас, сегодня ей лучше. – Вольфганг откланялся и ушел.

Но, вернувшись домой, он увидел, что Маме стало хуже. На этот раз Вольфганг по-настоящему встревожился. Он рассказал, с каким восторгом была встречена симфония, но Анна Мария слушала его без внимания. Неужели Маме не интересно? Он напел несколько тактов симфонии, а она показала на свой живот и прошептала:

– У меня сильные боли, Вольфганг.

Он побежал к аптекарю и купил любимое лекарство Папы – порошок против спазм, который они всегда употребляли дома при желудочных болях, но Маме совсем стало неважно. Началось сильное расстройство. Вольфганга напугал ее измученный вид. Указав на лекарство, принесенное из аптеки, Мама прошептала:

– Жидкость в этой бутылке меня уже не спасет.

– Можно, я позову лекаря? – Но Мама не слышала. Чтобы она услышала, ему пришлось кричать.

Наконец Мама кивнула, готовая на все, лишь бы облегчить мучительную боль; собрав последние силы, Анна Мария прошептала:

– Только, пожалуйста, Вольфганг, если можно, позови немца, – и тут же впала в

беспамятство и начала бредить.

Зашедший попрощаться Рааф – он уезжал на следующий день в Мангейм – ужаснулся, увидев Анну Марию в таком состоянии, и вызвался посидеть с ней, пока Вольфганг не приведет лекаря.

Госпожа д'Эпинэ, узнав, что состояние госпожи Моцарт ухудшилось, послала Вольфганга к личному лекарю Гримма, пожилому немцу, который приехал в Париж вместе с бароном и осел там. Рудольф фон Коллер был профессором анатомии и специалистом по вскрытию трупов.

К тому времени как Вольфганг вернулся домой вместе с доктором фон Коллером, Маме стало легче. Рааф напевал ей мелодию из новой симфонии Вольфганга; она была в сознании, по-видимому, пение Раафа доставляло ей удовольствие и отвлекало от грустных мыслей. Узнав, что доктор – немец, Анна Мария вздохнула с облегчением: по крайней мере, можно понять, что он говорит, и с доверием отнестись к лекарствам, которые пропишет. Фон Коллеру было лет семьдесят, но, несмотря на возраст, он оказался очень энергичным. Он прослушал легкие госпожи Моцарт – дыхание затрудненное, пощупал пульс – учащенный, нажал на живот – кишечник был напряжен. А когда она сказала, что у нее сильные боли и такое чувство, будто внутри все воспалено, доктор фон Коллер заключил:

– Все дело в этой проклятой французской пище и воде. И прописал порошки из ревеня с вином, «но при этом ни капли воды, ни в коем случае», тем не менее, жажда мучила ее, особенно после порошка, запитого вином.

Вольфганг отвел фон Коллера в сторону и спросил:

– Что с ней, доктор?

– Скорее всего, обыкновенное расстройство желудка. Не думаю, чтобы это было что-то более серьезное.

Иными словами, решил Вольфганг, хотя, состояние и тяжелое, но не грозит такими ужасными последствиями, как заразная болезнь.

– Значит, – ничего страшного?

– О нет! Это не чахотка, в легких нет хрипов. Не оспа и не скарлатина. И даже не простуда.

– Но она все время жалуется на озноб.

– Я уже сказал, что это легкое недомогание. – Полный, краснолицый доктор поправил свой тщательно напудренный парик и заключил: – Если в течение нескольких дней боли не прекратятся, позовите меня снова. Но помните – ни капли воды.

Немного погодя распрощался и Рааф; он поцеловал Маму в лоб и заверил, что непременно навестит ее, вернувшись осенью в Париж. Вольфганг проводил его до дверей, и Рааф спросил:

– Передать что-нибудь Алоизии?

– Разве только что мне ужасно хотелось бы ее видеть? – Вольфганг горько усмехнулся. – А впрочем, какой толк? Я писал и ей и Фридолину, давал им советы. Даже предлагал приехать в Париж, но они, по-видимому, не слишком сюда рвутся.

– Неужели вы осуждаете их за это? После того как вас самого здесь так встретили?

– Алоизия непременно добьется успеха. Она красива и поет отлично.

– Да, она могла бы добиться успеха, но сделавшись чьей-нибудь любовницей.

– Прошу вас! – Вольфгангу подобная мысль была невыносима.

– Вы меня удивляете, Вольфганг. Неужели вы не знаете, каким образом молодые привлекательные женщины недворянского сословия добиваются успеха!

– Но ведь я люблю ее!

– Потому-то я и хочу уберечь вас от огорчений.

– Что может огорчить меня сильнее, чем Париж и полное отсутствие вкуса у здешней публики?

– Да, действительно! Но в вашем возрасте нет ничего страшнее равнодушия. Вы хотите передать что-нибудь Алоизии?

– Занимайтесь с ней. Прошу вас, господин Рааф. Это принесет ей величайшую пользу.
– Но не бесплатно. Я ничего не делаю даром. Это неплохо бы усвоить и вам. Уважения к вам только прибавится.

– Я буду платить. Присылать деньги за уроки.

– С больной-то матерью на руках? По силам ли вам это?

– Не в ущерб ей, конечно. А лишь только Мама поправится...

– Я был бы очень рад. Выглядит она лучше, и доктор, безусловно, поможет. – Рааф вручил Вольфгангу несколько луидоров и добавил: – Я скажу Алоизии, что ваши дела идут прекрасно. Честолюбивым молодым женщинам такое всегда приятно слышать. И постараюсь помочь, чем смогу.

Не успел Вольфганг до конца оценить доброту Раафа, как Мама снова начала бредить и просить пить, но Вольфганг боялся дать ей воды. Доктор строго-настрого запретил.

Потом Анна Мария впала в забытие – затихла и лежала, как мертвая. Вольфганг позвал доктора; на этот раз фон Коллер посмотрел на больную так, словно перед ним был труп, и отрывисто сказал:

– Сомневаюсь, протянет ли она до утра. Не мешало бы позаботиться о священнике.

Вольфганг отыскал немецкого священника; Анна Мария очнулась, когда он пришел; она нашла в себе силы исповедаться в грехах, принять причастие и миропомазание. Казалось, это принесло ей некоторое облегчение, и, после того как священник ушел, Анна Мария сказала:

– Ну, теперь я скоро встану. Сколько взял доктор?

– Какое это имеет значение, дорогая Мама. Теперь вы меня слышите?

– Конечно, слышу. Я же слышала, что говорил священник. Ты виделся с доктором Франклином?

– Нет. Гримм не советовал.

– Барон как-то изменился. Хотя мне не кажется, что у этого американца что-нибудь выйдет с его затеей получить с неба молнию. Говорят, в Мангейме после его опыта начались грозы. Вольфганг, зачем идти против природы? Ты ведь знаешь, если господь захочет обрушить на кого-нибудь свою кару, он это сделает и никакой громоотвод тут не поможет. Не оставляй меня одну, Вольфганг.

Она не хотела умирать в одиночестве, боялась этого больше всего, Леопольду не следовало ее отпускать. В комнате так холодно, хотя в очаге огонь, а Вольфганг говорит, что на дворе сейчас июнь. Должно быть, ей уже не поправится. Понимает ли Вольферль, насколько она ослабела? В бреду она видела кладбище святого Петра, где ей так хотелось быть похороненной. Это была ее самая любимая церковь в Зальцбурге, под ней находились катакомбы, прорытые в скалах Монхсберга; неожиданно Анна Мария воскликнула:

– Похорони меня там!

– Где, Мама? – сквозь слезы спросил Вольфганг.

Но Анна Мария не слышала. Ей мерещилось, что она сидит у могилки на кладбище святого Петра и читает надпись на надгробной плите: «Здесь покоится Анна Мария Пертль Моцарт». Она уже почти забыла все эти имена. Но над чем они смеются? Вольферль в шесть лет лучше их всех разбирался в музыке. Если бы можно было попрощаться с ними. Леопольд никогда не простит Вольферлю. Но ведь погубил-то ее Париж. И еще многое другое. Вокруг нее теснились лица, множество лиц, плотным кольцом они окружили могилу. Хорошие похороны, с удовлетворением подумала она, уж этого-то дьявол не сумел лишить ее, хоть он и вездесущ. Вот только почему она не узнает все эти лица? Неужели господь ее наказывает? Она ведь так любила свою семью. Анна Мария попробовала молиться, но у нее иссякли силы. Губы шевелились, произнося слова молитвы, но их не было слышно. А внутренний голос взывал: в музыке моего сына звучит глас божий, поднимите голову – и вы услышите. И тут она услышала концерт, написанный Вольферлем для мадемуазель Женом; ей так нравилась лирическая, певучая, медленная вторая часть, по словам Леопольда, «бесподобная», но она забыла сказать это Вольферлю, а надо сказать, пока не поздно. И тут

Анна Мария поняла, что умирает, – больше не слышно было даже музыки Вольферля, тьма заволокла все и поглотила ее.

Семь дней и семь ночей Вольфганг не отходил от постели Мамы, находившейся в полном беспамятстве. Он почти ничего не ел, лишь изредка выпивал глоток вина и временами думал, что теряет рассудок. Теперь, когда у него не было никакой надежды, он не мог ни на минуту оставить Маму. Когда усталость одолевала его, он ложился на свою кровать, придвинутую вплотную к Маминой, чтоб быть рядом, на случай, если понадобится помощь. Мама лежала недвижима, однако жизнь еще не покинула ее, она по-прежнему слабо, прерывисто дышала. Никто никогда не узнает, думал Вольфганг, какие муки пришлось мне пережить за эти дни. Не раз он начинал плакать от сознания собственной беспомощности. Мама умирала у него на глазах, а он бессилён был ее спасти. Доктор фон Коллер заглядывал к ним дважды, удивлялся, что госпожа Моцарт все еще жива, и говорил: теперь ей уже ничем не поможешь. Заказы, на которые Вольфганг прежде рассчитывал, из-за Маминой болезни уплывали один за другим, но какое это имело значение? Кругом стояла зловещая тишина, и в ней были только они вдвоем: он и она. Ему хотелось сочинить что-нибудь для Мамы, хорошо бы песенку. Каких-нибудь несколько бесценных нот, которые сказали бы ей: «Я так люблю вас», – но в голове не рождалась мелодия. Он мог лишь сидеть, ждать и плакать от горя до изнеможения, а его любимая музыка поступила с ним, как неверная любовница, – изменила ему.

И вот вечером 3 июля, спустя неделю после того, как Анна Мария получила последнее отпущение грехов, у нее началась агония. Терзаясь от боли, она что-то бессвязно бормотала. Вольфганг разбирал слова: «Вольферль... Леопольд... Наннерль...» Она силилась поднять от подушки голову, словно прислушиваясь к какой-то чудесной мелодии, но не могла. Вольфганг сжал Мамину руку, заговорил с ней, а она не ответила. Он приподнял Мамину голову, чтобы ей легче было говорить, но голова безжизненно упала на подушку, и внезапно Вольфганга охватил ужас. Он с плачем стал покрывать Маму поцелуями – она лежала недвижима. Тогда Вольфганг поднес к губам Мамы ручное зеркальце, которое она с гордостью провезла через всю Европу. Зеркальце не запотело.

Он упал на колени на холодный каменный пол и стал сквозь слезы молиться о спасении ее души, прося всевышнего о сострадании; бог милосерден и не может в этот момент не услышать его, и Вольфганг шептал:

– Боже милостивый, пусть ангелы твои отведут нашу дорогую Маму в твою светлую обитель.

Он вытер слезы и сделал то, что сделал бы на его месте Папа. Хотя было уже за полночь, Вольфганг написал два письма с намерением подготовить отца к страшному известию. Первое он адресовал аббату Буллингеру.

«3 июля.

Мой добрый друг! (Лишь Вам одному!)

Поплачьте со мной в этот самый прискорбный день моей жизни. Пишу в два часа ночи, чтобы сообщить, что моей матери – моей обожаемой Мамы – больше нет! Господь призвал ее к себе. В двадцать одну минуту одиннадцатого она покинула сей мир. Рядом с ней находился только я. Ничто не могло спасти ее; прекрасно понимая это, я покорился воле господней. Бог дал, бог и взял.

Сейчас я не могу описать Вам ее болезнь во всех подробностях, но убежден в том, что ей суждено было умереть – так ей, видно, написано на роду. Прошу Вас лишь об одном: окажите мне дружескую услугу, подготовьте отца к сей печальной вести. Я пишу ему с этой же почтой, но сообщаю лишь, что она тяжело больна, и буду ждать от него ответа, из которого увижу, как мне дальше действовать. Да поможет ему господь и да придаст силы. О дорогой друг мой, если бы Вы только знали, сколько за это время пережито! Лишь вера в бога помогла мне вынести столь страшную утрату!

Итак, добрый друг наш, прошу Вас, поддержите отца. Придумайте, что сказать; когда он узнает горестную правду, боюсь, как бы дух его не сломился. Вверяю Вам от всего сердца

также и мою сестру. Пойдите к ним немедленно, но ничего не говорите о смерти Мамы, а лишь подготовьте их. Поступайте по своему усмотрению, но прошу Вас, сделайте так, чтобы на голову мою не обрушилась новая беда. Утешьте моего любимого отца и дорогую сестру и, молю Вас, не медлите с ответом.

Благодарный Вам и покорный слуга
Вольфганг Амадей Моцарт».

Написать отцу Вольфгангу было еще труднее.

«Я вынужден сообщить Вам весьма неприятную и печальную весть, вот причина, по которой я так долго не отвечал на Ваше письмо от 11 июня. Моя любимая матушка серьезно больна, и неизвестно, что ждет нас впереди. Я положился на волю всевышнего и надеюсь, что Вы и любимая сестра последуете моему примеру. Лишь это приносит мне утешение теперь, после того как я усердно помолился господу, чтобы он сохранил жизнь и здоровье моей любимой матери. Если ей суждено будет выздороветь, я возблагодарю бога за его милосердие. Если нет – покорюсь воле господней и возрадуюсь тому, что он призвал ее к себе. Тем временем святой отец, которого я пригласил, совершил все, как положено по обряду, и теперь душа ее спокойна.

Не буду подробно писать о ее болезни, скажу только, что это, по-видимому, воспаление желудка, и, следовательно, болезнь незаразная. Поэтому за меня не волнуйтесь. Я здоров и сохраняю бодрость духа, насколько возможно при столь печальных обстоятельствах, и молюсь, чтобы и вы, мои любимые отец и сестра, пребывали в добром здравии, несмотря на услышанную от меня прискорбную весть; прошу вас не падать духом и беречь себя, помня обо мне. Шлю тысячу поцелуев, обнимаю и всем сердцем мечтаю быть рядом с Вами.

Ваш покорный и любящий сын».

Лишь один друг их семьи – Франсуа Эна – шел с Вольфгангом за Маминым гробом. Этот валторнист подружился с Папой еще в прошлые приезды Моцартов в Париж, и жена его, музыкальный издатель, выпустила в свое время «Скрипичную школу» Леопольда на французском языке.

Во время болезни Анны Марии Франсуа Эна часто заходил к Моцартам и каждый раз приносил Вольфгангу пищу и вино.

– Нужно поспешить с похоронами вашей дражайшей матушки, – сказал Вольфгангу этот маленький, подвижный, отнюдь не юный музыкант, – а то как иностранку ее могут похоронить в общей могиле с бедняками – попросту бросить в яму.

Мысль, что Мама может быть похоронена подобным образом, привела Вольфганга в ужас. Быть брошенным в землю неизвестно с кем – худшее унижение трудно себе даже представить. Неужели земля так негостеприимна! Нет, он не допустит над Мамой подобного надругательства.

– Если ее похоронят на кладбище святого Евстахия, могилу не ограбят, что нередко случается на других парижских кладбищах. Этим делом занимаются по большей части студенты-медики.

Поэтому все хлопоты по устройству похорон Вольфганг предоставил Эна. Но как больно сжалось его сердце, когда тело Мамы положили в маленький гроб! То ли она высохла за время болезни, то ли прежде казалась крупнее, чем была на самом деле... Вольфганг вдруг подумал: ему самому тоже, наверное, понадобится совсем небольшой гроб.

Он попросил Эна нанять экипаж и похоронные дроги, хотя пришлось одолжить на это луидор у Гримма. Барон принес извинения, что не сможет присутствовать на Маминых похоронах, – госпожа д'Эпинэ, сказал он, не совсем здорова, нельзя оставлять ее одну. Вольфганг сделал вид, будто ему все равно, на самом же деле его это очень обидело. Не только в Зальцбурге, но и в Вене, с горечью размышлял он, за Маминым гробом шло бы много друзей.

Он устоял на внушительный фасад церкви св. Евстахия и, чтобы удержаться от слез, стал пересчитывать украшавшие фасад греческие колонны, но сердце его разрывалось от горя. Когда гроб вносили в церковь, какой-то оборванец мочился тут же, прямо на улице.

Выгребная яма рядом с церковью воняла так, словно ее не чистили многие годы, с того самого времени, когда Вольфганг бывал здесь еще ребенком, а на стене церкви он заметил желтый потек – здесь тоже явно не раз мочились.

На кладбище Вольфганг обнаружил могилу Рамо, и у него немного полегчало на душе – нет, не такое уж плохое он выбрал место для Мамы. На огромном памятнике он прочел золоченую надпись: «Жан-Батист Кольбер, министр финансов». В свое время этот вельможа добыл для Людовика XIV немалые деньги. Великолепие могилы повергло Вольфганга в уныние. Затем его внимание привлекла еще одна надпись: «Франсуа де Шеветт, генерал-лейтенант королевской армии, 1695—1769». Когда-то давным-давно Вольфганг играл для этого знатного господина.

Несколько человек, присутствующих в церкви, не обратили на похороны никакого внимания, слишком уж скромно хоронили. Все в этой церкви нагоняло на Вольфганга тоску: каменный пол, каменные стены, скудное освещение; когда отпевание кончилось, он с облегчением вышел наружу – солнечный свет заливал кладбище. Священник, совершивший последний обряд, спросил Вольфганга:

– Вы ближайший родственник мадам Моцарт?

– Да, я ее сын. Единственный сын.

– В таком случае, мсье, прошу вас расписаться в приходской книге.

Вольфганг внимательно прочел запись, чтобы удостовериться, не допущена ли ошибка: «4 июля 1778 года Анна Мария Пертль Моцарт, 57 лет от роду, жена Леопольда Моцарта, капельмейстера города Зальцбурга, умершая вчера на улице Гро Шенэ, была похоронена на кладбище в присутствии ее сына, Вольфганга Амадея Моцарта, и Франсуа Эна, друга семьи».

Он подписал просто: «Моцарт».

Эна поставил рядом свое имя, и Вольфганг помолился, чтобы бог принял Мамину душу. Но когда священник прочел скороговоркой последнее напутствие и гроб с Маминым телом опустили в землю среди совершенно чужих могил, Вольфганг подумал, что бог слишком далеко и вряд ли его услышит.

49

Леопольд сидел в Танцмейстерзале их дома на Ганнибальплац и писал письмо Анне Марии и Вольфгангу – этот красивый парадный концертный зал сохранил у него самые нежные воспоминания о них, – когда принесли письмо сына о тяжелой болезни жены. Леопольд как раз успел написать: «Любимейшая моя жена, чтобы не опоздать поздравить тебя с именинами, пишу сейчас, дабы знать, что ты получишь мое поздравление еще до наступления сего торжественного дня; желаю тебе всяческого счастья и возношу молитвы всевышнему, чтобы он сохранил тебя на многие лета не только в добром здравии, но и в радости, какая только возможна в этом изменчивом и нелегком мире. Верю, что с его помощью мы снова будем вместе; ты ведь знаешь, мне труднее всего переносить разлуку с тобой, меня мучает сознание, что ты так далеко от меня, что мы должны жить порознь друг от друга! В остальном у нас, слава богу, все в порядке. Мы целуем тебя и Вольфганга тысячу раз и очень просим беречь свое драгоценное здоровье...»

Леопольд взялся читать письмо сына, но не в силах был продолжать. От письма Вольфганга веяло смирением, совсем ему не свойственным, и Леопольд внезапно похолодел от страха – уж жива ли Анна Мария?... Нет, господь бог не так жесток, убеждал он себя, иначе самый благочестивый человек может впасть в безбожие. Он позвал Наннерль, желая послушать ее мнение, но Наннерль, прочтя письмо брата, разрыдалась.

– Что нам остается думать, – сказал Леопольд, – либо ее уже нет в живых, либо ей стало лучше, поскольку письмо помечено третьим июля, а сегодня уже тринадцатое.

– Вольфганг позвал священника! Мы ее уже, наверно, потеряли! – воскликнула Наннерль.

– Да, слишком уж он старается нас утешить. Вольфганг никогда не стал бы писать в таком торжественном стиле, не потеряй он всякую надежду, или это уже свершилось и он не мог писать по-другому.

Леопольд и Наннерль сидели, примолкшие и грустные, ошеломленные печальным известием, когда вошел Буллингер. Леопольд молча подал ему письмо от Вольфганга. Тучный седовласый священник внимательно прочел письмо, и на лице его отразилась печаль.

– Что вы думаете, Леопольд? – спросил он.

– Я думаю, Анна Мария умерла.

– Боюсь, что это так, – печально произнес Буллингер. – Вольфганг не стал бы писать столь тревожное письмо без всякой на то причины.

И когда священник, стараясь утешить Леопольда, проговорил: – Мужайтесь, надо быть готовым ко всему, – Леопольд понял, что под этим подразумевалось, и с отчаянием в голосе сказал:

– Я не только уверен, что она умерла, я знаю, ее не было в живых уже в тот момент, когда писалось письмо. Разве не так, Буллингер? – Голос его был тверд, но сердце разрывалось от горя.

Лицо священника утратило свой обычный румянец, и наступившая тишина казалась зловещей, как сама смерть. И тогда то, что было для Леопольда лишь догадкой, превратилось в уверенность.

Буллингер обнял Леопольда и Наннерль, и втроем они залились слезами.

На следующий день Леопольд закончил письмо к Анне Марии, обращаясь уже только к Вольфгангу. Он оставил поздравления по случаю именин, словно хотел этим удержать ее в живых, но написал сыну, что знает о его письме к Буллингеру, и просил Вольфганга изложить во всех подробностях Мамину болезнь и смерть. Леопольд старался не поддаваться чувству жалости к себе, однако не мог не написать сыну, какую тяжелейшую утрату они понесли. Разве мог он позволить себе распускаться, тем более перед сыном, наставником которого он был всю жизнь? Не мог Леопольд допустить и того, чтобы жертва, принесенная Анной Марией, оказалась напрасной, – иначе как можно примириться с ее смертью?

«Не волнуйся за меня, я постараюсь пережить свое горе, – писал он, – как подобает мужчине. Помни всегда, какая у тебя была прекрасная мать. Теперь ты сможешь особенно оценить ее любовь и заботу». В конце письма Леопольд посоветовал сыну приложить все усилия к тому, чтобы раздобыть заказ на оперу. Это гораздо разумнее, чем целиком зависеть от Легро, Новерра или даже герцога де Гиня, хотя интересно было бы узнать, что с ними, – ведь Вольфганг ни словом не упомянул о них в своем письме.

Леопольд написал также Гримму, поблагодарил барона за доброе отношение к Анне Марии и Вольфгангу и спросил, имеются ли в Париже для его сына хоть какие-нибудь перспективы.

Однако Леопольду не давала покоя одна мысль – так ли неизбежна была смерть Анны Марии? Он представлял себе, как она лежит там одна, среди чужестранцев, и это невыносимо мучило его. Потом вдруг ему пришло в голову, что нужно немедленно вернуть сына назад из Парижа, пока этот город не погубил и его, вернуть даже в том случае, если, как он надеялся, Гримм сообщит радостную весть, что дела Вольфганга налаживаются.

В течение следующей недели многие друзья Моцартов нанесли им визиты и выразили свое соболезнование. Леопольда весьма тронули эти знаки внимания, и тем не менее визит графини Лютцов, заподозрил он, был продиктован еще и другими соображениями.

Хотя Леопольд считал музыкальный вкус графини несколько странным и изменчивым, но она была одной из самых влиятельных особ в Зальцбурге: приходясь племянницей Колоредо, графиня располагала большим влиянием при дворе. Леопольд принял ее в Танцмейстерзале.

Графиня хорошо помнила этот концертный зал – не раз бывала она здесь на уроках музыки. Но сегодня, принимая ее в Танцмейстерзале, Леопольд как бы подчеркивал

значимость ее визита, и она понимала это.

Поговорив о том, какой чудесной, жизнерадостной женщиной была Анна Мария и какой ужасной утратой явилась ее смерть, графиня спросила:

– Что же теперь собирается делать Вольфганг?

– Что вы имеете в виду, ваше сиятельство? В Париже Вольфганг пользуется огромным успехом.

– Но до меня дошли слухи...

– Что его новая симфония получила бурное одобрение на концерте, который почтил своим присутствием Людовик XVI, на концерте духовной музыки, – раздраженно и решительно перебил ее Леопольд. – И что фаворит Марии Антуанетты Новерр заказал Вольфгангу музыку к своему балету-пантомиме, а герцог де Гинь, наперсник и советник короля и королевы, уверовал в гений Вольфганга и стал его покровителем и учеником.

– Но вы ведь всегда были такой дружной семьей. Жить вдали от родных – это не для Вольфганга.

– То же самое говорила и моя дорогая жена. А теперь он там совсем один. – Как ни старался Леопольд держать себя в руках, на глаза у него навернулись слезы.

– Музыка здесь в плачевном состоянии. Фишетти нас покинул, а Лолли умирает. Придворная капелла очень нуждается в пополнении.

– Знаю. В последнее время я работал за троих.

– Его светлость это ценит. И потому считает, что вам нужна подмога.

Леопольд сомневался, действительно ли это беспокоит Колоредо, но сказал:

– А как насчет Михаэля Гайдна? Он очень способный музыкант, когда...

– Когда не пьет. А пьет он почти все время. Поэтому он и впал в немилость у его светлости. А теперь, когда у любовницы Брунетти появился незаконнорожденный ребенок и все об этом узнали, назначение его капельмейстером может привести к скандалу.

Ловкий маневр заставить его заговорить о сыне, подумал Леопольд и умолк.

– Кроме того, после смерти Адельгассера мы испытываем большую нужду в органисте.

– Значит, его светлость хочет иметь органиста, который умел бы к тому же хорошо играть на клавесине и сочинять музыку. Разве такого найдешь?

– Итак, вы сами видите, господин Моцарт, мы оказались в очень затруднительном положении.

Еще бы, торжествовал про себя Леопольд, но вслух сказал:

– Я не имею чести знать никого, кто отвечал бы требованиям его светлости.

Графине вдруг стало не под силу предложить то, ради чего она сюда явилась.

– Более того, я никогда не посмел бы рекомендовать кого-то его светлости, ибо чрезвычайно трудно найти музыканта, который подошел бы ему во всех отношениях.

– Bravo! Какая жалость, что вы не на посту министра!

– Вы не хотите услышать мое искреннее мнение? – Леопольд снова замкнулся.

– Напротив, господин Моцарт. Именно поэтому я и пришла к вам.

– Ваше сиятельство, вы изволите мне льстить.

– Ни в коем случае. Вы разбираетесь в вопросах музыки, как никто другой в Зальцбурге. Вы побывали в Лондоне, в Париже, почти во всех музыкальных центрах Европы. Вам лучше знать, кто подойдет на это место, и кто нет.

– Кого бы порекомендовали вы, графиня?

– Вольфганг вызывал всеобщее восхищение повсюду, где бы ни выступал.

– За исключением Зальцбурга!

– Включая Зальцбург!

– Поэтому моего сына и уволили?

– Он сам попросил об увольнении, господин Моцарт.

– Его светлость дал нам понять нечто совсем иное.

– Его светлость был занят тогда другими делами: Баварией, Австрией, Пруссией, возможным вражеским нашествием. Его очень опечалила весть о кончине вашей супруги. И

он шлет вам свое соболезнование.

– Его светлость все еще гневается на Вольфганга?

– Он, собственно, никогда на него не гневался. Был немного раздражен, и только.

– И однако, его светлость по-прежнему предпочитает иностранцев хорошим, одаренным немецким музыкантам.

– Теперь-то нет. Господин Моцарт, не могли бы вы написать сыну?

– О чем, ваше сиятельство?

– Ну, для начала о месте соборного органиста.

– Не могу! Сын мой посмеется над таким предложением. Да одно только жалованье никак не устроит его.

– Сколько же он потребует?

– Он ожидает заработать в этом году в Париже по крайней мере тысячу гульденов.

– Адельгассер получал всего триста гульденов.

– Но вам нужен не только органист. Вам нужен клавесинист, дирижер, композитор, и лучшего, чем он, вам не найти.

– Без сомнения. Но тысяча гульденов – огромная сумма.

– Потому, я полагаю, обсуждать это дальше бесполезно. Я ценю вашу заинтересованность, графиня, и знаю, что ваша главная забота, так же как и моя, – поднять музыку в Зальцбурге на более высокий уровень. Но мне следует заботиться и о будущем сына, ему нужны и другие гарантии. Например, предоставление регулярных отпусков, чтобы писать оперы. А пока мы только попусту тратим время, обсуждая этот вопрос.

– Обо всем придется подумать, но, возможно, нам удастся в конце концов прийти к обоюдному согласию.

Леопольд чувствовал себя настоящим Макиавелли – до чего ловко он заставил графиню выболтать тайные желания Колоредо – и гордился тем, как ему удалось повернуть дело. Но когда он сел писать Вольфгангу с Намерением поведать о предложении архиепископа, ибо, что бы там графиня ни говорила, а это было предложением, – он сознавал, что сын не поддастся на уговоры так легко, как он. Поэтому Леопольд особо подчеркнул:

«Я пишу, дорогой Вольфганг, вовсе не затем, чтобы уговорить тебя вернуться в Зальцбург, у меня нет ни малейшей уверенности, что архиепископ сдержит свое слово. Но если что-нибудь из этого и получится после всех моих стараний, они предложат тебе самые выгодные условия. И в случае, если тебя постигнет неудача в Париже, а к этому всегда надо быть готовым, отношение к тебе станет здесь гораздо лучше, чем прежде».

Заботы о делах сына отвлекали Леопольда от тяжелых мыслей и приглушали тоску по Анне Марии, что она, без сомнения, одобрила бы, пытался он убедить себя.

План действий показался Леопольду еще более разумным спустя несколько дней, когда от Вольфганга пришло горькое письмо с описанием трудностей его пребывания в Париже.

«Любимый Папа, печальная весть о кончине Мамы уже получена Вами, и я больше не буду останавливаться на трагических подробностях постигшего нас горя.

Мне предложили место органиста в Версале, с жалованьем 2000 ливров в год, но придется жить полгода при дворе и полгода в Париже. Кроме того, деньги эти, которые равняются 915 гульденам и в Германии представляли бы значительную сумму, в Париже – ничто; деньги тут прямо тают, а поэтому принять такое предложение было бы по меньшей мере неразумно. Да тут еще все в один голос твердят: пойти на службу к королю – значит быть забытым в Париже... А оставаться только органистом – ни за что!

Вы советуете мне, например, почаще делать визиты, заводить новые знакомства и возобновлять старые связи, но это невозможно. Расстояния здесь слишком большие, а улицы слишком грязные, чтобы ходить пешком; грязь под ногами такая, что трудно описать, нанять же экипаж или хотя бы портшез стоит четыре или пять ливров, а в Версале и того дороже. И все это – пустая трата времени, ибо тебе просто говорят комплименты и этим дело ограничивается. Просят прийти тогда-то – я прихожу, играю, а они восклицают: «Oh! C'est

prodige, c'est inconcevable, c'est etonnant! Et adieu!»¹⁶

Но, даже согласись я все это терпеть, трудностей не стало бы меньше. Будь я хоть в таком месте, где у людей есть уши, чтобы слушать, сердце, чтобы чувствовать, и хоть какое-то понимание и вкус, я бы на все остальное не обращал внимания, но если говорить о музыке, то, к сожалению, приходится признать, что я живу среди настоящих ослов. Легро задолжал мне деньги, Новеpp никогда не платит ни су за музыку, которую я пишу для его танцев, меняет ее так, что она становится похожа на ничтожные французские мелодийки, а герцог де Гинь, увольняя меня, вел себя просто оскорбительно.

Что же касается заказа на оперу – это и моя заветная мечта, но на настоящую оперу, а не на оперу-буффа. И можете положиться на меня, получив такой заказ, я приложу все усилия, чтобы прославить имя Моцартов, и не сомневаюсь в успехе. Но ни один здешний импресарио не обращает ни на кого внимания, кроме Глюка и Пиччинни. В Париже важнее всего задавать обеды всяким влиятельным особам, а я не горю желанием это делать, да и карман не позволяет. Кроме того, старые либретто, которые мне предлагали, не отвечают современному вкусу, а новые ни на что не годны, но хуже всего – парижский вкус, который с каждым днем портится все больше.

Последнее время меня одолевает такая грусть и тоска, что жить подчас просто не хочется. Я терплю Париж только из любви к Вам, но возблагодарю бога, когда мне удастся покинуть этот город, не испортив свой здоровый врожденный вкус.

Барон Гримм, которого я считал своим добрым другом и который после кончины дорогой матушки предложил мне поселиться у себя в доме – впрочем, это была идея госпожи д'Эпинэ, – резко изменил ко мне отношение. Барон отговаривает меня принять назначение в Версаль, и, с тех пор как он одолжил мне луидор на оплату счетов за Мамину болезнь и похороны, это стал совсем другой человек.

Он непрестанно поучает меня, как поступать в том или ином случае. И дает понять, что правильно я веду себя только тогда, когда слушаюсь его совета. Если бы не доброта и внимание госпожи д'Эпинэ, я бы здесь не задержался ни на минуту».

Леопольд раздумывал над горестями, выпавшими на долю Вольфганга, когда пришло письмо от барона Гримма. Барон еще более пессимистично смотрел на перспективы Вольфганга.

«Дорогой господин Моцарт! Вы спрашиваете меня, какие возможности открываются перед Вольфгангом в Париже. Я колебался, не зная, что ответить, но, поскольку Вы настаиваете, вот Вам факты.

Сын Ваш слишком доверчив, слишком добр, слишком благороден и не имеет понятия о том, каким путем добиваются успеха. Здесь, чтобы чего-то достичь, нужно быть хитрым, предприимчивым, наглым. Обладай он вдвое меньшим талантом и вдвое большей практической сметкой, я был бы за него спокоен.

Чтобы заработать на жизнь в Париже, для него есть только два пути. Первый – давать уроки игры на клавесине, но, чтобы достать учеников, нужно действовать энергично и быть до известной степени шарлатаном; кроме того, я не уверен, хватит ли у Вольфганга терпения бегать по всему Парижу и вдалбливать правила нерадивым ученикам. Да и потом, уроки его вовсе не прельщают, ибо отнимают время, которое он хотел бы посвятить композиции – занятие, самое его любимое. Ваш сын хочет целиком посвятить себя композиции. Но беда в том, что в этой стране широкая публика ничего не смыслит в музыке. Все зависит от имени композитора, а имя Моцарта здесь слишком мало известно. В настоящее время симпатии публики до смешного поделены между Глюком и Пиччинни – никто другой их не интересуется. Вашему сыну почти невозможно преуспеть в Париже как композитору, поскольку здесь увлечены сейчас другими именами. Поймите, mon cher, в стране, где столько посредственных и даже из рук вон плохих музыкантов умудрились сколотить огромные состояния, сын Ваш, опасаясь, едва ли сможет прокормиться.

Я со всей откровенностью рассказал Вам правду вовсе не для того, чтобы Вас расстроить, а с тем, чтобы вместе мы могли прийти к правильному решению. Лично у меня нот сомнений – его возможности в Париже равны нулю».

50

Вольфгангу становилось не по себе от одной только мысли, что при желании он может вернуться на службу к архиепископу. Однако по тону Папиного письма, как тот ни старался скрыть, он понял: Папа страстно мечтает о его возвращении.

Вольфганг написал ответ через Буллингера. Если ему удастся убедить священника, тот в свою очередь сумеет убедить отца. Ему не хотелось возвращаться в Зальцбург, в обоснование чего он привел длинный список зол: Зальцбургде – живущий сплетнями городишко, где с презрением смотрят на музыкантов, да и музыканты там сами себя презирают; в городе нет ни театра, ни оперы, во всей придворной капелле нет ни одного хорошего певца, а певиц хуже не сыскать; двор погряз в зависти и интригах; и, что самое главное, правитель – сущий тиран, который самых дрянных итальянских музыкантов предпочитает лучшим немецким. Он никогда не разрешит ему взять заказ на оперу и всегда обращался с ним грубо и пренебрежительно.

Отправив письмо Буллингеру, Вольфганг написал Алоизии и Фридолину: с ними он вел постоянную переписку. Снова звал их в Париж, уверял, что ему удастся устроить для Алоизии частные концерты, и обещал найти работу Фридолину. Он умолял ее не медлить с ответом: письма ее – единственная отрада для его израненного сердца.

Затем, поскольку Папа хотел знать все подробности Маминой болезни и смерти, словно желая вынести свой приговор, Вольфганг подробно изложил, что произошло, хотя делал это крепя сердце. Переживания снова нахлынули на него, слезы мешали писать.

С тяжелым сердцем, по просьбе Папы, отсылал он домой Мамины вещи. Вольфганг старался упаковать все как можно аккуратнее, Мама так любила порядок во всем: складывал ее платья, кольцо, часы, другие драгоценности. Занятие это причиняло ему мучительную боль. Возможно, Папа сделал бы все более умело, но лучше бы Папа вообще от него этого не требовал. И все же Вольфганг продолжал смотреть на себя Папиными глазами. Чтобы немного поднять настроение отца, Вольфганг приложил к Маминым вещам французское издание «Скрипичной школы», прелюды, написанные им для Наннерль, и копию партитуры симфонии, сочиненной по заказу Легро. По договоренности Легро, уплатив за симфонию, приобретал ее в свою собственность и полностью распоряжался партитурой. Но поскольку Легро уплатил лишь половину гонорара, Вольфганг просидел целую ночь и записал партитуру симфонии по памяти. Французы думали перехитрить его, да не тут-то было! Он помнил каждую ноту своей симфонии. Его новые сочинения поднимут настроение Папы и Наннерль: такие подарки всегда их радовали.

Ему удалось унять тоску, лишь когда он снова принялся сочинять музыку. Госпожа д'Эпинэ предоставила ему комнату и клавесин, но он не очень умилился ее щедрости: уступила-то она комнату, в которой лежала, когда бывала больна. Там не было даже шкафа, стояла одна лишь кровать – клавесин принесли из другой комнаты – и аптечка с лекарствами. Но Вольфганг, работая, старался не обращать ни на что внимания. Он был полон решимости творить, памятуя совет Папы в его последнем письме: «Если ты из-за болезни и смерти Мама растерял всех своих учеников, сочини что-нибудь новое. Даже в том случае, если тебе придется продать написанную вещь за бесценок, все равно известность твоя возрастет и, кроме того, не придется влезать в долги.

Однако старайся, чтобы эти вещи были коротки, несложны и модны. Запомни, Бах писал небольшие пьески, однако слыл самым преуспевающим композитором в Лондоне. Легкая музыка тоже может быть прекрасной, если написана в естественной, плавной, непринужденной манере и при этом правильно построена. Такую музыку писать труднее, чем гармонически сложные вещи, непонятные широкой публике, или произведения, в

которых есть благозвучные мелодии, но которые так трудно исполнять. Разве Бах умалил свой талант, сочиняя подобную музыку? Ни в коем случае. Безукоризненная композиция, правильное построение – вот что отличает талант от посредственности даже в легких вещичках!»

Но, сочиняя простенькую сонату, которая под силу любому музыканту средней руки и понятна слушателям, Вольфганг непрестанно думал о Маме, и его грусть нашла отражение в музыке – она получилась печальная, как никогда. Что чувствует человек, когда старится, думал Вольфганг. И когда безропотно умирает? Он горько улыбнулся; найти ответ на эти вопросы было невозможно, но он писал, изливая в музыке свои переживания, – и это приносило ему облегчение.

Он только что закончил черновой набросок сонаты ля минор и проигрывал ее, внося поправки, когда в комнату вошли Гримм с госпожой д'Эпинэ. Наверное, им нужно обсудить что-нибудь важное, подумал Вольфганг, иначе зачем бы они стали взбираться на верхний этаж?

– Соната слишком громкая. Мы от нее проснулись, – сказал барон.

Вольфганг вдруг сообразил, что уже полночь, он писал, потеряв представление о времени. Пришлось принести свои извинения.

– Это нам следует просить прощения за беспокойство, – сказала госпожа д'Эпинэ. – Но я себя неважно чувствую.

У Гримма вид был скорее недовольный, чем смущенный. Он внимательно просмотрел новую сонату. Вольфганг из вежливости спросил:

– Каково ваше мнение, мсье?

– В ней столько горя и отчаяния, ее никто не купит, – саркастически заметил барон.

– А я надеялся, что она понравится. – Это лучшая из всех написанных мною сонат, подумал Вольфганг.

– Барона беспокоит, что соната не отвечает вкусу французов, – вставила госпожа д'Эпинэ.

– Другие сонаты я постараюсь сделать более доступными для широкой публики.

Пропустив мимо ушей слова Вольфганга, Гримм сказал, обращаясь к госпоже д'Эпинэ:

– Боюсь, нашему юному другу придется вернуться на службу в родной город.

– Но вы же сами пригласили меня сюда! – вспыхнул Вольфганг.

– Это была идея вашего отца. Мне ничего не оставалось, как с ним согласиться. А вы не сумели добиться успеха. Это же совершенно очевидно.

Вольфганг посмотрел на госпожу д'Эпинэ, ища у нее поддержки, но та хранила молчание.

– Что мне написать господину Леопольду? Он без конца меня спрашивает, каковы ваши перспективы. Я до сих пор не ответил, но должен сделать это в ближайшее время, хотя бы из простой вежливости.

У барона, видимо, разыгралась подагра, решил Вольфганг, слишком уж резкий он взял тон. На госпоже д'Эпинэ был ее любимый красный атласный пеньюар, в руке – дорогой красный китайский веер, и Вольфганг усомнился, действительно ли их разбудила музыка.

– Если вы не желаете возвращаться в Зальцбург, я уверен, вам больше повезет в Мюнхене и Мангейме. Как-никак вы немец.

– Мсье, вы обращаетесь со мной так, словно мне все еще семь лет – сколько было, когда вы меня впервые узнали.

– Вы и есть несмышленное дитя!

– Потому что я поверил Легро, герцогу, Новерру? Они ведь французы.

– Не вижу связи.

– Французы – ослы, ничего не смыслящие в музыке. Все идущие в Париже оперы сочинены иностранцами – Глюком, Пиччинни, Бахом.

– Но не Моцартом.

– К счастью! Французский язык придуман дьяволом. Для музыки он совершенно

непригоден. И поют французы из рук вон плохо. Я не могу слушать, как француженки исполняют итальянские арии. Когда они поют французские песенки – куда ни шло, но губить прекрасную музыку – это ужасно!

– Вы все высказали?

– Слава богу, если мне удастся выбраться из Парижа, не испортив свой вкус.

– Однако ваша симфония написана во французском стиле, – заметил Гримм.

– От этого она не выиграла. Публика – что стадо. Мне нужно написать шесть сонат на продажу. Как только за них заплатят и я получу остаток денег от Легро и герцога, я отдам вам долг – десять луидоров.

– Пятнадцать. Во всяком случае, будет пятнадцать к тому времени, как я оплачу ваш отъезд. Здесь вы больше ничего не получите за свою музыку. Ваше положение хорошо известно в Париже. Никому ваша музыка не нужна.

Значит, причина в деньгах! Вольфганг сказал:

– Если желаете, я могу уехать немедленно.

– О, никакой спешки нет. Я просто хотел, чтобы вы трезво представили себе истинное положение дел.

– Благодарю вас, господин барон. Как только я смогу отдать вам долг, получив деньги за сонаты, я уж сам решу, как мне поступить. Поеду туда, где меня оценят.

Все трое вежливо раскланялись, словно присутствовали па торжественной церемонии, и пожелали друг другу спокойной ночи.

Но Вольфганг не мог заснуть. Не в силах побороть тягостное настроение, он взял пьесу Никола Дезеда, которую так любил, и написал на нее девять вариаций, назвав: «Ah, vous dirais-je, Maman»¹⁷. Вариации получились столь нежны, что не могли нарушить самый чуткий сон, они успокаивали, как колыбельная песнь. Произведение это Вольфганг продавать не собирался. Он написал его для себя, ни для кого больше.

Ни одна из сочиненных Вольфгангом шести сонат не продалась. Легро попросил его переписать вторую часть симфонии, утверждая, что она станет доступнее для понимания, и Вольфганг согласился, но остатка гонорара так и не дождался. Он сделал попытку увидеться с герцогом де Гинем, но на сей раз к нему не вышла даже экономка. Когда Папа сообщил, что скончался Лолли и Колоредо согласился на все условия, которые он ему поставил через Буллингера, за исключением некоторых мелочей, Вольфганг понял: отец ждет от него согласия, – хотя возвращаться в Зальцбург по-прежнему не хотел.

Но положение, судя по письму Папы, по-видимому, изменилось к лучшему.

«Благодаря дипломатическим способностям и настойчивости старания мои увенчались успехом. Мне дают жалованье Лолли – пятьсот гульденов в год, и я должен буду исполнять его обязанности в качестве вице-капельмейстера, а ты получишь те же пятьсот гульденов и место концертмейстера и соборного органиста, а кроме того, будешь помогать мне. Архиепископ также согласился отпускать тебя раз в два года в Италию – писать там оперу, или в любое другое место по твоему желанию: Мангейм, Вену или Мюнхен. Он извинился, что не имеет возможности в настоящее время назначить тебя капельмейстером, но сказал, что со временем ты обязательно займешь этот пост.

Все в Зальцбурге искренне радуются твоему возвращению, в особенности графиня Лютцов, которая стала пользоваться огромным влиянием на Колоредо; она ведет себя так, словно твое назначение – ее победа.

Но никто не ждет тебя с большим нетерпением, чем твои любящие отец и сестра. Я знаю, это было заветной мечтой нашей милой Мамы, чтобы все мы соединились, и как можно скорее. Думаю, в разлуке с тобой я долго не протяну, но как только смогу обнять тебя, сил у меня сразу прибавится, так же как у Наннерль.

Помимо всего прочего, ты должен понять: чем дольше ты живешь у Гримма, который, очевидно, недоволен тем, что ему приходится тратить на тебя, тем больше мы перед ним

обязываемся. Поэтому нужно уезжать немедленно, пока мы не задолжали барону столько, что никогда не сможем рассчитаться. И так уже четыреста гульденов, одолженные мною в Зальцбурге на твою поездку, возросли до семисот. Думаю, тебе неприятно будет, если меня засадят в долговую яму, а этим дело, безусловно, кончится, если ты не приедешь».

Вольфганг подверг сомнению внезапное благожелательство к нему Колоредо, но Папа заверил, что его светлость стал совсем другим: ему, мол, надоели надувательства итальянских музыкантов и теперь он бурно превозносит талант Вольфганга.

«А как Карл Арко? – писал Вольфганг. – Я не вернусь, если он станет совать свой нос в вопросы музыки».

Вольфганг будет полностью независим, ответил на это Папа, в Зальцбурге найдется место и для фрейлейн Алоизии, прибавил он в письме, если она выразит к тому желание, хотя он слышал, будто ее пригласил Карл Теодор и она стала певицей в немецкой опере в Мюнхене с жалованьем пятьсот гульденов в год.

Отъезд из Парижа разочаровал Вольфганга. Он намеревался ехать в комфортабельной отдельной карете, которой требовалось шесть суток, чтобы достичь Страсбурга – первой большой остановки на пути в Зальцбург.

Вместо этого Гримм устроил так, что Вольфгангу пришлось уехать из Парижа на неделю раньше, чем он предполагал, не успев получить от переписчика шесть только что законченных им сонат; к тому же Гримм посадил его в неудобный дилижанс: это самый быстрый способ передвижения из всех доступных, объяснил барон.

Путешествие до Страсбурга тянулось двенадцать долгих дней. Вольфганг с яростью осознал, что Гримм посадил его в самый дешевый экипаж, к тому же и самый тихходный, лишь бы сэкономить деньги. Гримм, оплативший его проезд до Страсбурга, сильно при этом выгадал, зато Вольфганг истратил вдвое больше денег, чем рассчитывал, поскольку ему пришлось останавливаться на ночлег в дорогих придорожных гостиницах.

Но и там он не мог спать: каждый день его будили в три часа утра, чтобы пораньше отправиться в путь – заморенные клячи еле тянули. Сиденья в почтовом дилижансе были тверды как камень. Когда они достигли Страсбурга, он начал сомневаться, удастся ли довести до дому в сохранности свой зад. С тягостным путешествием примиряло лишь сознание, что каждый день приближает его к Алоизии.

51

В Страсбурге пришлось задержаться. Несмотря на горячее желание Вольфганга поскорее увидеть Алоизию, он позволил уговорить себя остаться в Страсбурге на три недели и дать там три концерта. Сбор с трех концертов составлял всего семь луидоров, это далеко не покрыло расходов, и Вольфгангу казалось, что он играет лишь для собственного удовольствия. Он притворялся, будто ему все равно, но на самом деле плохой прием его глубоко огорчил.

Прошло уже больше месяца, как он покинул Париж, и Папа в письмах требовал немедленно возвращаться, предупреждал, что должность не может долго оставаться незанятой, но вместо этого Вольфганг поехал в Мангейм. Хотя семья Веберов вслед за двором Карла Теодора переехала в Мюнхен, он жил надеждой, что в Мангейме подвернется какая-нибудь возможность и он будет спасен от необходимости возвращаться в Зальцбург. Как только удастся найти работу в Мангейме, он немедленно сделает Алоизии предложение.

Каннабих находился вместе с двором в Мюнхене, но госпожа Каннабих встретила Вольфганга приветливо и предложила поселиться у нее в доме.

Вольфганг убедился, что с Мангеймом у него по-прежнему взаимная любовь. Обстановка благоприятствовала, и в голове зародилось множество планов, о чем он поспешил написать отцу. Но когда его планы рухнули один за другим, а отъезд из Мангейма все откладывался, Папа написал:

«Твои бесчисленные планы приводят меня в отчаяние. Если сообщишь мне еще хоть об

одном, я сойду с ума или умру от всей этой неразберихи. По дороге в Париж ты все время строил надежды, а с тех пор, как покинул Париж, ты сообщил мне еще с дюжину вариантов, как прекрасно устроить свою судьбу, однако ни один из них не осуществился, а единственное, что осталось, – все возрастающее бремя долгов.

Пора кончать с радужными мечтами и хватит заставлять меня лгать, в противном случае ты погубишь своего отца и сестру, которые стольким пожертвовали ради тебя. С тех пор как безвременно скончалась твоя мать, я не раз молил бога, чтобы ты не принял на свою совесть еще и смерть отца. Ты ведь знаешь: вернись Мама из Мангейма в Зальцбург, вместо того чтобы ехать с тобой в Париж, она осталась бы жива».

Вольфганг долго откладывал ответ. Взявшись за перо, он был краток: обошел молчанием отцовские упреки, сообщил, что едет в Мюнхен повидаться с фрейлейн Алоизией и оттуда без промедления вернется домой. Ведь это же Папа придумал, чтобы Мама сопровождала его в Париж, а вовсе не он сам. Своей вины он здесь не видел; Вольфганг чувствовал себя глубоко обиженным и все же старался писать Папе как можно ласковее, думая про себя: Папа упрекает и тут же говорит, что любит меня, я же ни в чем не упрекаю его, потому что сильно люблю. Вольфганг молил бога, чтобы встреча с отцом обошлась без ссор и взаимных упреков, но на душе у него было тяжело. И все же перед Алоизией он должен предстать как победитель. Он отказывался верить, что хоть в чем-то виноват перед Мамой.

Вольфганг прибыл в Мюнхен в первый день рождества и немедленно отправился с визитом к Веберам. Они жили в доме, находившемся поблизости от театра и роскошной резиденции курфюрста, и Вольфганг сразу заметил, что положение семьи поправилось. Дом был большой и внушительный – как у богатых бюргеров.

Дверь открыл Фридолин; увидев на пороге Моцарта, он ничуть не обрадовался и смущенно пробормотал:

– Мы слышали, ваша матушка болела заразной болезнью.

– Глулости! У нее было воспаление желудка. Как поживает Алоизия?

– Прекрасно. Вы, конечно, знаете об ее успехах?

– Разумеется. И от души рад за нее. Я знал, что она быстро пойдет в гору.

– Ваши уроки пошли ей на пользу. – Вебер по-прежнему не приглашал Вольфганга войти.

Услышав, что приехал господин Моцарт, к двери подошла Констанца и взволнованно спросила:

– Папа, почему ты не приглашаешь господина Моцарта в дом?

И когда Фридолин не двинулся с места, Констанца сама взяла Вольфганга за руку и провела в гостиную. Вольфганг заметил, что девушка повзрослела, но мысли его были целиком заняты Алоизией, он не видел ничего вокруг, не видел даже радости, светившейся в глазах Констанцы.

Такое безразличие огорчило девушку, и она позвала сестру.

Первой в дверях появилась Цецилия Вебер; лишь убедившись, что Вольфганг вполне здоров и ничем заразить их не может, мать разрешила Алоизии войти в комнату.

Вольфганг, наконец, остался наедине со своей любимой, но от растерянности не знал, что сказать. Сердце его бешено колотилось, он так надеялся на радостную встречу, а Алоизия стояла холодная и отчужденная. Не в силах этого выносить, он горячо воскликнул:

– Алоизия, я так тосковал без вас в Париже!

– Мне очень жаль.

– Я не мог дожидаться дня, когда снова вас увижу.

– Неужели?

– И готов сделать все, чтобы вы были счастливы!

– Вы серьезно, господин Моцарт? – спросила она заинтересованно.

– Никогда в жизни я не был так серьезен. Алоизия, дорогая, выходите за меня замуж!

– Что вы сказали? – Лицо ее выражало удивление.

– Будьте моей женой. У меня хорошее место в Зальцбурге, и я смогу устроить место и вам, не хуже, чем здесь, в Мюнхене.

Этот смешной маленький человечек хочет на ней жениться! Алоизия улыбнулась про себя. Он наклонился обнять ее, чтобы убедиться в их взаимной любви, но она с неприязнью протянула вперед руки и отстранилась.

– Если вам не нравится Зальцбург, я постараюсь получить место здесь.

– В Мюнхене для вас место вряд ли найдется. В лицо вам будут говорить приятные вещи, но на службу не возьмут, как было повсюду. Несмотря на все ваши феерические мечты.

– Вы шутите. Наверное, хотите проверить мою искренность.

– Вот уж нет! Просто кому-нибудь нужно высказать вам всю правду, давно пора!

– А те арии, что я писал для вас? Вы же с таким удовольствием их исполняли?

– Вы опытный композитор и знаете толк в женских голосах.

– Но не в женских сердцах?

Алоизия в упор смотрела на Вольфганга. Я никогда не кокетничала с ним, думала она. Сам виноват, что потерял голову. Мать велела ей быть любезной с господином Моцартом, он с ранних лет обласкан женщинами и привык к вниманию, он еще может быть полезен, имея широкие связи среди сильных мира сего, но Вольфганг уже не был очаровательным ребенком, сенсацией, чудом природы; это был невысокий, малоприметный молодой человек хрупкого сложения, и к тому же явный неудачник. Даже одетый по парижской моде – в пунцовом камзоле с черными пуговицами, – он не стал ни привлекательным, ни романтичным, и не удивительно, что курфюрст не захотел взять его в свою капеллу.

Госпожа Вебер вошла в комнату и прервала их разговор.

– Моя дочь очень занята, господин Моцарт. Ее ждут в придворном театре, там состоится репетиция в присутствии курфюрста. За ней уже выслан экипаж, и нельзя заставлять его ждать.

До Вольфганга и раньше доходили сплетни, будто Алоизия получила место в придворном театре потому, что курфюрст намеревался сделать ее своей очередной любовницей, но не желал этому верить. Теперь он призадумался. У курфюрста так много любовниц: одной больше, одной меньше – не все ли ему равно? Но вслух сказал:

– Вашей дочери повезло, что она имеет таких высоких покровителей. Я не задержу ее.

– Прошу вас, сделайте одолжение. – Цецилия Вебер удалилась.

Вольфганг не мог так просто сдаться. Прекрасное лицо Алоизии внезапно окрасилось нежным румянцем – может, она все-таки благосклонна к нему, хоть и наговорила бог знает что? Вольфганг попытался приблизиться к ней и обнять, но она оттолкнула его. Он стоял совершенно потрясенный. Он никогда не позволит себе прикоснуться к женщине, раз он ей неприятен. Делать из себя посмешище – ни за что! Но нужно задать ей еще один вопрос.

– А как же наша переписка?

– Я никогда не поощряла вас в своих письмах.

Это правда, вдруг сообразил Вольфганг, просто его ослепила любовь.

– Вы истолковали некоторые вещи произвольно. Как вам того хотелось.

Он готов был расплакаться; и зачем у него такое чувствительное сердце, всегда он беззащитен перед лицом холодного расчета, но признаться в своем поражении – этого удовольствия он ей не доставит! С презрительным выражением Вольфганг сел за фортепьяно и спел: «Я без сожаления покидаю девушку, которая меня не хочет знать», – и тут же покинул дом Веберов.

Сердце его было разбито. Чтобы унять боль, он решил пригласить Безль приехать к нему в Мюнхен и оттуда вместе отправиться в Зальцбург. В письме к подруге Вольфганг изливал чувства, отвергнутые Алоизией, писал не всегда пристойно, порой развязно. Это немного развеяло тоску, но не заглушило горечь утраты. Чем больше вольностей он позволял себе с Безль, тем сильнее тосковал по Алоизии.

Эту напускную веселость как рукой сняло, когда несколькими неделями позже он

очутился перед домом на Ганнибальплац. Стоило Леопольду увериться, что сын действительно возвращается домой, и тон его писем сразу стал мягче, но недовольство поведением Вольфганга по-прежнему чувствовалось. Вольфганг привез с собой Безль, желая умерить отцовский гнев, однако волнение и страх перед предстоящей встречей не оставляли его.

И вот он уже стучит в дверь родительского дома. Здесь, казалось, ничто не изменилось. Его не покидало ощущение, что, возвращаясь в Зальцбург, он совершает величайшую глупость, но он так скучал по своей семье. Никто не отозвался на стук. Вольфганг испугался, а что, если его не хотят впускать? И тут в окне показались Папа и Наннерль. Когда же они наконец выйдут к нему?

Вольфганг умен, думала Безль, но слишком уж принимает все близко к сердцу, хотя с ней наедине и прикидывается легкомысленным.

Вольфганг и Папа смотрели друг на друга. Наннерль, увидев женщину, вздрогнула, но тут же улыбнулась, слава богу, это была не фрейлейн Вебер.

Папа, не в силах владеть собой, вдруг всхлипнул от волнения, и Вольфганг с облегчением вздохнул: между ними все осталось по-прежнему. Они сжимали друг друга в объятиях, смех сменялся слезами, радость – печалью, но ни тот, ни другой не произносили ни слова, будто слова могли осквернить их примирение.

Часть седьмая. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

52

Графиня Лютцов с удовольствием проводила время в обществе Вольфганга. Побывав в Париже, он, по ее мнению, бесспорно, стал лучшим танцором Зальцбурга, но теперь ему это вовсе не льстило. То, что графиня выбирала его себе в кавалеры даже на придворных балах, считалось большой честью, однако графиня казалась ему такой же старой, как госпожа д'Эпинэ, и при этом лишенной остроумия и светского обаяния последней.

Графиня Лодрон пожелала, чтобы ее дочери возобновили занятия музыкой с Моцартом, и он отнюдь не воспринял это как милость с ее стороны. Ему хотелось отказаться, но он не решался. Просьбы, идущие от графини Лодрон, как и от графини Лютцов, равнялись приказаниям. Кроме того, как утверждал Папа, деньги, полученные за уроки, будут способствовать уменьшению их долгов. Но обучение дочерей графини было для Вольфганга тяжелой обязанностью.

И хотя Вольфганг официально носил титул первого концертмейстера и придворного органиста, чувствовал он себя на положении камергера Колоредо. Архиепископ встретил его любезно и выразил соболезнование по поводу безвременной кончины госпожи Моцарт, но постепенно их отношения стали прежними. В обязанности Вольфганга входила игра на органе в соборе каждое воскресенье и всякий раз, когда того желал Колоредо. Ему надлежало также давать уроки игры на всех клавишных инструментах любому члену музыкальной капеллы архиепископа, изъявившему к тому желание. И еще ему вменялось в обязанность проводить репетиции и дирижировать капеллой, однако играть на скрипке, как прежде, он отказался.

Если он не лишился рассудка, то лишь потому, что все время сочинял музыку. Прожив в Зальцбурге полтора года, Вольфганг потерял счет своим произведениям, но волноваться не приходилось: отец вел подробнейший список всего, что сочинял сын.

Когда Папа зачитал список, Вольфганг пришел в изумление.

– Три симфонии, одна серенада, один дивертисмент, концерт для фортепьяно в четыре руки, концертная симфония для скрипки и альты, но ни одной сонаты для фортепьяно или для скрипки.

– Я написал по шесть таких сонат для каждого инструмента, пока был в отъезде.

- Те сонаты прекрасны. Но за это время тебе следовало написать еще.
- Колоредо предпочитает духовную музыку.
- Уж тут-то ты не поленился. – Собственно говоря, он и в светской музыке не отстает, подумал Папа, но Вольфганга необходимо подгонять, иначе он начнет все со дня на день откладывать. – Духовной музыки написано много: псалмы, оффертории, церковные сонаты, две великолепные мессы, вечерни и, кроме того, торжественная месса.
- Но Колоредо пытается мне внушить, будто все это меркнет по сравнению с тем, что делает он, в особенности как он отправляет богослужение.
- Он не может относиться к тебе как к равному. Это противно его натуре.
- Некоторые произведения, написанные здесь, по-настоящему хороши.
- И тебе за них заплатили.
- Ну, а концерт ми-бемоль мажор, который я написал для себя и Наннерль? Графиня Лодрон повела себя так, словно он писался для нее. Первое публичное исполнение концерта настояла предоставить ее дочерям, а они не сумели сыграть его слаженно, как я надеялся. И загубили прекрасную вторую часть.
- Графиня Лодрон помогла тебе снова устроиться в Зальцбурге. Она имела право рассчитывать на какую-то благодарность.
- А аккомпанемент! Я написал его для оркестра с мангеймским звучанием, величественным и выразительным, а наши музыканты играли из рук вон плохо.
- Они будут играть лучше, когда за фортепьяно сядешь ты с Наннерль.
- Никогда они не сыграют лучше. Моя «Концертная симфония», в которой, как вы говорите, столько глубины и зрелости и которую вы так любите, была испоганена, а ведь ее исполняли лучшие солисты Зальцбурга – Брунетти и Гайдн. Я знаю, Брунетти стал с возрастом играть хуже, но Гайдн меня удивил. В прошлом, исполняя музыку, которая ему нравилась, он всегда бывал трезв. Неужели ему так опротивел Зальцбург, что он не способен уже играть на альте?
- Поедешь в Мюнхен, и твои друзья сыграют ее там как следует.
- Но Колоредо утверждает, что «Концертная симфония» – пожалуй, самая прекрасная вещь, какую я написал, – слишком тяжела и затянута. А вот дивертисмент ре мажор, доступный самым неискушенным слушателям, по его мнению, слишком уж изыскан.
- Его вкус для тебя не новость.
- Но я-то вынужден к нему приноравливаться! Коронационная месса – лучшая из всех моих месс – написана для такого голоса, как у Манцуоли, а они подсунули мне ревущего осла.
- Нужно устроить, чтобы ее исполнили в Вене.
- Через сто лет? Когда мне уже будет все равно?
- Тебе никогда не будет все равно! – торжественно заявил Леопольд.
- Кто знает, какой вкус окажется у людей через сто лет. Из всех произведений, написанных мною за последние полтора года, я больше всего люблю «Vesperae Solemnes do confessore»¹⁸, хоть она и носит пышное название, а его светлость сообщил вашему покорному слуге, что она чересчур драматична, чересчур светская, словно, написав ее, я совершил смертный грех, за что мне уготована кара на том свете.
- Вольфганг, все это не совсем так. Ты преувеличиваешь!
- Граф Арко, который не должен вмешиваться в вопросы музыки – так, но крайней мере, мне было обещано, когда я давал согласие вернуться в Зальцбург, – с садистской радостью сообщил, что, по мнению его светлости, сочиняя соло для сопрано, я имел в виду оперную примадонну, а вовсе не солистку церковного хора.
- А разве это не так? Разве ты не имел в виду Алоизию Вебер, хотел было возразить Папа, но счел более благоразумным промолчать.
- Я писал это соло в расчете на лучший из возможных человеческих голосов, – сказал

Вольфганг почти с вызовом, – как и следует писать вокальные сочинения.

– И оно получилось восхитительным. Но, может, на взгляд Колоредо, ты вложил в него слишком много личного.

– Я сделал его чересчур красивым на вкус наших зальцбургских ослов. Из Мюнхена нет вестей относительно заказа на оперу?

– Я жду письма со дня на день.

– Честное слово, Папа, не знаю, долго ли я смогу терпеть Зальцбург.

– Я терплю его уже более сорока лет – и ничего, пока что в здравом уме.

Но я ведь совсем другой, подумал Вольфганг. Папа любит преподавать, а я не люблю. Папа прирожденный педагог, а у меня на это не хватает терпения. Папа бросил сочинять музыку, а я чувствую, что только начинаю. Мне так много надо сказать; чем глубже я познаю музыку, тем больше во мне рождается мелодий. Будь у меня впереди всего лишь десять лет спокойной, обеспеченной жизни, сколько бы я создал! В особенности для театра. Папа прав, соло для сопрано в вечерне рассчитано на оперную примадонну, но, если я соглашусь с этим, Папа начнет бранить меня за своевольное обращение с музыкой, написанной по заказу его светлости. Поэтому я и назвал ее «Laudate Dominum»¹⁹ но не стал меньше любить эту арию – это именно ария, хотя и стилизованная. Если я не получу заказ на оперу в скором времени, то сойду с ума. Именно теперь, когда я учусь писать настоящую вокальную музыку, мне приходится довольствоваться отвратительными голосовыми связками зальцбургских певцов. Все это время я старался уменьшить наши долги, и как обидно, что мы до сих пор не можем из них вылезти. Но это еще полбеды, гораздо труднее жить без прекрасной музыки. А настоящая музыка в Зальцбурге обречена на смерть.

Как-то в одно воскресенье после службы в соборе Вольфганг, не в силах смотреть на Колоредо, принимающего поздравления, – ведь очаровала-то всех его, Вольфганга, музыка, – с трудом протиснулся сквозь толпу, окружавшую архиепископа, и побрел к церкви св. Петра, где мечтала быть похороненной Мама. Это была одна из древнейших церквей Зальцбурга, а церковное кладбище раскинулось у самого подножия Монхсберга. Но уединение и здесь оказалось найти невозможно: возле многих могил сидели люди, и Вольфганг вошел в извилистый, пробитый в камне проход, который вел в катакомбы, расположенные в скалах Монхсберга. Здесь нашли свою могилу первые христиане Зальцбурга, многие из них умерли мученической смертью, и место это почиталось святым.

Стоял солнечный сентябрьский день 1780 года, и, хотя прошло уже более двух лет с Маминой смерти, Вольфганг вдруг остро ощутил горечь своей утраты. Ему захотелось помолиться здесь о спасении ее души – Мама была бы довольна, – но обстановка действовала угнетающе. От каменных стен прохода, куда никогда не заглядывали солнечные лучи, веяло ледяным холодом, ноги подворачивались на сбитых ступенях из необтесанного камня, среди мертвенной тишины мрачным эхом отдавались его шаги. Чтобы лезть дальше, приходилось цепляться за щели в каменной стене. Идти было трудно, утомительно и страшно. Добравшись до открытого со всех сторон балкончика, Вольфганг вздохнул с облегчением. Как хорошо снова оказаться на свежем воздухе, наслаждаться светом и солнцем!

Он обвел взглядом горы, кольцом опоясывающие Зальцбург, и острее, чем когда-либо, почувствовал себя узником. Стоя здесь, па одном из утесов Монхсберга, он находился приблизительно на той же высоте, что и парные шпили собора, но горы, каменной стеной окружающие город, омрачали ему настроение. Эти горы всегда были здесь, они словно сжимали город в тисках, готовые, казалось, в любой момент обрушиться Вольфгангу на голову; у подножия утесов теснились дома, они стояли там уже сотни лет. А прямо перед ним возвышалась крепость Гогензальцбург, испокон веков господствующая над городом.

Вольфганг начал спускаться к кладбищу и вдруг услышал шаги. «Кто там?» – крикнул но ответа не последовало. Он насторожился – кто-то тяжело ступал позади него.

Интересно, такова ли поступь дьявола, преследующего человека? И существует ли вообще дьявол? Если существует, более подходящего места для встречи с ним и не представишь. Вольфганг уже почти спустился с горы, когда звук шагов утих, но нервная дрожь, охватившая Вольфганга, лишь усилила его отвращение к кладбищам и укрепила намерение бежать из Зальцбурга.

Несколькими минутами позже, шагая по тротуару обычно пустынного переулка, ведущего к черному ходу собора, – он забыл свою партитуру на хорах органа и хотел забрать ее, пока не затерялась, – Вольфганг увидел вдруг идущего навстречу Карла Арко. Переулок был узкий, двоим не разминуться. Вытянув руки, можно было коснуться стен противоположных домов. В голове у Вольфганга вертелась мысль: кому из них придется уступить дорогу?

Уступил он. Вольфганг вошел в первую дверную нишу, сделав вид, будто разглядывает номер дома. Обер-камергер продолжал следовать своим путем, а Вольфганг, втиснувшийся в нишу, страдал от оскорбленного достоинства.

Воспоминание об этом унижении долго преследовало его.

53

Заказ от курфюрста баварского на итальянскую оперу для мюнхенского карнавала, намеченного на январь 1781 года, показался Вольфгангу даром свыше. Колоредо не посмел препятствовать этому заказу: Карл Теодор был соседом слишком могущественным, и отказывать ему значило идти на риск, поэтому для выполнения заказа Вольфгангу дали шестинедельный отпуск.

Он чувствовал себя окрыленным и заверял Папу:

– Эта опера принесет нам славу.

– Сложностей окажется немало, – предупредил Леопольд.

– Но оркестр Каннабиха – лучший из тех, что я знаю. Да и певцов он пригласит настоящих. Мне кажется, за этот заказ на оперу следует благодарить именно его.

– Он пригласит певцов, которых пожелает курфюрст. А кто знает, чем тот будет руководствоваться? Корыстными соображениями? Дружескими? Политическими? Тебе следует быть осторожным.

– Еще бы! Я уже натерпелся достаточно.

И все-таки Вольфганг был счастлив – перед ним открывалась прекрасная возможность хотя бы на время избавиться от Зальцбурга. Он объявил:

– Я постараюсь, чтобы «Идоменео» имел громкий успех, после этой оперы многие правители почтут за счастье взять меня на службу. Мне хочется написать музыку героическую и величественную.

Карл Теодор, пользуясь услугами придворного композитора архиепископа, решил сделать дипломатический жест и выбрал для оперы либретто, написанное Жаном Батистом Вареско, придворным зальцбургским капелланом.

В основу «Идоменея» была положена древняя троянская легенда. Вареско просто скомбинировал несколько ранее написанных на эту тему пьес. И Вольфганг сомневался, сумел ли капеллан улучшить легенду. Многие в либретто Вареско получилось ходульным и напыщенным. И все-таки фабула после некоторых исправлений могла оказаться захватывающей. Драма таила в себе возможности для создания благородной, выразительной музыки; до сих пор ни один сюжет не вдохновлял его так, как этот. Обдумывая тональность оперы, он выписывал из либретто наиболее сценичные, с его точки зрения, места.

«Идоменей, царь Крита, после завоевания Трои посылает к себе домой плененную им принцессу Илию, дочь Приама. Сам царь следует за ней на другом корабле. Крит уже близко, когда на море разражается страшная буря, грозящая кораблекрушением. Идоменею кажется, что бурю эту с какой-то целью наслал Нептун. Чтобы унять гнев морского бога, Идоменей обещает бросить Нептуну в жертву первое живое существо, которое встретится ему па

берегу. Буря утихла, и Идоменей понимает, что сделался заложником бога морей.

Первым, кого встречает Идоменей на берегу, оказывается его сын Идамант – он пришел встречать отца. Царь не в силах выполнить данную им богу клятву, он решает отослать сына с острова. По совету своего наперсника Арбаса царь отдает распоряжение Идаманту сопровождать Электру, королеву Аргоса, обратно на ее родину. Этот план был на руку Идоменею еще и потому, что сын, дав обещание обвенчаться с Электрой, влюбляется в Илию.

Обман Идоменея вызывает гнев Нептуна. В тот момент, когда Идамант должен отплыть от берега, морской бог насыляет новую бурю, чтобы не дать кораблю Идаманта выйти в море, и велит подводному чудовищу опустошить Крит. Идамант не может справиться с бурей, ему приходится задержаться на берегу, однако чудовище он убивает. Тогда верховный жрец Нептуна рассказывает Идаманту об обещании его отца. Идамант решает выполнить обязательство отца, но в этот момент Илия предлагает себя в жертву вместо Идаманта. Это умиротворяет морского бога, и подводный глас приказывает Идоменею отказаться от власти в пользу Идаманта и дать влюбленным разрешение на брак. Идоменей соглашается, и, хотя отвергнутая Электра приходит в бешенство, помешать влюбленным она не в силах».

К тому времени как Вольфганг собрался ехать в Мюнхен, некоторые арии были уже готовы, но с Вареско он не мог найти общий язык. Использовать же либретто в прежнем его виде значило заведомо идти на провал.

– Я должен указать придворному капеллану, какие изменения необходимо внести, – сказал Вольфганг Папе, – иначе его глупости испортят всю мою партитуру.

– Подожди до Мюнхена. Там Вареско не сможет помешать тебе делать исправления.

Вольфганг прибыл в Мюнхен на неделю раньше назначенного срока. Он горел желанием начать репетиции оперы и, засвидетельствовав свое почтение Карлу Теодору, который вел себя с ним подчеркнуто вежливо, поспешил к Каинабаху. Придворный капельмейстер уже наметил певцов, он же, как предполагалось, должен был режиссировать оперу.

– Идоменея будет петь Рааф, – объявил Каннабих.

– Не слишком ли Рааф стар для этой роли? Лично я его очень люблю. Он много сделал для моей матери в Париже, лучшего друга не сыскать, но ему ведь уже шестьдесят шесть.

– Рааф как раз в возрасте Идоменея. – Каннабих осматривал сцену, где предстояло петь Раафу. – И он лучше всех из немецких певцов поет в итальянской опере. Рааф знаменит и в Германии и в Италии. Он прибавит славы вашей музыке.

– К тому же он любимец курфюрста.

– Я не советовал бы вам говорить это в их присутствии. Они будут оскорблены.

– Но справится ли старик с такой трудной ролью?

– Если вы не напишете для него слишком длинных и слишком сложных арий.

– Он посредственный актер. Держится на сцене скованно, будто кукла.

– Рааф все еще искусно владеет голосом, если, конечно, музыка не чересчур замысловата. И учтите, вам не видать бы заказа на оперу, если бы не он.

– Думаю, решающую роль сыграла ваша рекомендация.

– Да, я тоже предложил вас, по наиболее красноречиво уговаривал курфюрста именно Рааф.

– Я вовсе не против тенора, но, поймите, от этой оперы зависит все мое будущее. Так считает и мой отец.

– Ну что тут беспокоиться? Без сомнения, вы сможете написать музыку для голоса Раафа.

Я могу написать музыку для любого голоса, подумал Вольфганг, но разве ради этого я взялся сочинять оперу? И тут он вспомнил, о чем хотел попросить Каннабиха. С тех пор как заказ на оперу был подписан, он мысленно представлял себе, как Алоизия подходит к нему и умоляет дать ей роль в опере. И в тот момент, когда она потеряет надежду, он сделает

благородный жест и согласится. Алоизия будет удивлена, благодарна, и кто знает, чем все это обернется. Вольфганг продолжал твердить себе, что разлюбил Алоизию, но образ ее не давал ему покоя. Забавно было бы стать ее благодетелем. Это сделалось его заветной мечтой.

Появление в театре Раафа и Вендлинга прервало раздумья Вольфганга.

– Рааф, Вольфганг очень рад, что вы будете петь Идомедея, – сказал Каннабих.

– Я чрезвычайно польщен! – воскликнул Вольфганг. Строгое лицо Раафа осветилось улыбкой.

– Не слишком ли я стар?

– Вы в зрелом возрасте, так же как Идомедей, – ответил Вольфганг.

– Мальчик становится дипломатом, – засмеялся Вендлинг. – Он далеко пойдет.

– Господин капельмейстер, – сказал Вольфганг, – я хотел попросить вас об одном одолжении.

– Все, что в моих силах. – Каннабих был явно не слишком обрадован.

– Я хотел бы порекомендовать певицу на роль Илии, прекрасную певицу...

– Ее уже нет в Мюнхене, – перебил Вендлинг. – Алоизия получила место в немецкой опере, и вся семья Веберов перебралась в Вену.

– Я хотел заниматься с ней, но она предпочла Фоглера, – сказал Рааф.

– А через месяц после переезда в Вену умер Фридолин, – продолжал Вендлинг.

– Печальная весть. Он был славный человек, – с грустью заметил Вольфганг.

– Слишком славный для своей супруги, – вставил Вендлинг. – Цецилия Вебер – не женщина, а вампир. И дочь пошла в мать. Как только она поняла, что ей придется помогать семье, тут же вышла замуж и уехала.

Вольфганг онемел от удивления.

– Она вышла замуж за Иозефа Ланге, придворного актёра и художника, – сказал Вендлинг.

Уж в своем ли он уме? Может, эта девушка существовала только в его воображении? Папа как-то попрекал его за «розовые мечты» об Алоизии, но если он действительно тешился радужными, сладостными мечтами, то лишь затем, чтобы как-то скрасить свою жизнь. Папа до сих пор думает, будто он, Вольфганг, легко перенес смерть Мамы, но разве Папе приходилось слышать музыку более печальную, чем вторая часть его «Концертной симфонии»?

– Ланге – вдовец с двумя детьми, – продолжал Вендлинг. – Он работает в немецком оперном театре и сумел устроить туда жену.

– Ланге хороший актер?

– Больше художник, нежели актер. Не печальтесь, слава богу, что не попались ей в лапы. Кто бы на ней ни женился, рано или поздно сделается рогоносцем, а если застанет ее на месте преступления, она, разумеется, с невинным видом объяснит: «Ах, бросьте, чего не бывает в жизни!»

– Как вы думаете, Вендлинг, была она любовницей курфюрста?

– Не сменить ли нам тему разговора? – предложил Рааф.

– Была или нет? – настаивал Вольфганг, словно, если он услышит правду, ему станет легче!

– Кто знает, – сказал Каннабих.

– Это ничего не изменит, знай мы даже то, чего не знаем, – вас не переубедить. Благодарите судьбу, что избавились от семейства Веберов. Я слышал, мать ее возбудила против Ланге дело, она утверждает, будто он обещал, женившись на Алоизии, содержать всю семью.

– Илию поет Доротея, жена Вендлинга, – переменял разговор Каннабих. – А ее золовка, Элизабет, получила партию Электры. Вы не возражаете, Вольфганг?

– Обе они поют прекрасно. Я и раньше писал арии для Доротеи.

– Обещаю, они будут слушаться вас беспрекословно, – сказал Вендлинг.

Но все дело в Раафе, думал Вольфганг, а престарелый тенор ничего не может обещать.

Вольфганг спросил:

– Как фамилия кастрата?

Каннабих, редко выказывающий свои чувства, нахмурился.

– Синьор Дель Прато. К сожалению, должен вам сказать, на сцене он еще ни разу не выступал.

– Тогда зачем вы взяли его в труппу? – возмутился Вольфганг.

– Это придворный кастрат курфюрста. Мы обязаны дать ему роль.

– Не унывайте, Вольфганг, – сказал Рааф. – Дель Прато молод, вашего возраста, из него получится очаровательный Идамант. А я попробую научить его управлять голосом и держаться на сцене. Сам по себе голос не плох.

Не удивительно, что Рааф проявил такую готовность, с сарказмом думал Вольфганг. Когда начались репетиции, ошибки кастрата отвлекали внимание от недостатков самого Раафа.

Лекарство тут может быть лишь одно, как говорил Папа, – музыка призвана восполнить все недочеты. Женские голоса оказались прекрасны, в их партиях не нужно было почти ничего менять, зато мужские арии приходилось неустанно перерабатывать, приспособливать к ограниченным голосовым возможностям Раафа и Дель Прато. Да и либретто доставляло немало хлопот. Некоторые сцены по-прежнему никуда не годились. Но когда он через Папу попросил Вареско кое-что исправить, придворный капеллан сказал, что Моцарт только портит созданное им произведение искусства, и отказался идти на уступки. Вольфганг вынужден был вносить изменения сам; Каннабих, избегая ссор, переложил всю ответственность на композитора.

Потом стал жаловаться Рааф, что его арии слишком сложны, хотя дело было не в ариях, а в самом Раафе – долго тянуть одну ноту он уже не мог.

Вольфгангу пришлось заново переписать арии Раафа, чтобы дать возможность престарелому тенору показать себя в низких регистрах.

Дель Прато держался на сцене так неуклюже, что Вольфгангу приходилось учить его играть, как малого ребенка. От его высоких нот всем делалось не по себе. Хотя, в общем, размышлял Вольфганг, Рааф оказался прав – голос кастрата не так уж плох, просто певец начисто лишен актерского таланта, и у него нет никакой подготовки.

Прошло несколько недель непрерывных репетиций, но положение только ухудшилось. Вареско угрожал подать на Вольфганга в суд, если он посмеет без его согласия и дальше менять либретто; Рааф требовал, чтобы его арии звучали нежнее и мягче, хотя роль Идоменей была драматической, а вовсе не лирической. А Дель Прато – по роли фигура романтическая – казался на сцене слишком женственным, а порой жалким.

Возникла и новая причина для беспокойства. Мария Терезия находилась при смерти, и труппа опасалась, как бы из-за ее кончины постановка оперы не задержалась. Пана послал Вольфгангу свой траурный камзол и просил не унывать, если смерть Марии Терезии воспрепятствует постановке «Идоменей»; какая-то польза все же будет – сын и преемник Марии Терезии, Иосиф II, обладает, по крайней мере, большим музыкальным вкусом, и при нем могут появиться более широкие возможности.

После известия о смерти Марии Терезии в Мюнхене был объявлен однодневный траур, но, в то время как архиепископ, чья ее память, запретил в Зальцбурге все увеселения на целых три месяца, курфюрст баварский повелел, чтобы репетиции «Идоменей» шли своим чередом.

Наконец-то, с горечью думал Вольфганг, люди перестанут связывать мое имя с ребенком, который удостоился чести посидеть у императрицы на коленях. О Марии Терезии говорили, что она была милостивой императрицей, но Вольфганг относился к таким разговорам с сомнением: поляки так не думали, и баварцы тоже. Мария Терезия славилась своей музыкальностью; она восхищалась им в детстве, но, когда он стал взрослым, не проявила к нему никакого интереса и не оценила его музыку.

Сознание, что срок его отпуска скоро истечет, тоже не давало Вольфгангу покоя. Он

пока еще не мог вернуться в Зальцбург, никак не мог, и написал об этом Папе.

Папа ответил: «Не волнуйся. Помалкивай и ничего не предпринимай, а если здесь кто-нибудь спросит, я скажу, будто мы поняли так, что тебе предоставили шестинедельный отпуск для пребывания в Мюнхене уже после постановки оперы, ибо ни одному человеку в здравом уме и в голову не придет, что оперу такой значительности можно сочинить, переписать, отрепетировать и поставить за шесть недель».

Временами Вольфгангу казалось, что он вообще не сможет закончить «Идоменея». Постоянные споры измотали его. Бесконечным переработкам не было конца, их приходилось делать на ходу, и это только портило, а не улучшало музыку.

Прошел месяц с начала репетиций, а Вольфганг все еще сочинял музыку в голове, но записывать не мог. Это казалось ему бессмысленным. Что бы он ни написал, кто-нибудь тут же требовал изменений. Большинство арий было не закончено из-за постоянных поправок, вносимых по требованию певцов, а Каннабих между тем объявил труппе, что Карл Теодор намерен в скором времени посетить одну из репетиций, так что нужно все подготовить; неудачная репетиция могла привести к отмене постановки оперы, – а судить об удаче или неудаче курфюрст будет по ариям своего любимца Раафа.

Поздним вечером Вольфганг сидел при свете свечей над партитурой, он не в силах был собраться с мыслями и побороть тягостное состояние духа. Обычно он мог сочинять при самых неблагоприятных обстоятельствах, но в тот день Вольфганг чувствовал себя больным и разбитым, казалось, судно, несущее его по волнам жизни, готово разбиться в щепы.

Он создал огромное множество произведений, люди всегда удивлялись, с какой легкостью он творит, удивлялись его поразительной плодовитости, словно ставили ему это в вину, но если бы они только знали, с каким трудом это дается. Музыка несла с собой освобождение, а бесконечные переделки словно цепями опутывали его. Он так хотел поскорее освободиться! Он устал потрафлять вкусам толпы. Как тяжело быть рабом, творящим для глухих, для невежд, для посредственностей! Писать в угоду? В угоду кому? Раафу? Дель Прато? Каннабиху? Карлу Теодору? Себе? Приход Раафа нарушил его думы.

Этот визит насторожил Вольфганга. Несколько часов назад между ними произошла бурная ссора: тенор отказался петь свою партию в квартете, который Вольфганг считал музыкальной вершиной «Идоменея». Уж не ждет ли Рааф снова извинений? Впрочем, порой старик ему даже нравился – он умел держаться с достоинством и тактом, в этом ему не откажешь.

– Надеюсь, я не помешал вам, Моцарт? – спросил Рааф.

– Разве это имеет значение? – насмешливо заметил Вольфганг.

– Нам нужна ваша музыка.

– Я думал, в опере нужны только певцы.

Улыбка скользнула по лицу Раафа, суровый взгляд его слегка смягчился, и он сказал:

– Вы очень чувствительны, как все композиторы. Все еще помните о нашей ссоре?

– А вы, господин Рааф?

– Если бы я помнил обо всех ссорах, которые у меня происходили во время репетиций, память моя не могла бы вместить ничего другого.

– Так чему же я обязан такой честью?

– Я пришел к вам из-за арии, знаете, в той сцене, где я встречаю Идаманта впервые.

– Что в ней плохого? – Он сделал арию лиричной, как просил тенор и как того требовал текст либретто. – Она слишком высока для вас?

– Нет. Ария написана вдохновенно. Словно вам доподлинно известно, как чувствует себя отец, потерявший всякую надежду на встречу с любимым сыном.

Вольфганг, скорее озадаченный, чем польщенный, спросил:

– Тогда зачем вы ко мне пришли?

– Мы не можем допустить, чтобы «Идоменея» запретили к постановке из-за незначительных расхождений во взглядах между нами. Я так люблю эту арию, постоянно напеваю ее про себя.

– Но вы ведь постоянно требуете переделок.
– Я привык, что арии всегда приспособливают к моему голосу. Но эта ария останется без изменений. В ней мне подходит каждая нота.

– А как насчет квартета?

– Вы должны понять, эта музыка не для меня, я такую никогда не пел.

– По этой причине вы и пришли ко мне?

– По этой причине вы и не хотели, чтобы я пел партию Идоменея? О, мне ведь все известно.

– Я не высказывал ничего подобного.

– Но вы говорили, что я стар для роли Идоменея, разве это не одно и то же? Как же можно ждать от меня снисходительности? Пишите музыку, как эта ария, и я готов ее петь.

– Я буду писать то, что подойдет для оперы.

– Но не для моего голоса?

– В опере слова должны подчиняться музыке, либретто – партитуре, – тихо и убежденно сказал Вольфганг. – И певец тоже. Иначе опера окажется мертва и ей место на полке музея.

– Вот потому-то, если вы не закончите «Идоменея», произойдет катастрофа.

– Ничего, мир не погибнет, – сказал Вольфганг. Но вот переживет ли он сам, трудно сказать.

– Разве в этом дело! – с чувством, проникновенно произнес Рааф, чего прежде Вольфганг за ним не замечал. – Мне приходилось исполнять арии всех современных оперных композиторов, но музыки столь величественной и прекрасной, как ваша, я не слышал. Двадцать, тридцать лет назад – вот когда мне следовало петь в вашей опере, теперь же я вынужден довольствоваться возможностями, какие у меня остались. И вы, Моцарт, тоже вынуждены этим довольствоваться. Обоим нам приходится расплачиваться – вам за то, что вы слишком молоды, мне за то, что я слишком стар.

На мгновение Вольфганг подумал, уж не собирается ли Рааф навеки скрепить кровью их союз и дружбу по обычаю немецких рыцарей. Но Рааф вдруг снова стал суровым ветераном закулисных битв, недовольный тем, что позволил себе разоткровенничаться.

У двери тенор повернулся и спросил:

– Вы придете завтра на репетицию?

– А вы думали, но приду?

– За последнее время вы почти ничего не написали.

– Я не жалел труда, приспособливая арии к вашему голосу, но что касается трио и квартетов, тут у композитора должна быть свобода.

Рааф поклонился и сухо произнес:

– Я готов считаться с вами, если вы будете считаться со мной.

За одну неделю Вольфганг написал столько, сколько за весь прошедший месяц. Авторитет его возрос – он теперь пользовался поддержкой Раафа, самого влиятельного члена труппы, а вместе с этим возросло стремление работать и уверенность в себе; он менял либретто, желая добиться наибольшей лаконичности и правдоподобия, и не заботился больше о том, чтобы согласовывать свой вариант с Вареско.

К тому времени, как Карл Теодор посетил наконец репетицию – с этим, как понял Вольфганг, тянул Каннабих, стремившийся привести оперу в такой вид, чтобы ее не было стыдно показать, – даже Дель Прато пел выразительно, голос Раафа звучал подчас превосходно, да и оркестр был великолепен.

Курфюрст, присутствующий инкогнито в комнате рядом с залом для репетиций – хотя вся труппа была предупреждена, – вошел после первого акта в зал и крикнул: «Браво!» Он выразил свое одобрение и, поскольку не знал, сможет ли остаться до конца, захотел услышать сцену бури в начале третьего акта и арию Раафа, обращенную к Идаманту.

Сцена ему чрезвычайно понравилась. Курфюрст приказал прервать репетицию и подал знак Вольфгангу подойти и поцеловать руку.

– Господин Моцарт, – сказал он, – опера прекрасна и, несомненно, делает вам честь. Музыка выразительна и благородна. Кто бы мог подумать, что в такой маленькой голове могут таиться столь великие мысли.

Придворный театр Мюнхена с его замысловато украшенным местом для оркестра и галереями был одним из лучших оперных театров, которые приходилось видеть Леопольду. Но пока Наннерль любовалась великолепием интерьера в стиле рококо, его занимала лишь мысль – как пройдет премьера.

А потом, когда зазвучала восхитительная мелодия увертюры, Леопольд сидел притихший и замороженный. Да, музыка действительно величественная и захватывающая, сын сдержал свое обещание. Вольфганг полностью сумел использовать возможности этого блестящего оркестра. Мужские голоса оставляли желать лучшего, в особенности Дель Прато и Рааф, но низы у Раафа звучали почти так же хорошо, как прежде, ему хватало голоса для исполнения почти всех арий.

К концу спектакля аплодисменты уже не смолкали. Карл Теодор поздравил всю труппу и сказал Вольфгангу:

– Я знал, что все сойдет прекрасно. Рааф не ошибся, порекомендовав мне вас. Ваша музыка прямо создана для его голоса. Нужно дать еще несколько представлений в честь нашего тенора.

По распоряжению Карла Теодора Каннабих назначил шесть представлений, но, когда после второго спектакля голос Раафа сильно сдал, число их сократили до трех, а последний спектакль превратился в прощание знаменитого тенора с публикой.

Вольфганга больше всего волновало мнение Папы.

– Самое замечательное в опере – это женские арии, – сказал Леопольд.

– Женские голоса в труппе лучше мужских.

– Особенно красивы и драматичны арии Электры.

– Для нее я мог писать, как мне хотелось. У Элизабет и Доротеи Вендлинг голоса, на которые можно положиться.

54

Визиту Вольфганга в Мюнхен неожиданно был положен конец – архиепископ узнал, что придворный органист без его ведома растянул свой шестинедельный отпуск до четырех месяцев. Колоредо приказал музыканту немедленно явиться в Вену, куда он поехал со всей своей свитой навестить больного отца, князя Рудольфа Колоредо, имперского вице-канцлера.

Вольфганг с готовностью согласился, хотя ему не понравился самый тон вызова. Выискивая одну причину за другой, он со дня на день откладывал отъезд, лишь бы не встречаться с Колоредо. Он наслаждался обществом Вендлингов, Каннабихов и Раафа – их дружба, выдержавшая испытание постановкой «Идоменей», еще больше окрепла. Но Вольфганга очень огорчило, что Карл Теодор, несмотря на все похвалы, расточаемые опере, не пригласил его остаться в мюнхенской придворной капелле.

Вольфганг приехал в Вену 16 марта 1781 года. Подъезжая к городу, он сделал остановку – ему хотелось полюбоваться панорамой города. Он стоял на склоне горы у опушки Венского леса, смотрел на собор св. Стефана и Карлскирхе и чувствовал себя снова дома. Я скорее венец, чем зальцбуржец, думал Вольфганг, родина там, где тебе больше всего нравится, где вольно чувствуешь себя, а вовсе не там, где родился. Вид юрода наполнял его душу радостью. Он вспомнил детство и свою поездку в Вену. Тогда он с первого Взгляда влюбился в этот город, а теперь Вена нравилась ему больше прежнего.

Словно желая вознаградить себя за годы, проведенные вдали от Вены, и обрести вновь все, что он так любил, Вольфганг велел кучеру остановиться возле Гофбурга.

Он шел по людному Кольмаркт. Стоял теплый, ясный день, и вся улица была запружена богатыми экипажами. Дойдя до конца Кольмаркт, Вольфганг свернул на Грабен, где народу было еще больше. Среди прохожих встречалось много бюргеров и мастеровых.

Вольфганг остановился на площади перед собором св. Стефана полюбоваться его высоким готическим шпилем, а затем направился в сторону Зингерштрассе, куда приказал ему явиться Колоредо. И машинально замедлил шаги, чувствуя, что стоит ему предстать перед архиепископом, как всякой идиллии наступит конец.

Дом 7 по Зингерштрассе находился поблизости от собора св. Стефана; на парадной двери красовался огромный военный крест, над ним – герб с императорской короной; с двух сторон корону поддерживали габсбургские львы, а увенчана она была крестом, больше напоминавшим скрещенные шпаги. Вольфганг вдруг сообразил, что это дом тевтонских рыцарей, и Колоредо остановился здесь потому, что дядя его, граф Карл Колоредо, возглавлял австрийскую командорию этого Ордена.

Вольфганг попросил доложить о себе архиепископу, поскольку получил приказ явиться тотчас же по прибытии в Вену, но его провели к Карлу Арко. Колоредо занят, заявил граф, и просил подождать. Однако Арко и не подумал доложить архиепископу о прибытии композитора, и Вольфгангу пришлось дважды просить об этом графа; наконец тот неохотно исполнил его просьбу.

Прошло несколько часов, прежде чем Вольфганг был допущен пред ясны очи архиепископа. Колоредо, перебивавший корреспонденцию, даже не поздоровался с ним, а лишь холодно спросил:

– Что вам нужно, Моцарт?

– Вы просили меня явиться, ваша светлость.

– Ах да. – Колоредо вел разговор в присутствии Арко и двух камердинеров. – Вы просрочили свой отпуск.

– Ваша светлость, чтобы сочинить оперу, мне потребовалось шесть недель и еще шесть недель, чтобы отрепетировать и поставить ее.

– Вам разрешили шесть недель отпуска, не больше.

– Ваша светлость давали согласие отпускать меня из Зальцбурга писать оперу, когда мне потребуется.

– Согласие?! Я не заключаю соглашений со своими слугами.

– Но графиня Лютцов особо оговорила это условие.

– Графиня может говорить только за себя. Граф Арко сообщил мне, что вы зарабатываете у меня больше любого придворного органиста. Пятьсот гульденов!

– Четыреста пятьдесят, ваша светлость.

– Больше, чем вы того заслуживаете при ваших вечных отлучках.

– Всего одна отлучка, ваша светлость.

– Получается больше, раз вы отсутствуете так Долго. Завтра я даю концерт в честь русского посла, и, не прикажи я вам явиться сюда, вы бы до сих пор торчали в Мюнхене, играя для собственного удовольствия.

– Мне предстоит играть для князя Дмитрия Голицына, ваша светлость?

– Да, а в чем дело, Моцарт? – Колоредо удивил интерес, выказанный его слугой.

– Он мой друг.

– Могу себе представить! Брунетти сообщит вам, какую программу надлежит подготовить, а обер-камергер определит квартиру.

Вольфганг хотел было что-то сказать, но архиепископ дал знак, что аудиенция окончена, и Арко; взяв его под руку, вывел из зала.

– Его светлость и так на вас сердит, – шептал он на ходу. – Еще одно возражение, и он не позволит вам выступить.

Вольфгангу хотелось выбрать себе квартиру по собственному усмотрению, чтобы избежать давящей атмосферы германской резиденции Ордена, но Арко не разрешил. Пока он находится на службе у архиепископа, это исключено, сказал он. Вольфгангу пришлось поселиться в тесной комнатухе, темной и холодной; обер-камергер посадил его за один стол с камердинерами, поварами, кондитером и Брунетти, а когда было указано место ниже камердинеров, которые сидели во главе стола, он понял, что его наказали.

Да, подумал Вольфганг, похоже, что я снова в Зальцбурге. Он чувствовал себя глубоко оскорбленным.

Во время обеда отпускалось много грубых шуток, но Вольфганг не произносил ни слова. Лишь когда разговор коснулся болезни отца архиепископа, он спросил:

– Брунетти, а чем болен вице-канцлер?

– У старика колики.

– Вы шутите! Это же детская болезнь.

– Ничего подобного. Вы что, не знаете, сколько еды поглощают высокопоставленные особы? – Брунетти не боялся откровенничать с Моцартом. Моцарт ничего не передаст Колоредо, он слишком ненавидит архиепископа.

Наверное, поэтому архиепископ настроен на брюзгливый лад?

– Он и сам мучается желудком. А нас они кормят вот этими помоями.

– А как с концертом для князя Голицына? Что в программе?

– У нас есть камерный оркестр. В честь русского посла дирижировать будет сам Бонно, императорский капельмейстер. Программа еще не составлена. Этим поручили заняться мне. Каков будет ваш совет, синьор маэстро?

Вольфганг понимал, что Брунетти издевается над ним, и тем не менее концерт этот сулил ему многое.

– А кто еще будет присутствовать?

– Граф Пальфи, графиня Тун, князь Кобенцл и иже с ними.

Все его старые друзья и покровители!

– Мы могли бы сыграть мою «Концертную симфонию» ми-бемоль мажор, ту, что вы с Гайдном исполняли в Зальцбурге.

– Ту мрачную! Колоредо ведь ее не любит!

– Соло на скрипке даст вам возможность блеснуть. И принесет много гульденов. Колоредо все равно ничего вам не заплатит – вы ведь знаете.

– Что правда, то правда, – вздохнул Брунетти. – А кто исполнит партию альты?

– Я.

– Вы не сможете. Сколько лет уж не брались за инструмент.

– Как-нибудь справлюсь. По крайней мере, не напьюсь пьяный, как Михаэль Гайдн.

Но и меня заткнуть за пояс не сможешь, самодовольно подумал Брунетти. По сравнению с тобой я буду вторым Тартини или Нардини.

– Что ж, пожалуй, – сказал он.

Честолюбие! Играя на нем, всегда можно добиться своего.

– Но я хочу просить вас об одном одолжении.

– Каком?

– Исполняйте свою партию, как она написана.

– Я так всегда и делаю.

– Но на этот раз проявите особую внимательность. Прошу вас.

Брунетти пожал плечами. Что ему стоит пообещать! Когда Вольфганг поднялся уходить, он сказал:

– Ждите меня здесь завтра вечером в семь часов, к князю Голицыну пойдем вместе.

– К чему это? – раздраженно спросил Вольфганг. – Я знаю дорогу.

– Ангербауэр, старший лакей архиепископа, отведет нас туда.

Я и сам дойду, подумал Вольфганг, однако кивнул в ответ – не стоило пререкаться с Брунетти.

Назавтра Вольфганг отправился к князю Голицыну один; на лестнице он встретил Ангербауэра. Тот подал было знак посольскому лакею проводить Моцарта в зал. Но Вольфганг, не обращая внимания на лакеев, прошел через анфиладу комнат в музыкальный зал, направился прямо к князю Дмитрию, засвидетельствовал свое почтение и вступил в разговор. Русский посол чрезвычайно обрадовался встрече с Моцартом.

– Ваше выступление сегодня для нас большая честь, синьор кавалер. Мы услышим

ваше новое произведение?

– Новое для Вены, ваше сиятельство, я написал его еще в Зальцбурге.

Граф Пальфи и графиня Тун тепло поздоровались с Вольфгангом. Как мила и обаятельна эта женщина, подумал Вольфганг. Графиня Тун сказала:

– Князь Голицын, нам выпало счастье – господин Моцарт приехал наконец в Вену.

Граф Пальфи выразил свое возмущение: архиепископ Колоредо, оказывается, скрыл от него, что Вольфганг Амадей Моцарт находится в Вене.

Он посылает Брунетти, – проворчал граф, – посредственного скрипача, выступить на одном из моих музыкальных вечеров, тогда как здесь вы. Он что, скрывает вас от других.

– Я только что приехал.

– Знаю. Из Мюнхена после триумфа «Идоменея». Ваша опера в Вене вызвала много шума. Я хочу представить вас Готлибу Стефани, у него есть либретто, которое нужно положить на музыку, хорошую музыку.

– А он хороший либреттист, ваше сиятельство? – Вольфганг не желал больше иметь дело с дилетантами вроде Вареско.

– Господин Моцарт, он инспектор немецкого оперного театра в Вене!

Джузеппе Бонно, старший капельмейстер императорского двора и давнишний друг Вольфганга, дирижировал «Концертной симфонией» ми-бемоль мажор так, как написал ее композитор, задумавший создать симфонию с двумя солирующими инструментами – скрипкой и альтом. Камерный оркестр под управлением Бонно играл с большим мастерством и вкусом.

Вольфганг не признавался никому, даже Папе, даже себе самому – слишком уж это было мучительно, – как много личного вложил он в «Концертную симфонию»; только теперь, слушая ее в превосходном исполнении, он еще раз убеждался, какие горькие раздумья терзали его, пока он работал над этой вещью. Первая часть – *Allegro maestoso* – величественная, полная благородства, была в то же время оживленной. Сегодня «Концертная симфония» впервые исполнялась так, как задумал ее композитор. Вольфганг ликовал. Длинное оркестровое вступление звучало с подлинной симфонической мощью, выразительно и в то же время певуче. Мамина смерть перевернула мне всю душу, думал Вольфганг, я, видимо, никогда не смогу примириться с этой утратой. Но жизнь требует равновесия: вот так уравнивают друг друга солисты и оркестр. Ему говорят, что он еще молод, но подчас он чувствует себя маститым, старым композитором. Слезы подступали к горлу при воспоминании о всех переживаниях, выпавших на его долю за последние два года. Но музыка никогда не должна быть сентиментальной. Это дурной тон.

Вольфганг напряженно слушал, ожидая вступления солистов, радуясь, что его музыка неизменно сохраняет чистоту и законченность, какие бы страсти ни бушевали в сердце создателя во время работы над ней. Разве можно назвать его только изящным композитором? Что касается силы воздействия его музыки, то он готов потягаться с кем угодно. Вольфганг улыбнулся, внимая безукоризненному исполнению оркестра под управлением Бонно. По-настоящему он слышал свои произведения, только когда писал их и когда их правильно исполняли. Первая часть подходила к моменту вступления солистов, и Вольфганг с огромным чувством удовлетворения отметил, что уж в этих-то пассажах он, во всяком случае, сумел достичь задуманного. А когда вступили скрипка и альт, Вольфганг убедился – сегодняшним исполнением своей симфонии он может гордиться. Брунетти, воодушевленный великолепной слаженностью оркестра, сам играл с изумительным мастерством и чистотой, чего давно уже с ним не случалось, а альт откликнулся, и казалось, будто они ведут задушевную, дружескую беседу.

Вторая часть *Andante* была настолько насыщена его личными переживаниями, что Вольфганг, играя, не подымал ни на кого глаз. Он написал ее в до миноре – тональность эта передавала всю глубину охватившего его горя. Струны изливали почти невыносимую печаль, но даже в самых трагических местах мелодия сохраняла певучесть. На его памяти Брунетти никогда не играл так прекрасно; доволен был Вольфганг и своим исполнением. Все

меркло по сравнению с основной элегической темой – она звучала необычайно выразительно. В глазах Вольфганга блестели слезы, но он не плакал. Никто не должен догадываться, как много значит для него эта часть. Того, что он сказал музыкой, вполне достаточно.

Те, кому приходилось страдать, поймут его.

Третья часть – это больше дань тому, чего ждала от него публика. Rondo – его следовало исполнять presto – лилось вдохновенно и грациозно, и каждый инструмент получил возможность показать себя. Но сверкающая, нарядная музыка не стала от этого легковесной. Изящные арабески ни на минуту не затушевывали основную тему. И каждый инструмент оставался частью единого величественного целого.

Графиня Тун сидела потрясенная. Моцарт, которого она слушала сейчас, – это совсем не тот Моцарт, которого она знала много лет назад. «Концертная симфония» ми-бемоль мажор явилась откровением и неожиданностью, так глубока и подчас так скорбна была эта музыка. Во время исполнении второй части графиня чуть не прослезилась, хотя сентиментальность не; была ей свойственна. Вольфганг, казалось ей, вложил в свою симфонию сознание трагизма человеческого существования и фатализм, которого раньше в его вещах не наблюдалось. Какие глубокие переживания положены в основу итого произведения! Она видела, что граф Пальфи тоже растроган, да и многие другие. Не скрывал скуки один лишь Колоредо. Архиепископ хотел уйти со второй части – графиня это заметила, – но его удержал интерес, с каким слушал музыку князь Голицын. Вольфганга окружили восторженные почитатели, поздравляли с прекрасной симфонией и превосходным исполнением. Все высокопоставленные особы разделяли чувства графини, и только отец и сын Колоредо продолжали сидеть поодаль от всех, в окружении своей свиты.

Графиня Тун присоединилась к группе почитателей Моцарта в тот момент, когда Брунетти, опьяненный похвалами, воскликнул:

– Моцарт, для человека, не любящего скрипку, вы написали превосходную скрипичную музыку, – и тут же, спохватившись, прибавил: – Особенно она выиграла в моем исполнении.

– Вы были на высоте, – сказал Вольфганг, – скрипка в ваших руках звучала удивительно непринужденно и благородно.

– Вы не верили, что я на это способен, не правда ли?

– Я написал для вас несколько скрипичных концертов. Разве вы не помните, Брунетти?

– Ну, когда это было! А знаете, – воскликнул он, словно его что-то осенило, – ваша «Концертная симфония» скорее похожа на скрипичный концерт!

– Но и на симфонию одновременно, – сказал Бенно, – ее темы звучат поистине с симфонической мощью.

– Это ваша заслуга – ведь вы дирижировали оркестром уверенно, с чувством меры и большим вдохновением.

– Вольфганг, я дирижировал симфонией так, как она написана. Я сделал все, что мог, для столь великолепного произведения искусства.

Граф Пальфи сказал:

– Господин Моцарт, вы должны выступить у меня дома.

– Я почел бы за честь, ваше сиятельство, но без разрешения его светлости не могу.

– Мне он не откажет, – заявил граф Пальфи. – И потом, я хочу представить вас Стефани. На него можно положиться. Он главный режиссер, инспектор нашей немецкой оперы, а также любимец императора.

– Ваше сиятельство, могу ли я надеяться выступить перед императором?

– Постараюсь это устроить, – откликнулась графиня Тун. – У меня будет музыкальный вечер, и император обещал почтить его своим присутствием.

– Мне не хотелось бы показаться навязчивым, – сказал Вольфганг, хотя выступление перед Иосифом II было его заветной мечтой, тут же мелькнула мысль: Бенно уже за семьдесят, он скоро выйдет в отставку и, хотя по чину за ним следовали Сальери и Штарцер, место могло бы найтись и для него. – Но моя музыка может развлечь императора, когда-то

она ему нравилась. Для меня это была бы большая честь.

– А для нас честь – слушать вас, – сказала графиня Тун. – И на это тоже потребуется разрешение его светлости?

– Если приглашение будет исходить от императора, то нет. Ему, я думаю, его светлость не откажет.

Бонно сказал:

– Я не хотел бы обременять вас лишними заботами, маэстро, но Общество венских музыкантов устраивает концерт в пользу вдов и детей музыкантов, и вы нас осчастливите, если согласитесь сыграть несколько своих вещей. Концерт состоится через две-три недели, и император обещал на нем быть.

Пожалуй, самое заманчивое предложение, подумал Вольфганг, но снова ответил:

– Нужно получить разрешение его светлости.

– Так давайте попросим его все вместе, – сказал князь Филипп Кобенцл, молча стоявший позади. – У меня тоже есть просьба к маэстро. Моя кузина, графиня фон Румбек, сочтет за честь стать вашей первой ученицей в Вене.

Вольфганг не любил преподавания, но он понимал – от подобного предложения не стоит отказываться. Сорокалетний Филипп Кобенцл был моложав и хорош собой; один из самых влиятельных аристократов империи, он славился великолепным вкусом и пользовался особым расположением его величества.

Наступило молчание. Какое-то время все раздумывали над предложением Кобенцла, а затем решились: действительно, нужно обратиться с просьбой к архиепископу Колоредо; архиепископ сидел в обществе своего отца и дяди.

Но прежде чем кто-либо успел раскрыть рот, Колоредо сказал:

– Моцарт, а ведь в Зальцбурге вы никогда не играете на альте.

Вольфгангу хотелось ответить: «Вряд ли это стоит, с вашим жалким оркестром», – но он сказал:

– Сегодня был особый случай.

– Потому-то вы и выбрали эту скучную «Концертную симфонию»?

– Ваша светлость, мне показалось, что слушателям она понравилась. Вольфганг старался говорить сдержанно, но и душе ликовал. Почтительное отношение гостей, теплые чувства, проявляемые ими, льстили ему и радовали. Колоредо, должно быть, сторает от зависти, раз позволяет себе высказывать недовольство при всех. – Вы не находите ее заслуживающей внимания, ваша светлость?

– Мое мнение об этой вещи вам известно. Я высказывал его еще в Зальцбурге.

– Я удивлена, ваша светлость, – заметила графиня Тун, неужели вы действительно так думаете? Столь прекрасную и волнующую музыку мне еще не доводилось слышать.

Князь Рудольф Колоредо, отец архиепископа, поглотивший, по-видимому, невероятное количество пищи за свой ген, до того он растолстел и нажил к тому же сильнейшую подагру, слушал разговор со все возрастающим нетерпением и наконец снисходительно заметил:

– А знаете, Моцарт, вы играли для меня, когда были ребенком.

– Да, ваше сиятельство, в то время я играл для многих любителей музыки.

– О, я не считаю себя любителем музыки, – с достоинством заметил князь Рудольф. – Но мне тогда сказали, что это ваш первый визит в Вену, вам было всего шесть лет.

– Это правда, ваше сиятельство.

– Вы были в то время в моде. Привлекли внимание самой императрицы.

– Теперь я играю лучше, ваше сиятельство, – поспешил заметить Вольфганг.

– Но вы уже не вундеркинд, – со свойственной ему резкостью объявил князь Рудольф. Он не признавал моды, получившей недавно распространение среди аристократии, – обращаться с музыкантами чуть ли не как с равными. Музыканты – обычные слуги, и никакая вежливость на свете не изменит этого факта. «Музыка – проститутка, созданная для того, чтобы совращать сердца вопреки рассудку», – сказал он как-то сыну. Князь

потворствовал прихоти сына содержать обширную музыкальную капеллу только из тех соображений, что это полезно с точки зрения политической, однако в его глазах музыка Моцарта была хуже всякой проститутки, ибо она намеренно выставляла себя напоказ с целью соблазнить человека.

– Настоящий мужчина дерется шпагой, а не нотами, – проворчал он.

– Не мог бы Моцарт выступить у меня во дворце в следующую субботу? – спросил граф Пальфи.

– В субботу он играет для меня, – ответил Колоредо.

– Я могу назначить другой день.

– На вашем месте я не стал бы настаивать. У моего придворного органиста есть определенные обязанности.

Но больше всего Вольфганг возмутился, когда Колоредо не позволил ему выступить у графини Тун и на концерте у Джузеппе Бонно, – значит, он не сможет играть перед императором. Неужели Колоредо так снедала зависть?

Колоредо поднялся, желая подавить своим ростом музыканта – пусть гости воочию убедятся, что его органист ничего собой не представляет. Но гости, включая князя Дмитрия, были другого мнения, и Колоредо, заметив это, презрительно подумал: дураки, носятся с Моцартом, пока он в моде, а понадобится его поддержать, моментально подождут хвосты и разбегутся в разные стороны. Он бы давным-давно уволил его, не будь Моцарт единственным музыкантом при дворе, с которым считаются в Вене. Но раз уж платит Моцарту он, музыкант обязан приносить пользу ему одному, и никому больше: ведь другие отделаются несколькими гульденами и только, а основная-то тяжесть расходов ложится на его, Колоредо плечи. Какая наглость – безродный бродяга, слуга, а еще пытается его затмить. Да без благоденний его двора этот музыкантишка не знал бы, на что завтра жить.

– Неужели время Моцарта полностью расписано, ваша светлость? – спросил Кобенцл.

– Да. Я намереваюсь дать в Вене несколько концертов.

– Когда они состоятся?

– Не все еще вечера расписаны, но, думаю, скоро мы окончательно решим.

– Вечера?

– А как же? Вы же не пойдете на концерт днем!

– Разумеется, нет. Значит, господин Моцарт может давать уроки?

– Князь Кобенцл, я вас не понимаю. – Колоредо был озадачен.

– Моя кузина, графиня фон Румбек, хотела бы брать у Моцарта уроки. В дневное время, вы разрешите?

Колоредо почувствовал себя в ловушке и был взбешен. Однако отказ Кобенцлу могли расценить как неповиновение короне. И архиепископ сказал:

– Все услуги, которые может предоставить мой двор, в вашем распоряжении – я почту за честь! – Сообразив, что урокам скоро придет конец, ибо а Вене он не задержится, Колоредо успокоился.

Кобенцл повернулся к Вольфгангу:

– Вы согласны, маэстро?

– Я буду счастлив, наше сиятельство.

– Хочу выразить вам и свою благодарность, маэстро, – сказал князь Дмитрий. – Я счастлив был услышать снова вашу музыку, я надеюсь испытать это удовольствие и в будущем.

Колоредо жестом показал слугам, что удаляется, и, когда Вольфганг не последовал за ним, намереваясь остаться с друзьями, архиепископ дал знак обер-камергеру поставить музыканта на место. Князь Кобенцл сказал:

– Господин Моцарт, вы доставите мне огромное удовольствие, если сумеете погостить на моей вилле в Венском лесу.

В этот момент Карл Арко взял Вольфганга за руку и, прежде чем тот успел дать согласие князю, заставил его покинуть зал вместе со свитой архиепископа.

Император, узнав от Кобенцла о предстоящем выступлении Моцарта на концерте в пользу вдов, охотно согласился послушать его игру. Когда об этом доложили Колоредо, он из уважения к Иосифу II разрешил своему придворному органисту принять участие в концерте. Но был немало раздражен. По какому праву его слуга устраивает свои дела через голову хозяина?

Вольфганг тоже злился, хотя разрешение Колоредо и воодушевило его. Он понимал, получено оно только благодаря покровительству императорского двора, однако запоздалое разрешение – его предупредили всего за несколько дней до концерта – сильно осложнило дело, потому что Вольфгангу заказали написать по этому случаю пьесы.

Брунетти – он также принимал участие в концерте – заявил, что написать их так быстро невозможно.

Брунетти сам невозможен, подумал Вольфганг. Что касается сочинения музыки, то для него нет невозможного, нужно лишь захотеть.

– Я сочиню три пьесы, – сказал Вольфганг, – рондо для вас, фортепьянную сонату для себя и еще одну сонату, которую буду играть на фортепьяно, а вы – аккомпанировать на скрипке.

– Когда же? Осталось всего два дня.

– Все будет готово вовремя. – Ну и осел же этот Брунетти, чего он беспокоится?

Но накануне концерта Брунетти пришел к нему в полной растерянности.

– Я получил рондо, а где же аккомпанемент для скрипки?

– Напишу позже.

– Позже? Да ведь уже около одиннадцати!

– Значит, к двенадцати, чтобы успеть, я напишу только партию скрипки для вас, а свою партию писать не стану, она у меня в голове. Не волнуйтесь, я помню каждую ноту. Все будет хорошо, и вы получите за исполнение немало гульденов.

Аккомпанемент для скрипки был написан, но свою партию Моцарт играл полностью по памяти, и притом превосходно, чем поверг Брунетти в изумление. Вольфганг оказался прав: император прислал в подарок скрипачу двадцать гульденов. Но по-настоящему привел в восторг публику только Моцарт. После того как он исполнил свою сонату для фортепьяно, аплодисменты долго не смолкали и Вольфганг вынужден был повторить ее на «бис», а потом еще и импровизировать.

Концерт окончился, император встал и несколько раз крикнул: «Браво!» – а затем выразил желание поговорить с композитором. Иосиф почти не изменился, подумал Вольфганг, так же по-юношески статен, изящен и выглядит молодо. Теперь, сделавшись после смерти матери единовластным правителем, Иосиф проводил политику куда более демократическую, старался избегать официального тона и обращался с подданными, как с равными.

– Господин Моцарт, у вас по-прежнему удивительное туше, – сказал император, – мы хотим послушать и другие ваши произведения. Вы слишком давно не были в Вене.

– Ваше величество, я польщен тем, что вы выразили желание послушать мою игру.

– Ну как же! Я всегда восторгался вашей музыкой. Однако, прежде чем Вольфганг успел заговорить о своих дальнейших планах, Иосифа отвлек кто-то из придворных.

На следующей неделе графиня Тун устраивала у себя концерт, на котором обещал присутствовать император, но на сей раз Колоредо заявил, что его органист играть не сможет, и сам устроил в означенный день концерт. Граф Пальфи попросил Вольфганга выступить у него, но снова получил отказ у Колоредо. Архиепископ не позволил музыканту устроить и публичный концерт, несмотря на настойчивые требования публики. В письмах к Папе Вольфганг выражал возмущение поведением Колоредо; ему противна мысль о возвращении в Зальцбург, писал он. Леопольд советовал не ссориться с архиепископом и не

поступать необдуманно, по запрещение устроить публичный концерт переполнило чашу терпения. Вконец расстроенный, Вольфганг жаловался Папе:

«Мне очень жаль, что мои неприятности с Муфтием так скверно отразились на Вас. Я бы все отдал, лишь бы сохранить Вам здоровье и сделать Вашу жизнь счастливой; я полностью сознаю, сколь многим Вы пожертвовали ради меня, но мне становится все труднее ладить с нашим Архибуби²⁰. Когда у меня появляется возможность заработать немного денег, он этому препятствует.

Может быть, Вы и правы, когда пишете, что держать меня на службе льстит его самолюбию, но мне-то от этого какая польза? И потом, подумать только, как он со мной обращается! Я четыре раза был приглашен на обед к графине Тун и бываю у нее почти ежедневно; я был гостем князя Кобенцла, а наш Муфтий по сей день заставляет меня сидеть за одним столом с камердинерами и поварами.

Все мои милые венские друзья сходятся на одном: мне следует заручиться благосклонностью императора. Иосиф горячо аплодировал моей симфонии, которой дирижировал Бонно, – оркестр состоял из ста восьмидесяти музыкантов и играл великолепно! Чего бы я мог достичь с таким оркестром! А в Зальцбурге камерный оркестр из двенадцати человек неспособен исполнить даже мой самый простенький дивертисмент.

Собственно, я мог бы здесь процветать даже без поддержки императора. Вена – город клавира. Я мог бы легко заработать сотню гульденов на публичном концерте, имея я разрешение Архи-буби. Но он не собирается платить даже за ту дополнительную работу, что я для него делаю. На концерте у графини Тун, который почтил своим присутствием Иосиф II, все солисты получили по пятьдесят гульденов – вот что мне особенно обидно! Какая возможность упущена!

Любимый Папа, терпеть все это становится невыносимо. Либо мне придется пожертвовать своими высокими стремлениями и стать низким прислужником, либо как-то отстаивать честь музыканта.

Вы знаете, сколько пришлось мне вытерпеть оскорблений, но, даже невзирая на это, у меня завязались здесь чрезвычайно полезные связи – о таких музыкант в Вене может только мечтать. Ко мне относятся с огромным уважением самые высокопоставленные особы, они готовы щедро платить за каждое мое выступление. Должен ли я пожертвовать всем этим ради четырехсот пятидесяти гульденов? И в конце концов угаснуть в неизвестности? В Вене предо мной открывается множество возможностей! Граф Пальфи представил меня Стефани, инспектору немецкой оперы и фавориту императора, я сыграл ему несколько арий из «Идомея», и на него они произвели большое впечатление.

Если я останусь в Вене, Стефани сочтет за честь работать со мной. Он покажет свое либретто, как только я решу, что делать дальше.

Князь Кобенцл устроил мне выгодные уроки со своей кузиной, графиней Румбек, плата – шесть гульденов за двенадцать уроков, в три раза больше, чем платят за уроки в Зальцбурге; князь обещал подыскать еще учеников, если я останусь в Вене. Чтобы прожить здесь, мне нужно иметь лишь двух учеников.

Поверьте, я знаю, что вслед за здоровьем деньги – самая важная вещь на свете, и Вена – именно тот город, где я смогу их заработать. Не тревожьтесь, если мне придется расстаться с Муфтием. А если он захочет выместить зло на Вас, Вы вместе с моей дорогой сестрой всегда сможете приехать сюда, я сумею позаботиться о вас обоих. Целую Ваши руки и от всего сердца обнимаю мою милую сестру и остаюсь Вашим любящим и покорным сыном».

Вольфганг обратился за советом к графине Тун. Он хотел знать, много ли, по ее мнению, у него шансов в Вене. Графиня так музыкальна, думал он, сидя в нарядно обставленном просторном зале ее особняка. Несмотря на оптимистический тон письма к отцу, Вольфганга тревожили сомнения и недобрые предчувствия.

– Вы виделись с Марией Антуанеттой, когда были в Париже? – спросила графиня.

– Нет.

– А пытались увидеться?

– Сам я к ней не обращался. Но мои друзья из придворного оркестра пытались устроить мне аудиенцию.

– Что же она сказала?

– Ничего! Сделала вид, будто не помнит меня. Друзья настаивали: «Мсье Моцарт сейчас в Париже и счел бы за честь сыграть для вас», – а она ответила: «Мой маэстро – Глюк. У нас исполняют музыку только Глюка».

– Здесь дела обстоят не лучше, Вольфганг. Глюк – любимец и Иосифа тоже.

– Император очень благосклонно слушал мою музыку и был весьма любезен.

– Поскольку это ему ничего не стоило. Это похоже на Габсбургов.

– Выходит, я зря ободряюсь, рассчитывая на его поддержку?

– Не следует ни на кого полагаться. Даже на меня. Поймите, может настать время, когда император при самых лучших намерениях будет целиком занят другими, более важными делами.

– Итак, – он вопросительно посмотрел на графиню, – мне нужно вернуться в Зальцбург?

– Решайте сами, Вольфганг. Вам понравился Версаль?

– Большинство дам там либо проститутки, либо содержанки. А сильный пол занят охотой, коллекционированием табакерок и наставлением рогов своим друзьям.

– Вы думаете, здесь они другие?

– Значит, мои слова можно отнести и к Вене?

Нет, положение гораздо сложнее, думала графиня. У Вольфганга огромная потребность верить в людей, любить их, подчас он кажется наивным ребенком, хотя на самом деле не хуже других умеет разбираться в людях и хорошо знает человеческую натуру. Но без этой веры, в людей, без этой любви он не мог бы писать музыку так, как ему хочется, и напрасно он пытается предстать циником. Без любви он чувствует себя потерянным. В любви его сила, на любви держится его вера. О плохой музыке и плохих музыкантах он может отзываться язвительно, подчас даже зло; его слух и вкус настолько тонки, что не допускают ни малейшей фальши, но по природе своей он полон любви и благожелательности к людям, они ему так же необходимы, как пища и вода. Он ласков и нежен, поэтому его так легко обидеть: столкнувшись с людской бессердечностью, он пасует, у него не хватает смекалки и практичности.

– Я забочусь о вашем добром имени, – сказала графиня Тун.

– О добром имени? – Вольфганг горько рассмеялся, но, взглянув на ее обиженное лицо, добавил: – Я композитор и в первую очередь должен оберегать свой талант.

– А разве я не хочу сберечь его? Искренне хочу, Вольфганг. Поэтому и пытаюсь предупредить об опасностях, подстерегающих вас.

В этот момент Вольфгангу почудилось, что он влюблен в графиню. Но нет, это немыслимо: у нее три дочери, которых она нежно любит, к тому же графиня на двенадцать лет его старше, правда, с годами разница стала менее заметной, но Вольфганг все же мечтал полюбить женщину молодую и красивую. Возраст наложил свою печать на зазорное, резко очерченное лицо графини, однако и сейчас еще обаяния у нее не отнимешь, и она по праву слышет одной из самых светских и элегантных женщин Вены. Интересно, окажется ли его избранница столь же умной и очаровательной? Но ведь не на уме же, в конце концов, женишься, тут же подумал он. Только бы поскорее, боже милостивый, поскорее! Он так устал от воздержания, от одиночества, от ожидания встречи с идеальной девушкой, словно такой идеал и вправду существует. Хватит с него целомудрия и чистоты в этом далеко не целомудренном Мире.

– Вы дождетесь исполнения своих желаний, Вольфганг, – сказала графиня Тун.

– Сомневаюсь. – Изо дня в день бывать в обществе красивых женщин и сохранять к ним платонические чувства, разве это легко? Казалось, даже музыка перестала приносить

ему успокоение.

– Но не следует забывать одно: хоть музыка, которую вы сочиняете, чиста и возвышенна, мир, вас окружающий, суетен и грешен.

56

Неделю спустя лакей известил Вольфганга, что архиепископ велит ему на следующее утро отправиться в Зальцбург. Придя в ужас от столь неожиданного приказания, Вольфганг попросил у Колоредо аудиенции. Он прождал несколько часов, прежде чем архиепископ сообразовался уделить ему пять минут. Не потрудившись даже спросить, почему он не может ехать, Колоредо прямо заявил:

– С той недели никому не разрешат больше жить в немецком Орденском доме.

– Я не могу покинуть Вену, ваша светлость, мне необходимо задержаться по крайней мере еще на неделю.

– Я же приказал вам отправиться завтра.

– Ваша светлость, у меня назначено несколько встреч, сорвать их я не могу. Предстоит нанести и прощальные визиты моим добрым друзьям – князю Кобенцлю и графине Тун.

– Я не могу злоупотреблять и дальше гостеприимством дяди. Вы прожили здесь достаточно долго, а теперь помещение нужно освободить для членов Ордена.

– В таком случае я подыщу себе другую квартиру, ваша светлость.

Колоредо не пожелал продолжать разговор.

– Вы выедете в Зальцбург через неделю, – резко сказал он. – Времени закончить дела вполне достаточно. А отсюда съезжайте немедленно, жить здесь я больше не разрешаю.

– Благодарю вас, наша светлость.

– Вы испытываете мое терпение. Боюсь, скоро оно лопнет.

Не успел Вольфганг вернуться в свою комнату и обдумать, куда же теперь деваться, как старший лакей Ангербауэр вручил ему записку.

– Принесла ее девушка с красивыми карими глазами и прекрасной фигурой, – сказал он, – она очень просила передать записку лично вам.

В первый момент Вольфганг подумал, уж не любовное ли это послание, но от кого? Он поспешно развернул записку: записка была от госпожи Вебер. Значит, передала ее Констанца. Внешность девушки соответствовала описанию Ангербауэра. Вольфганг стал читать:

«Дорогой господин Моцарт! Надеюсь, Вы не рассердитесь, что я осмелилась написать Вам, но я не уверена, известно ли Вам, что умер Фридолин. Он Вас очень любил, и последние его слова были:– Алоизия не загубила бы свою жизнь, связавшись с актером, послушайся мы вовремя господина Моцарта. – Фридолин наказал мне также отдать Вам копии Ваших мангеймских произведений, а не продавать их, хотя, как Вы знаете, люди мы далеко не богатые. Уже на смертном одре он все повторял, что этим копиям следует храниться только у такого гениального композитора, как Вы.

Фридолин очень высоко ценил Ваше мнение, впрочем, как и все мы, и до конца дней не простил себе, что не поговорил с Вами по душам в последнюю встречу, но он уже был болен и боялся Вас заразить. А я долго думала, писать ли Вам, опасаясь, что из-за Алоизии Вы на нас сердитесь.

Констанца захотела лично передать Вам это письмо, чтобы оно к Вам попало наверняка; она часто вспоминает, как прекрасно Вы к нам относились. Во время роковой болезни Вашей дорогой матушки Констанца каждый день ходила в Собор капуцинов молиться о спасении ее души. Я не говорила Вам об этом раньше, видя, как Вы увлечены Алоизией – а ей-то такое никогда бы и в голову не пришло, – поэтому не хотелось Вас огорчать. Но теперь Вы поняли, что представляет собой Алоизия, так же как мы, и я могу раскрыть Вам некоторые секреты.

Мы слышали, что Вы в Вене играли для императора и для князя Голицына; Вы, должно

быть, очень заняты в кругу своих добрых и знатных друзей. Но если Вам доставит удовольствие хороший домашний обед из настоящих немецких блюд, мы посчитаем за честь принять Вас у себя. Констанца научилась прекрасно готовить, и Ваш желудок, по поводу которого Вы всегда любили пошутить, будет в надежных руках.

Живем мы недалеко – рядом с Петерплац, дом 11; поскольку Алоизия предала нас, я вынуждена сдавать комнаты жильцам, чтобы прокормить трех моих беспомощных девочек, хотя старшая хорошо поет и уже начинает получать ангажементы. Но мы Вас ни о чем не просим, окажите нам только честь своим посещением. Вместо ответа Вы можете просто прийти. Цецилия Вебер».

Это письмо – перст судьбы, подумал Вольфганг. Он немедленно отправился к Веберам и сразу почувствовал себя в их семье как дома. Пусть не раздумывает и переселяется к ним, гостеприимно предложила госпожа Вебер, пока не устроится или не уедет обратно в Зальцбург; и Вольфганг с радостью согласился. Он перебрался в тот же день.

Временно, заверил он госпожу Вебер. Но ему так нравилось находиться в кругу их семьи. За обеденным столом возле него неотступно находилась одна из сестер – подавала кушанья, предлагала исполнить любое его поручение, чинила одежду, а Констанца, самая внимательная из всех, еще и привлекала его своей миловидностью. Вольфгангу нравилось и местоположение дома Веберов: Петерплац хоть и находилась в стороне от Грабена, но их соединял узкий переулок Юнгфернгассе.

Веберы занимали весь второй этаж, и хозяйка отвела Вольфгангу две лучшие комнаты. Он сомневался, так ли уж прав был Вендлинг, называвший ее лгуньей и обманщицей, может, сердце у нее не такое уж злое. Госпожа Вебер предложила ему столоваться вместе со всей семьей. Плата за комнаты была очень небольшой, и Вольфганга не неволили: он мог съехать когда угодно.

– Это произойдет лишь в том случае, если мне придется вернуться в Зальцбург, – заверил ее Вольфганг. – А вернуться туда я могу только по настоянию отца.

Правда, одно замечание Цецилии Вебер очень смутило его. За обедом госпожа Вебер выпила почти полбутылки рейнского и вдруг гордо изрекла:

– В доме Веберов, мсье, не знают французской болезни. – Констанца залилась краской, Софи, самая младшая, удивилась, а Йозефа уронила тарелку, словно звон бьющейся посуды мог как-то заглушить замечание матери.

– Не беспокойтесь, – добавила госпожа Вебер, – я слежу за своими дочерьми. Еще вина, господин Моцарт?

– Нет, благодарю вас, госпожа Вебер. Она вышла, оставив его с девушками.

Но времени наслаждаться семейным уютом почти не было: в последующие дни навалилась масса дел. Новый музыкальный издатель Артариа выразил желание познакомиться с его шестью сонатами для фортепьяно и скрипки, чтобы пустить их в продажу, если они окажутся подходящими; предстояло нанести визиты множеству лиц, и в довершение ко всему, как только Вольфганг выехал из Орденского дома, Колоредо приказал ему каждое утро являться и ждать в прихожей, пока выяснят, не понадобятся ли на сегодня его услуги, Вольфганг послушно приходил в течение трех дней, но архиепископ кон не показывался, и он только попусту тратил время на ожидание, однако стоило ему однажды не прийти, как на следующий же день последовал приказ от Колоредо явиться немедленно.

Архиепископ начал ему выговаривать, и Вольфганг в свое оправдание сказал:

– Ваша светлость, когда я к вам нанимался, мне не ставили такого условия. И тем не менее я всегда аккуратно приходил по первому требованию и был к вашим услугам.

– Очень сожалею, но вы мне нужны сейчас.

– Я ваш покорный слуга.

– Гм? У меня есть один пакет, его нужно срочно доставить в Зальцбург.

– Извините, ваша светлость...

– Арко устроил вам место в дилижансе на завтра, с тем чтобы пакет попал в Зальцбург незамедлительно.

– Ваша светлость, это невозможно! Я веду переговоры относительно продажи своих произведений в Вене, и мне еще нужно получить долги.

– Когда вы намерены покинуть Вену?

– Через несколько дней, ваша светлость. Думаю, в субботу.

Колоредо был так зол, что Вольфгангу показалось – вот сейчас архиепископ взорвется, но тот лишь сказал:

– Итак, в субботу вы отсюда уедете.

Но когда Вольфганг не уехал и в субботу, его снова вызвали к архиепископу и его светлость с издевкой спросил:

– Ну, Моцарт, когда же вы уезжаете?

– Ваша светлость, я намеревался уехать вчера, но в дилижансе не оказалось мест.

– Ложь! Вы и не думали уезжать.

– Думал, ваша светлость.

– Вы даже не потрудились взять у старшего лакея пакет.

– Ваша светлость... – Вольфганг замолчал. Он и правда тянул с отъездом, но разве Колоредо объяснишь, и соврал он лишь потому, что его принудили.

– Хоть бы предупредили Ангербауэра, что не явитесь за пакетом!

– Ваша светлость, я не курьер и не лакей.

– А обыкновенный скрипач.

– Больше не скрипач, ваша светлость. Я вернулся к вам на должность первого концертмейстера.

– Но прежде были самым обыкновенным скрипачом и от случая к случаю – концертмейстером.

– Очень сожалею, что не сумел угодить вашей светлости.

– Так ли уж сожалеете, Моцарт?

Глаза их встретились. Колоредо пытается испепелить меня взглядом, подумал Вольфганг. В глазах Колоредо было презрение, длинный нос и подбородок словно нацелились на Вольфганга, он будто хотел пронзить его взглядом, как шпагой, но взгляд Вольфганга был не менее вызывающ.

– Когда вы уедете?

– Я уже сказал, ваша светлость, лишь только закончу свои дела. Вы не изволили заплатить мне за ту дополнительную работу, которую я делал для вас в Вене, поэтому мне приходится собирать все, что я сумел здесь заработать.

– Вы себе слишком много позволяете! Я не желаю сносить оскорблений от человека без роду и племени. Либо вы окинете Вену немедленно, либо я лишу вас жалованья.

– Тем паче мне придется остаться, ваша светлость. Деньги понадобятся еще больше. Тут уж Колоредо дал волю своему гневу:

– Вы самый нерадивый лакей у меня на службе! Никто мне так плохо не служит, как вы, шут гороховый! Я и так слишком долго терпел ваши дерзости!

– Стало быть, ваша светлость, вы мною недовольны?

– Ты смеешь еще говорить со мной в таком тоне, лживый негодяй!

Вольфганг старался держать себя в руках и отвечать как можно спокойнее, хотя все в нем кипело: хотелось достойно отпарировать эту брань.

– Я стараюсь говорить правду, ваша светлость.

– Остерегайся, или я впредь не пожелаю иметь дела с тобой, паршивый лгунишка.

– А я с вами!

– Подумать только, плачу ему пятьсот гульденов!

– Четыреста пятьдесят!

– Если ты не желаешь служить мне как полагается, вон отсюда!

Вольфганг отвесил поклон и сказал:

– С большим удовольствием.

– Я сказал: «Вон!» Не желаю больше терпеть тебя!

– Это окончательное решение?

Колоредо молчал, от злости не в силах выговорить ни слова. С внезапной решимостью Вольфганг объявил:

– Пусть будет так. Завтра я подам прошение об увольнении а письменной форме.

– Мерзавец! Грязный лакей! Лгун! Ты провалишься в Вене, как провалился и Зальцбурге. Арко, Арко, выведите этого паршивца!

Но Вольфганг, чувствовал себя победителем, вышел прежде, чем подоспел граф. Однако тут же ужаснулся содеянному. В Зальцбурге многих подданных архиепископа бросали в подземелье крепости Гогензальцбург за более невинные проступки, и Вольфганг вдруг смертельно испугался за Папу. Не поступил ли он слишком опрометчиво? Но как Колоредо посмел сказать, что он провалился в Зальцбурге? Колоредо говорил с ним в таком злобном тоне! А что, если враждебность князя отразится на отношении к нему здесь, в Вене? Он вернулся к себе в комнату и бросился на кровать. Его трясло, словно в лихорадке. Он пролежал целые сутки, не а силах сомкнуть глаз.

На следующее утро, вместо того чтобы идти в Орденский дом и просить, как того можно было ожидать, у князя прощения, Вольфганг собрал все свое мужество и силы и написал Папе подробный отчет о случившемся. Держать ответ перед Папой было куда труднее, чем перед архиепископом, но все пути назад теперь отрезаны. Спокойно, с твердой решимостью он написал, что увольняется со службы и думает сделать это официально – написать письмо и передать его светлости через графа Арко, – а если Колоредо только посмеет сделать что-нибудь в отместку, добавил он, например уволить Леопольда, пусть Папа и Наннерль немедленно приезжают в Вену, и он, Вольфганг, возьмет на себя заботу о них.

Вольфганг не сомневался, что его решение вызовет настойчивые возражения Леопольда, а Наннерль прольет потоки слез; ему, разумеется, скажут, что он зашел слишком далеко, но он-то знал, что иного пути не было. Папа – единственный человек, послушаться которого он никогда не смел, но жить-то приходится ему, а Папа при всей своей любви не всегда понимает его нужды. Отправив письмо, Вольфганг словно сбросил с души бремя. Это было самое важное решение, принятое им когда-либо самостоятельно, и теперь он гордился собой. Стремление отстоять свою независимость стало для него жизненной необходимостью.

Письмо с прошением об увольнении Вольфганг писал с такой же тщательностью, с какой сочинял свои партитуры, ревниво следя за тем, чтобы каждое слово точно передавало мысль.

57

«Я увольняюсь со службы у архиепископа».

Сообщение Вольфганга повергло Леопольда в полное отчаяние. Он снова перечитал письмо, по ужасный смысл от этого ничуть не изменился. Леопольд обвел глазами изящный и просторный Танцмейстерзал, где всегда писал свои письма, и горечь его усилилась: зал не выполнил своей основной задачи – не сумел удержать сына в Зальцбурге.

Не найдя утешения дома, Леопольд вышел на улицу, спустился к протекающей поблизости реке и остановился на берегу. Отсюда открывался прекрасный вид па город. Зальцбург казался в тот день особенно красивым. Наступил май с его обилием красок и ароматов. Все купалось в солнечном свете: многочисленные купола церквей, часть в стиле барокко, а часть в магометанском, высокие итальянские крыши домов, расположенных вдоль реки Зальцах, старая крепость, подобно живому существу парящая над городом. Леопольд достаточно попутешествовал, однако Зальцбург представлялся ему самым чудесным городом из всех, что довелось повидать. Но какой толк твердить об этом сыну? Вольфганга не интересует ни один город, где музыка, по его мнению, не на должной высоте.

Леопольду хотелось облегчить душу ругательством, как это делал Брунетти, или махнуть на все рукой, но мысль, что сын один бедствует в Вене, не давала ему покоя. Весь

мир, казалось, рушился вокруг него: впереди всего несколько лет жизни, на руках стареющая дочь, которой трудно уже найти достойного, жениха; его собственная карьера музыканта загублена; и лишь одному богу известно, что ждет впереди Вольфганга.

Не зная, куда деваться от чувства безысходности и тоски, не в силах дать нужный ответ сыну, Леопольд решил развеяться, повидавшись со старыми друзьями. Собрались у Хагенауэра – он был болен, лежал, прикованный к постели; Шахтнер и Буллингер тоже обещали прийти. Но как высказать им все, что камнем лежит у него на сердце, думал Леопольд.

Он остановился у знакомой двери, смахнул набежавшие слезы, но отогнать нахлынувшие воспоминания было не так-то легко. Дом 9 на Гетрейдегассе ничуть не изменился. Поднимаясь по каменным ступеням на первый этаж, Леопольд чуть не плакал, он уже старик, ему шестьдесят один. Друзья, чего доброго, решат, что он совсем одряхлел.

У самой двери эта мысль помогла ему взять себя в руки.

Но полностью скрыть свое волнение Леопольд не сумел и с жаром, что редко случалось с ним, обнял друзей.

Шахтнер удивился, Хагенауэр обрадовался встрече, а Буллингеру не терпелось узнать, что случилось.

– Почему вы спрашиваете?! – воскликнул Леопольд. – Разве Вольфганг опять послал нам письмо втайне от меня?

– Нет. Но произошло ведь что-то неладное, скажите, Леопольд.

Пришлось поведать друзьям об ужасной ссоре Вольфганга с Колоредо и решении сына уйти со службы.

Сын показывает отцу, что в его советах больше не нуждается, думал Шахтнер, и это больнее всего ранит старика. Леопольд так гордился своим влиянием на Вольфганга, радовался, что он не только ему отец, но и друг. И вот пришло время, когда в обеих ролях он потерпел крах. Шахтнер, никогда так и не рискнувший покинуть привычный покой Зальцбурга, несмотря на все свое свободомыслие, не спешил с ответом. Какое имеет он право давать советы другим, раз сам не внял зову сердца? К тому же Леопольд так сдал за последнее время. Резко очерченное лицо утратило выражение силы и решительности, оно как-то обмякло и сморщилось.

Леопольд со сдержанной тревогой в голосе спросил Буллингера:

– Говорил ли когда-нибудь Вольфганг, что Анна Мария хотела быть похороненной на кладбище св. Петра?

– Разве теперь что-нибудь изменишь?

– Семья должна всегда быть вместе.

– Вы сами воспитали Вольфганга таким, какой он есть, – сказал Шахтнер.

– Я воспитывал его послушным, ответственным за свои поступки и благоразумным.

– Но вы воспитали в нем также нелюбовь к Зальцбургу: при малейшей возможности увозили его отсюда.

– Из желания помочь ему. Сделать из него хорошего музыканта.

– Тут вы преуспели – он прекрасный музыкант, и, что касается музыки, вкус его безупречен. Может быть, вы хотите, чтобы, оставшись в Зальцбурге и возненавидев его, он стал, как Гайдн, пьяницей или слюнтяем наподобие Брунетти?

Лицо Леопольда посуровело, на какое-то мгновение он снова стал несгибаемым Леопольдом, готовым ради Вольфганга бросить вызов всему миру. Его сын действительно прекрасно разбирается в некоторых вещах, думал он, но подчас бывает непростительно наивен.

– Вольфгангу рискованно оставаться в Вене, – сказал Леопольд.

– Вы считаете, здесь он был счастлив? – спросил Буллингер.

– А разве люди бывают по-настоящему счастливы? Где бы то ни было?

– Вольфганг мог бы быть счастлив. Такая у него натура. Но не в Зальцбурге. Он мне не раз говорил: «Кто будет помнить придворного органиста из Зальцбурга?» И вы знаете, как он

теперь не любит орган. А в детстве обожал.

– Но я до сих пор не выпутался из долгов!

– При чем тут это! – сказал Буллингер. – Разве я когда-нибудь напоминал вам о долге?

– Да и я тоже, – заметил Хагенауэр.

– Зато Гримм напоминает. Он постоянно пишет мне, хотя я почти все выплатил.

– Барон – удивительный хитрец, – сказал священник. – Продает свои услуги тому, кто больше платит. Гримм плохо поступил с Вольфгангом, вы сами знаете.

– Буллингер прав, – заметил Хагенауэр. – Но когда птенец покидает родное гнездо, смотреть на это всегда грустно. Быть отцом – одна из самых тяжелых обязанностей. Каждый человек желает своим детям лучшего, хочет, чтобы они не повторяли его ошибок, хочет гордиться ими. И, разумеется, мечтает, чтобы они жили в идеальном мире, хотя прекрасно сознает недостижимость такой мечты.

– Вас страшит, что архиепископ предпримет какие-нибудь шаги против вас, – сказал Буллингер, – но, право, я не думаю, не пойдет он на это.

Друзья одобряют поступок Вольфганга, думал Леопольд. А в сердце стучало сомнение – не обманывает ли его сын, так ли уж во всем случившемся виноват Колоредо и так ли уж радужны перспективы Вольфганга в Вене, как он утверждает?

Леопольд шел домой, и родной город казался ему милее прежнего. Дойдя до Ганнибальплац, он прибавил шагу – поскорее бы излить душу в письме к Вольфгангу.

Леопольд превозносил сыну достоинства Зальцбурга и предупреждал против опасностей, подстерегающих его в Вене. А также приказывал забрать назад прошение об увольнении. Уходить сейчас со службы неразумно, это непозволительная роскошь, просто позор. Леопольд писал резко, не скрывая недовольства поведением сына.

Но когда письмо было отправлено, Леопольда стали мучить угрызения совести. В таком резком тоне не было необходимости, подумал он. Его терзали сомнения, не увеличил ли он пропасть между собой и сыном. Он представил себе расстояние, отделявшее его от Вольфганга – огромное, неизмеримое, и тоска окончательно придавила его. Чтобы немного развеяться, Леопольд принялся писать Анне Марии.

«Любимая жена! Я чувствую себя, как воздушный шарик, который прокололи иголкой, – если не поговорю с тобой, могу лопнуть. Хотя испытывать жестокие уколы судьбы для меня не впервые. Любимая жена, одна ты можешь понять, как глупо было со стороны Вольфганга писать мне так, словно я уже и не отец ему. Так же неразумно, как если бы – хотя тебя больше нет среди нас – мы вдруг решили, что ты больше не жена мне и не мать наших детей. И на том свете и останусь отцом нашим детям, мужем тебе и другом всему нашему семейству.

Любимая моя, Анна Мария, сознаюсь, много раз с тех пор, как ты покинула нас, я бывал зол, как собака, правильнее сказать, зол, как испуганная собака, и чем сильнее злился, тем громче лаял, и, возможно, иногда лаял на нашего сына из-за своей беспомощности, хотя он порой и заслуживал этого. Я всегда верил, любимая жена, что мы с тобой вместе доживем до старости. А ты разве не думала так?

И почему это господу богу вдруг захотелось повернуть все иначе? Человек задает себе такой вопрос по недостатку смирения. Но ничего, я знаю, ты меня понимаешь. Никому другому неведомо, но ты-то знаешь, что я всегда неотступно исполнял волю господина, вверившего мне воспитание столь одаренного сына. А теперь сын вроде и за отца меня не считает. Может, и господь бог не считает меня больше за сына? Неужели я сбился с пути? Видимо, да, сбился с пути я, потому что сын наш – добрый и нежный мальчик. Приходится признать это, хоть он и в обиде на меня. У него топкая, чувствительная душа, иначе он не стал бы композитором. Не будь у него замечательного таланта все так тонко чувствовать, не был бы он тем, что есть. Не был бы, Анна Мария!

По мере того как я старею, взрослеют и наши дети, только ты, дорогая жена, не меняешься. И я, конечно, понимаю: впереди у меня все меньше времени исполнить волю господина и увидеть, как Вольфганг достигнет вершины славы. Возникает какая-нибудь угроза

на его пути, и я чувствую, что схожу с ума. И уже не в силах сдерживаться. Нет у меня прежнего терпения. Молодые люди неспособны это понять. Вольфганг собирается уйти с придворной службы, а я осуждаю его поступок. Ведь это единственная опора в его неустроенной жизни. Вiniшь ли ты меня, Анна Мария? Или согласна со мной, зная, как мало у нас денег и как много долгов? Я стараюсь поставить себя на место Вольфганга и должен сознаться: у меня не хватило бы мужества совершить столь рискованный поступок. Я не выпустил бы из рук единственного верного обеспечения, которое принес мне мой талант, – места при дворе. Стараюсь забыть о долгах – и не могу. Слишком хорошо я знаю жизнь, вижу, перед какими болванами и свиньями приходится склонять голову нашему сыну.

Сумею ли я простить обиду, которую он мне причинил? Это нетрудно. Но вот вред, который он себе наносит – да, именно вред, – простить невозможно.

Любимейшая жена моя! Я уже говорил, что надеялся вместе с тобой дожить до старости – ты бы знала, как мне помочь, чтобы моя раздражительность и тревожные предчувствия не доводили меня до такого состояния.

Если бы я мог отправить это письмо и быть уверенным, что скоро получу ответ! Молю бога, чтобы ты никогда не забывала меня. Да простит мне господь, но я чувствую себя таким одиноким! Человеку надо иметь крепкую веру, ведь с самого дня своего рождения он затерян в этом мире. Твой муж навеки. Моцарт».

Леопольд положил письмо туда же, где хранил самый драгоценный подарок от Вольфганга – его первое сочинение, написанное очень ровно и аккуратно, хотя и не на нотной бумаге, словно сын с самого начала твердо знал, что собирается писать. Какое счастье излить в письме свои сокровенные мысли и сомнения! На душе стало легче.

В то время как он со страхом и надеждой ждал ответа от Вольфганга, граф Георг Арко – отец Карла Арко, все еще занимавший пост гофмейстера при дворе архиепископа, хотя па деле уже давно ушедший на покой, – сообщил Леопольду, что Вольфганг представил его сыну, Карлу Арко, прошение об отставке в письменной форме. Однако сын его отказался принять прошение, пока не получит согласия на то Леопольда, поскольку Вольфганг занял место придворного органиста и первую концертмейстера благодаря ходатайству Леопольда. Леопольд незамедлительно написал Карлу Арко: он считает поведение Вольфганга непростительным, хотя уверен, что имеется ряд смягчающих обстоятельств. И добавил, что в настоящее время он отказывается дать согласие па отставку сына.

58

Закончив писать прошение, Вольфганг решил подать его немедленно. Со страхом в душе приближался он к Орденскому дому – неизвестно, как поведет себя Колоредо. Однако медлить больше он не мог. Лакеи встретили его почтительно и провели к Карлу Арко. Прихожую перед апартаментами архиепископа граф использовал под свой кабинет.

Обер-камергер смерил музыканта гневным взглядом, но решимость Вольфганга от этого не уменьшилась. Он внимательно посмотрел на Арко – худое, костистое лицо графа казалось суровее обычного, глаза-бусинки недобро поблескивали, щеки и лоб прорезали глубокие морщины, хотя Арко не было и сорока. Прихожую – большую квадратную комнату с огромной печью, облицованной белым кафелем, и с роскошным замысловатым канделябром – казалось, перенесли сюда из Резиденции. Вольфганг окинул прихожую прощальным взглядом, твердо решив никогда больше в Орденский дом не возвращаться, и сказал:

– Я принес письменное прошение об отставке и буду весьма обязан, если вы передадите его светлости. А вот здесь деньги, выданные мне на путевые расходы: пятнадцать гульденов сорок крейцеров на проезд в дилижансе и два гульдена на питание.

Но Арко отказался все это принять и заявил:

– Вы не можете уволиться, не получив согласия отца. Это ваш долг.

– В чем состоит мой долг перед отцом, я знаю не хуже вас, – резко ответил Вольфганг.
– Прекрасно! Так вот, если он согласится, можете обратиться с просьбой об увольнении.

– А если не согласится?

– Тоже можете обратиться с просьбой.

– И затем?

– Мы посмотрим.

– В чем же разница?

– Моцарт, ведь со службы хотите уйти вы, а не я.

– Ну, а если я заберу свое прошение обратно? Арко ехидно усмехнулся и сказал:

– Тогда вам придется вернуться в Зальцбург.

– После всего, что произошло между мной и архиепископом?

– При определенных условиях вас могут простить.

– Если я попрошу извинения? Стану пресмыкаться?

– Я всегда советовал вам не поступать опрометчиво. Вольфганг с достоинством произнес:

– Не в пример вам я могу прожить и без архиепископа. Когда вы передадите мое прошение?

– Я уже сказал! Когда получу согласие вашего отца! – Арко дал знак лакею проводить Моцарта. – Как только придет письмо, я вам сообщу.

Поведение Арко говорило о том, что Папе нечего опасаться Колоредо, это немного успокаивало, хотя сомнения и продолжали мучить Вольфганга.

Первым письмо от Папы получил Вольфганг. Но показать его Арко не мог. Суровый тон Папиного письма потряс Вольфганга до глубины души. Он и не ждал полного одобрения своего поступка, но приказ забрать прошение назад, то, что основную вину в его теперешних трудностях с Колоредо Папа возлагал на него самого, явилось для Вольфганга настоящим ударом. Язвительный тон был не свойствен Папе, которого он любил и которому всегда доверял. Их отношения становились натянутыми, мучительными для обоих, и все вело к Тому, что в скором времени они совсем испортятся.

Вольфганг раздумывал, следует ли отвечать Папе, может, уже бесполезно, но любовь к отцу и привычка взяли верх, и он сел за письмо. Ссориться с Папой претило его натуре, но он постарался разумно защитить свою позицию. Папа должен дать свое разрешение и благословение, ведь его уход со службы архиепископа все равно неизбежен, а Папины любовь и уважение слишком для него дороги.

Ожидание дальнейших вестей из Зальцбурга и от Арко стало самым тяжким испытанием в жизни Вольфганга. Он не навещал никого из близких друзей – ни графиню Тун, ни князя Кобенцла. Борьба шла между ним и Колоредо, и втягивать в нее посторонних не к чему. Это было испытание воли, и победу Вольфгангу предстояло одержать самому, без посторонней помощи. Он не мог заниматься сочинением музыки, и это огорчало больше всего. Необходимо официально порвать узы, связывающие его с Колоредо, только тогда наступит конец его творческому бессилию.

Единственной отдушиной стало для Вольфганга семейство Веберов. Госпожа Вебер одобряла его решение остаться в Вене, а Констанца, веселая и беспечная, дарила ему покой и счастье, которое до нее он познал только с Безль. Но Вольфганг не позволял себе с девушкой ничего лишнего: лучше не давать повода для сплетен.

Заставив Вольфганга прождать несколько недель, Арко наконец послал к нему слугу с приказанием явиться в Орденский дом. За это время Вольфганг представил еще два прошения об увольнении в надежде, что их официальный тон покажется Арко более приемлемым, но обер-камергер оставил их без внимания.

Вольфганг в пылу гнева хотел было не подчиниться приказанию Арко, но в записке графа говорилось, что письмо от Леопольда Моцарта получено, и Вольфганг решил пойти.

Арко сразу приступил к делу:

– Отец не разрешает вам увольняться.

– Можно прочесть письмо?

Граф с торжествующим видом протянул ему письмо.

– Оно написано несколько недель назад. Почему вы заставили меня ждать? – спросил Вольфганг.

– Какое это имеет значение?

– Почему вы держали меня так долго в неведении?

– Ответ ведь остался прежний, – насмешливо заметил Арко. – Узнали вы сегодня или месяц назад – невелика разница.

– Прошу вас передать прошение архиепископу.

– Без согласия господина Леопольда?

Вольфганг колебался: впервые он позволяет себе публично ослушаться Папу. Но поступить иначе значило предать музыку.

– Да, прошу вас.

– Не могу. Его светлость не станет читать прошение.

– Разве он считает меня своим узником? Я ведь не в Зальцбурге!

– Он считает вас дерзким, самонадеянным мальчишкой.

– Я не могу сносить его грубости.

– Всем нам многое приходится сносить безропотно, пора бы это понимать.

Тон Арко стал почти дружеским, и Вольфганг вдруг понял, что обер-камергер не передал его прошения архиепископу из боязни навлечь на себя гнев хозяина. Но он-то не боялся. Довольно с него!

– Я представлю еще одно прошение и, если оно снова не будет принято, сочту себя свободным, – сказал Вольфганг. – И передам его через фон Клейнмауера, секретаря Колоредо, он, по крайней мере, не лизоблюд и не смалодушничает!

Через шесть дней, прослышав, что Колоредо на следующее утро собирается покинуть Вену, Вольфганг поспешил на Зингерштрассе, 7, отдать архиепископу последнее прошение. Однако фон Клейнмауер отказался его принять, пояснив, что это входит в обязанности обер-камергера. Как ни противно было Вольфгангу снова обращаться к Арко, он решил попытаться счастья в последний раз.

Арко не пожелал разговаривать с музыкантом, но Вольфганг был упрям: он не уйдет из прихожей, пока не увидит обер-камергера, сказал он лакею, и граф смилостивился и вышел к нему.

Вручить прошение архиепископу стало теперь для Вольфганга делом чести. Одна мысль владела им: нужно показать Колоредо, что никто не может ему приказывать – его не увольняют, он вынужден уйти сам.

Арко был зол на Моцарта. Когда архиепископ отправлялся в путешествие, для графа наступало горячее время, во всем требовался образцовый порядок, за малейшее нарушение Колоредо жестоко наказывал своего обер-камергера, хотя сам архиепископ был человеком несобраным, взбалмошным, способным менять свои решения по любому поводу.

И Арко нервничал: наступил самый разгар подготовки к отъезду в Зальцбург, ему не терпелось поскорее все закончить и отправить его светлость, пока тот не отложил отъезд, как делал неоднократно. Граф-то знал, что Колоредо предпочитает Зальцбургу Вену, но другим это знать было не положено. А тут еще Моцарт, Арко устал от музыканта и его прошений. Архиепископ дал понять, что прошения Моцарта следует оставлять без внимания, пусть музыкант на коленях приползет обратно в Зальцбург. И Арко послушно повинился, но исполнять желание хозяина с каждым разом становилось труднее: Моцарт вел себя все более вызывающе. Колоредо, питавший к музыканту личную антипатию, боялся разговоров о том, будто жалкий слуга обвел его вокруг пальца. Арко сразу понял намерение его светлости, хотя архиепископ, храня свое достоинство, ни словом об этом не обмолвился. Арко всецело разделял чувства своего хозяина. По той причине, что к Моцарту когда-то давно в Париже благоволила его сестра, графиня ван Эйк, и в детстве вундеркинда приводили в семью Арко,

музыкант вообразил, что может держать себя с ним как равный! Настало время указать музыканту его место. И тут Арко увидел Моцарта: Вольфганг стоял у входа в апартаменты архиепископа с таким видом, словно хотел ворваться туда силой. Это уж воистину святотатство.

– Прошу быть кратким! У меня нет времени, – бросил Арко.

– Я пять раз подавал прошение, но оно не попадало к архиепископу. Почему?

– Причина вам известна. Теперь уходите.

– Куда? Я больше не на службе у архиепископа.

– Подите к черту, какое мне дело? Его светлость прав. Вы просто негодяй.

Вольфганг бросило в жар, но он не отступил.

– Если не передадите мое прошение, – объявил он, – я сделаю это сам.

– В Вене вы совсем разучились вести себя. Никому не дано право являться к его светлости самовольно.

Вольфганг умолк. Что делать: сдаться и до конца жизни чувствовать себя униженным или бороться за свои права, не думая о последствиях? Еще не решив окончательно, он уже знал – покорным и бессловесным он больше не будет. Мало он натерпелся в Зальцбурге?! Вена наполнилась слухами о том, будто американцы разбили англичан, хотя эту честь Приписывали себе французы, и Иосиф II заявлял, что верит и идеи просвещения. Может быть, новые времена уже не за горами?

– Передайте его светлости: я не сдвинусь с места, пока он меня не примет.

– Придется позвать дворцовую стражу.

– Вы не посмеете!

– Лакей, позовите стражу.

– Что ж, у меня нет иного выхода, – воскликнул Вольфганг. – Вот мое прошение!

Он сунул бумагу прямо в руку Арко, прежде чем тот успел опомниться.

– Передайте его светлости и скажите, что я свидетельствую ему свое почтение.

Арко бросил прошение в лицо Моцарту с криком: – Болван! Негодяй! – А когда Вольфганг наклонился поднять бумагу, граф вытолкнул его за дверь и уже на лестнице дал пинка под зад.

Дверь с силой захлопнулась, и Вольфганг кубарем скатился вниз по лестнице. Подобного унижения он еще не испытывал. Он стоял на улице перед домом 7 по Зингерштрассе, сгорая от бессильной злобы; больше всего на свете ему хотелось сейчас вернуться и вызвать Арко на дуэль, избить его тростью, дать такого же пинка, как дали ему, и сделать это посреди улицы, на глазах у всех.

Еще не придя в себя от негодования, он сел писать отцу отчет о случившемся. Гнусный поступок Арко дал ему лишь одно преимущество, писал он, – всякие отношения с Зальцбургом для него покончены. Злость так и кипела в нем. Он с удовольствием проткнул бы грудь Арко шпагой. Должно быть, архиепископ подстрекал обер-камергера на подобный поступок. Вольфганг ненавидел Колоредо, наверное, в сто раз больше, чем Колоредо ненавидел его. Если не избавиться от этой ненависти, она отравит ему всю жизнь. Он вложил в письмо двадцать гульденов – хотя обещал Папе послать тридцать – в доказательство того, что дела его в Вене идут на лад. И поскорее закончил, подписавшись: «Ваш любящий и покорный во всем сын», – потому что в этот момент в гостиную под руководством госпожи Вебер стали вносить фортепьяно.

– Мама знает, что вы скучаете без инструмента, – сказала Констанца.

– Во сколько же это обойдется? – От радости Вольфганг готов был расцеловать девушку.

– Ну, это уж наша забота. Конечно, не «штейн», но инструмент хороший. Попробуйте его, господин Моцарт.

– Вольфганг! Запомните, Констанца, меня зовут Вольфганг.

Констанца смутилась, но кивнула в ответ и попросила его что-нибудь сыграть.

Вольфганг сел за фортепьяно и принялся сочинять, словно не желал терять даром ни

минуты, а кончив, вскочил и порывисто расцеловал Констанцу. И хотя она залилась краской от смущения и в первый момент отстранилась, как и подобало порядочной девушке, но потом горячо ответила на его поцелуй, и Вольфганг сиял от счастья.

Получив весть об оскорблении, которое Арко нанес его сыну, и поняв, что теперь-то уж решение Вольфганга не изменишь, Леопольд сказал Наннерль:

– У твоего брата произошла страшная ссора с Арко. С Зальцбургом он порывает.

– Он к нам не вернется? – воскликнула Наннерль, не в силах поверить в Папины слова.

– Никогда.

– Не может быть! Что же мы будем делать одни в этих комнатах?

– Он больше не вернется, – повторил Леопольд. – Вольфганг переехал к Веберам и уже по одной этой причине не расстанется с Веной.

Я не верила, что он осмелится уйти со службы, мне казалось он только грозит.

– Он прислал мне двадцать гульденов, хотя обещал тридцать. Видно, зарабатывает уже меньше, чем рассчитывал, и просто хочет меня задобрить, Наннерль заплакала: – Я буду без него скучать. – Вена не так далеко.

– Но разве я соберусь туда? – Нет, она никогда не сможет простить Вольфгангу, а папа уже позабыл о ней и ее горестях и сел за письмо.

– Что вы делаете?

– Придется послать ему свое разрешение и благословение.

– Вы же сказали, что он уже уволился.

– Да. Но пусть, по крайней мере, знает: после позорного поступка Арко я не могу оставаться на стороне Колоредо.

– Хорошо, – вырвалось у Наннерль. – Можете поступать как угодно, я же не собираюсь прощать Вольфганга. Вы стольким ради него пожертвовали, а он не пожелал даже прислушаться к вашему совету.

Но мысли Леопольда уже были далеко. Он сидел за бюро впервые в жизни не находя нужных слов – и раздумывал над своей горькой судьбой. Шахтнер оказался прав: он так «преуспел», что Вольфганг навсегда покинул родной город. Вечно метался неудовлетворенный, и вот теперь это отразилось на сыне. Но ведь сам-то он так и остался прикованным к Зальцбургу. И семью не сумел сберечь. В чем же тогда он преуспел? Может, наоборот, он потерпел полный крах?

– Анна Мария... – шептал Леопольд.

Наннерль обвила руками шею отца, стараясь утешить его, приласкать.

– Девочка моя, – бормотал Леопольд, – моя маленькая девочка!

Часть восьмая. КОНСТАНЦА

59

Прошло несколько недель, прежде чем Вольфганг по-настоящему ощутил свободу. Колоредо оставил его в покое, Папа прислал согласие, а Кобенцл пригласил в свое поместье, расположенное в одном из пригородов Вены, и раны, нанесенные архиепископом и Арко, начали понемногу заживать. Он сидел за фортепьяно и думал: «Я сберег свое достоинство. Никто больше не посмеет мне приказывать, что сочинять, и когда. Это уже немалая победа».

Вольфганг работал над сонатами для фортепьяно и скрипки или музыкальных издателей, когда покой его нарушила Констанца. Он не любил, чтобы его тревожили во время работы, но сегодня появление девушки обрадовало его.

– Я напекла оладий и хотела вас угостить, – сказала

– Спасибо, отведаю с одним условием, если вы не откажетесь покататься со мной в воскресенье в экипаже.

– Но в воскресенье вы уезжаете к князю Кобенцлю? – Могу поехать днем позже. Князю

все равно.

– Такой знатный господин! Он ведь может оказать вам помощь.

– Я же сказал, Кобенцл не обидится. Вы согласны составить мне компанию?

– Ехать вдвоем? Не знаю, прилично ли? Спрошу разрешения у матушки.

Неужели у Констанцы нет к нему доверия? Ведь он не какой-нибудь вертопрах. Вольфганг готов был обидеться, но передумал – Констанца, в конце концов, совсем еще девочка, ей всего восемнадцать.

– Вы отобедаете сегодня с нами, Вольфганг?

– А вы поедете со мной кататься, Констанца? Она пошла спрашивать разрешения и вернулась через несколько минут. Госпожа Вебер позволила с условием, если они вернутся домой засветло.

Вольфгангу такое условие пришлось не по душе: не понравились намеки госпожи Вебер; хотя он принял приглашение пообедать, но стал вдруг необычно молчалив и даже грустен.

Но раздражение Вольфганга как рукой сняло, когда он увидел принарядившуюся для прогулки Констанцу. Да и воскресный день выдался на редкость хороший. Все вокруг радовало: теплое июльское солнце, нарядно одетые люди на улицах, нанятый им удобный экипаж, сознание, что рядом Констанца.

Десять гульденов, так и не отосланные Папе и отложенные на случай крайней необходимости, ушли на экипаж. В кармане оставалось всего несколько монет, но Вольфганг не беспокоился. Три недели он проживет у князя Кобенцла и сэкономит на этом, да и дальнейшие перспективы не так уж безотрадны.

Констанца пришла в восторг от роскошного экипажа и радовалась, что они едут в Пратер.

– Это ведь там катаются знать, правда?

– Да. Но мы вовсе не потому туда едем.

– А почему же, Вольфганг?

– Пратер – самое лучшее место для прогулки в экипаже. – И самое романтическое, подумал он.

Среди всей этой роскоши Вольфганг вовсе не казался Констанце маленьким и незаметным, как в свое время пренебрежительно высказывалась о нем Алоизия. У него на зависть нежная кожа, большая, внушительная голова и высокий, выпуклый лоб. Однако, если учесть неправильные черты лица – слишком пухлые щеки и чуть искривленный нос, – его трудно назвать красивым. Впрочем оживляясь, он становился вполне привлекательным. Вот как сейчас, подумала Констанца: стоило экипажу тронуться – и Вольфганг сразу сделался веселым и безмятежным.

– До чего я люблю путешествовать! – воскликнул он. – Люблю стук колес, их ритм. Вам, Констанца, первой я в этом признаюсь.

– Вам это помогает писать музыку?

– Не совсем. Но езда вдохновляет меня, рождает желание сочинять. Вероятно, потому, что мне пришлось много поездить в детстве.

– А тогда вы тоже любили путешествовать?

– Очень, когда задумывался над этим. Чаще всего мне казалось, иначе и жить нельзя, да и слишком я бывал всегда занят.

Они въехали в Пратер, и Вольфганг показывал Констанце великолепную аллею, обрамленную по обеим сторонам огромными каштанами.

– Ну разве можно не любить Вену?

– Я почти не знаю город. Мне редко приходится бывать дальше Петерплац.

– Мы это наверстаем. Я покажу вам Дунай и Гринцинг.

– Люди осадят.

– Они и так осудят, видя нас вместе. Чего вы боитесь? Ей не понравился оттенок пренебрежения в его голосе, и она промолчала. А потом, приятнее было смотреть по

сторонам, а не разговаривать – экипажи знатных господ вызывали у Констанцы восторг и изумление. Говорят, иногда сам император выезжает кататься по Пратеру, желая показать свою демократичность и готовность разделить с подданными их радости. Когда Вольфганг приветливо улыбнулся красивой женщине средних лет, проехавшей мимо в просторном голубом экипаже, в Констанце заговорила ревность.

– Кто это? – отрывисто спросила она.

– Графиня Тун. Мой близкий друг.

– Какая старая!

– В тридцать семь лет? Многим мужчинам нравятся женщины в этом возрасте.

Она вдруг спросила:

– Вам непременно надо ехать завтра к князю Кобенццу?

– Я думал, вы не против моей поездки. По крайней мере, какое-то время отдохнете от меня, разве вы так не говорили?

– То было ни прошлой неделе.

– Но я еду туда отдохнуть и писать музыку.

– Почему мы не пишите музыку дома? Ведь мама взяла напрокат фортепьяно.

– Очень мило с ее стороны, но как откажешь Кобенццу? – Ему важно поскорее закончить шесть сонат для скрипки фортепьяно; Артариа, музыкальный издатель, кажется, всерьез заинтересован, а деньги сейчас очень нужны. Он не сомневался: и загородном имении Кобенцла работа пойдет на лад.

Мне будет скучно без вас, – призналась Констанца.

– Я вернусь и конце июля.

– Вы думаете, Артариа понравятся сонаты? – В голосе девушки слышалась искренняя озабоченность.

– А вам они нравятся? Вольфганг, вы еще спрашиваете! – Я привезу вам оттуда подарок.

– Браслет? Кружева? Ленты?

Он уклонился от ответа.

– Известно ли вам, что Пратер был королевским охотничьим заповедником, пока Иосиф не открыл его для широкой публики? Когда я ребенком играл с Марией Антуанеттой, принцесса думала, что у меня, как и у нее, есть свой собственный охотничий парк.

– Вы были с ней так хорошо знакомы? – с благоговейным трепетом спросила Констанца.

– Она смотрела на меня как на игрушку.

– Но вы и вправду играли для королей Франции и Англии? Он замялся:

– Да. Не такой уж великий подвиг, как представляется некоторым. Ни настоящей музыкальностью, ни вкусом они не отличались.

Вольфганг почувствовал, как рука девушки сильнее сжалась в его руке, и в той части Пратера, где никого вокруг не было, Констанца дала себя поцеловать. А потом, высвободившись, сказала:

– Не надо. О нас могут плохо подумать.

Уже смеркалось, когда они вернулись на Петерплац. Вольфганг пытался объяснить причину опоздания – на Пратере не протолкнешься, но госпожа Вебер смерила его скептическим взглядом и сказала:

– Я знаю, господин Моцарт, вы не обманете честную девушку, но ваша неосторожность может вызвать ненужные толки.

Он залился краской и с жаром ответил:

– Честью Констанцы я дорожу больше, чем кто бы то ни было, и первый готов оберегать ее.

– Надеюсь. В противном случае мне самой придется сопровождать вас повсюду.

Констанца скорчила гримасу и тайком от матери сунула Вольфгангу под дверь записку. В записке говорилось:

«Запомните, Вольфганг, я жду от Вас по возвращении подарок. Хороший подарок».

В Рейзенберге, летней резиденции князя Кобенцла, Вольфганг чувствовал себя как дома. Расположено поместье было прекрасно, и из окон открывался чудесный вид на горную гряду Каленберг, подступавшую к Вене с востока и; почти граничившую с Леопольдсбергом, где около ста лет назад была прорвана турецкая осада. Поместье находилось в часе езды от Вены, и в ясный день вдалеке различались очертания города.

Кобенцл обеспечил Вольфгангу все удобства. Князь сам отвозил его письма в город на почту, предоставил в распоряжение композитора музыкальную комнату и штейновское фортепьяно, купил нотную бумагу, перья, чернила и утверждал, что почитает за честь служить его таланту. Кроме того, князя очень интересовало, как пройдет встреча Вольфганга со Стефани, намеченная на август. Как-то раз, сидя после обеда за чашкой кофе с пирожными, Кобенцл сказал:

– Конечно, Стефани может добиться постановки оперы по своему либретто, и все же не разумнее ли поискать либреттиста получше?

– Кого бы вы предложили? – спросил Вольфганг. Князь отличался хорошим вкусом и имел большие связи.

– Самых лучших. Шекспира или Мольера. Мольер идеально подошел бы для оперы-буффа, и представляете, как подошел бы «Гамлет» или «Отелло» для оперы-сериа.

– Их стихи затмят любую музыку.

– Только но вашу.

– Спасибо, князь Кобенцл, надо писать либретто для музыки, а не приспособливать музыку к стихам. Были бы Шекспир или Мольер сейчас живы, мы бы работали вместе. Но где я найду человека, который сможет подогнать их стихи под мою музыку?

– А вам никогда не приходило и голову попробовать это самому, Вольфганг?

– Случалось. Но и не либреттист, хотя некоторые находят у меня литературный дар. Я композитор и должен сочиним, музыку на готовый текст.

– Чтобы выразить определенную идею.

– И чтобы подчеркнуть драматизм действия. В этом суть. В опере поэзия должна всегда быть послушной слугой музыки. Иначе нельзя.

– Глюк с вами не согласился бы.

– Уходя с его оперы, что вы помните – сюжет или музыку?

– Разумеется, музыку. И все-таки мне кажется, у вас могло бы получиться интереснейшее соединение.

– А я боюсь, скорее недоразумение.

– Моцарт и Мольер. Или Моцарт и Шекспир. Нет, я не согласен с вами.

– Ваше сиятельство, суждение ваше весьма для меня лестно. Я высоко ценю обоих поэтов, в особенности Мольера. Но Мольера сейчас нет с нами, а живого либреттиста, по крайней мере, всегда можно заставить переделать либретто так, чтобы оно соответствовало музыке.

– И вы действительно рассчитываете добиться этого от Стефани или от кого-либо другого?

– Я всегда надеюсь на лучшее и готов к худшему.

Вольфганг снова решительно взялся за работу. Нужно было написать еще две сонаты, но он так скучал без Констанцы! Ее не назовешь красавицей, как Алоизию, и не так она остроумна, как графиня Тун, и не так изысканна, как Кобенцл, но все-таки воскресенье, проведенное с ней в Пратере, было одним из счастливейших дней в его жизни. И постепенно воспоминание об этом дне стало основной темой его первой сонаты. Мысли, давно созревшие в голове, складывались в эпитафию чудесному дню, который они провели вместе. Ее тонкая, стройная фигурка незримо присутствовала в его музыке. И по мере того как складывалась соната – милая и простая, как Констанца его мечты, – чувство одиночества отступало.

В последней сонате звучало совсем иное настроение. Вольфганг сделал ее мучительной

и взволнованной, и все же музыка искрилась и переливалась и была предельно мелодичной. Он построил ее так, словно партии фортепьяно и скрипки были концертирующими. И в то же время они были неразрывны – одна была немыслима без другой. Вольфганг надеялся, что Констанце обе сонаты понравятся так же, как нравились ему.

Он вернулся в Вену раньше, чем предполагал, – очень уж хотелось поскорее преподнести сонаты Констанце и насладиться ее радостью. Но никто его не ждал. Он вошел в дом Веберов, никем не замеченный, и, подходя к гостиной, услышал визгливый голос госпожи Вебер:

– Констанца, я говорила, не печь сегодня сразу все оладьи.

– Но это же гораздо проще – испечь все разом, – ответила Констанца.

– И дороже. Сколько раз повторять, что у нас нет денег? Ты такая неэкономная, совсем как твой отец.

Констанца стала испуганно оправдываться, а госпожа Вебер не унималась:

– И никто не убирал сегодня квартиру. – Не могу же я все делать одна.

– Хочешь, чтобы убирала я? Мало я для тебя в жизни сделала?

Констанца промолчала, и Вольфганг кашлянул, чтобы дать знать о своем присутствии.

Госпожа Вебер, взяв себя в руки, улыбнулась и сказала:

– Мне очень жаль, что вы стали свидетелем семейной ссоры, но согласитесь, в семье чего не случается.

Нет, он не согласен. В его семье никогда ничего подобного не бывало.

– Я хотела оставить немного оладий для вас, господин Моцарт.

– Благодарю вас.

– Но вы вернулись раньше, чем обещали.

Тон у госпожи Вебер обиженный, подумал Вольфганг, словно он ее в чем-то подвел.

– Мне не следовало выходить из себя, но, знаете, троих сирот воспитывать одной не так-то легко. Порой мне кажется, что они сведут меня в могилу.

– Вы хорошо провели время, Вольфганг? – спросила Констанца.

– Там было спокойно и приятно. И я привез вам подарок.

– Подарок! – Констанца оживилась.

– Две сонаты, которые я сочинил у Кобенцла.

Он вручил ей сонаты, но она неохотно приняла подарок, и вид у нее был разочарованный. Госпожа Вебер велела дочери тут же вернуть их обратно.

– Мы очень ценим ваш щедрый дар, господин Моцарт, – сказала она, но Констанца по может его принять.

– Я мечтал посвятить сонаты ей.

– Это, несомненно, большая честь, однако стоит молодой незамужней девушке их принять, как пойдут сплетни, все сразу поймут: тот, кто дарит, питает к ней нежные чувства.

– А что скажете вы, Констанца? – спросил Вольфганг. – Вы бы хотели иметь эти сонаты?

– Как сказала матушка, я польщена, но...

– Констанца еще ребенок, – прервала госпожа Вебер. – Приходится ее наставлять. Вам следует посвятить свои сонаты тому, кто сумеет вас лучше отблагодарить, господин Моцарт.

Может, все-таки разумнее съехать от них, подумал Вольфганг, как советовал Папа.

60

Готлиб Стефани встретил Вольфганга чрезвычайно радушно.

– Весьма польщен вашим визитом, господин Моцарт, – сказал он.

– Если кто и должен чувствовать себя польщенным, так это я, – ответил Вольфганг, но, оглядев Стефани, вдруг насторожился. Он вспомнил, что сорокалетний инспектор немецкой оперы считался одновременно драматургом, режиссером, постановщиком и актером и, как ему говорили, пройдохой не хуже Афлиджио. Но внешне Стефани был далеко не так

импозантен, как Афлиджио: губастый, широконосый, со срезанным подбородком, он казался грубым и неотесанным, хотя пользовался репутацией человека просвещенного, остроумного собеседника и либреттиста, который всегда умел добиться постановки своего произведения.

Вольфгангу понравилась квартира Стефани, расположенная на Михаэльплац, в непосредственном соседстве с дворцами, соборами и резиденциями сильных мира сего. Окна выходили в большой тенистый двор, и комнаты были великолепно обставлены. Когда Вольфганг спросил, сколько такая квартира может стоить, Стефани смущенно ответил:

– Пятьсот гульденов. Дороговато, разумеется, но что поделаешь, в моем положении...

Эта сумма превышала годовой заработок Вольфганга в Зальцбурге, и он усомнился, можно ли довериться такому сумасбродному человеку. Но Стефани говорил:

Будьте уверены, господин Моцарт, при моей поддержке ваша опера увидит свет.

– А как насчет «Идоменея»? Вы хвалили его.

– Прекрасная музыка. Это и навело меня на мысль поработать с вами. Но опера на немецком языке – чересчур серьезно для Вены. А вы обязательно хотите, чтобы ваша первая опера в Вене была на немецком, не так ли?

Его первую оперу поставили в Вене, когда ему было двенадцать лет. Но он не стал напоминать об этом Стефани, а просто сказал:

– А что предлагаете вы?

– Либретто о похищении из сераля, – ответил Стефани, – турецкие сюжеты в наше время пользуются в Вене большим успехом. Венцы с удовольствием смотрят на сцене турок, при условии, что они представлены злодеями.

Стефани прав. Вольфганг не мог не признать этого, но, не желая давать в руки либреттиста лишнего козыря или показаться слишком заинтересованным, сказал:

– Почему вы думаете, что из вашего либретто можно сделать зингшпиль?

– Рассказ о том, как Бельмонт, испанский гранд, спасает свою возлюбленную Констанцу из турецкого сераля, очень трогателен и романтичен.

Не следует поддаваться такому случайному совпадению, понимал Вольфганг, но волей-неволей поддался. Бывали моменты, когда он рисовал в своем воображении, как спасает Констанцу из когтей госпожи Вебер, хотя довольно смутно представлял себе все последствия подобного поступка.

– Как же разворачивается драма? – спросил он.

– Действие происходит во дворце паши Селима, который держит в заточении в своем серале красавицу Констанцу, ее служанку Blondchen и слугу Бельмонта – Педрильо. Педрильо работает садовником под надзором Осмина, свирепого надсмотрщика паши. Педрильо, увидев в серале Бельмонта, который попал сюда в поисках Констанцы, представляет его паше, как архитектора, мечтающего поступить на службу к паше. Селим нанимает Бельмонта, и Бельмонт с Педрильо спасают Констанцу и Blondchen из сераля, и...

Тут Вольфганг перебил либреттиста:

– Эта последняя сцена может получиться очень драматичной и волнующей.

– Совершенно верно. Потому что не успевают они далеко убежать, как их ловит Осмин и приводит к Селиму, который обнаруживает, что Бельмонт – сын его злейшего врага.

По виду Вольфганга трудно было догадаться, насколько сюжет произвел на него впечатление, – он просто слушал, что последует дальше.

Затем паша Селим милостиво отпускает четырех пленников, и теперь они могут пожениться, потому что Blondchen и Педрильо тоже любят друг друга. Наступило долгое молчание.

– Вам не понравилось, Моцарт? Что ж, думал Вольфганг, это не Мольер, конечно.

– А как называется ваше либретто? – спросил он.

– «Бельмонт и Констанца».

– Господин Стефани, а нет ли у Бретцнера вещицы под таким названием?

– Господин Моцарт, драмы из турецкой жизни весьма популярны в Вене. Но мое либретто красочно и должно понравиться публике.

– Только вот название следует изменить, – задумчиво проговорил Вольфганг.
– Изменить? – Стефани возмутился.
– Да. Публика не поймет, о чем речь. Если вы хотите заинтересовать турецким сюжетом, это должно явствовать из названия. Например: «Похищение из сераля».

Стефани не хотелось признаться, но такое название, несомненно, звучало лучше.

– Не знаю, что бы я без вас делал, – насмешливо сказал он.

– Подыскали бы другого композитора.

Но либреттист явно не хотел расстаться с Моцартом; Моцарта высоко ценят многие именитые особы, и он очень опытный композитор, хотя порой и держит себя излишне высокомерно а дерзко, подумал Стефани и сказал:

– Если партитуру вы напишете быстро, я смогу поставить оперу ко дню приезда в Вену великого князя Павла, наследника русского престола, – его ожидают в сентябре.

– Это слишком малый срок, сегодня уже первое августа.

– Князь Голицын заверил меня, что великий князь – его друг и что либретто непременно придется ему по вкусу. Так же как и ваша музыка, не правда ли?

– Я сумею написать ее в срок. Но кто будет петь?

– Кавальери или Ланге будут петь Констанцу.

– Алоизия Ланге?

– Если Кавальери окажется в это время занята. У Кавальери голос лучше, и она более опытная певица, но в случае необходимости сойдет и Ланге. Как по-вашему?

Либреттист прав, размышлял Вольфганг, Кавальери – признанная примадонна. Алоизия не шла с ней ни в какое сравнение, но в душе он все же хотел, чтобы роль досталась Алоизий.

– А остальные певцы? – спросил он.

– Бельмонта будет исполнять Адамбергер, Осмина – Фишер.

У Фишера прекрасный голос, так же как и у Адамбергера, и оба отличные актеры. Но если либретто окажется посредственным и Стефани не согласится идти на поправки, придется с ним помучиться не меньше, чем с Вареско. А он дал себе слово никогда больше не подвергаться подобному испытанию.

– Когда же вы дадите окончательный ответ, Моцарт? Я не могу ждать до бесконечности. Если вас мое либретто не заинтересовало, я передам его Глюку или Сальери.

– А если либретто потребует переработки, как это обычно случается?

– Как музыку приходится приспосабливать к голосам, так и стихи приходится подчинять музыке, – сказал Стефани.

– Значит, вы не откажетесь дорабатывать, если потребуется?

Вид у Стефани был недовольный, но он ответил:

– Даю слово. Для меня не менее важно, чем для вас, чтобы зингшпиль наш имел успех.

Впервые за все время улыбнувшись, Вольфганг сказал:

– Я сочту за честь работать с вами, господин Стефани, если это отвечает вашему желанию.

– Все будет зависеть от музыки, – заметил Стефани.

– Разумеется. Когда я могу получить либретто?

– Хоть сейчас – Передавая либретто Вольфгангу, Стефани добавил: – Вам придется приступить к работе без промедления, если мы хотим поставить оперу к приезду великого князя в следующем месяце.

Вольфганг пришел домой и тут же принялся читать либретто. Он сидел, погруженный в свои мысли, когда Констанца позвала его к столу. Сейчас не до обеда, он слишком занят, сказал он, и девушка рискнула подать обед в комнату.

– А как же матушка? Не сочтет это за личное оскорбление?

– Мама? – Констанца состроила гримасу. – Она пошла навестить Алоизию.

– А я-то думал, они не разговаривают друг с другом.

– Только когда это их устраивает. Теперь они друг другу нужны. Алоизия слышала,

будто вы собираетесь писать оперу для немецкого театра, и просит маму уговорить вас дать ей роль в вашей опере. Вы это сделаете, Вольфганг?

– А вы бы хотели?

– После того, как она с вами обошлась, – ни в коем случае!

Констанца была очаровательна в своем возмущении, он готов был ее расцеловать.

– Я бы на вашем месте никогда ей не простила. Вольфганг широко улыбнулся:

– Я с радостью съем все, что вы мне приготовите.

Но каплун, от которого подымался соблазнительный аромат, когда она поставила его перед Вольфгангом, словно извиняясь за резкий тон, так и остался нетронутым. Композитор вчитывался в либретто.

Большинство сцен показалось ему статичными, скучными, слишком примитивными, но в голове уже рождался целый каскад звуков и, хотя многие ситуации и вызвали возражение, музыка будто сама просилась на бумагу.

В эту ночь Вольфганг не вставал из-за стола. Свечи догорели, и он продолжал писать в темноте. Каких бы трудностей ни представлял текст либретто, Вольфганг был одержим желанием создать музыку, которая передавала бы атмосферу похищения. И ему очень нравилось, как звучит название по-немецки: «Die Entführung aus dem Seraib» – оно подходило к опере куда больше, чем общепринятые итальянские названия. Ему казалось хорошим предзнаменованием, что героиню зовут Констанцей, а романтические сцепы прямо рождены были для лирических арий, к которым у него всегда лежала душа.

В дверь постучала Констанца – она вошла застелить постель и прибрать в комнате – и удивилась, что Вольфганг вовсе не ложился, а увидев нетронутую еду, обиделась. Но он так любил ее в этот момент, любил за ее заботливость, и за имя – Констанца, и за то, что она молодая и хорошенькая; он был в восторге от названия «Die Entführung aus dem Seraib», хотя Стефани до сих пор не дал своего окончательного согласия.

– Я принесу вам завтрак, – сказала Констанца, – но обещайте, что съедите.

И он обещал съесть все. Она смотрела на него счастливыми глазами, и он спросил: – Как дела с Алоизией?

Тут Констанца нахмурилась и ответила: – Они с мамой снова помирились. Это им сейчас на руку. – И побежала за завтраком.

Садясь за письмо Папе с намерением изложить все, что случилось, и получить одобрение, Вольфганг уже не сомневался – он будет писать оперу на либретто Стефани. Поэтому он особо подчеркнул в письме:

«Вы увидите сами, дорогой отец, сюжет стоит того, чтобы за него приняться, и, хотя он потребует доработок, так как в нем много слабых мест, турецкий колорит должен понравиться публике – здесь это в моде. Текст либретто навеял мне много мыслей, а если либретто способно рождать мысли, значит, оно неплохое. Я уже сочинил арию для Кавальери и для Адамбергера и увертюру с турецкой темой, которая совершенно непохожа ни на одну вещь, мною написанную. То, на что прежде у меня уходило десять дней, теперь я делаю за два. Как только партитура будет переписана и у меня на руках окажется исправленное либретто, я пошлю их Вам: как Вы сами знаете, я готов сделать все на свете, лишь бы порадовать Вас, и, если музыка Вам понравится, я буду вознагражден. Всегда покорный и любящий сын Вольфганг Амадей Моцарт».

Он надеялся, что отношения их теперь наладятся.

Жизнь в Зальцбурге становилась для Леопольда все более тоскливой. Однако, рассуждал он, ничего, собственно, не изменилось. Колоредо не упоминал о Вольфганге с тех пор, как вернулся из Вены, словно желал подчеркнуть свое полное безразличие. Карл Арко избегал с ним встреч, и Леопольд продолжал выполнять работу капельмейстера, а Гайдн и Брунетти заменяли его сына, как только могли. Но Леопольд еще больше прежнего жил интересами сына: теперь он хорошо понимал, что никто из Моцартов никогда не сможет занять официальный пост капельмейстера в Зальцбурге, а в Вене перед Вольфгангом открываются широкие возможности.

Письмо сына, где он сообщал о заказе на новую оперу, обнадежило Леопольда и вселило прежнюю уверенность. Вольфганга не вполне удовлетворяет сюжет, но он не хочет слышать от отца никаких возражений, и потому Леопольд написал, что либретто хорошее. Он ясно представлял себе, в чем преимущества этого сюжета. Если оперу поставят в честь приезда великого князя Павла, это станет самым важным музыкальным событием в Вене. Но для успеха дела придется пустить в ход интриги и лесть, на что Вольфганг мало способен.

Да и другие мысли не давали покоя Леопольду. Друзья, только что приехавшие из Вены, рассказали о сплетнях, распространяемых по городу, будто сын его живет под одной Крышей с тремя незамужними девицами. Немало во всех этих рассказах было личной неприязни и зависти, догадывался Леопольд: друзья так и не простили Вольфгангу, что он осмелился покинуть Зальцбург. Однако кое-чему пришлось, поверить. Леопольда очень огорчил Альберт фон Мельк.

Госпожа Вебер задалась, видимо, целью свести Вольфганга с одной из своих дочерей, – сказал Альберт, – она разрешает ему появляться с Констанцей вдвоем на людях. – И Леопольд, хотя и обрадованный вестью о заказе на оперу, написал сыну следующее:

«То, что у тебя появился заказ на оперу о серале, – новость очень обнадеживающая, но не вздумай тратить деньги, еще не заработанные. Пока не получишь обещанных ста дукатов и император не крикнет: «Браво!» – не доверяйся никому, и особенно Стефани, который, разумеется, заботится лишь о собственной выгоде.

Теперь, как никогда, тебе следует поступать осмотрительно. У тебя только одна ученица, пишешь ты, и с одной-единственной ученицей ты едва можешь себя-то прокормить. Поэтому крайне легкомысленно связывать сейчас себя какими-либо обязательствами, когда ты, быть может, стоишь на пороге карьеры в Вене.

Я согласен, турецкий сюжет, может, и входит в моду, но, если либретто заурядное, потребуются много переделок, прежде чем оно станет достойным твоей музыки, – еще одна причина, почему тебе нельзя обременять себя новой ответственностью. А если зингшпиль не удастся – ведь на пути твоём столько препятствий, – ты окажешься в еще более трудном положении.

Но я не сомневаюсь, при доработанном либретто ты напишешь партитуру, которой сможешь гордиться. В «Идомене» много весьма удачных мест. Мой совет тебе – прими либретто, но не слишком доверяй либреттисту, ибо у него репутация плагиатора. Однако, по твоим словам, он знает законы сцены, и пьесы его пользуются успехом. Итак, что бы ты о нем в душе ни думал, будь всегда вежлив, но слишком близко не сходишь.

Я твердо верю – в музыке ты можешь достичь больших высот. И ради твоих интересов я готов пожертвовать всем на свете. Помни всегда об этом.

Что меня тревожит, так это твоя порывистость и доверчивость, готовность раскрыть свои объятия каждому, кто окажет тебе хоть малейшую услугу, в особенности если эта услуга сопровождается нежной улыбкой. Меня очень беспокоит, что ты живешь у Веберов. Я уже слышал сплетен о тебе и о веберовских дочках. Ходят слухи, будто ты собираешься жениться на одной из них. В этот решающий момент, твоей карьеры тебе не следует давать повод для подобных разговоров. Это погубит твое будущее, не говоря уже о теперешних планах на оперу о серале. Ты же знаешь, как я пекусь о твоём душевном покое, как близко к сердцу принимаю все твои трудности; музыка твоя обретает все большее величие и благородство. Так неужели ты совсем глуп и не понимаешь, что могут говорить о молодом, холостом мужчине, живущем под одной крышей с тремя незамужними девицами? Я знаю, молодые люди способны совершать глупости, в особенности с венскими женщинами, и не думаю, что ты совсем уж без греха, но госпожа Вебер – хитрая особа, и с ней нужно держать ухо востро. Ты ведь не последний негодяй, который думает лишь о том, как бы поразвлечься с ее дочерьми.

От всех этих сплетен я совсем разболелся. Ты пишешь: «Я готов сделать все на свете, лишь бы порадовать Вас». Если слова твои не расходятся с делом, съезжай от Веберов без промедления! Ты ведь не тупица и должен понять: при создавшемся положении это

единственный выход. Твоя мать, стольким пожертвовавшая ради тебя, в гробу перевернулась бы, знай она, какие сплетни ходят о ее сыне. Ради нее и ради меня подыщи себе более подходящее жилье. Твой всегда любящий и пекущийся о тебе отец».

Но и на сей раз, отослав письмо, Леопольд стал мучиться сомнениями. Он не был уверен, послушает ли Вольфганг его советов. Видимо, немало разочарований поджидает еще его впереди.

Вольфганга задели за живое упреки отца и отсутствие к нему доверия, хотя некоторые советы и показались разумными. Он с грустью раздумывал, что же предпринять, когда к нему пришел Вендлинг, на несколько дней заехавший в Вену.

Старый друг сказал:

– Переспи с ней, тогда и решай, стоит ли жениться. Вольфганг возмутился:

– То есть как это?

Вендлинг посмотрел на него снисходительно:

– Не будь ребенком! Зачем в таком случае ты у них живешь? О тебе и девицах Вебер болтают даже в Мюнхене. Репутация старой Вебер всем известна. Она сама постаралась выдать Алоизию за Ланге. И поссорилась с дочерью из-за того, что не удалось получить за нее с зятя побольше.

Вольфганг был в полнейшем неведении, и ему вдруг почудилась опасность. При создавшихся обстоятельствах, пожалуй, разумное переехать, решил он.

Он ничего не сказал Веберам, пока не подыскал себе комнату поблизости, на Грабене. Далеко уезжать не хотелось. И только после того, как перевоз вещи на новую квартиру и уже поздно было передумывать и поддаваться на уговоры, объемы за обедом о своем переезде как о свершившемся факте.

Констанца, казалось, вот-вот расплачется. Иозефа и Софи тоже погрустнели, но Вольфганг заверил всех, что будет жить совсем под боком и часто их навещать.

К его удивлению, госпожа Вебер изрекла:

– Вы поступили правильно, господин Моцарт. Слишком много ходит сплетен о вас и моей дочери. Теперь, по крайней мере, сплетники приумолкнут.

– Вот и хорошо. – Вольфганг решительно поднялся, но чувствовал он себя несчастным. У двери Констанца взяла его за руку и сказала:

– Непременно приходите к нам иногда обедать. Иначе я буду скучать, Вольфганг.

– Ну разумеется. – И неожиданно для себя добавил: – Мои письма по-прежнему будут приходить сюда, ведь всем известен этот адрес.

61

Вольфгангу не нравилось новое жилище – темная, грязная комнатуха, а Констанца всегда держала его комнату в образцовом порядке. В доме Веберов были и другие преимущества, которых ему здесь не доставало. Он забегал к ним при каждом удобном случае под предлогом забрать письма и старался не признаваться даже самому себе, что скучает без Констанцы, без ее улыбки, веселого смеха. Но по мере того, как он все больше втягивался в работу над новой оперой, вносил последние поправки в сонаты для издателя Артариа, по мере того, как с наступлением осени и приездом в Вену знатных особ заказов все прибавлялось, свободного времени становилось все меньше и Вольфганг все реже навещал Веберов. Он был уверен, что пресек сплетни, потому что Папа больше не бранил его и писал главным образом о делах, касающихся музыки, – совсем как в былые времена, – давал советы по поводу либретто и партитуры, что так радовало Вольфганга, помогало и вдохновляло в работе.

Когда был закончен первый акт, Стефани собрал в Бургтеатре главных действующих лиц – проверить, соответствует ли музыка голосам певцов.

Вольфганг, работавший все последнее время в лихорадочном темпе, явился в театр бледный, усталый и подошел к певцам, сидевшим посреди пустой сцены. Он чувствовал себя

опустошенным и подавленным. Работал он, как каторжный. А они теперь начнут разносить его творение в пух и прах. Он-то знал, как нужно петь его музыку, да вот знают ли они?

– Вольфганг не раз встречал всех этих певцов, по сей час, когда его знакомили, делал вид, будто видит их впервые. Папа правильно советовал – лучше держаться со всеми на расстоянии.

Катарина Кавальери оказалась пышной зрелой женщиной, хотя была не старше его. Впрочем, из нее может получиться неплохая Констанца, решил Вольфганг. Бельмонт – Валентин Адамбергер, мужчина лет под сорок, Раафу бы его годы – вполне сойдет. Вольфганг поклонился Карлу Фишеру, басу, одному из самых популярных немецких певцов, который получил партию Осмина. Фишер был несколькими годами моложе тенора, но выглядел гораздо старше, суровое, волевое лицо – прекрасный контраст рядом с Бельмонтом.

Вольфганг так внимательно разглядывал главных действующих лиц, что не заметил сидевшую в темноте Алоизию.

– Как я уже вам говорил, госпожа Ланге дублирует госпожу Кавальери. Если репетиции оперы Глюка начнутся одновременно с нами, госпожа Кавальери может ему понадобиться, – сказал Стефани.

Глюку, конечно, отдадут предпочтение, с обидой подумал Вольфганг. Он встретился глазами с Алоизией. Она была все так же хороша, но в облике ее появилась какая-то жесткость. Вольфганг поклонился ей официальнее, чем другим, и спросил:

– Можно начинать, господин Стефани?

Адамбергер пел вступительную арию с большим чувством и вкусом – Вольфганг остался очень доволен. Кавальери исполнила первую арию несколько бравурно, и топ ее голоса оказался не так чист, как хотелось бы. Вольфганг видел: еще придется подгонять музыку к ее голосу. Но по-настоящему взволновал его голос Фишера. Фишер мог бы соперничать с самим Манцуоли. Вольфганг пришел в ужас – в теперешнем тексте либретто у Фишера была всего одна каватина – и решил это непременно исправить.

Наступила очередь Алоизии. Она запела нежно, зная, чем можно понравиться Вольфгангу, исполненная решимости произвести на него впечатление. И он не мог остаться равнодушным. Голос Алоизии не отличался силой, как у Кавальери, но пела она необычайно выразительно. Она помнила все, чему он ее учил, и очень усердно готовилась к выступлению. Но, несмотря на чувство, с каким она исполняла арию, жесткие нотки в ее голосе были чужды образу Констанцы.

Стефани, теперь уже в качестве импресарио, поблагодарил певцов и сказал:

– Вот такова в общих чертах опера «Похищение из сераля».

– Я думал, опера называется «Бельмонт и Констанца», – заметил Адамбергер.

– Я изменил название, – ответил Стефани. – «Die Entführung aus dem Serail» звучит гораздо лучше. Сразу ясно, о чем речь.

Вольфганг хотел было возразить против такого наглого присвоения его идеи, но передумал – споры с либреттистом но гораздо более принципиальным вопросам еще впереди.

– Однако, – заявил Стефани, – я должен сообщить вам одну неприятную новость.

– Постановка оперы отменена! – воскликнул Вольфганг.

– О нет! Просто немного откладывается. Визит великого князя Павла в Вену перенесен на ноябрь, а соответственно и постановка оперы.

Вольфганг облегченно вздохнул. С одной стороны, это даже к лучшему, ибо многое предстояло изменить и доработать, в особенности в партии Фишера, и теперь есть время.

– Разучивайте хорошенько свои роли. Опера непременно увидит постановку. Клянусь вам честью. – С таким напутствием Стефани отпустил певцов.

Фишер задержался поговорить со Стефани, а Алоизия, дождавшись ухода Адамбергера и Кавальери, подошла к Вольфгангу и сказала:

– Вы хорошо выглядите.

– Что вам угодно? – Он чувствовал, что выглядит ужасно.

– Я просто рада с вами снова встретиться.
– Но вы теперь замужем. Она пожала плечами:
– Ну и что же. Многие женщины замужем. Вы не хотите поцеловать меня на прощание?

– Вам так нужна роль?

– О нет, просто в память о прошлом. Или, может, я стала совсем некрасива?

– Мы с вами недостаточно близко знакомы.

Он уже собрался уходить, когда в театр вошел Иозеф Ланге, высокий красивый актер. Увидев Моцарта, он нахмурился, а Вольфгангу стало смешно. Алоизия представила их друг другу, но Вольфганг тут же извинился – ему нужно кое-что обсудить с господином Стефани, сказал он. Чета Ланге удалилась, и Стефани насмешливо заметил:

– Почему бы вам не наставить ему рога, она, по-моему, не прочь.

Вольфганг промолчал.

– Хотите, возьмем ее на главную роль? Алоизия справится и отблагодарит вас.

– У Кавальери голос не хуже, а как актриса она лучше Алоизии. Кто меня волнует, Стефани, так это Фишер.

Стефани понимал, в чем дело. Фишер отказывался петь Осмина, если не получит хорошей арии, однако либреттист сделал вид, будто не понимает, что имеет в виду композитор.

– Осмину фактически нечего петь, а у Фишера прекрасный голос, и он мог бы сделать Осмина великолепным негодяем – комическим и в то же время грозным.

– Это потребует большой работы.

– Я уже сочинил для него красивую арию.

– Когда? Вы ни словом не обмолвились.

– Пока Фишер пел свою каватину. Ария у меня почти вся в голове. Но либретто нужно не только подправить, не только расширить роль Осмина. Некоторые ситуации нелепы, а иные стихи совершенно непригодны для пения.

– Моцарт, вы хотите невозможного.

– Значит, я не смогу продолжать. Не могу я писать музыку на сюжет, в который не верю.

Стефани так и подмывало принять его отказ – в Вене и без него много опытных композиторов, но музыка Моцарта была слишком прекрасна, против этих чудесных мелодий он просто не мог устоять. И ведь публика аплодирует музыке, а вовсе не либретто. Стефани сказал:

– То, что вы говорите о роли Осмина, не лишено здравого смысла. Не сомневаюсь, что и остальное мы сумеем уладить, если вы внесете изменения в музыку.

Конец дня они провели в работе. Вольфганг уже собрался уходить, когда Стефани сказал:

– Хочу предупредить вас, Моцарт. Нас не должны считать близкими друзьями. Пусть все выглядит так, будто я ставлю этот зингшпиль в угоду императору, который желает показать его великому князю Павлу. Иначе пойдут разговоры, что я остановил свой выбор на вас из дружеского расположения.

Музыканты предупреждали Вольфганга: Стефани доверять не следует, – но он не знал, кого слушать. В течение следующих недель либреттист внес кое-какие изменения, предложенные композитором, прочие же отверг как лишённые смысла. Репетиции с певцами шли прекрасно. Вольфганг был поглощен партитурой и работал с огромным подъемом. Он испытывал потребность обсудить ее только с одним человеком, чей музыкальный вкус ценил превыше всего. И написал Папе:

«Моя турецкая опера отложена до ноября, потому что Великая персона до той поры не прибудет. Но, возможно, это и к лучшему – предстоит еще внести массу изменений. Отсрочка даст нам время, и я смогу писать не в такой спешке.

Главные изменения касаются партии Осмина. Поскольку Фишер обладает

великолепным басом – хотя архиепископ считал, что для баса он поет слишком низко, – то желательно использовать все возможности его голоса, в особенности еще и потому, что Фишера здесь очень любят. В первоначальном тексте либретто у Осмина была лишь одна каватина и ничего больше, если не считать терцета и финала. Теперь, однако, у него будет еще по арии в первом и во втором актах.

Я уже передал Стефани одну арию Фишера в совершенно законченном виде, и это явилось для него полной неожиданностью. Ария должна произвести огромный эффект, потому что я придал гневу Осмина комический оттенок, использовав турецкие мотивы. В этой арии Фишер сумеет показать свои прекрасные низкие ноты, а в быстрых пассажах сможет дать почувствовать аудитории нарастание своего гнева. А затем, как раз в тот момент, когда кажется, будто ария подходит к концу, неожиданное *Allegro assai* – в совсем ином темпе и иной тональности – производит поразительный эффект. Разгневанный человек переходит все границы дозволенного и полностью теряет самообладание, он весь кипит от гнева. И музыка должна точно так же потерять власть над собой.

Поскольку, однако, страсти, какими бы они ни были бурными, никогда нельзя передавать так, чтобы они вызывали у слушателя отвращение, и музыка даже в самых неприятных сценах не должна оскорблять слух, но всегда оставаться музыкой и доставлять наслаждение, то я выбрал для *Allegro assai* не ту тональность, в которой написана ария, а гармонирующую с ней – ля минор.

Ария Бельмонта в ля мажоре «*O wie angstlich, o wie feurig* («О, как робко»)» передает волнение его сердца двумя скрипками в октаву. В арию влюблены все, кто слышал ее, и написана она специально для голоса Адамбергера. Так и чувствуешь его трепет, одолевающие его сомнения, слышишь, как взволнованно вздымается грудь, – все это передает *crescendo*. Слышишь шепот и вздохи – это выражено засурдиненными первыми скрипками и флейтами в унисон.

Хор янычар – веселый и недлинный – должен прийтись по вкусу венской публике.

Все же мне пришлось внести кое-какие изменения в арию Констанцы, чтобы приспособить ее к глотке Кавальери. И я попытался выразить в арии чувства героини, насколько это позволяет стиль итальянской браваурной арии, которого я придерживался. Это обстоятельство, однако, заставило меня задаться вопросом, что же думают наши немецкие поэты: пусть они ничего не смыслят в театре и в опере, но как можно заставлять героев говорить таким дубовым языком, будто перед ними не люди, а стадо свиней?

Увертюра коротка, *forte* то и дело перемежается с *piano*; в *forte* все время вторгается «турецкая музыка», она модулируется в различных тональностях. Не думаю, чтобы, слушая увертюру, кто-нибудь мог заснуть, даже если не спал накануне всю ночь.

И тем не менее я начинаю волноваться; вот уже три недели, как опера почти готова, однако я не могу продвинуться ни на шаг, потому что дальнейшая ее судьба зависит от текста, а Стефани хотя и обещал внести требуемые мною изменения, поговорит, что очень занят сейчас другими делами, и потому работает над нашим либретто медленнее, чем мне хотелось бы. Я вполне согласен с Вашими критическими замечаниями по поводу либретто, но самый образ Осмина задуман неплохо. И для меня не секрет, что стихи могли бы быть лучше, но, к счастью, большинство стихов подходит к моим музыкальным замыслам, так что общее впечатление должно быть благоприятным. Думаю, теперь Стефани стало ясно – поэзия в опере всегда должна быть послушной слугой музыки.

Поэтому-то итальянские комические оперы и пользуются неизменным успехом, несмотря на их убогие либретто. Музыка в них превосходна, а все остальное имеет второстепенное значение. Как же должна выиграть опера при хорошо поставленном сюжете, где слова будут точно соответствовать музыке, а не служить на потребу убогой рифме – в опере это только помеха. Пусть либреттисты, пишущие рифмованными стихами, убираются ко всем чертям! Тем не менее я был бы счастлив объединиться с настоящим поэтом, таким, который понимал бы законы нашего музыкального театра. Я прекрасно знаю, какие слова больше подходят моей музыке. Но, поскольку мы живем не в идеальном мире, приходится

довольствоваться тем, что есть.

Я счастлив, что Вы чувствуете себя лучше и что Вам понравилась та часть моей партитуры, которую я Вам послал. Ваш всегда любящий и покорный сын В. А. Моцарт».

Издатель Артариа принял у Вольфганга шесть сонат, но попросил его сделать некоторые изменения в «местах, излишне оригинальных», как он выразился. Кому бы он хотел их посвятить, спросили его – таков уж обычай, от этого зависит судьба произведения, – но Вольфганг уклонился, решил отложить до декабря, когда сонаты будут опубликованы.

В то время как он работал над оперой и сонатами, появился еще один заказ – на серенаду. От него Вольфганг отказаться не мог – заказчица, госпожа Тереза, была невесткой придворного художника Иосифа Хикеля, а Хикель желал, чтобы серенаду исполнили для его друга фон Штрака, камергера двора Иосифа II.

Поскольку оба эти лица пользовались расположением императора, для Вольфганга появилась еще одна возможность привлечь к себе внимание его величества. Несмотря на нехватку времени, он сочинял серенаду с большой тщательностью. Он написал ее в ми-бемоль мажоре и оркестровал для двух кларнетов, двух валторн и двух фаготов. Музыка такого рода, легкая, веселая, считалась развлекательной и предназначалась для исполнения и в домах, и на открытом воздухе – в парке во время гулянья, и в салонах, поэтому он сочинил для всех инструментов живые, изящные мелодии и заставил их вести между собой оживленный разговор. И поскольку исполнять серенаду предстояло его друзьям, Вольфганг писал так, что играть ее доставляло не меньшее удовольствие, чем слушать.

Серенада была исполнена в день именин госпожи Терезы в присутствии именинницы, фон Штрака и Иосифа Хикеля, а две недели спустя – в день именин самого Вольфганга, когда он поздно вечером заканчивал арию для Фишера, – музыканты, уже исполнявшие раньше эту серенаду, сыграли ее во дворе под его окнами. Хотя Вольфганг писал серенаду для другой цели, такому проявлению дружбы противостоять он не мог. Тронутый до глубины души, он пригласил всех музыкантов в таверну на Кольмаркт. Угощение стоило ему больше денег, чем он получил за серенаду.

Музыканты давно разошлись, а Вольфганг лежал в постели, наблюдая, как за окнами начинает светать, в ушах у него все звучала музыка, переполняя его душу счастьем. Неужели судьба не улыбнется ему в Вене? Теперь это казалось невероятным.

Однако после исполнения серенады, написанной для Иосифа Хикеля и фон Штрака, приглашения от императора так и не последовало, и Вольфганг немало огорчился.

Он не получил ни единого крестца за «Похищение из сераля» и за сонаты и остался почти без гроша в кармане, когда князь Кобенцл предложил:

– У меня есть для вас еще одна ученица – Иозефа Ауэрнхаммер, дочь экономического советника при дворе. Ее отец оказал стране неоценимые услуги, и я буду весьма признателен, если вы возьметесь ее обучать. Под вашим руководством она сможет стать настоящей концертанткой. Платить Иозефа будет столько же, сколько моя кузина.

– Благодарю вас. – Это было очень кстати, неизвестно только, где брать время на сон, думал Вольфганг, при том, что столько дел навалилось сразу.

Иозефа хотела заниматься четыре раза в неделю, а отец, обожавший ее, готов был платить столько, сколько попросит Моцарт. Иозефа – девица очень толстая – играла на фортепьяно с таким усердием, что пот лил с нее градом: Вольфганг с трудом терпел ее, а она так и льнула к нему; платья Иозефа носила слишком открытые, и тела выпирали буквально отовсюду. Но она платила больше всех и стала его основной материальной опорой. Отец, любящий ее до безумия, мечтал, чтобы дочь выступала перед публикой, обещал пригласить на концерт всю венскую знать и щедро заплатить Вольфгангу за уроки. Вольфганг взялся подготовить Иозефу к концерту, и это значительно увеличило его заработка, но ежедневные занятия с Иозефой все больше раздражали его. Контраст между толстой, потливой Иозефой и тоненькой очаровательной Констанцей становился все разительней. Чем больше отвращения вызывала в нем первая, тем сильнее тянуло ко второй.

Репетиции «Похищения из сераля» шли полным ходом: спектакль в честь великого князя Павла намечался не позже чем через месяц, а партитура была еще далека от завершения. Вольфганг не удовлетворял текст либретто, некоторые изменения, внесенные Стефани, ухудшили первоначальный вариант, по роль Осмина стала лучше, и главные герои пели великолепно. И вот за две недели до 25 декабря, дня премьеры, Стефани попросил Вольфганга подождать, пока все разойдется.

Вольфганг был в отличном расположении духа. Репетиция прошла прекрасно, музыка звучала, наконец, так, как он ее задумал, но почему мрачен Стефани? Может, сердится на него за все поправки, которые пришлось сделать?

Стефани сразу приступил к делу:

– Двор решил, что «Похищение» недостаточно пристойно для ушей великого князя. Оно будет заменено глюковской «Альцестой», постановка ее на итальянском языке состоится в театре Шёнбруннского дворца.

– На итальянском? После стольких трудов, которые мы вложили в создание немецкой оперы?

– Великий князь Павел говорит, что немецкий язык фактически непригоден для пения.

– Но я сделал его пригодным. А как же все разговоры императора о создании немецкой национальной оперы?

– Иосиф не хочет обижать русского гостя. Он наш возможный союзник. Но опера о похищении будет поставлена. Со временем!

– А как быть с певцами? Ведь это же для них страшный удар?

– Некоторые получают роли в «Альцесте». Другие... – Стефани пожал плечами.

– В чем же истинная причина?

– Я ведь сказал вам, Моцарт,

– Вы сказали мне то, что должны были сказать. Но все же почему Глюк вместо Моцарта?

Стефани замаялся, сомневаясь, можно ли открыть правду, однако, желая сохранить дружеские отношения с композитором и по-прежнему исполненный решимости добиться постановки оперы – что, без сомнения, должно было способствовать его собственной карьере, – добавил:

– Император сказал: «Я знаю, на что способен Глюк, но мне не известно, на что способен Моцарт».

62

Госпожа Вебер не позволила Констанце принять приглашение Моцарта пойти с ним на концерт к Ауэрхаммерам.

– Люди могут подумать, что у вас серьезные намерения, – сказала она. – А между тем это ведь не так, не правда ли, господин Моцарт?

Они стояли в гостиной Веберов. Констанца не могла скрыть беспокойства: зачем матушка ставит ее в столь неловкое положение? Это еще больше оттолкнет Вольфганга.

А Вольфганг но знал, что ответить. Серьезные намерения в отношении кого бы то ни было просто невысказаны. Сейчас не время. В голове зрело столько планов, так хотелось писать музыку, а он не чувствовал твердой почвы под ногами и сам не понимал, любит ли Констанцу. Но видеть ее такой опечаленной он не мог.

– Я люблю Констанцу. Она дружески расположена ко мне и всегда так внимательна, – сказал Вольфганг.

– В том-то и дело. По мнению некоторых, чересчур внимательна, – заметила Цецилия Вебер.

– Неправда! – Вид у Констанцы стал еще более несчастный, и Вольфганг поспешно добавил:

– И все-таки я ее очень люблю. Разве в этом есть что-то плохое?

– С точки зрения людей разумных, как мы с вами, конечно, нет, – ответила госпожа Вебер. – Но я вовсе не хочу, чтобы из-за нас у вас были бы неприятности.

– Констанца не может причинить мне неприятность, – решительно ответил Вольфганг и внезапно осекся, боясь связать себя обязательством.

– Она еще ребенок. Мне кажется, вам не следует больше сюда приходить. Если...

– Если что?

– Вы же светский человек. Знаете, как поступают в таком случае.

– Мама, как ты можешь? – воскликнула Констанца. – Никто не относился ко мне лучше Вольфганга, а ты говоришь с ним так, будто он последний негодяй.

– Господин Моцарт так вовсе не считает. Правда, господин Моцарт?

Вольфганг не знал, что и думать. Констанца взволнована, да и сам он очень расстроился.

– Не говорите ничего, о чем впоследствии пожалеете! – предостерегла его госпожа Вебер.

– Между мной и Констанцей не было ничего такого, о чем следует сожалеть.

– Bravo! Вот это слова порядочного человека!

– Мама, но он ведь и есть порядочный человек.

– Я и говорю. Интересно только, кто возьмется тебя содержать, когда я умру?

– Вольфганг, прошу вас, не обращайтесь на матушку внимания. Если захотите меня увидеть, я надеюсь, никакие пересуды вас не остановят.

– Дочь моя забывает, что она еще несовершеннолетняя и не может предпринимать ничего без согласия матери и своего опекуна.

Вольфганг понимал: еще одно слово – и он свяжет себя нерушимыми обязательствами. Он выбежал из дому, далеко не уверенный, увидит ли еще когда-нибудь Констанцу.

Концерт у Ауэрнхаммеров несколько развеял его печаль. Иозефа играла с пониманием и экспрессией, как он ее учил, но Вольфганг смотрел на нее и сравнивал с перезрелой дыней, вот-вот готовой лопнуть и обрызгать его избытком своих чувств. Друзья после концерта окружили его, поздравляли, и он наконец-то отделался от своей напористой ученицы. Князь Кобенцл выразил сожаление по поводу отсрочки «Похищения из сераля»; граф Пальфи заверил Вольфганга: уж если Стефани обещал, что оперу поставят, так оно и будет. Графиня Тун заметила, что исполнение фрейлейн Ауэрнхаммер отличалось удивительным изяществом и со стороны Вольфганга было бы уместно посвятить сонаты своей ученице.

Вольфганг отвел графиню в сторону и спросил, почему она так считает. Графиня Тун объяснила:

– Ее отец многим помог продвинуться в жизни.

– Ко мне он тоже был великодушен, – признал Вольфганг.

– И проявит еще больше великодушия при определенных условиях.

– Вы хотите сказать, мне следует проявлять больше интереса к Иозефе?

– Вам не пришлось бы тогда ломать голову, как заработать на жизнь. К тому же Иозефа весьма музыкальна.

Он чувствовал себя пойманным в ловушку и не знал, что ответить.

– Я ведь стараюсь смотреть на вещи более трезво только из желания вам помочь, Вольфганг, – сказала графиня Тун.

– Но это не по мне. Неужели я должен лгать самому себе?

– А Констанца сумеет дать вам все?

– Мы больше не видимся.

Графиня смирила его скептическим взглядом.

– Вы мне не верите?

– Дело не в этом. Вы слишком порывисты, добры, готовы вступаться за гонимых, в особенности если этот гонимый принимаем образ Золушки.

– Посвяти я сонаты Иозефе, вы мне поверили бы?

– Ауэрнхаммеры купят много экземпляров. Вольфганг несколько приободрился, но

настроение его снова упало, как только он объявил о своем решении Ауэрнхаммерам. И дочь, и отец так обрадовались, что Вольфгангу стало не по себе, однако взять свои слова обратно было поздно – господин Ауэрнхаммер не замедлил оповестить всех гостей о решении Моцарта, причем с таким видом, словно получил подарок от самого императора.

Выручил Вольфганга подошедший к нему барон ван Свитен. Они давно не виделись, но Готфрид мало изменился; друзья нежно обнялись и расцеловались. Ван Свитен, занимавший теперь пост председателя придворной комиссии по делам образования и директора придворной библиотеки, хотел познакомить Вольфганга со своим другом, знатоком музыки. Барон Раймунд Ветцлар фон Планкенштерн поклонился Вольфгангу и, когда ван Свитен назвал его полный титул, заметил:

– Барон очень добр ко мне, это новый титул, пожалованный моей семье Марией Терезией – оттого и звучит так пышно.

Вольфганг весело улыбнулся. Ему понравился Ветцлар – молодость и выразительное, живое лицо барона привлекали с первого взгляда.

– Мне доставило большую радость послушать вашу чудесную музыку, – сказал Ветцлар. – Господин Моцарт, люди всегда восхищаются пением птиц, но, если говорить правду, – куда птицам до вас!

– Вольфганг не мог бы написать плохую музыку, – заметила Иозефа, – даже если бы очень постарался, у него просто не получилось бы.

– Нет, мог бы. – Разве измеришь, сколько душевных переживаний, сколько сил он вкладывает в свою музыку? – Плохую музыку писать гораздо проще, чем хорошую.

– Разрешите с вами не согласиться, – сказал Ветцлар. – Полагаю, для вас отнюдь не проще, господин Моцарт. Слух и вкус – ваша надежная защита.

– Благодарю за любезность. Вы музыкант, барон Ветцлар?

– К сожалению, нет. У меня вовсе нет слуха.

– Но есть вкус, – заметил ван Свитен. – И превосходный.

Иозефа пригласила Вольфганга танцевать, и он сразу приуныл. Танцевать он чрезвычайно любил, но предпочитал сам выбирать партнершу. Двигаться по паркету с Иозефой не доставляло никакого удовольствия. Она касалась его своими пышными формами с коробящей фамильярностью, в то время как Ауэрнхаммер с умиленным лицом наблюдал за ними, словно стал уже тестем. Невидимые узы начинают связывать его с Иозефой, понял Вольфганг; испугавшись, что это может завести слишком далеко, он извинился и, сославшись на нездоровье, откланялся.

В эту ночь Вольфганг не сомкнул глаз. Почему он так одинок и несчастен? Он не мог ласкать женщину, которую не любил, и потому оставался целомудренным. Но он достаточно повидал свет и знал жизнь: не нужно быть Дон-Жуаном, чтобы страдать от искушений плоти. Удобные случаи подворачивались не раз, но грубость женщин легкого поведения ему претила. Да к тому же музыка налагала на него слишком большую ответственность. Перед ним была дилемма. Всем своим существом он желал Констанцу. Но разве можно соблазнить невинную девушку, даже если она равнодушна к нему? Надо забыть Констанцу, твердил он себе, она лишь романтическая мечта, игра воображения, нужно быть разумным, сохранять хладнокровие. Вольфганг повернулся к стене, но угрызения совести, сомнения, дурные предчувствия и смутные желания терзали его, не давая покоя.

На следующий день Вольфганг пошел повидать Констанцу. Он нерешительно постучал в дверь, не зная, как поступить, если на стук выйдет госпожа Вебер, и облегченно вздохнул, когда в дверях появилась Констанца – она словно поджидала его. Прервав неловкое молчание, Констанца воскликнула:

– Что нам делать, Вольфганг? Мама не велит вам больше сюда являться. – И девушка с плачем прижалась к нему. – Держит меня, как пленницу. Мне здесь не лучше, чем в том серале, о котором вы пишете.

Только сейчас его осенило – из создавшегося положения существует лишь один выход.

– Где ваша мать? – спросил он.

– Ушла. Скоро придет. Пошла утешить Алоизию, сестра расстроена, что опера о серале откладывается.

– Я ничего не обещал Алоизии. Она просто дублерша.

– Вы все еще любите ее?

– Я... – Как ни притворяйся, в этом есть доля правды. Но Вольфганг тут же вспомнил данный себе зарок: не любить женщину, которая не отвечает ему взаимностью. – Я люблю тебя! – неожиданно объявил он.

– О Вольфганг! – Констанца прильнула к нему, перестала плакать. – Значит, мы можем пожениться. Не могу я больше выносить свою мать.

– Но мы еще не помолвлены.

– Я люблю вас и боюсь, как бы вы не совершили ошибку.

– Предстоит еще многое обдумать.

– Вы не хотите на мне жениться?

– Я этого не говорил.

– Вы мне даже не сделали предложения, – чуть раздраженно сказала она. – Чего вы ждете, Вольфганг? Разрешения отца?

Он готов был вспылить, но тут Констанца напомнила – пора уходить, мать может вернуться в любую минуту. И, не сдержавшись, он спросил:

– Так ты выйдешь за Меня замуж?

– Вольфганг, дорогой, я сочту за счастье. – Тон ее стал мягче.

– Я поговорю с твоей матушкой, как только улучу благоприятный момент.

– Это необходимо?

– Ты еще несовершеннолетняя. Всякий другой путь вызовет скандал. Наберись терпения, мне надо все обдумать и наметить план действий, а там уж я дам тебе знать. Но пока никому ни слова. Обещаешь?

Констанца обещала, и Вольфганг заверил, что они станут мужем и женой, как только все устроится.

63

Вольфганг написал Папе, что влюблен в Констанцу, хочет на ней жениться, и стал ждать отцовского согласия и благословения. Папа должен первый узнать о таком событии. Вольфганг подробно объяснял, почему ему необходимо жениться, и уверял отца, что способен обеспечить свою будущую семью. А затем пришлось отложить на время мысли о женитьбе – император предложил Моцарту принять участие в состязании с пианистом Муцио Клементи: концерт должен был состояться в сочельник во дворце Гофбург во время приема в честь наследника русского престола, великого князя Павла и его супруги.

Вольфганг готовился к выступлению очень тщательно, проводил за фортепьяно ежедневно по многу часов и для концерта одолжил лучший инструмент в Вене – «штейн» графини Тун. Графиня предоставила в его распоряжение также свой зимний экипаж, хотя до Гофбурга легко было дойти и пешком. Вольфганг был благодарен графине за такую предусмотрительность – сочельник выдался на редкость снежный и ненастный, а в закрытом экипаже графини у него, по крайней мере, не замерзли руки и парадный камзол не помялся. Он все еще не мог простить императору замену его оперы глюковской «Альцестой» и задался целью доказать, на что способен Моцарт.

В тот вечер Вольфганг оделся особенно тщательно и по моде, ибо Иосиф II, вопреки всем его разговорам о простоте и аскетизме, любил, когда подданные выглядели элегантно. Особенно гордился Вольфганг своим голубым жилетом, прекрасно гармонировавшим с цветом его глаз, на алой шелковой подкладке, мягкой, как кожа Констанцы. Пожалуй, столь дорогой вещи он еще никогда себе не покупал и был очень доволен, что давал Йозефе уроки, – это позволило ему пойти на такие затраты. На ногах у него были белые шелковые чулки и туфли с серебряными пряжками, но он не пристегнул к рукавам кружева, как делали

многие модники, – манжеты помешали бы игре.

Вольфганг подъехал к Гофбургу со стороны Кольмаркт и Михаэльплац; проезжая мимо квартиры Стефани, он подумал, увидит ли сегодня либреттиста во дворце. Стефани уже две недели не появлялся, и Вольфгангу казалось, что постановка «Похищения» никогда не состоится.

Когда Вольфганг подъехал к дворцовому корпусу, где находились императорские апартаменты, настроение его заметно улучшилось. Это было одно из четырех громадных строений дворца Гофбург, которые, смыкаясь, образовали большую, вытянутую в длину площадь Бургплац, – вероятно, самый огромный в мире внутренний двор, подумал Вольфганг. В тот вечер серые каменные стены дворца, припорошенные только что выпавшим снегом, величественно серебрились и поблескивали. У парадного подъезда стояло много закрытых карет; здесь был вход в личные покои императора, и над массивными, окованными железом дверьми красовались королевские эмблемы Габсбургов – крест, корона и императорский орел.

Фон Штрак, встретивший Вольфганга, поздоровался и проводил его в музыкальный салон, что Вольфганг воспринял как знак особого расположения со стороны его величества.

Как хорошо, что он уделил столько внимания своему внешнему виду – на камергере был точно такой же жилет и тоже белые шелковые чулки и туфли с серебряными пряжками. Ничего, что могло бы затмить особу императора или оскорбить его взор. И поскольку костюм фон Штрака не мог не соответствовать вкусу Иосифа II, Вольфганг удовлетворенно отметил, что и сам он одет прилично случаю.

Фон Штрак – худощавый, подтянутый человек с резкими чертами лица, обычно веселый и общительный, был сегодня на редкость молчалив.

Почти все комнаты, через которые его вел камергер в музыкальный салон, были отделаны в одном стиле: белые стены с панелями, обтянутыми темно-красной парчой с позолотой. Вольфгангу нравилось пышное великолепие дворцовых комнат, высокие потолки и окна, паркетные полы, массивные канделябры и облицованные белым кафелем печи – причудливо-красивые, как скульптура барокко. Однако при всем великолепии убранство дворца отличалось суровой простотой. Шёнбрунн гораздо роскошнее и оригинальнее Гофбурга, подумал Вольфганг. Но Иосиф II предпочитал Гофбург, будто из желания подчеркнуть, что вкус матери, так любившей свой загородный дворец, для него не закон.

У входа в музыкальный салон фон Штрак вдруг остановился.

– Господин Моцарт, я полагаю, вы хорошо подготовились и сумеете показать себя с лучшей стороны?

– Как всегда.

– Это событие особое. Император заключил пари с нашими русскими гостями, что ни один итальянец не способен превзойти немца в игре на фортепьяно. Он будет недоволен, если проиграет пари.

– Вы же знаете, на что я способен, господин фон Штрак.

– Потому-то мы вас и пригласили. И все же Клементи – подлинный виртуоз. А гости из России весьма обрадуются, если мы окажемся в неловком положении.

– Господин фон Штрак, я буду счастлив служить своим талантом императору.

Но камергер не клюнул на приманку и ни словом не обмолвился, собирается ли Иосиф II взять Моцарта к себе на службу.

Вольфганг вошел в музыкальный салон и сразу почувствовал, что перед ним не публика, готовая его слушать, а сборище судей. Он-то будет играть так же легко и естественно, как дышит, но вот оценка этих людей будет зависеть от их настроения.

Ему стало легче, когда он увидел князя Кобенцла, графа Пальфи, барона ван Свитена и барона Ветцлара. Да и музыкальный салон ему понравился. Комната достаточно просторная, и акустика здесь, должно быть, неплохая. Мягкие кресла казались удобными – значит, слушатели не устанут слишком быстро. А огромная кафельная печь будет поддерживать тепло в комнате и не даст озябнуть ни публике, ни пианистам.

Император появился в салоне неожиданно, в сопровождении великого князя и великой княгини. Они вошли через высокую белую дверь, хитроумно скрытую в деревянной панели.

Насупленный и мрачный, великий князь Павел, казалось, был чем-то недоволен, словно находился здесь против собственного желания, и Вольфганг припомнил слухи, ходившие о нем: великий князь, совсем как Гамлет, ушел в себя после кончины отца – Петра III, когда Екатерина, его мать не последовала примеру Марии Терезии, отказалась разделить с сыном престол и стала единовластной правительницей России.

Великая княгиня, женщина необычайно красивая, напротив была очень оживлена. Она стояла рядом с Иосифом II, император был с ней чрезвычайно любезен. Вольфганга представили, и Иосиф сказал, обращаясь к своим русским гостям:

– Моцарт – большой талант, настоящий гений.

– А я слышала, Клементи лучше! – воскликнула великая княгиня.

– Давайте прежде послушаем, – весело отозвался император, – а тогда уж решим.

Муцио Клементи, стоявший сзади в ожидании, чтоб его представили, увидел маленького, элегантно одетого человека, с изяществом отвешивающего поклоны императору, и принял его за камергера. Узнав, что это и есть Моцарт, Клементи поразился.

Клементи оказался удивительно хорош собой, и Вольфганг подумал: это даст его сопернику мгновенное, преимущество. Кроме того, итальянец был всего несколькими годами старше, и Вольфганг рядом с ним уже не казался юным дарованием.

Музыканты, представленные друг другу, стали обмениваться любезностями и комплиментами, пока император, которого, казалось, утомила их светская вежливость, не объявил:

– Пора начинать. Ее высочество великая княгиня ставит пари на Клементи, а я – на Моцарта.

Великая княгиня сказала:

– Вы не хотели бы повысить ставку, Иосиф?

– С величайшим удовольствием.

Они удвоили, а затем утроили ставку, хотя условия и сумма пари держались в тайне, и Вольфганг заметил, что император волнуется, словно победа Моцарта в этом состязании была для него делом чести.

В мире не найти равного ему пианиста, но почему, собственно, их состязанию придают такое значение, с неприязнью подумал Вольфганг и облегченно вздохнул, увидев, что «штейн» графини Гун благополучно доставили во дворец. Клементи предстояло играть на императорском фортепьяно.

Знак начинать император дал Клементи, поскольку тот считался гостем. Три клавиши заедало, но итальянец любезно заметил:

– Это сущий пустяк! – и продолжал играть с большим техническим совершенством и уверенностью. Чтобы скрыть недостатки инструмента, Клементи играл свою сонату presto и prestissimo, в темпе, гораздо более быстром, чем она была написана, неодобрительно отметил про себя Вольфганг.

Не успели смолкнуть аплодисменты, как император повелительно крикнул Моцарту:

– Начинайте!

Стоило Вольфгангу коснуться клавиш «штейна», как для него перестало существовать все на свете, кроме музыки и инструмента.

Он играл одну из своих сонат, и Клементи думал, что ему еще не приходилось слышать подобного исполнения. Хотя он знал о похвалах, расточаемых Моцарту и как композитору, и как исполнителю, игра его оказалась для Клементи неожиданной. Моцарт играл без всякой манерности, без эффектных жестов и излишней нервозности; свобода и изящество, с какими пальцы его бегали по клавишам, поражали и совершенно завораживали. И в то же время игра его отличалась удивительной четкостью и чистотой, благодаря чему музыка обретала волшебную, целомудренную ясность. Исполнение было предельно точным и естественным.

Моцарт – замечательный музыкант, думал Клементи, в равной степени владеющий

музыкой, инструментом и самим собой. Подобную игру не забудешь до конца своих дней.

Тем не менее, когда они приступили к последнему номеру программы, Клементи – при всем своем восхищении Моцартом – изо всех сил стремился превзойти соперника. В импровизации Клементи показал себя настоящим виртуозом. И если Моцарт играл грациозно, с вдохновением, легкостью, простотой и чрезвычайным самообладанием, то Клементи делал упор на технику, демонстрируя великолепный удар. Он играл в невероятно быстром темпе, труднейшие замысловатые пассажи были рассчитаны на внешний эффект.

Аплодисменты были бурными, и Вольфганг видел, как нахмурился император – слишком уж манера игры Клементи отличалась от манеры Вольфганга; даже великий князь Павел, слушая итальянца, немного оживился, а великая княгиня и вовсе торжествовала.

Но Вольфганг не стал отступать от своего стиля. Он и не пытался соревноваться с Клементи в быстроте и виртуозном блеске исполнения, а по-прежнему играл, не ускоряя темпа, с величайшей точностью передавая все нюансы и оттенки. В *pianissimo* музыка его была напевна и нежна, а в *forte* он следил за тем, чтобы мелодия звучала все так же ясно и отчетливо. Его исполнение отличалось глубокой эмоциональностью. Импровизируя, он представлял себе внимательно слушающих его Констанцу, и Папу, и Маму, и Наннерль, и будто сами собой рождались лучезарные, вдохновенные молодии. Музыка словно парила в небесах; слушая ее, сам он испытывал физическое наслаждение и огромный душевный подъем – так бывает во время молитвы.

Как выразительно играет Моцарт, с каким безупречным вкусом, размышлял Иосиф, и у него такое изящное туше, по сравнению с ним игра Клементи кажется просто ремесленной. Создается ощущение, будто он плоть от плоти своего инструмента и музыка, которая струится из-под его рук, рождена гениальным воображением. Иосиф вспомнил, как отец его назвал когда-то Моцарта-ребенка «*kleinen Hexenmeister*» – «маленьким волшебником»; он прошептал это на ухо великой княгине, внимавшей игре Моцарта, затаив дыхание, и она кивнула, но жестом попросила императора не мешать ей слушать.

Странно, думала великая княгиня, ведь его музыка и исполнение кажутся совсем простыми и тем не менее пробуждают страсти, таящиеся в самых глубинах души, задевают за живое, рожают чувства, о которых она дотоле и не подозревала.

Княгиня с удовольствием кокетничала с Иосифом, потому что терпеть не могла своего мужа, однако душа ее жаждала любви, а не легкого флирта, и теперь вдруг она отодвинулась от Иосифа и вся потянулась навстречу чудесным звукам, стараясь не пропустить ни одной ноты.

Великий князь Павел тоже слушал внимательно, потому что наиболее мрачные пассажи прекрасно выражали возбуждение, которое испытывал он сам; как хорошо было бы найти выход своим страстям, думал он, подобно тому, как находил его Моцарт.

В зале царил мертвая тишина, и Вольфганг сознавал это, а когда кончил играть, услышал одновременный вздох многих людей, словно до того все сидели, затаив дыхание.

Он понял, что исполнение его понравилось, потому что император воскликнул:

– Моцарт выиграл!

Великая княгиня согласилась с ним, а великий князь вдруг сказал с таким видом, словно ему трудно говорить, но сказать было необходимо:

– Мой добрый друг князь Дмитрий воздавал вам самые высокие похвалы, но я думал, он преувеличивает. Господин Моцарт, мы почтем за большую честь принять у себя в стране такого гостя.

Ревность заговорила в Иосифе.

– Нам будет очень жаль потерять вас, господин Моцарт, если вы предпочтете Россию или любую другую страну, – сказал он.

– Ваше величество, в первую очередь мною располагает моя родина.

Он ждал, что император скажет: «Я не позволю вам уезжать», – но Иосиф только улыбнулся и проговорил:

– Ваша игра доставила всем большое удовольствие, я очень рад.
– Я надеялся угодить вам, ваше величество.
– И угодили! Вы убедили наших гостей в том, что лучших пианистов, чем в Вене, нет нигде в мире!

– Вена – родина клавира. Я всегда к вашим услугам, ваше величество.

Гости расступились, чтобы дать возможность Вольфгангу поговорить с императором наедине. Иосиф сказал:

– Я слышал, вы собираетесь жениться, – и, заметив, как удивился композитор, откуда это известно императору, Иосиф рассмеялся и добавил: – Господин Моцарт, эта новость уже облетела всю Вену. А вы и не знали?

– О нет, – сказал Вольфганг, недоумевая, кто же из тех, кому он доверился, разгласил его тайну.

– Вы не хотите, чтобы об этом знал ваш монарх?

– Что вы, ваше величество! Ваш интерес ко мне – большая честь для меня.

– Благополучие моих подданных глубоко заботит меня, вы должны это знать.

– Вы очень милостивы, ваше величество.

– Поэтому я и удивился, узнав, на ком вы остановили свой выбор.

– Вы не одобряете, ваше величество?

– Музыкантам следует жениться на богатых невестах. Как сделал Глюк. И Сальери. Это дает им возможность больше уделять времени творчеству.

«И снимает с вас обязанность оказывать им помощь», – насмешливо подумал Вольфганг, а вслух сказал:

– Я питаю надежду, что мой талант позволит мне содержать женщину, которую я люблю, – и, увидев циничную улыбку Иосифа, добавил: – Ваше величество, я просто не знаю, что бы стал делать с богатой женой, она ждала бы от меня полного к себе внимания и вынудила бы забросить сочинительство.

– Этого вы не должны допускать ни в коем случае! – Иосиф вдруг стал серьезен. – Мне очень жаль, что опера о серале отложена. Адамбергер и Фишер хвалили мне вашу музыку и умоляли поставить оперу.

– А как считаете вы, ваше величество?

– Мне, разумеется, тоже интересно. Мы попытаемся подыскать для нее место в репертуаре.

– А для меня, ваше величество, надеюсь, найдется место в вашей капелле?

Иосиф нахмурился.

– Вам следует набраться терпения. Вы еще очень молоды.

– Ваше величество, мне уже скоро двадцать шесть.

– Моя мать не назначала Глюка капельмейстером придворного оперного театра, пока ему не исполнилось сорок лет. Фон Штрак передаст вам вознаграждение за сегодняшний концерт. – И с этими словами император удалился.

К Вольфгангу тут же подошел Клементи и стал поздравлять.

– Мне еще не приходилось слышать столь благородную манеру исполнения, – говорил итальянский виртуоз, в душе решивший непременно перенять кое-что от стиля Моцарта. Вольфганг поклонился.

– Благодарю вас. Я тоже нахожу ваше исполнение весьма интересным. Вы великолепный клавиесинист, у вас замечательный удар и блестящая правая рука. – А про себя Вольфганг подумал: «Однако вкуса и души – ни на грош, хорошая техника, но чисто механическая, не больше. Лучше всего Клементи удаются пассажи в терциях, такие я играл в пятилетием возрасте». Вольфганг уже собирался уходить, когда фон Штрак сообщил, что за концерт ему полагается пятьдесят дукатов и личное поздравление от императора. Сумма эта составляла половину заработанной им у Колоредо за весь прошлый год, следовательно, теперь можно позволить себе женитьбу. И еще барон Ветцлар сказал:

– Я очень благодарен ван Свитену, что он меня с вами познакомил. Господин Моцарт,

вы одно из величайших чудес, дарованных нам природой.

Если это так, никто не должен противиться его женитьбе на Констанце, даже Папа.

64

Дать согласие, родительское благословение? Как мог Вольфганг ожидать от него такого донкихотства? Прошло уже несколько дней с момента получения письма, в котором сын объявлял о своем желании жениться на Констанце, а Леопольд никак не мог успокоиться. Он сидел за столом, изучая письмо в надежде подыскать нужные слова, чтобы не оттолкнуть сына еще больше, но, перечитав письмо еще несколько раз, пришел в полное уныние. Вольфганг писал:

«О своих чувствах я сообщил бы Вам и раньше, но боялся, что Вы станете меня отговаривать. Поскольку мне, однако, далеко не безразлично Ваше мнение, я хочу сам Вам поведать о том, что стало для меня вопросом первостепенной важности. Горячо любимый отец, прошу Вас, выслушайте меня внимательно. Да, как Вы уже, видимо, догадались, я влюблен и хочу жениться. И в надежде, что Вы поймете, привожу Вам причины, побудившие меня к этому.

Природа требует своего, и в отношении меня она так же настоятельна, как в отношении любого другого мужчины, пожалуй, даже более настоятельна. И однако, я не могу удовлетворять свои потребности, как это делает большинство мужчин. Я слишком чту господа бога, слишком придаю значение людскому мнению и слишком щепетилен в вопросах чести, чтобы соблазнить порядочную девушку. Кроме того, я питаю слишком большое отвращение к французской болезни и берегу свое здоровье, чтобы искать удовлетворения в обществе проституток. Даю вам слово, я ни разу не дотрагивался до женщин такого сорта. Но, Папа, это совсем не легко – оставаться целомудренным! Мои чувства проснулись рано. Еще в детстве, когда я давал концерты в Париже, Лондоне и Вене, красивые, нарядные дамы зачастую ласкали и целовали меня. А вы всегда говорили, что нужно, ждать и оберегать свою невинность так же, как я оберегаю музыку.

Сколько же, однако, ждать? Мне скоро двадцать шесть, и, как Вы сами знаете, я сильно отличаюсь от моих сверстников. Почти всю жизнь я провел среди взрослых: думая порой обо всем пережитом, мне кажется, будто я прожил уже несколько жизней. Поэтому не могу я больше насиловать свою природу и отмахиваться от нее.

Я понимаю, как бы убедительно все это ни звучало, чтобы влюбляться и жениться, нужны более веские причины. Однако темперамент мой и воспитание, данное Вами, сделали свое дело – мне необходимо иметь жену. С самого детства Вы и Мама учили меня превыше всего остального ценить спокойную семейную жизнь и презирать распутство. Только это может обогатить меня, а вовсе не судьба Дон-Жуана, меняющего одну женщину за другой. Мне никогда не приходилось самому заниматься хозяйством, следить за своей одеждой, бельем, и поэтому обойтись без жены я просто не могу. Сейчас обстоятельства часто вынуждают меня идти на ненужные траты: у меня нет времени заниматься такими делами самому. Но я уверен, при жене я сумею наладить жизнь гораздо разумнее и экономнее, чем сейчас. Жизнь станет организованнее. По моему разумению, одинокий мужчина живет не в полную меру. Я все тщательно обдумал и решение свое менять не намерен.

Но кто же та, кого я люблю? На ком хочу жениться? Да, она одна из Веберов. Прошу Вас, дорогой Папа, не удивляйтесь и не упрекайте меня, не говорите, что предупреждали. Я влюблен в Констанцу, их среднюю дочь.

Что касается остальных, согласен с Вами, редко встретишь в одной семье подобные контрасты. Мать – шумная, ленивая, эгоистичная особа. Доверять ей не следует ни в чем. Алоизия заботится лишь о собственной карьере и может кокетничать с кем угодно, если это отвечает ее целям. Софи, самая младшая, слишком наивна, чтобы понимать происходящее вокруг, она еще неразумный, легкомысленный ребенок. Если бог не убережет ее, она может сойти с пути истинного. Старшая дочь, Иозефа, обладает прекрасным голосом, и, попади она

к хорошему педагогу, из нее вышла бы чудесная певица. Но она еще ленивее матери, полна самомнения и честолюбива.

Констанца же очаровательна, самая умная и самая милая девушка, единственная среди них жемчужина. Она делает все по дому, а они еще упрекают ее в нерадивости. О, как тяжела ее доля в этой семье!

Но мне хочется, чтобы Вы увидели ее такой, какая она есть. Она, разумеется, не уродлива, но и не красавица. Вся ее прелесть – в карих глазах и прекрасной фигуре. Ее не назовешь остроумной, нет у нее и светских манер, но зато здравого смысла, чтобы справиться с обязанностями жены и матери, вполне достаточно. И она очень бережлива. Ей приходится одеваться более чем скромно, ибо все, что ее мать могла тратить на дочерей, доставалось сестрам. Как любой молодой девушке, ей хотелось бы одеваться опрятно и красиво, но она не гонится за модой. Она умеет шить и по большей части шьет себе сама; каждый день делает себе прически, причем очень милые; прекрасно умеет стряпать и вести хозяйство, и если их дом и содержится в порядке, то только благодаря усилиям Констанцы, потому что у нее очень доброе сердце.

Я люблю ее, и она любит меня. Так где же мне сыскать лучшую жену?

Мне хотелось бы, любимый отец, чтобы Вы также знали, что я не лгал Вам. Когда я покинул службу у Великого Муфтия, я еще не был влюблен в Констанцу, чувство пришло постепенно, пока я жил в их доме и испытывал на себе ее доброту и заботу.

Я почти уверен, что скоро буду иметь твердый доход. У меня есть три хороших ученика, и вся музыкальная Вена готова прийти мне на помощь.

Дорогой и горячо любимый отец, умоляю Вас дать свое согласие, дабы я мог вызволить мою несчастную возлюбленную, а Ваше благословение сделает нас по-настоящему счастливыми. Я открыл Вам все тайники своего сердца и лелею надежду, что Вы это оцените и отнесетесь со всем присущим Вам состраданием. Остаюсь Ваш всегда любящий и покорный сын В. А. Моцарт».

Но как же, думал Леопольд, как можно поощрять то, во что не веришь? Не зная, что предпринять, он обратился за советом к Наннерль. К ее помощи он прибегал крайне редко, но женщина в таких вопросах должна разбираться лучше мужчины, решил он. Поспешным ответом Леопольд боялся навсегда порвать с сыном.

Наннерль, обрадованная, что Папа с ней советуется, постаралась придать своему тону важность:

– Не отказывайте ему прямо, иначе он еще больше заупрямится. Но почему бы не намекнуть, что Веберы должны дать за дочкой приданое? Если кто-нибудь захочет жениться на мне, с вас ведь тоже потребуют приданое.

Леопольд вдруг улыбнулся:

– Веберам это не по средствам.

– Тогда напишите, что у вас нет возражений против Констанцы Вебер, судя по его описаниям – а вы ему верите, – она девушка хорошая, но таков уж обычай – за и сестрой дают приданое, и, пока вопрос не решен положительно, вы, к сожалению, не можете дать согласия.

Леопольд последовал совету дочери.

А Наннерль, далеко не уверенная в том, так ли уж хорошо ее брат разбирается в женщинах, прибавила:

– Неужели он не догадывается, что Веберы просто-напросто хотят поймать его в ловушку?

– Влюбленный молодой человек всегда с готовностью верит, что его любят только за его обаяние.

Вернувшись домой после состязания с Клементи, Вольфганг обнаружил паническое послание от Констанцы, в котором та писала, что, если господин Моцарт не может дать ее опекуну убедительных доказательств своих благородных намерений, мать ушлет ее из дому. А на следующий день, Только он собрался пойти к Веберам, пришел ответ от Папы. Папа

писал в сдержанном и, как всегда, заботливом тоне, однако своего согласия не давал. Со свадьбой следует повременить, писал Леопольд, пока Веберы в знак своих добрых чувств не дадут за невестой приданое.

Вольфганг пришел к Констанце в полном душевном смятении. Лишь бы не опоздать, молил он бога. Но просить о приданом? Да где они возьмут приданое? Дверь открыла госпожа Вебер, словно ждала его прихода. А может, она сама написала записку, желая заманить его?

– Вы ведете себя легкомысленно, господин Моцарт, – заявила Цецилия.

– Где Констанца?

– В надежных руках. У своего опекуна. – Из-за того, что написано в письме, которое вы мне прислали?

– Его писала Констанца, а я обнаружила. Она не способна ничего от меня утаить. Господин Моцарт, вы серьезно думаете на ней жениться?

– Вы знаете, что серьезно. Несмотря на все ваши козни.

– Вопрос о женитьбе решит ее опекун, господин Торварт. Он здесь и желает с вами говорить.

– Поэтому вы и заставили Констанцу заманить меня сюда?

– Я вам сказала, Констанца написала записку по собственной воле, но господин Торварт, до которого дошли слухи о вас и моей дочери, счел это компрометацией и решил положить всему конец. Если вы не решаетесь поговорить с ним...

Вольфганг вошел в дом. Он был знаком с Иоганном Торвартом, высоким, худым мужчиной лет сорока, который славился своим умением из всего извлекать для себя выгоду. Стефани советовал Моцарту ни в коем случае не ссориться с Торвартом, поскольку тот пользуется влиянием в свете; ван Свитен считал, что Торварту, как и Афлиджио, не следует доверять; Ветцлар рассказывал, будто Торварт еще более скромного происхождения, чем сам Моцарт. Сын трактирного слуги, Торварт начал свою карьеру с лакея и домашнего парикмахера, а женившись на дочери состоятельного лекаря, быстро пошел в гору. Всякими правдами и неправдами он сумел стать импресарио и казначеем национального театра. Где можно заработать лишний гульден, Торварт тут как тут, говорили о нем.

Они стояли друг против друга, и Торварт торжественно изрек:

– Вы можете погубить несчастную девушку. Ведь у вас нет постоянного дохода. Вы ее соблазните, а потом бросите.

Вместо ответа Вольфганг повернулся к плачущей Констанце и спросил:

– Это ты написала записку, которую мне принесли вчера вечером?

Она кивнула, прошептала:

– Я совсем потеряла сон с тех пор, как вы сделали мне предложение. Матушка сказала, что это просто способ соблазнить меня.

– Ты и сама так думаешь, Констанца?

– Они не дают мне думать! Все время пристают с вопросами. Хотят знать, что вы делали со мной, что говорили. Не обесчестили ли меня.

– А ты что отвечаешь?

– Я сказала им правду, Вольфганг. Что вы порядочный человек. И тогда они предупредили: если вы еще раз придете, они отошлют меня отсюда...

– Мы не можем позволить вам видеться с Констанцей, – вмешался Торварт, – пока вы не дадите письменного согласия жениться на ней до истечения трех лет.

– А как насчет приданого? – спросил Вольфганг.

– Но пострадавшая сторона ведь она! – воскликнул Торварт. – Вы постарались испортить ей репутацию. Теперь на ней никто не женится!

– Я женюсь, – с достоинством сказал Вольфганг.

– Но сперва хотите получить приданое.

– Таков обычай.

– Нет, это вам следует оплатить свадебные расходы. Вы лишили ее возможности выйти

замуж за другого. Разве не так, госпожа Вебер?

– О, я уверена, господин Моцарт порядочный человек.

– Посмотрим, – строго сказал Торварт. – Довольно он марал репутацию честной девушки. Я не могу позволить ему встречаться с Констанцей до тех пор, пока в дополнение к письменному обязательству жениться на ней до истечения трех лет он также не обязуется в случае, если его решение изменится, выплачивать ей триста гульденов в год.

Тут Констанца потеряла последние остатки самообладания. Она зарыдала так горестно, что Вольфганг был потрясен до глубины души. Какая нелепость, думал он, ну что ему стоит подписать. У него и в мыслях не было покинуть Констанцу. Разве в бумажке дело, неужели они настолько безмозглы, что не понимают этого?

Вольфганг написал под диктовку Торварта и прочел вслух:

«Обязуюсь жениться на Констанце Вебер до истечения трех лет, если же по какой-либо причине не смогу этого сделать, то обязуюсь выплачивать ей по триста гульденов в год».

– Вы должны поклясться на Библии, – сказал опекун.

– *Biblia p?uregum*, Библия бедняков, – насмешливо проговорил Вольфганг.

– Нечего издеваться, – оборвал Торварт. – Люди презирают бедность. Но вы-то можете обеспечить Констанцу. Пятьдесят дукатов, полагающиеся вам от императора, пройдут через мои руки.

– Моей подписи вполне достаточно, – решительно сказал Вольфганг.

Торварт был взбешен, но тут вступилась госпожа Вебер. – Господин Моцарт наш большой друг. Мы можем на него положиться. По крайней мере в данном случае. Торварт сказал:

– Я в этом не уверен, но раз вы настаиваете...

Вольфганг поставил подпись четко и разборчиво, так он подписывал свои сочинения.

Как только опекун удалился, Констанца попросила показать ей документ. Мать неохотно протянула расписку, и Констанца обратилась к Вольфгангу:

– Мне не нужны письменные заверения. С меня вполне достаточно вашего слова. – И прежде чем мать успела ее остановить, девушка на мелкие куски разорвала обязательство.

Если у Вольфганга и оставались какие-нибудь сомнения в отношении Констанцы, тут они исчезли бесследно. Его Констанца – ангел. Он любил ее еще больше прежнего.

Цецилия Вебер пробормотала:

– Вы ведь дали слово, господин Моцарт.

– И исполнен намерения его сдержать. Но нашу свадьбу следует устроить по всем правилам. Я хочу, чтобы на венчании присутствовали мои родные, а на это потребуется время. И нам придется подыскать себе подходящее жилище.

– Вы можете жить у нас, – предложила госпожа Вебер. – Стол обойдется недорого.

– Только не у вас! – порывисто возразил Вольфганг. – А если вы ушлете Констанцу из Вены, я последую за ней куда угодно.

– Теперь, когда вы дали слово жениться на моей дочери и обеспечить ее, ничто не мешает нам оставаться добрыми друзьями.

И, желая показать, как она ему доверяет, госпожа Вебер позволила, Вольфгангу попрощаться с Констанцей наедине.

Констанца не могла простить себе, что зазвала Вольфганга.

– У тебя не было иного выхода.

Как можно винить ее в лицемерии: ведь, порвав расписку, она доказала ему свою преданность.

– Но нам недолго придется ждать? Пожалуйста, Вольфганг, милый!

– Ровно столько, сколько потребуется, ни дня больше. Мы поженимся, как только я получу согласие и благословение отца. Это мой долг перед ним, и нарушить его я не могу.

Вольфганг описал в письме Папе сцену с Торвартом, подчеркнув, что оба они – и он и Констанца – вели себя геройски. Леопольда возмутило поведение опекуна и госпожи Вебер. Их следует проучить за то, что они осмелились подвергнуть оскорблениям его сына. Леопольд еще раз подумал, как правильно поступил, не дав Вольфгангу своего родительского благословения и согласия жениться на Констанце.

И когда сын снова обратился с этой просьбой, Леопольд повторил: его беспокоит отказ дать за невестой приданое, и дело не столько в деньгах, сколько в отсутствии к Вольфгангу доверия, а ввиду случившегося он тем более против свадьбы, пока вопрос с приданным не будет улажен. Со стороны сына благородно пригласить его на премьеру «Похищения», назначенную на июль, но в его возрасте длительное путешествие из Зальцбурга в Вену слишком утомительно.

Нелегко было принять такое решение. Леопольду так хотелось услышать новую оперу сына, но он понимал: приехав на премьеру, он неизбежно попал бы и на свадьбу. А тут уступить он не мог.

«Похищение» снова оказалось в центре внимания, и Вольфганг решил, что теперь самое время объединить два события – женитьбу на Констанце и премьеру его новой оперы.

– Пусть два похищения произойдут одновременно, – сказал он ей, сияя от счастья. – И может, в июле, когда погода улучшится, Папа изменит решение и приедет на премьеру и на нашу свадьбу.

Вопрос о приданом он больше не обсуждал ни с кем, даже с отцом, в надежде, что со временем все забудется и Папа просто даст согласие, ведь, в конце концов, он же его отец.

И хотя Констанца была настроена не так оптимистично, как он, и не надеялась, что господин Леопольд уступит сыну, но старалась не спорить с Вольфгангом, довольная уже тем, что мать оставили их в покое.

С тех пор как Вольфганг одержал победу над Клементи, император стал проявлять к опере Моцарта больший интерес и наконец разрешил ее поставить. А Торварт, получавший процент с каждого проданного билета в Бургтеатре, был с Вольфгангом чрезвычайно любезен: ему вовсе не хотелось терять своих доходов.

С наступлением весны работы у Вольфганга прибавилось. Теперь у него было четыре ученика, с которыми он занимался по утрам. Круг его влиятельных знакомых значительно расширился, и его постоянно приглашали выступать на вечерах и званых обедах, и он не отказывался, потому что за каждым приглашением видел возможного покровителя.

Его пригласили также выступить на первом концерте из целого цикла: двенадцати публичных концертов, которые намечалось провести в Аугартене – одном из самых больших парков Вены.

Вольфганг принял приглашение, поскольку концерты эти проходили под личным покровительством императора и при поддержке ван Свитена, графини Тун и многих других знатных любителей музыки; правда, первый концерт большого успеха не имел.

Наступил июнь. С Констанцей Вольфганг теперь виделся только по вечерам. И при всей его занятости приходилось еще как-то выкраивать время для работы над оперой. Часто он просиживал до часа, до двух ночи и уставал настолько, что не в состоянии был заснуть. Тем не менее, в семь утра он уже был на ногах – только в этот час мог приходиться его парикмахер – и в восемь, причесанный и одетый, снова брался за работу и писал музыку до десяти, пока не являлись ученики.

Но больше всего докучали ему обидные, насмешливые замечания госпожи Вебер.

Как-то вечером в середине июня, когда он сидел с Констанцей в гостиной Веберов и обсуждал вопрос, где им жить после свадьбы, Цецилия изрекла:

– Господин Моцарт, а почему бы вам не поселиться со своим отцом? Ведь это единственный человек, с мнением которого вы считаетесь!

– Мама, как нехорошо с твоей стороны! – воскликнула Констанца.

– А разве хорошо, что твоя свадьба все откладывается и откладывается из-за того, что господин Леопольд не дает согласия? Если так будет тянуться и дальше, вы никогда не

поженитесь.

– Да, я жду согласия отца, – твердо сказал Вольфганг. – Но женюсь на Констанце независимо ни от чего. В июле, как обещал.

– Я не верю вам ни на грош. Мне бы следовало пожаловаться на вас в полицию.

Констанца поднялась с места.

– Мама, еще одно слово!...

– Что тогда?

– Я уйду отсюда.

– Bravo! И куда же ты уйдешь? К господину Моцарту, невенчанная? Хочешь лишиться остатков своей репутации?

– Найду, куда.

– Да у тебя и понятия нет, как заполучить мужа, как же ты жить-то собираешься?

– Что ты говоришь, мама? Уж не выпила ли сегодня лишнего?

– А если и так? Я говорю правду. Тебе бы его и в глаза не видеть, если бы не я.

– Ну зачем ты так?! – Констанца дрожала от возмущения.

– Я бы тебе не то еще сказала, да ты мне рта раскрыть не даешь, все время перебиваешь.

– Госпожа Вебер, – вмешался Вольфганг, – это с вашей стороны несправедливо.

– Ваше мнение меня не интересует. Пока дочь живет под моей крышей, я говорю ей то, что считаю нужным. Помните, она еще несовершеннолетняя.

На следующий день Вольфганг поговорил с баронессой фон Вальдштеттен. Баронесса согласилась, чтобы Констанца поселилась на несколько недель в ее особняке под предлогом, будто баронесса больна и нуждается в уходе. Выбрав момент, когда матери не было дома, Констанца оставила ей записку с объяснением всех обстоятельств. Поскольку баронесса была дамой знатной, госпожа Вебер не решилась навлечь на себя ее гнев, хотя и ворчала, что Моцарт похитил ее дочь, и, если Констанца вскоре не вернется, ей в самом деле придется прибегнуть к защите закона.

Вольфганг остался доволен затеей. Баронесса весьма дорожила своей репутацией одной из самых просвещенных женщин Вены. Она жила врозь с мужем – богатым австрийским сановником – и гордилась тем, что могла без его помощи держать знаменитый на всю столицу салон. На своих музыкальных вечерах она зачастую была центром всеобщего внимания. Прекрасная пианистка, баронесса страстно любила музыку. К тому же, натура неизлечимо романтическая, она – сама обделенная любовью – обожала окружать себя влюбленными.

Констанца пришла в восторг от роскошного особняка баронессы в Леопольдштадте – одном из предместий Вены, расположенном между Дунайским каналом и Дунаем; особняк находился довольно далеко от Петерплац, и добраться туда пешком мать ее не могла, а в экипаже никогда не ездила, кроме тех случаев, когда расплачивался кто-нибудь другой. Но Констанцу мучило сомнение: уж не питает ли баронесса, больше всего в жизни ценившая всякого рода развлечения, нежных чувств к Вольфгангу? Этой знатной даме стукнуло уже тридцать восемь, но она не утратила привлекательности, а мать еще прежде предостерегала Констанцу: «Человеку низкого происхождения, как Моцарт, льстит, когда к нему проявляют интерес знатные особы вроде баронессы. Я бы этой дружбе не стала доверять».

Баронесса сказала Констанце:

– Мой дом в вашем распоряжении. Я буду очень рада, если нам удастся перехитрить вашу матушку.

Вольфганг торопился на репетицию «Похищения». Он ушел, и только тогда Констанца ответила баронессе:

– А не станут ли люди сплетничать по поводу моего здесь пребывания? – Репутация баронессы фон Вальдштеттен была отнюдь не безупречной.

– Куда от этого денешься? Отнять у людей возможность посплетничать, значит лишить их огромного удовольствия. Да они умрут с тоски. – Помимо всего, баронесса обожала роль

свахи, сообщницы; ей казалось, будто она тоже участвует в «Похищении из сераля». – Ну, а нам следует заняться приготовлениями к вашей свадьбе.

– Вольфганг дожидается согласия отца. А я сомневаюсь, снизойдет ли господин Леопольд когда-нибудь до такой милости.

– Но для Вольфганга согласие отца крайне важно, и тут не следует ему перечить.

– Да я и не перечу. Я послала его сестре подарки, написала ласковое письмо, а в ответ ничего, кроме вежливой записки, не получила. Порой мне кажется, мама права – это лишь предлог, чтобы и дальше откладывать нашу свадьбу.

– Нет, вы неправы. Ваша мать злая, вздорная женщина, ей нельзя верить.

– Даже мне, ее дочери?!

– А иначе что бы привело вас сюда, ко мне?

Но Констанцу по-прежнему терзали сомнения относительно истинных намерений Вольфганга.

До премьеры «Похищения из сераля» оставалось всего три недели, и Вольфганг, лелеявший мечту обвенчаться с Констанцей в день премьеры, в последний раз обратился с просьбой к Папе.

«Любимейший, добрый отец! Умоляю Вас во имя всего, что нам обоим дорого, разрешить мне жениться на моей любимой Констанце. Должен признаться, я глубоко разочарован, что Вы не сможете присутствовать на моей свадьбе и на премьере, но ждать дольше я не могу. Свадьбу откладывать нельзя – это необходимо ради моей чести, а также ради чести Констанцы. Чем дольше я жду, тем беспокойнее становлюсь; я растерян, сердце мое и мысли в таком смятении, что работать с ясной головой и вдохновением я уже не могу. Это меня очень пугает, Вы ведь знаете, раньше я писал в любых условиях. Поэтому, дорогой отец, дайте Ваше согласие и благословите нас. Жениться без Вашего разрешения обидно и больно, но время не терпит, и то, что неизбежно должно случиться, не может больше откладываться на недели. Ваш преданный и покорный сын В. А. Моцарт».

Лишь через неделю от Леопольда пришел ответ. Отец советовал сыну не проявлять нетерпения – постепенно все уладится. У него к Вольфгангу важное поручение. Зигмунд Хаффнер – сын бывшего бургомистра Зальцбурга, который в 1772 году умер богатейшим купцом в городе, – хочет заказать симфонию, чтобы исполнить ее на празднестве по случаю возведения его в дворянское достоинство. Леопольд настоятельно просил сына, закончить симфонию к 29 июля, дню церемонии.

Боясь огорчить отца и испытывая нужду в деньгах, Вольфганг принял заказ и обещал написать симфонию к сроку, а времени оставалось меньше, месяца, и он не представлял себе, где выкроить время, потому что работа над оперой была еще далека до завершения.

Репетиции шли с утра до позднего вечера, все же свободное время уходило на доработки, которым, казалось, не будет конца. По-прежнему беспокоило либретто: в нем было слишком мало действия, оно грешило примитивностью и никак не удовлетворяло Вольфганга.

Тревожила и роль паши. Стефани не мог подобрать певца на эту роль; единственный певец, способный выразить все благородство образа паши, говорил он, Фишер, а снять Фишера с роли Осмина невозможно.

– Может, вы предпочли бы кастрата, Моцарт?

– Для паши Селима? Немыслимо!

Стефани улыбнулся. На образе паши он покажет Моцарту, вечно чем-то недовольному, свое мастерство драматурга; паша станет у него выразителем основной драматической идеи оперы. Но на случай, если «Похищение из сераля» пройдет с успехом и композитор еще понадобится ему, Стефани сказал:

– Как бы то ни было, сейчас уже поздно назначать певца и сочинять для этой роли новую арию. В конце концов, не можем же мы подвергать риску нашу оперу.

Вольфгангу пришлось смириться с тем, что паша останется без выигрышной арии. Он пытался найти время для работы над Хаффнеровской симфонией, но на это оставались лишь

ночи. И едва он успел наметить идею произведения, как появился еще один срочный заказ.

Баронесса фон Вальдштеттен пожелала иметь серенаду ко дню своих именин, то есть через неделю, а через несколько дней после этого – премьеры. Баронессе хотелось развлечь гостей легкой и при этом хорошей музыкой, поскольку она пригласила на свой музыкальный вечер настоящих меломанов. Она извинилась, что поздно спохватилась, но, если Вольфганг выполнит ее просьбу, она будет ему вечно благодарна, и пусть он, пожалуйста, использует духовые инструменты – до сих пор все говорят о серенаде ми-бемоль мажор, созданной им год назад.

Серенаду ми-бемоль мажор он писал в страшной спешке, а новый заказ ему придется выполнить в еще более короткий срок. Но об отказе не могло быть и речи. Он обязан отплатить за любезный прием, оказанный баронессой Констанце. Бессонные ночи, которые он проводил в работе над симфонией Хаффнера, теперь уходили на сочинение серенады. От усталости смыкались веки, выручала лишь привычка сочинять в любых условиях, несмотря ни на какие трудности.

Серенада ми-бемоль мажор была написана для шести инструментов. На этот раз Вольфганг решил написать серенаду в до миноре и оркестровать ее для восьми духовых инструментов. Серенада была задумана как легкая, салонная музыка для праздничного события, но сочинял ее Вольфганг в подавленном, тяжелом состоянии.

От невероятной усталости он все время пребывал в мрачном настроении, а мысль, что Папа и Наннерль не приедут на его свадьбу и не побывают на премьере, еще прибавляла горечи. Эти чувства находили отражение в музыке серенады, и, чем больше росли его усталость и напряжение, тем отчетливее звучали в ней трагические ноты.

Слушая исполнение серенады на концерте у баронессы, Вольфганг думал: кто бы мог поверить, что она создавалась в спешке – так тщательна была отделка.

Глядя на опухшие глаза Вольфганга, на его мертвенно-бледное лицо, Констанца сказала:

- У вас совсем больной вид. Вы волнуетесь из-за нашей свадьбы?
- Не больше, чем обычно. Какой сегодня день? – Он потерял счет времени.
- Вы слишком много работали. За эту неделю мы ни разу не виделись.
- Тебе нравится серенада?
- Мило. Но не чересчур ли мрачно для такого вечера?
- Это смотря как ее воспринимать.

Он слишком устал, чтобы вдумываться в причины, – хорошо еще, что в одном месте ему удалось, не нарушая патетичности музыки, вставить любовный дуэт двух инструментов.

– Мы не сможем обвенчаться в день премьеры «Похищения», – печально заметила Констанца и не могла сдержать слез, потому что Вольфганг не слушал ее. В ушах у него все еще звучала тема первой части Хаффнеровской симфонии, величественная и горделивая, как и подобало для такого события, а *Allegro con spirito*, решил он, должно произвести прекрасное впечатление.

66

Работу над этой частью симфонии пришлось приостановить из-за премьеры «Похищения из сераля», которая состоялась через несколько дней. Он был поражен возбуждением, царившим в тот день в Бургтеатре. Когда же точно к началу спектакля, в 6.30 вечера, в переполненном зале появился император, Вольфганг возликовал. Однако не успел дирижер встать за пульт, как послышалось шиканье, его не могли заглушить даже аплодисменты, и сердце у Вольфганга упало. Он сидел в ложе ван Свитена, между бароном и графиней Тун, позади него – Констанца с баронессой фон Вальдштеттен и Ветцларом; Вольфгангу хотелось прикрикнуть на публику, прекратить шиканье.

– Не расстраивайтесь, – сказал ван Свитен. – Ничего страшного. Это кучка терзаемых завистью композиторов и их дружков. Императору должна понравиться ваша музыка.

В том-то и беда, думал Вольфганг, глядя на Иосифа II, благосклонно кивающего своим поданным из королевской ложи. Его будущее в Вене зависит исключительно от вкуса одного человека. Но если Иосиф действительно любит оперу, слухам, распространявшимся в Вене и Зальцбурге о том, будто он, Моцарт, поступает на службу к императору, суждено сбыться. Тогда прочь все волнения по поводу того, как обеспечить себя и Констанцу; большую часть своего времени он сможет отдать сочинению музыки; да и какой оплеухой это явится для Колоредо! Но усталость давала себя знать – он так тяжело трудился! В эту музыку вложено столько личного. Как терпеливо ждал он ответа Папы: отсутствие родных в такой день омрачало его радость.

Папе нужно быть сейчас с ним рядом и поздравлять с завершением оперы. Ведь узы, связывающие их, гораздо прочнее, чем узы крови. Как может отец ставить под удар их близость? Ради чего? Неужели Папа так сильно ревнует его к Констанце? Сколько бы он отдал сейчас за то, чтобы ощутить ласковые отцовские объятия.

Император поднял руку, призывая к тишине, и спектакль начался.

Такая увертюра сама по себе может быть частью симфонии, раздумывал ван Свитен, прекрасно оркестрованная и строго построенная, и как удивительно тонко она подводит к вступительной арии. А до чего поэтичен и трогателен Бельмонт, проникновенно рассказывающий о том, как измучился он в поисках своей возлюбленной Констанцы. Ну конечно, и все арии Осмина тоже хороши, только это совсем уж другая музыка; ван Свитен понял, почему Вольфганг так тщательно работал над ариями этого героя – персонаж получился замечательный: веселый и забавный мошенник.

Но почему же опять шикают, с недоумением думал Вольфганг. Вторая ария Осмина драматична и выразительна, уже лишенная неистовости, она приятна и мелодична. Нарастание темпа в арии Осмина, передающее его закипающий гнев, производит прекрасный эффект, но в конце арии в зале снова раздалось шиканье. Наверное, специально подстроено, думал Вольфганг, и не без участия Глюка или Сальери.

Когда Бельмонт исполнил арию, которую Вольфганг особенно любил: «О, как робко», – Констанца прошептала ему на ухо:

– Чудесно, Вольфганг.

Он знал, ария должна была ей понравиться. В эту арию он вложил всю силу чувства к своей возлюбленной. Однако хор янычар – турецкая музыка, воинственная и примитивная, – вызвал гораздо более бурные аплодисменты, и Вольфганг вспомнил слова Стефани о том, что венцы предпочитают громкую музыку: чем громче, тем лучше.

Заключительный терцет первого акта, написанный им с особой тщательностью в расчете вызвать в финале первого акта возгласы «браво», был испорчен Фишером, который сфальшивил и сбил с тона двух других певцов. Вольфганг пришел в бешенство, он хотел тут же кинуться за кулисы и предупредить Фишера: если это повторится еще раз, он потребует остановить представление и не возобновлять спектакля до тех пор, пока Фишер не потрудится выучить роль. Он так разволновался, что ван Свитен с трудом удержал его. Фишер, певец с лучшим голосом, так осрамился! Может, его подкупили? Со всех сторон подходили люди, Вольфганга поздравляли, говорили: первый акт прошел прекрасно, но он никого не слушал.

Только когда началась ария Блондхен, открывающая второй акт, Вольфганг понемногу успокоился. Голос певицы прекрасно передавал все изящество и утонченность музыки. Вольфганг вместе с ней пел арию про себя. И Осмин не сделал ни единой ошибки в следующем затем дуэте с Блондхен.

Во время печальной арии Констанцы, в которой она жалуется, что возлюбленного нет с ней рядом, у Вольфганга на глаза навернулись слезы. Кавальери пела нежно, задушевно: Вольфганг лишней раз порадовался, что остановил свой выбор на ней, а не на Алоизии.

Констанца с облегчением вздохнула. Теперь уже никто в зрительном зале не кашлял и не шикал.

Моцарт слишком расточителен в своей музыке, размышлял Стефани, стоявший за

кулисами, чтобы руководить оттуда спектаклем. Не успела Кавальери закончить арию, исполненную душевной боли, как за ней последовала другая, в чем-то даже превосходившая первую. Моцарт вначале сомневался, стоит ли ставить рядом две длинные арии, исполняемые одной и той же певицей, и утверждал, что вторая сцена недостаточно драматична. Но когда он, Стефани, отказался менять текст либретто и стал доказывать, что именно в этот момент Констанца и должна повести себя героически и оказать неповиновение папе, композитор согласился с ним и сочинил вот эту виртуозную, полную благородства и красоты арию.

Кавальери пела, и Стефани казалось, что он слышит арию «Marten aller Arten» («Козням страшной муки») впервые. Моцарт прав, думал либреттист, сцену эту надо переместить подальше, она прозвучала бы еще эффектней, и все же для примадонны, желающей показать себя во всем блеске, ария чрезвычайно выигрышна, и Кавальери сумела использовать это в полной мере. Восторг публики не поддавался никакому описанию. Стефани лишний раз убедился, как мудро поступил, что пригласил для работы Моцарта.

Какую арию ни возьми, все мелодично и насыщено драматизмом, думал ван Свитен. И как похоже на Вольфганга: партии второстепенных действующих лиц столь же восхитительны, как и партии главных героев. Ария Блондхен «Welche Wohne» («Как отрадно, как легко») ласкала слух. Песенки Педрильо тоже очаровательны и удачно передают его характер. Дуэт в сцене, где Педрильо спаивает Осмина, совершенно пленил ван Свитена, так же как и прекрасный квартет Бельмонта, Констанцы, Педрильо и Блондхен, заключающий второй акт.

Констанца Вебер ликовала: бурные аплодисменты заглушили наконец свистки и шиканье. Баронесса фон Вальдштеттен в антракте болтала с графиней Тун, а Ветцлар думал, как не хватает Моцарту либреттиста, который оказался бы достоин его музыки.

Вольфгангу хотелось разгадать мысли императора, но Иосиф сидел с непроницаемым видом, и догадаться, о чем он думает, было невозможно. Однако, когда начался третий акт, Иосиф сосредоточил все внимание на сцене и, казалось, весь превратился в слух.

Зал слушал затаив дыхание. Видимо, публика уже привыкла к нежному лиризму моей музыки, подумал Вольфганг, ей хочется побольше подобных арий.

Ария Бельмонта перенесла графиню Тун в прошлое, в дни ее юности. Бельмонт ждал встречи со своей любимой Констанцей, и музыка, вся проникнутая нетерпеливым ожиданием, живо напоминала графине время влюбленности в мужа. Но как бы сильно ни тронула графиню ария Бельмонта, то, что последовало за этим, превзошло все ее ожидания. Простенькая серенада, пропетая Педрильо, вызвала у нее слезы, чего она за собой давно не помнила.

Песенка Педрильо – Вольфганг не считал ее арией, так проста была ее композиция, – это не просто музыка, это его жизнь, выражение его «я». Он вложил в нее частицу своего сердца. Песенка призвана была спасти его, как сам он в свою очередь призван спасти Констанцу. Понимает ли его возлюбленная, что он хотел сказать этой музыкой?

Констанца наклонилась вперед, стараясь прижаться к Вольфгангу, руки их встретились, и она зарделась от счастья. Она так нужна была ему в этот момент. Пусть музыка откроет ей то, что невозможно выразить словами.

Констанца вздохнула, но Вольфганг не мог разгадать ее мысли.

Восхищенный Ветцлар старался слушать только музыку. Либретто и сейчас казалось ему скучным, бесцветным, а только гениальная музыка Моцарта вдохнула в него жизнь, Ветцлару не нравилось, что у паши так мало арий, но это лишь усиливало его желание слушать других певцов. К концу спектакля он, сам того не замечая, вскочил и вместе со всем залом стал кричать: «Браво, Моцарт!»

Когда Вольфганг появился на сцене перед опущенным занавесом вместе с Кавальери, Адамбергером и Фишером, восторгам слушателей не было предела, и Ветцлар подумал: на нем лежит печать гения. Он вовлечен в бушующую вокруг него борьбу – борьбу между плотью и духом, между язычниками и пуританами, между возвышенным и низменным.

Сможет ли он выстоять в этой борьбе, способен ли интригами отвечать на интриги? Яркие губы Вольфганга, выделявшиеся на бледном лице, приоткрылись в улыбке в ответ на аплодисменты, а глаза сияли от радости так, словно он никогда и не испытывал усталости; однако рядом с высоченным Фишером он казался особенно тщедушным и незаметным.

Вольфганг не забыл и не простил Фишеру ошибки, допущенной в первом акте. Прежде чем поздравить певца с хорошим исполнением арий в последних актах, Вольфганг упомянул об ошибке, не обращая внимания на Стефани, пытавшегося его урезонить; Фишер резко возразил Моцарту:

– Трудность заключается в том, что господин Моцарт пишет арии для идеальных голосов, поэтому исполнять их почти невозможно.

– Если постараться, то возможно, – сказал Вольфганг. Теперь они стояли за кулисами.

Певец пожал плечами:

– Я сделал все, что в моих силах.

– Вы могли бы петь и лучше. Я не допущу новой постановки оперы, пока мы не проведем репетицию с певцами.

– Все билеты на следующие два спектакля распроданы, – заметил Стефани.

– Тогда мы устроим репетицию завтра днем, перед спектаклем, – сказал Вольфганг.

– Неужели вы недовольны, маэстро? – спросил Адамбергер. – Мне кажется, публике понравилась опера, просто она не привыкла к такой музыке.

– Вы пели очень хорошо. Все пели хорошо, но могли бы петь и лучше.

Фон Штрак подошел к Вольфгангу, который уже начал было терять самообладание, и объявил:

– Господин Моцарт, император изъявил желание поговорить с вами.

Вольфганг прошел в ложу Иосифа.

– Либретто не кажется мне оригинальным, – заметил император.

– Оно, по-видимому, взято у Бретцнера, который в свою очередь заимствовал его еще у четырех авторов.

– А музыка?

– Музыка оригинальна, ваше величество. Ни одна из моих опер не повторяет предыдущую. А что вы, ваше величество, думаете о «Похищении из сераля»?

– Слишком оригинально, слишком красиво и слишком сложно для наших ушей. И чересчур мною нот.

– Ровно столько, сколько требуется, ваше величество. На этом аудиенция закончилась. Больше император Моцарту ничего не сказал.

67

С горьким чувством Вольфганг возобновил работу над Хаффнеровской симфонией. Второе представление оперы имело еще больший успех, чем первое, что его немало порадовало. Бургтеатр ломился от публики, громкие аплодисменты заглушали отдельные свистки и шиканье, все исполнители пели безупречно, многие арии пришлось повторять на «бис», и все же у него не шло из головы язвительное замечание императора. Приятно, конечно, что публика приходит в восторг от его музыки, но ведь дает заказы композитору и выбирает оперы по своему вкусу только император.

Прошла неделя после премьеры «Похищения», Вольфганг шагал из угла в угол по своей комнатенке на Грабене, занятый одной мыслью, как бы закончить наконец симфонию Хаффнера, и мало-помалу медленная вторая часть обретала в его воображении ту же лиричность и экспрессию, что так покоряли в новой опере: Но он никак не мог сосредоточиться. Единственное, что он получил от Папы, – это сдержанное письмо, где Леопольд предупреждал сына об опасностях, которыми грозит ему женитьба. Папа впервые в жизни не поздравил его с постановкой новой оперы. Констанца при каждой встрече плакала и жаловалась, что терпению ее приходит конец, она не может больше выносить

ожидания, да и сам он очень нервничал.

Он все еще искал выход из создавшегося положения, когда в дверях его комнаты появилась Софи Вебер. Софи с облегчением вздохнула, застав его дома. Девушка была явно смущена и встревожена.

– В чем дело? – спросил Вольфганг.

– Мама хочет обратиться в полицию и вернуть Констанцу домой. Ей стало известно, что баронесса вовсе не больна – ведь ее видели на премьере вашей оперы. Она грозит арестовать вас за то, что вы похитили ее дочь.

Вольфганг в недоумении уставился на Софи. Софи совсем еще ребенок, ей только исполнилось пятнадцать, она очень впечатлительна и неуравновешенна.

– Я не вру, господин Моцарт.

– Твоя мать знает, что ты отправилась сюда?

– Нет! Она бы мне в жизни не простила.

Но ведь госпожа Вебер зорко следит за дочерьми, и Софи никогда без разрешения не выходит из дому. Правда, он живет в нескольких шагах от Петерплац. Вольфганг спросил:

– Тогда зачем же ты пришла?

– Я не хочу, чтобы мама испортила жизнь Констанце, как испортила Алоизии.

– Но Алоизия, кажется, достаточно самостоятельна.

– Вы думаете, она хотела выходить замуж за Ланге? Все подстроила мама.

Это сообщение потрясло Вольфганга, хотя он и не показал виду.

– Пусть хоть кто-нибудь из нас освободится от ее опеки. А теперь она хочет расстроить вашу свадьбу с Констанцей. – Вольфганг был в растерянности, и Софи добавила: – Мне нужно возвращаться. Я и так уж слишком долга здесь пробыла. Мама твердо вознамерилась вернуть Констанцу домой и потребовать вашего ареста. Ждет лишь решения Торварта.

– А пока приказала тебе передать все это мне.

– Что вы! Она не знает, что я здесь. И вы ей не говорите.

– Но она заинтересуется, откуда мне все известно.

– Служанка могла проговориться. Или она сама поделилась с кем-нибудь. На вашем месте, господин Моцарт, я бы не стала медлить – она, возможно, уже пошла в полицию.

Вольфганг, подозревая, что все это проделки госпожи Вебер, желающей принудить его жениться, решил, однако, не подвергать себя риску. Если госпожа Вебер на самом деле прибегнет к полиции, достоинство его будет оскорблено и может разразиться скандал.

Придя к баронессе, он, к немалому своему облегчению, узнал, что пока ничего страшного не произошло.

– Разве полиции дозволено входить в ваш дом? – спросил он баронессу. – В Зальцбурге человек простого звания пальцем не может тронуть дворянина, как бы тот виноват ни был.

Констанца разрыдалась, а баронесса внушительно заявила:

– Полиция не войдет в мой дом, пока я сама ее не приглашу. Но подумайте, как неприятно складываются обстоятельства. Теперь об этой истории, разумеется, болтает вся Вена.

– По-вашему, это ловушка, чтобы заставить Констанцу вернуться домой?

– Сколько вы еще собираетесь ждать ответа от господина Леопольда? – с отчаянием воскликнула Констанца.

– Баронесса, что вы посоветуете? – спросил Вольфганг.

– После свадьбы никто не посмеет вам слова сказать. Но нужно разрешение Торнарта – ведь он опекун.

– Я постараюсь повидать его немедленно. Сегодня же, если удастся.

Вольфганг разыскал опекуна в канцелярии Бургтеатра.

При виде Моцарта Торварт удовлетворенно усмехнулся. До чего разумно и просто было использовать в качестве угрозы полицию! А простодушная Софи, которой они нарочно дали подслушать свой разговор, ни о чем не подозревая, попалась на удочку. Неплохо получилось!

Обозленный тем, что Торварт сидит перед ним, как инквизитор, Вольфганг решил перейти в наступление.

– Когда вы намерены дать Констанце разрешение выйти за меня замуж? – сказал он.

– Вы изволите шутить! – Вопросы должен был задавать он, Торварт, а вовсе не Моцарт.

– Нисколько! Ни вы и ни ее мать еще ни разу не сказали, что Констанца может выйти за меня замуж. Вопрос всегда ставился так: могу ли я жениться на ней?

– Что вы такое несете?

– По-вашему, выходит, будто решение вопроса о нашей свадьбе всецело зависит от меня, тогда как на дело все обстоит наоборот.

Торварт в растерянности занял оборонительную позицию, напустив на себя неприступный вид.

– Я как раз сочиняю прошение о вашем аресте за опорочение доброго имени Констанцы, – объявил он.

– Тем, что собираюсь на ней жениться?

– Жениться? Когда?

– Как только будет намечен день. Когда вы предлагаете?

– Я... – Торварт замолчал, совсем сбитый с толку.

– Или вы просто водили меня за нос и вовсе не хотите, чтобы я на ней женился?

– О, напротив! – Торварт постарался взять себя в руки, хотя весь кипел от злости: Моцарт сумел поставить его в дурацкое положение. – Но нам нужны гарантии.

– Мы уже обсуждали это раньше. Я рассчитывал жениться немедленно, хоть завтра, но вы, по-видимому, намерены чинить мне препятствия. – И Вольфганг собрался уходить.

– Одну минуту, Моцарт. Завтра – слишком скоро, а вот если через неделю-две?

– Я хочу знать точную дату. Мне надоело болтаться между небом и землей.

– И вы вините в этом нас? – Квадратная челюсть Торварта от удивления отвисла.

Вольфганг строго сказал:

– И не позволяйте себе больше выпадов против меня. Я достаточно долго терпел ваши оскорбления и унижения. Если меня оскорбляют, я требую сатисфакции. Хватит с меня!

Торварт поморщился.

– О нас с фрейлейн Вебер распространяют всевозможные сплетни.

– Почему вы говорите об этом мне?

– Потому что, очевидно, распускаете их вы. Вы и ее мать. Мне надоели интриги. Я хочу назначить день, а вы упорствуете. Я обращаюсь к вам со всей серьезностью, а вы отказываетесь дать мне прямой ответ.

– Четвертое августа вас устроит? Через две недели.

– Да! – Помимо всего прочего, это даст Папе возможность поддержать его, решил Вольфганг, но вслух сказал: – У нас будет время сделать все необходимые приготовления.

– Я составлю брачный контракт.

– Немедленно! И никаких отсрочек. – С этим Вольфганг ушел.

В ту ночь он изложил Папе все начистоту – спокойно и решительно.

«Любимый, дорогой отец! Я весьма удивлен и разочарован тем, что вы не сочли нужным поздравить меня с блестящим успехом моей оперы. Сказать, что она понравилась, – мало, в Вене она произвела настоящую сенсацию, публика не желает слушать ничего другого, и назначено еще восемь представлений.

Музыка, которую я пишу для Хаффнера, складывается, как Вы того и желали, в симфонию, и я пишу ее в ре мажоре – излюбленной Вашей тональности. Но я сумел закончить только Allegro, которое и посылаю вместе с этим письмом; я был слишком занят «Похищением» и серенадой для духовых инструментов: мне пришлось писать их в величайшей спешке. Теперь я работаю над Andante и, как только закончу его, а также два менуэта и последнюю часть, вышлю Вам без промедления. А если выкрою время, напишу еще и марш. В том случае, если симфония не успеет к церемонии, используйте музыку, которую я писал для Хаффнера раньше, – никто в Зальцбурге не заметит разницы.

Я очень опечален тем, что Вы так и не дали своего родительского согласия на мою женитьбу. Если Вы меня любите, умоляю, пошлите свое благословение и согласие. Наша свадьба состоится 4 августа, несмотря ни на что. Дата уже назначена, и менять ее я не намерен. Будет очень грустно, если придется венчаться, не получив от Вас ни слова, но ждать больше невозможно. Вечно, любящий и преданный Вам сын В. А. Моцарт».

Вольфганг молил бога, чтобы Папа откликнулся как можно скорее. Он стал уже сомневаться, долго ли ему удастся сохранять веру в Папину мудрость и любовь.

Письмо прибыло в Зальцбург в конце июля. Леопольд успел прочесть полную партитуру «Похищения из сераля» и убедиться, что музыка оперы не просто приятна для слуха, но и весьма значительна. Однако сообщение о грядущей свадьбе явилось для него настоящим ударом. Прочитав письмо, он несколько раз моргнул, желая скрыть набежавшие, слезы. И так, слова отца потеряли для сына всякое значение: Вольфганг делает то, что хочет Вольфганг.

Леопольд сказал Наннерль, что Вольфганг женится, но она не выразила удивления, а лишь печально проговорила:

- Значит, мы все-таки его потеряли.
- Он для нас потерян с тех самых пор, как покинул службу в Зальцбурге.
- Что вы собираетесь предпринять, дорогой Папа?
- Это не имеет теперь значения, – с внезапной горечью проговорил Леопольд.
- Нет, имеет. Больше всего на свете ему нужно ваше благословение.
- Но что бы я ни советовал, он всегда поступает по-своему.
- И все-таки ваше согласие осчастливит Вольфганга.

Леопольд промучился всю неделю, не зная, на что решиться. Он смотрел на горы, окружающие Зальцбург – те самые, которые так ненавидел Вольфганг, – и вспоминал, как еще молодым человеком, в возрасте Вольфганга, только что принятый в зальцбургский придворный оркестр в качестве четвертой скрипки и еще не женатый, потому что не мог себе этого позволить, он мечтал выгравировать большими блестящими буквами на скале Унтерсберга ЛЕОПОЛЬД МОЦАРТ. Но время летело неумолимо, и вот уже тридцать девять лет он состоит в зальцбургской капелле и так до сих пор и не стал ее капельмейстером, а если о нем и вспомнят когда-нибудь, то только в связи с сыном. Да и будут ли вспоминать о самом Вольфганге, при всех его достоинствах, если он обвенчается с девицей Вебер? Леопольд старался уверить себя, что именно по этой причине он и противится женитьбе сына, а вовсе не из каких-либо личных соображений.

Не успел он опомниться, как наступило 1 августа, а на письмо Вольфганга он так еще и не ответил, не было больше писем и от сына, пришло только *Andante* Хаффнеровской симфонии и два менуэта, но ни последней части, ни марша или хотя бы объяснения по этому поводу Вольфганг не прислал. Совсем непонятно. Ведь сын всегда обсуждал с ним свои произведения.

Лишиться общения с сыном значило потерять все – жизнь станет пустой и никчемной. Но когда Леопольд сел писать о своем согласии, на сердце у него скребли кошки. Он всегда стремился быть честным с Вольфгангом, а теперь приходится лгать, благословлять то, к чему не лежит душа, во что не веришь. Леопольд остановился, не в силах продолжать, ему вспомнилась его давнишняя мечта.

С тех пор как умерла Анна Мария, Леопольд тайком откладывал деньги, чтобы купить фамильное место на кладбище св. Петра в Зальцбурге. Он мечтал перевезти прах жены из Парижа, хотя стоимость перевозки могла оказаться очень высокой. Интересно, выражала ли она Вольфгангу желание быть похороненной на этом кладбище, самом старом в Зальцбурге? Анна Мария так любила его при жизни. Он не раз представлял себе их четыре могилы: Леопольд, Анна Мария, Наннерль и Вольфганг Моцарты. Семья всегда должна быть вместе, говорила Анна Мария. А теперь эта мечта развеялась в прах, как и многие другие. Он потерпел неудачу, вся его жизнь оказалась загубленной. Снова принимаясь за письмо, Леопольд уже не мог сдержать слез. В этот момент он чувствовал себя всеми покинутым,

одиноким стариком.

Он так долго тянул со своим согласием, что не был уверен, поспеет ли оно к сроку. Господи! Как ему тяжело без Анны Марии!

В день свадьбы Вольфганг сидел в своей новой квартире на Хохбрюке и ждал приезда Папы и Наннерль. Они сделают сюрприз и появятся в последний момент, утешал он себя, не в силах допустить мысль, чтобы самые близкие ему люди не присутствовали на его свадьбе. Неужели они способны на такую жестокость? Но из дому вестей не приходило, даже на последнее письмо Папа не ответил.

Наступил полдень, приближался час венчания. Вольфганг Польше не мог ждать. Последний раз он окинул взглядом новую квартиру – хорошо, если бы она понравилась Констанце. Без нее здесь так одиноко и неуютно. Пока шли приготовления к свадьбе, Констанца жила у матери, и он снял эту квартиру на время, чтобы, поженившись, им не пришлось просить пристанища у госпожи Вебер. На деньги, полученные за «Похищение», он купил постельное белье, скатерти, посуду, мебель и большую двуспальную кровать. Вольфганг не был уверен, угодит ли Констанце, хоть и мнил себя знатоком женского вкуса. Маленькие, темные, даже в августе пахнущие плесенью и сыростью комнаты вовсе не соответствовали его мечтам о доме, где он хотел бы воспитывать своих детей, а иметь большую семью было его страстным желанием.

Облачившись в белый атласный жилет и черный камзол – обычно он предпочитал одежду более ярких цветов, но для такого случая она не годилась, – Вольфганг вышел на улицу.

Из-за госпожи Вебер, да и по другим причинам Вольфганг не позвал на свадьбу никого из своих венских друзей. Но поскольку у жениха должен быть шафер, он пригласил Зальцбургского друга детства – Франца Гиловского. Доктор медицины, Гиловский жил в Вене; это был веселый, общительный человек одного с ним возраста, и Вольфганг знал, Гиловский не станет докучать вопросами и советами, а просто одобрит его поступок, в чем он нуждался сейчас больше всего.

Направляясь к собору св. Стефана, где должно было состояться венчание, Вольфганг остро переживал свое одиночество. Без семьи он чувствовал себя потерянным и многое бы дал, чтобы рядом с ним сейчас оказалась Мама. Никого из родных в самый важный день его жизни! Он представлял себе Мамино удлиненное лицо, ее высокую прическу, нежную кожу. День был жаркий, но Вольфганг вдруг ощутил озноб во всем теле, ему чудилось, будто рука Мама лежит в его руке, они вместе идут в церковь, и она так же взволнована, как и он. Ведь Мама была знакома с Веберами, встречалась с ними в Мангейме, и они тогда подружились. Мама не покинула бы его в такой ответственный момент.

Ощущение, что Мама идет рядом, не оставляло Вольфганга, и в собор св. Стефана он вошел уже в более спокойном состоянии. Ему очень понравился этот величественный храм, бывший в его представлении душой Вены. Сегодня в лучах солнца собор сиял, будто драгоценный камень, а великолепная южная башня, как всегда, потрясала красотой. Как чудесно, что он венчается в степенях этого собора, когда-то служившего убежищем для многих. Доброе предзнаменование!

Но войдя внутрь, Вольфганг не увидел ни Папы, ни Наннерль, и мрачные думы снова завладели им. Мама куда-то исчезла, и он опять оказался один; чувство потерянности не прошло и тогда, когда он увидел Констанцу. Она стояла между госпожой Вебер и Софи, одетая во все белое, и лицо ее казалось таким же белым, как платье. Да, свадьба не пышная, мрачно подумал Вольфганг. Цецилия и Софи Вебер, Торварт, Франц Гиловский и Карл фон Кроншторф – член окружного совета Нижней Австрии и свидетель невесты, – вот и все.

Вольфганг и Гиловский обнялись, но остальные гости держались друг с другом официально.

Опекун, большой мастер по составлению всякого рода документов, потребовал зачитать брачный контракт вслух. Контракт не вызвал возражений, и Вольфганг заметил, что все скреплявшие документ печати, за исключением его, были с гербом.

Появился священник, и Вольфганг с Констанцей опустились на колени; Вольфганг видел: она волнуется не меньше его.

Смогу ли я дать ей то, о чем она мечтает, думал он.

Можно ли довериться ему? Смогу ли я сохранить его любовь? – думала она.

Когда церемония венчания закончилась, он прошептал ей на ухо, желая подбодрить не только ее, но и себя:

– Нас благословил сам господь бог, Станци. Больше нам ничего не надо.

Констанца заплакала. Он не мог понять отчего: от счастья, от горя или от облегчения; нервы у Вольфганга сдали, и он тоже заплакал, а священник, глубоко тронутый, сам, казалось, готов был расчувствоваться. Госпожа Вебер поцеловала Констанцу и хотела было поцеловать Вольфганга в знак того, что теперь прощает ему все. Но Вольфганг подставил щеку – его ужасала мысль, что губы Цецилии Вебер могут коснуться его губ. И на него сразу пахнуло винным перегаром.

Опекун поздравил Вольфганга и сказал:

– Давно пора, Моцарт.

Все сошло как полагается, заметил фон Кроншторф, а Гиловский дружески обнял Вольфганга, поцеловал невесту и сказал, что Вольфгангу привалило счастье.

В тот же вечер баронесса фон Вальдштеттен устроила в своем особняке свадебный прием в честь Моцартов. Приятным сюрпризом для новобрачных явилось исполнение серенады для духовых инструментов по заказу баронессы, которую Вольфганг только что закончил. Теперь он понял, почему баронесса так торопила его, и был ей благодарен. Музыка как нельзя лучше соответствовала событию, произвела на всех прекрасное впечатление, и мало-помалу Вольфганг успокоился и развеселился.

Но как только они приехали домой, нервное состояние его вернулось вновь. Он показывал Констанце фарфор, белье, а она держалась как-то натянуто, отчужденно. Вольфганг достал подарки: кольцо Мамы и миленькую сумочку.

– Открой ее, Станци, открой, – настаивал он. В сумочке оказалось десять золотых дукатов.

– Это тебе, Станци, трать их как вздумается. Теперь ты свободна, понимаешь, свободна! Тебе больше ни у кого не нужно спрашивать позволения, в особенности у матери, никогда!

Столько денег у Констанцы еще не водилось. Она с удивлением подняла глаза на Вольфганга, а когда он надел Мамино кольцо ей на палец, жалея, что оно не обручальное, пылко поцеловала Вольфганга и воскликнула:

– Спасибо, Вольфганг, теперь я богатая!

Он с гордостью показал ей просторное супружеское ложе и ширму, купленную для удобства Констанцы, – ему хотелось, чтобы его жена чувствовала себя королевой, – и нежно обнял ее. Она ответила ему поцелуем, и Вольфганг понял: она жаждет его не менее страстно, чем он ее, а держалась отчужденно лишь потому, что все еще не верила в его любовь.

Согласие и благословение Папы пришло на следующий день.

Часть девятая. МУЗЫКАНТЫ. ГЛЮК, САЛЬЕРИ, ГЕНДЕЛЬ, БАХ, БЕТХОВЕН, ГАЙДН

Два дня спустя по просьбе Глюка состоялось специальное представление «Похищения из сераля». Для Вольфганга это было большой честью – императорский капельмейстер считался самым знаменитым музыкантом в Европе и любимцем Иосифа II. Глюк был единственный композитор, на ком сходилась музыкальный вкус Марии Терезии, Иосифа II и Марии Антуанетты.

Сразу после спектакля Глюк пригласил чету Моцартов к себе на обед. Вольфганг, с детства приученный Папой не слишком доверять этому человеку, тем не менее питал к нему глубокое уважение как к оперному композитору. Кроме того, Вольфгангу льстило, что Констанца тоже удостоилась приглашения. Он, не раздумывая, дал свое согласие.

Сидя в экипаже по дороге к дому Глюка на Михаэльплац, Вольфганг сказал Констанце:

– Встретиться с Глюком куда труднее, чем с императором. Это нам свадебный подарок, Станци. Очевидно, он решил поддержать меня.

– Но ты говорил, что он всегда стоял у тебя на дороге.

– Это говорил Папа. Когда в Вене без конца откладывали представление моей первой оперы, у Папы почему-то создалось впечатление, будто это интриги Глюка, хотя дело было в Афлиджио. И в Париже Папа запретил мне встречаться с ним. Собственно, Папа оказался прав. Глюк и Пиччинни – вот кто пользовался там успехом, а на меня просто не обращали внимания. Затем было отложено «Похищение из сераля», а потом и вовсе чуть не снято с постановки – и снова из-за оперы Глюка. Кроме того, мне не нравится его страсть к интригам и всяким козням. Может, нам вернуться домой?

Экипаж их уже въезжал на Михаэльплац. С первого дня женитьбы Моцарт находился в радостном, приподнятом настроении, и, несмотря на предубеждение, ему очень хотелось встретиться с Глюком, поэтому у Констанцы не хватило духа его отговаривать. Все же она спросила:

– Ты думаешь, он намеренно чинил тебе препятствия?

– Откуда мне знать? Может, теперь нам удастся выяснить.

– Ты ведь любишь его музыку?

– Настолько, что готов простить ему все остальное.

– Ну, тогда в чем же дело?

Вольфганг подал ей руку, помог выйти из экипажа с такой галантностью, словно она была самой красивой и почитаемой из всех знатных дам Вены. Пышность особняка императорского капельмейстера обязывала их держаться соответственно.

Вольфганг пришел в восторг от расположения глюковского дома: напротив Бургтеатра, неподалеку от Гофбурга – идеальное место для дома придворного музыканта.

Вольфганг слышал рассказы о широком образе жизни маэстро и, пока ливрейный лакей вел их через анфиладу комнат к хозяину, убедился, что в этом много правды. Комнаты поражали великолепными гобеленами, дорогими коврами, хрустальными канделябрами, резной мебелью, стены и потолки украшал позолоченный лепной орнамент. Гостиная, где сидел страдавший подагрой Глюк, положив на диванную подушку большую ногу, не уступала в роскоши королевским покоем Шёнбрунна. Папа не так давно писал Вольфгангу, что Глюк весьма выгодно женился: с того дня как Марианна Пергин, старшая дочь богатого банкира, стала его женой, Глюк был избавлен от всяких материальных забот и мог сочинять музыку исключительно по своему вкусу.

Кристоф Виллибальд Глюк при виде гостей с трудом поднялся, отметив про себя: «До чего же еще молод этот Моцарт!» Вольфганг, отвечивая поклон, вспомнил, что его соперник тоже получил орден Золотой шпоры из рук папы римского, с той лишь разницей, что маэстро было при этом сорок два года, а ему едва исполнилось четырнадцать.

– Прошу вас, синьор кавалер, не вставайте, – сказал Вольфганг. – Ваше приглашение для нас большая честь. Разрешите представить вам мою жену Констанцу.

– Очень рад, Моцарт, очень рад, – сказал Глюк своим надтреснутым, хрипловатым голосом. – Примите мои поздравления. Вы, как я слышал, поженились совсем недавно.

– Да. И счастливее пары не найти во всей империи, маэстро.

– Сколько времени вы женаты? Три дня?

– Четыре!

Голос Вольфганга был таким блаженно счастливым и юным, что Глюк невольно позавидовал: давно он не испытывал подобных чувств.

– Жена скоро выйдет, – улыбнувшись, сказал Глюк. – Она никому не доверяет

приготовление моего обеда.

Репутация Глюка-обжоры ничуть не уступала его репутации знаменитого музыканта; год назад с ним случился удар, и с тех пор правая рука его безжизненно повисла. Лицо, старое, сильно изуродованное оспой, было неприветливо. Но он считался интереснейшим и умнейшим собеседником и одним из самых искусных интриганов во всей Европе.

– Я счастлив, Моцарт, что вы согласились отобедать с нами, – сказал Глюк. – На его величество произвела большое впечатление ваша победа над Клементи.

Интересно, что у Глюка на уме, подумал Вольфганг, но вслух сказал:

– Спасибо, синьор кавалер. Вы один из немногих людей, чье мнение я ценю.

– Верю. Вы даже оказали мне честь, имитируя меня, Моцарт.

Не имитировал, а улучшал, подумал Вольфганг, но снова вежливо поклонился и любезно ответил:

– Нужно учиться везде, где можно.

Глюк не успел ответить – в гостиную вошла его полная пожилая жена и пригласила всех в столовую. И хотя держалась она любезно, внимание ее было полностью сосредоточено на муже. Госпожа Глюк ясно давала всем понять, что муж ее – великий человек, и даже его манера есть была исполнена для нее глубокого смысла, хотя Глюк поглощал пищу с такой жадностью, что Вольфгангу сделалось неловко, и во время обеда он молчал.

Глюк закончил трапезу, вид у него сделался блаженный, он рыгнул и сказал:

– Знаете, Моцарт, мне было пятьдесят, когда меня наконец признали. Куда вы так спешите?

– Спешу? Мою первую оперу поставили, когда мне исполнилось двенадцать.

– Но вы же были вундеркиндом, – раздраженно возразил Глюк, словно с этим обстоятельством приходилось мириться, но отнюдь им не восхищаться.

– А что вы думаете о «Похищении», синьор кавалер? – спросила Констанца.

– Вдохновенно. Мелодично. Типичная опера начинающего композитора.

– Начинающего?! – воскликнул Вольфганг. – Да ведь это моя десятая опера!

– И она сентиментальна, наивна, романтична, а в великодушие, которое паша проявляет к Бельмонту, я, например, никак не могу поверить.

Вольфганг молчал, хотя ему очень хотелось возразить Глюку.

– И все-таки ваша музыка оживила либретто, придала ему обаяние, которое отсутствует в стихах. Во многих местах музыка трогает за живое.

– Благодарю вас. Впервые я почувствовал и полюбил оперу, услышав вашу оперную музыку.

– А теперь?

– Если там, где я нахожусь, идут оперы Глюка, я обязательно их слушаю. Люди, любящие пение, должны слушать такую музыку, как ваша.

– Вы удивительно любезны, господин Моцарт.

– Кавалер Глюк, что касается мелодичности музыки, то с вами не сравнится ни один композитор.

– А какое место вы отводите себе?

– Где-нибудь между изяществом и красотой, – ответил Вольфганг и встал между госпожой Глюк и Констанцей. – Я также считаю себя счастливейшим из мужей.

– Я слышал, вы далеко не всегда бываете столь лестного мнения о других.

– Чепуха! Обычно меня гораздо больше занимает другое – работа, которую я делаю. И которую, подобно «Похищению», чуть не снимают с постановки.

– Придет время, когда творения Моцарта будут вытеснять оперы других композиторов. Как, по вашему мнению, вас вытеснил я. О, мне известно, постановка «Похищения» была отложена из-за «Альцесты». Но ведь в музыке не может быть равноправия, как, впрочем, везде. Чтобы пробить себе путь, надо бороться, и случается, что усилия твои увенчиваются успехом.

– Но это несправедливо. Настоящие заслуги должны всегда вознаграждаться, – заметил Вольфганг.

– Не потому ли музыканты преисполнены такого недоброжелательства друг к другу?

– Если человек талантлив – ему завидуют, если он гений – его ненавидят.

– Поэтому вы и воздерживаетесь от похвал Сальери? А что там хвалить, подумал Вольфганг, но, зная, что Сальери – протеже Глюка, ответил:

– Я не принадлежу к числу тех, кто завидует или ненавидит. И как можно обвинять меня в том, что я не люблю человека, которого в глаза не видел?

– Но вы слышали его музыку.

– Подчас его мелодии очень приятны. – А через десять лет, подумал Вольфганг, никто о них и не вспомнит.

– Хотите с ним познакомиться?

Вольфганг ответил не сразу. Неужели только ради этого маэстро пригласил его к себе? И проявил интерес к «Похищению»? Неужто Глюк считает, что он, Моцарт, представляет угрозу для его любимца?

В хриплом голосе Глюка впервые прозвучали проникновенные нотки: – Я стар, и жить мне осталось недолго. – И когда Вольфганг учтиво запротестовал, Глюк возразил: – Нет, это так. В прошлом году у меня был удар, и в любое время может случиться второй, а мне уже под семьдесят. Вы с Сальери счастливы. Оба молоды, полны сил, можете позволить себе быть великодушными. У вас впереди целая жизнь.

Вольфганг этого не испытывал, особенно в моменты страшной усталости, овладевавшей им все чаще и чаще, но делиться грустными мыслями не хотелось ни с кем.

– А может, Сальери не изъявит желания со мной познакомиться?

– О, я убежден, он будет рад, – сказал Глюк. – Вы два самых многообещающих композитора в Вене. Вам необходимо познакомиться.

– Если вы возьмете это па себя, маэстро, я сочту за честь.

– В таком случае, предоставьте все мне, – сказал Глюк. – Выберем удобное для вас время. – И вдруг прикрыл глаза, показывая, что прием окончен.

Когда Вольфганг стал прощаться, Глюк пробормотал:

– Вы не всегда бываете снисходительны к своим певцам, Моцарт. Порой ждете от них слишком многого.

Констанца не могла понять, успешно ли прошел званый обед. Вольфганг и Глюк разговаривали друг с другом, как два дипломата: вежливо, но не слишком дружелюбно. И все-таки Вольфганг проявлял явный интерес к знакомству с Сальери, поэтому она не стала отговаривать мужа, да он вряд ли послушал бы ее.

Глюк решил создать по случаю знакомства самую непринужденную обстановку и пригласил всех на обед.

Когда Антонио Сальери представили Моцарту, он склонился почти до полу и воскликнул:

– Господин Моцарт, я давно мечтал с вами познакомиться!

– Очень польщен, – ответил Вольфганг; можно ли ему верить, подумал он.

– Я слышал много ваших произведений, – сказал Сальери. – Они интересны.

– Так же, как ваши. – Вольфганг решил не дать перещеголять себя в любезности. Сальери напомнил ему Пиччинни – невысокий, с оживленным лицом, красивые темные глаза и крупный, хорошо очерченный нос и рот.

– Что касается музыки, то здесь я всем обязан нашему маэстро кавалеру Глюку.

Несуразность подобного замечания заставила Вольфганга удивленно поднять брови, но от высказывания он воздержался.

– Глюк – непревзойденный мастер.

Сальери так стремился выказать себя любимым учеником Глюка, что Вольфгангу стало тошно. Теперь он уяснил, что ему больше всего не нравилось в вещах Сальери – итальянец усердно подражал Глюку, и поэтому, как всякое подражание, его музыка была обречена на

скорое забвение.

– Все свои ранние произведения я написал под гениальным руководством маэстро. Следуя его советам и заимствуя частицу его вдохновения, я надеюсь написать произведение, которое приблизится к его творениям.

– Похвальное стремление, – заметил Вольфганг, которому сделалось неловко от столь безудержной лестии.

Но Глюку лесть нравилась. Когда Сальери добавил:

– «Альцеста» – истинное совершенство, а «Орфей и Эвридика» – божественное произведение, – Глюк просиял и удовлетворенно кивнул.

У Вольфганга сделался такой смущенный вид, что Констанца вздохнула с облегчением, когда Сальери переменял тему разговора и перешел на денежные дела. Сальери лебезит перед маэстро, подумала она, но Вольфгангу-то что до этого, ведь ясно: Глюк другого и не ждет.

Вольфганг вдруг понял: говорить больше не о чем. Глюк и Сальери пустились в обсуждение денежных дел; их хвастовство и тщеславие были ему глубоко противны. Редко приходилось встречать столь жадных и завистливых людей. Выбрав момент, Вольфганг поблагодарил Глюка за гостеприимство и извинился, – его ждет еще аудиенция у канцлера, князя Кауница, сказал он.

Два приглашения в один и тот же день он принял умышленно, чтобы иметь возможность сократить, если понадобится, визит к Глюку. И хотя Кауниц не был столь близок к Иосифу II, как когда-то к Марии Терезии, все же князь при своем могуществе считался вторым вельможей в империи.

Князь Кауниц встретил Вольфганга крайне радушно.

– Очень приятно видеть вас снова в Вене, господин Моцарт. Я восхищался вашей виртуозной игрой, когда вы были ребенком, и всегда интересовался вашей судьбой. «Похищение из сераля» произвело на меня большое впечатление, я получил истинное удовольствие.

Но разговор о поступлении на придворную службу, которого так ждал Вольфганг, не состоялся. Глюк и Сальери продолжали занимать два первых места в императорской музыкальной капелле, а обязанности капельмейстера по-прежнему выполнял Бонно, который был еще старше Глюка.

Вольфганга порадовало письмо от Папы, Хаффнеровская симфония понравилась в Зальцбурге, но последняя часть пришла слишком поздно и к торжественной церемонии не поспела. Папа писал:

«Allegro и Andante пришлось по вкусу нашему новому хозяину, он в восторге от звучной и благородной музыки первой части и трогательно-нежной второй, а последнюю часть ты теперь можешь использовать по своему усмотрению».

Папа, казалось, примирился с его женитьбой, и Вольфганг, горя желанием закрепить примирение, решил не откладывая поехать в родной город вместе с Констанцей, твердо веря, что стоит отцу увидеть Констанцу – и он непременно ее полюбит.

Однако в сентябре, сразу после того как он написал Папе, что уговорился с ученицами – главным источником своих доходов – о перерыве в занятиях, пока он съездит навестить родных в Зальцбург, граф Орсини-Розенберг передал ему, что великий князь Павел снова приезжает в Вену послушать «Похищение из сераля». Император выразил надежду, что господин Моцарт возьмется сам дирижировать оперой из уважения к наследнику русского престола и что представление поддержит славу венской оперы.

Вольфгангу пришлось извиниться перед Папой: он постарается приурочить визит в Зальцбург к 15 ноября – именинам Папы. Представление в честь великого князя вызвало большой интерес; Вольфганг усиленно репетировал оперу со всей труппой и, сидя за клавином, дирижировал оркестром с таким мастерством и подъемом, словно это была премьера.

Им пришлось еще раз отложить свидание с родными, но наконец день отъезда

окончательно наметили на 13 ноября. Чемоданы были упакованы; они встали на рассвете, чтобы поспеть па первый дилижанс; шел сильный снег, солнце не показывалось. Погода стояла промозглая, холодная. Вольфганг продрог до костей и посинел от холода.

На почтовой стапции им сказали, что погода сильно ухудшилась, кареты едва передвигаются по улицам Вены, а зальцбургский дилижанс, хотя его вез восьмерик лошадей, не доехав до первой станции, повернул назад. День, совсем не подходящий для путешествия за триста миль, предупредили Вольфганга.

К тому же у Констанцы началась сильная мигрень и тошнота.

– От волнения и забот, – объяснил он и добавил ласково: – Не расстраивайся, Станци. Съездим туда попозже, в конце года.

У Констанцы как гора с плеч упала. Мысль о встрече с Леопольдом страшила ее. Она-то знала, как он к ней относится, что бы там ни говорил Вольфганг.

– Жаль, что так получилось, – сказал Вольфганг, – Папа будет огорчен.

– Я себя ужасно чувствую, – призналась Станци. – Мне бы прилечь.

Обеспокоенный Вольфганг побежал за Гиловским. Он поднял доктора с постели; Гиловский был недоволен – он провел бессонную ночь у постели роженицы, да и на улице по колено снегу, по Вольфганг настаивал.

После осмотра больной Гиловский вышел из спальни и с веселой усмешкой объявил:

– Она беременна.

– Констанца знает об этом?

– Теперь знает.

– Как она себя чувствует? Вид у нее совсем больной. Ей ведь всего двадцать лет.

– Что ж, возраст прекрасный. Думаю, никаких осложнений не будет. Плохое самочувствие в это время в порядке вещей. Но я не возил бы ее в Зальцбург в самый разгар зимы.

Констанца ждала от Вольфганга упреков – почему она сама не распознала беременность, – но он весь сиял от счастья и не преминул тут же поделиться с Папой радостной новостью. Выразив сожаление по поводу новой отсрочки, он поклялся, что непременно посетит Зальцбург после рождения ребенка, а своего первенца обещал назвать в честь деда – Леопольдом.

Теперешнее жилище показалось Вольфгангу тесным и мрачным, и он занялся поисками новой квартиры. Ветцлар предложил им поселиться на третьем этаже своего дома – там у них будет гостиная, спальня, кухня и передняя с закутком для прислуги. Ветцлар жил рядом, и Вольфганг согласился сразу же.

Стоило им переехать к Ветцлару, как тут же явилась госпожа Вебер: дочь ее нуждается теперь в материнской опеке, объяснила она. Познакомившись с бароном Ветцларом, она стала держаться с ним свысока, словно с торговцем, и Вольфгангу пришлось напомнить теще, что Ветцлар близкий друг ван Свитена, после чего она обнаружила в нем кое-какие хорошие качества.

Ветцлар сделал все от него зависящее, чтобы Моцартам жилось удобно. Одно обстоятельство смущало Ветцлара – квартира на третьем этаже могла понадобиться его сестре, через несколько месяцев возвращающейся из Берлина в Вену. Но до тех пор Моцарты могли жить у него как самые почетные и дорогие гости. От платы за квартиру Ветцлар отказался.

Вольфганг был слишком занят, чтобы задумываться о предстоящем переезде. Он пребывал в хорошем настроении, и мелодии рождались в голове одна за другой. Раздражался он, лишь когда его отвлекали от работы. Уроки давали достаточно, чтобы оплачивать все расходы; квартира оказалась очень уютной, и они нашли служанку, выполнявшую всю домашнюю работу.

Он еще раньше дал обет написать мессу, если его ухаживания за Констанцей увенчаются успехом. Казалось, этот доктор он заключил с самим господом богом. Папа с восторгом поддержал его идею – в последнее время это случалось не часто в сказал, хорошо

бы исполнить эту мессу в Зальцбурге, когда сын приедет к ним в гости на будущий год. Вольфганг согласился и с большим подъемом принялся за мессу.

Как-то в декабре, когда он тихонечко напевал партию сопрано, Констанца сказала:

– Дай я попробую, Вольфганг.

У нее оказалось непоставленным дыхание и не хватало техники, но голос был теплый и мелодичный, и Вольфганг с радостью отметил ее музыкальность.

– Мама все внимание уделяла Алоизии, – объяснила Констанца, – на мне лежала домашняя работа, но отец всех нас обучал пению.

Вольфганг стал давать Констанце уроки пения и одно из соло для сопрано в своей мессе написал специально для нее.

У нее были очень красивые и звучные верхи, и партию он построил так, чтобы она могла блеснуть своим голосом. Услышав ее, думал Вольфганг, Папа и Наннерль проникнутся к ней уважением.

Все свободное время Вольфганг отдавал работе над мессой. Но вот однажды его пригласил к себе граф Орсини-Розенберг. От директора национального театра в большой степени зависела постановка опер, которые шли в Вене, и Вольфганг, не теряя времени, отправился в Бургтеатр в надежде на новый заказ.

Граф Орсини-Розенберг, важно восседавший в роскошном кабинете, к его разочарованию, сказал:

– Иезуитский священник и поэт по фамилии Денис написал оду по случаю победы, одержанной Британией у Гибралтара. Одна венгерская аристократка, мой близкий друг, хотела бы положить ее на музыку и преподнести сюрприз Денису – с ним она также дружна.

– С удовольствием сделаю это, ваше сиятельство.

– Я слышал, вы собираетесь дать большой концерт в Бургтеатре?

– Надеюсь, ваше сиятельство.

– Хорошо. Если ода понравится, я постараюсь, чтобы император почтил концерт своим присутствием.

Директор встал, показывая, что аудиенция окончена.

– Неплохо бы вам написать один-два новых концерта для фортепьяно. Его величество до сих пор вспоминает вашу победу над Клементи, – добавил он.

Вольфганг принялся сочинять оду и два новых концерта для фортепьяно. Мессе он уделял теперь лишь несколько часов в неделю, но уроки с Констанцей не прекращал. Музыка для оды давалась с трудом, слезливая сентиментальность текста раздражала, и он с облегчением переключался на концерты. Ему хотелось сделать их веселыми, радостными: он думал продать концерты по подписке по дукату за концерт. Кроме этих двух, он сочинил еще и третий концерт для исполнения на «бис». Но вот ода никак не давалась ему.

Закончив три концерта для фортепьяно, Вольфганг написал Папе:

«Надеюсь, Вам понравятся мои новые концерты. Они так и брызжут весельем, ласкают слух, музыка проста, но отнюдь не бессодержательна, она льется как масло. В них встречаются пассажи, оценить которые по-настоящему сумеют только знатоки, но они написаны так, что понравятся я неискнутому слушателю.

Гораздо труднее с одой Дениса, которую меня попросили положить на музыку. Мой патрон считает, что ода прекрасна, величественна, но, на мой вкус, она просто жеманна и напыщенна. Что тут поделаешь? Гармоничное сочетание красоты и правды сейчас никем не ценится. Чтобы заслужить аплодисменты, нужно писать либо примитивно и банально – и тогда создашь произведение, доступное даже кучеру, либо уж так намудрить, что оно будет нравиться именно недоступностью понимания.

Мне хотелось бы написать «Введение к музыке», мне кажется, я смог бы даже опубликовать его, но не под своим именем, мои взгляды могут возмутить великих мира сего, так что даже, не знаю, стоит ли за такой труд приниматься.

Моя любимая жена не дожидется того дня, когда встретится с Вами и сумеет снискать Вашу любовь, которой Вы меня так щедро одарили. Преданные Вам дети В. и К. Моцарт".

Орсини-Розенберг снова вызвал к себе Моцарта. Вольфганг вошел в кабинет графа в нерешительности – ода была далеко не закончена. Но не успел он пуститься в объяснения, как граф сказал:

– Не могли бы вы сделать переложение для фортепьяно вашей оперы? Несколько театров нуждаются в этом.

– Конечно, ваше сиятельство, но как быть с одой? Она еще не совсем готова...

– Дама, которая была благоговейно предана отцу Денису, выразила ему свое благоговение иным путем. Она постриглась в монахини.

– А как же быть с той частью оды, которую я уже написал?

– Пошлите ее вашему доброму отцу. Или используйте для себя.

Вконец расстроенный Вольфганг ничего не ответил.

– Вы, конечно, понимаете, – сказал Орсини-Розенберг, – что вам ничего не заплатят за представления оперы за пределами Вены, так же как и за переложение для фортепьяно. Но это может повлечь за собой заказ на новую оперу, Моцарт.

Вольфгангу совсем не хотелось трудиться над переложением, однако выбора не было. И когда через неделю он отнес графу Орсини-Розенбергу готовое переложение для фортепьяно своей оперы, директор национального театра поздравил его с быстрым и успешным завершением работы.

69

Где он действительно отдыхал душой, так это на музыкальных собраниях у ван Свитена. Каждое воскресенье днем в официальной резиденции барона – в помещении придворной библиотеки – устраивался концерт и обсуждение исполняемых произведений. Барон создал дворянское общество любителей классической музыки, и его салон стал единственным местом в Вене, где меломаны и музыканты встречались на равной ноге.

В один из таких воскресных дней ван Свитен позвал Вольфганга к себе в кабинет. В просторной, строго обставленной музыкальной комнате уже собралось много гостей: Кобенцл, Пальфи, Вильгельмина Тун, баронесса фон Вальдштеттен, Ветцлар, Бонно, Сальери, Адамбергер, Фишер, Констанца, Стефани. Ван Свитен сказал:

– Моцарт, до начала концерта я хочу вам кое-что показать.

– А Сальери не обидится, если мы вдвоем удалимся? – спросил Вольфганг. – Адамбергер как раз собирается петь арию из его оперы.

– Ну, мне-то он простит. Да мы не много и потеряем. Барон провел Вольфганга в кабинет, стены которого от пола до потолка были заставлены книгами, подошел к несгораемому шкафу в стене, бережно вынул из него несколько партитур и сказал:

– Я привез эти партитуры из Берлина, где приобрел их в бытность мою послом. Вы ведь знаете, я изучал композицию и дирижерское искусство под руководством прусского капельмейстера Кирнбергера.

– Да, знаю. – Вольфганг слышал, что ван Свитен дирижировал даже собственными произведениями, но надеялся что барон не станет его этим занимать.

– И я бы просил вас оказать мне любезность. Вольфганг с испугом ждал, что последует дальше.

– Изучите эти партитуры. В Вене они неизвестны. Может, они облегчат мне изучение законов композиции?

Тут барону ничего не поможет, подумал Вольфганг, но промолчал, не желая обижать друга.

– Чьи это партитуры? – спросил он.

– Генделя и Себастьяна Баха.

Вольфганг взял партитуры без особой охоты. Он познакомился с музыкой Генделя, когда еще ребенком ездил в Англию, где Гендель, умерший за несколько лет до его приезда, был самым почитаемым и популярным композитором, однако Вольфгангу тогда больше

нравился Кристиан Бах; об Иоганне же Себастьяне Бахе он знал только, что это отец его любимого композитора. Кристиан Бах недавно умер, что явилось для Вольфганга большой утратой, а до этих старых композиторов ему не было никакого дела. И тем не менее, в голосе ван Свитена звучала настойчивость, Вольфганг не смог отказаться.

– Я прочту их на неделе, – сказал он, – мне не хочется, чтобы Сальери подумал, будто я пренебрегаю его музыкой.

– Прочтите их сейчас, у меня. Вы не пожалеете, а Сальери подождет.

– Но Констанца станет волноваться, куда я пропал.

– Я позабочусь о том, чтобы она чувствовала себя как дома. Сядьте в мое кресло – такой чести удостоивались немногие, – мне думается, вы найдете здесь кое-что заслуживающее внимания.

Прошло несколько часов, а Вольфганг все изучал партитуры, привезенные ван Свитеном из Берлина. Оперы Генделя, которые он слышал и прежде, не произвели на него большого впечатления, они казались ему недостаточно драматичными. Зато фуги – совсем другое дело. В них чувствовалась мощь – она покоряла и захватывала – и внутренняя напряженность, сообщавшая им жизненную правдивость и красоту.

Но по-настоящему восхитил его Себастьян Бах. Фуги старика – в представлении Вольфганга Себастьян Бах был именно старик, ведь у него такое множество детей – удивляли мастерством построения и глубиной чувства. Вольфганг погрузился в чтение «Искусства фуги» и «Хорошо темперированного клавира»; он изучал отдельные части каждого сочинения, разложив листы на коленях, на столе, держа их на подлокотниках кресла и в руках, когда в кабинет вошли Свитен с Констанцей, Вольфганг ничего не слышал. В ушах звучала музыка Себастьяна Баха. Оба эти произведения были написаны на предмет «изучения», но какого изучения! – мысленно восклицал Вольфганг.

– Нам нравится Иоганн Себастьян Бах? – спросил барон.

– Мало сказать, нравится. – Вольфганг с трудом вернулся к действительности. – Это выше всяких похвал. Здесь воистину есть чему поучиться!

– У Сальери сделался недовольный вид, когда ты вышел из комнаты, – заметила Констанца.

– Сальери! Станци, разве можно сравнить его музыку с тем, что здесь передо мной! Ван Свитен, да ведь у вас самые настоящие музыкальные сокровища.

Может, вы хотите сыграть накую-нибудь вещь Себастьяна Баха?

– Я был бы счастлив. Но как другие гости?

– Все разошлись. Вы просидели здесь несколько часов. Констанца сказала:

– Я уже начала волноваться, Вольфганг.

– Подожди, что ты скажешь, когда услышишь фуги. Они восхитительны!

– Мне кажется, госпожа Моцарт, они вам понравятся, – заметил ван Свитен.

– Только сначала я должен выучить их наизусть, – сказал Вольфганг.

Теперь и Констанцей овладело любопытство: Вольфганг редко бывал так заинтересован. Она упростила его сыграть несколько фуг прямо с листа. И когда он сыграл их с воодушевлением, как обычно играл только собственные вещи, Констанца воскликнула:

– Ничего удивительного, что ты в них влюбился! Я готова слушать фуги сколько угодно. Неужели ты не написал ни одной?

– Нет, разве иногда импровизировал.

– Почему же ты пренебрег самой красивой и серьезной формой музыки? – укорила она. – Напиши фугу для меня, и как можно скорее.

– Это приказание, Станци, дорогая?

– Я вполне серьезно. Милый барон, скажите, что они удивительно хороши. Вам он поверит. Фуги просто чудесны! И исполнял он их безукоризненно.

– Ну уж и безукоризненно! Но, попрактиковавшись с педалью, я сыграю лучше.

– А что ты делал тут все время? – спросила Констанца.

– Знакомился с партитурами. Постичь Себастьяна Баха в один день – дело немыслимое.

Барон, можно одолжить у вас Баха на неделю? Я буду вам очень благодарен.

– Как вы считаете, могу я научиться искусству композиции у Баха и Генделя?

– Конечно, можете. Каждый, кто любит музыку, может.

Всю следующую неделю Вольфганг играл Баха. Произведений, построенных так превосходно, как фуги Баха, ему, пожалуй, еще не приходилось слышать – он и понятия не имел, насколько значительны и широки возможности этой музыкальной формы. По сравнению с Бахом фуги, которым обучал его падре Мартини, казались слишком обыденны и просты.

В следующее воскресенье, исполняя фуги Баха и Генделя для гостей ван Свитена, Вольфганг раскрыл своим слушателям то, что уже раньше раскрыл для себя.

Несколько недель на музыкальных собраниях у ван Свитена не исполнялось ничего, кроме музыки Баха и Генделя. А Констанца не отстала от Вольфганга, пока он не сочинил фугу специально для нее. Он, кроме того, обработал пять фуг из «Хорошо темперированного клавира» и написал к ним прелюдии в истинно моцартовском стиле, которые и преподнес в дар ван Свитену в знак благодарности за то, что тот познакомил его с отцом Кристиана Баха.

Две фантазии, сочиненные Вольфгангом после знакомства с Себастьяном Бахом, отличались большей торжественностью и драматической напряженностью, чем любое из его фортепьянных произведений. Вольфганг сыграл их жене а ван Свитену, и Констанце они очень понравились, ему следует сочинять побольше такой музыки, сказала она.

Но, когда Вольфганг захотел включить их в программу большого концерта, который должен был состояться в Бург-театре, барон предупредил:

– Вена не подготовлена для подобной музыки. Публика придет в восторг от вашего мастерства, но сложность построения этих вещей смутит ее. Хотя Вена знакома с музыкой сыновей Баха, в особенности Иоганна Кристиана и Филиппа Эммануила, но отца тут совсем не, знают – вам следует иметь это в виду. Ни одно произведение лютеранского кантора и католической Вене публично не исполнялось.

– Можно мне положиться на Розенберга? – спросил Вольфганг, откладывая в сторону свои фантазии.

– На Розенберга может положиться только сам Розенберг, но с ним следует считаться. Он пользуется расположением императора.

– Простите, друг мой, но мне казалось, что сами вы имеете на императора куда большее влияние.

Ван Свитен криво усмехнулся.

– Многие думают, что имеют влияние на Иосифа. Иногда он прислушивается ко мне, иногда к Розенбергу или к Кобенцлу, а чаще всего вообще никого не слушает. Однако я уверен, музыка Себастьяна Баха ему не понравится. Иосиф отдает предпочтение итальянской музыке.

– Нужно ли мне готовиться к концерту в Бургтеатре?

– Разумеется. Независимо от того, явится император или нет, все остальные посетят концерт.

В самый разгар приготовлений к публичному концерту Вольфгангу пришлось менять квартиру – приехала сестра Ветцлара. Хозяин чрезвычайно смутился, и, когда Вольфганг подыскал себе комнаты на Кольмаркт, барон перевоз их туда за свой счет и внес вперед квартирную плату, уж это-то он обязан сделать для своего дорогого друга, пока тот не подыщет себе приличное пристанище, сказал барон.

Но у Вольфганга не было времени заниматься поисками новой квартиры – выступая в роли импресарио, он был по горло занят составлением программы для своего концерта.

Он сидел в гостиной за обеденным столом, служившим ему одновременно и письменным, изучал партитуру Хаффнеровской симфонии и думал, куда ее лучше вставить. Он попросил Папу вернуть ему симфонию, с тем чтобы включить ее в публичный концерт – в Вене она еще ни разу не исполнялась и явится для венцев открытием. Музыка симфонии поразила его.

– Я не помню из нее ни единой ноты, – сказал он Констанце, – но она определенно должна понравиться. Очень эффектная музыка, – добавил он, словно впервые это обнаружил.

И тут с приветливой улыбкой вошла Алоизия.

Вольфганг постарался взять себя в руки, но Алоизия уже сжимала сестру в объятиях и поздравляла с замужеством, а Констанца, зардевшись, с довольным видом принимала поздравления, хоть и не смогла удержаться от слов:

– Значит, ты ничего не имеешь против?

– Констанца, оба мы – Иозеф и я – очень за тебя рады. Вольфганг, теперь, когда мы породнились, могу я поцеловать вас по-сестрински?

Вольфганг смутился, а Констанца сказала:

– Раньше ты не спрашивала разрешения.

– Раньше вы не были женаты. – Алоизия подошла к Вольфгангу. Он подставил ей щеку, а она поцеловала его в губы и постаралась вложить в поцелуй как можно больше чувства, но Вольфганга это ничуть не тронуло.

– Что вы от меня хотите, Алоизия? – спросил он. Свояченица выглядела чрезвычайно элегантно.

– Я могла бы спеть одну из ваших арий на концерте в Бургтеатре?

– Слово за Констанцей.

Алоизия приложит все усилия, чтобы отбить его у меня, ревниво подумала Констанца, но вслух сказала:

– Если Вольфганг хочет, чтобы ты исполнила какую-нибудь из его арий, разве я могу возражать?

– И я исполню ее очень хорошо. Моя сестренка, надеюсь, не сомневается?

Алоизия, пожалуй, права, думал Вольфганг: дублируя Кавальери в «Похищении из сераля», она пела партию Констанцы с большим изяществом и вкусом. Ее участие внесет в программу концерта разнообразие и вызовет интерес публики.

Вольфганг согласился. Алоизия рассыпалась в благодарностях – ему было неловко и в то же время приятно.

Публичный концерт, намеченный на 23 марта в Бургтеатре, представлял для Вольфганга событие огромной важности. Он понимал, что в случае успеха получит возможность безбедно существовать, занимаясь только композицией и участвуя в концертах, и сможет отказаться наконец от опостылевших уроков. Все места были распроданы – первое хорошее предзнаменование. Император присутствовал в театре. Публика собралась самая изысканная.

По окончании программы бурные аплодисменты долго не смолкали.

Через несколько дней, исполненный гордости и радостных надежд, Вольфганг писал Папе подробный отчет.

«Уверен, что Вы уже слышали об успехе моего концерта. Вся Вена только и говорит о нем, и слухи наверняка уже достигли Зальцбурга. Император со свитой почтил концерт своим присутствием, и вопреки привычке Иосиф досидел до конца, громко аплодировал, полностью одобрил составленную мною программу и посоветовал устраивать побольше подобных концертов в Вене, а также преподнес двадцать пять дукатов.

Мне кажется, моя программа понравится и Вам.

Первым номером была исполнена «Концертная симфония» ре мажор, написанная мною в 1779 году. Потом – Хаффнеровская симфонии.

После этого выступил я: сыграл свой ре мажорный концерт специально для фортепьяно с новым финалом в форме рондо, написанным специально для этого случая, и третий из моих новых концертов по подписке, тот, что в до мажор, а на «бис» исполнил вариации на тему арий Глюки и Паизиелло – оба присутствовали в зале.

Разнообразия ради Тореза Тайбер спела арию из моей последней миланской оперы «Люцио Силла». Алоизия Ланге исполнила арию из «Идоменея», написанного в Мюнхене, и еще одно, только что сочиненное мною рондо. Валентин Адамбергер исполнил арию,

которую я недавно сочинил специально для него. Затем по просьбе императора в конце программы был повторен финал Хаффнеровской симфонии.

Я выступлю на концерте Терезы Тайбер – в благодарность за ее участие в моем концерте, – и у меня есть много других частных приглашений.

Концерт в Бургтеатре, уверяют меня, принесет мне большой доход – ведь все билеты были раскуплены, не оставалось ни одного свободного места. Правда, расходов много, особенно дорого обойдется наем помещения. А теперь я заканчиваю письмо, иначе пропущу почту. Моя любимая жена шлет Вам тысячу поцелуев, и мы оба с любовью обнимаем нашу дорогую сестру и остаемся, как всегда, преданные Вам и послушные дети В. А. и К. Моцарт».

Вольфганг ничуть не преувеличивал в письме успех своего концерта; фон Штрак и Орсини-Розенберг тоже поздравили его – значит, император остался доволен; ван Свитен сказал, что программа была подобрана с умом; Паизиелло поблагодарил за чудесную аранжировку его арий, а Глюк пригласил его с Констанцей и чету Ланге к обеду в знак восхищения концертом; Сальери, тоже приглашенный на этот обед, держался с Вольфгангом чрезвычайно любезно.

Однако расчеты Торварта возмутили Вольфганга до глубины души. Он ожидал, что оркестр обойдется недешево, но ведь доход от концерта, по слухам, составил сумму в 1600 гульденов. И все-таки после выплаты всех издержек, в особенности стоимости помещения, самому Вольфгангу не досталось ничего.

В ответ на высказанное им недовольство Торварт сказал:

– Мои подсчеты одобрил сам Розенберг.

Вольфганг хотел было уладить это с директором национального театра, но не успел и рта раскрыть, как тот заявил:

– Я же обещал вам, что император посетит концерт. И слово свое, как всегда, сдержал. А теперь, прошу извинить, император ждет меня с докладом.

– Знает ли император, какой доход принес концерт?

– Конечно. Театр ведь принадлежит ему. Может, вы хотите обсудить этот вопрос с самим императором?

Вольфганг содрогнулся. Большую бестактность трудно себе представить. Если сейчас еще брезжит надежда поступить на службу к императору, то тогда она рухнет окончательно. При создавшейся обстановке ничего не оставалось, как вежливо поклониться, поблагодарить Орсини-Розенберга за поддержку и молча уйти.

Положение было нелепым. Везде, где бы он ни появлялся, слышались похвалы его концерту, а единственным ощутимым результатом явились дукаты, полученные от императора; их следовало отложить до родов Констанцы.

Спустя несколько дней после встречи с Орсини-Розенбергом, когда Вольфганг выходил из дому, собираясь ехать к графине Тун – ее карета ждала на улице, – его задержал судебный пристав. Если Моцарт не уплатит тридцати гульденов, которые он задолжал портному, заявил пристав, его придется арестовать.

Какой позор! Даже часть этой суммы он не мог выплатить.

Плененный видом пунцового камзола с перламутровыми пуговицами, он загорелся: именно такой и требуется ему для публичного концерта – хорошо сшитый, превосходного качества, в столь богатом одеянии он произведет впечатление на всех. И Вольфганг купил камзол, хотя заплатить портному не смог. Он надеялся сделать это, получив деньги от Торварта и за партитуры концертов по подписке, но продажа шла из рук вон плохо, никто, казалось, не стремился купить концерты.

Он обязательно заплатит долг после следующего концерта, заверил Вольфганг пристава, но пристав сказал:

– Если не расплатитесь с портным до завтрашнего дня, мы вынуждены будем возбудить против вас судебное дело. Или посадить в долговую тюрьму.

Вольфганг обещал отдать деньги на следующий день. По дороге к графине Тун он

ломал себе голову над тем, где их достать. Дукаты, отложенные на роды, трогать нельзя; невозможно обратиться и к графине Тун – слишком он ценил ее дружбу и боялся рисковать. Ему претила мысль просить у кого-нибудь займы, но скандал, которой мог разразиться в случае неуплаты долга, грозил слишком большими неприятностями.

Во время своего выступления Вольфганг был необычно рассеян, и баронесса фон Вальдштеттен после концерта спросила:

– Вы беспокоитесь за Констанцу?

– Нет, с меня неожиданно потребовали уплаты одного долга. Я готов написать для вас новый концерт, серенаду или симфонию – все, что пожелаете, если вы одолжите мне тридцать гульденов сегодня же.

У баронессы сделался не менее смущенный вид, чем у него.

– Сейчас мне не нужна музыка, – ответила она и весь вечер старательно избегала Вольфганга.

Ветцлар, заметив расстроенный вид друга, спросил:

– Что случилось?

И, узнав, в чем дело, тут же вручил пятьдесят гульденов, а когда Вольфганг стал отказываться – это больше чем нужно, – Ветцлар возразил:

– Кто знает, сколько кому может понадобиться? У меня сегодня есть деньги. А завтра может не оказаться.

Вольфганг в порыве благодарности обнял друга, а Ветцлар покраснел и добавил:

– Мне кажется, я нашел для вас более подходящую квартиру, на первом этаже дома на Юденплац, большую, солнечную и уютную, – он словно считал себя виновным в том, что Моцарты живут без удобств.

Вольфганг обещал при первой возможности отблагодарить барона за доброту и дал зарок никогда больше не залезать в долги.

Это оказалось не так-то просто. Потребовалось несколько недель, чтобы расплатиться с Ветцларом. Заработки по-прежнему были нерегулярными. Иногда ученики платили за уроки, а порой и нет, пропускали или вообще прекращали занятия. «Похищение из сераля» готовилось к постановке в Праге, Бонне, Франкфурте, Варшаве, Лейпциге. В Вене уже прошло пятнадцать спектаклей и намечались еще, но композитору не полагалось больше ни крейцера. Папа ругал Вольфганга: цена концертов по подписке – по дукату за концерт – слишком высока, и был прав – концерты распродавались плохо. Большинство его выступлений проходило в домах дорогих ему друзей, а разве он мог требовать с них плату?

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей – а нужно сказать, что новая квартира на Юденплац ему нравилась, работа там спорилась и Констанца сразу повеселела, – Вольфганг начал сочинять струнный квартет. К этой сложной музыкальной форме он давно уже не обращался. Углубившись в работу над квартетом, он, казалось, хотел утвердить в этой музыке свою независимость, избавиться от бремени будничных забот.

Последнее время он внимательно изучал квартеты Иосифа Гайдна, пленившие его еще десять лет назад, а также новые, русские квартеты этого композитора. Гайдн посвятил их великому князю Павлу. Гайдновские квартеты были лучшими из всех, что Вольфгангу приходилось когда-либо слышать, и он тщательно штудировал фразу за фразой, уясняя принцип их построения.

Все четыре инструмента имели равные по значению партии, и темы развивались в мелодиях с той стройностью и глубиной, которые он любил.

Он закончил квартет до мажор, и тут болезнь свалила его – общая усталость и бессонные ночи, вечная нехватка денег, тревога за здоровье Констанцы сделали свое дело. В течение почти всего мая он не в силах был написать ни одного такта, а между тем деньги таяли, остались лишь дукаты, отложенные на роды.

Как-то в июне он появился на музыкальном собрании у ван Свитена, впервые после месячного отсутствия, и барон тут же обратился к нему за помощью. Ван Свитен получил письмо от учителя музыки в Бонне, господина Нефе, и хотел услышать совет Вольфганга.

Вольфганг прочел:

«Дорогой барон, до нас в Бонне дошла весть о том, что Вы большой знаток музыки, и я прошу Вас снисходительно отнестись к моему ходатайству за ученика, которого я имею честь обучать. Его дед и отец оба были певцами, а сам мальчик похож на Вольфганга Амадеуса Моцарта – по слухам, Вашего хорошего друга. В восемь лет этот мальчик уже прекрасно играл на скрипке; в одиннадцать бегло и с чувством исполнял «Хорошо темперированный клавир» Себастьяна Баха, а теперь ему двенадцать, и он блестящий импровизатор на фортепьяно и сочиняет сонаты для этого инструмента, самого его любимого. Но сей молодой талант, Людвиг ван Бетховен, нуждается в поддержке, чтобы иметь возможность совершать концертные поездки и учиться. Если успехи его будут такими же, как сейчас, то он непременно станет вторым Вольфгангом Амадеусом Моцартом, и меня Вы глубоко порадуете, если хоть в чем-то сумеете ему помочь. А если он станет учеником Вашего великого друга, Вы тем самым окажете огромную услугу музыке – искусству, которому все мы так преданы. Ваш покорный слуга Кристиан Готлиб Пефе».

– Что вы думаете по этому поводу? – спросил ван Свитен.

Вольфганг хорошо понимал, какого ответа ждет друг, но ведь он и так чересчур загружен уроками.

– Вундекиндов появляется на свет не так уж мало, только вот многие ли из них достигают вершин? – сказал он.

– Вы бы взялись обучать молодого Бетховена? Вольфганг вздохнул. Он с трудом встал с постели, чтобы порадовать пап Свитена, обеспокоенного его долгим отсутствием на воскресных вечерах.

– А кто будет платить за него в Вене? – спросил Вольфганг. – Даже если я соглашусь обучать мальчика, кто возьмет на себя его содержание?

– Трудно сказать.

Да, этого Вольфганг как раз и ожидал. Ван Свитен мог бы содержать нескольких Людвигов ван Бетховенов, но скупостью барон был известен не меньше, чем любовью к музыке.

– Я уверен, молодой ван Бетховен – стоящий ученик, как и многие другие, – сказал Вольфганг. – Если он приедет в Вену, я его с удовольствием послушаю.

У Констанцы приближались роды, и Вольфганг совсем забыл про чудо-ребенка, за которого хлопотал ван Свитен. Здоровье его заметно улучшилось; проводя ночи у постели Констанцы, чтобы в случае необходимости в любой момент прийти ей на помощь, Вольфганг старался чем-то заняться в тоскливые бессонные часы и взялся сочинять новый струнный квартет.

По ночам Констанца часто вскрикивала и вздрагивала. А днем была подавленной и замкнутой. Она стеснялась своего непривлекательного вида, но Вольфганг был по-прежнему нежен и предупредителен. И хотя он мечтал иметь детей, порой, видя, как она мается, начинал сомневаться, так ли уж они необходимы.

Свой новый струнный квартет он писал в ре миноре, сочетая в нем драматизм и грациозность. Даже работая над первой частью *Allegro moderato*, воплощающей ту строгую уравновешенность и красноречивую выразительность, которые он открыл в русских квартетах Гайдна, он не мог ни на минуту забыть ужасающую детскую смертность в Вене, и мысль о неотвратимости судьбы пронизывает весь ре минорный квартет.

В воображении своем он постоянно возвращался к женщине, которая произвела на свет его самого, и думал, неужели и Мама, когда носила его в своем чреве, страдала так же, как страдает теперь Констанца? Он смирился с тем, что Папы и Наннерль нет с ним рядом, но не допускал и мысли, чтобы Мама могла оставить его в такой момент. Госножа Вебер предлагала поселиться у них, но Констанца отказалась; это вызовет лишние волнения, сказала она, не придавая значения тому, что мать находилась в соседней комнате и могла слышать.

Вторая часть квартета была мелодична, как и положено *Andante*, и полна скорбных,

сумеречных мотивов. Мама, наверное, спала так же беспокойно, как Констанца, но все-таки родила семерых детей. И хотя потеряла пятерых, Вольфганг никогда не слышал, чтобы Мама жаловалась. Теперь он понимал, почему она так мечтала быть похороненной на кладбище святого Петра в Зальцбурге: именно там покоились его братья и сестры.

Для третьей части он избрал форму менуэта в темпе Allegretto. Его одолевали мысли о муках, в которых рождается человек, и в музыке, преобладала скорбь.

Все его братья и сестры родились на свет живыми, рассказывал Папа, но пятеро умерли в возрасте от шести дней до полугода. Какой жестокий удар судьбы, думал Вольфганг и молился – пусть такая же беда не постигнет их с Констанцей. На нотной бумаге он изливал переполнявшие его чувства.

В то утро, когда Констанца вдруг проснулась бодрой и веселой, он написал Папе:

«Вы должны стать крестным отцом нашего первенца, Вы не можете отказать мне в просьбе, которая идет от самого сердца, – потому что Папа, сколько он ни просил его об этом, ни разу не откликнулся, – но, так как Вы не сможете присутствовать, я попрошу кого-нибудь заменить Вас во время церемонии крещения, потому что, кто бы у нас ни родился – *generis masculini* или *feminini*, – мы собираемся назвать его Леопольдом или Леопольдиной».

Через неделю у Констанцы начались роды. Вольфганг послал за тещей. Цецилия произвела на свет четверых детей и была опытна в таком деле. Госпожа Вебер явилась незамедлительно, пригласив еще и повитуху; присутствие доктора не обязательно, сказала Цецилия, в этих делах они понимают куда меньше повитух, и Вольфганг согласился, хотя страх не отпускал его ни на минуту.

Теща не разрешила входить в спальню – его присутствие будет только мешать им и волновать роженицу.

Вольфганг вернулся к своему струнному квартету и стал работать над последней частью, Allegro ma non troppo, с головой погрузившись в нее. Прислушиваясь к стонам Констанцы, он переводил ее боль и страдания на язык стройной, прекрасной музыки, иначе быть свидетелем ее мучений становилось невыносимо. Его чувства всегда находили отражение в музыке. Когда терзалась Констанца, терзался и он; когда она плакала, плакал и он; когда ее, казалось, преследовал по пятам сам дьявол, об этом повествовала его музыка. И в то время, как все четыре инструмента вели каждый свою партию, искусно слиплись и четкой форме квартета, под рукой композитора рождался новый мир созвучий, передающий муки рождения и все тревоги, неразрывно связанные с ним.

В комнату вдруг вошла госпожа Вебер – ей понадобились таз и горячая вода. С минуту она смотрела на Вольфганга – он сидел и скрупулезно заносил на бумагу фразу за фразой – и вдруг воскликнула:

– Можно ли быть таким бессердечным! Таким черствым!

Что он должен был делать? Ему хотелось ответить ей таким же оскорблением, но нет, это было противно его натуре. И он спросил – в надежде, что ребенок родится столь же совершенным внешне, как его новый струнный квартет, только без внутренней, переполняющей его тревоги.

– Как Констанца?

– Если господь будет милостив и нам улыбнется счастье, ребенок скоро появится. – И снова кинулась к дочери, заперев за собой дверь на ключ.

Томясь ожиданием, Вольфганг заново просматривал квартет, желая увериться, что не допустил ошибок, пока теща распекала его.

И в тот момент, когда ему стало казаться, что этой ночи не будет конца, госпожа Вебер, появившись в дверях спальни, с гордостью объявила: родился мальчик. Сама она родила четырех девочек – Констанца не посрамила семью Веберов и произвела на свет превосходного, здоровенького младенца.

После того как Вольфгангу было разрешено посмотреть своего первенца и он поцеловал Констанцу, отметив, что вид у обоих прекрасный, если принять во внимание,

сколько им пришлось перенести, теща тут же взяла бразды правления в свои руки. Тонем, не допускающим возражений, она заявила, что останется возле Констанцы, пока та совсем не оправится. Она же нашла для младенца няньку, которая стала одновременно и кормилицей. Вольфганг счел это разумным – он не хотел, чтобы Констанца сама кормила ребенка, из страха перед грудницей.

Барон Ветцлар, прослышав, что роды Констанцы сошли благополучно, явился с визитом.

– Я сочту за честь быть крестным отцом вашего первенца, – сказал он.

Вольфганг смешался – ведь он обещал Папе, но как отказать Ветцлару, самому преданному другу, и разве нельзя при этом назвать сына Леопольдом? Пока он колебался, Ветцлар сам за него решил:

– Спасибо, Вольфганг, теперь у вас есть маленький Раймунд, – и поцеловал младенца.

Итак, младенец был назван Раймундом Леопольдом Моцартом, и Вольфганг написал Папе, объяснив, почему вынужден был так сделать, и добавил:

«Второе его имя Леопольд, и все говорят, что он моя копия, я полагаю, это должно вас порадовать».

70

Убедившись, что Раймунд Леопольд находится под надежным присмотром своей кормилицы в пригороде Вены, в Нейштифте, Вольфганг и Констанца отправились в Зальцбург. Оба не уверены были, правильно ли поступают, оставляя младенца в чужих руках, но госпожа Вебер уговорила их. Месячный ребенок не выдержит путешествия, а у опытной кормилицы, которая содержит специальный дом для младенцев, он будет прекрасно развиваться. Так уж принято растить детей – ее дети росли точно так же, ну и потом, она непременно будет сама присматривать за малышом.

Окрестности Зальцбурга очень понравились Констанце, но от страха ее бросало то в жар, то в холод. Вольфгангу хорошо – он едет домой, она же, по мере того как приближалась встреча с его родными, испытывала все большую тревогу и неуверенность в себе. Горы остались позади, карета затряслась по Линцерштрассе, и Констанца увидела крепость Гогензальцбург на вершине Монхсберга – словно железная корона, крепость увенчивала город.

Неожиданно на лице Вольфганга отразился испуг, и он воскликнул:

– Это замок Колоредо! Архиепископ там не живет, но при желании может заточить меня в темницу!

Констанца была ошеломлена. Ей казалось, Вольфганг должен быть счастлив, ведь он твердил об этой поездке к родным с тех самых пор, как они поженились. А теперь вдруг страшится чего-то.

– Колоредо при желании может меня арестовать, – повторил он. – Официально меня никто не увольнял и не принимал моей отставки. Ты и представить себе не можешь, какой злой и мстительный этот князь.

– Но ведь твой отец уверяет, будто опасности нет никакой. Колоредо даже имени твоего не поминает, и у него теперь новый капельмейстер – Лодовико Гатти.

– Папа очень хотел нас видеть. Но Колоредо злобен, хитер и способен на любую пакость. А вдруг я повстречаюсь с Арко! В Зальцбурге человек, позволивший себе напасть на аристократа, наказуется двадцатью пятью ударами плети. А я готов пронзить его сердце шпагой!

И все-таки Вольфганг в лучшем положении, чем она, думала Констанца, он может вслух выражать свои опасения, и к тому же ей придется прикидываться, будто она любит двух людей, которые, она не сомневалась, в душе терпеть ее не могут. Что проку говорить это Вольфгангу, он верил: как только отец и сестра узнают Констанцу, они ее обязательно полюбят, – по этой причине Вольфганг и предпринял поездку в Зальцбург, но Констанца

думала иначе. Отец Вольфганга никогда не полюбит женщину, которая увела от него сына, ну а сестра, естественно, разделяет мысли своего отца.

Карета остановилась на Ганнибальплац; большая площадь казалась вымершей, никого из стражи Колоредо не было и в помине. Вольфганг повеселел и сказал:

– До Великого Муфтия, видимо, дошло, что я теперь важная персона и меня не так-то просто тронуть.

Он помог Констанце выйти из кареты, почувствовал, как влажна ее ладонь, заметил ее волнение и строго прибавил:

– Станци, возьми себя в руки. Всегда помни, кто ты! – Стоит Папе поближе ее узнать, он непременно проникнется к ней теплыми чувствами.

И вот наконец все четверо стояли друг перед другом. Вольфганг смотрел на Папу любящим и немного обеспокоенным взглядом, а Констанцу поразила внешность Леопольда.

Она ожидала увидеть человека более крупного, внушительной наружности, а Леопольд Моцарт оказался немногим выше сына. Должно быть, сильно похудел, думала она, припоминая его портреты, да и состарился. И Наннерль выглядит такой простенькой – чего она, собственно, задирает нос?

Вольфганг представил жену и ждал, когда же Папа и Наннерль обнимут и поцелуют его и Констанцу? Но те не двигались с места; Папа говорил, что чувствует себя прекрасно, в теплую июньскую погоду ревматизм почти не дает себя знать. Папа просто бодрится, думал Вольфганг, а у самого возле рта залегли горькие складки и руки дрожат, словно он нервничает или чего-то боится.

Папин официальный тон вдруг показался Вольфгангу смешным, и он порывисто обнял его; Леопольд на миг оцепенел, а потом сильно задрожал, словно забился в конвульсиях, и, несмотря на все старания держаться неприступно, прослезился. Вольфганг поцеловал Наннерль, вложил ее руку в руку Констанцы и воскликнул:

– Наконец-то вы познакомились! И надеюсь, станете добрыми друзьями.

Однако ни Папа, ни Наннерль не поцеловали Констанцу, как того хотелось Вольфгангу, а Констанца боялась первая на это отважиться. Наннерль тут же отняла свою руку, и лицо Папы, когда он посмотрел на невестку, сделалось натянутым.

Сын писал правду, заключил Леопольд, жену его не назовешь красавицей, хоть она и не дурнушка. Красивые карие глаза и ладная фигурка, но на мученицу, как жаловался Вольфганг, уж никак не похожа – самая обыкновенная молодая немка.

Вольфганг нахмурился, видя, что отец не проявляет к Констанце теплых чувств, и Леопольд поспешил сказать, обращаясь к невестке:

– Очень рад, что путешествие ваше закончилось благополучно.

– Благодарю вас, господин Моцарт.

– Папа, Констанца, Папа, – поправил ее Вольфганг. Но такого разрешения от Леопольда не последовало, и, когда он повел их в Танцмейстерзал – что было куда проще, чем поддерживать беседу, – Констанца сказала:

– У вас прекрасный дом, господин Моцарт. Вы, должно быть, выбирали его с большой тщательностью.

– Бережливость, предусмотрительность и долгие годы преподавания музыки сыграли свою роль.

– Вольфганг, наверное, именно здесь черпал вдохновение.

– Тяжкий труд. До пота. Дисциплина. Правильное обучение и врожденная гениальность.

– Пойдем, Папа, – сказал Вольфганг в надежде разрядить напряженную атмосферу. – Нам с тобой нужно обсудить более важные вещи. Я привез много новых сочинений и хочу, чтобы ты их посмотрел. Фуги, прелюдии, две фантазии, три концерта...

– А как насчет мессы? – прервал Папа.

– Мне пришлось отложить ее, помешали непредвиденные дела.

– Незаконченную? – осуждающе спросил Папа.

– Я ее закончу здесь. Теперь, когда мы снова собрались все вместе.
– А как же с ребенком? Меня удивляет, что вы бросили его.
– Раймунд Леопольд на попечении своей кормилицы.
– Но ведь это же младенец – его нельзя оставить кому-то, как музыкальное сочинение, под расписку, с тем чтобы забрать со временем обратно в целостности и сохранности.

– Папа, но ведь вы же сами говорили: матери вредно кормить свое дитя. Я лишь следую вашему совету.

– Мы с твоей матерью никогда не оставляли тебя и Наннерль без присмотра. Ни на минуту.

Констанца молчала. Она сильно переживала разлуку с ребенком, но признаться свекру, и без того враждебно к ней настроенному, значило дать ему в руки лишний козырь. Вольфганг решительно переменял тему разговора, вручив отцу свои новые произведения.

Внимание Леопольда мгновенно переключилось. Он водрузил на нос очки и принялся за фуги, а Наннерль взяла фантазии.

Леопольд изучал фуги, и, по мере того как росло его восхищение, сердце его все сильнее сжималось от боли. Вольфганг влюбился в старика Баха, а его, Леопольда, влиянию пришел конец!

По мнению Наннерль, фантазии были чересчур трудны и мрачны по настроению, на что Вольфганг возразил:

– Может быть. А ты сыграй их спокойно и ровно, с присущей тебе легкостью и изяществом. Если играть их быстро и громко, они будут резать слух, вроде как игра Клементи, который решительно все исполняет *presto*, *prestissimo* и *alio breve*.

Наннерль сыграла фантазии, а Вольфганг попросил Констанцу спеть.

Леопольд поразились музыкальности Констанцы. У нее оказался прекрасно поставленный голос приятного тембра. Когда она закончила, Леопольд сказал: – Bravo! – а Наннерль зааплодировала, и Вольфганг почувствовал, что наконец-то Станца прочно вошла в их семью.

Ночью Вольфганг попытался ее обнять, но она вдруг отстранилась. Он был в недоумении. Станца никогда не отклоняла его ласк.

– Я не могу. – Ее стесняло, что за дверью спит Леопольд, она боялась, вдруг их услышат.

– Сколько раз в течение последних пяти минут я повторял, как люблю тебя?

– Это чтобы я лучше относилась к твоему отцу?

– Нет, это правда, правда, правда!

– Тс-с, ты разбудишь весь дом!

– Им известно, что мы с тобой муж и жена.

– В том-то и беда. Мне кажется, отец твой поместил нас в этой комнате для того...

– Нет, Станца, комната и прежде была моей.

Он умолял ее не быть такой холодной, а она рассердилась. В эту ночь они не познали счастья близости – как только Вольфганг пытался ее обнять, Констанца заговаривала о родственниках, и так до самого рассвета.

На следующее утро Вольфганг спросил Папу, нельзя ли им переехать в спальню для гостей – она теснее, менее комфортабельна, но там прохладнее, а в разгар летней жары он предпочитает прохладу. Леопольд хотел напомнить сыну, ведь раньше, до женитьбы, это была его любимая комната – и зимой и летом, – но у Вольфганга сделался такой несчастный вид, что Леопольд сказал:

– Разумеется, поступай как знаешь, – а сам подумал: причиной тому, без сомнения, невестка.

Почувствовав себя свободней – никто их теперь не видел и не слышал, – Констанца преисполнилась благодарности к мужу и столь бурно выказывала свою любовь, что у Вольфганга появилась надежда превратить их пребывание в Зальцбурге в новый медовый месяц.

30 июля, в день рождения Наннерль, Леопольд решил пригласить нескольких старых друзей отпраздновать это событие и представить им свою невестку.

Увидев, с какой неподдельной радостью Буллингер, Хагенауэр, Шахтнер и другие обнимают Вольфганга, Констанца убедилась, что все они его искренне любят. К ней они тоже отнеслись с большой теплотой, и это ее глубоко тронуло. Они рады знакомству. Раз Вольфганг ее выбрал, значит, она того заслуживает, думала Констанца и чувствовала себя в их компании легко и непринужденно.

Пришел Иоганн фон Берхтольдцу Зонненбург, и Леопольд с гордостью представил нового гостя своим друзьям. Зонненбургу было лет под пятьдесят; по всей видимости, чиновник не слишком знатного рода, лицо приятное, но вообще-то ничего собой не представляет, решила Констанца. Зонненбург не отходил от Наннерль, да и она с его приходом заметно оживилась. Сестре Вольфганга исполнилось тридцать два года, и Констанца не сомневалась: Наннерль ждет невеселая доля старой девы. Тут, однако, уверенность ее поколебалась. По-видимому, Наннерль влюблена в Зонненбурга и надеется выйти за него замуж; неужели Леопольд так же воспротивится ее браку, как противился браку сына, размышляла Констанца. Но сегодня, впервые за все время их пребывания в Зальцбурге, у Леопольда был по-настоящему радостный вид.

Через несколько дней, прослышав о болезни Михаэля Гайдна, Вольфганг отправился навестить его. Приход Моцарта явно обрадовал Гайдна, но он был чем-то очень взволнован.

Он еще не совсем оправился от серьезной болезни, пожаловался Вольфгангу Гайдну, а Колоредо, ждущий в скором времени гостей, заказал ему два дуэта для скрипки и альты, на случай если ему вздумается выступить перед своими гостями.

– А я не могу написать ни единой ноты. Совершенно обессилел. – Гайдн отхлебнул вина из рюмки и добавил: – Но если не представлю дуэты, мне придется за это расплачиваться. Я не могу позволить себе уйти со службы, как сделали вы. У меня нет ни гроша за душой, а начинать все сызнова не хватит здоровья, да и устал я очень.

– Вы считаете, Великий Муфтий не простит?

– И вы еще спрашиваете! Будто не знаете, уж если он что-то решил, никакие оправдания не помогут. Он приказал задержать мое жалованье, пока не получит дуэты. А у меня нет даже денег расплатиться с доктором и аптекарем.

– Когда нужны дуэты?

– В том-то и сложность. Их требуют немедленно. Князь не дает мне хотя бы немного окрепнуть. А я ведь быстро пишу, когда здоров, вы знаете.

Вольфганг кивнул в ответ и, пообещав в скором времени зайти, ушел.

Через два дня он вручил Михаэлю Гайдну два законченных дуэта для скрипки и альты и отмахнулся от его благодарности.

– Они милые. Подпишите их своим именем. Архи-буби и не заметит разницы, – сказал Вольфганг.

Прослушав оба дуэта, Колоредо распорядился выплатить жалованье Гайдну и сказал Брунетти:

– Никогда не думал, что Гайдн способен создавать столь прекрасные, мелодичные вещи. Вместо того чтобы дуть пиво, перешел бы лучше на бургундское.

Брунетти передал это Гайдну и добавил:

– А мне эти дуэты напомнили сочинения вашего брата.

Теперь Вольфганг отдавал все силы завершению мессы. Преисполненный благодарности, Михаэль Гайдн договорился в церкви св. Петра, где сам он состоял органистом, что впервые мессу исполнят там, и Вольфганг подумал: Папе это будет приятно. Папа с некоторых пор питал к этому древнему храму необычайно нежные чувства.

От госпожи Вебер пришло несколько писем, в которых та сообщала, что Раймунд Леопольд чувствует себя прекрасно, а затем в сентябре письма вдруг прекратились. Вольфганг заволновался, но Констанца отнеслась к этому спокойно. Просто мать ее терпеть

не может писать письма, сказала она, удивительно, как эти-то написала.

Вольфганг ни разу не встретил Колоредо – можно было подумать, что они живут не в миле друг от друга, а на разных планетах. Но однажды, когда Вольфганг спешил в церковь св. Петра на репетицию своей частично законченной мессы, у самого входа он лицом к лицу столкнулся с Арко.

Камзол графа был расшит драгоценными камнями, пудренный парик завит по самой последней моде, пряжки на туфлях – серебряные, губы – подкрашены, но сам он при виде Моцарта сделался блее полотна.

Вольфганг хотел было крикнуть: «Негодяй!» – и дать Арко пощечину. Но не успел он глазом моргнуть, как граф исчез.

Вольфганг рассказал об этой встрече Гайдну.

– Арко никогда о вас не упоминает. И Колоредо тоже. Я думаю, они стыдятся того, что произошло.

– Здесь об этом стало известно?

– А как же! Вы ведь здесь родились, благодаря вам Зальцбург прославился на всю Европу. Кто бы знал об этом городе, если бы не вы.

– И что же говорили?

– Ходили слухи, будто у вас с графом дошло до драки. Некоторые утверждали, что вы его ударили, другие – что он обругал вас и выставил вон. В общем, приятного мало.

– Во всяком случае, теперь меня не беспокоят.

– Не смеют. Вы – любимец императора.

Так-то оно так, думал Вольфганг, пока дело не касается того, чтобы назначить меня на службу и дать регулярный заработок.

– У Иосифа вкус лучше, чем у Колоредо, – сказал он.

– Вам не приходит мысль вернуться обратно?

– Вернуться в город, настолько провинциальный, что здесь нет даже настоящего оркестра? К Архи-буби, который не терпит немецких музыкантов и ненавидит оперу? Есть такая старая зальцбургская поговорка: тот, кто приезжает в Зальцбург, через год становится глупцом, через два – идиотом, а через три – истинным зальцбуржцем.

26 октября состоялось исполнение мессы до минор в соборе св. Петра, и Вольфганг сам дирижировал хором, а Констанца пела одну из двух сольных партий сопрано. Он не успел закончить партитуру, но ему казалось, что и в незаконченном виде месса достаточно хорошо выражает его благодарность богу за то счастье, которое он обрел с Констанцей.

Слушатели были настроены дружелюбно. Среди них не было приближенных Колоредо, зато много старых друзей, большинство из которых знали Вольфганга еще с детства. По Вольфганг смотрел только на Папу. Он все еще лелеял надежду, что месса заставит Леопольда более благосклонно отнестись к Констанце. На протяжении трех месяцев, что они гостили дома, Папа держался вежливо, но холодновато.

Леопольд слушал внимательно, но угадать, о чем он думает, Вольфганг не мог.

А потом чистое сопрано Констанцы взлетело ввысь в прекрасной молитве, увлекая за собой Вольфганга. Как он устал от повседневных забот, от необходимости зарабатывать на кусок хлеба, от Колоредо и Арко! Музыка выражала его упоенный восторг перед мирозданием, перед всевышним творцом, перед его чудесным даром – жизнью.

Шахтнер дивился возвышенности Моцартовой мессы. Музыкант, не отличавшийся религиозностью, слушая мессу, понял, откуда возникла религия. Ему стало ясно: человек не мог бы существовать без чистых душевных порывов, каким был подвластен Вольфганг, и Вольфганг передает их с благоговением, которое превышает всякой веры.

Леопольда одолевали противоречивые чувства. Большая часть мессы показалась ему скорее симфонической и даже оперной, чем благочестивой и духовной, и тем не менее в ней были моменты невыразимой нежности и искренности. Сын построил мессу с необычайным мастерством. Но в мессе нет ничего от меня, с грустью думал Леопольд. От его влияния не осталось и следа – это обнаружилось уже в фугах. В какой-то степени это была самая горькая

потеря в жизни, и Леопольд помрачнел – такие мысли причиняли ему страдания. Однако он был прежде всего музыкант и не мог не ценить музыку, поэтому, когда снова запела Констанца, ему захотелось аплодировать, несмотря на всю неприязнь, которую он к ней испытывал. Он сомневался, разовьется ли когда-нибудь ее голос для оперной сцены, но даже в самых трудных пассажах вкус ей не изменял. И вдруг Леопольд чуть не расхохотался. Смешно, право. Сын смотрит на нее, как на какое-то божество, а ведь, если не считать голоса, она, ну право же, самая заурядная девица.

Служба окончилась, и все окружили Вольфганга, а он ждал только приговора Папы.

– С тех пор как ты покинул Зальцбург, это твоё первое духовное сочинение, – укоризненно заметил Леопольд.

– Я не получал заказов на церковную музыку. Зачем мне было её писать?

– Я воспитывал тебя добрым католиком.

– А я и есть добрый католик. Мы с Констанцей постоянно ходим в церковь.

– Эту мессу можно, скорее, назвать светской, чем духовной, как, по-твоему, Наннерль?

Наннерль, совсем расстроенная, потому что Зонненбург не пришел на мессу, как она надеялась, сказала:

– Может, в Вене так принято. Музыка слишком громкая.

– Громкая? – Вольфганг покраснел и с удивлением уставился на сестру.

– То есть пение было слишком громким.

– Пение Констанцы? – воскликнул Вольфганг.

Наннерль смутилась. У Вольфганга был такой несчастный вид. Да и Констанца пела лучше, чем можно было ожидать. Но Наннерль не могла подавить злое чувство: ну где же справедливость – какая-то Констанца имеет мужа, а ей с таким трудом удается ловить поклонников.

– О, я уверена, она спела бы лучше, будь у нее больше практики, – сказала Наннерль.

– Моя дочь, как все знают, очень музыкальна, – заметил Леопольд.

Это уж слишком, подумал Шахтнер, которому исполнение понравилось.

– Что с вами, Леопольд? Неужели вы больше не способны на доброе слово?

А Леопольд подумал: разве объяснишь, каково терять то, что любишь больше всего на свете.

– Я просто стараюсь быть беспристрастным и помочь чем могу, – сказал он.

– Вы думаете, Вольфганг до сих пор нуждается в вашей помощи? – спросил Шахтнер.

– Он до сих пор спрашивает моего совета, – с гордостью ответил Леопольд.

– Значит, он лучший сын, чем вы – отец, – отпарировал Шахтнер.

Они обменялись гневными взглядами, и Вольфганг, вконец расстроенный, воскликнул:

– Прошу вас, я не хочу уезжать из Зальцбурга, имея на совести еще одну ссору!

На следующий день при расставании Папа и Наннерль держались довольно сухо. Правда, Папа спросил Вольфганга, как у него с деньгами, но сын заверил, что все в порядке.

– Мы не испытываем никаких затруднений, вовсе никаких.

Ни Папа, ни Наннерль не обняли и не поцеловали невестку на прощанье, хотя Констанца поблагодарила их за гостеприимство и пригласила в Вену. Ее огорчила их холодность. Они показали ей множество роскошных подарков, полученных Вольфгангом во время своих турне, но ничего не предложили взять на память. Когда карета тронулась и Леопольд и Наннерль помахали им вслед, Констанца в ответ тоже помахала и улыбнулась ради Вольфганга – она вовсе не питала надежд, что отношения с его семьей когда-нибудь изменятся к лучшему.

А Вольфганг сиял от радости – Папа и Наннерль обняли его на прощанье и пообещали приехать в Вену.

– Папа вовсе не собирался разносить мессу, – сказал он, – просто он считает нужным все время меня подстегивать. Он сказал, что ты пела хорошо, с чувством, и у тебя отличная школа.

– Почему же он мне сам этого не сказал?

– Не так-то легко признать себя неправым. Он объяснил, что имел в виду, говоря о духовной и светской музыке: создавая духовную музыку, самую возвышенную из всего мною написанного, я пользовался теми же приемами, что при создании самых светских своих произведений.

– Странно. Все остальные сочли, что месса исполнена благочестия. Даже Шахтнер невольно опустился на колени, а ведь он неверующий.

– Шахтнер всегда предпочитал светскую музыку. А другим казалось, будто я прощаюсь с Зальцбургом.

– А ты и правда прощался?

Вольфганг пожал плечами. Он уже много лет пытался навсегда покинуть Зальцбург, но это было не так-то просто, как бы ни раздражал его родной город. И на тот случай, если он видит его в последний раз, Вольфганг долгим взглядом проводил исчезающий из вида Зальцбург.

По пути домой они остановились в Линце погостить в имении графа Иоганна Туна, свекра Вильгельмины Тун. Граф настаивал, чтобы Моцарты прожили у него несколько недель, и такое радушие казалось особенно приятным после холодного приема на Ганнибальплац. Правда, граф Тун мечтал только об одном – получить симфонию.

Вольфганг не вез с собой ни одной симфонии, а он непременно хотел отблагодарить графа за гостеприимство и сел писать новую.

Симфония нужна была графу для концерта, назначенного на 4 ноября, и у Вольфганга оставалось всего четыре дня. В промежутке между работой он писал Пане: «Пишу каракулями в страшной спешке и все же надеюсь, что выйдет что-нибудь приемлемое».

Констанца уже свыклась с этой его удивительной способностью и принимала как нечто само собой разумеющееся, но и ее поразила Линцская симфония до мажор. Искусно построенная, она не носила на себе следов спешки, в ней звучало много свежих мелодий, и оркестрована она была мастерски. Когда Констанца высказала изумление – ведь он сочинил, написал, отрепетировал и исполнил Линцскую симфонию всего за четыре дня, – Вольфганг улыбнулся и ответил:

– Я уже несколько лет не сочинял симфоний, возможно, она просто зрела во мне все эти годы.

Вольфганг прибыл в Вену в прекрасном расположении духа – новую симфонию с восторгом приняли в Линце. Радовало его и то, что он написал мессу и тем самым выполнил данную богу клятву. Вместе с Констанцей они отправились к госпоже Вебер за своим младенцем, а та разразилась слезами и запричитала:

– Раймунд умер от желудочной спазмы еще 19 августа. Я не хотела писать, боялась испортить вам поездку.

71

Потрясенный печальным известием, Вольфганг дал себе слово не оставлять впредь своих детей на чужом попечении, а Констанца не могла говорить о Раймунде Леопольде без слез. Но госпожа Вебер клялась: ребенок все равно умер бы – остались бы они в Вене или нет, – желудочные заболевания косили младенцев нещадно, даже в знатных семьях. И Вольфганг не мог винить тещу и кормилицу, действительно, за последние месяцы погибло много новорожденных. Оправившись от постигшего его горя, он решил, что им нужен еще ребенок.

И когда через несколько недель обнаружилось, что Констанца снова беременна, впервые, с тех пор как они вернулись домой, у обоих полегчало на душе. Вольфганг ознаменовал это событие переездом на новую, лучшую квартиру в Траттнер Гофе – так называлось большое здание на Грабене, где они теперь поселились. Оно было построено Томасом фон Траттнером; состоя на службе при императорском дворе в качестве печатника, Траттнер разбогател и был возведен в дворянское достоинство. Фон Траттнер очень гордился

своей причастностью к миру искусства, мнил себя художником, в знак чего любил наряжаться в широкие блузы и рембрандтовский берет. Жена фон Траттнера была одной из самых преданных учениц Моцарта, и супруги с удовольствием сдали композитору квартиру в своем доме.

Вольфганг уговорился с хозяином, что будет использовать первый этаж Траттнер Гофа для своих концертов, и это оказалось очень удобно. За несколько месяцев его слава как композитора и исполнителя чрезвычайно возросла. Словно все прежние достижения явились лишь подготовкой к бурному расцвету его таланта. Посещать концерты Моцарта и аплодировать его игре, слушать исполнение новых фортепьянных концертов Вольфганга вошло теперь в моду. Казалось, публике никогда не приесться Моцарт и его музыка.

В феврале 1784 года Вольфганг был необычайно загружен работой над новыми произведениями, и, чтобы не запутаться, ему пришлось завести тематический каталог своих сочинений. Заканчивая вещь, он немедленно заносил ее, в соответствии с жанром и тональностью, в свой каталог, тут же написал несколько тактов основной темы, чтобы потом легче узнать, и ставил дату окончания работы. Ему так понравилась ясность, которую это вносило в его жизнь, что он начал записывать свой приход и расходы. Приход записывал на листке бумаги и носил при себе, часто в него заглядывая, чтобы лишний раз убедиться, что зарабатывает он теперь больше, чем когда бы то ни было, и скоро окончательно вылезет из долгов. Расходы он записывал в книгу, которую держал в потайном месте, с тем чтобы никто не мог ее прочесть, даже Станци.

В организационном пылу Вольфганг даже стал вести учет своих выступлений и составил лист всех подписчиков па свои концерты. Это докажет Папе, который предупреждал, что в Вене он может потерпеть провал – слишком уж много врагов он нажил благодаря своей прямолинейности, – что Папа оказался неправ. Он писал:

«При сем прилагаю список на сто семьдесят четыре подписчика, регулярно посещающих мои концерты. Сомневаюсь, сумеете ли Вы отыскать хоть одно имя, имеющее вес в Вене, которого нет в этом списке. Я теперь в моде, и всякий, кто не подписывается на мои концерты и не посещает по средам Траттнер Гофа, рискует прослыть непросвещенным человеком. Некоторые из подписчиков – мои старые друзья, такие, как Туп, Пальфи, Ветцлар, Голицын, ван Свитен, а других я приобрел недавно: фон Борн, Дитрихштейн, Эстергази, Гаррах, Гатцфельд, Геберштейн, Лихновский, Мекленбург, Оттинген, Паар, Пуфендорф, Рааб, Шварценберг, Зон-ненфельс, Штаргемберг, Вюртемберг и Ципцердорф.

Итак, Вы видите, те наши добрые друзья, которые говорили, будто у меня много врагов в Вене, ошибались. Я согласен, Глюк мне завидует и Сальери при иных обстоятельствах мог бы быть опасным, но никто из них не осмелится порочить меня теперь, потому что крупнейшие вельможи империи рады назвать себя моими друзьями. И за эту привилегию им еще приходится платить. Цена билетов на мои первые три концерта – шесть дукатов, однако все места были распроданы заранее. Мне предстоит, кроме того, дать два концерта в Бургтеатре с одобрения императора.

Чтобы Вы могли представить, в каком я теперь спресе, прилагаю список некоторых концертов, на которые я уже ангажирован:

- 26 февраля, четверг – у князя Голицына
- 1 марта, понедельник – у графа Эстергази
- 4 марта, четверг – у князя Голицына
- 5 марта, пятница – у Эстергази
- 8 марта, понедельник – у Эстергази I 11 марта, четверг – у Голицына 12 марта, пятница – у Эстергази 15 марта, понедельник – у Эстергази
- 17 марта, среда – первый концерт в Траттнер Гофе
- 18 марта, четверг – у Голицына
- 19 марта, пятница – у Эстергази
- 20 марта, суббота – у пианиста Рихтера, в виде особого одолжения
- 21 марта, воскресенье – первый концерт в Бургтеатре

22 марта, понедельник – у Эстергази
24 марта, среда – второй концерт в Траттнер Гофе
25 марта, четверг – у Голицына
26 марта, пятница – у Эстергази
27 марта, суббота – у пианиста Рихтера, еще одно одолжение
29 марта, понедельник – у Эстергази 31 марта, среда – третий концерт в Траттнер Гофе
1 апреля, четверг – второй концерт в Бургтеатре 3 апреля, суббота – у пианиста Рихтера, концерт на «бис».

Как Вы считаете, достаточно с меня? При таком темпе, думаю, мне будет довольно трудно утратить исполнительское мастерство».

Все билеты на эти концерты были распроданы, и Вольфганг получил много гულденов. Он радовался, а Констанцу мучило беспокойство – к концу третьего концерта муж выглядел совершенно измотанным. Она умоляла Ветцлара, с мнением которого Вольфганг считался, уговорить его сбавить темп.

И вот Ветцлар, разделявший опасения Констанцы, сказал Вольфгангу, когда они вместе направлялись в воскресенье к ван Свитену:

– Не понимаю, как вы выдерживаете, Вольфганг. Раньше полуночи никогда не ложитесь, а в шесть уже на ногах и начинаете готовиться к трудовому дню: все утро преподаете, весь вечер играете и еще как-то умудряетесь создавать одну вещь за другой. Сколько фортепьянных концертов вы написали за последние два месяца? Три?

– Четыре. Но это не такой уж фокус. Главная трудность – правильно их исполнить. Вам они понравились?

– Чрезвычайно. Эти замечательные концерты делают вам честь.

– Они действительно заставляют исполнителя порядком попотеть, но не настолько, чтобы публика могла это заметить.

– А не слишком ли вы балуете публику новыми концертами?

– Нет. Ей быстро все приедается. Для каждого публичного выступления я должен сочинять по крайней мере одну новую вещь. В противном случае, аудитория будет считать себя обманутой.

– И как вы только выдерживаете столь жесткое расписание?

Лицо у Ветцлара стало таким озабоченным, что Вольфганг счел себя обязанным дать другу некоторые разъяснения:

– Кроме того, я написал два концерта для валторны – моему зальцбургскому другу Лейтгебу, который глуп как осел, но играет божественно. И еще сонаты для фортепьяно, и приступил к одному струнному квартету – эта форма меня особенно привлекает, и к арии для Алоизии Ланге и Адамбергера – они все время пристают, чтобы я писал арии для их голосов, и исполняют их везде, где возможно. Но, может, вы и правы, Ветцлар. Может, я пишу чересчур много.

– Я вовсе не то хотел сказать. Я всегда рад слушать вашу музыку. Просто меня беспокоит ваш утомленный вид. Недалек день, когда вы получите новый заказ на оперу, а сил взяться за нее у вас не хватит.

Вольфганг рассмеялся. Уж на что, на что, а на оперу сил у него хватит!

– Есть у вас какие-нибудь мысли насчет будущей оперы?

– И немало. Но либретто, которые мне предлагают, либо те, что попадают мне под руку, слишком убоги, просто детский лепет. Помимо всего прочего, мне приходится писать вещи, за которые мне платят сразу.

– Как, например, ваш квинтет для гобоя, валторны, фагота, кларнета и фортепьяно?

– Он прошел с шумным успехом, Ветцлар.

– И вы исполняли его для друзей и не получили ни единого гюльдена.

– Право, я считаю его своим лучшим квинтетом!

– Он очарователен. Я получил от него огромное удовольствие.

– А что скажете об исполнении? Разве квинтет не был сыгран прекрасно?

– Согласен. Но когда вы кончили, вид у вас был совсем измученный.

Вольфганг промолчал. Ветцлар, в общем-то, прав. К концу квинтета, где он исполнял партию фортепьяно, он почувствовал страшную усталость, хотя аудитория принимала его восторженно. Вдруг захотелось перестать играть, просто играть: музыка вызывала в нем страстное желание творить, и, хотя это было невозможно, он хотел творить и ничем другим не заниматься. Однако Вена сочтет это за прихоть. Вельможи, для которых он давал так много концертов последнее время, говорили: никто не может исполнять музыку Моцарта так, как сам Моцарт. Вольфганг усмехнулся про себя. Он и сам прежде так думал. Ветцлар очень проницателен. Выпали дни, когда, несмотря на радостное возбуждение, испытанное накануне, несмотря на восторги и поклонение публики, он просыпался наутро страшно усталый, единственным желанием было повернуться на другой бок и снова погрузиться в сон. Но разве признаешься в этом Ветцлару или Кому-нибудь еще? Его поднимут на смех. Скажут: он еще слишком молод, чтобы поддаваться усталости. Напомнят, ему нет еще и тридцати, а для мужчины это самый расцвет сил, однако бывали минуты, когда он чувствовал себя столетним стариком. Но остановиться не мог. Музыка переполнила его. Не хватало времени записывать всю музыку, которую он и себе слышал. В голове уже звучали мелодии нового фортепьянного концерта, и Ветцлар, зная об этом, посоветовал записать поскорее, пока не забылось, но разве можно забыть! Концерт этот не оставит его в покое, пока не будет записан. Сейчас это основная забота. Нужно записать мелодии, даже если не придется ложиться всю ночь. Нет таких трудностей в области музыки, которые были бы ему не под силу.

– Ваша плодовитость, Вольфганг, приводит меня в изумление, – сказал Ветцлар, – но сомневаюсь, способны ли вы или кто-либо другой долго выдержать подобное напряжение.

– Придет время, и я смогу немного передохнуть. Вот получу заказ на оперу и все внимание отдам только ей.

– Нет, вы никогда не сможете сосредоточиться на чем-то одном. При всем желании не сможете. Это от вас не зависит.

– И все же судьба ко мне благосклонна. Другие без натуги и такта не могут написать.

Позднее в тот же вечер ван Свитен попросил Вольфганга задержаться после ухода гостей. Барон, прилагавший отчаянные усилия к тому, чтобы постичь искусство композиции – ему требовалось не меньше года тяжелейшего труда для написания симфонии, – поражался плодовитости Моцарта и завидовал ему. Однако сейчас он не стал обсуждать собственные проблемы, горячо волновавшие его – из-за чего он, собственно, и затеял разговор, – а только сказал:

– Двенадцатилетний сын одного моего друга проявляет незаурядные музыкальные способности.

– Это тот юный Бетховен, о котором вы говорили в прошлом году?

– Нет, не он, другой вундеркинд.

– И этот новый вундеркинд тоже хочет стать композитором?

– Откуда вы знаете? – удивился ван Свитен.

– Вам же писал учитель Бетховена, что каждый юноша, наделенный мало-мальским талантом, мечтает стать вторым Вольфгангом Амадеем Моцартом.

– А вы считаете, другого никогда не будет?

– Мой дорогой друг, а вы ожидаете, что появится второй Себастьян Бах или Иосиф Гайдн?

– Нет.

– Значит, если у кого-то и есть призвание стать композитором, он должен прежде всего быть самим собой.

– Однако вы изучали музыку всех композиторов.

– И до сих пор изучаю. Но стал композитором вовсе не поэтому. Вы хорошо знаете.

– А почему? Этот мальчик спросил: «Мне очень хотелось бы что-нибудь сочинить. С чего начать?»

– Посоветуйте подождать.

– Но ведь сами вы начали писать музыку гораздо раньше!

– И никого не спрашивал, с чего начинать. Если в человеке заложен композитор, он начинает писать, потому что иначе не может.

– Я должен дать отцу мальчика и ему самому более вразумительный ответ. По крайней мере порекомендуйте какую-нибудь книгу или книги. В дополнение к изучению других композиторов.

– Ну-ну, ван Свитен, – ответил Вольфганг, поняв, что все это имеет прямое отношение и к его другу, – никакие книги ничего не дадут... – Вольфганг указал на свое ухо, на голову и сердце и добавил: – Вот здесь, здесь и здесь заключена моя школа. Если с этим все в порядке, можно смело брать перо в руки и писать музыку.

Как только были отпечатаны четыре новых фортепьянных концерта, Вольфганг послал их отцу и попросил высказать свое мнение – какой из концертов ему больше нравится.

Все концерты превосходны, написал в ответ Леопольд, и все одинаково ему нравятся. Он не может отдать предпочтение ни одному. Но имеет ли смысл, спрашивал Леопольд сына, сочинять столь трудные вещи, рискуя вызвать недовольство публики. Пока их исполняет сам Вольфганг, все в порядке, но, когда за концерты возьмутся другие виртуозы, им потребуется слишком много времени и усилий на преодоление технических трудностей. Леопольд предупреждал сына: нарушать традиции опасно, как бы тонко ни преподносил он придуманные им новшества. Леопольда сейчас в гораздо большей степени волновало другое событие – в августе Наннерль собиралась обвенчаться с господином Зонненбургом, свадьба должна была состояться в городке Санкт-Гильген, где этот вдовец с пятью детьми был мировым судьей. В Санкт-Гильгене родилась Анна Мария, что, по мнению Леопольда, являлось хорошим предзнаменованием.

– Санкт-Гильген – небольшой городок в пятидесяти милях от Зальцбурга, – объяснил Вольфганг Констанце. – Надеюсь, Наннерль будет там счастлива.

Выйти замуж за вдовца с пятью детьми? Неужели сестра Вольфганга не могла найти себе лучшую партию, неодобрительно подумала Констанца. Но, зная, как Вольфганг не любит, когда осуждают членов его семьи, сказала:

– Жена должна всюду следовать за мужем.

– По всей вероятности, так. Я очень рад, что она выходит замуж. У нее были и другие претенденты, но этот первый по-настоящему задел ее сердце.

Вольфганг написал Наннерль нежное поздравительное письмо и посоветовал Папе расстаться с Колоредо и переехать к ним в Вену.

Констанце вовсе не улыбалась совместная жизнь со свекром, но она молчала, уверенная, что Леопольд отклонит предложение сына.

Ожидания ее оправдались: Леопольд отказался. Не желая ни от кого материально зависеть, он не мог идти на риск потерять жалованье.

Отказ отца разочаровал Вольфганга, но виду он не подал.

– Папа всегда был очень независим, – пояснил Вольфганг. – В его возрасте трудно менять привычки.

С долгами покончено, с гордостью сообщил Вольфганг жене, и в течение следующих месяцев приобрел много вещей, о которых прежде мог только мечтать. Констанцу беспокоил рост цен на провизию, а Вольфганг просил ее покупать самые изысканные деликатесы. Для хранения партитур он купил кусок непромокаемой материи самого лучшего качества. С наступлением лета стал каждое воскресенье нанимать карету и отправлялся с Констанцей кататься в Пратер. Он дарил ей красивые и дорогие платья, таких она еще никогда не носила. Но наиболее любезным его сердцу приобретением был скворец. Вольфганг отработывал основную мелодию своего нового фортепьянного концерта и вдруг услышал, как птица ему подсвистывает. Это привело его в восторг. Скворец оказался вполне способен повторить мелодию. Он терпеливо обучал птицу, и, когда она наконец смогла насвистывать рондо, Вольфганг оркестровал его, введя рулады скворца, и под пассажем написал: «Как

В сентябре Констанца легко родила сына, и Вольфганг был несказанно счастлив. Траттнер принял приглашение стать крестным отцом младенца, которого в его честь нарекли Карлом Томасом.

Наступившее в его жизни благополучие Вольфганг решил отпраздновать: снял более поместительную и нарядную квартиру на Гроссе Шулерштрассе, не посоветовавшись с Констанцей, чтобы она не отговорила его, испугавшись высокой платы.

Как только задаток был внесен, он предложил ей посмотреть новое жилище.

– Совсем недалеко! Два шага от собора св. Стефана. Место прекрасное, в самом центре Вены, и, я знаю, квартира тебе понравится не меньше, чем мне. – Они шли мимо собора, и он добавил: – Здесь у нас будет окружение получше.

Констанца с ним не согласилась. Гроссе Шулерштрассе оказалась уже и грязнее улицы Грабен, где они жили прежде. Не нравились ей и огромные булыжники мостовой – их улица была вымощена куда лучше. Тяжелая парадная дверь открывалась с трудом. Вестибюль маленький, темный, скудно освещенный мерцающим светильником. Крутая лестница соединяла пять этажей, а если посмотреть вверх, можно увидеть кусочек неба – он показался ей совсем крохотным, всего ярд в ширину и пять ярдов в длину. Где же солнце и свет, что так расхваливал Вольфганг? Он просто дал увлечь себя собственной фантазии!

– Обопрись на меня, если устала, – сказал он. – Здесь всего десять ступеней. – И указал на лестницу, ведущую на первый этаж. – А затем будет каменный карниз, где можно присесть и отдохнуть. Еще три ступени и потом всего лишь десять.

Констанца хорошо знала любовь Вольфганга к числам – еще в детстве он обожал пересчитывать ступени, но как ни считай, а подниматься на двадцать три ступеньки все-таки пришлось; раздраженной Констанце подъем показался бесконечным.

– Я снял второй этаж, – сказал Вольфганг, – знаю, как ты не любишь ходить по лестницам, особенно когда беременна.

Две спальни, выходящие окнами на Домгассе и Блютгассе, – что ж, это удобно, подумала она, но от чего тут приходиться в восторг?

– А где же кухня? Столовая?

– Вот они объединены вместе. – Вольфганг показал небольшую комнатку с плитой и полом из красного камня. – Почти как унтерсбергский мрамор, мой любимый. С той лишь разницей, что доставить его из Зальцбурга стоит слишком дорого.

– Это тебя и вдохновило? – насмешливо заметила Констанца.

Вольфганг озорно улыбнулся и провел жену в гостиную. Красивая гостиная Констанце понравилась.

– Теперь мы сможем устраивать настоящие приемы! – воскликнул он. – Посмотри на окна! Правда, чудесные? Очень люблю высокие, большие окна!

– Но сколько все это стоит?

Движением руки он отмел ее вопрос и распахнул двери музыкальной комнаты.

Стены здесь были облицованы итальянским мрамором, над входом подымалась великолепная мраморная арка, а потолок украшала замечательная лепка – такую Констанца видела впервые. В центре потолка было панно с изображением Венеры весьма пышных форм, вокруг богини резвились изящные нимфы и купидоны.

– Вольфганг, сколько придется платить за эту квартиру?

– Двести сорок гульденов за полгода. Она с испугом сказала:

– Четыреста восемьдесят гульденов в год! Больше, чем ты зарабатывал за целый год в Зальцбурге. Через несколько месяцев мы снова влезем в долги. Нам не следовало уезжать из Траттнер Гофа. Там мы платили всего сто пятьдесят гульденов в год.

– В этом году я уже заработал две тысячи гульденов. Тебе нравится наше новое

жилище?

Что проку жаловаться, подумала она, Вольфганга все равно не переделаешь. Возможно, он и прав. На предстоящую зиму намечалось еще больше концертов по подписке, и все места были распроданы заранее.

Она нежно прильнула к нему, и он решил, что доводы его оказались убедительными.

– Вот увидишь, Станци, мы будем здесь очень счастливы.

Вольфганг гордился своей музыкальной комнатой, она доставляла ему столько радости. Он давно уже приучился работать в любых условиях, но всегда тосковал по простору, свету и удобствам и теперь, обретя все это, испытывал огромный прилив сил.

Четыре фортепьянных концерта, написанные весной, были так восторженно приняты публикой, что Вольфганг начал писать еще два, работая над обоими одновременно. Для разнообразия он стал сочинять еще два струнных квартета и несколько сонат для фортепьяно.

Постепенно в новой квартире обнаруживались все большие преимущества. Выходя из парадных дверей и пересекая Домплац, оказываешься прямо у собора св. Стефана – это всего несколько минут ходьбы. Если же идти по Блютгассе, то, свернув через квартал направо, оказываешься возле дома тевтонских рыцарей, где его когда-то спустили с лестницы. Как давно все это было, с тех пор прошла целая вечность! И еще ему доставляло удовольствие следить, как солнце поздним утром медленно передвигается в окне, его спальни. По солнцу он определял время, возле окна спал, хотя Констанца и считала это непонятной прихотью. Как только луч солнца заглядывал в окно, Вольфганг знал: пора вставать, иначе не выполнишь задуманного на сегодняшний день. С тех пор как доходы увеличились, он сократил число учеников. Теперь он больше спал, не так изматывался и снова чувствовал себя молодым и полным сил.

Констанца спустилась вниз набрать воды из колодца – служанке был дан строгий наказ ни на минуту не оставлять ребенка одного. И когда во дворе она зашла в уборную, представлявшую собой просто яму, а затем умылась холодной колодезной водой, то почувствовала, как их новое жилище понемногу утрачивает в ее глазах часть своего очарования. Она не была избалована, но здесь, в этом доме, где такие прекрасные комнаты, все должно быть иначе. Пусть другие шутят на сей счет, а ей в подобные моменты становилось очень жаль себя.

Сегодня, как обычно в холодную погоду, Констанца вымыла лицо и руки, а потом поставила в таз ноги – вода не должна пропадать зря, – но вся мыться не стала. Трудно себе представить, но ей не удастся даже помыться как следует, пока не вернутся теплые дни, когда можно будет ходить к Дунаю, – а до этого еще много месяцев. Умывшись, Констанца слегка подушилась и немного воспрянула духом. Вернулся домой Вольфганг и поцеловал ее долгим и жарким поцелуем. Вид у Вольфганга был возбужденный.

– Ван Свитен хочет представить меня Иосифу Гайдну. Гайдн сам выразил желание со мной познакомиться. Вот это честь, Станци! – Он схватил жену за руку и закружил ее в танце по гостиной.

Входя в дом ван Свитена в воскресенье вечером, когда намечена была встреча, Вольфганг испытывал душевный трепет. Гайдн может оказаться вторым Глюком или Сальери, хотя как композитор он намного выше обоих; Гайдн может отнестись к нему враждебно, с тайной завистью, к тому же Гайдну уже пятьдесят два и он вправе смотреть на него как на не по годам развитого мальчишку. Вольфганг придумывал множество причин, по которым они могли друг другу не понравиться.

Ван Свитен представил композиторов друг другу с такой торжественностью, словно они были важными персонами, и объявил: этот вечер принадлежит исключительно им троем. Напыщенный тон барона чуть не рассмешил Вольфганга. Но у Гайдна был очень торжественный вид, и Моцарт, не желая его обидеть, тоже посерьезнел. Перед ним стоял человек немного выше его ростом, с продолговатым, изрытым оспинами лицом, большим носом и выдающимся вперед подбородком; строгие карие глаза смотрели задумчиво, одет

Гайдн был элегантно, в подобающий случаю коричневый камзол, на голове – простой пудренный парик.

У Моцарта пухлые щеки, отметил Гайдн, нос и подбородок скорее округлые, чем острые, и ростом он совсем мал; великолепный лоб и живой, одухотворенный взгляд.

Они молча стояли друг перед другом, и вдруг Моцарт нетерпеливо воскликнул:

– Господин Гайдн, я так давно хотел с вами познакомиться!

– Неужели? – Гайдн, казалось, был удивлен. – Так ведь и я тоже.

Оба весело рассмеялись, и каждый про себя подумал: искренне ли это?

– Мне хотелось поблагодарить вас за то, что вы сделали для моего брата, – добавил Гайдн.

Вольфганг небрежно отмахнулся, пустяки – это доставило ему удовольствие.

– Поступок чрезвычайно великодушный, и музыка просто чудесная. Архиепископ, должно быть, дурак набитый, раз не сумел распознать ваше сочинение.

– Дураки бывают разные, господин Гайдн. Архи-буби самый скверный тип дурака. Барон не говорил, как я мечтал с вами познакомиться? Я давний поклонник вашей музыки. – Гайдн молчал, и Вольфганг почувствовал себя неловко: не слишком ли он навязчив со своей любезностью?

А Гайдн не знал, что сказать. Он не привык доверять комплиентам, чаще всего они просто смущали его. Но в музыке Моцарта ему слышались отголоски собственной музыки, а разве это не самый большой комплимент? Да кроме того, почти все моцартовские вещи, с которыми он был знаком, Гайдну чрезвычайно нравились.

Тут ван Свитен, не промолвивший еще ни слова, глубокомысленно заметил:

– Я верю, музыка сильно выиграет от того, что вы узнали друг друга.

– Не знаю, как насчет музыки, – сказал Гайдн, – но, если господин Моцарт пожелает отобедать со мной, мы могли бы спокойно посидеть и дружески побеседовать.

– А вы бы не хотели обсудить вопросы композиции? – спросил ван Свитен.

– В наказание за грехи? – насмешливо заметил Вольфганг.

– Разве вы оба не любите музыку? – спросил барон.

– Может быть, именно поэтому нам и не следует ее обсуждать, – ответил Гайдн.

– Вы нас извините, барон? – спросил Вольфганг.

Ван Свитен чувствовал себя ограбленным – из беседы двух лучших известных ему композиторов он наверняка многое бы почерпнул, но признаться в этом было неудобно. Показать нелюбезным барону тоже не хотелось.

– Моей экономки, к сожалению, нет дома, – сказал он, – иначе устроили бы обед у меня.

Барон придумал эту причину, чтобы не тратиться – это было очевидно, и Вольфганг с Гайдном обменялись понимающими взглядами. Поблагодарив хозяина, они распрощались, не желая злоупотреблять его гостеприимством.

Они зашли в ближайшую кофейню; Гайдн за едой почти не говорил, а Вольфганг почти ничего не ел – его так заинтересовал Гайдн, что он не отрывал от композитора глаз, словно старался проникнуть сквозь физическую оболочку и постичь душу этого человека, душу совершенного музыканта. В Гайдне чувствовалась какая-то необычайная прямота и естественность, уверенный в собственной силе, в прочности своей славы, он, казалось, считал это само собой разумеющимся.

Закончив еду, Гайдн, впервые с того момента как они сюда пришли, поднял глаза на Моцарта и сказал:

– Вы почти не притронулись к еде, господин Моцарт.

– Я не голоден. Прошу вас, ешьте на здоровье, не обращайтесь на меня внимания.

Гайдн улыбнулся.

– А я никогда не теряю своего деревенского аппетита. С улицы доносились звуки серенады, и внимание обоих привлек прекрасный голос певца. Аккомпанируя себе на мандолине, он пел жалобную, трогательную песню.

– Это же песенка Педрильо из «Похищения»! – радостно воскликнул Гайдн.

– Вы знаете мою оперу?

– Разумеется! Писать так проникновенно и притом так просто – удел гения. Прекрасная музыка! Я бы много дал, чтобы написать такое.

– А ваши струнные квартеты? Лучших мне не приходилось слышать.

Теперь смутились оба, боясь показаться друг другу неискренними. И все же Вольфганг не удержался. Певец закончил песню, Вольфганг послал ему с буфетчиком десять крейцеров и сказал:

– Знаете, господин Гайдн, прослушав ваши русские квартеты, я задумал написать целый цикл квартетов. Три уже закончены, и вы окажете мне большую честь, если соблаговолите прослушать их у меня дома. Хотелось бы устроить это поскорее, хотя бы завтра.

Но назавтра Гайдну предстояло возвращаться в Айзенштадт на службу – опоздания ему не простят. Он объяснил это Вольфгангу, а тот своим ушам не поверил.

– Я постоянно затягивал отпуск, когда работал у архиепископа, – сказал Моцарт. – Князь приходил в ярость, угрожал, но по-настоящему никогда не наказывал. После стольких лет службы у князя Эстергази, поистине, одним днем раньше, одним позже...

– Нет, – вежливо, но твердо прервал его Гайдн. – Я не могу опоздать.

– И вы терпите подобное рабство?

– А что поделаешь? – Видя, как огорчился Вольфганг, Гайдн добавил: – Я сообщу вам, когда снова сумею посетить Вену.

– Вы сдержите слово?

– Сдержу. И буду счастлив послушать ваши квартеты. Вольфганг проводил Гайдна до квартиры. Они проходили мимо собора св. Стефана, и, посмотрев на купола, Гайдн сказал:

– Я пел здесь в капелле в хоре мальчиков. А когда голос стал ломаться, Рейтер, императорский капельмейстер, предложил сделать из меня кастрата, лишь таким путем я обеспечу себе музыкальную карьеру, утверждал он. Но мой отец, узнав об этом, примчался в Вену из своего дома в Нижней Австрии – хотя путешествие было длинное и стоило дорого, а он едва выбился из простых крестьян, – и запретил это делать. И вот, вместо того чтобы стать вторым Манцуоли, я сделался композитором.

– И надеюсь, моим дорогим другом! – воскликнул Моцарт.

Гайдн не знал, что ответить; он поведал Моцарту эпизод из своего прошлого, чтобы смягчить грусть расставания. Но когда пришло время проститься, Вольфганг порывисто обнял Гайдна, а Гайдн, обычно столь скупой на изъявления чувств, глубоко тронутый, дружески расцеловался с Вольфгангом.

Вольфганг чрезвычайно высоко ценил дружбу и, когда его пригласили вступить в масоны, с готовностью принял предложение. Его восхищало в масонах их преклонение перед нравственной силой разума и природы, то, что каждый член ложи держался на равной ноге со всеми остальными братьями – будь то аристократ или простолюдин, восхищала и вера масонов в бога: бог – величайший, всезнающий зодчий, создавший мир на основе разумного порядка, который человек должен стремиться сохранять на земле.

Ван Свитен, Кобенцл, Ветцлар, Пальфи и много других его друзей принадлежали к масонской ложе. Император смотрел сквозь пальцы на существование масонских лож, тем самым укрепляя их положение, и видел в масонстве противовес церкви, чье влияние стремился ослабить, хотя многие члены масонской ложи, как и Вольфганг, считали себя добрыми католиками. На Вольфганга не произвели впечатления слова ван Свитена, что к масонам принадлежали Фридрих Прусский, Гете, Вольтер, Франклин, Джефферсон, Георг III. Его привлекали только идеи братства. После своих стычек с Колоредо он не мог примириться с тем, что церковь делает такой упор на грех и покаяние. Он продолжал исполнять церковные обряды, но не мог не видеть огромной разницы между самим богом и его посланцами на земле. Вольфганг был принят в масонскую ложу Благоденствия в качестве ученика, но его с радостью принимали и в других ложах как брата-музыканта, а в скором

времени он был возведен во вторую степень и стал подмастерьем.

Гайдн сдержал слово. В следующий свой приезд в Вену он заранее предупредил Вольфганга, и тот устроил в его честь на Гроссе Шулерштрассе музыкальный вечер и прислал за другом карету.

Из уважения к знаменитому гостю Вольфганг нарядился в этот вечер с придворной роскошью, однако никого, кроме музыкантов, которым предстояло исполнять и слушать его квартеты, па вечер не пригласил. Он предложил Гайдну принять участие в концерте, но Гайдн предпочел не рассеивать внимания, а только слушать.

А потом все отошло на задний план, осталась только музыка, музыканты исполняли квартеты, остальные слушали. Констанца по желанию Вольфганга держала на коленях четырехмесячного Карла Томаса, и немного погодя младенец уснул, даже не захныкав ни разу, а Вольфганг, играя, казалось, напевал мелодию про себя.

Пока все три квартета не были исполнены, никто не произнес ни слова. Вольфганг повернулся к Гайдну и спросил:

– Что вы скажете, маэстро? – И когда Гайдн промолчал, Вольфганг забеспокоился. Он сам себе удивлялся: обычно его не слишком волновало чужое мнение. Но если Гайдну квартеты не понравились, значит, на то есть веская причина.

Эберт, первая скрипка, сказал:

– Мы еще не совсем сыгрались.

– Я заслушался музыки, – признался Поцци, вторая скрипка.

– Да что уж там, – сказал виолончелист Фаварт. – Все мы оказались не на высоте.

– Вы излишне скромны, господа, – проговорил Гайдн. – Ваше исполнение было безупречным.

– Могу я предложить вам вина, господин Гайдн? – спросила Констанца.

– Благодарю вас, госпожа Моцарт, я уже пьян музыкой.

– Вам понравилось? – Глаза Вольфганга снова оживились.

– Мало сказать, понравилось. Ваши квартеты вполне оригинальны, в них очень мало моего. – Гайдн думал: кто посмеет сказать, что музыка Моцарта лишена взволнованности, выразительности, драматизма! Построение квартетов, возможно, напоминает его, но гармонии свои, моцартовские. Ему стало грустно. В квартетах Моцарта слышалось нечто такое, что делало их лучше, совершеннее его собственных. На какое-то мгновение Гайдна кольнула зависть, но сумрачная мощь квартета ре минор захватила его, он был так тронут, что даже прослезился. Моцарт хочет учиться у меня, думал он, а ведь это мне следует учиться у него.

– Я сочту за счастье прослушать остальные ваши квартеты, когда они будут закончены, – сказал Гайдн.

– Надеюсь, я сумею сделать это через несколько недель, – ответил Вольфганг. – Отец принял предложение погостить у меня, он приезжает в следующем месяце. К тому времени я думаю их закончить. Вы еще побудете в Вене, господин Гайдн?

– Да. Хозяин мой намерен провести остаток зимы в столице, и я останусь с ним – мои услуги могут понадобиться.

От громких разговоров проснулся и заплакал Карл Томас. Констанца велела служанке унести ребенка в детскую. Гайдн медленно поднялся.

– Младенец прав, – сказал он. – Время ложиться спать. Вольфганг, если бы не надо было уходить, я просидел бы всю ночь, слушая ваши квартеты.

– Мы были бы счастливы.

– Как и я. У вас прекрасный дом, здесь так приятно слушать музыку. Среди публики есть даже Венера и купидоны. – И Гайдн указал на лепной потолок. – И очаровательная хозяйка. – Гайдн нагнулся, галантно поцеловал Констанце руку и с не свойственным ему пылом прибавил: – Вас следует поздравить, Вольфганг, с таким уютным домом и милой семьей.

Леопольд не ожидал, что его так взволнует визит к сыну. Он вышел из кареты и стоял, расстроенный и смущенный, перед дверью дома на Гроссе Шулерштрассе. Район этот он знал хорошо, но медлил, сначала нужно было собраться с мыслями.

Наннерль предупреждала Папу, что он рискует жизнью, предпринимая путешествие в Вену в феврале, в самую ненастную погоду, но он-то знал: если не поедет теперь, то потом и вовсе не соберется. С каждым годом он становился все немогнее. Наннерль ожидала ребенка, и Леопольду хотелось к тому времени вернуться в Зальцбург. Однако в настоящий момент больше всего его заботило будущее Вольфганга. Сын по-прежнему писал, что дела идут отлично, но необходимо самому в этом убедиться. Надо постараться скрыть насморк, подхваченный в дороге, ревматические боли в ногах и спине и держаться прямее, не уступая сыну. Леопольд энергично постучал железным кольцом, и через минуту в дверях появился Вольфганг и порывисто обнял отца. Багаж понесли наверх, а Вольфганг повел Папу в дом.

– Ваше счастье, что мы на втором этаже, подниматься не так уж высоко.

Наконец-то одолев показавшееся ему чрезмерным количество ступеней, Леопольд с облегчением остановился у небольшого каменного карниза, где можно было передохнуть. Он сильно запыхался, но камень охлаждал, и его пробрала дрожь. Леопольд быстро поднялся и оперся на руку Вольфганга, хоть это было неприятным напоминанием о его старческой беспомощности.

Констанца встретила свекра приветливо и тут же усадила завтракать: горячий кофе приятно согрел его. Констанца принесла Карла Томаса, и Леопольду доставило много радости смотреть на улыбающееся личико ребенка. Он вовсе не хотел никого укорять, но вдруг не удержался и сказал:

– Я надеюсь, с Карлом Томасом вы не повторите прежних ошибок.

Констанца вспыхнула, а Вольфганг поспешно сказал:

– Папа, вам нужно отдохнуть с дороги. Впереди много интересного, и мы хотим доставить вам побольше удовольствий.

Леопольда разбудил стук бильярдных шаров. К его изумлению, сын с большим знанием дела практиковался на бильярде. Какое странное занятие перед самым концертом, удивился Леопольд – Вольфгангу вечером предстояло выступать на первом из шести концертов по подписке, происходивших по пятницам, но сын ответил:

– Я купил бильярд, чтобы не утратить гибкости пальцев. В последнее время приходится писать так много музыки, что от пера пальцы сводит.

– Не верьте ему, – сказала Констанца, – Вольфганг просто любит бильярд, как и танцы. Иногда мне кажется, танцы даже больше, чем музыку. На балах он мне вздохнуть не дает.

Жалуюсь, она делалась Леопольду ближе, чем прежде, когда старалась подольститься к нему.

– Вольфганг всегда любил танцевать, с самого детства, – заметил Леопольд.

А Вольфганг, с необычайной ловкостью послав шар в лузу, вернулся к своему столу.

– Ну, хватит, я еще не кончил записывать последнюю часть, а ведь надо и дирижеру иметь партитуру.

– Ты еще не записал рондо и рассчитываешь сыграть его как следует?

– Разумеется. Весь концерт у меня в голове.

– Ты-то ладно, а вот как с оркестром и дирижером? Они же сегодня впервые увидят партитуру.

– Музыканты хорошо читают с листа. И мы не первый день работаем вместе.

– Последнюю часть, – сказала Констанца, – он еще сам не проиграл.

– Я знаю, как она будет звучать, – ответил Вольфганг чуть раздраженно. – Главное, постарайтесь слушать внимательно и не судить предвзято.

Казино Мельгрубе, где должен был состояться концерт, в этот вечер было заполнено до отказа. Это большое трехэтажное здание носило такое название потому, объяснил Вольфганг

отцу, что в его подвалах хранилась мука, а использовалось оно для любых целей, лишь бы приносило доход.

– Акустика в нем прекрасная, – заверил он обеспокоенного Папу, – я там и прежде играл, а все билеты на этот концерт на сумму сто пятьдесят гульденов распроданы. Тот же самый список знатных особ, что я присылал вам в прошлом году, правда, чуть покороче. Я перебрался сюда из Трагтнер Гофа – хотел ограничить свои вечера совсем узким кругом, и арендная плата здесь не так уж велика. На этих концертах я надеюсь заработать по меньшей мере шестьсот гульденов.

На Папу, как и ожидал Вольфганг, это произвело впечатление.

– Вам не кажется, что из меня получился неплохой делец? – спросил Вольфганг чуть заискивающе.

– Все зависит от того, сколько ты откладываешь. Твоя квартира с затейливыми потолками и огромными окнами, должно быть, стоит уйму денег.

– Всего лишь четыреста восемьдесят гульденов в год.

– Всего лишь! Я никогда в жизни не зарабатывал больше за год службы у Колоредо.

Только он собирался пожуричь Вольфганга за расточительность, как сын указал на появившихся в зале Глюка, Сальери и Бонно.

– А Гайдн? – разочарованно спросил Леопольд.

– Не придет. Сегодня его принимают учеником в масонскую ложу Согласия, и он не смог присутствовать на концерте. Вы познакомитесь с ним завтра вечером. И сами, надеюсь, до отъезда домой станете масоном.

– Все может быть. – Отношения их складывались как нельзя лучше, и Леопольд боялся ненароком обидеть сына. К тому же в Мельгрубе стояла атмосфера радостного ожидания, напоминавшая старику, сколь многого он лишился с тех пор, как прекратились его поездки с Вольфгангом.

– Я думаю, этот концерт ре минор многих удивит, – сказал Вольфганг.

Нет, не только удивит, думал Леопольд, слушая суровое, мужественное вступление – такого он прежде в концертах Вольфганга не встречал. Но вот началась тема солиста, и пальцы сына, как всегда, уверенно и легко бегали по клавиатуре, казалось, будто партию свою он исполнял уже не раз. Мощь, чувствовавшаяся в музыке, тревожила и волновала. Что за человек написал такую исполненную драматических столкновений и трагизма музыку? Нет, это не его сын. Леопольд не знал этого человека, и все же страстная мелодия покоряла. От нее некуда было деваться. В искусстве композиции Вольфганг пошел гораздо дальше, чем мог предусмотреть он, его отец.

Но как воспримет это публика? В концерте все так ново и необычно. И откуда, откуда взялись эти скорбные звуки? Неужели его сын столько выстрадал? Или он в свои тридцать лет знал уже то, что обычные люди начинают постигать только к шестидесяти? Даже медленная часть концерта ре минор звучала сурово и трагично, при всей своей красоте и певучести.

В немом восторге слушал Леопольд, как уверенно играет Вольфганг неотрепетированное рондо, и думал, что нужно бы продолжить книгу о Вольфганге, которую он начал писать, когда сын был еще ребенком. Кто мог предполагать, что талант его шагнет так далеко? Этот концерт принадлежит будущему столетию, а самому ему осталось, может быть, несколько лет жизни, что бы там ни говорили дети.

Следующий вечер был посвящен только что законченному циклу струнных квартетов. Вольфганг пригласил лучших музыкантов, каких только знала Вена: Карла Диттерса фон Диттерсдорфа, Иоганна Батиста Вангалья и Иосифа Гайдна.

Леопольд знал Диттерсдорфа и Вангалья только понаслышке. Диттерсдорф слыл прекрасным композитором и скрипачом и пользовался особым расположением императора. Вангаль был менее известен как композитор, но считался лучшим в Вене виолончелистом.

Вольфганг представлял гостей отцу, и Гайдн сказал:

– Господин Моцарт, ваша «Скрипичная школа» сыграла немаловажную роль в моей

жизни. Скрипка – мой любимый инструмент, и я считаю вашу книгу прекрасным пособием.

К его мнению присоединился Диттерсдорф, а за ним и Вангаль.

К комплиментам следует относиться с осторожностью, сначала надо разобраться в истинных причинах, побуждающих человека говорить комплименты, а потом уже решать, чего они стоят, рассуждал Леопольд, откинувшись в любимом кресле Вольфганга и разглядывая трех музыкантов. У Гайдна тот же нос, подбородок и глаза, что и у брата, но выглядит он мягче и дружелюбнее. Диттерсдорф одет, как придворный, и у него привлекательная наружность. Однако Вангаль со своим довольно-таки странным лицом – широкий лоб, втянутые щеки и слегка отвисшая челюсть – тоже пользуется в Вене большим успехом.

Диттерсдорф и Вангаль заявили, что господин Гайдн непременно должен принять участие в исполнении.

Вопреки ожиданиям Вольфганга Гайдн на сей раз не стал отказываться, а сказал, что почтет за честь исполнять квартеты Моцарта. Ему предложили играть первую скрипку. Диттерсдорф взял партию второй, Вольфганг – альты, а Вангаль – виолончели.

Если на свете существует такая вещь, как музыка в чистом виде, думал Леопольд, то вот она. Композиторы играли квартеты его сына с таким благоговением, как если бы исполняли собственные сочинения. А когда концерт кончился, Вольфганг, полный благодарности, тепло обнял друзей.

Констанца подала гостям кофе с печеньем и вино, и Диттерсдорф, желая как-то нарушить затянувшееся молчание и всех расшевелить, вдруг сказал:

– Император недавно спросил меня, что я думаю о сравнительных достоинствах Клемента и Моцарта.

Гайдн и Вольфганг продолжали жевать, а Вангаль оторвался от своего бокала и спросил:

– Надеюсь, вы не покривили душой, Диттерсдорф?

– Разумеется, разумеется! Я сказал, что игра Клемента отличается только мастерством, в то время как игра Моцарта – и мастерством и вкусом!

– Благодарю вас, – заметил Вольфганг.

– Но Иосиф придерживается того мнения, что вы слишком расточительны в своих музыкальных замыслах.

– Император? А разве он что-нибудь смыслит в музыке?

Леопольд поморщился. Не удивительно, что Диттерсдорф пользуется у императора большей благосклонностью, чем Вольфганг. Диттерсдорф всячески старается польстить тщеславию Иосифа, в то время как Вольфганг совершенно с ним не считается. Но прежде чем он успел вставить слово, Гайдн перестал наконец есть и объявил:

– Я мечтал бы иметь хоть часть моцартовских замыслов.

– О, я сказал Иосифу, что Моцарт – один из величайших природных гениев, я не знаю композитора, обладающего таким богатым воображением, такой изумительной фантазией. Но иногда и мне кажется, что он расточает их с излишней щедростью.

– То есть зря? – насмешливо спросил Вольфганг.

– В сущности, да, – сказал Диттерсдорф. – У слушателя нет времени перевести дыхание – не успевает он схватить одну чудесную тему, как другая, еще более прекрасная, затмевает первую, и так продолжается до тех пор, пока становится уже совершенно невозможно запомнить хоть одну из этих прекрасных мелодий.

– Я их помню, – пробормотал Вангаль, – и сожалею, что они не мои.

– Да, конечно, – ответил Диттерсдорф, – то же самое я сказал императору. Но император заявил: в операх нашего друга так громко играет оркестр, что совсем подавляет голоса певцов.

– Чепуха! – сердито вмешался Гайдн. – Моцарт – прекраснейший музыкальный талант, какой я только знаю. Эти квартеты чудесны!

– Искусству писать квартеты я научился у вас, – серьезно заметил Вольфганг.

– И тем не менее, я готов повторить: мне вы мало чем обязаны. – Гайдн повернулся к Леопольду, который с трудом сдерживался, чтобы не ввязаться в спор, и объявил: – Господин Моцарт, как перед богом и как честный человек, говорю вам, сын ваш – величайший композитор из всех, с кем я знаком лично или знаю только по имени. Он обладает вкусом и несравненным чувством прекрасного, а сверх того – глубочайшими познаниями в композиции!

Вольфганг склонил голову, словно принимая благословение свыше, а Леопольд едва сдерживал слезы – значит, все-таки его труды не пропали даром!

Когда все поднялись уходить, Гайдн сказал Леопольду на прощание:

– Господин Моцарт, кто знает, появился бы на свете такой композитор, как Вольфганг, не будь у него такого отца, как Леопольд.

74

Спустя сутки после этого одного из счастливейших моментов в жизни Леопольда в Бургтеатре в присутствии императора он слушал еще один новый фортепьянный концерт Вольфганга в его собственном исполнении. И диву давался, насколько этот концерт отличался от предыдущего. Вольфганг написал его в фа мажоре, и концерт был столь же лиричен и певуч, сколь ре минорный – драматичен и сумрачен. Музыка была так прекрасна, что Леопольд заплакал. Но тут же взял себя в руки. Уж больно он стал чувствителен с тех пор, как приехал в Вену: слезы то и дело навертывались на глаза, а ведь он так всегда гордился своей выдержкой и скептицизмом. Из головы не выходили слова Гайдна. Как это благородно с его стороны! Страшно даже подумать, что, останься он в Зальцбурге, ему бы никогда не услышать этих слов.

Музыка вернула его к действительности. Вольфганг захочет знать его мнение, и нельзя пропустить ни единой ноты. Ему отвели место в удобной ложе, откуда было хорошо слышно. Со вступительных пассажей музыка удивительно певуча. Концерт написан превосходно. Это уже больше похоже на те вещи Вольфганга, к которым Леопольд привык. Сын следовал его наставлениям писать музыку, которая должна нравиться, которая льется гладко, как масло. Какие чудесные созвучия! Построение безупречно. Ни единого звука, ни одного пассажа, которые хотелось бы изменить, да и темп везде выдержан безупречно. Но нельзя впадать в сентиментальность, нельзя хвалить Вольфганга, а то он почиет на лаврах, а ему еще столько предстоит создать. Леопольд поймал себя на том, что раскачивается в такт музыке.

Гром аплодисментов потряс степы Бургтеатра; император снял шляпу, помахал ею и крикнул:

– Bravo, Моцарт! – Теперь восторженным овациям, казалось, не будет конца.

После отъезда императора Вольфганг стоял возле театра, окруженный толпой поздравляющих, но его заботило только одно: мнение Папы.

– Что тут думать? Ты же видел, какое доставил удовольствие публике. – Леопольд перевел разговор на другую тему: – Сколько концертов ты написал за последний год?

Вольфганг сосчитал: – Один ми-бемоль мажор, один си-бемоль мажор, ре мажор, соль мажор, потом снова си-бемоль мажор и фа мажор, что вы слышали сегодня. И один ре минор, который я играл в день вашего приезда.

– Семь? За один год? – Леопольд ушам своим не верил.

– Я же говорил вам, Вена – страна клавира. И, приехав сюда, я написал еще три концерта. Таким образом, у меня уже есть десять фортепьянных концертов. Но, Папа, вы еще не, сказали, которому из них отдаете предпочтение?

– Что я могу ответить? Разве можно тут что-то предпочитать?

– Вам они не нравятся?

– Императору нравятся, – уклончиво проговорил Леопольд, стараясь скрыть обуревавшие его чувства. – Этого достаточно. И тебе не следует здесь долго стоять. – На

улице шел сильный снег и завывал ветер. Вольфганг играл с увлечением и сильно вспотел, камзол его стал влажным, а он сгоряча забыл накинуть пальто. – В такую стужу ничего не стоит схватить тяжелую простуду. Где твоё пальто?

– По приказу императора ни один слуга не смеет входить в Бургтеатр с парадного хода. Человек, которому я оставил пальто, вынужден был ждать меня снаружи. Наверное, ему надоело и он ушел домой.

– С твоим пальто? – Папу до глубины души возмутила такая беспечность.

Вольфганг передернул плечами – мысли его были заняты куда более важными вопросами.

– Вот, возьмите мое, – сказал подошедший к ним Ветцлар. Но Вольфганг отказался от такой жертвы, и тогда Ветцлар предложил подвезти его в своей карете, не дожидаясь моцартовской, которая, очевидно, задержалась из-за снегопада. По дороге Ветцлар сказал Леопольду:

– Надеюсь, вам удастся уговорить сына сделать передышку и подумать немного о здоровье. Вольфганг скрывает, но он болел ревматизмом, часто страдает от простуд и от колик в желудке.

Погода все ухудшалась, такого снежного бурана Леопольд и припомнить не мог.

– Вольфганг давно уже не слушается меня, – печально сказал он.

– Неправда, Папа. Но сейчас я вовсе не замерз и чувствую себя прекрасно. Вам поправился концерт? На мой взгляд, император отнесся очень благосклонно.

– Мне кажется, он в восторге от твоей игры.

– В том-то и беда. Он видит во мне прежде всего пианиста. А если ему и нравится моя музыка, то лишь инструментальная. Несмотря на успех «Похищения» в Германии и других странах, Иосиф не считает меня оперным композитором.

Спустя несколько дней госпожа Вебер пригласила Вольфганга, Констанцу и Леопольда к себе, на обед. Леопольд узнал об этом случайно, подслушав разговор сына с невесткой – они спорили, стоит ли принять приглашение. Разговор происходил в кухне; они думали, что Леопольд у себя в спальне, а он, продрогнув под одеялом, направился в кухню за дровами.

– По-моему, – говорила Констанца, – нам не стоит принимать матушкино приглашение. Твой отец всегда недолюбливал мою семью, и отношение его вряд ли изменилось.

– Пусть сам и решает, – ответил Вольфганг, – в конце концов, твоя мать ведь не съест его.

– Но она любительница плести интриги.

– Как порой и мой отец. – Вольфганг заранее предвкушал удовольствие от этой встречи.

Леопольда так и подмывало вмешаться – ведь если он и интриговал когда, то только на благо сына, и разве слова Гайдна не лучшее тому доказательство? Однако он вовремя сдержался и сделал вид, будто ничего не слышал. И когда Вольфганг сказал ему о приглашении, Леопольд проговорил:

– Мне что-то не хочется. Могу ли я пользоваться ее гостеприимством после всех неприятностей, которые она тебе доставила?

Вольфганг рассмеялся:

– Но все ведь обернулось к лучшему, за что же мне ее ненавидеть?

Леопольд промолчал. Несмотря на всю внимательность к нему Констанцы, его одолевали сомнения, достаточно ли она благоразумна и бережлива, как требуется быть жене Вольфганга, и отношения с невесткой оставались у Леопольда вежливыми, но сдержанными.

– Папа, уж если я не таю обиды, вам и подавно не стоит.

– Госпожа Вебер знает, никто не осуждал ее так, как я.

– И будет польщена, если вы примете приглашение.

– Ты правда так думаешь?

– Это покажет, что вы одобряете наш брак.

Может быть, сын испытывает его? Леопольд замялся, но, встретив умоляющий взгляд

Вольфганга, уступил.

– Делай как хочешь, Вольфганг. Я не против. Констанца оделась по-модному и настояла непременно нанять экипаж, хотя до Петерплац легко было дойти пешком.

Немало времени ушло у Леопольда на сборы, но тянуть до бесконечности было неудобно. Подымаясь по лестнице в квартиру Веберов, он сильно нервничал. Только бы накопившееся за долгие годы раздражение не вылилось наружу и не испортило его мирных отношений с сыном. Он шел, стиснутый с обеих сторон Вольфгангом и Констанцей с Карлом Томасом на руках. Ему очень любопытно было посмотреть, какие они – госпожа Вебер и Алоизия Ланге.

Квартира носила следы спешной уборки. Софи Вебер первая встретила гостей. Миловидная, подумал Леопольд, но красивой не назовешь.

И тут Вольфганг представил его хозяйке; она всплыла, как знатная дама, с гордо поднятой головой, украшенной огромной, словно башня, прической. По рассказам сына, в былые времена госпожа Вебер была поразительно хороша собой, но теперь талия ее отяжелела и расплылась, а толстый слой косметики придавал морщинистому лицу кирпичный оттенок.

– Как мило, что вы пришли, господин Леопольд, – сказала она.

– Сожалею, если доставил вам этим беспокойство, – сухо отозвался он.

– Да что вы! Мы счастливы видеть вас. Вы наш почетный гость.

– Неужели? – Леопольд насмешливо поднял брови.

– Вам нравится Вена?

– Постольку, поскольку ей нравится мой сын, – нелюбезно ответил Леопольд.

Наступило неловкое молчание, а затем, словно не в силах сдержать поток слов, госпожа Вебер изрекла:

– Сын делает вам честь, он любимец высшего венского общества, да и самого императора.

Но Леопольда все подмывало наговорить хозяйке дерзостей, пусть не сует нос не в свое дело, и он резко отпарировал:

– Вы не всегда придерживались такого мнения.

– Напротив, всегда. Просто не хотела, чтобы наши дети натворили чего-нибудь, о чем потом бы пожалели. Положение создалось щекотливое.

– И вы постарались сделать его еще более щекотливым.

– Ну что вы говорите, господин Леопольд!

Он бы ей еще и не такого наговорил, да Вольфганг вовремя вмешался.

– Цецилия, Карл Томас пошел в Моцартов, но следующий, обещаю, будет похож на вас.

Отвлечшись, госпожа Вебер гордо произнесла:

– Веберы всегда славились привлекательной наружностью. И ребенок непременно будет красивый.

– А где Алоизия? – спросила Констанца.

– Твоя милая сестра придет после обеда, – с елейным видом ответила мать. – Она не хотела утруждать меня лишними хлопотами.

Констанца не поверила. Просто Алоизия верна себе – любит эффектные появления.

Обед неожиданно оказался роскошным. Софи подала на стол фазана, зажаренного госпожой Вебер, с гарниром из капусты и картофеля, глазированные фрукты, печенье и кофе. Все было щедро и вкусно приправлено, и Леопольд вынужден был признать, что госпожа Вебер прекрасная кулинарка.

Чета Ланге прибыла к тому времени, когда гости уже пили кофе, и Алоизия вошла в комнату с еще более величественным видом, чем мать. Позади плелся муж. Леопольд подивился – ну чем так пленился сын? Может, когда-то Алоизия и блистала красотой, но теперь, хотя ей не было еще тридцати, от красоты не осталось и следа. Выражение лица жесткое, ее еще можно назвать интересной женщиной, но обаяния она лишена. Наружность

явно служила ей средством для достижения определенных целей: ее профиль, довольно эффектный, даже красивый, порой казался хищным, в эти минуты она делалась похожей на ястреба, готового кинуться на любую добычу.

Иозеф Ланге Леопольду поправился. У актера были, тонкие черты лица, великолепная фигура и звучный голос. И он не снисходил до светской болтовни.

Женщины принялись обсуждать новое платье Алоизии, и Констанца встречала в штыки любое замечание сестры, а Вольфганг сидел задумчивый и совершенно равнодушный к Алоизии, и тут Иозеф Ланге заметил:

– Господин Леопольд, квартеты вашего сына поразительны. Он пользуется традиционными формами, это говорит о том, что он получил великолепную подготовку, но гармонии его не имеют себе равных.

Похвала Ланге в одинаковой степени относилась и к отцу и к сыну. Во время разговора актер сделал набросок головы Леопольда, сумев удивительно передать сходство.

А Вольфганг все сидел, погруженный в свои думы, и словно не слышал слов Ланге, пока Алоизия наконец не изъявила желание спеть какую-нибудь из его арий. Тут он оживился и, усевшись за фортепьяно, весь отдался музыке.

Все смолкли. Леопольд решил судить строго. Только теперь он наконец-то уразумел, чем Алоизия в свое время пленила сына. Голос у Алоизии оказался необычайно приятного тембра, и пользовалась она им с большим вкусом и тактом. Но порой пение ее делалось слишком уж старательным и бездушным, отметил Леопольд.

Алоизия посмотрела на аккомпанировавшего ей Вольфганга, но встретила его бесстрастный взгляд, казалось, перед ним был не живой человек, а какой-то вокальный инструмент.

Какие бы чувства Вольфганг не питал к этой женщине в прошлом, решил Леопольд, теперь от них не осталось и следа. Он похлопал певице и сказал:

– Госпожа Ланге, я понял причину вашего успеха. Голос у вас великолепный, и владеете вы им прекрасно.

– Мне льстит ваше мнение, господин Леопольд, – ответила она с низким поклоном. – Я много наслышалась о вас с самого детства.

– С самого детства? – Пусть не воображает, что его так легко поймать на комплимент.

– Да, – ответила она с неожиданной искренностью. – Отец мой был музыкантом до корней волос, он обучал меня в надежде, что семья Веберов станет такой же музыкальной, как семья Моцартов. Его восхищал ваш метод обучения Вольфганга.

Леопольд в растерянности проговорил:

– Дети растут, думая, будто мир им что-то должен. А он им ничего не должен. Они получают лишь то, что сами дают.

– То же самое говорил и мой отец. Ему так хотелось прославить имя Веберов. Но среди певцов не бывает вундеркиндов.

– Вы очень любили своего отца? – задумчиво спросил Леопольд.

– Очень. Так же, как Вольфганг любит вас. Будь отец жив...

Госпожа Вебер вмешалась в разговор:

– Все, что я делала, господин Леопольд, я делала ради своих детей. Воспитать четырех дочерей одной в этом жестоком мире не так-то просто. Думаю, и вам порой приходилось совершать поступки, о которых потом не охотно вспоминали.

На какое-то мгновение Леопольд даже проникся симпатией к Цецилии Вебер, но тут же вспомнил, как она пыталась скомпрометировать сына, и понял: никогда не сможет ей этого простить, как бы ни старался. Он промолчал. Цецилия заговорила о музыке. Молчание, казалось, действовало ей на нервы, и она болтала, сама не зная о чем.

Видя, как нахмурился Папа, Вольфганг вдруг поднялся. Обед прошел лучше, чем он ожидал, Папа по крайней мере убедился: Веберы такие же люди, как все, а Цецилия способна заговорить до смерти кого угодно.

– Нам пора, – бесцеремонно перебил ее Вольфганг. – Вечером концерт, и всем надо

отдохнуть.

– Господин Леопольд, мы надеемся вас снова повидать, – сказала госпожа Вебер. Алоизия поблагодарила Леопольда за внимание, с каким он слушал ее пение, но больше всех его пленила Софи: за весь вечер Софи не промолвила ни слова, зато ухаживала за гостями с приветливостью, какой не отличался больше никто в этом семействе.

Следующие недели летели в лихорадочном темпе, и Леопольд мечтал лишь об одном, чтобы все это поскорее кончилось. Постоянное возбуждение, кипучая деятельность утомляли его. Казалось, Вольфганг задался целью сокрушить отца своими успехами. Леопольд писал Наннерль:

«Твой брат выступает так много, что удивительно, как еще на ногах держится. Однако он утверждает, что ему это по душе и, как бы он ни был занят, уверяет, будто всегда готов выступать, и сочинить лишний концерт ему ничего не стоит.

С тех пор как я сюда приехал, фортепьяно Вольфганга много раз перевозили в театр, в казино Мельгрубе и к бесконечным знатым любителям музыки.

Он стал очень популярен, в этом нет никакого сомнения, но надолго ли? На него огромный спрос как на пианиста, поменьше – как на композитора, и повсюду он желанный гость.

Мне кажется, не будь у него долгов, он мог бы теперь положить в банк две тысячи гульденов. Таковую сумму он, несомненно, заработал: за один только концерт в Мельгрубе получил 559 гульденов, а домашние расходы, во всяком случае расходы на питание, довольно скромные.

Но ты знаешь, как легкомыслен бывает твой брат с деньгами, и я боюсь, что по крайней мере тысяча гульденов по небрежности разлетится у него по ветру. Но я молчу, пока со мной не советуются, потому что он не разрешает мне ни за что платить, и, коль скоро я не спрашиваю, сколько он на меня тратит, как же я могу проверять его? Но беспечное отношение к деньгам меня беспокоит, и, если в такое благоприятное время, как сейчас, он ничего не откладывает, я вовсе не уверен, долго ли продлится это благоденствие. Твой брат понимает мою тревогу и утешает, что, когда умрет Глюк, он получит место при дворе, и еще говорит, будто ведет точный учет прихода и расхода, но мне своих записей не показывает, и я сомневаюсь, покажет ли.

Я лично думаю, до тех пор пока он пользуется популярностью, трудностей у него не возникнет, но стоит только вкусам измениться, и он окажется в опасном положении. Но все это между нами. С божьей помощью, может, брат твой и останется навсегда любимцем Вены. Хотелось бы верить, что публика будет верна своему вкусу. Его новые концерты превосходны».

Вольфганг просил Папу пожить в Вене, сколько ему захочется, а еще лучше – остаться навсегда.

– Это очень благородно с твоей стороны, но я привык ни от кого не зависеть, – сказал Леопольд.

– Никто вас здесь стеснять не будет. Вы можете вести дом...

– У тебя огромная концертная программа, – перебил его Леопольд, – тебе приходится жить на широкую ногу. Я только помешаю.

– Вы могли бы давать мне советы, как прежде.

– И ты к ним будешь прислушиваться? Сомневаюсь. Да и по отношению к твоей жене несправедливо. Она подумает, что уже не хозяйка в своем доме, хоть, может, ничего и не скажет. И мне надо быть возле Наннерль, когда придет время ее ребенку появиться на свет.

А вот вступить в масонскую ложу Леопольд согласился, понимая, какое значение придает этому Вольфганг.

Вольфганг остался доволен – в ложе к его отцу проявили особое внимание: Леопольд был принят в степень ученика, а через несколько недель по просьбе Вольфганга состоялась церемония возведения его во вторую степень – подмастерья.

И хотя Леопольд не питал к масонству столь сильных чувств, как Вольфганг, ему, однако, было приятно, что сын стал обращаться с ним, как с ровней.

А затем пришло извещение от зальцбургского казначея – если Леопольд, получивший от Колоредо отпуск на шесть недель и самовольно продливший его до четырнадцати, не вернется немедленно, жалованья ему по распоряжению его светлости платить больше не будут.

Леопольд решил уезжать, и как можно скорее.

День отъезда прошел в хлопотах, и, когда Леопольд уселся наконец в экипаж, Констанца вздохнула с облегчением. Порой ей начинало казаться, что свекор от них вовсе не уедет. Для нее это было трудное время, но, слава богу, хоть обошлось без ссор – Леопольд не позволял себе никаких замечаний и даже проникся симпатией к Софи, которая к ним несколько раз заглядывала.

Все утро у Вольфганга ушло на сборы Папы. Присутствие Папы в доме создавало напряженную атмосферу и даже грозило испортить его отношения с Констанцей при самых благих намерениях обоих – в глубине души Вольфганг это хорошо понимал, – но ему не хотелось, чтобы Папа уезжал, он так нуждался в нем, так его любил. И почему всегда что-то должно стоять между ними? Со временем Папа с Констанцей поймут друг друга. Какое это будет счастье!

– Не уезжай, побудь с нами еще немного, – сказал Вольфганг.

– Мне самому не хочется, но я должен, – печально проговорил Леопольд. – Из нашей совместной жизни ничего хорошего не получится. Все равно я буду вам помехой, как бы мы ни притворялись друг перед другом.

Стук подъехавшей кареты прервал их разговор. Все слова уже сказаны, расставание затягивать не следует – так лучше для всех.

И когда Вольфганг вел отца вниз по лестнице, Леопольд, при всем желании сохранять хладнокровие, невольно сжал руку сына. Он думал о своих годах, о том, что жить уже осталось немного, и к сердцу подступал страх – а вдруг он больше никогда не увидит сына?

Такое же предчувствие охватило и Вольфганга; спускаясь по лестнице, Папа дрожал как в лихорадке. Рука Папы была холодна как лед, как сама смерть.

Констанца осталась наверху – пусть Вольфганг последние минуты побудет с отцом наедине, но он крикнул ей снизу:

– Станци, разве ты не попрощаешься с Папой?

В тоне Вольфганга была настойчивость, не допускающая возражений, и она поспешила вниз. Констанца стояла в растерянности, не зная, что бы такое сказать на прощание.

Леопольд взял Констанцу за руку – но как трудно проявлять чувства, которых не испытываешь, и он спросил, лишь бы что-то спросить:

– Чуть не забыл, почему вы забросили уроки пения? Голос у вас такой приятный.

– Времени нет. Карл Томас и Вольфганг требуют столько к себе внимания.

– У вас же есть служанка.

– Хлопот хватает всем. За Вольфгангом нужен глаз да глаз – он такой неаккуратный, и последнее время мы принимаем много гостей. День занят с утра до вечера.

Нет, наверное, истинная причина не в том, подумал Леопольд, музыкальности Констанца не лишена, а вот настоящего дарования, да и тяги к музыке у нее не хватает.

Вольфганг и не заметил, как очутился в карете рядом с Папой.

– Мы проводим вас до Пуркерсдорфа, – заявил он, – садись, Констанца!

Местечко Пуркерсдорф находилось в нескольких милях от Вены, и Леопольду, да и Констанце это показалось неразумным. Но Папа должен знать, как тяжело у сына на душе, как страшна для него минута расставания. Карета наконец скрылась из виду, и Вольфгангом овладела тоска. Теперь он хорошо понимал, какие чувства испытывал Папа, когда провожал его с Мамой в Париж.

Леопольд не обернулся. Никогда не следует оглядываться назад, сказал он себе, даже если впереди у тебя не так уж много осталось. Заглушая скрип колес, в ушах у него

раздавались вступительные пассажи фортепьянного концерта ре минор, они звучали властно и взволнованно. Это была не та музыка, которой он учил своего Вольфганга, но чувства, выраженные в ней, находили отклик и в его душе. Он вдруг припомнил слова Гайдна. Да, это его сын.

75

Как ни опечалил Вольфганга отъезд Папы, но он решил отозваться на него сочинением веселой музыки. Фортепьянный концерт до мажор, законченный вскоре, весь так и искрился радостью, концерт получился чуть ли не самым жизнеутверждающим его творением. Закончил он его как раз вовремя: граф Орсини-Розенберг устраивал в Бургтеатре большой праздничный концерт в честь императора – покровителя музыки. В программу директор включил сочинения Глюка, Сальери, Диттерсдорфа, Моцарта, Гайдна и Вангаля и пригласил всех композиторов на концерт.

Композиторы занимали отдельную ложу – здесь находились все, кроме принимавших участие в исполнении. Вольфганг ждал за кулисами вместе с Диттерсдорфом и Ванга-лем, а Гайдн с Глюком и Сальери сидели в ложе; Вольфганг с удовлетворением отметил, что в Бургтеатре собралось немало его почитателей, но были и поклонники талантов других композиторов. И как бы ни нравилась слушателям его музыка, кого ждет наибольший успех, предсказать нелегко.

Иосиф II восседал в королевской ложе в окружении своих придворных и с усмешкой наблюдал возбуждение, царившее в зале. Публика ведет себя так, словно присутствует при событии государственной важности, тогда как в действительности, размышлял император, это самый обыкновенный парад себялюбцев.

Его самого заботили проблемы куда более насущные. Сплетни о сумасбродах сестры, восседавшей на французском троне, ходили по всей Европе и до него дошел слух, что во Франции Мария Антуанетта любовью подданных отнюдь не пользуется. Однако его, человека, известного просвещенными взглядами не меньше, чем сестра была известна своим эгоцентризмом, его, который за пять лет, прошедших после смерти матери, провел в жизнь у себя в империи больше реформ, чем провела Мария Терезия за все свое царствование, тоже терпеть не могли и оказывали всяческое сопротивление, словно какому-нибудь завоевателю. Теперь Мария Терезия слывет «великой императрицей», и народ скорбит по «добрым старым временам», хотя за время своего царствования она сумела потерять значительную часть империи. На каждого дворянина, который разделял его уважение к масонству, приходилось три ненавидящих масонство и боявшихся его.

После того как он отменил крепостное право, снял ограничения для евреев и обложил налогом дворян и духовенство, его обвинили в том, что он предал свой класс. Он попытался сделать образование доступным для всех, а ему стали внушать, что это противоречит природе человека. Вся трудность заключается в том, с кислой улыбкой думал Иосиф, что его подданные хотели бы иметь крепостных, которым можно было бы при желании плевать в лицо, безнаказанно преследовать евреев, всячески избегать уплаты налогов и тратить деньги на украшение церквей, хотя кругом царит нищета. Его народ не желает улучшить свою жизнь; он жаждет только одного – зрелищ и развлечений.

Иосиф дал знак музыкантам начинать и, казалось, весь обратился в слух. Этого от него ждали. Он слыл меломаном – единственная область, в которой он, по мнению подданных, превосходил свою матушку. Иосиф задумался: что бы такое предпринять в отношении Марии Антуанетты?

После того как Алоизия Ланге и Валентин Адамбергер пропели арии из опер Глюка и Сальери – им отдавалось предпочтение как приближенным императора, – Вольфганг исполнил свой новый фортепьянный концерт до мажор.

Играя безупречно чисто и со всем изяществом, на какое он только был способен, Вольфганг чувствовал: этот концерт не уступает по выразительности его прежним. Вторая

часть по-настоящему всколыхнула его душу – он не мог припомнить, когда собственная музыка воздействовала бы на него с такой силой. Если Дню Страшного суда суждено на пусть именно эту его вещь послушает господь.

Во время исполнения второй части публика начала ерзать на стульях, а когда дело дошло до финала, люди стали ходить из ложи в ложу. Вольфганг видел, что император аплодировал ему, но как-то небрежно, словно мысли монарха витали в этот момент где-то далеко; до Вольфганга донеслись свистки и шиканье, да и аплодисменты оказались весьма сдержанные.

В программе второго отделения значился фортепьянный концерт ре мажор Гайдна, партию фортепьяно в нем композитор попросил исполнить Вольфганга. Моцарт был глубоко польщен просьбой друга и играл с не меньшим увлечением, чем свой собственный концерт. Музыка показалась ему очаровательной, пронизанной тонким лиризмом; мелодичный и мужественный концерт Гайдна произвел на Вольфганга большое впечатление, и он сильно огорчился, что аплодисменты были скорее вежливыми, чем восторженными.

Императору особенно понравился последний номер программы.

Итальянская скрипачка Регина Стриназакки, завоевавшая громкую славу, попросила Вольфганга написать для нее сонату, которую ей хотелось исполнить перед императором, и Вольфганг согласился. Однако, желая предельно отшлифовать свою партию в концерте Гайдна, он все откладывал сочинение сонаты. Взвзвись за сонату лишь в последний момент, он работал день и ночь и все-таки закончил вовремя; партию скрипки он записал, чтобы скрипачка могла разучить ее, но на свою партию времени уже не хватило. Встретившись впервые в Бургтеатре, Моцарт и Стриназакки сыграли сонату без единой репетиции. Играли слаженно и гладко, как Вольфганг и предполагал. Музыка наполняла его ликованием. Он нашел новую форму для выражения своих идей. То обстоятельство, что ни единой ноты из его партии записано не было, нисколько не волновало Моцарта. Он знал их все наизусть.

В свою очередь синьора Стриназакки виртуозно вела свою партию. Звуки, лившиеся из-под ее смычка, были столь чисты и убедительны, исполнение ее отличалось такой нежностью и взволнованностью, что зал отозвался внезапным взрывом аплодисментов. И тут Иосиф, взглянув на сцену, с изумлением обнаружил, что Моцарт играет без нот. После концерта он пригласил композитора к себе и попросил показать партитуру; император глазам своим не поверил, увидев чистый лист бумаги.

– Как же вы играли? – спросил Иосиф.

– По памяти.

– Но когда вы успели сыграть?

– Мы не сыгрывались. Я написал сонату вчера и сегодня утром послал партию скрипки синьоре, чтобы она разучила ее и могла вечером исполнить.

– Такую длинную вещь!

– В сонате семнадцать страниц.

Император не скрывал своего изумления, и Вольфганг добавил: – Вашему величеству, наверное, приятно узнать, что ни единой ноты не было пропущено.

В императорской ложе собрались все композиторы – принять поздравления Иосифа; первым, соответственно своему положению, стоял Глюк, прилагавший отчаянные усилия к тому, чтобы держать свое дряблое тело прямо; надтреснутым, хриплым голосом Глюк произнес:

– С вашей стороны было очень милостиво, ваше величество, почтить своим присутствием концерт. Прошлую зиму я так болел, что не чаял еще хоть раз лицезреть ваше величество в стенах театра.

Вслед за Глюком подошел Сальери, он поклонился императору и сказал по-итальянски – язык, который Иосиф предпочитал всем другим:

– Я почитаю за счастье, ваше величество, что вы позволили включить мои сочинения в одну программу с сочинениями синьора Глюка.

Следующим перед императором очутился Диттередорф, затем Вангаль, а Вольфганг, не

желая допустить, чтобы Гайдн – лучший из присутствующих на концерте композиторов – оказался последним, отступил в сторону, давая ему дорогу, и сам занял последнее место.

Хотя у императора не было намерения ставить что-то Гайдну в вину, он все же не удержался и спросил:

– Господин Гайдн, почему во время исполнения вы сидели лицом к Моцарту и оркестру?

Обычай гласил: никому не дано права поворачиваться спиной к императору, но Гайдн, слушая свой концерт, перегнулся через край ложи, позабыв обо всем на свете.

– Сидя так, ваше величество, я лучше воспринимал музыку, она ведь исполнялась впервые с тех пор, как я ее написал, – ответил Гайдн.

– Мне показалось, в концерте господина Гайдна есть что-то общее с его квартетами, – заметил Сальери.

– Вы так считаете! – Вольфганг принял воинственный вид. – Вам не нравятся его квартеты?

– Я этого не сказал. Но они суховаты, не очень мелодичны.

– Поверьте, – вскричал Моцарт, – если бы нас обоих слили воедино, нам все равно было бы далеко до Гайдна!

– И все-таки я бы так концерт не написал.

– И я тоже. И знаете почему? Потому что ни у вас, ни у меня не хватит на это таланта.

Сальери покраснел от злости, а Гайдн, видимо, был очень доволен, хоть и смутился слегка.

– У нашего коллеги господина Моцарта, оказывается, доброе сердце по отношению к своим братьям-музыкантам. Я и не знал, что он так великодушен, – заметил Диттерсдорф.

– Я великодушен только по отношению к тем, кто этого заслуживает.

Какое-то мгновение казалось, вот-вот вспыхнет ссора, но тут Гайдн, обращаясь к императору, проговорил:

– Не сердитесь, ваше величество, из нас плохие дипломаты, но все мы близко принимаем к сердцу все, что касается музыки.

Иосиф кивнул и дал указание Орсини-Розенбергу пригласить Глюка, Сальери и Диттерсдорфа на прием, который устраивался в Гофбурге.

Вольфганг старался убедить себя, что ему все равно – попал он в число приглашенных или нет.

В обществе масонов он нашел ту атмосферу дружбы, к которой так стремился, и в последующие месяцы с головой ушел в деятельность масонской ложи. Обществу масонов он посвятил кантату «Davidde penitente», которую составил из своей до-минорной мессы, добавив к ней две новые арии, и, кроме того, написал «Траурную симфонию», посвятив ее памяти двух погибших братьев масонов – графа Франца Эстергази и герцога Георга Августа фон Мекленбург-Штрелитца.

За это время в их семье произошло лишь одно событие – у Наннерль родился сын, которого в честь деда назвали Леопольдом.

Вольфганг отшлифовывал шесть своих квартетов и писал к ним посвящение на итальянском, потому что первые уроки музыки и чтения Гайдну дал его хозяин Никола Порпора – один из знаменитейших итальянских учителей пения, и композитор свободно читал на этом языке. Закончив работу, Вольфганг пригласил Гайдна на Гроссе Шулерштрассе и преподнес ему свои квартеты. Они были одни – Констанца укладывала Карла Томаса спать, служанка находилась в кухне, – и Гайдн с удивлением и все растущим восхищением прочел следующее:

«Моему дорогому другу Гайдну, Отец, решившийся выпустить своих детей в большой мир, естественно, хочет верить их попечению знаменитейшего Человека, в особенности, если последний, по счастью, является его лучшим другом. Вот они перед Вами, самый знаменитейший Человек и мой друг, шесть моих детищ! Разумеется, это плод длительного и кропотливого труда, но кое-кто из друзей подбадривает меня и уверяет, что детища мои не

останутся незамеченными; это вселяет в меня надежду, что когда-нибудь отпрыски действительно доставят мне утешение. Вы сами, дорогой друг, одобрили их во время своего прошлого посещения этого города. Ваше мнение больше всего поощряет меня верить моих детей в Ваши руки и заставляет надеяться, что они хоть в какой-то степени окажутся достойны Вашего доброго внимания. Будьте же столь любезны, милостиво примите их и станьте для них Отцом, Наставником и Другом! С этого момента я вручаю Вам все права на них, но прошу отнестись к ним снисходительно и простить те недостатки, которые проглядел в них их пристрастный родитель, и, несмотря на все их недочеты, продолжать благородную и великодушную дружбу с их отцом, который так высоко ее ценит. Всем сердцем, любезный и дорогой друг, остаюсь Вашим самым искренним другом. В. А. Моцарт».

Закончив чтение, Гайдн продолжал сидеть, поглощенный своими мыслями, и Вольфганг даже испугался, уж не обидел ли он друга ненароком.

– Надеюсь, вы ничего не имеете против, папа Иосиф, – сказал он. – Я очень много трудился над этими квартетами. Больше чем над другими вещами. Месяцами их перерабатывал. Никогда ни над одним сочинением я столько не потел. И писал их не в угоду кому-либо. Они шли от самого сердца, папа Иосиф!

– Как это безрассудно с вашей стороны! – вскричал Гайдн.

– Что?

– Допустить мысль, что я могу их не принять! – Гайдн нагнулся и поцеловал Вольфганга в обе щеки, а затем, смущенный столь пылким проявлением дружбы, со слезами на глазах пробормотал:

– Я этого не заслужил, Вольфганг. Не заслужил, но всегда буду ценить.

Он держал посвящение с такой нежностью, словно это было письмо от любимой женщины.

Часть десятая. ОПЕРЫ. «СВАДЬБА ФИГАРО» «ДОНЖУАН»

76

– Итальянскую оперу, ваше сиятельство? Разве таково желание его величества?

Прежде чем ответить, Орсини-Розенберг внимательно оглядел маленького человечка, стоявшего перед ним в его кабинете в Бургтеатре, словно желая определить, на что способен этот композитор. Затем решительно сказал:

– Да, Моцарт, именно затем я и пригласил вас. Император желает весь следующий сезон посвятить итальянской опере. Синьор Сальери и синьор Мартин-и-Солер пишут новые оперы, которые должны быть готовы к открытию сезона, и, ввиду того, что у нас в труппе появился теперь великолепный бас-буффа Бенуччи, опера с главной ролью для его голоса пришлась бы кстати.

– У Бенуччи прекрасный голос. Писать для него арии большая честь.

– Но опера должна быть комической, оперой-буффа. Его величество желает повеселить своих любимых подданных. Он считает, что мир, каков он есть, слишком серьезен.

Это на самом деле означает, подумал Вольфганг, что у Иосифа на уме какая-то новая реформа, и во избежание недовольства он хочет зрелищами отвлечь внимание своих подданных от действительности. Но вслух он сказал:

– Я согласен, ваше сиятельство.

– Вы, конечно, знаете итальянский?

– Разумеется. Я путешествовал по Италии трижды. К тому времени, как мне исполнилось семнадцать, там уже прошли три мои оперы. Братья императора – эрцгерцоги Леопольд и Фердинанд – соизволили Милостиво аплодировать моим произведениям.

– Как же, я помню. Наша первая встреча с вами произошла во Флоренции, когда вы еще были чудо-ребенком. Тогда о вас много говорили.

Больше, чем теперь, подумал Вольфганг, но поклонился и сказал:

– Благодарю вас, ваше сиятельство.

– Мне понравился ваш последний концерт. Жизнерадостный и удивительно мелодичный. Хотелось бы, чтобы опера, которую вы нам представите, была бы в том же духе.

В последующие недели Вольфганг не раз думал над этим советом, пока перечитывал множество либретто, так и не найдя среди них ни одного, которое пришлось бы ему по душе. Ван Свитен подтвердил: император не прочь получить от него новую оперу-буффа, тут, по крайней мере Орсини-Розенберг сказал правду, поскольку попытки императорских любимцев – Сальери и Солера – в этом жанре успехом не увенчались. Однако, предупредил барон, следует поспешить, а то еще император передумает.

У Гольдони Вольфганг нашел несколько пьес, которые ему понравились, но показались непригодными для оперы. Он перечитал комедии Мольера, подаренные ему в свое время Фридолином Вебером – Вольфганг с тех пор всегда возил их с собой.

Комедии Мольера показались ему все такими же очаровательными, но, за исключением «Дон-Жуана», ни одна не годилась для оперы, а он боялся, что Иосиф, не в меру щепетильный в вопросах нравственности, сочтет ее безнравственной и чересчур мрачной для оперы-буффа.

Он поделился своими сомнениями с Ветцларом. Желание писать оперу полностью завладело им, оно отодвигало на задний план все остальное, хотя в эту осень 1785 года он собирался снова дать несколько концертов по подписке, и Ветцлар в ответ вручил ему французское издание комедии Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро».

– Но наш друг Шиканедер говорил мне, что император запретил постановку этой комедии! – воскликнул Вольфганг.

Ветцлар проницательно улыбнулся и сказал:

– Наверное, поэтому все ее и читают? Ознакомьтесь! Кто знает? Если она вам понравится, можно что-нибудь и придумать. Даже если мне самому придется субсидировать постановку.

– Частная постановка в Вене? Император никогда не даст на это разрешения.

– Лондон или Милан, наверное, будут более сговорчивы. Глаза Вольфганга загорелись. Он, как сокровище, хранил воспоминания о триумфах, которыми сопровождался его поездка по Англии и Италии. Но тут возникали трудности иного рода.

– Даже если мне понравится комедия, ее все равно придется менять для того, чтобы положить па музыку.

– Вам нужен хороший либреттист.

– С Вареско работать я не могу, да и со Стефани не хотелось бы. Во всяком случае, над большой оперой.

– Вольфганг, у меня есть для вас отличный либреттист. Лоренцо да Понте.

– Да Понте? – с сомнением повторил Вольфганг. – Итальянец. Я о нем слышал. Он написал либретто оперы «И Ricco d'un Giorno» («Богач на час») для Сальери. Она провалилась. Не, удивительно, что да Понте решил обратиться ко мне.

– Он решил обратиться к вам потому, что ваша музыка приводит его в восторг.

– И еще потому, что Сальери после провала оперы заявил, что лучше отрежет себе пальцы, чем положит на музыку еще хотя бы строчку стихов да Понте.

– Тем более вы должны работать вместе. У вас теперь общий враг.

– Насколько я слышал, герой комедии открыто порицает знать – такую вещь гораздо проще написать, чем поставить на сцене.

– Сначала прочтите комедию. Прошу вас! И тогда решайте.

– Почему вы так в ней заинтересованы?

– Вы считаете, что раз я дворянин, мне не приходится раболепствовать? Было бы превосходно, если бы цензура, не разобравшись, в чем дело, разрешила, постановку. Как случилось во Франции.

После того как Вольфганг прочел комедию, заснуть он уже не мог. В комедии Бомарше едко высмеивались существующие, порядки. Теперь ему стало ясно, почему Иосиф не разрешил ее постановку, несмотря на спую репутацию просвещенного монарха. Однако пьеса была остроумна, полна комизма и ядовитой сатиры, и не приходилось удивляться, что о ней говорит вся Вена. Фигаро, умевший, когда надо, обвести вокруг пальца надменного аристократа графа Альмавиву, тронул сердце Вольфганга. В руках графа была неограниченная власть, но Фигаро удавалось перехитрить его благодаря своему природному уму и смекалке. Их столкновения напоминали Вольфгангу его собственные стычки с Колоредо, с Арко, с тем же Иосифом и Марией Терезией. И потом, пьеса эта прекрасно ложилась на музыку.

Он сидел в своей музыкальной комнате в темноте, чтобы никого не потревожить, и сочинял арию Фигаро для голоса Бенуччи. Его совершенно покорила язвительный монолог Фигаро о горькой солдатской доле; слова «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный» вибрировали у него в ушах, рождая бодрую, бравурную мелодию, одновременно и веселую и грустную. Он вскочил на ноги. Это пойдет!

Позади с теплым халатом в руках стояла Констанца.

– Вольфганг, надень, ты простудишься, – сказала она.

– Мне не холодно, Станци. Мелодия уже найдена! Констанца, давно привыкшая к его ночным бдениям, зажгла свечу.

– Не нужно. Она у меня вся в голове.

Констанца зевнула. Завтра он почувствует себя совсем разбитым, но ни за что в этом не признается, потому что в полдень ему предстоит исполнять концерт на музыкальном собрании у ван Свитена.

На следующий день на вопрос ван Свитена, что он думает о квартете, который только что сочинил его друг, Вольфганг ответил:

– Интересный, – и добавил: – Барон, вы ведь придворный цензор. Могли бы вы снять запрет с «Фигаро»?

– Невозможно! Его величество высказался по поводу этой комедии весьма твердо. Почему бы вам не написать оперу на классический сюжет? Подобно тому как делает Глюк? Это безопасно.

Нет, он хотел писать только «Фигаро». Вольфганг размышлял, что бы предпринять, когда в разговор вступил Ветцлар.

– Вольфганг, я хочу представить вам поэта, который питает глубокую любовь к вашей музыке, – Лоренцо да Понте.

Когда Ветцлар впервые рекомендовал ему да Понте в возможные либреттисты для его оперы, Вольфганг заинтересовался личностью этого человека и узнал, что поэт родился в еврейской семье в Венеции; в четырнадцать лет, когда отец Лоренцо принял католичество, мальчика крестили. Избрав один из немногих путей, открытых для юноши умного, но бедного, да Понте поступил в духовную семинарию и стал священником и профессором риторики. В промежутках между многочисленными любовными похождениями он написал цикл стихотворений на тему: «Не обрел ли бы человек большее счастье, оставаясь в первобытном состоянии, чем живя в цивилизованном обществе?» – где поэт едко высмеивал привилегированные классы, их нравы и обычаи. Это вызвало целую сенсацию. Венецианские правители устроили над да Понте суд, запретили публикацию его стихов и лишили да Понте духовного сана, а их противники возносили поэту хвалу, именуя его истинным искателем приключений и поэтом. Вольфганг ожидал увидеть мужчину хитрого и увертливого. А перед ним стоял вполне светский человек – высокий, сухощавый, немногим старше его самого и красивый – с крупным орлиным носом, темными волосами, волевым подбородком и щегольски одетый.

Венецианец, казалось, искренне обрадовался знакомству с Моцартом, для него это большая честь, сказал он, но, когда они подошли к обсуждению будущей оперы, да Понте напустил на себя таинственный вид: дом придворного цензора не место для подобного

разговора, заявил он, и предложил пойти в ближайшую кофейню. Восторги Моцарта по поводу «Фигаро» удивили поэта,

– Ну, разумеется, я знаком с этой пьесой, – сказал он. – Нет такой пьесы, которой бы я не знал. Но вы, конечно, слышали мнение о ней императора?

Вольфгангу показалось, что они не вполне понимают друг друга. Либреттист, по-видимому, решил для себя вопрос о совместной их работе, но пока что ни словом на сей счет не обмолвился.

– Маэстро, вам действительно настолько нравится комедия? – спросил да Понте.

– Да, нравится. Насколько? Это зависит от многого. Да Понте промолчал.

– Если даже мы получим разрешение императора, какая гарантия, что либретто окажется удовлетворительным и будет соответствовать моей музыке?

– А какая гарантия, что вы не станете возражать против любого варианта либретто?

Мы держимся, словно дипломаты, прошупывающие друг друга, мелькнуло у Вольфганга.

– Почему вы изъявили желание со мной работать, синьор поэт? – спросил он.

– Вы лучший композитор Вены.

– И единственный доступный, после того как Сальери отказался от дальнейшей работы с вами?

– Я по-прежнему занимаю место поэта при императорском дворе и в настоящее время пишу либретто для Мартин-и-Солера; опера скоро увидит сцену.

Вольфганг сделал равнодушное лицо. Папа учил: никогда не следует проявлять чрезмерный интерес, иначе обязательно окажешься в дураках. Но он заинтересовался, потому что Мартин-и-Солер, хоть и не гений, был, однако, композитором опытным и вовсе не лишенным вкуса.

– Но, конечно, если вам больше по душе Стефани... Вольфганг поморщился. Нет, он не желает снова с ним связываться.

– Если я возьмусь за либретто, то сумею добиться постановки оперы. Даже «Фигаро».

– Каким образом? – Несмотря на недоверие к да Понте, Вольфганг не мог скрыть любопытства.

Поэт поднялся, перенес трость за спину и оперся на нее, приняв театральную позу.

– Это будет комедия интриги, достойная самого Фигаро, – объявил он.

– А как быть с Орсини-Розенбергом? Ведь он сам дал мне заказ на оперу.

– Все зависит только от Иосифа, что бы там ни утверждал директор. Уговорить Иосифа дать разрешение на постановку пьесы, которую он сам запретил, – настоящий подвиг. Я напишу несколько сцен, опустив всякий намек на политику. Создам любовную комедию со всякими хитросплетениями и смешными положениями. Не могли бы вы сочинить несколько арий на случай, если Иосиф захочет составить представление о будущей опере, я почти уверен, что тогда он даст разрешение. Вот был бы триумф, как вы считаете, дорогой Моцарт?

Да Понте говорил так красноречиво, так пылко, что Вольфганг в конце концов кивнул в знак согласия; он был скорее заинтригован, чем убежден, его все еще одолевали сомнения.

Спустя несколько недель да Понте вручил Вольфгангу первый акт. Это оказался почти перевод комедии с французского на итальянский, но все резкие политические выпады были опущены. Да Понте сумел лаконично и остроумно изложить сюжет, что и требовалось для оперы-буффа. Венецианец хорошо знает свое дело, подумал Вольфганг; возможно, он не прирожденный поэт, но способный ремесленник. Первые арии «Фигаро» складывались у него быстро; сочиняя их, Вольфганг все время думал о Бенуччи, а характер главного героя находил живой отклик в его душе. Что касается женских партий и арий графа, то они давались труднее.

Тем временем да Понте обратился к императору с просьбой об аудиенции.

Иосиф охотно согласился принять поэта. Императора одолевали всевозможные проблемы государственной важности, и разговор с да Понте представлялся ему отдыхом.

Иосиф не очень-то доверял новому придворному поэту, но с венецианцем никогда не было скучно, как со многими другими. Иосифа забавляла смелость его суждений. Он до сих пор помнил свою первую встречу с венецианцем.

Да Понте явился к нему с рекомендацией Сальери и попросил назначить его на должность придворного поэта.

– А сколько пьес вы написали, синьор да Понте? – спросил Иосиф, на что поэт не задумываясь ответил:

– Ни одной, ваше величество, ни одной!

– Великолепно! – рассмеялся император. – Наконец-то мы увидели музу-девственницу!

Да Понте поклонился в знак того, что *bon mot*²¹ оценено, и Иосиф, довольный собственной находчивостью, назначил да Понте придворным поэтом. Правда, либретто его отнюдь не блистали таким же остроумием, как речь, но у венецианца всегда находились тому объяснения, и обычно весьма забавные. Тем не менее Иосифа немало удивило, что да Понте мечтает превратить комедию Бомарше в оперу. Император очень гордился своей просвещенностью, но допустить, чтобы члены королевской семьи высмеивались и порицались, не мог.

– Синьор поэт, у меня были основательные причины запретить комедию, – сурово произнес император.

– Самые основательные, ваше величество. В пьесе много пошлого и грубого. Но я опускаю все, что направлено против пристойности и нравственности, все, что отдает плохим вкусом.

– Разве не в этом соль пьесы?

– Разрешите не согласиться, ваше величество, соль пьесы в ее любовной интриге. Той самой интриге, искусством которой вы владеете в совершенстве. А музыка очаровательна. Ее написал Моцарт.

– У него есть прямо-таки восхитительные фортепьянные концерты, но он ведь сочинил всего лишь одну оперу, «Похищение из сераля», да и та особой ценности не представляет.

– Если бы не благосклонное отношение вашего величества, я тоже ничего бы здесь не написал.

Иосиф колебался. Признательность да Понте льстила ему.

– Ваше величество, почему бы вам не прочесть либретто и не послушать музыку? Вы обладаете столь великолепным вкусом, что ваш приговор я сочту окончательным. Если опера вам не понравится, я не стану даже добиваться постановки «Фигаро» где-либо в другом месте, хотя меня об этом и просили.

– В другом месте? – Иосиф сдвинул брови.

– Об этом поступили просьбы из Лондона и Милана. Но мне самому хотелось бы увидеть постановку оперы в Вене. Ваше величество, если вы не пожелаете субсидировать ее, я уничтожу все, что уже готово.

– Хорошо, я прочту, что вы там написали.

Назавтра вечером Вольфгангу приказали явиться в Гофбург, захватив с собой партитуру новой оперы. Времени было так мало, что пришлось буквально умолять Алоизию и Адамбергера поехать вместе с ним и пропеть законченные арии, хотя их голоса не очень подходили к музыке, во всяком случае, не так, как ему хотелось бы.

Иосиф II, гордившийся своими познаниями в музыке – он хорошо умел читать с листа, – сказал, что сначала просмотрит партитуру, как просмотрел до этого текст либретто. То, что он прочел, ему понравилось: все неприятные политические выпады были опущены, опера в таком виде могла доставить публике удовольствие. И арии в исполнении Адамбергера и Ланге прозвучали вполне мелодично, хоть и показались ему излишне немецкими. Император сказал Моцарту и да Понте, с нетерпением ждущим его приговора:

– В феврале я жду в гости генерал-губернатора Австрийских Нидерландов. В честь его

в Шёнбрунне состоятся большие празднества. У меня есть одноактный зингшпиль, к которому требуется написать музыку. Если вы сможете написать, Моцарт, ваши труды будут вознаграждены.

– А что это за либретто, ваше величество? – спросил Вольфганг.

– «Директор театра». Написано Стефани. Вольфгангу очень хотелось отказаться – хватит с него произведений Стефани, но как тогда ходатайствовать за «Фигаро», если он откажется удовлетворить просьбу императора? И, взяв себя в руки, Вольфганг спросил:

– Кто будет петь в зингшпиле, ваше величество?

– Господин Адамбергер и госпожа Ланге прекрасно подойдут. Синьор Сальери тоже сочиняет оперу к этому случаю, и, если вас не заинтересует мое предложение, я думаю, он возьмется и за этот зингшпиль.

Да Понте подтолкнул Вольфганга, и тот, преклонив колена, покорно сказал:

– Я буду счастлив служить вашему величеству.

– А как же с «Фигаро», ваше величество? – спросил да Понте.

– «Директора театра» поставят в феврале. Если спектакль пройдет успешно, вы можете договориться с графом Орсини-Розенбергом, директором национального и придворного театров, относительно точной даты постановки «Свадьбы Фигаро».

– Прошу прощения, ваше величество, «Le Nozze di Figaro». Мы сделаем ее итальянской оперой-буффа, и она превзойдет все, написанное до сих пор в этом жанре.

– Синьор поэт, там, где дело касается музыки, мы не должны давать волю чувствам.

77

Либретто «Директора театра» оказалось незамысловатым по сюжету – рассказ о том, как соперничали две примадонны, желающие завоевать благосклонность директора театра; для зингшпиля требовалось сочинить только четыре арии а увертюру. Стефани представил Вольфгангу, по существу, голую схему одноактного зингшпиля, а композитору предстояло вдохнуть в нее жизнь. Либретто Стефани оказалось бесцветным, в нем не было мест, которые просились бы на музыку. Поэтому Вольфганг сосредоточился на ариях – блестящих и лирических – и написал выразительную мелодичную увертюру, а самого его все сильнее и неотступней тянуло к «Фигаро». Но приходилось ждать, пока не будет поставлен зингшпиль. Неразумно продолжать работу над оперой-буффа, пока нет уверенности, что ее разрешат к постановке.

Вольфганг вернулся к работе над другими произведениями. Концертов по подписке в этом, 1786 году, он давал не так много, как в прошлом, хотя несколько и было намечено на великий пост, и несмотря на то, что за прошлый год он заработал на концертах по подписке около трех тысяч гульденов, от них уже ничего не осталось. Ни Вольфганг, ни Констанца не знали, куда ушли деньги, и снова возникла необходимость зарабатывать на жизнь. Вольфганг больше не записывал приход и расход: это отвлекало от работы, тревожило, а ему приходилось беречь силы для более важных дел – для сочинения музыки, выступлений, преподавания, – хотя уроки он по-прежнему терпеть не мог. Свои новые сочинения он все так же аккуратно вносил в тематически» каталог. За последние два месяца прибавились следующие:

Песня для фортепьяно – из «Фиалки» Гете

Соната для фортепьяно и скрипки ми-бемоль мажор

Рондо для фортепьяно ре мажор

Сцена и рондо для сопрано – для Алоизии Ланге

Дуэт и ария для частного исполнения «Идомея» Концерт для фортепьяно ми-бемоль мажор Концерт для фортепьяно ля мажор «Директор театра» – зингшпиль.

«Директор театра» удостоился похвалы императора и его высокопоставленных гостей, и Торварт вручил Вольфгангу пятьдесят дукатов. Сальери, по слухам, получил за свою оперу сто дукатов, и Вольфгангу обещали за «Свадьбу Фигаро» тоже заплатить сотню дукатов,

если опера не даст императору повода для раздражения. Постановка оперы намечена на 1 мая, сказал Орсини-Розенберг.

До 1 мая оставалось меньше трех месяцев, а предстояло еще столько сделать, тем не менее Вольфганг склонил голову в знак согласия и ответил:

– Благодарю вас, ваше сиятельство, за поддержку. – Вольфганга удивило, что, прощаясь с ним, директор нахмурился.

Вольфганг сказал об этом да Понте, и тот с проницательной усмешкой заметил:

– Сальери подозревает, что «Фигаро» может иметь громкий успех, и поделился этим с Орсини-Розенбергом. Их гложет зависть. А кроме того, вы же ничего не дали директору, не так ли, Вольфганг?

– Нет. А что, нужно было дать?

– У композиторов и либреттистов, пользующихся монаршей милостью, вошло в обычай в знак признательности делать подарок директору. Десять дукатов, если получили пятьдесят... Или двадцать, если получили сто. Или хотя бы посвятить ему свое произведение.

– По что директор сделал? Для нас?

– Дело в том, что он мог сделать. Против нас.

– Что же вы посоветуете?

Да Понте, как и Папа, хорошо разбирался в подобных делах.

– До тех пор пока к нам благоволит император, Орсини-Розенберг бессилён навредить. И потом, даже если мы будем расстилаться перед ним или давать ему подачки, он все равно предпочтет Сальери. Но не беспокойтесь, император ко мне милостив, и я позабочусь обо всем. Шиканедер разговаривал со мной об одном мальчике-вундеркинде, сыне Гуммеля. Хочет, чтобы вы его послушали.

– Да, но у меня нет ни минуты времени, – взмолился Вольфганг.

– Вы послушаете его игру?

– А что мне остается? Шиканедер и папаша Гуммель – друзья.

Но с восьмилетним Гансом Гуммелем к Вольфгангу явился не Шиканедер, а отец мальчика – музыкальный директор Шиканедера. Шиканедер просил передать Моцарту, что сам он очень занят. Вольфганг напряженно работал над «Фигаро» – наконец-то появилась возможность сочинять музыку, о какой он мечтал уже много лет; тем не менее он любезно поздоровался с гостями, провел их в гостиную и сказал:

– Мой дорогой Гуммель, очень рад вас видеть. Садитесь, пожалуйста, садись и ты, мой юный друг!

Гости испытывали некоторую растерянность.

– Что вас ко мне привело? – спросил Вольфганг с легкой насмешкой в голосе.

– Господин Моцарт, послушайте, пожалуйста, моего сына. Быть может, вы не откажетесь давать ему уроки.

– Но вам, должно быть, известно, что я не люблю давать уроки. Это отнимает у меня слишком много времени и мешает писать музыку.

Однако, взглянув на огорченное лицо мальчика, он прибавил:

– Ну хорошо, покажи, на что ты способен.

Мальчик уселся за фортепьяно и заиграл вещь «английского» Баха; Вольфганг слушал с бесстрастным выражением, но чем дальше играл мальчик, тем внимательнее становился Моцарт, глаза его загорелись от волнения и удовольствия и стали удивительно красивыми. Он подтолкнул отца в бок, выражая свое одобрение, и удовлетворенно кивнул. Когда мальчик закончил Баха, Вольфганг поставил перед ним одно из своих сочинений – вещь гораздо более трудную, чтобы посмотреть, насколько хорошо Ганс читает с листа. И когда тот заиграл еще более гладко, словно обретя уверенность, Вольфганг вдруг наклонился и шепнул отцу:

– Пусть ваш сын останется у меня. Из него может кое-что получиться.

– Не понимаю вас, маэстро.

Вольфганг подошел к мальчику, ласково потрепал его по голове и сказал:

– Ты играл превосходно. Играй так всегда, и ты многого достигнешь.

Взяв мальчика за руку, он ласково усадил его на диван, а затем повернулся к отцу:

– Значит, решено, я берусь обучать Ганса, но ему придется у меня жить, я не хочу спускаться с него глаз. Уроки, квартира, еда – все будет бесплатно. Вам не придется ни о чем заботиться. Согласны?

Гуммель-старший пылко обнял Вольфганга и стал горячо благодарить. Какой прекрасный человек! Теперь-то Гуммель не сомневался – его Ганс непременно станет вторым Вольфгангом Амадеем Моцартом!

Ганс Гуммель переехал в дом к Моцартам и был принят как родной сын. Правда, Констанца протестовала, у них и без того много трудностей и забот, чтобы браться за воспитание чужого ребенка, но Вольфганг стоял на своем.

– Из него выйдет гениальный музыкант.

– Ты и так не знаешь, куда деваться от учеников.

– Из Ганса может кое-что получиться, не в пример прочим.

Констанца поняла, что спорить бесполезно, и постаралась примириться с новым положением. Ганс оказался милым ребенком, во всем беспрекословно слушался Вольфганга; он даже научился подражать его манере исполнения и проявлял блестящие музыкальные способности. И хотя Констанца не могла подавить недовольство, она отлично видела: Ганс сделался для Вольфганга не только одаренным учеником, глядя на него, Вольфганг снова переживал детство и горячую привязанность к отцу.

Как-то вечером, спустя несколько недель после того, как Ганс поселился у них, вернувшись домой от друзей, они кашли мальчика в гостиной – он сладко спал, растянувшись на сдвинутых вместе стульях. Была уже полночь, но Вольфганг и не думал отправлять Ганса в спальню. Новая, написанная им соната для фортепьяно только что пришла от переписчика, и ему не терпелось ее послушать.

– Станци, разбуди Ганса, только осторожно, не испугай, а потом дай ему рюмку вина – пусть взбодрится.

Однако игра Ганса огорчила Вольфганга – мальчик, обычно так уверенно читавший с листа, на этот раз с трудом разбирал ноты и никак не мог сосредоточиться. Но он не стал бранить ученика – на дворе была ночь, Ганс устал и хотел спать. И тут Вольфганг вдруг обнаружил причину растерянности мальчика. Сукно бильярдного стола оказалось порванным, по всей видимости кием. На мгновение Вольфганг пришел в ярость. Испортить его любимый бильярдный стол! И ведь он запретил Гансу подходить к бильярду без разрешения.

Ганс расплакался. Вольфганг, не выносивший слез, приласкал его.

– Разве он знал, что так получится? Папе, видимо, но легче со своим внуком, правда, Станци?

Констанца молчала. Леопольд, забрав к себе сынишку Наннерль, казалось, всю любовь и заботы перенес на внука в ущерб сыну. Интересно, задевает ли это Вольфганга, думала она. Он и словом не попрекнул отца, но они теперь гораздо реже писали друг другу.

Леопольда очень огорчало, что Вольфганг почти прекратил с ним переписку. С тоской в сердце стоял он у окна в Танцмейстерзале. Вот уже которую неделю из Вены никаких вестей. Присутствие в доме восьмимесячного внука доставляло Леопольду огромную радость, но ребенок еще слишком мал, рано его учить, как он учил маленького Вольфганга. Почтовая карета не показывалась, запаздывала из-за плохой погоды – в зимнее время такое случалось нередко. Оставалось одно: написать Наннерль. С дочерью, живущей в Санкт-Гильгене, он часто переписывался.

«Маленький Леопольд любит слушать, как я играю. Он тут же перестает плакать, и я лелею надежду, что у него окажется моцартовский слух. Дал бы только господь побольше сил, чтобы успеть воспитать его: порой я чувствую себя таким старым, неужели мне всего шестьдесят шесть? Уже несколько недель от твоего брата не приходило ни строчки, и здесь,

по существу, нет ни одного умного человека, с кем можно было бы отвести душу. Прости, если я надоедаю тебе своим брюзжанием, но большинство сведений о твоём брате приходит ко мне из чужих рук.

Император согласился на постановку «Свадьбы Фигаро», и в последнем письме брат твой объяснял, что все свободное время отдаёт опере, потому и не пишет. Я нахожу сюжет «Фигаро» скучноватым, слишком уж много там всякой интриги и суетни, для оперы эту вещь придется значительно перерабатывать. И все-таки я уверен, что музыка понравится. Надеюсь, она окупит силы и нервы, затраченные Вольфгангом на споры и ссоры, без которых, конечно, не обойтись. Говорят, правда, что этот да Понте, пишущий либретто, – человек далеко не глупый. Ему придется пустить в ход все свои способности, чтобы угодить Иосифу».

На следующий день от Вольфганга пришла посылка с нотами и короткое письмо – он чрезвычайно загружен, сочиняет, распределяет роли и переделывает арии, так что времени сестра за письмо просто не остается. Он посылает Леопольду два новых фортепьянных концерта, сонату для фортепьяно и скрипки и две арии из новой оперы.

Леопольд, изнывавший от скуки и жалости к себе, вдруг нашел занятие. Арии «Фигаро» оказались столь блестящи, что Леопольду и самому захотелось их спеть, а ария графини, дышавшая нежностью и сладостным томлением любви, заставила его даже прослезиться. Но потом практические соображения взяли верх, и он написал Вольфгангу, что арии хоть и прекрасны, но очень трудны: для их исполнения потребуются великолепные голоса и много времени на репетиции.

Вольфганг отозвался на Папино письмо тотчас же и сообщил, что впервые в жизни располагает певцами, достойными исполнять его арии.

Вольфганг знал всех певцов и остался доволен распределением ролей. Роль Фигаро, как он и рассчитывал, была поручена Бенуччи. Луиза Лаччи, в концерте которой он принимал участие и от голоса которой был в восторге, пела партию графини. Партию Керубино исполняла Доротея Бусани – ее сопрано Вольфгангу тоже нравилось, а муж Доротеи, Франческо Бусани – прекрасный актер и певец, – исполнял роли Бартоло и Антонио. Партия графа Альмавивы досталась Стефано Мандини – он мог произвести должное впечатление, но в отношении этого певца у Вольфганга были некоторые сомнения: дело в том, что Мандини был другом Сальери. Небольшую, но важную роль Марцелины исполняла жена Мандини – Мария. Михаэль О'Келли, тоже прекрасный актер и певец, пел дону Базилио и дону Курцио. Сусанну пела его любимая певица Энн Сторейс.

Энн Сторейс и Михаэль О'Келли составляли половину, по выражению Вольфганга, «английской колонии». Вторую половину этой – колонии представляли двадцатидвухлетний брат Энн Стефан Сторейс и Томас Эттвуд, двадцати одного года, – молодые, многообещающие английские композиторы, изучавшие у Вольфганга искусство композиции.

Когда репетиции мало-помалу наладились, Вольфганг стал заниматься с главными исполнителями, готовить с ними роли, одновременно работая над партитурой оперы. Могучий бас Бенуччи звучал убедительно и страстно и в то же время свободно и легко; единственным слабым местом Бенуччи были верхние ноты, которые он иногда не дотягивал, да еще, пожалуй, склонность позировать. Но Бенуччи был в восторге от своей партии и беспрекословно слушался Моцарта во всем.

Графиня – Лаччи тоже вполне удовлетворяла всем требованиям Вольфганга, но вот граф – Мандини причинял ему много тревог. Мандини, несомненно, был тонким актером, обладал сильным голосом и мог бы справиться с ролью, но он жаловался на отсутствие выигрышных арий и уверял, что не может петь с чувством, если герой его лишен всяких чувств.

Керубино – Доротея Бусани и Бартоло – в исполнении ее мужа пели прекрасно; кроме того, Вольфганга очень трогала игра О'Келли. Комический талант, которым обладал этот тенор ирландско-английского происхождения, доставлял Вольфгангу истинное наслаждение, и они близко сошлись с Михаэлем.

Но больше всех волновала Вольфганга Энн Сторейс. Отец Энн, итальянский музыкант, живущий в Лондоне, сам учил музыку ее и Стефана, а мать-англичанка много занималась общим образованием Энн. В двадцать один год Энн была грациозной темноволосой красавицей, наделенной на редкость музыкальным сопрано. Были в ее исполнении изящество и задушевность, достичь которых не удалось даже Алоизии Ланге, и играла она с задором, но не теряя чувства меры. Энн с таким благоговением изучала музыку Моцарта, что он был растроган. Она горела желанием учиться у маэстро.

Однажды, репетируя с ним еще не вполне законченную арию, с которой она обращается к Керубино, Энн остановилась на полуслове. Они репетировали в Бургтеатре, в полном одиночестве, и Вольфганг ожидал – вот сейчас Энн начнет жаловаться, что хоть она и героиня, но это ее первая сольная партия на протяжении целых двух актов, да и то не слишком выигрышная. Но Энн сказала:

– Керубино должен как-то отзываться на мои слова. Иначе получается неубедительно. Как, по-вашему, маэстро?

– Игра Керубино будет отвлекать внимание от вашего пения.

– Но вы всегда говорите, что музыка должна двигать действие.

– Да, это так. – Когда постепенно и подолгу работаешь вместе, легко либо возненавидеть друг друга, либо... Может, Энн кокетничает с ним? Вольфганг чувствовал, что нравится Энн, она всегда старалась улучшить момент и побыть с ним наедине. Это первая певица после Алоизии, к которой его сильно влекло. А какая она превосходная актриса! Он оставил когда-то пленившую его мысль сделать певицу из Констанцы. У Станци нет к этому призвания, а вот Энн Сторейс под силу любая из его арий. С пей можно даже обсуждать вопросы композиции, в то время как на Констанцу эти вещи навевают тоску. Но ведь он же счастлив со Станци. Вольфганг постарался взять себя в руки и сделал строгое лицо.

– Вам нездоровится? – Ей показалось, что он сильно побледнел.

Почему нельзя одновременно любить двух женщин? Он почувствовал, как нужна ему Энн, и ему вдруг стало очень тоскливо.

– Может, вам прилечь, Вольфганг? В моей уборной есть диван.

Это приглашение, подумал он и тут же усомнился. Но ведь ни для кого не секрет, что на оперных репетициях композиторы сплошь и рядом предаются утехам любви с примадоннами, якобы для того, чтобы вдохнуть жизнь в любовные сцены. Вольфганг последовал за Энн в ее уборную. Голова и правда слегка кружилась – он переутомился в последние дни, но, посидев немного, Вольфганг пришел в себя. Уборная Энн была кокетливо, уютно обставлена, а на столе лежала партитура «Похищения из сераля».

– Вы знаете мою оперу? – удивился Вольфганг.

– Знаю, и очень хорошо. Замечательная музыка. Мне бы так хотелось спеть Констанцу. Но «Фигаро» будет еще лучше.

– Вы серьезно так думаете?

– Вольфганг, я пою в опере с четырнадцати лет. Пела арии Генделя, Перголезе, Глюка, Пиччинни, Сальери, Паизиелло, Мартин-и-Солера, но мне никогда не приходилось исполнять арий, так глубоко выражающих чувства героинь, как ваши. Присущий вам лиризм делает «Фигаро» самой итальянской оперой-буффа из всех, какие есть на свете – она веселая и жизнерадостная, когда нужно, исполненная драматизма и страсти там, где требуется.

Вольфганг молчал. В голосе Энн слышалось волнение, ее смуглое лицо залилось румянцем. Сейчас возле него сидела не искушенная, много повидавшая в жизни женщина – в восемнадцать лет Энн выдали замуж за человека вдвое старше ее, но она быстро разошлась, не в силах терпеть жестокого обращения мужа, – а юная девушка, мечтательная и тоскующая по любви.

Энн недоумевала: почему Вольфганг колеблется? Никто ведь не узнает. А если и узнает, кому какое дело? Кроме разве его жены, но она ни разу не появлялась в театре, и, казалось, опера ее совсем не интересует. Энн смотрела на Моцарта, который сидел возле нее, боясь придвинуться поближе, и думала: сам он такой маленький, а музыка его

по-настоящему величественна, полна красоты и выразительности. А как прекрасно он постиг все глубины женской души. Где, интересно, он изучал ее? Или это у него в крови? В самой природе его таланта? Человек, с таким пониманием и воодушевлением пишущий о любви, должно быть, чудесный любовник. В музыке Моцарта столько нежности и ласки, он не мог бы причинить ей боль, как ее бывший муж. И хотя арии его передают всю напряженность человеческих страстей, он никогда не теряет чувства меры, никогда не впадает в сентиментальность. Мелодии его чисты и в то же время чувственны, подчас полны мучений, но в них всегда сильно биение жизни, они так и брызжут радостью бытия. Сколько неизведанного и прекрасного сулит любовь такого человека, думала Энн. Она положила свою руку на его, во Вольфганг порывисто встал с дивана.

– Вы были со мной милы и внимательны, Энн, благодарю вас, – сказал он. – Прошу извинить, мне еще предстоит поработать – над оперой в целом и над арией Сусанны.

Констанца только сегодня сообщила ему, что снова ждет ребенка, и, как бы сильно ни тянуло его к Энн, разве мог он изменить жене в такое время?

Энн кивнула, не сказав в ответ ни слова.

Вольфганг торопливо шел домой. И зачем Энн Сторейс так очаровательна, думал он. Хорошо бы, она простила его и не стала из мести портить роль Сусанны. Нет, Энн слишком талантливая актриса и не способна пойти на такое, твердил он себе, а волнение, которое он испытывал в ее присутствии, не что иное, как восхищение перед ее блестящим вокальным мастерством.

78

Констанце не понравился отсутствующий вид Вольфганга. Даже в постели он был в этот вечер невнимателен, чего раньше никогда не случалось, отговариваясь тем, что слишком устал для любви. Уж не увлекся ли муж другой, думала Констанца. Для композитора в Бургтеатре столько соблазнов. Но как это узнаешь? Она пожаловалась на плохое самочувствие – беременность дает себя знать, и Вольфганг снова сделался нежен.

А через минуту во взгляде его опять появилось хорошо знакомое ей отсутствующее выражение. Он вскочил с постели и побежал в музыкальную комнату. Констанца предложила накинуть халат, но Вольфганг не слышал – сидя за столом, он лихорадочно писал. Поскорей бы уж он закончил эту «Свадьбу Фигаро», молила про себя Констанца.

Да Понте быстро набросал первоначальный вариант либретто, и чем дальше шла совместная работа над оперой, тем большим уважением проникся к поэту Вольфганг. Да Понте внес в либретто очень мало своего, он лишь сократил комедию, приспособив ее для оперы, но в этом деле, оказался весьма искусным и охотно вносил все предлагаемые Вольфгангом поправки. Текст да Понте был полон лиризма, легко ложился на музыку, и Вольфганга радовал тонкий слух поэта, его отменный вкус и природное чувство юмора. Кроме того, да Понте прекрасно понимал, что поэзия в опере должна быть послушной слугой музыки.

Работа над «Фигаро» поглощала у Моцарта все время. В эти дни он больше часов проводил в театре, чем дома, но Констанца старалась сдерживаться – не поднимать ссор и не ревновать мужа. Это давалось ей нелегко – Вольфганг не замечал ничего вокруг, и не раз в душу ей закрадывалось подозрение: не появилась ли у нее соперница? Разве опера может занимать все помыслы человека?

Однажды, когда Вольфганг просидел всю ночь в музыкальной комнате, сочиняя музыку, не на шутку встревоженная Констанца наутро сказала:

– Ты вконец подорвешь здоровье, если будешь так продолжать.

– Это необходимо. Партия графа требует переделок. Мандини недоволен.

– А Мандини позаботится о тебе, когда ты сляжешь?

– Станци, скоро это кончится. И мы с тобой надолго уедем отдыхать.

Никогда это не кончится, думала она, он будет писать всю жизнь, до последнего

вздоха.

Вольфганг огорчился, подслушав нечаянно, как Мандини говорил жене:

– Партию графа невозможно спеть эффектно, таким негодяем он выведен! Неужели Моцарт не понимает, что мне нужны симпатии зрителей? Сальери так со мной никогда не поступил бы.

Вольфганг спрятался за кулису, чтобы его не видели. Жена Мандини ответила:

– Поговори с ним. Роль Марцелины по сравнению с другими ролями очень незначительна, но мои арии ничуть не уступают другим.

– Bravo! Выходит, я еще должен его благодарить за то счастье, которое тебе выпало? Он без ума от Сторейс, а до меня ему дела нет, – с хитрым смешком заметил Мандини.

– Я ничего такого не замечала.

– А тут и замечать нечего. Она ведь героиня. Примадонна.

– Мне кажется, у графини гораздо более красивые арии.

– Это дело другое. Но раз он отдает графине самые выигрышные арии, я на ее фоне проиграю. Он задался целью испортить мне имя

Изрядно потрудившись, Вольфганг написал для Мандини новую арию – «Vedro, gaentr'io sospigo» («Скажи, зачем жестоко томила так меня?»), которая по выразительности не уступала его лучшим произведениям. Пропев ее, Мандини заявил:

– Ария так серьезна, что скорее подходит для трагедии.

– Будет еще трагичнее, если ее придется петь кому-нибудь другому, – заметил да Понте.

Мандини пожал плечами.

– И кроме того, теперь это самая длинная сольная ария во всей опере, – сказал да Понте.

– Баста! Вы, может, думаете, я с ней не справлюсь?

– Наоборот. Поэтому мы ее и написали. И кроме того, здесь вы сможете блеснуть своим голосом.

– О, я, разумеется, не отказываюсь. Только не ждите, чтобы я ее полюбил. В опере и без того слишком много любви. Да к тому же и ария слишком трудная.

Вольфганг радовался: Мандини спел «Скажи, зачем жестоко томила так меня?» великолепно, и новая ария вдохнула в роль графа ту страсть, которой до тех пор ему явно не доставало.

Работа с Энн Сторейс – вот что нарушало душевное равновесие Вольфганга. Он пытался держаться безразлично, но это лишь обостряло его чувства. Энн же вела себя необычайно покладисто и с готовностью выполняла любое его указание.

Как рад он был, что почти вся партия Сусанны до самого последнего акта исполнялась в дуэте – Вольфганг пользовался этим обстоятельством как предлогом, чтобы приглашать на репетиции с Энн кого-нибудь из певцов. И, только дойдя до ее арии в последнем акте «Dehì vienì» («Приди, о милый друг») – единственной по-настоящему сольной, – Вольфганг постарался создать музыку, которая выразила бы все очарование и нежность Энн. Он стремился передать ее чувства как можно более простыми средствами, и именно поэтому ария получилась невероятно трудной; ему пришлось переписывать арию много раз, пока музыка не стала соответствовать ее голосу и не выразила то, что Вольфгангу хотелось сказать.

После огромной затраты душевных сил, отданных сочинению партии Сусанны, окончательная отделка арии Керубино явилась для Вольфганга наслаждением. Он с восторгом писал музыку, воспевавшую блаженство любви и радость жизни. Керубино был влюблен в любовь, как и сам Вольфганг в прошлом, да подчас и в настоящем, и какой-то частью своего существа он симпатизировал Керубино, тогда как другая часть подсмеивалась над ним.

Собственно, все, что он сочинял, шло от самого сердца. Работая над ариями графини, Вольфганг чувствовал, как волнение переполняет его. Он разделял ее горе: она любит мужа,

а тот увивается за каждой хорошенькой женщиной, которая попадется ему на пути. По пьесе роль графини была довольно поверхностной, но Вольфганг углубил и облагородил ее характер, создав для нее арии, полные неподдельного пафоса и острых переживаний. В ее партию он вложил страсть, испытанную им самим, но на чью-либо сторону не становился. Он сильно драматизировал ее роль своей музыкой, не скрывая при этом, что его сострадание и симпатии принадлежат ей, но стремясь своих чувств никому насильно не навязывать.

В образ Фигаро Моцарт вложил еще большую частицу себя, но эта музыка писалась легче. Он испытывал истинное наслаждение каждый раз, когда Фигаро удавалось перехитрить графа, – разве сам он не сумел так же перехитрить Колоредо? Партию Фигаро Вольфганг писал с огромным подъемом.

Однажды, когда он разучивал с Анной Готлиб маленькую роль Барбарини, работая так же увлеченно, как со всеми остальными певцами, актриса преподнесла ему букет цветов.

– По какому случаю? – растерянно спросил Вольфганг.

Анна Готлиб вся зарделась и прошептала:

– Вы так добры, маэстро, дали мне роль в вашей опере. Мне еще очень мало лет, как вы знаете, маэстро.

Мало лет? Действительно! Анне всего двенадцать. Но она очень подходила к этой роли. Анна Готлиб принадлежала к артистической семье, и у нее был прелестный девичий голосок, как и требовалось для роли Барбарини.

– Если вы поставите цветы в воду, маэстро, они долго простоят, – сказала Анна.

И тут Вольфганга осенило: да девочка просто влюблена в него! Однако это абсурд, она совсем еще ребенок! Но пошутить над девочкой, как это сделал бы на его месте любой другой мужчина, он не мог. В чувстве Анны было что-то удивительно чистое и трогательное.

– Надеюсь, ваши цветы долго не увянут.

– О, конечно, сэр. Я нарочно купила стойкие и выбрала самые свежие. – Анна Готлиб, единственная во всей труппе, была ниже его ростом, и Вольфгангу пришлось нагнуться, чтобы поцеловать девочку в лоб.

На глазах у нее выступили слезы, и она спросила:

– Вы не сердитесь на то, как я пою, маэстро?

– Нисколько. Вы очень хороши в этой роли. Именно то, что нужно.

Вольфганг еще раз вернулся к песенке Барбарини в последнем акте, где она появляется на сцене в поисках утерянной булавки, и постарался придать этой ариетте нежность и задушевность, хотя да Понте и винил его, зачем он отдает столь изящную мелодию второстепенному персонажу, это неразумно. Но когда Анна пропела свою песенку «Уронила, потеряла» искренне и с большим вкусом, Вольфганг почувствовал себя полностью вознагражденным, хотя по-прежнему смотрел на Анну Готлиб как на ребенка и держался с ней по-отечески покровительственно.

За несколько дней до назначенной премьеры состоялась первая генеральная репетиция «Свадьбы Фигаро» в ее окончательном, как надеялись Вольфганг и да Понте, варианте. Либретто и партитура оперы были много раз переписаны с начала до конца, и теперь, казалось, все было в порядке, за исключением увертюры, но Вольфганг уверил да Понте: на этот счет беспокоиться нечего.

– Она вся у меня в голове, с первой до последней ноты.

– Орсини-Розенберг пришел посмотреть репетицию, – сказал да Понте, указывая на фигуру, едва различимую в темноте, царившей в задних рядах партера.

– Он должен радоваться. Господину директору не придется откладывать нашу оперу, как он делал со многими другими.

– А вы удовлетворены, Моцарт?

– Музыкой – да.

– А либретто?

– Посмотрим, как справится с оперой вся труппа, тогда и будем судить.

Репетиция началась, и да Понте, не обращая внимания на директора, сел поближе к Вольфгангу, который ради такого случая надел малиновый плащ и отделанную золотым шнуром высокую шляпу. Дирижируя оркестром, Вольфганг, казалось, сохранял полное спокойствие, но, когда Бенуччи очень живо, с огромным воодушевлением запел арию «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный», да Понте услышал, как Вольфганг sotto voce²²крикнул:

– Bravo, bravo, Бенуччи!

А когда Бенуччи дошел до последнего зажигательного пассажа: «Cherubino, alia vittoria, alia gloria militar» («Керубино, побеждай, Керубино, побеждай!»), который он пропел во всю силу своего могучего голоса, проникновенно и с огромным подъемом, воздействие было подобно электрическому удару. Бенуччи закончил, все певцы и статисты, находившиеся на сцене, и весь оркестр в едином восторженном порыве закричали:

– Bravo, bravo, маэстро! Viva, viva grande²³Моцарт! – Да Понте подумал, что оркестр вообще не прекратит овацию, музыканты изо всех сил стучали смычками по попитрам. После финала первого акта повторились такие же восторженные овации, как и после исполнения других номеров, но теперь Вольфганг не прерывал действия оперы. Спектакль кончился, весь оркестр встал и бурно приветствовал композитора. Тогда Вольфганг взял да Понте за руку, вывел его на сцену и настоял, чтобы синьор поэт разделил с ним триумф.

Они уже собирались покинуть театр, когда их позвали к директору. Это прозвучало как приказ; Моцарт и да Понте, вошли в кабинет Орсии-Розенберга, и тот не предложил им сесть, а, сурово взглянув на обоих, объявил:

– Да Понте, вы вставили в «Фигаро» балет.

– Он играет существенную роль в развитии сюжета, ваше сиятельство.

– Вы ведь видели, какой восторг это вызвало у труппы и оркестра, – добавил Вольфганг.

– Они – лица заинтересованные. Вам, без сомнения, известно, что император запретил балет в своих театрах.

– Я не знал, что это относится и к опере, – сказал да Понте.

– Это относится ко всем спектаклям, которые идут в театрах его величества. Вам придется выбросить балет.

Вольфганг запротестовал:

– По это погубит «Фигаро», ваше сиятельство!

– Меня это мало трогает. Да Понте, я желаю видеть либретто.

Да Понте с большой неохотой вручил директору текст либретто. Орсии-Розенберг решительным жестом вырвал оттуда две страницы, содержащие балетную сцену.

– Мы не сможем поставить оперу без балета! – воскликнул Вольфганг.

– С балетом поставить ее вы тем более не сможете, – усмехнулся Орсии-Розенберг.

– Это несправедливо. У нас нет времени менять сюжет.

– Ну что ж, Моцарт, мы подыщем другую оперу, – заключил директор, – и поставим ее взамен «Фигаро». – Он встал, давая понять, что аудиенция окончена.

Бешенство охватило Вольфганга. Он стоял у подъезда Бургтеатра, не замечая ничего: ни проезжающих мимо экипажей, ни пешеходов, – и говорил да Понте, что такой произвол допустить невозможно, они должны обратиться за поддержкой к императору. Но да Понте не согласился.

– У меня другой план. Что касается интриг, то плести их умеет не один директор.

Да Понте говорил столь уверенным тоном, что Вольфганг немного успокоился, хотя никак не мог взять в толк, зачем Орсии-Розенбергу понадобилось так поступить.

– Все очень просто. Последнее слово, в конце концов, за Иосифом. Сальери, должно

быть, предупредил директора, что «Фигаро» может иметь огромный успех и вытеснить с подмостков театров его собственную оперу, а когда Розенберг воочию убедился, что это так, то воспользовался балетом как предлогом, чтобы сорвать наш спектакль. Но император может с ним не согласиться.

– Ведь именно Орсини-Розенберг просил меня написать оперу-буффа.

– На случай, если не найдется другой. Или если мы ему заплатим, как делает Сальери.

Хотите испробовать такой способ?

Вольфганг отказался, самая мысль об этом была ему противна.

– В таком случае нам придется дать «Фигаро» в присутствии императора.

– Без балетной сцены?

– Разумеется.

– Но это же неразумно!

– Совершенно верно, – с хитрой улыбкой ответил да Понте. – В том-то все и дело.

Иосиф принял предложение да Понте посетить генеральную репетицию оперы. Приглашая императора, да Понте пояснил:

– Ваше величество, нам очень хотелось бы знать ваше мнение относительно оперы: вдруг вы решите, что необходимо внести какие-то поправки. Для нас важнее всего остального, чтобы вы, ваше величество, остались довольны.

Иосиф с большим удовольствием смотрел спектакль, пока дело не дошло до сцены балета, которая была заменена пантомимой. Тут император рассердился. Сюжет вдруг стал непонятен, когда до этого все было ясно и очень забавно, причем никаких скандальных выпадов против властей, чего он так опасался, не осталось. Иосиф приказал остановить репетицию и воскликнул:

– Да Понте, пантомима совсем не вяжется с оперой! Да Понте пожал плечами и вручил Иосифу либретто с восстановленной сценой балета.

– Так почему же этого нет в опере, синьор поэт? – спросил Иосиф.

– Ваше величество, господин директор объявил нам, что балет запрещен.

– Запрещен? – Император приказал немедленно вызвать директора.

Орсини-Розенберг, находившийся у себя в кабинете, тут же явился. Но не успел директор и рта раскрыть, как император сказал:

– Как вы осмелились дать такое распоряжение, не спросив меня?

– Ваше величество, вы изволили говорить, что балет на сцене запрещен.

– Когда он груб и непристойен, а здесь он вполне уместен.

– Ваше величество, а как же насчет самой «Свадьбы Фигаро»? Вы ведь запретили постановку пьесы?

– Потому что пьеса была безвкусна и полна непристойностей. А эта опера очаровательна.

– Кроме того, танцоры, которыми располагает Бургтеатр, вам не нравятся, ваше величество.

– Найдите таких, которые мне понравятся.

– Но, ваше величество, осталось так мало времени, я...

– На то моя императорская воля! – И когда директор стал подыскивать новую причину, Иосиф сказал: – Я очень разгневаюсь, если представление «Фигаро» и дальше будет откладываться. Мне не терпится узнать развязку.

– О, конец будет счастливый, ваше величество, – сказал да Понте. – Если нам позволят...

– Вам уже позволено. А теперь я подожду танцоров. Я намерен послушать всю оперу от начала до конца и тогда уж вынести свое суждение.

Двенадцать танцоров прибыли через несколько минут, и, пока они репетировали, Вольфганг повторил для развлечения императора несколько арий. Иосиф выразил желание послушать еще раз две арии графини: «Porgi Atoг» («Бог любви, сжался и внимли»), где она жалуется, что утратила любовь мужа, и «Dovo sono» («О, куда ж ты закатилось, солнце

светлой былой любви»), где графиня с грустью вспоминает то время, когда ничто не омрачало их счастья. Эти арии тронули сердце Иосифа. Ему и самому пришлось страдать. Его первая обожаемая жена рано скончалась, так и не ответив на его любовь.

Императору понравился балет; юн развеял его меланхоличное настроение и, как оказалось, прекрасно соответствовал сюжету. Иосиф приказал назначить премьеру «Свадьбы Фигаро» на 1 мая, как ранее и намечалось.

Двумя днями позже, накануне премьеры, Вольфганг сел писать увертюру. Он уже несколько недель тому назад с величайшей дотошностью, до мелочей разработал всю партитуру, и теперь ему оставалось только записать ее. Вольфганг делал это в последний момент, чтобы оставить больше времени на репетиции остальной музыки, но еще заранее решил выразить в увертюре всю идею оперы. С самого начала нужно задать правильный тон. Он не стал вплетать в увертюру основные темы «Фигаро», как это было принято, но передал в ней темп и общее оживленное настроение, написав ее как самостоятельное инструментальное произведение, единственное в своем роде.

С того момента как Вольфганг появился за дирижерским пультом, Иосиф Гайдн, проделавший долгое и трудное путешествие из имения графа Эстергази в Вену с одной лишь целью присутствовать на премьере «Свадьбы Фигаро», не переставал радоваться, что не пожалел сил и приехал. Самообладание Вольфганга восхищало. Моцарт был всего пяти футов ростом, но когда он взмахнул руками, давая знак оркестру начинать, то словно вырос, поднялся и над оркестром и над стоявшим перед ним клавесином. В увертюре нет ни одной лишней ноты, думал Гайдн. Вольфганг, казалось, пританцовывал, дирижируя оркестром, вместе с ним весело танцевала и музыка, с первых же тактов настраивавшая участников спектакля на веселый лад.

Открывавшая оперу сцена Фигаро и Сусанны шла все в том же жизнерадостном темпе и совершенно очаровала Гайдна. К концу первого акта он словно перенесся в иной мир, более светлый, где его восприятие музыки обострилось до предела. Все актеры пели великолепно, кроме разве графа – Мандини: Мандини исполнял свою роль чрезвычайно неровно, казалось, не знал, как ему держаться на сцене. Но Вольфганг своим вдохновенным дирижированием раскрывал красоту музыки; он всех держал в своей власти – оркестр под его управлением аккомпанировал певцам, воодушевлял их, увеличивая выразительность пения, и при этом Вольфганг не позволял музыке заглушать певцов, даже когда он сам сидел за клавесином. К концу оперы Гайдн уже не сомневался в ее успехе. Однако, когда занавес упал, среди криков «браво» и аплодисментов явственно раздавались свистки и шиканье.

Многочисленные друзья окружили Вольфганга, горя желанием поздравить с успехом: первым ван Свитен – место, занимаемое им в венском музыкальном мире, давало ему па это право, за ним Ветцлар, графиня Тун, граф Пальфи, граф Кобенцл. А появление Гайдна вызвало у Вольфганга слезы. По тому, как крепко обнял его Гайдн, он понял – что бы ни говорили другие, он сумел выполнить задуманное. Однако долго разговаривать с Гайдном и другими друзьями Моцарту не пришлось – Орсини-Розенберг холодно сообщил, что его ждет император.

Иосиф принял композитора и либреттиста в королевской ложе.

– Bravo! Синьор поэт, – сказал он, – вы доставили всем удовольствие. Надеюсь, вы не придали значения отдельным свисткам?

– Разумеется, нет, ваше величество. Чем больше зависти вызывает произведение, тем сильнее сам начинаешь верить в его достоинства.

– А вы, Моцарт, теперь видите, что итальянский язык более подходит для оперы, нежели немецкий?

Вольфганг ответил не сразу. Почему Иосиф берется судить о музыке, ведь познания его в этой области весьма поверхностны. Гайдн махал ему издали на прощанье рукой – спешил обратно к Эстергази, – а Вольфганг так мечтал провести с другом хоть несколько минут. Но император был явно недоволен заминкой в его ответе. И Вольфганг с поклоном сказал:

– Ваше величество, я прежде всего вижу, что опера заслужила вашу похвалу, что самое важное.

– О, это достойное внимания произведение, но слишком уж фривольное, вряд ли его запомнят надолго.

«Свадьба Фигаро» по приказу императора была включена в репертуар Национальной итальянской оперы, но, как и предсказывал Иосиф, недолго пользовалась успехом у публики. Венские меломаны утверждали, что музыка оперы чересчур немецкая по духу и ей не хватает задора и живости итальянской оперы-буффа. Музыка Моцарта не возбуждает у слушателей бурных чувств, как им того хотелось.

Когда в ноябре состоялась премьера новой оперы Мартин-и-Солера «Редкая вещь», быстро ставшей гвоздем сезона, Орсини-Розенберг объявил, что «Свадьбу Фигаро» после девятого спектакля в декабре месяце снимут с репертуара. Публика сходила с ума от нового танца, впервые показанного в опере Солера, – вальса. Танец этот, мелодия которого была заимствована из австрийской народной пляски, покорила сердца плавностью и своеобразным ритмом движений, а также подчеркнута театральной манерой, с какой главные герои оперы его исполняли. Вальс имел ошеломляющий успех, обеспечивая успех и опере Мартин-и-Солера.

Да Понте не разделял отвращения Вольфганга, находившего текст оперы Солера и ее партитуру банальными и посредственными. Незамысловатый рассказ о том, как испанский принц влюбился в красивую крестьянскую девушку и завоевал ее любовь, пользовался таким успехом, что да Понте мог сам теперь выбирать композитора по вкусу; даже Сальери снова мечтал с ним работать. Либретто к опере «Редкая вещь» написал да Понте, и Моцарт убедился, что либреттист порой играет более важную роль, нежели композитор.

79

В эти дни Вольфгангу трудно было сохранять обычную жизнерадостность – его сын, родившийся в октябре, умер через четыре недели от удущья.

Холодным, серым ноябрьским утром, на другой день после похорон Иоганна Леопольда, Вольфганг лежал в постели и думал о своих умерших детях: что бы из них получилось, не умри они в младенчестве. Он не спал почти всю ночь – больные почки снова давали себя знать, но лечение причиняло не меньше мук, чем сама болезнь. Каждый раз, бегая вниз в уборную, он промерзал насквозь, возвращался в постель с ломотой во всем теле и долго лежал в кровати, не в силах заснуть, со страхом думая, что болезнь может поразить и руки.

Констанца проснулась, и он предложил приготовить завтрак. Ей следует полежать в постели, сказал он, последние шесть недель были так мучительны для нее, что ей необходимо отдохнуть.

Но Констанца села на кровати – она спала не раздеваясь, лишь сняв туфли: как только в спальне переставали топить печь, комната моментально остывала. И к тому же Вольфганг, боясь угара, вечно держал окно настежь.

– Как я могу спать, – печально сказала Констанца, – когда Иоганн Леопольд лежит в могиле!

– Из трех детей похоронить двоих! За что такая несправедливость?

– Это судьба! – Она заплакала. Он пытался утешить жену:

– У нас будет еще ребенок, и еще...

– И все умрут, как и эти. Не надо больше детей. – Но, заметив уныние, отразившееся на его лице, добавила: – По крайней мере некоторое время. Пока мы не в силах о них лучше заботиться.

Вольфганг уставился в окно на Блютгассе: несколько минут ходьбы – и переулочек приведет прямо к Орденскому дому, где его когда-то спустили с лестницы; успех «Фигаро», надеялся он, навеки изгладит этот позор из его памяти. И вот теперь нет больше заказов на

оперы, а подписка на его концерты совсем прекратилась. Последние два концерта прошли при наполовину пустом зале, и Вольфганг потерял много денег. Потому он и сочинил всего два концерта для фортепьяно – спрос на его исполнение сильно упал. Возможно, в ближайшее время придется съехать с этой квартиры – плата становится не по карману. Нет, прочь грустные мысли! Вольфгангу вдруг захотелось обнять жену. Но Констанца испуганно отстранилась.

– Нет, не надо. Я не хочу больше детей.

За завтраком он завел разговор о другом волновавшем его вопросе.

– Станци, мне хочется пригласить О'Келли, Эттвуда и Сторейс. Сделай это.

– Почему ты сам не пригласишь? Ты знаком с ними гораздо ближе, чем я.

– Лучше, если приглашение будет исходить от хозяйки дома.

– Из-за Энн Сторейс? Думаешь, сплетни прекратятся?

– Причин для сплетен нет никаких. Мне просто хотелось, чтобы вы подружились.

– Раз уж нам приходится делить тебя, – ядовито заметила Констанца.

– Нет, потому что они приглашают нас в Англию.

– И меня тоже? – недоверчиво спросила она.

– Разумеется, Станци. Неужели я поехал бы без тебя? – Голубые глаза его сделались веселыми, щеки от волнения порозовели, а пальцы барабанили по кухонному столу, словно он сидел за фортепьяно. Вольфганг подхватил Констанцу и закружил по гостиной, и столько нежности и любви было в его движениях, что она уступила, позволила подвести себя к столу и написала приглашения.

Констанца оделась, как на бал, а на Энн было простенькое платье. Констанца думала, что примадонна будет держать себя с ней свысока, но Энн с искренней теплотой поблагодарила хозяйку за любезное приглашение. Они и раньше встречались, но то были мимолетные встречи, а сегодня состоялось их настоящее знакомство. Брата Энн Констанца знала лучше – Стефан Сторейс и Томас Эттвуд регулярно приходили к ним, оба брали у Вольфганга уроки композиции. А с Михаэлем О'Келли Вольфганг любил сразиться на бильярде и постоянно обыгрывал его, а тот не уставал превозносить мастерство своего противника. Констанцу пленили изящество и непринужденность манер Энн. В своем излишне парадном платье, с тесным, глубоко вырезанным лифом, Констанца чувствовала себя неловко – зачем она так вырядилась, но Вольфгангу нравилось. Он несколько раз с нескрываемым восхищением оглядел ее аккуратную, миниатюрную фигуру, пока они шли к столу, где служанка подавала обед.

После обеда была неизменная игра на бильярде – состязались Вольфганг и О'Келли, и окончилась игра неизменной победой Вольфганга. Тогда О'Келли, желая показать, что и он кое на что способен, стал имитировать да Понте. Делал он это весьма искусно: чем изящнее старался держаться поэт, тем более нелепое впечатление производил.

И вдруг Эттвуд, в отличие от О'Келли настроенный очень серьезно, спросил:

– Маэстро, вы подумали о поездке в Англию?

– Думал, и немало, Эттвуд. Надеюсь, вам удастся уговорить Констанцу.

– Госпожа Моцарт, маэстро будет пользоваться в Англии огромным успехом, – сказал Эттвуд.

Вроде как в Вене, с горечью подумала Констанца, но не дай бог произнести это вслух – Вольфганг обидится.

– Я с радостью поеду за ним куда угодно, – ответила она.

– Если вы с Вольфгангом к нам присоединитесь, мы будем очень рады, – сказал Эттвуд. – Ваше присутствие придаст вес нашей маленькой труппе.

Все они еще так молоды, размышляла Констанца. Эттвуду и Энн Сторейс всего лишь по двадцати одному году, Стефану Сторейсу только исполнилось двадцать три, О'Келли – двадцать пять. Они не способны понять ее опасения. И хотя ей самой было всего двадцать пять, она чувствовала себя намного старше их.

– Каким путем вы поедете?
– Через Зальцбург, – сказал Сторейс, – это доставит вам обоим удовольствие. Вольфганг радостно улыбнулся, а Констанца поморщилась и промолчала.
– Оттуда мы двинемся в Мюнхен и Мангейм, где маэстро так знаменит. Вольфганг кивал: план нравился ему все больше и больше.
– С остановкой в Париже. Я написал Легро, что вы, возможно, поедете с нами, и он не замедлил отозваться, сообщил, что с радостью устроит в Париже ваш концерт.
– После того как он так несправедливо обошелся с моим мужем! – воскликнула Констанца. – Вольфганг, можно ли ему доверять?
– А я и не доверяю. Но не вижу причин его ненавидеть.
– Закончим мы наше путешествие в Лондоне, – продолжал Сторейс, – где до сих пор с большой теплотой вспоминают ваши гастроли, маэстро, и где вы наверняка завоюете симпатии публики.
– Лондонцы придут в восторг от вашей музыки, маэстро, – сказала Энн, – как и все мы.
– Видишь, Станци, какое великолепное предложение. Ей не хотелось показаться брюзгой, но кому-то ведь надо проявить практичность.
– А как быть с Карлом Томасом? Брать его с собой в такое далекое путешествие неразумно.
– О нем может позаботиться Папа.
– Ты его уже просил?
– Нет, но Папа воспитывает сына Наннерль. Почему бы ему не позаботиться и о нашем?
Констанца не разделяла его оптимизма, но гости вели себя так, будто вопрос уже решен, и обсуждали, какие произведения Вольфгангу следует взять с собой.
Сторейс сказал:
– Вы должны выступить в Лондоне со своим до минорным концертом для фортепьяно. В нем столько глубины, величия, силы. У меня в голове не укладывается, можно ли после этого концерта говорить, будто ваша музыка только легка и грациозна.
– Но ведь говорят же, – печально произнес Вольфганг. – Когда я сочиняю в минорной тональности, находят, что музыка моя слишком тосклива и бездушна.
– Бездушна! – воскликнула Энн. – Я не знаю более задушевной музыки, чем ваша.
– Что касается меня, – сказал Эттвуд, – я предпочитаю ваш новый концерт до мажор, который вы исполняли последний раз. В нем столько подлинного чувства. Но ставить одно произведение выше другого глупо. Меня глубоко трогает вся ваша музыка. Сколько фортепьянных концертов вы сочинили за последние два года, маэстро?
Вольфганг заглянул для точности в свой тематический каталог, а затем с удивлением объявил:
– Двенадцать с 1784 года, – и грустно добавил: – Некоторые я успел позабыть.
– Двенадцать за два года? – Эттвуд был изумлен.
– А чему тут удивляться? Если музыка у вас внутри, она непременно должна вылиться наружу.
– Но так много за такое короткое время!
– Эттвуд, количество не имеет значения. Никого не трогает, сколько вы сочинили концертов – двенадцать или один. Единственно, что от вас требуется, – писать музыку им по вкусу.
– И тем не менее каждый ваш концерт прекраснее предыдущего!
– Я все их люблю одинаково, – с упреком проговорил Вольфганг.
– Вне всякого сомнения, маэстро! – воскликнул Сторейс. – Но каждый раз, думая о концерте до минор, я говорю себе: по сравнению с вами я обыкновенный дилетант.
– Вы оперный композитор, и притом хороший.
– Может быть, и хороший, но не Моцарт.
– Вы думаете, такое уж счастье быть Моцартом?

Наступила секунда неловкого молчания. Вольфганг подошел к высокому итальянскому окну гостиной, выходящему на улицу. Сколько было радужных надежд, когда он переселялся в эту квартиру! Но жалость к себе всегда вызывала у него презрение – не нужно поддаваться этому чувству. И по отношению к гостям несправедливо. Повернувшись, он выдавил улыбку, но Энн заметила его бледность и погрузневшие глаза.

– Вы должны поехать в Лондон, там вас оценят по достоинству, – сказала Энн.

– И взять с собой квартеты, посвященные Гайдну, – добавил Сторейс. – В Англии Гайдн очень известен.

– Я пытался продать их здесь, отдельными экземплярами или по подписке, но они так и не разошлись, – сказал Вольфганг. – Это не легкая музыка, они слишком необычны.

– Квартеты слишком хороши для венской публики, – с внезапным пылом заявила Энн. – Вам нужен надежный антрепренер, маэстро, человек, который вел бы ваши дела.

Констанца поднялась, давая понять, что вечер окончен. Ей уже не хотелось ехать в Англию. Сторейс говорил: репутация Моцарта в Англии стоит так же высоко, как Пурселя и Генделя, но ее вдруг охватило отчаяние. Там она не сможет соперничать с Энн. И вовсе не потому, что примадонна такая уж красавица, да и сопрано у нее хоть и приятное, но отнюдь не из ряда вон выходящее, нет, дело в другом – в музыкальности Энн: в сфере музыки они с Вольфгангом всегда найдут много общего. Энн будет петь арии, написанные им, а это всегда действует на него притягательно. Да и английскому ей не выучиться, тогда как Вольфганг уже сейчас свободно владеет этим языком.

Энн понимала чувства, испытываемые Констанцей, и ее это забавляло. По натуре жена Вольфганга обыкновенная экономка. Видимо, его сильно влечет к ней физически, думала Энн, другого объяснения такой верности не найдешь. Нет, есть и другие причины, решила Энн. Вольфганг – натура слишком тонкая, чтобы любить женщину только за это. Нужно действовать осторожно. В Лондоне она начнет выступать вместе с ним, и тогда многое изменится.

Взгляды двух женщин на какое-то мгновение встретились, но они тотчас их отвели, а Вольфганг стоял молча, погруженный в свои раздумья.

Прочитав письмо сына с просьбой взять на себя заботу о Карле Томасе на то время, что они с Констанцей пробудут с английскими друзьями в Лондоне, Леопольд понял: за этим кроется нечто большее, чем просто жажда нового. Тон письма был взволнованным, в нем сквозило страстное желание, несмотря ни на что, совершить сей опрометчивый шаг. До Леопольда дошли слухи о романе Вольфганга с его Сусанной – он так много проводил с нею времени на репетициях, что этого следовало ожидать. Леопольд написал ответ, взвешивая каждое слово – так взвешивал он каждый звук, сочиняя музыку, – но, отослав письмо, испугался – не испортить бы вконец отношений с сыном, и решил поделиться сомнениями с дочерью.

«Вольфганг просил меня взять на себя заботу о его сыне – он хочет этой весной совершить поездку по Германии и оттуда поехать в Англию, где, видимо, намерен поселиться. Друзья Вольфганга – англичане, возвращающиеся к себе домой, – внушили ему, будто в Англии он будет процветать, давая концерты по подписке и получая заказы на оперы. В особенности старается госпожа Сторейс – она, несомненно, и придумала весь этот план и разожгла его аппетит.

Узнав, что маленький Леопольд живет со мной, Вольфганг, но всей вероятности, предположил, что у меня хватит места и для другого внука. Вольфганг забывает: в случае, если здоровье мое пошатнется, ты рядом, а Англия далеко за морями. Поэтому я отказал ему, поступив в данном случае как друг и как отец.

Твой брат и его жена считают, по-видимому, что очень хорошо придумали – они будут мирно путешествовать, тогда как я в свое время колесил по всей Европе с двумя маленькими детьми. А если они вдруг умрут или осядут навсегда в Англии, тогда ребенок останется у меня на руках. Правда, он предлагает платить за сына достаточно, чтобы нанять служанку, но откуда мне знать, исполнит ли он обещание? Я слышал, концерты по подписке почти не

продаются, и нет никакой уверенности в том, что я действительно получу эти деньги. И хотя «Фигаро» прелестная опера и Вольфганг в ней превзошел себя, но нет никакой надежды, что англичане окажутся более просвещенной нацией, чем венцы, предпочитающие Сальери и веселые мотивчики этого Мартин-и-Солера, которые можно насвистывать себе под нос.

Поэтому я написал ему отеческое письмо, сказал, что, прибыв в Англию летом, в мертвый сезон, он ничего не заработает; чтобы покрыть расходы на такую поездку, потребуется не меньше двух тысяч гульденов, а у него сейчас их, конечно, нет. И дал твердый и разумный совет: постараться достичь большего в Австрии, где он по крайней мере может говорить на родном языке и где он достаточно известен».

Но хотя в письме Леопольд высказался с полной определенностью, в глубине души его продолжали терзать сомнения. Много ночей провел он без сна, а если засыпал, то мучился тяжелыми сновидениями. Часто ему являлась Анна Мария – то ли звала его куда-то, то ли в чем-то упрекала. Проснувшись, Леопольд старался уверить себя, что поступил правильно, отказав сыну: ведь во всей семье никто лучше его не знал, как устраивать гастрольные поездки. Если сын потерпит провал в Англии, отступить будет некуда. Леопольд думал о книге, которую так и не написал, о дневнике, который забросил, о бесчисленных своих письмах. Теперь уже поздно исправлять что-либо в судьбе сына. Бывали дни, когда Леопольд чувствовал себя таким измученным – просто жить не хотелось. Но он горд, он не станет напоминать детям, что смерть его не за горами. Интересно, свидятся ли они когда-нибудь с Анной Марией? Где то время, когда Моцарты являли собой единую семью? Дети его, по крайней мере знали, что такое материнская и отцовская любовь, утешал себя Леопольд.

Вольфганг укладывал вещи, готовясь к поездке в Англию, когда пришел ответ от Папы. Впервые в жизни он не нашел в себе сил простить отцу такое равнодушие. Страшное разочарование овладело им. Он знал – если не поедет в Англию сейчас, то уж никогда не отважится на такую поездку. Но оставить Карла Томаса с госпожой Вебер невыносимо, путешествие могло затянуться надолго. Возможно, отец и прав. И хотя Вольфганг так и сказал Констанце, в глубине души не мог смириться; на этот раз он не хотел прислушиваться к Папиному совету и очень удивился, когда Констанца выразила полное согласие с мнением Леопольда. Наверное, Папа себя неважно чувствует, думал он, другой причины, оправдывающей Папин отказ, нельзя себе представить.

Очень расстроенный, Вольфганг как раз объяснял Сторейсам, что поездка в Англию не состоится, когда пришло письмо – его приглашали посетить Прагу и побывать на представлении «Свадьбы Фигаро», опера шла там с огромным успехом. А граф Йоганн Тун, свекор Вильгельмины Тун и глава этого влиятельного австрийского семейства – тот самый, для кого Вольфганг написал свою Линцскую симфонию, – пригласил Моцартов во время пребывания в Праге погостить у него в доме.

Столица Богемии находилась всего в нескольких днях пути от Вены. Без дальнейших раздумий Вольфганг решил оставить сынишку на попечение тещи и поехать в Прагу с Констанцей – на каникулы, давно ей обещанные.

Одновременно покинул дом Вольфганга Ганс Гуммель. Мальчик отправился с отцом в гастрольную поездку по Германии в качестве ученика Моцарта, чудо-ребенка.

Вольфганг решил поднести Праге подарок – новую симфонию.

В этой симфонии он выразил не только свои чувства, но и чувства Констанцы. С того момента как было решено ехать в Прагу, она забыла про Энн Сторейс и изо всех сил старалась снять с Вольфганга все заботы. Ему нужно закончить симфонию – подарок Праге. Каждую ночь она зажигала свечи и наполняла чернильницу, следила за тем, чтобы у него под рукой были свежие перья и нотная бумага. Она подолгу наблюдала за ним – как он сидел, склонившись над столом, выпучив глаза и надув щеки, все внимание сосредоточив на партитуре. Вольфганг не возражал против ее присутствия, был скорее даже рад. Констанца не переставала дивиться его способности сочинять музыку, не обращая ни малейшего

внимания на то, что делается вокруг. Но он объяснил ей, что сочиняет по большей части мысленно, когда остается наедине с самим собой либо когда в одиночестве бродит по улицам.

Как-то вечером в начале января 1787 года, когда Констанца сидела рядом и пришивала пуговицу к его зимнему пальто – Прага севернее Вены и там могли уже наступить холода, – он вдруг вскочил и стал танцевать, напевая тихонечко только что записанную мелодию. По-видимому, он остался доволен, потому что сразу же снова уселся за стол.

Протекло много часов. Констанца не жаловалась, ей так нравилось сидеть с ним рядом. Он писал и писал, не замечая времени. Свечи догорали, капли сала начали падать на нотную бумагу, он подвинулся к угасающему огарку, но мысль сменить свечу, очевидно, не приходила ему в голову – он не хотел отвлекаться. Зато свежие, чистые перья Вольфганг любил и гордился своим аккуратным почерком. Он умел писать ровно и без линеек.

Как странно, с нежностью думала Констанца, Вольфганг писал с лихорадочной быстротой, спеша закончить последнюю часть симфонии до отъезда в Прагу, намеченного на завтра, сидел, скрестив ноги, сдвинув на затылок парик, который в пылу чувств принимался теревить, и наносил на бумагу крохотные значки, а она смотрела на него и даже сейчас, после стольких прожитых вместе лет, все удивлялась тому, как эти беглые записи порождают дивные, волшебные звуки. Внутренним чутьем она понимала: музыка, которую он пишет, совершенно особенная. Чувство благодарности и печали, сильное душевное волнение и сознание собственной силы переполняли его. Время от времени он взмахивал рукой, дирижируя музыкой, звучащей в нем. Какой великолепный ритм! Он пристукивал ногой, закрывал глаза, к чему-то прислушиваясь. Склонял на минуту голову, а потом поднимал ее, и легкая улыбка скользила по губам, словно то, что он услышал, ему понравилось, и снова торопливо принимался писать. Кончит ли он когда-нибудь, думала Констанца, ведь выезжать им рано поутру, но разве уговоришь его пойти поспать. Нет, только не сегодня! Если Вольфгангу захочется иметь еще детей, думала Констанца, она подарит ему ребенка, чего бы это ей ни стоило. Левая кисть его сжалась в кулак, и ей вдруг так захотелось подбежать и сказать: этот пассаж прекрасен, он должен быть прекрасен! Но Вольфганг и сам знал. Потом вдруг кулак разжался, он развел руками, будто дирижируя оркестром, и снова встал из-за стола. Симфония окончена, подумала она, но он опять бросился к столу и со вздохом стер только что написанное. Несколько нот смазалось – это всегда его раздражало. Констанца подала чистую промокательную бумагу, он молча взял и снова погрузился в работу, и в ту самую минуту, когда она подумала, что симфонии не видно конца, Вольфганг улыбнулся и объявил: – Готово!

– Совсем? – не удержалась она. Вид у него был такой будничной.

– Разумеется. Я сказал то, что хотел сказать.

– Надеюсь, Праге симфония понравится.

– Обязательно понравится! – И он пылко поцеловал Констанцу, весь переполненный ощущением радости бытия – чувства, испытываемого им лишь в моменты наивысшего творческого удовлетворения. – И тебе понравится – моему первому слушателю.

80

Это новое произведение в ре мажоре стало известно как Пражская симфония. Вольфганг радовался, что создал ее торжественной и величественной, потому что, въехав в Прагу, сразу же понял – музыка, написанная им, как нельзя лучше гармонирует с великолепной древней архитектурой города. В Праге было множество прекрасных дворцов в стиле барокко и средневековых церквей, и Вольфганга совершенно покорила красота полноводной Влтавы.

Граф Тун, переехавший из Линца в Прагу, встретил Моцартов с отменным радушием и предоставил в их распоряжение несколько комнат в своем дворце. Отведенные им апартаменты были просторны и комфортабельны; Вольфганга и Констанцу тянуло отдохнуть

и насладиться покоем, но хозяин разработал обширную программу развлечения дорогих гостей.

«Свадьба Фигаро» имела в Праге шумный успех, и не было человека, который не горел бы желанием познакомиться с господином Моцартом. Граф Тун, грубоватый старик, гордившийся своим музыкальным вкусом, сказал Вольфгангу:

– С тех пор как я сюда переехал, это самое примечательное событие в жизни Праги.

Свекор Вильгельмины Тун был в восторге от пребывания Вольфганга в его доме и решил немедленно дать концерт в честь приезда композитора.

Вольфганг и Констанца едва успели помыться и переодеться с дороги. Сразу после обеда перед ними должен был выступить графский оркестр – графу не терпелось узнать мнение Вольфганга относительно игры его музыкантов.

Музыканты очень старались, они играли его вещи, и Вольфгангу было приятно, но, исполняя дивертисмент ре мажор, написанный им много лет назад, оркестр пропустил целых четыре такта. Вольфганг расстроился и уже думал остановить их и поправить, но Констанца удержала его, положив руку ему на колено, – граф Тун высоко ценил игру своих музыкантов. И все же Вольфганг не сомневался, что они пропустили такты, хоть давно не слышал эту вещь.

Настроение его улучшилось, когда оркестр сыграл серенаду в правильном темпе и не пропустив ни единой ноты.

На балу в Бретфельде в тот же вечер Вольфганг был центром внимания. Он вошел в зал под гром аплодисментов. Пражские красавицы горели желанием потанцевать с прославленным композитором, все добивались его внимания, но Вольфганг, к удивлению Констанцы, танцевать отказался.

– Я слишком устал и слишком робок, чтобы волочиться за женщинами, – поддразнил он Констанцу.

Но когда оркестр заиграл вальс, а вслед за тем кадрили на мотивы «Фигаро», Вольфганг едва усидел на месте. На «бис» было исполнено «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный», и тут уж аплодисменты стали оглушительными.

Вокруг Вольфганга собралась толпа почитателей, разговор вертелся исключительно вокруг «Фигаро», другие темы никого не интересовали. Граф Тун познакомил его с синьором Паскуале Бондини, антрепренером Национального пражского театра, который поставил «Фигаро» на пражской сцене. Бондини воскликнул:

– Господин Моцарт! Во всем мире нет оперы, равной «Фигаро». Спектакль спас наш театр! И при этом опера написана немцем. Невероятно!

Вольфганг поклонился. Ему было приятно, хотя и немного смешно.

– Если вы согласитесь присутствовать, мы устроим для вас специальное представление.

– Я почту за честь.

– Что вы, маэстро, это вы нам окажете честь! И если вам понравится наша постановка и вы согласитесь потом продирижировать одним спектаклем, то доставите всем нам огромную радость.

Не успел Вольфганг ответить на эту любезность, как Даниэль Брейха, один из видных чешских писателей, а также актер и медик, вручил ему стихи, посвященные «господину Моцарту, создавшему замечательную оперу «Свадьба Фигаро».

Где бы Вольфганг ни появлялся, повсюду говорили только о «Фигаро». Ничего другого не исполняли, не пели и не насвистывали, кроме мотивов из его оперы. Он узнал, что «Фигаро» шел в Праге непрерывно весь зимний сезон и спас Национальный театр от грозившего ему банкротства. Музыка «Фигаро» была использована в различных музыкальных формах, переложена для фортепьяно, для духовых инструментов, зазвучала в скрипичных квинтетах, в немецких танцах, в вальсах, кадрилях и контрдансах. Мелодии из «Фигаро» слышались на улицах и в городских парках. Вольфганг сидел в пивной на открытом воздухе и пил пиво, а у входа в сад слепой арфист, перебирая струны, играл «Мальчик резвый» в надежде заработать крейцер.

А когда Вольфганг подал бродячему арфисту гульден, ему сказали:

– Зачем так много! Бедняга не оценит вашу щедрость. Но Вольфганг лишь горько улыбнулся про себя, уж кто– кто, а он знал, как тяжело бывает, когда твой труд оценивают слишком низко. Всеобщее восхищение «Фигаро» пока что не принесло ему ни одного крейцера.

Положение немного исправилось, когда его попросили дать в помещении театра открытый концерт. По просьбе публики программа была составлена исключительно из произведений Моцарта, и театр был переполнен. Концерт начался с его новой симфонии ре мажор; оркестр играл ее с подлинным благоговением, в их исполнении музыка, казалось, жила, дышала. Этот подарок Праге окончательно полонил сердца музыкантов.

Во втором отделении Моцарт сам исполнил на фортепьяно три фантазии; первые две публика прослушала в напряженном молчании, замороженная его божественной игрой, боясь аплодировать, словно аплодисменты могли осквернить этот неповторимый момент. Закончив третью фантазию, Вольфганг в течение получаса импровизировал. Глубина и драматизм исполнения придавали музыке какую-то необычайную значительность.

Восторгам публики не было предела. Вольфганг уже давно удалился в отведенную ему уборную, а в зале все еще бушевали овации и слышались крики «бис!». Наконец, когда устроитель концерта, Бондини, сказал, что никто не покинет зала, пока маэстро не исполнит что-нибудь из «Фигаро», Вольфганг снова вышел на сцену.

Радостный, оживленный, он помахал со сцены Констанце и начал было импровизировать на тему своей любви к ней, а потом вдруг остановился. В зале стояла мертвая тишина, и тут какой-то голос на галерке прокричал:

– Из «Фигаро»!

Вольфганг сыграл мелодию арии «Мальчик резвый» и множество вариаций на эту тему. Весь зал поднялся, и при каждой паузе публика начинала кричать: «Из «Фигаро»!» Вольфганг сыграл десятки вариаций на тему знаменитой арии, прежде чем его отпустили со сцены.

Присутствие Вольфганга на представлении оперы было встречено пражанами столь же восторженно, а когда спустя несколько дней он сам дирижировал оперой, спектакль прошел с неслыханным триумфом.

Бондини, пригласивший его после спектакля на ужин, сказал:

– Маэстро, этот день мы не забудем никогда! Вы заставили нас по-новому услышать вашу музыку.

– Благодарю вас. – Пражские певцы не столь хороши, как венские, думал он; труппа Бондини во многом уступает венской труппе. Но восторженное отношение чехов к его опере в значительной мере искупает недочеты.

– И у меня для вас пятьсот гульденов, маэстро. За ваш концерт.

Вольфгангу говорили, что сбор за концерт превысил две тысячи гульденов.

– Могло бы быть и больше, маэстро, но после оплаты оркестра, служителей, помещения, ну да вы сами знаете...

– Разумеется. – Вольфганг взял деньги и повернулся уходить.

– Ваша симфония – это не просто подарок. Это величайшее достижение искусства.

Вольфганг остановился в нерешительности. Быть может, Бондини действительно понимает что-то в музыке, а не только печется о своей выгоде.

– Маэстро, известно ли вам, что в следующем году нашему театру понадобится новая опера?

– Еще одна «Свадьба Фигаро»?

– Нет. Другой «Свадьбы Фигаро» быть не может. Но, решив приняться за постановку вашей оперы, мы тогда же обратились к Иосифу Гайдну с просьбой написать для нас оперу.

– Он великий композитор. Величайший в мире.

– Гайдн говорит то же самое про нас.

– Он неправ. Никто не способен так трогать сердце своей музыкой, заставлять

смеяться, потрясать душу, как это делает Гайдн. Если бы он согласился написать для вас оперу, было бы прекрасно!

– Но вот что он нам ответил. – И Бондини передал Вольфгангу письмо Гайдна.

«Вы просите меня прислать вам оперу-буффа. Я очень польщен тем, что Вас интересуют мои вокальные произведения, но если опера нужна для Вашего театра в Праге, вряд ли я могу услужить Вам по той причине, что все мои оперы приноровлены для оперной труппы графа Эстергази.

Писать же новую оперу специально для Вашего театра было бы для меня чрезвычайно рискованно потому, что едва ли я могу равняться с великим Моцартом.

Будь в моих силах убедить каждого любителя музыки, в особенности среди сильных мира сего, какой глубиной и музыкальной проникновенностью обладают несравненные творения Моцарта, какие возвышенные эмоции рождают они в моей душе, как глубоко я их понимаю и чувствую, все народы спорили бы между собой за право обладания таким сокровищем. Прага только выгадает, если сумеет удержать у себя этого изумительного человека, щедро одарив его, как он сам одарил всех нас. В противном случае удел гения будет печален и вряд ли вдохновит потомков на дальнейшие дерзания – в этом, увы, и кроется причина того, что так часто оказывается сломлен дух личности многообещающей и устремленной ввысь. Меня глубоко возмущает, что несравненной Моцарт, чья «Свадьба Фигаро» является величайшей среди существующих опер, до сих пор не приглашен на работу к какому-нибудь королевскому или императорскому двору. Извините, если я несколько отвлекся от предмета нашего разговора, но я слишком люблю этого человека».

Тронутый до глубины души Вольфганг сказал:

– Я благодарен судьбе, что она послала мне такого друга.

– А я согласен с господином Гайдном. И следующую оперу мы должны получить от вас.

– Чтобы поставить ее в Праге?

– За сто дукатов. Ведь в Вене вы получили столько же? Вольфганг кивнул.

– Значит, мы будем ждать от вас новую оперу к осени. Ту же сумму мы заплатим и либреттисту, которого подберете вы сами. У вас есть на примете какой-нибудь сюжет?

– Нет. Но я найду.

Возвратившись в Вену после месяца, проведенного в Праге, Вольфганг не сомневался, что сумеет найти сюжет для оперы, который пришелся бы по душе ему самому и понравился жителям Богемии, чей восторженный прием превзошел все, что он до сих пор испытал в жизни.

Констанца, наслаждавшаяся жизнью в чешской столице не меньше, чем Вольфганг, не возражала, однако, против его желания поскорее вернуться в Вену, чтобы успеть попрощаться со своими английскими друзьями, которые покидали столицу Австрии в конце февраля. И хотя, прощаясь с Энн Сторейс, Вольфганг выглядел очень печальным и даже обещал писать ей в Англию, Михаэль О'Келли потихоньку сообщил Констанце, что, согласно первоначальному плану, Вольфганг должен был ехать с ними в Англию один, но «без своей Станци» ехать отказался.

81

В Вене многие знали, какой триумф сопровождал Моцарта в Праге, но, вернувшись домой, он снова оказался на распутье между мечтой и действительностью. Он понимал, как глупо надеяться на то, что пражские успехи могут в какой-то степени облегчить его положение в Вене, и все же надеялся. Дома его встретила та же ежедневная борьба за существование. Деньги, заработанные в Богемии, ушли на уплату кредиторам, и снова приходилось напрягать все силы, чтобы не запутаться в долгах.

Прошел всего месяц, как Вольфганг вернулся, а ему казалось, будто он и не уезжал.

Большая часть времени уходила на то, чтобы заработать на пропитание семьи, оплатить квартиру и служанку, и все-таки они постоянно запаздывали с квартирной платой. Но мысль о переезде пугала. Он так любил этот дом, где сочинил своего «Фигаро».

Как-то в воскресенье Вольфганг сидел за письменным столом; после возвращения из Праги это был первый его свободный день, он даже пропустил традиционную музыкальную встречу у ван Свитена, углубившись в поиски либретто. Вольфганг уже давно не виделся с да Понте и не имел намерения идти к нему. Нужно найти сюжет для оперы. В его умении сочинять музыку никто не сомневается, а вот отыскать либретто, годное для переложения на музыку, самому, без либреттиста, не так-то легко. После «Свадьбы Фигаро» он понял: успех оперы во многом зависел от либретто. Но где найти что-нибудь подобное «Фигаро»?

Вольфганг уже несколько часов сидел над произведениями Мольера, Гольдони, Метастазиио, не находя ничего, что бы его заинтересовало, как вдруг дверь отворилась и в комнату вошли Ветцлар с да Понте.

Вид у Ветцлара был встревоженный. Остановившись на пороге музыкальной комнаты, барон сказал:

– Мы испугались, уж не заболели ли вы, почему вы не пришли?

– Много работы, а сегодня выдался единственный свободный день.

Опершись о трость, да Понте спросил:

– Хотите обойтись без либреттиста, Моцарт?

– Я слышал, вы очень заняты. С Сальери и Мартин-и-Солером.

– Разумеется! После успеха «Редкой вещи» каждый во мне нуждается. Сейчас я переделываю «Тарара» Бомарше для Сальери. После, «Фигаро», естественно, выбор пал на меня, ну и потом Солер настаивает, чтобы именно я и никто другой писал либретто для его «Дианиного дерева». Но планы моего дорогого друга Моцарта меня всегда интересуют.

– И на том спасибо! – саркастически заметил Вольфганг.

Да Понте не обратил внимания на его тон.

– Нашли какой-нибудь сюжет для Праги?

– Что тут найдешь? Метастазиио воспеваешь мифологическую любовь и героизм, и все это нежизненно и старомодно. Гольдони забавен, но очень поверхностен, а Мольер, хоть и гениальный сатирик, для оперы не подходит. Сатира не больно-то годится для переложения на музыку.

– А что же, по-вашему, годится, Вольфганг? – спросил Ветцлар.

– Настоящая жизненная драма с сильными характерами и страстями, доступными зрителю, пусть даже вызывающими смех.

– Лоренцо, а почему бы вам не написать для него что-нибудь новенькое? – спросил Ветцлар.

– Где взять на это время? – пожал плечами да Понте.

– Текст либретто не обязательно должен быть новым, – заметил Вольфганг. – Новой будет музыка?

– Но он должен понравиться вам, – сказал да Понте. – Мнение либреттиста тут ни при чем.

Вольфганг резко встал.

– Благодарю вас за визит, Ветцлар. Я ценю интерес, который вы проявляете ко мне, и вашу заботливость.

– Подождите-ка минутку, – сказал да Понте. – Моцарт, вы хотите работать со мной?

– А вы? Ведь вы нарасхват. Сам Сальери не может без вас обойтись.

Только всем им далеко до Моцарта, подумал да Понте.

– Если мне удастся найти либретто, которое вам понравится, вы согласитесь работать со мной? – спросил он.

– Лоренцо, вы плут. Но умный плут. – Вольфганг дружески протянул ему руку. – Конечно, я предпочел бы работать с вами.

– Когда назначена премьера оперы в Праге?

– На октябрь.

– А сейчас только конец марта. У нас уйма времени. И если опера пройдет с успехом в Праге, я уговорю императора оказать содействие постановке ее в Вене.

– Значит, у вас уже есть либретто, да Понте?

– Нет, нет, нет! Но не беспокойтесь, вы ищите, и я буду искать, и, не сомневаюсь, объединив наши таланты, мы найдем то, что надо. – Он поцеловал Вольфганга в щеку и добавил: – Итак, «Фигаро» произвел в Праге сенсацию. Я же говорил вам, Моцарт, работая со мной, вы добьетесь успеха.

Письмо от Наннерль, присланное через несколько дней, потрясло Вольфганга до глубины души. Папа серьезно заболел, писала Наннерль, и Вольфганг тотчас же ответил, что готов приехать в Зальцбург и ухаживать за Папой, хотя в данный момент по горло занят. Но сестра ответила: «Это вовсе не нужно. Я нахожусь возле Папы, и все, что необходимо, для него делается».

Однако тон ее ответа встревожил Вольфганга, и он решил написать самому Папе. Он долго обдумывал письмо и вложил в него много чувства.

«Мои Tres Cher Pègre!²⁴ Я только что узнал новость, которая меня очень опечалила, в особенности потому, что из Вашего предыдущего письма я понял, что Вы находитесь в добром здравии. Теперь же я узнаю, что Вы серьезно заболели. Полагаю, Вы знаете, с каким нетерпением я жду от Вас утешительного известия, как надеюсь получить его, хотя давно уже приучил себя со всех сторон ждать и принимать самое худшее.

И поскольку смерть, если смотреть здраво, – неизбежная участь, ожидающая всех нас, я за последние два года заставил себя свыкнуться с этим добрым другом человечества, так что ее появление больше меня не страшит. Я думаю о ней спокойно и с умиротворенной душой. Я благодарю бога за то, что он дал мне возможность познать, что смерть – это ключ, которым открываешь дверь в царство истинного блаженства. Я никогда не ложусь в постель, не поразмыслив вначале – хоть я и молод еще – о том, что могу и не увидеть грядущего дня. Однако никто из людей, меня знающих, не может сказать, будто я стал жаловаться на судьбу или поддался меланхолии. И за это я ежедневно возношу благодарственную молитву моему Создателю и от всего сердца желаю своим собратям разделить со мной эти чувства.

Я питаю надежду и верю, что сейчас, когда пишутся эти строки, Вам уже полегчало, но если это и не так, несмотря на все наши молитвы, молю Вас не скрывать от меня ничего. Напишите или попросите кого-нибудь написать мне всю правду, дабы я мог как можно скорее приехать и обнять Вас.

Умоляю об этом ради всего для нас с Вами святого. А тем временем молю бога полупить от Вас поскорее более бодрое письмо. Ваш всегда покорный и любящий сын».

Наннерль прочитала письмо брата Папе; Леопольду к этому времени стало немного легче. И откуда у сына такой фатализм, удивился Леопольд, но Вольфганг прав. Сын стал ему как-то ближе – давно он этого не испытывал. Но писать сам он не мог, а Вольфганг, не получая ответа, мог встревожиться. И Леопольд попросил Наннерль сообщить брату, что ему гораздо лучше, но написать от первого лица и подписать его именем, а также добавить, что приезжать не надо, сыну следует поторопиться с новой оперой, какой бы сюжет он ни избрал.

Вольфганг с нетерпением ожидал ответа от Папы, и тут как раз ван Свитен обратился к нему с просьбой прослушать молодого виртуоза. Вольфганг хотел сразу же отказаться. Он находился в слишком угнетенном состоянии, чтобы прослушивать еще одного будущего гения, у которого, можно не сомневаться, желания больше, нежели таланта, но барон не отступал.

– Я хотел предупредить вас заранее, но в воскресенье вы не пришли. – Это прозвучало упреком.

Вольфганг спросил:

– Не мог бы кто-нибудь другой его прослушать?

– Он признает только Моцарта.

– Он признает! Кто он, побочный сын императора? Ван Свитен поразился: таким раздраженным он видел,

Вольфганга впервые. Вероятно, отец его совсем плох. И уже более спокойно барон сказал:

– Я с грустью узнал о болезни вашего отца. Понимаю, как много он для вас значит.

– Благодарю. К сожалению, голова у меня сейчас действительно занята не тем.

– Знаю. Но юноша приехал из Бонна специально, чтобы учиться у вас. Разумеется, в том случае, если он вам поправится. Не могли бы вы послушать его сегодня?

– А кто будет за него платить?

– Я. Если его талант вас заинтересует.

Вольфганг, все еще настроенный скептически, сомневался, стоит ли тратить время, но в конце концов дал согласие попозже вечером послушать игру мальчика. К тому времени как ван Свитен привел своего нового протеже, Вольфганг успел о нем позабыть. Он увлеченно писал для Энн новую арию, которую собирался послать ей в Лондон. Появление юноши застало его врасплох и даже рассердило.

Шестнадцатилетний Людвиг ван Бетховен обладал не располагающей внешностью. Рябоватое, смуглое с румянцем лицо, маленькие блестящие глазки и грубые, словно высеченные из камня, черты. Благодаря сильному рейнскому акценту речь его звучала совсем немзыкально, как-то гортанно. Бетховен стоял неуклюже сгорбившись, с угрюмым выражением на лице, не зная, куда деваться от неловкости. И в то же время во всем его облике ощущалась какая-то странная настороженность. Вольфганг не мог понять – то ли от самонадеянности, то ли от робости.

Бетховен вдруг протянул Моцарту руку. Он похож на неуклюжего медвежонка, подумал Вольфганг, и, хотя жест юноши удивил его своей неожиданностью, он ответил на рукопожатие и едва не вскрикнул от боли, когда Бетховен изо всей силы стиснул его кисть.

Какая маленькая рука у Моцарта, отметил про себя Бетховен, не удивительно, что капельмейстер славится изяществом исполнения; собственная лапища показалась ему по сравнению с рукой Моцарта ужасно грубой и потной, и от этого юноша пришел в еще большее замешательство. Его сильный удар и энергичная манера игры не могут прийти по вкусу этому изысканному человечку.

Ван Свитен сказал:

– Молодой Бетховен имеет за плечами много успешных выступлений. Он великолепно играет на фортепьяно, на органе, на скрипке, на альте...

– Ну вот пусть и сыграет. Бетховен, у вас есть какие-нибудь любимые сонаты?

– Одна из ваших, – буркнул юноша, – если вы ничего не имеете против...

– Не имею, – сказал Вольфганг. Но стоило Бетховену заиграть, как он уже был против: ему не нравилось все – и неотшлифованность игры, и напряженный вид юноши, и его слишком грубое туше. Шестнадцатилетний Бетховен играл не лучше Гуммеля, только тому исполнилось всего девять лет.

Когда Бетховен закончил, ван Свитен извиняющимся тоном произнес:

– Людвиг больше всего играл на органе – он ведь служит в церкви. Поэтому его туше грубее, чем у тех, кто начинает с клавесина.

Юноша нахмурился.

– Я играл в правильном темпе, – сказал он. Вольфганг молчал.

– Разве не так? – Тон юноши стал уверенным, почти вызывающим.

– Да. – Вольфгангу пришлось признать, с темпа Бетховен ни разу не сбился.

– Можно мне поимпровизировать, господин капельмейстер?

В устах юноши это прозвучало скорее как требование, а не как вопрос. Манеры прескверные, думал Вольфганг; в какой-то момент Бетховен производил просто жалкое

впечатление, но уже в следующий распрямился и напускал на себя высокомерный вид. И все же такая сила и напряженность чувствовались в нем, что Вольфганг кивнул, далеко не будучи уверен, правильно ли делает.

– Дайте мне тему для импровизации.

Вольфганг дал тему, и Бетховен стал ее развивать; вначале игра его поражала только своей мощью, но вскоре она обрела удивительную красоту. Бетховен приостановился, и Вольфганг дал знак продолжать; теперь игру Бетховена уже нельзя было назвать тяжелой, она сделалась просто уверенной и решительной. Импровизации Бетховена не настраивают на спокойный лад, подумал Вольфганг, но в них столько оригинальности, воображения и экспрессии! И лучше всего его звук – певучий и чистый. Да, в таланте этому юноше не откажешь.

Моцарт сидел молча, с отрешенным видом, и юноша подозрительно посмотрел на композитора: видно, маэстро не понравились его импровизации.

– Ну? – нетерпеливо спросил ван Свитен. – Ваше мнение, Вольфганг?

– Внимательно прислушайтесь к его игре. Его музыка покорит весь мир, – сказал Вольфганг.

– Но вы-то беретесь его обучать? Пока она еще не покорила?

Вольфганг взглянул на юношу, мрачный как туча, тот порывисто поднялся из-за фортепьяно; доведется ли этому Бетховену пережить когда-нибудь в жизни счастливые минуты, раздумывал Вольфганг. И тут юноша попросил:

– Вы не откажетесь, маэстро, прошу вас!

С его стороны это уже немалая уступка, подумал Моцарт и сказал:

– Приходите через неделю, и мы составим расписание уроков.

– Меня больше интересует искусство композиции, нежели исполнение. Играть лучше или хуже может кто угодно, а вот сочинять музыку – дело, достойное мужчины.

– Верно.

– И вы, господин капельмейстер, мой любимый композитор.

– Я надеюсь, под конец наших занятий вы не измените своего мнения.

Вольфганг начинает язвить, подумал ван Свитен и сказал:

– Бетховен, может, вы сыграете нам еще свои вариации?

– Ни к чему. Господин капельмейстер слышал, на что я способен.

– Он прав, – сказал Вольфганг и, провожая Бетховена до дверей, подумал, как жаль, что юноша такой угрюмый, с ним будет не так-то легко подружиться.

Но через неделю ученик не появился в его доме. Молодой Людвиг ван Бетховен, у которого серьезно заболела мать, вынужден был вернуться в Бонн.

Может, это и к лучшему, решил Вольфганг: на него самого надвигалась беда. Он снова задолжал за квартиру, и на сей раз домовладелец не желал ждать. Если господин не погасит задолженность, его имущество будет описано, заявили Моцарту. Вольфгангу удалось снова одолжить нужную сумму у Ветцлера и расплатиться с домохозяином: Теперь он переехал в пригород Ландштрассе, где квартирная плата была в три раза ниже.

Через несколько дней после переезда от Папы пришла более бодрая весточка; по почерку Вольфганг определил, что писала Наннерль. Папа интересовался всем, что касалось новой оперы для Праги: какой сюжет он выбрал, будет ли либретто писать да Понте и когда намечается премьера в Праге.

Вольфганг не знал, что ответить, они с да Понте так до сих пор и не нашли подходящего сюжета, поэтому он написал Папе, что ищет настоящий трагедийный сюжет, и снова спрашивал, не нужно ли приехать в Зальцбург.

Прошла неделя, ответ не приходил, а потом Наннерль сообщила, что Папа все в том же положении и приезжать Вольфгангу незачем.

Собственное тело стало для Леопольда источником нестерпимых страданий, он чувствовал себя словно в кандалах. Дочь твердила: «Вы будете жить еще долго-долго,

Папа», но ему не хотелось больше жить. Терзаемый невыносимой болью, он не испытывал никакого желания тянуть это существование, превратившееся в нескончаемую пытку. Он забывался только во сне, но и спать мог лишь урывками.

А потом у него начался бред, он слышал, как говорит Вольфгангу: «Я человек разумный и всегда пытался внушить тебе, что бедность лишает человека свободы; я вовсе не так уж люблю деньги, но без них человек беспомощен». Они стояли рядом, и Леопольд никак не мог понять, где находится, такого с ним еще не бывало. Но оба они – старик и молодой – смотрели друг другу в глаза, и одинаковая любовь светилась в их взглядах. Чистый юношеский голос пел серенаду, нежные звуки ее устремлялись ввысь. «Красивая песня», – сказал старик. «Это то, чему вы меня научили», – ответил молодой.

Огромная слеза, расплываясь, начала отгораживать их друг от друга, и Леопольд почувствовал, что ведет себя неразумно, а уж это было совсем не в его натуре. И тут он увидел Анну Марию. Он различал ее совсем явственно. Нет, немыслимо. Она ведь мертва. Он сделал шаг ей навстречу, и она вдруг исчезла. Но больше всего огорчило Леопольда то, что он не услышал ее голоса. Не слышал ни звука. Кругом стояла мертвая тишина.

29 мая 1787 года друг Наннерль Франц д'Иппольд сообщил Вольфгангу, что отец его накануне скончался и похороны состоятся 30 мая на кладбище св. Себастьяна.

Оцепеневший от горя, отказываясь верить этой страшной вести, Вольфганг ждал письма от сестры. В Зальцбург на похороны он поспеть не мог. Борьба за существование становилась не легче, а все труднее, денег не прибывало, а убывало, и силы не возрастали, а, наоборот, таяли с пугающей быстротой.

Леопольда похоронили на кладбище св. Себастьяна, потому что муж Наннерль решил, что так будет разумнее всего. Папа, несмотря на свою всегдашнюю предусмотрительность, не позаботился приобрести участок на своем любимом кладбище св. Петра, и Бертольд Зонненбург рассудил: кладбище св. Себастьяна не так забито, как кладбище святого Петра, и в то же время прах Папы будет покоиться в хорошем обществе. Вольф Дитрих, самый знаменитый из всех зальцбургских архиепископов, был похоронен там, да и великий медик Парацельс. Наннерль, совсем потерявшая голову от горя, не в силах была спорить с супругом и предоставила все на его усмотрение.

Но в Наннерль, как и в ее отце, жил острый наблюдатель. Сидя в карете, следовавшей по Линцергассе за похоронными дрогами, она с горечью отметила, как мало собралось народу. Почти все друзья Лапы либо умерли, либо были слишком стары и немощны, чтобы прийти на похороны; явились лишь Шахтнер, Буллингер и Михаэль Гайдн. Из двора Колоредо никто не счел нужным почтить память отца, и Наннерль это очень рассердило. Папа умер в неизвестности, думала она, а ведь только благодаря ему Зальцбург прославился на весь мир.

Церковь св. Себастьяна совсем небольшая, в ней всего четырнадцать скамей, и, когда Наннерль, преклонив колени, молилась о спасении Папиной души, ей было очень горько, что рядом нет Вольфганга. Нужно немного успокоиться, прежде чем писать брату, но ему следовало бы находиться сейчас здесь, Папа ведь так его любил.

Могилу окружала дорожка, выложенная красным мрамором – мрамор добывался в недрах Унтерсберга. Бертольд правильно говорил, кладбище оказалось пустоватым. Кроме их траурной процессии, здесь вообще никого больше не было, и тишину нарушали лишь хруст их шагов по посыпанной гравием дорожке да щебетанье птиц. Папа так любил пение птиц. Если птица не поет, считал он, это неестественно. Один из величайших учителей музыки, каких только знал мир, похоронен здесь; станет ли это когда-нибудь известно людям, с грустью думала Наннерль.

Она написала брату, что прах их отца покоится на кладбище св. Себастьяна, при самом входе, на случай, если ему захочется посетить могилу. Но ни словом не обмолвилась об обстоятельстве, которое показалось ей иронией судьбы: могила Папы находилась совсем рядом с Линцергассе – по этой улице они все вместе выезжали когда-то из Зальцбурга в свою триумфальную поездку по Европе. Похороны были очень скромными для человека,

достигшего таких высот в музыке, писала она и добавила: «В последние дни Пана постоянно вспоминал Маму, ты ведь знаешь, он до конца своих дней так и не примирился с ее смертью».

Из письма Наннерль Вольфганг понял: сестра ждет, что он в скором времени посетит могилу отца. Только зачем это надо?

Впрочем, как-то раз Вольфганг побывал на кладбище. Не все ли равно, на каком кладбище, ведь могилы были и там. Увидев на одном надгробном камне имя «Леопольд», он долго стоял и молился, глядя на могилу, потом обошел могильный холм вокруг; он чувствовал, что ему никогда не удастся поехать в Зальцбург, как бы ни хотелось побывать на Папиной могиле, и на прощанье снова повернулся к могиле незнакомого ему Леопольда. Слезы мешали ему разглядеть фамилию покойного, да он и не пытался – не все ли равно? Вольфганг плакал и шептал: «Прощай, Папа»

Чтобы доказать, как ты любил человека, вовсе не надо ходить на кладбище, где он похоронен, думал Вольфганг по дороге домой. Но теперь он понимал, какие чувства переживал Папа, так и не повидавший далекую могилу своей жены.

Спустя неделю, когда умер его любимый скворец, Вольфганг похоронил птичку в саду своего нового дома в предместье Вены – Ландштрассе. Он устроил своему питомцу торжественные похороны; те из участвовавших в церемонии друзей, которые умели петь, исполнили реквием, сочиненный Вольфгангом специально по этому случаю. А на камешке, возложенном на могилу скворца, он написал: «Здесь покоится мой нежно любимый дурачок – скворец. Он так прекрасно пел, в нем было столько жизни, а теперь он спит вечным сном, как и многие другие».

82

Тяжелое настроение, навеянное кончиной любимого отца сомнения, творческое бессилие, тревога из-за долгов – все это как рукой сняло, когда выяснилось, что Констанца снова беременна. Вольфганг был вне себя от радости и со всем пылом своей неунывающей натуры увидел в этом доброе предзнаменование. Не получая никаких вестей от да Понте и не в силах дольше ждать, он сам отправился к либреттисту. Прошло всего несколько недель после Папиной смерти; войдя в роскошную квартиру да Понте на Кольмаркт, рядом с домом, где проживал прежний придворный поэт Метастазियो и поблизости от Гофбурга, Вольфганг смутился, сообразив, что совершил оплошность, надо было попросить слугу доложить о себе.

Хотя он пришел среди дня и на письменном столе либреттиста были чернила, перья и три стопки рукописей, тут же стояли бутылки с ликерами и всевозможные сласти, а сам хозяин сидел в халате на кушетке, держа на коленях очаровательную молодую девицу. Да Понте обнимал ее за талию, корсаж красотки до половины расстегнулся, и вид у поэта был самый блаженный. Девица лет восемнадцати, не больше, при появлении Вольфганга вспыхнула, вскочила и с негодованием уставилась на пришельца.

Однако сам да Понте ничуть не смутился, напротив, он, казалось, даже гордился тем, что его застали в обществе такой юной особы.

– Диана, мы встретимся попозже. – Он дал ей знак удалиться. Она повиновалась, бросив Вольфгангу на прощанье сердитый взгляд.

– Прощу извинить... – начал было Вольфганг, но да Понте оборвал его.

– Ничего, успеется, день еще впереди. Чем могу служить, Вольфганг?

– Вы назвали ее Дианой, а она ведь австриячка.

– Это имя героини того либретто, что я пишу для Мартин-и-Солера. Оно ей нравится, кажется более поэтичным, чем Гретель.

– А вам она очень нравится?

– Вы сегодня излишне любопытны.

– Мне хочется знать, что отвлекает моего либреттиста от поисков сюжета.

– Во всяком случае, не она. Сюжет найдется. Я ведь всегда кем-нибудь увлечен. Привычка! Помогает сохранять молодость.

Да Понте на семь лет меня старше, а держится легкомысленным юношей, думал Вольфганг, глядя на венецианца, вот только морщин не спрячешь.

– Но Диана девушка добродетельная. Она дарит свою любовь только мне.

Вольфганг скептически усмехнулся.

– Правда! Она до безумия влюблена в меня, так зачем же разбивать ее сердце? А когда работа не клеится, лучше утешения не придумаешь.

– Ну и, конечно, вы ее обожаете.

– В настоящий момент – да. Для меня каждая женщина – самая любимая, пока на смену ей не явится другая. Но я всегда искренен в своих чувствах. Двух девиц одновременно не завожу.

– Почему у вас целых три рукописи на столе?

– Одну пишу для Сальери, одну для Солера, а одну для Моцарта.

– Которая из них посвящена мне? Да Понте указал на третью стопку.

Вольфганг взял первые страницы. Имени да Понте на них не было: там стояло «Il Convitato di Pietra» Бертати. – «Каменный гость», – перевел Вольфганг. – Разве на этот сюжет не была недавно поставлена где-то опера?

– Гаццанига написал одноактную оперу-буффа под названием «Don Giovanni Tenorio o sia il Convitato di Pietra» – «Каменный гость, или Наказанный развратник», которая была поставлена и имела успех в Венеции. Но в ней нет ни моего стиля, ни моего остроумия, не хватает ей и присущего вашей музыке изящества, и мелодичности.

– Дон-Жуан может оказаться выигрышным сюжетом.

– Просмотрите текст Бертати. Это не займет много времени.

Вольфганг стал быстро листать рукопись, а из головы не выходил да Понте и та ситуация, в которой он застал поэта; думал он и о Казанове, с которым был дружен да Понте, о вечном стремлении Папы к славе, деньгам и положению, о радости бытия и вечно подстерегающей человека смерти. Вольфганга заинтересовала сцена, где Дон-Жуан встречается со статуей Командора, бросает вызов дьяволу и проваливается в преисподнюю. Трагедии, пережитые Вольфгангом за последние месяцы, снова зловещим пламенем вспыхнули в его flvnie, и он сказал:

– «Il Dissoluto Punito Il Don Giovanni». Сюжет может подойти для оперы. Почему бы вам не написать на этот сюжет либретто?

– Идея не оригинальна.

– А какое из ваших либретто написано на оригинальный сюжет?

– Вольфганг, вы знаете, что я имею в виду.

– Я знаю лишь одно: в характере Дон-Жуана заложены прекрасные возможности для серьезной оперы.

Да Поуте редко видел Моцарта таким взволнованным. Возможно, композитор и прав. У Моцарта великолепное чутье, он знает театр лучше любого из известных да Понте композиторов. И сюжет этот можно легко переделать в либретто. Уже существует несколько версий у Мольера, Гольдони и других авторов. Да Понте сказал:

– Что ж, мне эта мысль тоже по душе.

Вольфганг понял: ему удалось убедить да Понте, что сюжет Дон-Жуана прекрасно подходит для оперы, либреттист вел себя теперь так, будто с самого начала не сомневался в его пригодности.

Следующие недели Вольфганг и да Понте вместе трудились над «Дон-Жуаном», да Понте отрывался порой, чтобы поработать немного и над другими либретто, Вольфганг – только на неотложные вещи, которые ему время от времени приходилось сочинять. А одно из таких сочинений стало ему особенно дорого, когда оказалось, что Констанцу больно задела песня, посвященная им Алоизии.

Он писал эту серенаду в соль мажоре – серенад он не писал уже много лет, – вкладывая

в нее всю свою любовь и весь талант, с намерением преподнести Констанце к пятой годовщине их свадьбы. Чтобы отпраздновать столь важное событие, он пригласил много друзей. Наннерль сообщила, что Вольфганг, по-видимому, получит тысячу гульденов после ликвидации имущества Папы, завещанного им поровну, и Вольфганг одолжил под наследство деньги и устроил прием. Он снял у своего домохозяина на этот день сад и пригласил небольшой оркестр.

В праздничный день, 4 августа, Констанца чувствовала себя как в добрые счастливые дни их жизни в том доме, где создавался «Фигаро». Вольфганг от души веселился. И все-таки за этой веселостью таилась тревога, отчаяние даже, словно он изо всех сил цеплялся за свое счастье, боясь в скором времени лишиться его.

Обед сервировали в саду, там же расположился оркестр. Гостей собралось множество; среди них были и Гайдн, приехавший на каникулы в Вену, и Сальери, приглашенный Вольфгангом по совету да Понте.

Гайдн выразил желание сесть возле хозяйки, и Констанца больше не чувствовала себя незаметной и незначительной. Вольфганг дирижировал маленьким оркестром с таким подъемом, словно это была премьера одной из его опер. Слушая, как разносятся в прозрачных венских сумерках чудесные звуки серенады соль мажор, Констанца думала, что лучшей музыки ей еще не приходилось слышать – легкая, романтическая, полная лиризма и задушевности, серенада была лишена всякого трагизма и мрачности, присущих почти всем последним вещам Вольфганга. Эта серенада, несмотря на всю безыскусственность, а может быть, именно благодаря ей звучала так мелодично, что, по мнению Констанцы, наверняка рождала зависть у всех композиторов. Как удивительно сумел Вольфганг высказать ей свою признательность. Когда прозвучали последние аккорды, Констанца воскликнула:

– Вольфганг, это одна из самых замечательных твоих вещей!

– Наша «Маленькая ночная серенада», – нежно сказал он.

Спавший наверху в детской сын вдруг заплакал. Констанца встревожилась, но Гайдн предложил:

– Госпожа Моцарт, а почему бы вам не принести его сюда? Может быть, и Карл Томас не откажется послушать музыку?

Констанца принесла сынишку и опустила его на землю походить; он подбежал к Гайдну, и тот ласково взял малыша на руки.

– Сколько ему, Вольфганг? – спросил Гайдн.

– Скоро три.

– Любит ли он музыку так, как любили ее вы в три года?

– Трудно сказать. Он любит слушать. Но мне пока было недосуг заняться с ним.

– Вольфгангу не хватает терпения, которое было у его отца, – заметила Констанца и вдруг покраснела. Она давно не вспоминала о Леопольде. Не в состоянии разделить с мужем его скорбь, она подчас раздражалась и чувствовала себя виноватой и потому всячески избегала разговоров на эту тему. Зато не раз говорила, как ей нравится жить за городом, хотя очень скучала здесь, на окраине Вены, вдали от шумного центра, но надо же было подбодрить Вольфганга, отвлечь от грустных мыслей.

– Как учителю музыки мне до Папы далеко, – сказал Вольфганг.

– Весть о его кончине меня глубоко опечалила, – сказал Гайдн. – Я понимаю, для вас это страшная потеря. Знакомство с господином Леопольдом доставило мне много радости.

– Это был благороднейший человек, – сказал Вольфганг, – мой самый дорогой и горячо любимый друг.

Карл Томас подбежал к клавесину, сидя за которым дирижировал отец, и Гайдн предложил:

– Пусть попробует. Посмотрим, что получится.

Но клавиши не заинтересовали ребенка, и, когда Вольфганг сел рядом и показал, как их нужно нажимать, Карл Томас расплакался. Отец очень расстроился.

Но Гайдн сказал: – Слишком много людей на него смотрит, малыш испугался.

Вольфганг не признался другу, что уже проводил подобный опыт, но ничего не получилось. Это единственное, что огорчало его в Карле Томасе, в общем ласковом и покладистом мальчике.

Да Понте, которому наскучила возня с ребенком, желая подразнить Вольфганга, сказал:

– Моцарт, синьор Сальери утверждает, что писать оперу о Дон-Жуане – глупая затея.

– Я просто сказал, что идея не нова, за этот сюжет брались многие, – возразил Сальери.

Вольфганг, в знак дружеского расположения усадивший Сальери рядом с собой, был поражен его поведением. Прежде чем взяться за какое-нибудь блюдо, Сальери осторожно пробовал его на вкус. Неужели его соперник заподозрил в пем Борджиа?

– А я верю, что моцартовский «Дон-Жуан» будет одновременно и забавным и трагичным, – сказал Гайдн.

– Вот это меня и беспокоит, – подхватил Сальери. – Не знаю, как мои добрые друзья, Моцарт и да Понте, рассчитывают создать хорошую оперу при том, что герой ее самый настоящий развратник!

– Да, он злодей, это верно, – сказал Вольфганг, – но не только злодей.

– Вам он нравится? – изумился Сальери. – Он же просто убийца!

– Может, и похуже. Но я не поборник нравственности, я композитор.

– А вкус публики вас не интересует? Вы не боитесь не угодить ей?

– Больше всего я боюсь не угодить самому себе.

– Нам следует принимать во внимание и чувства императора. Ведь он наш Цезарь.

– Я уважаю его за тот интерес, который он проявляет к музыке. Но ведь «Дон-Жуана» я пишу для Праги, для себя и для моих друзей.

Гайдн покорило бестактное замечание Вольфганга. Он сказал:

– Когда наш прославленный Глюк умрет, в императорской капелле появится вакансия.

– Я надеюсь, маэстро Глюк проживет еще много-много лет! – горячо воскликнул Сальери.

Гайдн не поверил в искренность его слов, ведь после смерти Глюка Сальери сразу пойдет в гору. Но самого Гайдна заботила только судьба Моцарта: Вольфганг так нуждался в месте при императорском дворе.

– Мы должны уважать тех, кто поставлен над нами, – заметил Гайдн.

– О, я их уважаю! – сказал Вольфганг. – Мы с отцом столько писали коронованным особам прошений, проникнутых духом самого настоящего смирения.

– А иначе и быть не может, – сказал Сальери, – нам следует быть благодарными господа богу за то, что правители, которым ему было угодно поручить нас, мудры и благородны в своих деяниях и поступках.

Вольфганг повернулся к ван Свитену:

– Бетховен собирается вернуться в Вену?

– Не знаю. Его мать тяжело больна, а он очень ее любит.

– У этого мальчика настоящий талант.

– Он мечтает стать композитором. По его словам, ничто другое для него не существует. Он очень огорчен, что обстоятельства помешали ему брать у вас уроки.

– По выражению его лица я бы этого не сказал. Констанца подтолкнула Вольфганга. Сальери собирался уходить. Когда они, прощаясь, склонились друг перед другом в поклоне, Сальери заметил:

– Вы оказали мне большую честь своим приглашением, господин Моцарт, желаю вам в Праге всяческого успеха.

Вольфганг поблагодарил, не веря его искренности. Вскоре гости стали расходиться, но вечер удался на славу, он понял это, потому что Гайдн сказал:

– «Маленькая ночная серенада» – настоящий шедевр. Думаю, каждый из нас мечтал бы сочинить нечто подобное.

Теперь все силы, весь свой талант Вольфганг отдавал созданию «Дон-Жуана». В тексте да Понте, который начал уже принимать определенную форму, многое, как и ожидал Вольфганг, было позаимствовано у Бертати, кое-что у Мольера, Гольдони и Тирсо де Молина – испанского монаха, которому принадлежало первенство в обработке для театра средневековой легенды о «севильском оболъстителе». Но было в либретто да Понте кое-что и оригинальное.

Вольфгангу опера представлялась как трагедия Дон-Жуана, порочная натура которого неотвратимо ведет его к гибели, тогда как да Понте был исполнен решимости написать веселую комедию интриги. Либреттист всячески усложнял любовные перипетии Дон-Жуана – соблазнителя, а композитор основное внимание уделял столкновению своего героя с Командором. Да Понте видел главное в развитии сюжета, а Вольфганг стремился раскрыть всю глубину чувств своих героев.

Постепенно ему удалось убедить да Понте идти по пути создания живых человеческих характеров, а не ходульных персонажей мелодрамы, и либреттист, захваченный сюжетом, который он рассматривал теперь как собственное детище, создавал яркие, впечатляющие сцены.

Получив текст либретто, Вольфганг прежде всего взялся за арии, в которых был полностью уверен и которые должны были подойти для голосов со средним диапазоном. Чем больше он углублялся в драму Дон-Жуана, тем усиленнее работало его воображение. Целая сокровищница прекрасных мелодий обнаружилась в нем. Весь опыт, накопленный им в мире музыки, приносил сейчас свои плоды. Порой музыка его звучала светло и радостно, а порой в ней слышались отголоски демонических страстей, низменных инстинктов. Хотя да Понте продолжал твердить, что «Дон-Жуан» должен быть комедией, трагические мотивы сами собой проникали в музыку. Однако присущее Вольфгангу чувство юмора брало верх. Для трагических ситуаций он писал трагическую музыку, для комических – комическую, и его мало трогало, какой по жанру должна быть опера: все его старания были направлены к тому, чтобы музыка вдохнула жизнь в характеры героев. Да Понте же стоял на своем: их новое произведение должно быть выдержано в определенном стиле.

Да Понте назвал оперу: «Don Giovanni – Il dissolute punito – Damma giocoso» – «Дон-Жуан, или Наказанный развратник, – веселая драма в двух актах», и Вольфганг согласился с таким названием. И даже тогда, когда музыка казалась веселой и бодрой, в ней звучали мрачные ноты.

К 1 октября, когда Вольфганг вместе с Констанцей уехали в Прагу, оставив Карла Томаса под присмотром госпожи Вебер, половина партитуры была уже написана и большую часть второй половины он держал в голове. Да Понте приехал в Прагу неделей позже, чтобы присутствовать при распределении ролей и подгонять текст к голосам певцов; он занял в гостинице комнату, окна которой смотрели прямо в окна Вольфганга – так было удобнее переговариваться друг с другом. Вольфганг снял прекрасные комнаты в чистенькой гостинице «Трех золотых львят», уплатив за них из той тысячи гульденов, которую получил в наследство от Папы, – эти деньги пришлось очень кстати.

Констанца считала, что ему полагается больше: Наннерль завладела многими ценными вещами Леопольда, не включив их в описание отцовского имущества. Но когда она завела разговор об этом с Вольфгангом, он очень расстроился и сказал, что из-за нескольких гульденов не собирается ссориться с родной сестрой.

Ведь деньги эти, напомнил он Констанце, позволили им устроить чудесный прием в саду, снять в Праге комнаты в прекрасной гостинице и расплатиться с большей частью долгов. И Констанца замолчала: распределение ролей в новой опере доставляло ему и так слишком много огорчений. Бондини распределил роли в «Дон-Жуане», не посоветовавшись ни с композитором, ни с либреттистом, и, когда они в некоторых случаях выразили сомнение, импресарио заявил:

– Это все, что есть в моем распоряжении. Наш Национальный театр не располагает такими возможностями, как венский. Кроме того, это та же труппа, что с таким успехом исполняла «Фигаро».

– Но «Дон-Жуан» не «Фигаро», – возразил да Понте, – он гораздо сложнее.

– Что же вы посоветуете? – спросил Бондини. – Нанять певцов в Вене?

Понимая, что это невозможно, Вольфганг поспешил вставить свое слово:

– Луиджи Басси, который поет Дон-Жуана, должен, прекрасно справиться с ролью, а из вашей жены выйдет чудесная Церлина, но есть несколько певцов, чьи голосовые данные очень ограничены.

– Нанять больше некого, – уперся Бондини, – нам это не по средствам. И так мы идем на большой риск, ставя эту оперу, она сильно отличается от «Фигаро».

– Слишком серьезная? – спросил да Понте, желая услышать в ответ подтверждение.

– Более трагичная, чем я ожидал.

– Чересчур трагичная? – подстрекал его да Понте.

– Как раз в меру, – резко отпарировал Вольфганг.

– Возможно, – сказал Бондини, – я остаюсь при своем мнении, но мы постараемся сделать все от нас зависящее, и, если вы согласитесь внести ряд изменений, опера, может, и удастся.

Вольфганг был очень расстроен.

В тот же вечер, когда Вольфганг и да Понте работали вдвоем в гостинице «Трех золотых львят», меня либретто и музыку в соответствии с желанием Луиджи Басси – красавца и обладателя великолепного баса, да Понте объявил:

– Я смогу пробыть здесь всего лишь неделю. Вольфганг пришел в отчаяние.

– Но впереди еще столько работы!

– Сальери настаивает на моем возвращении в Вену. Нужно начинать работу над его новой оперой.

– Когда намечена ее постановка?

– Через месяц-два. Точно не знаю. – Да Понте пожал плечами. Сальери был для него важнее Моцарта, но не мог же он в этом признаться.

– А нам требуется две, самое большее три недели, чтобы все закончить. Если вы уедете так скоро, это вызовет ужасный скандал. В Праге сочтут, что вам безразлична судьба оперы.

– Весьма сожалею, но иного выхода нет. Император очень заинтересован в новой опере Сальери, и мы не можем вызвать его неудовольствие.

А может, размышлял Вольфганг, Сальери поставил да Понте перед выбором и поэт решил в пользу Сальери, приняв во внимание благосклонное отношение к нему императора? Вольфгангу очень хотелось предъявить да Понте свой ультиматум: пусть выбирает кого-то одного – его или Сальери. Но он не осмеливался угрожать кому бы то ни было, он просто не умел.

– Через неделю, Моцарт, я вам не так уж буду и нужен. Либретто, собственно, уже закончено, а требуемые изменения вы сможете внести и сами.

Что ж, тут есть свои преимущества, решил Вольфганг, в тексте имеются места, требующие доделок, а это проще сделать без либреттиста.

– Главная работа предстоит с певцами, надо будет репетировать с ними и подгонять музыку к их голосам, потому что все певцы хуже венских, – сказал да Понте.

– К счастью, публика получше, чем в Вене.

– Некоторые ваши арии настолько сложны, что я просто не знаю, как певцы справятся.

– Справятся. После того как я с ними поработаю.

– А жена импресарио? Как вам удастся исправлять ее ошибки?

– Я найду к ней подход.

– Заведете с ней интрижку? – подмигнул да Понте.

– Этого я не сказал, – раздраженно ответил Вольфганг.

– В театре таким не удивишь, почему бы вам не попробовать? Я уверен, она согласится

при условии, что вы отдадите ей лучшие арии.

– Церлина получит то, что ей полагается, а не то, чего пожелает синьора Бондини.

Да Понте вздохнул.

– Слишком уж вы высоконравственны.

– Если уж кому можно предъявить такой упрек, то только вам.

Да Понте возмутился и начал горячо протестовать.

– Не вы ли говорите, что Дон-Жуан должен быть наказан потому, что он злодей? – сказал Вольфганг.

– Так он и есть злодей!

– В каждом из нас есть частица Дон-Жуана. В глубине души каждый желает обладать многими женщинами и хочет быть неотразимым, как он, – заметил Вольфганг.

– А вы еще пишете для него арии, исполненные такой чувственности и красоты, что устоять перед ним невозможно.

– И в то же время он соблазнитель, который терпит крах.

– Ага, теперь в роли защитника нравственности выступаете вы, Моцарт!

– В роли защитника жизненной правды. Дон-Жуаны чаще добиваются успеха на словах, чем на деле. Именно поэтому опера одновременно комична и трагична.

– Я должен познакомить вас с Казановой. Он мой друг и живет недалеко от Праги. Он сможет вам помочь кое в чем.

Прежде чем уехать в Вену, да Понте устроил Вольфгангу встречу с Казановой и дал ему полезный совет:

– Считают, что Глюк долго не протянет. Я буду держать вас в курсе событий. Когда Глюка не станет, вам полезно находиться в Вене. Вы сможете получить тогда место при дворе.

В 1786 году по либретто да Понте было поставлено шесть опер, в этом году уже три, и да Понте чувствовал себя вполне надежно в качестве придворного поэта. Но укрепить свои позиции никогда не вредно. Вкусы публики меняются, и, кто знает, может быть, Моцарт в один прекрасный день займет место Сальери.

Джакомо Казанова сказал, что счастлив познакомиться с выдающимся композитором, и выразил надежду, что господин капельмейстер испытывает те же чувства.

– Разумеется, – сказал Вольфганг, отвешивая Казанове вежливый поклон. Репутация венецианского распутника была хорошо известна в Вене, и сейчас, глядя на стоящего в дверях Казанову, Вольфганг поразился его сходству с либреттистом. У обоих были яркие живые глаза, взгляд которых, казалось, пронизывал собеседника насквозь, венецианский акцент, резкие черты лица и широкие, выразительные жесты.

Но Казанова был гораздо старше да Понте; сейчас, когда он стоял, прислонившись к дверному косяку, ожидая приглашения сесть, вид у него был очень усталый, и Вольфганг вспомнил, как да Понте говорил: «Казанова стал быстро утомляться, ему уже шестьдесят два».

Казанова принес свои извинения:

– Я приехал из Дукса, пригорода Праги; каких-нибудь несколько лет назад мне ничего не стоило проделать путь вдвое больший ради улыбки хорошенькой женщины, а теперь, увы, это меня утомляет. И вообще я опустился до того, что стал библиотекарем в замке чешского графа Вальдштейна и, кроме того, пишу мемуары. Да Понте сказал, что вам нужна помощь в «Дон-Жуане». У меня есть в этой области кое-какой опыт, как вы, наверное, слышали.

– Да, слышал.

– И я неплохо разбираюсь в музыке. В молодости какое-то время зарабатывал себе на жизнь, играя на скрипке в оркестре Венецианской оперы.

Интерес Вольфганга сразу возрос, и, когда Казанова сказал, что слышал в Праге «Свадьбу Фигаро» и был очарован оперой, Вольфганг дал ему копию либретто «Дон-Жуана» и пригласил с собой на репетицию.

Казанова слушал очень внимательно, с каким-то странным выражением, казалось, он

разделяет все чувства Дон-Жуана и в то же время относится к нему недоверчиво. Под конец репетиции Казанова сказал:

– Сцену, где Лепорелло перечисляет победы Дон-Жуана, да Понте взял из моей биографии. А сама ария похожа на «Мальчик резвый» из «Фигаро».

– Нота в ноту? – Вольфганга это не обидело, а скорее позабавило.

– Ну разумеется, нет. Но стиль тот же самый. Греха тут нет! То, что прошло с успехом один раз, господин маэстро, снова будет иметь успех. Лепорелло у да Понте ужасно похож на слугу, который когда-то был у меня. Его звали Коста, вот уж продувная бестия!

– А сам Дон-Жуан?

– Мои победы были иного рода. Я получал от них истинное удовольствие. А я вовсе не уверен, что ваш Дон-Жуан испытывает то же самое. А вот секстет во втором акте следовало бы улучшить. Я с большим удовольствием поделюсь с вами моим жизненным опытом.

Вольфганг отнесся к этому предложению без особого интереса, но Казанова уже пустился в рассказы о своих любовных похождениях, где очень трудно было отличить правду от выдумки. Венецианец то пыжился, как индийский петух, расписывая какой-нибудь из своих шумевших романов, то вдруг начинал жаловаться, что прислуга графа Вальдштейна непочтительно обращается с ним и норовит поставить его на одну с собой доску.

Чтобы прервать этот длинный монолог, Вольфганг предложил Казанове взять с собой копию либретто и внести исправления там, где венецианец сочтет нужным. Правда, Вольфганг отнюдь не был уверен, пригодятся ли ему эти поправки.

Через несколько дней Франтишек и Йозефа Душек, знакомые Вольфгангу еще по Зальцбургу, куда они приезжали с музыкальными гастролями, пригласили Моцартов пожить у них на загородной вилле в предместье Праги – Смихове. Вольфганг принял приглашение, но оставил за собой комнаты в гостинице «Трех золотых львят» на тот случай, если окажется необходимым быть поближе к театру. Вольфганг высоко ценил Душек как музыкантов и считал их своими близкими друзьями. Франтишек был прекрасным пианистом, преподавателем и писал инструментальную музыку, а Йозефа обладала чудесным голосом и славилась своей артистичностью и вкусом.

Их вилла «Бертрамка» стояла в прекрасном саду, погода была мягкая, теплая, и Вольфганг писал музыку, сидя то в саду, то в застекленной беседке. Работа над партитурой подходила к концу. Он вынашивал эту музыку уже многие месяцы, а некоторые арии не давали покоя много лет и только ждали момента вылиться наружу.

Казанова переписал секстет во втором акте и изменил некоторые сцены с участием Лепорелло и Дон-Жуана, но Вольфгангу его предложения не понравились. После отъезда да Понте он уже успел внести в либретто собственные изменения, которые устраивали его гораздо больше. Его Дон-Жуан вовсе не похож на Казанову, решил он. Музыка последней сцены с Командором была торжественна и одновременно пронизана таинственностью и страхом – такие мотивы звучали впервые в его творчестве. Дон-Жуан, под ногами которого уже разверзлась бездна, остается у Моцарта живым человеком, обуреваемым страстями, он не хочет сдаваться, не раскаивается в своих поступках, и грозная музыка звучит как зловещее пророчество, она мрачна и полна дурных предчувствий.

Душеки обещали Вольфгангу полное уединение на своей вилле, но новость о том, что у них гостит Моцарт, быстро распространилась и привлекла в их дом множество посетителей. Приезжали гости якобы для того, чтобы поиграть в кегли. Кегельбан находился в другом конце сада, но до Вольфганга доносился грохот катящихся шаров и сбиваемых кеглей, и время от времени он присоединялся к игрокам. Ему очень нравилось местоположение виллы. Она стояла на холме, откуда открывался великолепный вид на Прагу и ее величественные здания в стиле барокко, и одно сознание, что город совсем близко, рукой подать, даже когда он на него не смотрит, вдохновляло Вольфганга.

Он творил с увлечением, пока не узнал, что премьера «Дон-Жуана», приуроченная к

праздничному событию – свадебному путешествию в Прагу принца Антона Саксонского и его супруги эрцгерцогини Марии Терезии, – откладывается из-за болезни одного из певцов. Вольфганг сильно огорчился. Постановка оперы специально в честь королевской четы сулила ему большие возможности: новобрачная была дочерью Леопольда Тосканского, брата Иосифа II, который в случае смерти Иосифа должен был унаследовать трон.

Вольфганг выразил Бондини свое недовольство, но изменить решение импресарио не мог. Найти замену не удастся и премьеру придется отложить, заявил тот. Вместо «Дон-Жуана» в честь коронованных особ поставили «Свадьбу Фигаро».

Да и в самом деле, решил Вольфганг, не все ли равно. Любая его опера понравится эрцгерцогине, поскольку она не слышала ни одной.

Иозефу Душек пригласили петь в концерте, устроенном в честь королевской четы, и она попросила Моцарта сочинить для нее концертную арию.

– У меня нет времени, – ответил он, – я еще не написал увертюру, – но Иозефа заперла его в беседе.

– Вольфганг, я не выпущу вас до тех пор, пока не получу готовую арию.

В тот же день к вечеру Вольфганг вручил ей арию.

– Я порву ее на кусочки, если вы не споете ее прямо с листа, и притом без единой ошибки, – сказал он.

Как могла она сфальшивить в такой арии – ничего прекраснее и тоньше Иозефа не слышала. Задушевная и поэтичная, ария в то же время давала певице возможность блеснуть своим голосом.

На первой же общей репетиции «Дон-Жуана», однако, Тереза Сапорити – донна Анна запнулась при исполнении арии «Non me dir, bell'idol mio» («Нет, жестокий милый друг мой, ты меня не называй»), пленительно-ласковой и легкой. Ария написана в слишком низком регистре, заявила Тереза Сапорити, не подходит для ее голоса и не передает чувств оскорбленной героини. Вольфгангу ничего не оставалось, как переписать арию, потому что и на эту роль никакой замены не было. К трогательному *larghetto* «Нет, жестокий милый друг мой» Вольфганг добавил бравурное *allegretto*, закончившееся каскадом колоратурных рулад. Сделал он это помимо своего желания – переделанная ария отнюдь не соответствовала образу донны Анны, но Тереза Сапорити осталась довольна.

– Наш маэстро ростом такой маленький, – сказала она Бондини, – а пишет такую величественную музыку.

Но тут к нему обратился Луиджи Басси – Дон-Жуан с настоятельной просьбой переписать его дуэт с Церлиной в сцене обольщения этой крестьянской девушки, заявив, что у него нет ни одной бравурной арии, а она ему совершенно необходима, раз уж композитор подарил такую донне Анне. Вольфгангу пришлось ни раз переписывать «La ci darem la mano» («Дай руку мне, красотка»), прежде чем Басси остался доволен дуэтом.

Басси исполнил свою партию с большим подъемом. На генеральной репетиции произошел такой случай: в сцене, где Дон-Жуан нападает на Церлину, синьора Бондини – Церлина никак не могла изобразить испуг и естественно взвизгнуть. Тогда Вольфганг попросил оркестр снова повторить эту сцену без него – он дирижировал на репетиции, – а сам тихонько пробрался за кулисы и в нужный момент так сильно схватил сзади Церлину, что та, не на шутку испугавшись, закричала на весь зал.

– Вот и прекрасно, – сказал композитор. – Это и требуется от вас в спектакле.

Все наконец, казалось, было готово, за исключением увертюры. Бондини чувствовал себя как на иголках – ни единого такта увертюры не написано, а премьеры назначена на завтра!

После генеральной репетиции он сказал композитору, что премьеру придется отложить: как мог Моцарт так рисковать и затянуть с увертюрой до последнего момента!

– Да она у меня полностью в голове уже несколько недель, но мне необходимо было прослушать всю оперу с начала до конца, лишь теперь я могу взяться за увертюру. В ней

должны найти отражение все главные темы оперы. Не волнуйтесь, я успею. Напишу ее сегодня ночью.

– Но ведь уже почти полночь! Даже если вы проработаете до утра, где взять время, чтобы сделать копии для оркестра?

– Прикажите переписчикам прийти в гостиницу ровно к семи часам, и они ее получат. – Вид у Бондини был такой несчастный, что Вольфгангу пришлось держаться с нарочитым спокойствием.

Вернувшись в гостиницу, он попросил жену приготовить какой-нибудь пунш, чтобы не заснуть над увертюрой. Вольфганг не сомневался, к утру он сумеет закончить. Музыка сложилась уже давно, нужны лишь кое-какие поправки, и потом ему хотелось послушать, как прозвучат сцены с Командором, прежде чем ввести его мелодии в увертюру. Теперь он знал, как это сделать. Усевшись за письменный стол, Вольфганг стал быстро покрывать нотными знаками бумагу. Но от выпитого пунша начала одолевать дремота. Чтобы не заснуть, Вольфганг велел Констанце рассказывать сказки. Так текло время, но борьба со сном вконец измотала его, и скоро на партитуре начали появляться кляксы.

– Ляг на кушетку и вздремни, – сказала Констанца, – через час я тебя разбужу.

Вольфганг спал крепко, и у Констанцы не хватило духу будить мужа, однако, проспав два часа, он вдруг сам проснулся. Было уже пять часов утра.

Вольфганг не стал бранить Констанцу и со свежими силами взялся за партитуру. Когда ровно в семь пришли переписчики, увертюра была готова.

Но у переписчиков дело пошло не так быстро, как у композитора, и в семь вечера, к началу представления, у музыкантов еще не было нот – никто в глаза не видел увертюру и своей партии не проигрывал. Бондини был вне себя от бешенства; переполненный зал волновался, и лишь появление капельмейстера Моцарта за дирижерским пультом, Моцарта, написавшего «Фигаро», успокоило публику. Вольфганг сказал оркестру, что ноты сейчас принесут, они уже в пути, и выразил уверенность, что музыканты смогут сыграть увертюру без репетиции. Это было сказано как комплимент, однако сам Вольфганг отнюдь не был уверен в успехе. Через несколько минут оркестровые партии были розданы музыкантам. Ни разу не репетированная увертюра «Дон-Жуана» началась.

В зале стояла напряженная тишина, а после окончания увертюры раздались громкие рукоплескания. Поднялся занавес, и, когда действие первого акта уже спокойно и уверенно развивалось на сцене, Вольфганг шепнул сидевшим поблизости музыкантам:

– В общем, увертюра сошла очень хорошо, хотя много нот, по-видимому, попадало под пюпитры.

Увертюра, торжественная, мужественная, исполненная драматизма, с первых же аккордов задала тон опере. Вдохновленная присутствием Вольфганга за дирижерским пультом труппа превзошла себя и в ансамблях поражала слаженностью. Когда окончился последний акт и занавес упал, разразилась бурная овация. Публика долго не отпускала артистов, аплодисменты все нарастали. Тогда Басси и Сапорити, взяв Вольфганга под руки, вывели его на авансцену, и он стоял там в одиночестве, а громкая овация все нарастала, сотрясая стены театра. Констанца сидела в ложе вместе с Душеками, рыдания подступали ей к горлу. На огромной сцене ее Вольфганг выглядел таким маленьким. Как могло быть, что такое богатство музыки зародилось в столь хрупком теле? Никто и представить себе не может, каких титанических усилий стоила ему эта опера. Еще сегодня утром он валился с ног от усталости.

Несмотря на весь свой напускной оптимизм, он так и не заснул днем, как намеревался. Вместо этого вдруг предался грустным мыслям, что с ним редко случалось. Он уселся на кушетку и неожиданно сказал:

– Ты знаешь, Станци, я очень боюсь. Я рискнул попробовать в «Дон-Жуане» нечто такое, чего никогда раньше не делал. Потому-то так долго и тянул с увертюрой. Пока не прослушал всю партитуру, никак не мог решить, что же должно преобладать в музыке –

мрачные тона или светлые. А прослушав, убедился: ни те и ни другие преобладать не должны. А тебе как кажется? Может, я слишком много на себя беру? Понравится ли Праге «Дон-Жуан» так же, как «Фигаро»? Они ведь совсем разные, эти две оперы. И потом, я не мог сделать Дон-Жуана отъявленным негодяем. Мне хочется гордиться своим «Дон-Жуаном», даже если я в чем-то ошибся.

– Ты написал его так, как считал нужным, – ответила она. – И это самое главное.

– Но если опера пройдет с успехом, начнут говорить, что она написана наспех, без труда, чуть ли не небрежно. А сколько раз мне приходилось проигрывать каждый пассаж в уме, прежде чем перенести его на бумагу. Но марасть бумагу я ненавижу. Музыканту и так легко наделать ошибок. С течением времени сочинять мне становится не легче, а, наоборот, труднее. Я делаюсь все требовательнее. Это сильнее меня. Пожалуй, вряд ли кто-нибудь потратил столько труда на изучение композиции, как я. Я проштудировал творчество всех больших композиторов: Гайдна, Генделя, Иоганна Себастьяна Баха, всех его сыновей, Глюка, Самmartини, Гассе. О, я мог бы составить список, не менее длинный, чем донжуановский. Как ты думаешь, понравится им моя новая опера? Я столько вложил в нее!

И вот теперь Вольфганг раскланивался перед публикой, а в зале бушевали крики:

– Evvivia Моцарт! Evvivia да Понте! Bravo! Брависсимо!

И Констанца думала: как хорошо было бы остаться в Праге, жить без забот, без долгов, встречая лишь понимание и одобрение, иметь такую загородную виллу, как у Душек, много, много друзей и верный доход.

Вольфганг решил провести в Праге еще несколько недель, чтобы в полную меру насладиться шумным успехом, сопутствовавшим каждому представлению «Дон-Жуана». Но да Понте, которому Вольфганг написал о триумфе их новой оперы и передал слова Бондини: «Все импресарио должны благословлять Моцарта и да Понте – пока они живут на свете, оперные театры не будут знать репертуарного голода!» – ответил: «Я счастлив, что наша работа увенчалась успехом, но Вам следует немедленно вернуться в Вену. Глюк уже недолго протянет, а после его смерти на императора ринется орава композиторов – претендентов на его место».

Глюк скончался в тот самый день, когда Моцарты вернулись в Вену.

– От обжорства, – рассказывал да Понте. – Давал обед друзьям, а жена на минуту отлучилась – вызвать экипаж для их ежедневной прогулки; Она дала строгий наказ следить за тем, что он ест, и ни в коем случае не подавать на стол вино. Однако стоило ей выйти, как Глюк тут же потребовал у слуги вина, а когда гости, опасаясь за его жизнь, отказались пить, он рассердился и не только осушил до дна свой бокал, но и бокалы гостей. В экипаже с ним случился апоплексический удар. И вскоре он умер.

– Кто же займет его место? – нетерпеливо и взволнованно спросил Вольфганг да Понте.

– Я поговорю с Иосифом, постараюсь склонить его в вашу пользу. Уговорю поставить в Вене «Дон-Жуана». Император слышал уже об успехе оперы в Праге.

Похороны Глюка были необычайно пышными, сам Иосиф II почтил их своим присутствием, огромная толпа следовала за траурным кортежем, и все гадали, кто же займет место Глюка при дворе.

Три недели спустя Вольфганг получил копию следующего указа:

«От Его апостольского величества, Императора Священной Римской Империи, короля Венгрии и Богемии и эрцгерцога Австрии. Наш всемилостивейший владыка принял следующее великодушное решение в отношении Вольфганга Моцарта. Волей Его императорского и королевского апостольского величества оный Моцарт удостоивается великой чести назначения его придворным камермузыкантом при дворе Его величества, принимая во внимание его способности и познания в области музыки, а также заслуги в этой области; императорскому и королевскому казначею повелевается назначить ему жалованье в размере восьмисот гульденов ежегодно, считая с 1 декабря сего года.

Во исполнение сего указа императорское решение при сем препровождается Вольфгангу Моцарту; настоящий указ составлен Высшей камергерской канцелярией по

распоряжению императора и сим обеспечивается. Розенберг – Президент Императорской и королевской Высшей канцелярии

Вена, 7 декабря 1787 года Иоганн Торварт».

Итак, то, о чем так страстно мечтал Папа, ради чего лихорадочно трудился всю жизнь, наконец осуществилось. Но слишком поздно, чтобы порадовать его. Многие в жизни случаются слишком поздно, с горечью размышлял Вольфганг. Он сообщил эту новость Наннерль – ему нужно было поделиться с кем-нибудь в Зальцбурге, и за неимением Папы он избрал сестру. Однако радости его сильно поубавилось, когда он узнал, что Глюк получал две тысячи гульденов в год. Констанца напомнила Вольфгангу, что в Зальцбурге ему платили в два раза меньше. Но ведь жизнь с тех пор сильно вздорожала, и разве сам он не стоит тех же денег, что и Глюк, ответил Вольфганг.

Уверенный, что сокращение жалования дело рук Торварта, Вольфганг с рассерженным видом вошел в кабинет казначея, исполненный решимости добиться своего.

Торварт поздоровался, улыбаясь, поздравил Моцарта с высоким назначением, но, когда Вольфганг пожаловался на низкое жалование – Глюк получал в два с половиной раза больше, – Торварт сказал:

- Но вы ведь в два с половиной раза моложе его.
- Но зато таланта у меня вдвое больше, – вызывающе отпарировал Вольфганг.
- Вдвое меньше. А в отношении своих обязанностей вы заблуждаетесь.
- Значит, я не являюсь придворным композитором императора?
- Вы не являетесь также его первым камер-композитором и капельмейстером. Глюк был первым камер-композитором, а Бонно – придворный капельмейстер.
- Но Бонно уже семьдесят восемь лет!
- Я уверен, что в вашем возрасте он не проявлял такого нетерпения.
- Кто же будет выполнять обязанности Глюка?
- Сальери.
- А что должен делать я?
- Писать менюэты для королевских балов, немецкие танцы, контрдансы. Вы являетесь третьим камер-композитором, после Бонно и после Сальери. В сущности, вам повезло: далеко не все были согласны с выбором императора.

Большинство друзей согласилось с Торвартом. Вольфгангу повезло, а да Понте уверял, что все это произошло исключительно благодаря его, да Понте, стараниям.

- Я рассказал Иосифу об успехе «Дон-Жуана», и он очень заинтересовался оперой.
- Какое отношение это имеет к моему назначению?
- В газетах появились статьи, что господин Моцарт, наш выдающийся композитор, намерен переехать в Лондон или Прагу. Я сумел убедить императора, что это будет национальным бедствием.
- Бедствием? – Вольфганг скорчил скептическую гримасу. – И Иосиф согласился с вами?
- Ну, он выразил это не в таких словах, но сказал, что ваш отъезд явится для нас потерей. И когда «Дон-Жуана» снова поставят в Вене, нам заплатят, что бывает чрезвычайно редко.

Действительно, чрезвычайно редко, подумал Вольфганг. «Похищение из сераля» обошло в свое время всю Европу, а он не получил за него ни единого крейцера. Теперь то же происходит со «Свадьбой Фигаро». Но какие бы чувства он ни испытывал, надо прикинуться благодарным. Без благодарности не проживешь на этом свете.

– Спасибо вам, Лоренцо, за все, что вы для меня сделали.

Жалование, которое Вольфганг стал получать на новом месте, позволило ему снова переехать в город. Он снял небольшую квартиру поблизости от дома, где писался «Фигаро». А когда Констанца родила дочь – они назвали ее Те-резией в честь крестной матери, Терезии фон Траттнер, – он почувствовал себя совсем счастливым. С тех пор как родился Карл

Томас, Вольфганг все время мечтал о дочери. Он считал ее рождение добрым знаком, и действительно, скоро ему выпала еще одна радость – Иосиф II распорядился поставить на венской сцене «Дон-Жуана».

Но прежде чем успели осуществить постановку, Австрия и Россия объявили войну Турции, и император, возглавив свои войска, покинул Вену.

Вольфгангу пришлось скрыть разочарование и сочинять военные марши и боевые песни для императора.

Все же 7 мая 1788 года оперу «Дон-Жуан» по распоряжению императора поставили в Вене. В последний момент, правда, выяснилось, что император не сможет присутствовать на премьере – ему пришлось отбыть на место военных действий, где австрийская армия потерпела новое поражение.

Вольфганг много ждал от венской постановки оперы, потому что оперная труппа в Вене была несравненно лучше пражской. Он знал почти всех певцов и ценил их очень высоко. Половина актеров венской труппы принимала участие в постановке «Фигаро»: Бенуччи, так великолепно спевший главную роль; Лаччи, так порадовавшая его в роли графини; синьор и синьора Буссани, оба прекрасно справившиеся со своими ролями; Кавальери, неповторимая Констанца из «Похищения из сераля», выступала в роли донны Эльвиры; Алоизия Ланге должна была петь донну Анну. Только два актера – Альбертарелли – Дон-Жуан и Морелла – Оттавио были совсем незнакомы Вольфгангу. И он убедился, что Альбертарелли придал роли Дон-Жуана страстность и выразительность.

Вольфганг поднял дирижерскую палочку, давая знак оркестру начинать. Трудностей с этой постановкой оказалось не больше, чем обычно. Кавальери потребовала новую арию, и он проявил великодушие, написал более эффектную; Морелла считал, что его арии невозможно петь, и он облегчил их. И по собственному усмотрению изменил либретто. Изъял секстет в конце оперы, чувствуя, что финал излишне нравоучителен и суховат, и закончил оперу сценой, где Дон-Жуан проваливается в преисподнюю.

И все-таки с того самого момента, как раздалась грозные начальные аккорды увертюры, в зале стало ощущаться беспокойство. К концу увертюры Вольфганг слышал у себя за спиной разговоры, которые не прекратились и после того, как вступили певцы, наоборот, шум все нарастал. Вольфганг прилагал все усилия, чтобы заставить публику слушать. К середине второго акта он совсем вышел из себя. Публика шумела и не слушала, словно драматизм и страстность музыки «Дон-Жуана» оказались ей не под силу, а интересовали ее лишь забавные сцены. Вольфганг слышал, как люди переходят из ложи в ложу. В конце спектакля было больше свистков и шиканья, чем аплодисментов, хотя Кавальери и Ланге встречали восторженно, словно у каждой были свои клакеры.

Вольфганг не хотел идти на банкет, устроенный в честь труппы тут же, в театре, но Гайдн, хотя и возмущенный враждебностью, с какой был встречен спектакль, сказал, что Вольфганг непременно должен пойти; публика, которая ходит на премьеры, часто мало что понимает, успокаивал Гайдн, а вот второй спектакль пройдет с успехом.

Гайдн взял его под руку, и Вольфганг не мог отказать другу.

Розенберг и Торварт с самодовольным видом потягивали вино; ван Свитен и Ветцлар сидели рядом с Констанцей, а Алоизия первой высказала свое мнение:

– Какая изнурительная музыка. На ней можно голос сорвать.

– Надо пользоваться голосом умело, тогда не сорвете, – ответил Вольфганг.

– Нет, музыка чересчур сложна. Не удивительно, что публика восприняла ее равнодушно и холодно.

Сестра права, сердито думала Констанца, у Вольфганга в каждой ноте гораздо больше чувства, чем Алоизия вложила во всю свою роль. Констанца сказала:

– Ты могла бы спеть лучше. Донна Анна у тебя получилась какой-то сварливой бабой, и все потому, что больше всего тебя заботило показать свои верха.

– Моя сестренка, выйдя за маэстро, сделалась крупным музыкальным авторитетом.

– Вот подожди, в новой его опере ты первая захочешь петь.

– Никто не захочет в ней петь, если публика будет скучать, как на сегодняшнем представлении, и потом, такая музыка способна развратить публику, – сказал Розенберг.

– Император выразил желание, чтобы опера стояла в репертуаре, пока он ее не прослушает, но она вряд ли ему понравится. Мне кажется, его величество сочтет оперу непристойной, – добавил Торварт.

– Музыка довольно мелодична, но разве это опера, что вы скажете, да Понте? – произнес Сальери.

Да Понте только плечами пожал. Его дело сторона.

– Маэстро Сальери, – сказала Алоизия, – я думаю, вашу новую оперу будет гораздо легче петь и она всем доставят гораздо больше удовольствия.

Сальери скромно поклонился и сказал:

– Думаю, у господина Моцарта были самые лучшие намерения.

Вольфганг ничем не выдал своих чувств. Но его поразили злобные замечания Алоизии. В свое время он написал для нее несколько своих лучших арий, и она при каждой возможности их исполняла. Неужели его равнодушие так ее задевает? Но защищаться не стоит. Что бы он ни сказал сейчас, все будет выглядеть как попытка оправдать себя.

– Сюжет довольно безнравствен, – сказал ван Свитен, – но музыка прекрасна. Как по-вашему, господин Гайдн?

С первых аккордов увертюры Гайдн понял: с «Дон-Жуаном» ни одной опере не сравниться. Но какой толк объяснять это ослам вроде Розенберга и Сальери – разве их переделаешь?

– Дон-Жуан – отрицательный персонаж, – заявил Розенберг. – Эгоистичный, тщеславный. Нелепо преподносить публике такого героя. Не пройдет и года, как оперу забудут.

Ветцлар и ван Свитен не согласились, и, когда голоса стали слишком громкими и раздраженными, Гайдн сказал:

– Господа, я не могу разрешить ваш спор, но знаю только одно: Моцарт – величайший из ныне живущих композиторов, и никто из нас, здесь присутствующих, никогда не слышал и не создавал ничего похожего на то, чему мы имели счастье быть сегодня свидетелями.

Вольфганг хотел поблагодарить Гайдна, но тот отвел его в сторону и поздравил с императорским назначением.

– Эта добрая весть порадовала меня. Мне кажется, Иосиф по достоинству оценит «Дон-Жуана».

– Если когда-нибудь услышит. Война с турками все разрастается. Поговаривают даже, что в целях экономии средств, которые нужны для ведения войны, император намерен упразднить итальянскую оперу, как он уже сделал с немецкой.

– Война, – вздохнул Гайдн, – Она никогда не кончается. С тех пор как я себя помню, все время с кем-то надо воевать. То с французами, то с пруссаками, то с турками. Но по крайней мере у вас теперь есть постоянный заработок.

– Восемьсот гульденов?

– И это все? Глюку платили две тысячи.

– А мне платят лишь за сочинение музыки для королевских балов. Слишком много за то, что я делаю, и слишком мало за то, что мог бы сделать.

Часть одиннадцатая. ВОЗВЫШЕННОЕ И ЗЕМНОЕ

Вольфганг сидел у постели Констанцы в их новой квартире в предместье Вены Альсергрунд, чтобы быть под рукой на случай, если ей что-нибудь понадобится, сидел молча. Наконец-то после приступа сильных болей она крепко уснула.

Только что покинувший их дом доктор Клоссет заверил Вольфганга: болезнь Констанцы не представляет ничего серьезного, скорее всего результат переутомления и горя, постигшего их – совсем недавно они похоронили дочь, – нужда сейчас не столько в лекарствах, сколько в покое и сне. Но Вольфганг не мог покинуть жену, пока не придет Софи и не сменит его. Прошло уже больше двух месяцев после премьеры «Дон-Жуана», стоял великолепный июльский день, но Вольфганг был слишком измучен душевно, чтобы радоваться хорошей погоде. Он отложил в сторону перочинный ножик, которым вырезал игрушку для Карла Томаса, временно живущего у бабушки, и снова принялся за письмо к Михаэлю Пухбергу.

В прошлом месяце он уже четыре раза обращался к этому богатому купцу и брату по масонской ложе с просьбой одолжить ему денег и некоторую сумму получил.

Но что же еще сказать? Объяснить Пухбергу, что последние недели были самыми тяжелыми в его жизни, и смерть дочери, и болезнь Станци окончательно истощили его карман? Что за последние полтора года их трижды выселяли из квартиры и теперь, в тот момент, когда он пишет это письмо, теперешний хозяин угрожает засадить его в тюрьму, если он не погасит долга?

Мысли его снова обратились к дочери, умершей десять дней назад. Доктор Клоссет поставил диагноз – кишечные спазмы, но он-то понимал: ребенка свела в могилу их бедность, Вольфганг отложил письмо в сторону. Надо дожидаться почты, вдруг подойдет какая-нибудь помощь? Двести гульденов, которые он получал от императора каждые три месяца, должны были прийти 1 июля, а теперь уже 8-е. Сегодня деньги могут прийти. И вдруг Вольфганга охватил страх, а что, если эти деньги, хоть сумма и незначительная, перечислены в фонд войны с Турцией? «Дон-Жуан» все еще шел на венской сцене, но композитору за спектакли больше ничего не полагалось, и поговаривали, будто император из-за военных расходов собирается запретить все постановки опер: и те, что уже шли на сцене, и те, что готовились.

Погруженный в мрачные мысли, Вольфганг не заметил, как в комнату вошла Софи с Карлом Томасом. Ребенок, несколько дней не видевший отца, бросился с веселым криком ему на шею, а Вольфганг, испугавшись, как бы не разбудить Констанцу, поспешил отодвинуть кресло подальше от постели и успокоить сына; оставленный открытым перочинный ножик соскользнул со стола и вонзился ему в ногу. Вольфганг героически сдержался и кивнул Софи и сыну, приглашая тихонько выйти в гостиную.

Рана серьезная, сказала Софи, но Вольфганг только отмахнулся: ничего страшного.

Переязывая рану, Софи думала: подчас Констанца по примеру матери пользуется болезнями как оружием, но ведь с Вольфгангом этого вовсе не нужно, он и без того верный муж, у него такое сердце, что жить он может только с горячо любимой женщиной.

Софи – единственная из Веберов, не считая Констанцы, кому Вольфганг полностью доверял, – сменила его у постели сестры. Он повел Карла Томаса в сад проверить сделанную им игрушку – волчок.

– Папа, а где Терезия? – спросил мальчик.

– Она ушла от нас.

– Навсегда? – Так уже случилось раньше, с его крошкой братом.

Вольфганг кивнул, не в силах говорить.

– А куда ушла Терезия, Папа?

– Туда, Карл, где все ее будут любить.

– А у меня будет еще братик или сестричка? Ты мне обещал.

– Не знаю. – При всем желании иметь большую семью риск становился слишком велик.

И прежде чем Карл Томас успел продолжить расспросы, – а мальчик любил расспрашивать Папу, потому что Папа не в пример бабушке или другим взрослым всегда с охотой отвечал, – беседе их прервали: пришла почта.

Вольфганг получил несколько писем и, увидев на одном королевскую печать, повеселел. Должно быть, квартальное жалованье, вот уж поистине кстати. Теперь не

придется обращаться к Пухбергу. Но, вскрыв письмо, он почувствовал горькое разочарование.

Письмо было от фон Штрака. По просьбе императора Иосифа камергер сообщал господину Моцарту, что его величество остался весьма доволен сочиненной им боевой песней для сражающейся армии. Песня эта поднимает боевой дух солдат.

Пришла весточка и от ван Свитена, барон спрашивал, не заинтересовало бы Вольфганга положить на музыку одноактную пьесу Гете. Немецкого поэта, восторженного почитателя творчества Моцарта, писал ван Свитен, совершенно покорила музыка «Похищения из сераля» и «Свадьбы Фигаро», и он был бы счастлив войти в содружество с композитором. Только такой композитор, как Моцарт, может сделать из его пьесы оперу, достойную ее сюжета.

При иных обстоятельствах Вольфганга, знакомого с творчеством Гете, заинтересовало бы подобное предложение, но теперь он был слишком подавлен. К тому же разве могло это обеспечить ему постоянный доход, в чем он в данный момент больше всего нуждался? Нет, придется отказаться. Писать партитуру оперы без официального заказа – непозволительная роскошь.

С этой же почтой пришло письмо и от Стефана Сторейса. Стефан, прибывший в Лондон, сообщал Вольфгангу, что в Европе огромный спрос на музыку, что Энн заработала четыре тысячи гульденов за концерт в Лейпциге, и умолял Вольфганга еще раз подумать: может, он все-таки отважится приехать к ним в Лондон.

С грустью Вольфганг ответил и Стефану отказом и взялся за последнее письмо. Оно было от Наннерль. Сестра упрекала, что он ей редко пишет. По что писать? Ему еще причиталась какая-то сумма за часть отцовского имущества. Но муж Наннерль заявил, что деньги ушли на введение в права наследства.

Софи с Карлом Томасом ушли, а Вольфганг вернулся к постели Станци и попытался собраться с мыслями, прикинуть все свои возможности с тем, чтобы, как сказал бы Папа, прийти к наиболее разумному решению.

Он намеревался дать несколько концертов в новом казино на Шпильгассе. Бургтеатр, Траттиер Гоф и Мельгрубе стали ему недоступны, поскольку плата за помещение требовалась вперед. Он попытался устроить новый цикл концертов по подписке, как делал четыре года назад, когда имел сто семьдесят четыре постоянных подписчика. Но единственным желающим оказался ван Свитен.

Вольфганг написал новый концерт для фортепьяно ре мажор, такой же прекрасный, как все, что выходило из-под его пера, но никто не изъявил желания эту вещь прослушать. Старые друзья отшатнулись от него с угрожающей поспешностью, как от зачумленного. После первого представления «Дон-Жуана» в Вене он ни разу больше не виделся с да Понте. Деваться было некуда, и каких бы мучений это ему не стоило, снова сел писать Пухбергу.

«Дорогой брат мой и любимый друг! – писал он. – Мне большого труда стоит обратиться к Вам снова, после того что я уже беспокоил Вас несколько раз за прошедшее время, но мне неоткуда больше ждать помощи. А доброта, проявленная Вами, вселяет в меня надежду, что и на сей раз я обращаюсь к Вам не напрасно.

Из-за болезни моей любимой Констанцы и смерти нашей маленькой Терезии дела приняли ужасный оборот, и я от всего сердца умоляю Вас одолжить мне, если возможно, двести гульденов на короткое время, я буду Вам вечно благодарен. К сожалению, домовладелец продолжает грозить, и если я не расплачусь с ним немедленно, то окажусь в ужасно неловком положении. А я не могу покинуть мою любимую Констанцу, которая до сих пор больна и в настоящий момент прикована к постели: у нее лихорадка и страшная слабость.

Поистине, если бы Вы не отказались одолжить мне на год тысячу гульденов, разумеется, под соответствующие проценты, это явилось бы для меня огромным благодеянием. Ждать вознаграждений, которые мне полагаются, слишком ненадежно. А вот если бы я мог твердо рассчитывать на какую-то определенную сумму, то привел бы свои

дела в порядок. Я все еще верю, что сочинения мои вновь завоюют благосклонность публики, я только что закончил новую симфонию и надеюсь в скором времени закончить еще одну. Я чувствую, что таланта моего не ubyло. Сегодня пришло письмо от императора с благодарностью за мою боевую песню, которая, как сообщают мне, подняла дух в войсках; император заверил, что по-прежнему доволен мною.

Прошу Вас ответить поскорее. Вы, вероятно, заметили, что у меня теперь новый адрес, я переехал – здесь дешевле. Надеюсь, Вы извините за просьбу, с которой я к Вам обращаюсь, но Вы были всегда моим добрым другом. Если Вы не выручите меня в крайней нужде, доброе имя мое и честь, которыми я так дорожу, будут навеки потеряны. Глубокоуважаемый брат, если бы Вы ссудили мне достаточную сумму на год, я бы снова почувствовал себя человеком и смог бы жить без постоянного страха, унижения и отчаяния.

После переезда сюда я за несколько дней сочинил гораздо больше, чем за несколько месяцев на прежней квартире, и, если бы не терзающие меня так часто зловещие предчувствия, которые мне удается отогнать лишь огромным усилием воли, я был бы здесь вполне счастлив. Посылаю Вам новое трио ми мажор, только что написанное, в знак благодарности за Вашу доброту. Вечно Вам обязанный друг и истинный брат Моцарт».

Вольфганг дал посыльному десять крейцеров и велел доставить письмо на Хохмаркт Пухбергу в собственные руки. Он надеялся получить немедленный ответ, но прошла неделя, прежде чем купец ответил.

Ответ был прост: Пухберг вернул письмо Вольфганга, приложив к нему двести гульденов и проставив сумму на письме.

Преыдуший домовладелец, который ждал, понимая, что, засадив Вольфганга в долговую тюрьму, он не получит ничего, пришел в негодование, когда музыкант вручил ему сотню гульденов, однако согласился отсрочить уплату остального долга. Затем Вольфганг получил свои двести гульденов от королевского казначея и только успел порадоваться, что выпутался наконец из денежных затруднений, как тут же явились доктор и гробовщик и потребовали почти все остальные деньги. Тянуть с этими платежами Вольфганг не мог, поскольку здоровье Констанцы все еще внушало опасения, а одна мысль, что он не может заплатить за похороны дочери, приводила его в содрогание. Отложив то, что осталось – меньше сотни гульденов на питание и другие насущные нужды, – Вольфганг снова обратился к музыке.

Больше ему ничего не оставалось. Только за работой он забывался и пропадало ощущение, будто вокруг него все рушится. День за днем просиживал он в спальне у постели Констанцы, пока она понемногу выздоравливала, доделывал свой последний фортепьянный концерт и работал над тремя новыми симфониями. Задержка с жалованьем лишь придала ему решимости сочинять симфонии, пока еще не иссякли силы. Может быть, удастся их закончить, может быть, нет – никакой уверенности на этот счет у него теперь не было, но он должен писать. Пока в голове есть мысли, а в душе чувства. Пока он не выдохся окончательно.

Он передвинул в спальню маленький деревянный столик и работал за ним, вспоминая Шёнбрунн, Гофбург, Версаль и множество других мест, где ему приходилось играть. Слышны ли там еще отзвуки его мелодий?

Все это глупости, решил он, надо сосредоточиться на концерте.

Он закончил этот концерт еще в феврале, но остался им недоволен. Тональность нравилась – ре мажор. Он заново переработал партитуру, подчеркнув певучесть и изящество мелодии. Никто не должен догадываться, с каким тяжелым сердцем писал он этот концерт. В музыке не должно звучать ни намек на жалость к самому себе, нет, он терпеть не мог плаксивости. Вторая часть была так нежна и воздушна, что удар, чуть более сильный, чем остальные, звучал в ней fortissimo. Он довел вторую часть до такого совершенства, что мелодия – казалось, ее можно было сыграть одним пальцем – таила в себе огромное богатство невысказанных мыслей, пленяла искренностью и сердечностью. Теперь он чувствовал себя свободным, свободным от долгов, от страхов и унижений. Не впадая в

сентиментальность, он сумел добиться в своей музыке равновесия между мечтой и действительностью. Третья часть стала теперь оживленной, благородной и даже властной. Здесь он чувствовал себя хозяином. Фортепьяно могло звучать ликующе, оно могло петь, и в своем ре мажорном концерте он использовал эти возможности инструмента в полную силу. Переделав концерт, Вольфганг подумал: он идеально подошел бы для такого торжественного события, как коронация. Но Иосиф воевал под стенами Белграда, а больше никто в его музыке не нуждался.

Затем Вольфганг приступил к новой симфонии ми-бемоль мажор. Уже 26 июня он занес ее в свой тематический каталог как законченное произведение. Констанца поразились быстроте, с какой создавалась симфония, но это вовсе не было таким уж достижением, потому что он вынашивал ее в течение нескольких месяцев. Основная работа была проделана в уме, а записать готовую вещь не составляло труда. Он сочинял эту симфонию, так же как и концерт для фортепьяно ре мажор, в расчете, что они сразу будут исполнены. Но пока никаких концертов его музыки не предвиделось.

Мысль о том, что он, может быть, никогда не услышит симфонии ми-бемоль мажор, привела его в ужас, и он снова и снова проигрывал ее в уме. Прошел почти месяц, как он закончил симфонию, в воображении уже успели созреть две новые, но он помнил каждую ее фразу.

Станци сказала, что скоро, наверное, встанет, а он сидел у стола, уставясь в партитуру, и ничего не видел, ничего не слышал вокруг. Он не заметил даже, что Станци впервые за много недель сидела на постели. Симфония ми-бемоль мажор не носила на себе следов несчастий, пережитых им за последние месяцы. Первая часть красноречива, звучна и величава. В ней нет пустых мест, и она не растянута, как он опасался. Музыка полна сильных напряженных страстей и могла бы удивить кое-кого из его друзей. Чтобы выжить в этом мире, нужно быть мужественным – и музыке тоже. Мужественное, энергичное звучание этой симфонии порадовало его.

Вторая часть, как он помнил ее, была написана в темпе *Andante con moto*, жизнь билась и трепетала в ней, как бьется и трепещет сердце. Вольфганг улыбнулся от удовольствия и приступил к следующей части.

Симфония отличалась прочным построением – как стол, за которым он писал ее, и Моцарт любил все ее четыре части. Однако, кончив проигрывать музыку, в уме, Вольфганг остался неудовлетворен. Сочиняя эту симфонию, он сказал все, что хотел сказать, но теперь ему хотелось сказать гораздо больше.

Через несколько дней, когда Вольфганг приступил к следующей симфонии, Станци уже сидела в саду, и сердце его вновь преисполнилось надежды. Однако она все еще хромала – нога сильно болела, и это прибавляло забот. А помощь, на которую он рассчитывал, так и не шла. Ученики на летнее время разъехались, и Вольфгангу пришлось снова обращаться к Пухбергу, выпрашивать денег, и, хотя друг отозвался, сумма, присланная им, была меньше, чем Вольфганг просил: едва-едва прокормиться. Но он гнал от себя мрачные мысли.

Он писал эту симфонию в тональности соль минор и вспоминал слова Гайдна, сказанные им после прослушивания «Дон-Жуана»: «Вольфганг, вы столько знаете о человеческих чувствах, что кажется, будто сначала вы их придумали, а потом уже люди усвоили и ввели в обиход». Как великодушно было со стороны Гайдна высказать такое вне зависимости от того, насколько это справедливо. Гайдн – самый дорогой ему человек и истинный друг. Для изверившегося Вольфганга искренняя вера Гайдна в него оставалась одной из непреходящих ценностей в этом погружающемся во мрак мире.

Набросав первые аккорды симфонии, Вольфганг вдруг почувствовал, что в музыке есть что-то неземное, она подобна пению ангелов. И это еще не все. Сочиняя эту музыку, он становился причастен к борьбе за то, чтобы превратить суетное существование человека в нечто более ценное, нечто лучшее, нечто такое, что для всех было бы свято. В этой симфонии он призван возродить порядок из хаоса, в котором запуталась его жизнь, в

котором погряз мир. Он испытывал потребность, властное желание из безобразия создавать красоту, из сумбура – стройный порядок. Пусть мир суетен и грешен, жизнь священна.

Итак, он строил эту симфонию соль минор с величайшей тщательностью, соблюдая равновесие между мучительной грустью, одолевавшей его, и радостью бытия. Он думал: если этой симфонии суждено быть когда-нибудь исполненной – а в это он с каждым днем верил все меньше, – то некоторые объявят ее грустнейшей из всех когда-либо сочиненных им, другие же сочтут ее самой жизнеутверждающей, но и первые и вторые будут правы.

Он с благодарностью думал о годах ученья, о Папе, который начал обучать его композиции чуть ли не с младенчества. Он вспоминал, как Папа говорил: «Нельзя недооценивать значение техники. Идеи, содержание – главное в творчестве, но если у тебя нет достаточного мастерства, чтобы воплотить их, то твои идеи мало стоят». Ему пришлось утирать глаза, чтобы не размазать партитуру. Его музыка не должна плакать, но в ней слышалась боль. Он закончил симфонию соль минор ровно через месяц после окончания ми-бемоль-мажорной и тотчас же приступил к третьей.

– Ты еще не удовлетворен? – спросила Констанца, и ему хотелось ответить: разве она не знает, что он никогда не бывает удовлетворен. Но зачем ее обижать, и он ответил:

– Я еще не все высказал, что хотел.

– Мы опять задолжали за квартиру. Я не переживу, если нас снова выселят.

Нужно написать эту симфонию до мажор, пока еще есть силы. Он очень измучен, однако останавливаться нельзя. Ему шел только тридцать третий год. Разве мог он признаться Станци в том, как плохо себя чувствует и как устал, какой страх наводила на него мысль, что скоро он не сможет больше творить. А музыка по-прежнему переполняла все его существо. Ум и сердце жили напряженной жизнью и были сейчас богаче и щедрее, чем когда бы то ни было.

Он работал дни и ночи напролет, обгоняя время, стараясь побороть все возрастающую физическую немощь, пересиливая усталость, растущее в душе отчаяние, преодолевая тысячу трудностей и сомнений, недуги, причинявшие столько страданий, и писал эту новую вещь со всей тщательностью, на какую был способен. Он придал музыке достоинство и величие, стиль ее был безупречно выдержан, в ней было столько грации и мужества. В сердце его кипели страсти, но музыка должна передать это тонко, не нарушая меры.

И когда 10 августа Вольфганг закончил симфонию до мажор – с того дня как он сел за первую из трех, прошло ровно шесть недель, – ему показалось, будто с души у него свалилось огромное бремя. Какова бы ни была судьба этих трех симфоний, он достиг цели, которую перед собой поставил. Вот они, его детища, – и это самое главное, как бы равнодушно ни встретил их мир.

Констанца поражалась, глядя на партитуру симфонии до мажор. В ней не было ни единой пометки, по существу, ни одного исправления, словно Вольфганг твердо знал с самого начала, что будет писать.

– Но кто же их исполнит? – спросила она чуть не плача, думая об образовавшейся вокруг него пустоте.

– Я поговорю с императором, как только он вернется.

– Если он вообще когда-нибудь вернется. Иосиф ведь до сих пор не слышал «Дон-Жуана».

А Вольфганг знал лишь одно: он высказался до конца в совершенно обессиленном. Но и в самые тяжкие для него минуты никто не посмел бы упрекнуть его в том, будто в своей музыке он жалуется на судьбу. Симфония до мажор звучит торжественно. Нет, жизнь без надежды для него невыносима.

Музыкальный издатель Паскуале Артариа отказался предлагать эти три симфонии покупателям. Артариа умолял Моцарта сочинить побольше контрдансов. Торгуя ими по одному гульдену три крестера за экземпляр, он мог продать их достаточное количество,

чтобы заплатить композитору его долю – три крестера за каждый. Артариа охотно продал бы и Моцартовы сонаты: некоторые его сонаты для фортепьяно нравились детям и годились как учебное пособие. На складе у издателя лежали также партитура «Дон-Жуана», переложённая композитором для фортепьяно, хотя спроса на эту вещь не было, да и быть не могло, пока император не высказал своего одобрения. Симфонии же, нигде ещё не исполнявшиеся, не представляли никакой ценности, сообщил Артариа Вольфгангу и тут же посоветовал писать побольше маршей: на марши в военное время большой спрос.

Вольфганг положил три симфонии в небольшой сейф, где хранил самые дорогие сердцу вещи. Он бросил на них прощальный взгляд, так смотрят на любимого друга, которого опускают в могилу, и слезы закапали на партитуру, оставляя куда больше помарок, чем когда он писал и делал исправления.

Последовав совету Артариа, Вольфганг стал писать марши: они охотно покупались, а деньги были крайне нужны.

Станци жаловалась, что его обирают, ведь это меньше десятой доли того, что достаётся за марши Артариа. Но Вольфганг не мог воевать с издателем. На споры и борьбу требовались силы, а он берег остаток сил для работы. Да и вряд ли он чего-нибудь добился бы. Артариа давал понять, будто и так делает ему большое одолжение.

15 декабря Иосиф II, уже десять дней как вернувшийся с поля боя, почтил своим присутствием представление «Дон-Жуана». Это был последний спектакль сезона, и императору захотелось посмотреть, что да Понте удалось сделать из легенды.

Вольфганга, дирижировавшего оркестром, после спектакля пригласили в королевскую ложу. Он не знал, чего ожидать. Бонно скончался, но Моцарту не предложили места капельмейстера: императорским капельмейстером стал Сальери. Да Понте опередил его и сидел уже в ложе, может, это и хорошее предзнаменование – поэта Вольфганг встретил впервые за много месяцев. Но по правую руку от Иосифа сидел Розенберг, а вот это ничего хорошего не предвещало.

За время войны Иосиф сильно состарился, отметил про себя Вольфганг, и взгляд у императора был рассеянный.

– Розенберг доложил мне, что «Дон-Жуан» не нравится публике. В Вене он провалился. Ни одно из пятнадцати представлений не дало полного сбора, – сказал Иосиф.

– Ваше величество, а какая опера последнее время давала полный сбор? Вы же знаете, идет война, – заметил да Понте.

– Знаю. Я закрыл бы итальянскую оперу, если бы не ваши уговоры.

– Ваше величество, публике не понравился «Дон-Жуан» потому, что она идет в театр с целью посмеяться, а вместо этого ей преподносят одни мучения и мрак, – вставил Розенберг. – История Дон-Жуана забавна, и только. А Моцарт изо всех сил старался придать ей серьезность, и получилось непристойно и бессмысленно.

Вольфганг спросил:

– Ваше величество, а что думаете об опере вы?

– Музыка красива. Красивее, чем в «Фигаро».

– Значит, вам нравится «Дон-Жуан», ваше величество? Вы одобряете оперу?

– Мне она нравится, Моцарт. А одобряю ли я, это другой вопрос.

– Ваше величество, мы ведь писали оперу прежде всего для вас, – сказал да Понте.

– И поставили сначала в Праге. «Дон-Жуан» не для Вены, Моцарт. Ваша музыка не по зубам венцам.

– В таком случае, ваше величество, дадим им время ее пережевать.

– Нет, опера – слишком дорогое удовольствие. Мы должны думать в первую очередь о войне.

– Я тоже сделал свой вклад, ваше величество.

– Да, ваша боевая песня принесла пользу империи.

– Что же вы мне посоветуете, ваше величество?

– Вы имели бы больше успеха, если бы сочиняли музыку попроще, приятные, легко

запоминающиеся мелодии, чтобы все их могли напевать.

– Я постараюсь, ваше величество.

– Прекрасно. Я собираюсь дать ряд балов-маскарадов для поднятия духа своих подданных. Сочините для них подходящую танцевальную музыку, и мы будем вами вполне довольны.

С этим император удалился, все так же в сопровождении Розенберга.

– Да Понте, в чем же дело, почему он вдруг так ополчился на оперу? – спросил Вольфганг.

– На войне дела идут плохо. А во Франции начались восстания, хотя здесь об этом стараются помалкивать и винят во всем его сестрицу, что огорчает императора. Французы говорят, что сумасбродства Марии Антуанетты и бесхарактерность ее супруга превратили Францию в австрийскую колонию.

– Неужели мы и за нее будем воевать?

– Трудно сказать. Но забот у Иосифа немало. Только вы не беспокойтесь, я сумею его уговорить, он еще закажет нам новую оперу.

Вольфганг уже привык ничего хорошего не ждать и потому не поверил да Понте. Он так и не рассказал императору о своих трех симфониях. Какая разница, думал он, ничего бы не изменилось.

85

Основным источником дохода стали деньги, которые платил ему ван Свитен за переложение гонделевских ораторий «Апис и Галатея» и «Мессия» для концертов, устраиваемых дворянским обществом любителей классической музыки. Вольфганг аранжировал оратории Генделя без особой охоты: хотя мощь генделевской музыки и принципы ее развития по-прежнему восхищали его, но оратории казались ему недостаточно драматичными. Однако полученные от барона гульдены позволили им переехать на другую квартиру. Как только Констанца поправилась, и Карл Томас вернулся домой, они переселились в центр Вены, поближе к музыкальному миру. Вольфганг снял второй этаж дома на Юденплац, по соседству с тем домом, где они когда-то жили у Ветцлара.

И вот теперь, в начале апреля 1789 года, Вольфганг стоял в дверях своей новой музыкальной комнаты с таким взволнованным видом, будто получил заказ на оперу, и говорил Констанце:

– Князь Карл Лихновский предложил мне поехать с ним в Берлин, где он хочет представить меня новому прусскому королю Фридриху Вильгельму.

– Наследнику Фридриха Великого? Он тоже любит музыку?

– Он прекрасный виолончелист, Станци, и страстный любитель музыки.

– И по этому случаю он даст тебе один-два заказа. Разве такая помощь тебе нужна?

– А вдруг он предложит мне место придворного капельмейстера? Лихновский знаком с королем и говорит, что тот отзывался обо мне благосклонно.

– И ты покинешь Вену?

– Разумеется, если мне предложат хорошее жалованье. А по словам Лихновского, Фридрих Вильгельм гораздо щедрее платит музыкантам, нежели Иосиф.

Таким оживленным Вольфганг давно не был, подавленное настроение как рукой сняло. И все-таки Констанца спросила:

– А ты не боишься? Ведь турки уже под стенами Белграда и во Франции восстание. К тому же пруссаки как-никак наши враги.

– Были. А теперь Иосиф в восторге от их деловитости. И Лихновский едет в собственной карете. Путешествие обойдется мне совсем недорого. Ты же знаешь, его теща Вильгельмина Тун – мой лучший друг.

– Где же она была все последние месяцы, когда ты так нуждался в помощи?

– Денег у нее просить неудобно. А вот таким путем она готова мне помочь.

Констанца помолчала, а потом призналась:

– Вольфганг, я снова беременна.

Вопреки ее ожиданию Вольфганг, вместо того чтобы проявить беспокойство, нежно обнял ее и воскликнул:

– Чудесно! Как давно, Станци?

– Три месяца.

– Прекрасно! Я вернусь задолго до родов. И с деньгами, которых хватит на все. Или с назначением на новое место, где мы сможем жить прилично. Лихновский хочет сам представить меня Фридриху Вильгельму.

Констанца больше не пыталась его отговаривать. Мысль повидать Дрезден, Лейпциг, Берлин – города, где он никогда раньше не бывал, – влила в него новые силы. На дорожные расходы пришлось одолжить сотню гульденов у брата масона Гофдемеля, но Вольфганг твердо верил, что предпринимаемый им рискованный шаг сулит удачу.

Лихновский оказался приятнейшим попутчиком. Брат Вольфганга по масонской ложе и его бывший ученик был одного с ним возраста, беззаботный, красивый, благожелательный человек, а в такой роскошной карете Вольфганг уже и не помнил, когда ездил. Все было так, как в те счастливые времена, когда он путешествовал с Папой и считался баловнем всей Европы.

В Дрездене его пригласили выступить при дворе курфюрста Фридриха Августа III Саксонского, что считалось большой честью, потому что сей монарх редко удостаивал своим вниманием заезжих музыкантов. Выступление Моцарта было встречено бурными аплодисментами, и ему заплатили сотню дукатов и подарили великолепную серебряную табакерку.

А затем он вместе с Лихновским был приглашен на завтрак к русскому послу князю Белосельскому-Белозерскому, большому меломану. После завтрака посол предложил Вольфгангу состязаться в игре на органе, и фортепьяно со знаменитым дрезденским виртуозом Вильгельмом Геслером. Хотя Вольфганг уже много лет не играл на органе, отказаться от такого предложения было неразумно.

Превзойти Геслера ему не стоило никакого труда, даже в игре на органе, потому что органист Геслер был довольно бесцветный, а в игре на фортепьяно был скорее подражателем, и выступление Вольфганга встретили гораздо восторженнее.

Он слышал, как посол сказал Лихновскому:

– Господин Моцарт просто прелесть, остроумный, любезный, он может служить украшением любого двора.

Вольфганг подошел к послу и предложил:

– Ваше сиятельство, я счел бы за честь выступить перед русской императрицей. Я слышал, она большой знаток музыки.

– Это действительно так, господин Моцарт. Только императрица предпочитает итальянскую музыку.

И тут Лихновский дал знак Моцарту, что пора уходить.

В Лейпциге Вольфгангу привелось увидеть орган в церкви св. Томаса, где в свое время, будучи лютеранским кантором, Себастьян Бах играл и сочинял свою музыку. И когда теперешний кантор Иоганн Долес, ученик Баха, узнал, что Вольфганг Моцарт пришел отдать дань уважения его учителю, он встретил Вольфганга как самого почетного гостя и попросил сыграть на органе.

– Орган в прекрасном состоянии, господин капельмейстер! Мы заботимся о нем, как заботился сам Бах. Весь Лейпциг и лютеранская Германия будут с благоговением вспоминать, как один великий композитор почтил память другого великого композитора.

Вольфганг колебался. Победа над Геслером, правда, досталась ему легко, но он уже так давно забросил орган, а Бах был одним из немногих органистов, внушавших ему искреннее восхищение. Но Долес не слушая никаких отговорок, подвел Вольфганга к месту, где

когда-то восседал Бах.

Вспоминая музыку Баха и все, чему он у него научился, Вольфганг начал импровизировать на тему баховского хора, а Долес стоял у него за спиной, закрыв глаза, одобрительно кивал головой и в упоении приговаривал:

– Какое изумительное туше, какое мастерство! Можно подумать, сам Иоганн Себастьян Бах восстал из мертвых.

Перед тем как уехать в Потсдам, Вольфганг пообещал Долесу вернуться в Лейпциг и дать открытый концерт, где он выступит солистом.

К своему удивлению и разочарованию, он не смог добиться аудиенции у Фридриха Вильгельма. Лихновский уверял его, что это проще простого, но прошла неделя, а никаких вестей от прусского двора не поступало. Тогда Лихновский пообещал устроить ему аудиенцию в Берлине в следующем месяце. Сейчас им надо вернуться в Лейпциг, заявил князь, там Вольфганг на одном концерте сможет много заработать. Лихновский, кроме того, срочно нуждался в сотне гульденов.

– Надо сменить лошадей, тогда мы с удобствами доберемся до Лейпцига. Как-никак до него шестьдесят четыре мили, – объяснил князь.

Отказать зятю Вильгельмины Тун Вольфганг не мог. Но когда он отдал князю сотню гульденов – тот брал не взаймы, – в кармане осталось всего ничего. А по прибытии в Лейпциг Лихновский отправился в свое имение в Силезию.

Боясь застрять в незнакомом городе, Вольфганг в то же время не мог решить, то ли ехать в Берлин, то ли вернуться домой. В начале поездки он получил от Станци два письма, но вот уже несколько недель она молчала, и Вольфганг сильно беспокоился. Лихновский до своего исчезновения говорил Вольфгангу: надо быть идиотом, чтобы беспокоиться из-за такого пустяка. Столь знаменитый маэстро, как Моцарт, может брать любовниц направо и налево. Но Вольфганг скучал по Станци и ни в ком другом не нуждался. Он уже совсем собрался ехать в Вену, когда Долес сообщил, что в его пользу в большом концертном зале Лейпцига устраивается праздничный концерт. Билеты продавались по одному гульдену, и Долесне сомневался: при такой скромной цене зал будет полон.

Кантор попросил Моцарта дирижировать оркестром, выражая этим и желание музыкантов. На репетиции Вольфганг сказал Долесу:

– Музыканты считают, будто придают огня моей музыке, убыстряя темп, но они ошибаются. Если вещь написана без огня, быстрый темп не поможет.

Однако первой частью своей Хаффнеровской симфонии композитор дирижировал в очень ускоренном темпе. И Долес понял, с какой целью он это делает. Едва исполнив двадцать тактов, оркестр стал отставать. Вольфганг вдруг остановился, объяснил музыкантам их ошибку и снова начал дирижировать. Он прилагал все усилия к тому, чтобы музыканты играли как можно быстрее, и отстукивал ногой такт с таким усердием, что тонкая металлическая пряжка па его тупле треснула и мелкие кусочки полетели в оркестр. Вольфганг, не обратив на это внимания, крикнул: «Апсога!» – и начал снова все в том же темпе.

Музыканты, не на шутку рассерженные на этого маленького бледного человечка, который совсем загонял их, принялись за дело всерьез, и первая часть была исполнена безукоризненно. Долес заметил, что после этого Вольфганг стал дирижировать в нормальном темпе. Ему хотелось вернуть благорасположение музыкантов, однако так, чтобы это было не в ущерб достигнутому с таким трудом результатам. Под конец репетиции он похвалил оркестр и прибавил:

– Если господа музыканты сумеют играть на концерте не хуже, чем сегодня, публика не будет обманута в своих надеждах.

Позднее он сознался Долесу:

– Это вовсе не было капризом с моей стороны. Я заметил, что большинство музыкантов – люди пожилые, не поддай я им жару, они все время тащились бы в хвосте. Стоило им,

однако, на меня разозлиться, и они не пожалели усилий и доказали свое умение.

Всю программу оркестр провел в требуемом темпе а безупречно аккомпанировал солисту в его трудных фортепьянных концертах.

Вольфганг не сомневался, что составленная им программа понравится публике. В нее входили две симфонии – Хаффнеровская и Пражская и два концерта для фортепьяно – си-бемоль мажор и ре мажор, только что законченный.

Но, несмотря на восторженный прием, Вольфганг увидел, что зал неполон. Поэтому в антракте, когда ему сообщили, что многие любители музыки, не имевшие возможности уплатить гульден за билет, толпятся возле театра, горя желанием приветствовать композитора после концерта, Вольфганг сказал:

– Пустите их в зал, Долес.

После того как он исполнил два концерта, чрезвычайно довольный, что ре-мажорный прозвучал именно так, как он его задумал, и продирижировал несколько часов подряд, публика захотела послушать Моцарта без оркестра. Вольфганг снова сел за фортепьяно и начал с фантазии. Музыканты устали, он дал им знак расходиться по домам, но почти вся публика – среди них много безбилетников – осталась в зале; Моцарт закончил фантазию, и слушатели шумно потребовали, чтобы он сыграл еще.

И тогда Вольфганг объявил:

– Хорошо, я еще сыграю для вас, для тех, кто понимает мою музыку, а не просто мне аплодирует. – Он импровизировал в течение целого часа, а потом вдруг вскочил из-за инструмента, и, обращаясь к слушателям, благоговейно внимавшим его игре, крикнул:

– Ну, теперь вы довольны? Сегодня вы впервые в жизни услышали настоящего Моцарта!

Через неделю Вольфганг приехал в Берлин. До гостиницы, рекомендованной ему Долесом, он добрался в сумерки; было уже поздно идти в королевский дворец, но лечь спать еще рано.

За обедом он спросил официанта:

– Нельзя ли послушать где-нибудь музыку?

– О да, представление немецкой оперы только что началось.

– Что же сегодня дают?

– «Похищение из сераля».

– Интересно!

– Да, это очень милая вещица. Погодите, кто же ее сочинил? Его фамилия...

Но гость уже исчез из зала.

Вольфганг вошел в театр с первыми аккордами увертюры, вошел, как был, в шубе и остановился возле оркестровой ямы, чтобы иметь возможность слушать, самому оставаясь незамеченным. Начался первый акт, и он был весь поглощен исполнением певцов. Порой ему нравились те или иные пассажи, порой голоса его разочаровывали. Постепенно, сам того не замечая, он придвигался все ближе и ближе к оркестру, весь во власти музыки, напевая про себя отдельные фразы то тихонько, то довольно громко, и мало-помалу странное поведение этого маленького человечка в поношенной шубе возбудило любопытство публики. Он стоял вплотную к оркестру, когда Педрильо запел свою арию: «Frisch zum Kampfe» («Ну, на битву»).

И вдруг Вольфганг обнаружил, что, либо режиссер получил партитуру с ошибками, либо кто-то пытался подправить гармонию, потому что в неоднократно повторяющемся рефрене «Nur ein Feiger» («Медлить может только трус») вторые скрипки каждый раз брали ре-диез вместо ре-бекара.

Не в силах больше терпеть, Вольфганг крикнул:

– Да ре-бекар же, черт вас возьми!

Все взоры обратились к нему, и кое-кто из музыкантов его узнал: «Моцарт в зале!» – молниеносно пронеслось по рядам. Это смутило певцов, и Генриетта Бараниус, исполнявшая

Блондхен, отказалась выйти на сцену. Дирижер сказал об этом Вольфгангу, и он пошел за кулисы.

Генриетта была самой хорошенькой и самой обольстительной из всех примадонн, которых Вольфганг когда-либо встречал. Она кокетливо улыбнулась ему, когда он вошел в ее уборную, и он подумал, что отказ выйти на сцену был просто уловкой, чтобы с ним познакомиться. Но он оставил без внимания явное кокетство примадонны и, придав своему голосу начальственную строгость, сказал:

– Не понимаю, чего вы боитесь, мадам? Пели вы прекрасно, но если вам хочется сделать свою партию ярче и выразительнее, я готов позаниматься с вами.

Но после спектакля Вольфганг не пошел се поздравить и не появился на авансцене, несмотря на овации в его честь, сотрясавшие зал. Нарочный передал ему письмо от Станци, пересланное Долесом из Лейпцига. Нежно прижимая к груди послание, Вольфганг поспешил в гостиницу.

Через несколько дней Фридрих Вильгельм, до которого дошел слух о происшествии в театре, удостоил Моцарта аудиенции. Короля позабавила смелость, с какой композитор держал себя со знаменитой примадонной. Сам же Вольфганг, узнав, что Бараниус – любовница Фридриха Вильгельма, не на шутку струхнул.

– Я не смогу послушать вашу игру, господин Моцарт, – сказал король. – Но королева готова завтра вас принять. Она почти так же любит музыку, как мой предшественник.

Вольфганг слышал произведения для флейты, написанные этим воином-философом-композитором, и был о них весьма невысокого мнения. Однако посмертно Фридриха II стали именовать Фридрихом Великим. Нынешний монарх, несмотря на свой роскошный охотничий костюм, не произвел на Вольфганга большого впечатления. Неужели же все путешествие из Вены сюда проделано напрасно, думал он.

– Ваше величество, князь Лихновский хотел меня вам представить.

Фридрих Вильгельм очень спешил, и имя это явно слышал впервые.

– Ваше величество, князь женат на дочери графини Вильгельмины Тун.

– А? На ее красавице дочке. Как же, припоминаю. Всего хорошего!

Игра Моцарта доставила королеве большое удовольствие, а дня через два Вольфгангу дали заказ, подписанный Фридрихом Вильгельмом, – сочинить шесть простых фортепьянных сонат для их дочери и шесть струнных квартетов для самого короля. В качестве аванса прилагалось сто фридрихсдоров. Вещи эти господин Моцарт может писать на досуге. Когда вернется в Вену.

Назначения на службу при прусском дворе, очевидно, ждать не приходилось.

Единственно, что доставило ему искреннюю радость в оставшиеся до отъезда дни, был концерт Ганса Гуммеля. Мальчик вместе с отцом совершал трехлетнее турне, причем всюду провозглашалось, что одиннадцатилетний вундеркинд – любимый ученик Вольфганга Моцарта. Вольфганга восхитило, с каким вкусом и мастерством Ганс исполняет его музыку. Ганса и его отца глубоко растрогало присутствие в зале маэстро. Встреча их была искренне теплой и дружеской.

От старшего Гуммеля Вольфганг узнал, что Ганс много зарабатывает своими концертами.

Через два месяца после того, как Моцарт с такими радужными надеждами покинул Вену, он вернулся домой, и денег у него едва хватило на то, чтобы отдать долг Гофдемелю.

Признать, что поездка в Пруссию провалилась, было слишком больно, и Вольфганг сделал вид, будто Фридрих-Вильгельм предложил ему место при прусском дворе, но из уважения к Иосифу II он от этого места отказался. Заказ, полученный в Пруссии, придавал его словам видимость правды.

Не прошло и месяца, как Вольфганг снова влез в долги. Нога у Констанцы опять стала

опухать, и доктор Клоссет сказал:

– Возможно, причиной этому частые беременности, а может, это воспаление костной ткани. – И добавил, что, пока не получит денег за прежние визиты, посещать больную отказывается.

Вольфганг попробовал ставить ей пиявки, пускал кровь, давал слабительное и муравьиные яйца, но Станци делалось все хуже, у нее появились пролежни, что увеличило ее страдания. Выход был один – снова обратиться к Пухбергу.

«Боже милосердный! – писал Вольфганг. – Худшему врагу своему не пожелал бы я оказаться в моем ужасном положении. Дорогой друг и брат, если Вы меня покинете, я безнадежно погиб вместе с моей ни в чем не повинной больной женой и несчастным ребенком.

В прошлый раз, когда мы вместе с Вами были на концерте у ван Свитена, мне очень хотелось излить Вам душу, но я побоялся, и если бы не теперешнее отчаянное положение, я бы не осмелился Вас беспокоить.

Вместо того чтобы вернуть деньги, столь великодушно Вами одолженные, я снова прошу Вас о помощи. Но жена моя опять захворала, и задолженность доктору катастрофически растет. Он больше не придет, пока ему не отдадут долга. А ни одно из лечебных средств не помогло. Всего несколько дней назад я попытался облегчить немного свое плачевное положение, устроив концерты по подписке у себя дома. Это одна из причин, почему я перебрался снова в центр города на Юденплац. Я послал письменные приглашения своим прежним подписчикам, истратил на это последние гульденy, и единственный, кто отозвался, был ван Свитен. Драгоценный друг мой, к кому же мне еще обратиться?

Я сочиняю музыку для прусского короля – в свободное время, когда не бьюсь как рыба об лед, стараясь что-то заработать и расплатиться с доктором и аптекарем, а имей я хоть один месяц для спокойной работы, я, конечно, смог бы быстро закончить этот заказ и получить деньги от Фридриха-Вильгельма. Тогда Вам не пришлось бы волноваться – я сразу отдал бы свой долг. Если бы Вы сочли возможным одолжить мне пятьсот гульденов, я мог бы выплачивать постепенно – по десяти гульденов в месяц плюс проценты, какие Вы назначите. При таком подспорье дела мои, несомненно, пошли бы на лад, и в течение нескольких месяцев я смог бы вернуть Вам все, так любезно одолженные мне, деньги. Я молю бога, чтобы Вас не расстроили мои горькие признания и Вы поняли бы – без Вашей помощи честь моя, мое здоровье, семья и жизнь – все пойдет прахом».

Прошла неделя, Пухберг все молчал, и Вольфганг пришел в полное отчаяние. Он снова написал купцу и только в ответ на третью просьбу получил сто пятьдесят гульденов.

Доктору Клоссету пришлось заплатить вперед, и на этот раз доктор, который был тоже масоном, посоветовал Вольфгангу отослать Констанцу на лечение в Баден.

– Но это невозможно! Слишком дорого!

– Господин Моцарт, здесь она вряд ли поправится.

Вольфгангу снова пришлось просить Пухберга о деньгах, он писал, что доктор настаивает на немедленном отъезде Констанцы в Баден, и на этот раз Пухберг выслал триста гульденов. Но когда Станци уехала на воды, за несколько миль от Вены, Вольфганг начал мучительно тосковать и без конца ездил туда, хотя не мог себе позволить остаться там надолго: ее пребывание в Бадене и без того стоило слишком дорого, а полученные от Пухберга гульденy таяли с угрожающей быстротой. Однако минеральные ванны помогали – у Станци уменьшилась отечность, и она снова порозовела. Помимо всего, Констанце очень нравилась атмосфера, царившая на водах. Находясь дома, в Вене, Вольфганг закончил три сонаты для фортепьяно и один струнный квартет для прусского короля и отослал партитуры в Берлин, но денег от Фридриха Вильгельма не получил.

К концу лета королевская труппа возобновила спектакли «Свадьбы Фигаро» в Бургтеатре. Да Понте уверял Вольфганга, что теперь опера пользуется любовью у всех, включая Иосифа. Иосиф, как ни был он обеспокоен падением Бастилии и судьбой своей

сестры, которая фактически сделалась узницей в Версале, все же похвалил да Понте; опера после второго спектакля понравилась ему гораздо больше, сказал император.

Но Вольфганг уже не верил ни тому, ни другому. Множество людей поздравляли его с успехом «Фигаро», но успех не приносил ни единого гульдена. Однако после того как генерал Лаудон, принявший у Иосифа командование армией, отбил Белград у турок и этой победой окончательно упрочил положение империи, Иосиф II пригласил Моцарта вместе с да Понте к себе в Гофбург.

Вольфганг всю ночь не сомкнул глаз, теряясь в догадках, что бы могло значить это приглашение. Войдя в гостиную, предназначенную для неофициальных аудиенций, он был поражен видом Иосифа. На императоре был придворный мундир, белые шелковые чулки, черные туфли с серебряными пряжками, кружевной гофрированный воротник и манжеты, а на груди красовался орден Золотого руна. Но лицо утратило прежнюю свежесть и было сильно нарумянено, и сам он, всегда такой моложавый, сделался вдруг совсем пожилым.

Да Понте был уже в гостиной, и, ответив на приветствие Моцарта, император сказал:

– Мне сообщили, что «Свадьба Фигаро» снова приносит хороший доход. На этот раз как будто публике спектакль нравится, она находит его забавным.

– А вам, ваше величество? – спросил Вольфганг. – Понравилась ли опера вам?

– Я по-прежнему нахожу ее несколько фривольной. Но, может быть, как раз это и требуется публике.

Вольфганг промолчал.

– Мы живем в трудное, беспокойное время. Мне бы хотелось увидеть на сцене Бургтеатра новую оперу, еще более занимательную, чем «Фигаро». Я считаю себя обязанным доставить своим подданным приятное развлечение. – Отвлечь их умы от революции, разразившейся во Франции, думал он про себя, и от мыслей о том, во что обошлась им война с Турцией. – Однако, синьор поэт, в опере не должно быть политических выпадов, как в «Фигаро».

– Ваше величество, я же все их выбросил! – воскликнул да Понте.

– И позволили Фигаро перехитрить графа. На этот раз я хотел бы получить от вас что-нибудь оригинальное. Сюжет, который будет уместен всегда. Если опера понравится, каждый из вас получит по двести дукатов вместо обычных ста.

Это составляло годовое жалованье придворного композитора. Вольфганг воскликнул:

– Ваше величество, я готов писать для вас такую оперу каждый сезон!

– Сначала давайте посмотрим, что получится из этого заказа. Насколько я понимаю, у синьора поэта уже найден сюжет. Будем надеяться, что сюжет действительно нов и оригинален, как он нас уверяет.

Да Понте с самоуверенным видом начал излагать свой сюжет, и Вольфганг готов был поклясться, что он не сам его придумал. Либреттист же продолжал рассказ, считая, по-видимому, само собой разумеющимся, что Вольфганг его примет. Да и как он мог отказаться от такой возможности? Вольфганг внимательно слушал.

– Дон Альфонсо, человек уже немолодой, утверждает, что верных женщин в природе не существует, – говорил да Понте, – ему возражают двое его приятелей – офицеры Гульельмо и Феррандо, они верят, что их невесты – сестры Фиордилиджи и Дорабелла – им, безусловно, преданы. Тогда дон Альфонсо предлагает своим бравым друзьям-неаполитанцам пари: если они в течение суток будут точно исполнять все, что он им скажет, он сумеет доказать, что невесты их – обманщицы. Молодые офицеры принимают пари. Чтобы испытать своих невест, они делают вид, будто уезжают на поле боя, а затем возвращаются, переодетые албанцами. Красивые молодые люди, в которых невозможно узнать Гульельмо и Феррандо, начинают ухаживать за сестрами и быстро добиваются взаимности. После этого Гульельмо и Феррандо возвращаются уже в своем собственном облике и уличают невест в неверности. Но в конце все объясняется и происходит всеобщее примирение.

Вольфганг уже слышал эту историю раньше: о ней немало говорили в Вене, как о

случае из жизни, но когда Иосиф стал аплодировать, Вольфганг понял: выбора нет.

– Ваше величество, я назову оперу: «Cosi fan tutte», – воскликнул да Понте с таким видом, будто название только что пришло ему в голову.

– «Так поступают все», – с удовольствием перевел Иосиф, – что ж, название подходящее.

Да Понте быстро закончил либретто, и по мере того как в голове у Вольфганга начали рождаться музыкальные образы, прежнее возбуждение и радость овладели им. Равнодушно относиться к своим героям он не мог, лишь испытывая к ним любовь и сострадание, он мог вдохнуть в них жизнь. И поскольку сюжет целиком был посвящен любви, Вольфганг писал музыку, говорившую о преданности, о расставании, о неверности и раскаянии, музыку эмоциональную и красивую, поэтичную и нежную.

Пока он сочинял оперу «Так поступают все», Констанца родила пятого ребенка – Анну Марию. Через час после рождения младенец умер от кишечных спазмов, но Вольфганг глубоко упрятал скорбь и отчаяние и не дал своему настроению отразиться на музыке. Констанца поправилась быстрее, чем он ожидал, словно смирилась с неизбежностью смерти ее новорожденных детей, и новая опера стала гимном любви более, чем какая-либо другая из его опер. Чем уродливее жизнь, тем прекрасней должна звучать его музыка. Вольфганг пытался побороть постоянную усталость, одолевавшую его, не обращать внимания на боли и частые простуды и старался уверить себя, что на свете лишь одна музыка имеет значение, она лилась у него из самого сердца.

Пригласив Гайдна и Пухберга на генеральную репетицию, Вольфганг начал сомневаться, правильно ли поступил. Их может шокировать сюжет, хотя музыка получилась удивительно приятной – он вложил в нее всю душу.

Михаэль Пухберг, круглолицый толстяк с брюшком, не обладал музыкальными способностями; купец с практической сметкой, он в то же время был истинным поклонником и любителем музыки. Ему льстила компания двух лучших музыкантов империи. Пухберг мечтал послушать, как они будут говорить о музыке, и в частности обсуждать методы композиции. Вместо этого Гайдн жаловался Моцарту, как ему плохо живется при дворе графа Эстергази – в скучном месте, тогда как Вольфганг уверял, что Гайдну повезло хотя бы в одном – он имеет обеспеченный доход. Денежные вопросы, казалось Пухбергу, занимали обоих композиторов гораздо больше, нежели его самого.

Однако стоило прозвучать первым аккордам, и Вольфганг застыл словно статуя, а Гайдн даже закрыл глаза. Пухберг тоже притих, хотя ему о многом хотелось расспросить друзей.

После репетиции Гайдн сказал:

– Вольфганг, вы великолепно умеете использовать вокальные данные певцов. Вам следует радоваться и гордиться собой.

Вольфганг просиял; повернувшись к Пухбергу с таким видом, словно мнение купца он ценил так же, как мнение Гайдна, он спросил:

– А что думаете вы, Михаэль?

– Чудесная музыка. В ней столько чувства, столько любви, хоть текст и легкомыслен. Я полагаю, опера понравится императору.

– Если он хоть немного соображает, – пробормотал Гайдн. – Тогда нашему дорогому другу станет полегче. К сожалению, все в этом мире преходяще.

– Пожалуй, – сказал Вольфганг. – За исключением музыки! Она неподвластна времени, и, если она хороша, ей уготована вечная жизнь.

Вошел да Понте и порывисто обнял Гайдна, приветствуя почетного гостя. Либреттист кивнул Пухбергу и сказал, обращаясь к Вольфгангу!

– Генеральная репетиция прошла блестяще, премьера состоится двадцать шестого, на сей раз уже определено.

На следующий день после премьеры «Так поступают все», 27 января 1790 года,

Вольфгангу исполнилось тридцать четыре года.

На премьерe император сказал да Понте и Вольфгангу, что эта опера-буффа понравилась ему больше всех остальных их совместных сочинений.

– Музыка просто восхитительна, и сюжет веселый и забавный, – похвалил император.

Вольфганг на этот раз ему поверил. Потому что действительно получил за свою оперу двести дукатов. Иосиф распорядился дать пятнадцать спектаклей и намекнул, что в скором времени понадобится еще опера в таком же роде.

Вольфганг был вне себя от счастья. После стольких лет тяжелой борьбы за существование император наконец уверовал в его талант оперного композитора.

Через три недели Иосиф II скончался, и все постановки оперы на время национального траура были отменены.

87

Леопольд, правитель Тосканы и брат Иосифа II, сменил его на троне. В Вене ходило множество всяких слухов о переменах, предстоящих в придворном музыкальном мире – новый император не одобрял большинство назначений Иосифа, – и Вольфганг лелеял надежду, что при дворе Леопольда для него найдется лучшее место

Когда миновали месяцы траура, в придворном театре было назначено пять представлений оперы «Так поступают все». Вольфганг подал петицию эрцгерцогу Франциску – наследнику Леопольда и его любимцу, который в прошлом весьма одобрительно относился к музыке Вольфганга, – с просьбой назначить его на место помощника придворного капельмейстера. Он указал в петиции на свой опыт в сочинении духовной музыки и предлагал свои услуги королевской семье в качестве учителя музыки. Петиция его была оставлена без внимания.

Вольфганг продолжал получать каждые три месяца свое жалованье, но на жизнь не хватало. Двести дукатов, полученные за новую оперу, быстро ушли на расплату с долгами. Вольфганг пытался найти учеников, но никто не проявлял желания брать у него уроки. Он сочинил два струнных квартета – Артария пообещал их продать, однако желающих купить их оказалось так мало, что вырученная за проданные экземпляры сумма не покрыла даже расходы по переписке партитуры. В конце концов, Вольфганг вернулся к Генделю и стал сочинять для ван Свитена новый аккомпанемент к «Празднику Александра» и «Оде святой Цецилии» за ничтожное вознаграждение.

Констанца снова заболела, ей помогли лишь лечебные ванны в Бадене, и, несмотря на долги, Вольфганг постарался послать ее туда на все лето. Когда она упрекала его в том, что он вечно не в духе, он не признавался, что сам часто чувствует недомогание и мучается из-за долгов. Вольфганг не хотел волновать Констанцу, однако его беспокоило собственное здоровье: стоило ему избавиться от одной болезни, как на него тут же наваливалась другая. Все это Вольфганг скрывал от Станци, но отделаться от печальных мыслей, неотвязно преследовавших его, не мог.

Он посылал Пухбергу письмо за письмом с просьбами о деньгах. И хотя уверял друга, что положение его вскоре непременно улучшится, сам уже в это не верил. И друг ссужал его все меньшими суммами, высылал половину того, что Вольфганг просил, а то и меньше.

В сентябре, когда Станци с Карлом Томасом находились еще в Бадене, Вольфганг попытался написать новый концерт для фортепьяно, но у него ничего не получилось. Он отчаянно скучал по жене и сыну. Лежавшая перед ним нотная бумага была вся в кляксах от слез. Решив, что всему виной квартира – она казалась такой пустой без Станци и Карла Томаса, – Вольфганг выбежал на улицу. Обычно, когда работа не ладилась, он отправлялся гулять, и во время прогулки рождались новые музыкальные замыслы. Остановившись на Дворцовой площади, он посмотрел на дворец Коллальто. Дворец находился совсем рядом с их теперешней квартирой, там он выступал, впервые приехав в Вену. С тех пор он ни разу не бывал во дворце Коллальто.

Вернувшись домой, Вольфганг понял: необходимо переехать отсюда. Какова бы ни была причина, писать в этой квартире он больше не может, а без работы он погиб!

Квартира в пять комнат, снятая им на Раухенштейнгассе, была более просторна и находилась на первом этаже – это значило, что Констанце придется подыматься только на один этаж, да и собор св. Стефана поблизости, и тот дом, где он писал своего «Фигаро» и где ему так улыбалось счастье. Но стоила новая квартира вдвое дороже, и долгов прибавилось.

В октябре во Франкфурте предстояла коронация Леопольда императором Священной Римской империи – и Вольфганг решил поехать туда в надежде, что такое событие заставит Леопольда прибегнуть к его услугам. Но Констанца воспротивилась.

– Двор уже остановил свой выбор на Сальери, и уж он-то никогда не допустит, чтобы новый император дал тебе заказ. С твоей стороны очень неразумно ехать туда. Истратишь кучу денег и окажешься простым зрителем.

– Во Франкфурте соберется вся знать. Туда приедет цвет европейской аристократии и самые богатые люди. Пусть даже новый император не воспользуется моими услугами, все равно я вернусь с солидным заказом.

Мысль о путешествии воодушевила Вольфганга и покрыла румянцем его щеки, таким Констанца его не видела со времени поездки в Пруссию. Но чтобы оплатить дорогу, пришлось заложить столовое серебро и серебряное блюдо, потому что Пухберг и Гофдемелль дать денег отказались.

– Я вернусь, и мы сразу же все выкупим, – уверял он расстроенную Констанцу. – Во Франкфурте меня до сих пор хорошо помнят.

Вольфганг действительно встретил во Франкфурте много старых друзей, но Леопольд II так и не воспользовался его услугами. Имея в своей свите Сальери, император не нуждался в каком-то Моцарте, которого считал просто нищим попрошайкой. На церемонии коронации музыка Вольфганга совсем не исполнялась.

Ему милостиво разрешили дать концерт после того, как празднества, связанные с коронацией, закончились и большинство именитых гостей покинули город. Оба его фортепьянных концерта хвалили, но денег он ниоткуда не получил. Второй назначенный концерт пришлось отменить, потому что он не вызвал достаточного интереса у публики. Выступая в Мангейме, Мюнхене и Майнце, Вольфганг заработал достаточно, чтобы вернуться в Вену, но не мог отказать себе в удовольствии повидаться с четой Вендлингов и Каннабихов. И как ни радостно было вспомнить прошлое, в уме неустанно шевелилась мысль: неужели и я состарился так же, как они?

Вольфганг отсутствовал дома шесть недель. «Чего же ты добился?» – повторил он вопрос, заданный ему Констанцей, когда вернулся в ноябре, и ответил:

– Везде, где бы я ни появлялся, меня встречали как самого почетного гостя, бурно аплодировали и приветствовали повсюду, но народ там еще скупее, чем в Вене.

Дома его ждало письмо из Лондона. Роберт Мей О'Рейли, представитель лондонской оперной труппы, писал:

«Мсье Моцарту, прославленному композитору. От людей, приближенных к его королевскому высочеству принцу Уэльскому, – молодого, но выдающегося оперного композитора Стефана Сторейса, Вашего прежнего ученика, и от столь же молодой и блистательной примадонны Энн Сторейс, мне стало известно, что Вы намерены посетить Англию. Поскольку я был назначен на занимаемую мною должность директора лондонской оперной труппы со специальной задачей лично заняться подыскиванием талантов, я имею честь предложить Вам, маэстро, место, на которое редко могут рассчитывать композиторы в Англии. Если Вы сможете приехать в Лондон в конце декабря 1790 года и остаться до конца июня 1791 года и сочинить по крайней мере две оперы, серьезные либо комические – по усмотрению нашего театра, – я готов предложить Вам триста фунтов стерлингов. Вам будет предоставлено, кроме того, право писать сочинения для любого лондонского концерт-холла, но только не для других оперных театров. Если Вас устраивает это предложение и Вы

согласны принять его, прошу Вас не отказать в любезности передать свой ответ с обратной почтой. Это письмо послужит Вам гарантией заключенного между нами контракта».

Вольфганг пришел в восторг от этого предложения и очень удивился, что Констанца не разделяет его чувств.

– Триста фунтов стерлингов за две оперы! – воскликнул он. – Гораздо больше, чем я получаю за оперу в Вене. К тому же очень сомнительно, будут ли и впредь здесь ставить оперы, Леопольд их не любит.

– Откуда у тебя такая уверенность, что в Англии все будет так, как он пишет? – возразила Констанца.

– О'Рейли – личный представитель принца Уэльского. – Ты думаешь, он лучше остальных, которые столько тебе обещали и ничего не делали?

– Ребенком я пользовался в Англии огромным успехом. И во всех письмах мои английские друзья утверждают, что Лондон примет меня с распростертыми объятьями;

В этом-то и была загвоздка. Энн Сторейс слишком уж восторженно поклонялась его таланту. Но вслух Констанца сказала:

– Я боюсь английского климата. Даже Сторейс признавались, что там сыро, а мне нужен теплый, сухой климат, как в Бадене.

Порой Вольфгангу начинало казаться, что дороже Бадена для Констанцы нет ничего на свете.

– Мы пробудем там весну и лето, самое теплое время.

– Мы пробудем там и декабрь, если ты собираешься выполнить условия контракта. Да что говорить, один переезд через Ламанш чего стоит.

– Мы всей семьей проделали этот путь, и ничего с нами не случилось.

– И очень страдали от морской болезни, твой отец сам признавался. Да, кроме того, выплыли туда в апреле.

Был бы сейчас рядом с ним Папа, думал Вольфганг, он бы со всем справился, ему были хорошо знакомы все трудности, подкарауливающие людей в длительном путешествии.

– Так ты не хочешь ехать, Станци?

– Не в этом дело. – Причин было много: Энн Сторейс, опасность и трудности поездки. К тому же Станци не любила перемен – не то, что он, – она их боялась. – Мы просто не можем себе этого позволить.

– Я раздобуду денег, – сказал он с уверенностью, которой вовсе не испытывал.

– Придется! Закладывать нам больше нечего.

Что тут ответишь? Он не привез денег, чтобы выкупить заложенное серебро. А на поездку в Англию нужно по меньшей мере тысячу гульденов.

Никто не согласился одолжить Вольфгангу такую сумму, даже Гофдемелю и Пухбергу. Вольфганг предложил выдать вексель на тысячу гульденов, обязуясь выплатить долг из денег, которые он заработает в Англии, но друзья ему даже не ответили. Поведение Гофдемеля его не удивило, но от Пухберга он этого не ожидал.

За последние две недели Вольфганг не встречал своего, друга ни на одном собрании масонской ложи и, в конце концов, сам себя презирая и страдая в душе, решил пойти на квартиру к Пухбергу; там он узнал, что купец уехал из Вены по делам и никому неизвестно, где он находится и когда вернется.

Через несколько дней в музыкальную комнату Вольфганга ворвался коренастый мужчина и объявил:

– Моя фамилия Саломон, я приехал из Лондона, хочу предложить вам то, что уже предлагал О'Рейли, и еще кое-что вдобавок. Господин Гайдн согласился приехать в Англию, и мы бы хотели на следующую зиму пригласить вас.

– Гайдн? – Вольфганг удивился. Друг ему ни словом об этом не обмолвился.

– Ну да! Вы ведь слышали, что князь Эстергази скончался?

Вольфганг слышал, но, занятый своими делами, не подумал, какими последствиями это

могло обернуться для его друга.

– После смерти Эстергази Гайдн может выступать, где захочет, – не без злорадства пояснил Иоганн Питер Саломон. – Заполучить Иосифа Гайдна и Вольфганга Моцарта – это великолепно! Ваше пребывание в Англии лондонцы до сих пор вспоминают с большой теплотой.

– А как быть с расходами на дорогу? Я не могу довольствоваться одними обещаниями.

– Мы вам дадим пятьсот гульденов. Столько же, сколько Гайдну.

– Но у меня ведь еще жена и ребенок. Английский импресарио немного приуныл.

– Мы не можем оплатить проезд всего вашего семейства. Но если вы непременно хотите взять их с собой, я могу надбавить еще сотню гульденов – на дорогу.

– А там сколько вы мне будете платить?

– Сколько предложил вам О'Рейли? Сто фунтов стерлингов за одну оперу?

– Триста фунтов за две.

Саломон недоверчиво посмотрел на Вольфганга.

– Я дам вам двести фунтов за оперу, выплата сразу же по получении от вас каждого сочинения, – сказал он.

Вольфганг вздохнул. Предложение щедрое, обидно отказываться.

– Что вы скажете, господин капельмейстер? Контракт у меня с собой.

– Мне надо подумать. – Не мог же он ехать без Станци и Карла Томаса.

– Только думайте скорее. Мы с господином Гайдном уезжаем в Англию через несколько дней.

У Станци появилась еще одна причина не ехать в Англию.

– Я беременна, – сообщила она. Вольфганг хотел поцеловать жену, но потом сказал:

– Я же приехал домой всего четыре недели назад.

– Поцелуй меня, – попросила она. – Ты мне не веришь?

– Это специально для того, чтобы остаться здесь и летом уехать в Баден?

– Вольфганг, как ты можешь так думать? – Она заплакала.

Впервые слезы Станци не тронули сердце Вольфганга.

– Ты твердо знаешь, что беременна?

– О, я уверена. Ведь это уже в шестой раз, я знаю все признаки.

– Через четыре недели?

– Вольфганг, что ты хочешь сказать?

Но разве выскажешь ей свои догадки? Он отсутствовал два месяца, а Констанца не прочь была пококетничать. Ей всегда льстило внимание мужчин. Но это еще не повод для подозрений. Нужны более веские основания. А сейчас важнее всего беречь здоровье Станци и будущего ребенка.

Свой последний день в Вене Гайдн провел с Вольфгангом. Они вместе бродили по центру города, стараясь отодвинуть час разлуки; прошли по Грабену до Кольмаркт, где навстречу им попался крестьянин с поросенком и курицей в руках; нищие выклянчивали крейцер. Очутившись в оживленной части улицы, где трудно было разговаривать, друзья завернули в маленькое кафе и уселись в уголке, стараясь остаться незамеченными.

Старичок скрипач самозабвенно играл мелодию из «Так поступают все», а закончив, стал обходить посетителей с тарелкой. Гайдн похвалил скрипача за то, что он играет такие прекрасные вещи, и тот сказал:

– У вас хороший слух, господин, – и, когда Вольфганг дал ему гульден, прибавил: – Сразу видно, что у вас, господин, тоже есть вкус.

Гайдн был в приподнятом настроении.

– Наконец-то я свободен, Вольфганг! – говорил он. – Могу ехать, куда вздумается, делать, что вздумается. Тридцать лет я прислуживал разным господам, а теперь сам себе хозяин!

– Это действительно так?

– Да. – Голос Гайдна сделался серьезным. – Княгиня Эстергази умерла в феврале, приблизительно в одно время с Иосифом, и убитый горем князь стал таять на глазах и через полгода сам скончался. Сын его, которого музыка мало интересует, освободил меня от службы при дворе, но назначил ежегодную пенсию в тысяча четыреста гульденов, чтобы я мог жить безбедно. От меня лишь требуется именовать себя «капельмейстер князя Эстергази». Но каковы ваши планы, Вольфганг? Саломон ведь предложил вам прекрасные условия. Почему вы не соглашаетесь?

Вольфганг не мог поведать папе Иосифу о своем бедственном положении. Гайдн еще почувствует себя в чем-то виноватым, захочет помочь, но к чему осложнять жизнь другу, достаточно и того, что сам он мучается.

– Причин немало, – ответил Вольфганг.

– На дорогу мне дают пятьсот гульденов. Если вам такой суммы не хватит, я готов поделиться. Мои потребности очень скромны, а Карл Томас для меня как родной. Сколько вам нужно?

– Нет, нет! Дело не в деньгах!

– Я получаю предложения со всех сторон, Вольфганг, это так чудесно!

А у меня их вовсе нет, с горечью подумал Вольфганг. Почему так немилостива к нему судьба? В чем он провинился? Он не считал себя выше Гайдна, но разве он ниже?

– Как только стало известно, что я свободен, меня пригласил на службу неаполитанский король и другие королевские дворы. Хорошо быть музыкантом и знать, что в тебе нуждаются!

– Вы заслужили это уважение и восхищение. – Никогда не забыть ему очертания твердого подбородка Гайдна, чуть удлиненного, как у Мамы, и ласковые модуляции его голоса.

– Но как же вы, Вольфганг? Ведь в Лондоне вам обеспечен огромный успех.

– Возможно, удастся поехать на будущий год. Или еще через год.

Гайдн печально покачал головой. – Если вы не поедете теперь, вы уже никогда не соберетесь. – Вольфганг так постарел за это время. В волосах появилась седина. С его когда-то добродушного, оживленного лица не сходит горестное выражение. И эта вечная усталость! – Саломон говорит, что Сторейсы, которые преклоняются перед вашим талантом, пользуются в Лондоне огромной популярностью. То же ждет и вас. В чем же истинная причина вашей нерешительности? Может, я разрешу ваши сомнения?

– Если бы! Нет, помощь мне не нужна, просто так уж складываются обстоятельства. Констанца плохо себя чувствует, а вы знаете, она сильно болела в прошлом году. Рисковать ее здоровьем я не могу.

– А почему бы вам не поехать одному? Устроитесь, а потом и ее выпишете.

– Одной ей не осилить такую поездку. А после того как мы потеряли нашего первенца, я дал клятву никогда больше никому не доверять ребенка. Разве что своему отцу, но его уже нет в живых.

Гайдн умолк. Он не соглашался с Вольфгангом. Констанца, казалось ему, порой использует свои болезни в собственных целях, но не дай бог намекнуть другу – это причинит ему боль. Вольфганг должен верить тем, кого он любит, думал Гайдн. Вольфганг рос, окруженный нежной любовью, ей он был обязан всем лучшим в себе, любовь – это та пища, без которой он не может существовать.

– Поездка в Лондон не вопрос жизни или смерти, – сказал Вольфганг.

– Я слышал, Сальери собирается уйти со службы, и ходят слухи, будто да Понте перебирается в Англию.

– С тех пор как умер Иосиф, подобные слухи не прекращаются.

– Если бы только слухи! Леопольд и правда не интересуется музыкой.

– Иосиф, хоть и не был знатоком музыки, каким себя мнил, имел, по крайней мере, представление о контрапункте, а в покоях Леопольда исполняют такую музыку, что собаки и те скоро разбегутся.

– Надеюсь, Вольфганг, эти свои суждения вы не высказываете вслух?

– Нет, разумеется. Но ведь так оно и есть. Отныне все будет делаться по указке Леопольда. Он помазанник божий! О, Габсбурги обладатели божественной власти на земле, редкого дара, которым они сами себя наградили.

– Столь крамольные речи могут вам сильно напортить, Вольфганг.

– А как могу я видеть в них святых, когда всю жизнь имел возможность наблюдать их с близкого расстояния?

– Вы когда-нибудь жалели, что расстались с Колоредо и Зальцбургом?

– Никогда, ни разу! – Вольфганг рассмеялся. – В Зальцбурге до сих пор думают, что музыкант – это осел, на котором ездит архиепископ, для иного он не пригоден, а Колоредо, полагающий, что будет жить вечно, создал себе идеальный двор – без театра, без оперы и, по существу, без всякой музыки.

– Я беру с собой ваши квартеты, посвященные мне. Англичанам они понравятся.

– Чего не скажешь про венцев. Прошлым летом я сочинил три симфонии, но исполнить их никого не уговоришь.

– Позор! – Гайдн был потрясен.

– Моя музыка созревает в тишине. Так я ее лучше слышу.

– Если бы можно было надеяться, что мы еще увидимся...

Гайдн, оптимист по натуре, настроен не менее пессимистично, чем он сам, понял Вольфганг.

– Я боюсь за вас, вы ведь никогда в жизни не путешествовали, почти не знаете языков, ни слова по-английски, а путешествие не легкое для человека ваших лет, – сказал Вольфганг.

– Я над этим немало размышлял и решил ехать.

По пути к дому Моцарта, где Гайдна ждала карета, они рассуждали об обыденных вещах, стараясь скрыть свои горькие думы, но подошло время прощаться, и Гайдн сказал:

– Когда в Лондоне наступят холода и сырость и мне станет одиноко, я буду в мыслях слушать «Фигаро» и другие ваши шедевры, это поможет мне согреться.

– Иосиф, неужели мы расстаемся?

– Вас что-то волнует? Что-то такое, о чем мы не говорили?

Не рассказать ли Гайдну о Констанце, о подозрении, нет-нет да и волнующем душу, что ребенок, которого она ждет, – не его? Нет, не стоит, подумал Вольфганг, это неблагородно, лишено оснований. Лучше поговорить о другом.

– Господу, видно, угодно, чтобы мы испытали величайшее счастье и тягчайшее горе и через это познали бы жизнь.

Гайдн с сосредоточенным видом слушал друга.

– За целый год, папа Иосиф, я сочинил всего лишь два струнных квартета и один струнный квинтет. В восемь лет я сочинял куда больше...

– Нежный Вольфганг, вы не знаете пощады, когда дело касается плохой музыки и плохих музыкантов. Тут вы беспощадны даже к себе. Но, боже мой, до чего вы сострадательны к людям! Имейте же хоть каплю сострадания к самому себе. Вы снова начнете писать. Непременно начнете.

– Было бы слишком жестоко поставить сейчас точку.

– Этому не бывать. Я вернусь из Англии через год-два или вы сами туда приедете, и у нас еще найдется, что показать друг другу.

Но предчувствие, что он видит друга в последний раз, снова завладело Вольфгангом.

– До свиданья... – прошептал Гайдн. Они обнялись.

– Неужели мы больше не свидимся, Иосиф?

– Нет, это было бы чересчур несправедливо! Жестоко! Час прощания пробил. Гайдн уехал.

1791 год начался для Вольфганга более благоприятно. Иосиф Беер, виртуоз-кларнетист, написал ему, что собирается дать концерт в Вене, и добавил: «Вы окажете мне большую честь, господин капельмейстер, если согласитесь принять участие в концерте, целиком посвященном Вашей музыке».

Письмо кларнетиста и вера Гайдна в его талант заставили Вольфганга опять взяться за сочинение музыки. Мысль снова выступить перед публикой зажгла его, и он с головой ушел в работу над первым за три последние года концертом для фортепьяно. А Констанца, которая и впрямь была беременна, сидела рядом, исполненная желанием доказать ему свою преданность: он так любил поболтать с ней, когда отдыхал от работы. От Гайдна пришло письмо, друг сообщал о своем благополучном прибытии и умолял Вольфганга приехать в Лондон как можно скорее. Гайдн выражал надежду, что Вольфганг снова возьмется за сочинение музыки – на произведения Моцарта в Англии такой огромный спрос.

«Нежный Вольфганг» – назвал его Гайдн, и он ни на минуту не забывал об этом, работая над новым концертом си-бемоль мажор. Классическая строгость и простота сочетались в нем с певучестью, с удивительной ясностью и красотой. Той ясностью и красотой, размышлял он, которые, казалось, исчезли из мира в этот беспокойный, жестокий век.

По Вене расхаживали солдаты, и император твердил, что надо спасти Европу от революции, которая захлестнула уже почти всю Францию. Вольфганг следил за событиями. Он понимал: если вспыхнет война с Францией, будет трудно добраться до Англии, а он не хотел, чтобы этот страшный мир одолел его.

Концерт си-бемоль мажор не оплакивал человеческую судьбу и не сокрушался над ней. Мощные аккорды устремлялись ввысь не за тем, чтобы призвать на помощь Провидение. Слушая его музыку, никто не поверит, что, сочиняя ее, он чувствовал себя совсем больным и несчастным. Бывали моменты, когда ему не верилось, хватит ли сил еще хоть на один концерт. Но считать эту работу последней не хотелось.

Он так любил фортепьяно. Игра на этом инструменте доставляла ему высшее наслаждение. Мысль, что придется расстаться с ним, казалась невыносимой. И все-таки концерт надо слушать в настоящем исполнении.

Концерт состоялся в большом зале ресторана; игра Вольфганга, как всегда, отличалась удивительной звучностью, благородством и чистотой. Казалось, будто оркестр, фортепьяно и человек слились в единое целое.

Зал, однако, наполовину пустовал, хотя Иосиф Беер пользовался известностью и играл превосходно. За концерт Вольфганг получил всего двадцать пять гульденов.

Думать о концертах на ближайшее время не приходилось, но Вольфганг изо всех сил старался скрыть овладевшую им тоску и, желая доказать императору, что еще может быть ему полезен, сочинил десятка два немецких танцев, менуэтов и контрдансов для исполнения при дворе, но не получил даже благодарности.

Твердо решив не опускать руки и никому не показывать переполнявшее его отчаяние, он сочинил три детские песенки, фантазию для заводного органа, два искусно построенных струнных квартета; произведения эти, совершенно разные, принесли ему удовлетворение, потому что за них заплатили.

Он мог бросить писать музыку; даже когда не получал заказов, в голове теснилось столько замыслов! Нельзя терять драгоценное время, нужно успеть выразить в музыке все накопившееся в душе. И эта потребность была столь властной, что в голове уже рождались мелодии новой оперы, хотя либретто он еще не имел.

Да Понте выслали из Вены за оскорбление особы императора. Сальери ушел со службы при дворе. Орсини-Розенберг был уволен. Новым капельмейстером стал Иосиф Вейгль – весьма посредственный музыкант.

Это назначение положило конец еще теплившейся у Вольфганга надежде стать императорским капельмейстером при дворе Леопольда II. Узнав о том, что Леопольд Гофманн, капельмейстер при соборе св. Стефана, заболел и вряд ли долго протянет, Моцарт

подал прошение с просьбой назначить его помощником Гофманна без денежного вознаграждения.

После длительного ожидания – сначала прошение было отклонено – он наконец получил это место указом магистрата города Вены. Вольфганг обрадовался, но Констанца не преминула напомнить, что ему снова придется бросать свой труд на ветер; она прочла вслух ту часть указа, где говорилось:

«Помогать вышеуказанному капельмейстеру, господину Гофманну, безвозмездно, заменять его, когда он не сможет явиться...»

– И если место освободится, – перебил ее Вольфганг, – оно перейдет ко мне вместе с жалованьем в две тысячи гульденов. Этого более чем достаточно на жизнь.

У Вольфганга появился новый ученик, которого он обучал теории композиции, Франц Ксавер Зюсмайер. Этот коренастый двадцатипятилетний музыкант сделался его посыльным, камердинером, управляющим делами и даже мишенью благодушных насмешек своего учителя.

Констанца уже сильно пополнила, ей предстояло рожать в августе-сентябре, и Вольфганг окружил ее лаской и вниманием.

Когда в начале июня, в самом благодушном настроении, готовая, казалось, обнять весь мир, она отправилась в Баден, Вольфганг искренне радовался за жену. Ему пришлось написать Пухбергу четыре умоляющих письма, прежде чем он получил от купца половину той суммы, которую просил. Вольфганг старался успокоить себя, как-нибудь обойдется и этим. Он писал Констанце почти каждый день нежные письма и очень по ней скучал.

Чтобы рассеяться, Вольфганг часто ходил в театр. Как-то раз он смотрел во Фрейхауз-театре на Видене пользующийся успехом спектакль «Антон при дворе, или День ангела». Пьеса показалась ему скучной, хотя писал ее, режиссировал и поставил его старый знакомый Эммануэль Шиканедер.

После спектакля Шиканедер пригласил Вольфганга поужинать с ним.

Сидя с Шиканедером в его уборной, Вольфганг понял, что у приятеля, видимо, была особая причина повидаться с ним. Шиканедер был сегодня трезв, благоразумен, без тени напускной веселости, обычно столь ему свойственной. Прежде Шиканедер был несколько хлыщеват, вспоминал Вольфганг. Пятью годами старше Вольфганга, этот красивый, стройный мужчина вел необычайно бурный образ жизни. Он брался за все, начиная с глюковского «Орфея и Эвридики», шекспировского «Гамлета» и «Короля Лира», мольеровского «Мнимого больного» и кончая комедиями самого низкого пошиба и бьющими на эффект постановками весьма дурного вкуса. По при том, что Шиканедер любил играть комические роли и был очень недурен в пантомиме, он обладал еще прекрасным, выразительным голосом – лучшего Гамлета Вольфганг на сцене не видел, неплохо пел и был опытным режиссером и постановщиком.

Убедившись, что Шиканедер не интересуется его мнением по поводу сегодняшнего спектакля, Вольфганг с облегчением вздохнул. Шиканедер сказал:

– Вам известно, Моцарт, что с тех самых пор, как мы познакомились в Зальцбурге, где я тогда играл в театре – перед самым вашим отъездом в Вену, – я остаюсь восторженным почитателем вашей музыки.

Что-то ему от меня нужно, гадал Вольфганг, и, разумеется, даром.

– Являлась ли вам когда-нибудь мысль писать для народного театра?

В настоящее время я готов писать для кого угодно, подумал Вольфганг, лишь бы это было поставлено, только не следует показывать свою заинтересованность, иначе Шиканедер сумеет использовать ее в своих интересах.

– Все зависит от либретто, – ответил он.

– Как вы, наверное, знаете, я написал несколько либретто.

– О чем же все-таки речь?

– Самым большим успехом у нас в театре пользовался «Оберон», по либретто Гизеке,

музыка Враницкого. Но и тому и другому далеко до Шиканедера и Моцарта.

– Я слышал «Оберона». Ничего особенного.

– Наша публика от него без ума. Публика вообще обожает сказки. А моя сказка, положенная на вашу музыку, может получиться очаровательной, трогательной и, уж во всяком случае, позабавит публику.

Шиканедер стал подробно излагать свой замысел, а Вольфганг задумался. Связавшись с Шиканедером, придется поставить крест на карьере при дворе. Помещение театра на Видене было немногим лучше сарая – и это после того, что все его оперы ставились в прославленных театрах Вены. Кроме того, Шиканедер, ставя комедии, зачастую бывал пошл и даже вульгарен. И хотя трудно было сказать заранее, кто возьмет в нем верх – шарлатан или артист, – в способностях Шиканедеру не откажешь.

– Итак, что вы скажете, маэстро? – Шиканедер как раз кончил излагать сюжет.

– История удивительная, – Вольфганг пропустил мимо ушей многие подробности, слишком уж путаная была интрига, но, вероятно, Шиканедер сможет все исправить. – Только почему бы вам ее не упростить? Тогда мы смогли бы продолжить наш разговор.

– Вы получите не только сотню дукатов за музыку к либретто, но также и долю от прибыли, которую принесет наша опера. Вы ведь имеете дело с разумным человеком, а не с императором.

Вольфганг с нетерпением ожидал от Шиканедера либретто, с тем, чтобы начать работу.

Текст, который он получил несколько недель спустя, оказался довольно путанным, в нем было много противоречивых мест, большая часть сюжета, видимо, была позаимствована из других источников, но в либретто содержались идеи, затронувшие Вольфганга с точки зрения музыкальной. Приятно было погрузиться в мир сказки. Еще ребенком в Англии он создавал в воображении собственное сказочное царство и, огорчившись из-за чего-нибудь, находил там убежище. То же самое предстояло сделать и сейчас.

Шиканедер назвал их произведение «Die Zauberflöte» – «Волшебная флейта».

– Название дает почувствовать сказочность сюжета, – пояснил либреттист. – Оперы на сюжет сказки сейчас в моде, а слово «флейта» подчеркивает, что спектакль музыкальный.

Вольфганг согласился, название звучало музыкально, оно могло произвести впечатление!

Вольфганга забавлял Папагено, ему нравился идеализм Зарастро и наивная вера романтического героя Тамино. Перед ним открывалась возможность выразить собственные мысли, не боясь императорского запрета. Либреттист, брат Вольфганга по масонской ложе, разбросал в тексте в виде намеков идеи масонов, проповедовавших терпимость, дружбу и всеобщее братство людей, и это находило отклик в душе Вольфганга. Быть может, мир быстро катится по наклонной плоскости и эпоха полного упадка не за горами, и все же, слушая его музыку, люди поймут: человек может сохранить достоинство, только поправ в себе гордыню и живя в согласии с законами совести и правды. Но когда Шиканедер спросил, что он думает о переделанном им тексте, Вольфганг ответил:

– Если опера провалится, не вините меня, я никогда в жизни не сочинял опер на сказочный сюжет.

Озабоченность Вольфганга убавила забот Шиканедеру. Раз уж композитор волнуется, он обязательно напишет прекрасную музыку.

– Я намерен открыть этой оперой осенний сезон в моем театре, – сказал Шиканедер. – Будет к этому времени готова музыка? – Леопольд Моцарт говорил когда-то, что сын его имеет склонность откладывать все на последнюю минуту.

– Партитура будет готова к первой репетиции. Возможно, и раньше.

Тем не менее Вольфганг при каждой возможности уезжал к Констанце в Баден, пока, наконец, Шиканедер не предоставил в его распоряжение домик, где композитор мог спокойно работать и где он был у либреттиста на глазах, так что тот мог подгонять его в

случае необходимости.

Деревянный однокомнатный домик находился во дворе театра, там стояло фортепьяно и было прохладно. Вольфгангу нравилось его новое пристанище.

Здесь он проводил почти все время, кроме тех дней, когда уезжал в Баден. Музыка к «Волшебной флейте» писалась легко,годились и некоторые из тех идей, которые занимали его последние месяцы. Шиканедер дал ему двадцать пять дукатов в знак скрепления договора и обещал еще двадцать пять по окончании партитуры, и пятьдесят, когда опера будет поставлена. Но полученные деньги ушли на уплату за пребывание Констанцы и Карла Томаса в Бадене, а из долгов так и не удалось вылезти.

Вольфганг тщательно скрывал свои неприятности от Констанцы, приближались роды, правда, был еще только июль месяц. Мысли о долгах все чаще приводили его в мрачное настроение, и тогда начинало казаться, что все его труды напрасны. Но постепенно сюжет все сильнее завладевал его воображением, и в силу многолетнего опыта как замысел, так и структура всей вещи начинали принимать ясные очертания. Теперь он мог объять оперу мысленным взором всю целиком, как прекрасную картину или статую. И это придавало сил. Теперь он твердо знал: неважно, когда он занесет мысли на бумагу, их можно черпать из памяти по мере необходимости. Записать – дело недолгое. Если музыка в уме готова, на бумаге она редко претерпевала изменения. И по мере того как шел процесс созидания – так бывало и в прошлом, – он все больше убеждался: какую бы дребедень ни подсунул ему Шиканедер, его музыка будет единой по духу и по стилю – она будет моцартовской.

Однажды, когда он выходил из дома на Раухенштейнгассе, направляясь работать в свой домик, ему встретился в дверях незнакомец. Высокий худощавый человек посмотрел на него суровым взглядом и спросил:

– Вы господин Моцарт?

– Да. – Вольфганга неприятно поразила внешность незнакомца. Он был так тощ, что походил на огородное пугало: одет он был в темно-серый плащ, и суровость его наводила страх.

– Что вам угодно?

– Не могли бы вы написать реквием?

– Для кого?

– Имя должно остаться неизвестным.

Невероятно! Может, этот человек посланец самого дьявола?

– Это должна быть месса по усопшему. – Вид у незнакомца сделался совсем зловещий. – Заупокойная месса.

Вольфганга мороз подрал по коже. Ему вдруг представилась собственная смерть и мелькнула мысль, что незнакомец явился предупредить о ее приближении.

– Реквием должен сочиняться в полной тайне. Ни один человек и, уж конечно, никто из ваших друзей не должен ничего знать. – Вольфганг уже готов был отказаться от предложения, когда незнакомец добавил:

– Вам будет уплачено двадцать пять дукатов, когда я приду заключать сделку, и двадцать пять – в конце.

– А вы уверены, что застанете меня? Я здесь не часто бываю.

– Застану, – произнес незнакомец тоном, не предвещающим ничего хорошего. – Тех, кто мне нужен, я всегда застаю.

Незнакомец ушел, а Вольфганг еще долго раздумывал об этой встрече. Сегодня он чувствовал себя неважно. Накануне много часов подряд сидел за фортепьяно, проигрывая отдельные темы своей новой оперы, и наутро проснулся с опухшими руками: двигать пальцами было трудно и больно. Правда, постепенно пальцы снова обрели подвижность, но Вольфганг встревожился – со здоровьем что-то неладно. Чем больше он думал о таинственном незнакомце в сером, вспоминал его мрачный голос, леденящий взгляд, тем более вероятным казалось, что эта зловещая фигура – предвестник смерти.

Через несколько дней, 28 июля, у Констанцы родился шестой ребенок, сын, которого назвали Франц Ксавер; однако дата его рождения навела Вольфганга на беспокойные мысли. Он отсутствовал до 10 ноября, и, таким образом, если ребенок был его, то родился он восьмью месяцами с небольшим.

Однако Констанца, кладя отцу на руки младенца, светилась радостью, словно преподносила ему подарок. Ну разве можно ее в чем-то заподозрить?

С тех пор как он получил заказ на реквием, тяжелая меланхолия не оставляла Вольфганга. После таинственного посещения незнакомца руки и ноги несколько раз опухали, правда, от ходьбы и игры на фортепьяно отеки спадали. Ему стыдно было признаться Констанце, но сердце его было холодно, холодно как лед... Ему казалось, будто он отведал чего-то ядовитого, и отравы постепенно разъедает его.

Возможно, подозрения лезут в голову потому, что он слишком переутомлен? Можно ли обвинять ее, если нет доказательств? Это прозвучит жалко, нелепо. И Станци ему никогда не простит.

Младенец так энергично двигался у него на руках, что Вольфганг его чуть не уронил. Этот здоровенький, подумал он, этот будет жить.

На следующей неделе незнакомец не появился. Вольфганг вернулся к «Волшебной флейте», и тут вдруг на него свалился еще один неожиданный заказ. Леопольд II, чья коронация после восшествия на престол Священной Римской империи состоялась во Франкфурте, должен был теперь короноваться в Праге императором Богемии. Богемская аристократия, на которой лежала ответственность за предстоящие по случаю коронации торжества и за постановку праздничной оперы на сцене театра, вспомнила успех Моцарта в Праге и обратилась к нему с просьбой написать оперу на избранный ими сюжет.

Либретто «La Clemenza di Tito» («Милосердие Тита») воздавало хвалы римскому императору Титу за проявленное им милосердие и великодушие к людям. Вольфгангу сюжет показался напыщенным, ходульным. В нем было мало драматизма и много театральности. Однако сюжет этот вполне устраивал богемскую знать, поскольку льстил самолюбию Леопольда. Вместе с предложением Моцарту вручили двести дукатов из тех соображений, что отказаться он все равно не сможет.

– И они правы, – сказал он Констанце, – у меня даже нет времени на размышления. Мне остается двадцать восемь дней на все: написать партитуру, доехать до Праги, отрепетировать с певцами и проследить, чтобы все партии были разучены. – А когда Констанца напомнила, ведь у него и без того работы выше головы, он пропустил это мимо ушей.

За четырнадцать лихорадочных дней, часто просиживая за партитурой ночи напролет, Вольфганг сумел закончить двадцать шесть вокальных партий для новой оперы. Оставив детей на попечение госпожи Вебер, Вольфганг выехал в Прагу вместе с Констанцей и Зюсмайером, который должен был писать к «Милосердию Тита» сухие речитативы.

За несколько часов до отъезда в Прагу, когда Вольфганг перед тем, как заняться приведением в порядок партитуры, вышел за ворота глотнуть свежего воздуха, к нему подошел незнакомец в сером с таким видом, словно давно поджидал его, и вручил Вольфгангу двадцать гульденов со словами:

– Чтоб скрепить нашу сделку.

– Откуда вы узнали о моем отъезде? – воскликнул Моцарт.

Незнакомец загадочно улыбнулся и не пожелал вступать в объяснения. Антон Лейтгеб взял на себя эту миссию ради своего друга графа Вальзегга. Граф Вальзегг – владелец дома, где проживал Пухберг, знал от купца, как идут дела у Моцарта и где он находится. Но граф не поведал никому, кроме Лейтгеба, что реквием ему нужен для поминовения покойной жены, умершей в начале года. Пухберг рассказал ему, как отчаянно Моцарт нуждается в деньгах, и Вальзегг решил выдать сочинение композитора за свое. В те времена такое случалось нередко. Вальзеггу хотелось поразить всех своим композиторским талантом.

Лейтгеб, которого он выбрал посредником, как нельзя лучше подходил для подобной роли. Он любил напускать на себя таинственность и при случае немного попугать людей. Моцартовский рекем, заказанный при столь загадочных обстоятельствах, станет только еще торжественнее и мрачнее, заверил он графа.

– А куда же мне доставить готовое сочинение?

– Я узнаю, когда оно будет готово, и сам за ним приду.

– Но следующие недели я проведу в Праге, а по возвращении мне придется заканчивать другую оперу – постановка назначена через месяц.

– Это мне тоже известно. – Незнакомец уставился на Моцарта холодным взглядом. – Я надеюсь, ваш рекем прозвучит благочестиво, всякие мирские страсти в нем неуместны. В противном случае не миновать дурных последствий.

89

Премьера оперы «Волшебная флейта» состоялась 30 сентября, как и было намечено. Но для этого Вольфгангу пришлось проделать титаническую работу.

И вот теперь, направляясь за кулисы проверить готовность труппы, поскольку он сам дирижировал премьерой, Вольфганг раздумывал над тем, не постигнет ли «Волшебную флейту» та же участь, что и «Милосердие Тита». Написанная по случаю коронации, опера до сих пор шла в Праге, и хотя торжественная, выразительная музыка вполне отвечала сюжету, публика встретила оперу равнодушно. Супруга императора, испанка по происхождению, невзлюбившая «Свадьбу Фигаро», которая возмутила ее своей неслыханной дерзостью, назвала «Милосердие Тита» «немецкой дребеденью», и ее мнение было дружно подхвачено, хотя сам Вольфганг считал, что в этой опере есть места, которые можно отнести к его лучшим достижениям.

Он задержался за кулисами посмотреть на публику, собравшуюся в зале, и тут на момент ему стало страшно. Сцена в театре на Видене выглядела убого; декорации сделаны кое-как; когда с реки дул ветер, сюда доносилась вонь; добираться до этого маленького, тесного театра, расположенного в захолустном предместье Фрейхауз, было трудно. Он увидел Констанцу, сидевшую в ложе с ван Свитеном, Ветцларом и Пухбергом, но императора в зале не было, да и из знати почти никого. Здешняя публика сильно отличалась от той, что присутствовала прежде на его премьеры. Эти люди ждали, что им покажут всякие чудеса, какие-то невиданные трюки. Но он-то сочинял свою оперу так, чтобы каждая ария строго соответствовала характеру героя и сюжету, как он его воспринимал, а вовсе не ради дешевых театральных эффектов.

Шиканедер взволнованно спросил:

– Ну как ваше впечатление, Моцарт?

– Театр ваш, вам легче судить, чем мне.

– Здесь такой музыки никогда раньше не слышали. Она у вас то легкая и веселая, то вдруг торжественная и величественная, чуть ли не духовная. Они растеряются. Когда публика ждет одного, а ей преподносят другое, она может обидеться. Надеюсь, музыка не загубит пьесу.

Вольфганг улыбнулся про себя. Он не был уверен, наделен ли сюжет какими-нибудь достоинствами. Что касается музыки, то в ней он не сомневался.

– У вас выигрышная роль, – сказал он.

– Папагено – прекрасный образ, но он так отличается от Зарастро.

– Спектакль должен пройти с успехом. Я не пожалел для этой вещи ни опыта, ни таланта. – Его новая опера докажет, что Моцарт остался Моцартом, несмотря на все невзгоды, свалившиеся на него.

Шиканедер пожал плечами. Он очень боялся, как бы Моцарт не заболел, не закончив партитуру. Последнюю неделю во время репетиций Вольфганг непрерывно глотал лекарства, чтобы заглушить боли; часто вид у него делался печальный и безучастный, но тем

не менее он продолжал работать, не сбавляя темпа. А сегодня перед премьерой глаза Вольфганга снова оживились.

Вольфганг постучал в дверь уборной Анны Готлиб и тут же усомнился, разумно ли заходить к девушке. Когда Анне дали роль героини – Памины, она преподнесла ему две красные гвоздики в маленьком горшочке, тронув его своим подарком. Анна Готлиб превратилась в хорошенькую семнадцатилетнюю девушку. Он поставил горшочек на стол в своем домике, где последние недели неустанно работал над «Волшебной флейтой». На одном стебле был бутон, готовый, казалось, вот-вот распуститься, и Вольфганг усердно поливал цветы и переставлял их все время к свету. Но гвоздики все-таки увяли и вскоре вовсе засохли, а бутон так и не распустился. Преданность Анны помогала ему писать музыку. И хотя он любил Станци по-прежнему, его неудержимо влекло к этой девушке.

Увидев Вольфганга, Анна просияла. Он купил по дороге в театр гвоздичку и преподнес ей.

– Это тот самый бутон. Он все-таки расцвел... – Господь простит ему эту маленькую ложь, думал Вольфганг, – такой счастливый вид был у Анны, когда она брала гвоздику у него из рук.

Анна прижала цветок к губам и, казалось, готова была разрыдаться от счастья. А потом вдруг посмотрела на него с какой-то отчаянной надеждой. Может быть, он все-таки любит ее теперь, когда она стала совсем взрослой.

– Вы приносите мне счастье, Анна, так уже было со «Свадьбой Фигаро», – сказал Вольфганг.

Она залилась краской, и ему вдруг страстно захотелось приласкать ее, прижаться к ней щекой, ощутить ее нежную кожу. Но он ведь вдвое старше Анны, и как можно причинять боль Станци.

– Ваша музыка так трогательна, так прекрасна, маэстро. Я молю бога, чтобы он дал мне силы оправдать оказанную мне честь.

– Ваша ария «Меня предчувствие тревожит» мне особенно близка и дорога.

– Так же, как и мне, маэстро! – воскликнула Анна и протянула ему руку. Но он сделал вид, будто не заметил.

– Вы всегда должны быть очаровательной и вызывать восторг публики.

Анна попросила его поставить цветок в маленькую вазочку на ее туалетном столике.

– Спасибо вам, маэстро, вы сказали, будто я приношу вам счастье, я запомню ваши слова и сберегу их в своем сердце, как и эту гвоздику, на всю жизнь.

Анна стояла перед ним, робкая и красная от смущения, а он любовался ее точеным профилем и думал, какой у нее поэтический голос, прозрачно-чистый, и как безупречно она им владеет. Вольфганг не в силах был уйти от Анны – он так нуждался в человеке, в чью преданность мог верить, а на какой-то момент почувствовал, что влюблен в нее. Девушка стала теперь одного с ним роста, и когда он шагнул к ней и поцеловал ее в губы, она вся задрожала, а глаза ее были такими счастливыми – ни у одной женщины он еще не видел таких глаз.

Вольфганг поспешно выбежал из уборной.

Он дирижировал оркестром с молодым задором; лирический голос Анны, лившийся свободно и легко, доставлял ему огромное наслаждение. Папагено – Шиканедер в своей комической роли произвел великолепное впечатление. Единственная роль, за которую Вольфганг не волновался, – она непременно понравится. Папагено, сочетавший в своем характере хитрость и легкомыслие, был вполне доступен пониманию любой аудитории. Игра Шиканедера вызывала в зале взрывы смеха.

Но когда спектакль окончился, бурно аплодировали одному лишь Шиканедеру, остальные актеры удостоились лишь вежливых хлопков. Публика разочарована в основном потому, чувствовал Вольфганг, что опера слишком насыщена серьезной музыкой, все ожидали увидеть веселую комедию и просто не сумели оценить то, чего не ждали.

Станци как-то сказала Пухбергу, что, если «Волшебная флейта» пройдет с успехом, она снова отправится в Баден – тогда это будет им по карману. Вольфганг поморщился – теперь можно не сомневаться, Пухберг больше денег не даст. Ветцлар был непривычно молчалив и на вопрос Вольфганга, в чем дело, ответил:

– Мне придется возвращаться в армию. Положение во Франции все ухудшается, и император начал поговаривать о вмешательстве во французские дела ради спасения своей сестры, а я занимаюсь снабжением армии оружием.

Ван Свитен настоятельно просил Вольфганга просмотреть симфонию, которую он только что сочинил; Вольфганг с неохотой взял партитуру – он не умел отказывать. Но ван Свитен ведь совершенно бездарен, и, наверное, честнее было бы сказать ему об этом прямо.

На следующий день Вольфганг снова принялся за реквием. Заказ этот по-прежнему угнетал его и вселял суеверный страх. Он чувствовал себя вовлеченным в борьбу между светом и тьмой. Бывали моменты, когда ему казалось, что он сочиняет реквием для самого себя, и первая часть звучала не как молитва, а скорее как смирение перед неизбежным, в котором временами проскальзывал протест. А потом вдруг Шиканедер вручил ему пятьдесят дукатов за «Волшебную флейту», и Вольфганг снова смог отослать Станци в Баден, о чем она давно мечтала. Правда, курортный сезон кончился, но Станци твердила, что ей необходимы ванны, и хотя Вольфгангу не хотелось ее отпускать, возражать он не решился.

Но поехать вместе с ней Вольфганг не мог. Помимо реквиема прибавился еще один заказ – концерт для кларнета и небольшая кантата для масонской ложи. «Волшебная флейта» пользовалась огромной популярностью, и Шиканедер говорил:

– Надо бы нам написать еще одну оперу. Шиканедер и Моцарт. Скоро я подыщу либретто.

Посещать театр на Видене стало для Вольфганга любимым времяпрепровождением. Его радовали восторги публики. На одном из спектаклей, когда Папагено приступил к игре на колокольчиках – в действительности это делалось за сценой, – Вольфганг решил подшутить над Шиканедером и в тот момент, когда Папагено сделал паузу, готовясь к своему мнимому исполнению, Вольфганг сыграл арпеджио. Вздрогнув от неожиданности, Шиканедер уставился за кулисы и увидел там Вольфганга. Но теперь, когда актер стал изображать, будто играет на колокольчиках, Вольфганг прекратил игру, и наступила минута напряженной тишины. Пока Шиканедер стоял с растерянным видом, Вольфганг снова взял несколько нот. Шиканедер вдруг ударил по колокольчикам и закричал: «Да перестаньте вы!»

Зал покатывался со смеху, а Вольфганг радовался: впервые публика убедилась, что Шиканедер вовсе не сам играет, и поняла наконец, кто написал эту музыку.

Спустя неделю, узнав, что Сальери желает послушать его оперу, Вольфганг пригласил композитора в театр.

Он заехал в карете за Сальери и его любовницей Катариной Кавальери, когда-то выступавшей примадонной в операх Вольфганга, отвез их в театр и усадил в свою ложу. И хотя Вольфганг заранее, решил быть с Сальери предельно любезным, его поразила восторг, с каким Сальери отнесся к «Волшебной флейте».

Худой, смуглый, темпераментный Сальери уверял, что в этой постановке его пленило буквально все. Он слушал музыку как замороженный и после каждого номера кричал: «Браво!»

– Театр просто очарователен, здесь так уютно, обстановка так соответствует вашей опере, маэстро! Я получил огромное удовольствие!

После спектакля Сальери поблагодарил Моцарта за приглашение и попросил оказать им с госпожой Кавальери честь и отужинать вместе с ними.

Квартира Сальери находилась на Кольмаркт, в том же районе, где когда-то жили да Понте, Стефани и Метастазियो. Комнаты были просторные, роскошно обставленные и отделкой явно напоминали Гофбург: белые стены с панелями красного дерева и позолотой,

полы паркетные, окна высокие до самого потолка, и в каждой комнате хрустальные канделябры.

Сальери взялся приготовить ужин – он гордился своими кулинарными способностями, – но сам почти ни к одному блюду не притронулся, хотя все выглядело очень аппетитно, и только уговаривал Моцарта непременно всего отведать. Госпожа Кавальери, как и хозяйин, едва прикасалась к еде и больше наблюдала, чем ела.

Вольфганг вернулся на Раухенштейнгассе очень поздно, в приподнятом настроении. Вечер прошел прекрасно, может, Сальери не такой уж злодей, как кажется. Театр сегодня ломился от публики, и Шиканедер не сомневался, что успех «Волшебной флейты» обеспечен на весь сезон, он сказал это в присутствии Сальери, который все время аплодировал и восклицал: «Прекрасно!» В какой-то момент, правда, Сальери показался Вольфгангу расстроенным и озабоченным. И вдруг Вольфгангу стало плохо: закружилась голова, затошнило. Уж не переел ли он? Началась рвота. Всю ночь он не мог уснуть, рези в желудке не утихали. К утру боль немного притупилась, но его не оставляла мысль, что Сальери сыграл с ним плохую шутку. Во рту появился какой-то странный привкус. Он сел завтракать, но его снова вырвало.

Однако нужно было приступить к работе. Огромным усилием воли Вольфганг заставил себя сесть за стол и приняться за концерт для кларнета. Он старался держать себя в руках и не нервничать – это могло отразиться на вещи – и писал музыку неземной красоты.

Потом он снова поел, его больше не рвало, но тупая боль в желудке донимала по-прежнему. С еще большим усердием он погрузился в работу; концерт для кларнета был почти закончен, когда Вольфганг вдруг потерял сознание. Придя в себя, он не на шутку перепугался. Явившийся по его просьбе доктор Клоссет нашел, что обморок был следствием перенапряжения зрения.

– Вы слишком мною работаете по вечерам, господин капельмейстер, – а когда больной спросил:

– Может, я чей-нибудь отравился у Сальери? – доктор скептически улыбнулся и ответил:

– Все артисты отличаются живым воображением. Не следует давать волю фантазии. Простое переутомление. Вам необходим хороший отдых.

– Но мне нужно писать, работа не ждет.

– Подождет. А где госпожа Моцарт?

– В Бадене. Прошу вас, не пишите ей. Я поправлюсь. Не нужно ее волновать.

Но как ему не хватало ее! Страшное предчувствие, что загадочный незнакомец – предвестник смерти, снова овладело им. Стоит незнакомцу узнать о его болезни, и он немедленно явится.

В последующие дни Вольфганг старательно лечился – отдыхал, сколько возможно, ел с осторожностью; боль в желудке не прошла, но работа кое-как двигалась. Он дирижировал своей кантатой при открытии новой масонской ложи, и хотя кружилась голова и он каждую минуту мог упасть в обморок, вечер, однако, прошел благополучно.

Ван Свитен, присутствующий в зале, был потрясен ужасным видом Вольфганга. Маэстро был мертвенно бледен, исхудал и осунулся так, что на лице остался один нос; в глазах появилось какое-то отсутствующее выражение.

– Вы больны, Вольфганг? – спросил барон.

– Так, немного нездоровится. Отдохну, и все пройдет.

– Вам удалось прочесть мою симфонию?

Он прочитал, но как сказать барону правду! А потом, вдруг с чувством обреченности решив, что теперь уже все равно, жить ему осталось недолго, Вольфганг сказал:

– Прочел.

– Она вам понравилась?

– Дорогой барон, вы знаете, как я ценю вашу дружбу.

– Вам симфония не понравилась. Почему?

– Вы действительно хотите знать правду?

– Разумеется. Я всегда предпочитаю, чтобы мои друзья были со мной откровенны.

Вольфганг усомнился, но отважился высказать свое мнение:

– Пожалуйста, прошу вас, не сердитесь на меня, ваша музыка написана с самыми хорошими намерениями, но она слишком перегружена мыслями.

Ван Свитен стоял, нервно сжимая пальцы, не произнося ни слова.

– Дорогой друг, я бы не высказывался откровенно, знай я, что это причинит вам обиду.

– Я не обижен, просто удивлен. В это сочинение я вложил много труда.

– Это видно. Построена она вполне правильно.

– Тогда в чем же дело?

– Ну знаете ли, многие пишут музыку по всем правилам композиции, но пользуются при этом чужими мыслями, за неимением собственных, у других есть мысли, но они не имеют понятия, как с ними обращаться, как подчинить их себе. Последнее относится к вам. Только прошу вас, не сердитесь. В критике, как и в музыке, я должен говорить то, что думаю. Иначе мне лучше молчать и отложить перо в сторону.

– Я хотел бы получить назад мою партитуру. Сейчас.

Ван Свитен оглядел его неприбранную комнату; без женского присмотра квартира пришла в полный упадок. В неодобрительном взгляде ван Свитена Вольфганг ясно прочел свой приговор. Барон славился педантизмом. Если у Вольфганга и было желание поведать другу о мучающих его болях, об обмороках, то теперь он счел за лучшее промолчать. Вместо сочувствия барон его просто высмеет. Но, вручая ван Свитену симфонию, Вольфганг с жаром сказал:

– Дорогой барон, во имя нашей дружбы умоляю вас, сохраните обо мне добрую память. Видит бог, я мечтал доставить вам столько же радости, сколько радости ваша дружба всегда доставляла мне.

И лишь закрыв за ван Свитеном дверь, Вольфганг дал волю слезам.

Больше он не мог ходить в театр. Иосиф Дейнер, хозяин таверны, где он часто обедал, посылал еду ему домой и сам порой навещал композитора, пока тот мучительно трудился над реквиемом. Вольфганг жил на супе и вине – единственная пища, которую он усваивал, но боли по-прежнему терзали его. Стоило невероятного труда не превратить реквием в жалобный плач, но он призывал на помощь всю свою волю, которой всегда так гордился, и держал музыку в подчинении. Его бог должен быть милосердным богом.

И работу не прекращал – если он оторвется хоть на минуту, то потом уже не сможет к ней вернуться. Вольфганг писал Станци нежные письма, и в них порой проскальзывала грусть. Он знал, сил его хватит ненадолго, но первая половина реквиема подходила к концу. В случае появления таинственного незнакомца можно будет умиротворить его, вручив хотя бы половину.

Письмо от да Понте, после изгнания переселившегося в Триест, явилось полной неожиданностью. Да Понте писал:

«Дорогой мой Моцарт! В скором времени я уезжаю в Англию, и Вы непременно должны поехать со мной. Вдвоем мы сможем завоевать там еще больший успех, чем в Вене. У нас с Вами много друзей в Англии. Я слышал, Гайдн там пользуется огромной популярностью и восхваляет Вас до небес, где только возможно».

Глаза Вольфганга заволокло слезами – он не мог читать. Нервы были на пределе, он теперь плакал по малейшему поводу. Но ответ да Понте он обдумал тщательно, стараясь писать спокойно и предельно откровенно:

«Мой дорогой да Понте! Я был бы рад последовать Вашему совету, но это невозможно. Голова у меня так кружится, что я не вижу пути вперед. Я вижу лишь мрак и могилу. Призрак смерти преследует меня повсюду. Я вижу его перед собой постоянно; этот призрак зовет меня за собой, уговаривает, твердит, что я должен работать только на него. И я

продолжаю работать: сочинять музыку мне кажется менее изнурительным, чем бездельничать. Более того, мне уже почти нечего бояться. Я ощущаю в себе такую тяжесть, что знаю – час мой вот-вот пробьет. Смерть не за горами. Я кончаю счеты с жизнью, не успев насладиться своим талантом. И все же жизнь была прекрасна, карьера моя началась при столь благоприятных обстоятельствах. Но никто не властен над своей судьбой, никто не ведает, сколько времени ему отпущено. Приходится смириться. Чему быть, того не миновать. Итак, мне остается лишь завершить свою похоронную песнь, оставить ее незавершенной я не могу».

Когда Вольфганг вышел из дому отправить письмо, мрачный незнакомец уже поджидал его.

– Вы запаздываете, Моцарт, – сердито сказал он, – Где реквием?

– Он готов почти наполовину.

– Только наполовину! Ждать долго я не могу.

– Значит, я буду вашей следующей жертвой. Незнакомец ничего не ответил, лишь мрачно улыбнулся.

– Я постараюсь закончить реквием к концу месяца, – Непременно. Я не могу больше ждать.

Отослав письмо да Понте, Вольфганг, шатаясь, добрал до таверны Дейнера и заказал себе вина. Вино принесли, но он до него не дотронулся; он сидел, заслонив глаза рукой, словно старался отогнать преследовавшее его видение.

Дейнер коснулся лба своего клиента, он был в жару. Послав слугу к свояченице композитора Софи – Веберы жили поблизости, – известить ее о том, что Моцарт серьезно болен, хозяин посадил Вольфганга в карету и доставил домой.

Там хозяин уложил его в постель и послал за доктором Клоссетом. Вольфганг пробормотал:

– Сегодня я не пью, Иосиф. Ничего мне теперь не нужно, кроме аптекарей и докторов, – и впал в беспамятство. Дейнер затопил печь. Стоял ноябрь, и в комнате был ледяной холод. Не удивительно, что господин капельмейстер схватил столь жестокую простуду.

90

Вольфганг пришел в сознание и увидел сидящих возле своей постели Констанцу и Софи. На мгновение его взяла досада – зачем вызвали Констанцу, к чему ее расстраивать? Но тут же он обрадовался, ему так недоставало ее все время.

– Где Карл и Франц? – спросил он.

– У бабушки, – ответила Констанца. – Не волнуйся за них.

Констанца увезла детей из дому; теперь Вольфганг понял, что тяжело болен.

– Ты несколько дней был без сознания. Тебе нужен полный покой.

Он попытался приподняться на постели и поцеловать Станци, но сил не хватило – все тело его, руки и ноги опухли. Тупая боль в желудке по-прежнему не отпускала. Но хуже всего была слабость, овладевшая им, и ощущение полной беспомощности.

Констанца поцеловала Вольфганга и сказала:

– Почему ты не дал знать мне раньше?

– Не хотел тебя огорчить.

– Но ведь ничего не знать еще хуже.

Он хотел обнять ее и не мог – руки больше не повиновались ему.

– Я сошью ночную рубашку, тебе будет удобнее.

– Мне хочется перейти в гостиную. Там я буду смотреть из окна на улицу и слушать, как поет наш кенарь. Это поможет мне сочинять музыку.

– Доктор Клоссет запретил тебе работать, нужно лежать и отдыхать.

– Впереди еще много времени для отдыха. Можно мне перейти в гостиную?

Вольфганг попытался встать и сам дойти до гостиной, но от слабости не мог держаться на ногах. Их небольшая пятикомнатная квартира представлялась ему сейчас такой же огромной, как Шёнбрунн. Но когда кровать пододвинули вплотную к выходящему на улицу окну, Вольфганг почувствовал себя лучше. Из окна виден был весь их узкий темный переулок Химмельпфортгассе, прямо против окна пересекающий Раухенштейпгассе, а чуть наклонившись вперед, можно было различить стену ресторана, где состоялся его последний концерт.

В последующие дни он понемногу работал над реквиемом вместе с Зюсмайером. Руки сильно распухли, держать перо Вольфганг не мог, и он стал диктовать своему ученику, наставляя, как строить последующие части. Серьезный, мрачный Зюсмайер никогда не станет вторым Моцартом, размышлял Вольфганг, но музыкант он добросовестный.

Зюсмайер думал: зря господин капельмейстер все время твердит, будто его отравил Сальери. Доказательств ведь нет никаких, Сальери – композитор, пользующийся огромным успехом, зачем ему совершать столь неразумный поступок? Моцарт – такой непрактичный человек. Прошлой зимой, когда Зюсмайера впервые привели к композитору, тот не переставая танцевал со своей женой по всей гостиной, а на вопрос – почему он это делает, Моцарт ответил: «Мы согреваемся, здесь ужасно холодно, а купить дрова нам не по карману». Что ж удивляться, что композитор заболел? Маэстро очень небережлив и, конечно, стараясь заработать на жизнь, слишком уж напряженно трудился. Последние недели, работая над «Милосердием Тита» и «Волшебной флейтой», Моцарт писал музыку тридцать пять дней без передышки. Зюсмайер точно подсчитал дни, он помогал господину капельмейстеру; это могло пригодиться ему в будущем, только из этих соображений он и взялся помогать. Моцартом он, возможно, никогда не станет, но до такой нищеты тоже не дойдет. Как ученик и последователь Моцарта, он сразу сделает себе имя после смерти господина капельмейстера.

Напряженная работа над реквиемом утомила Вольфганга. Он совершенно обессилел, но когда в комнате появилась Констанца – посмотреть, не нужно ли вызвать доктора, он попытался принять веселый вид и тут же лишился сознания. Придя в себя, Вольфганг увидел доктора Клоссета и вдруг взволнованно крикнул:

– Меня ведь отравили, доктор? Испорченной провизией? Это сделал Сальери.

– Чепуха! Я вам уже говорил, вы дошли до полного истощения.

– Но у меня такие боли в животе!

– Все болезни прежде всего поселяются в желудке.

– Ничего удивительного, что меня так мутит, – вздохнул Вольфганг. – Чего только моему желудку не приходилось переваривать!

– Прежде всего нужно попытаться снизить жар. Возможно, доктор и прав, подумал Вольфганг. Лекарства, прописанные Клоссетом, снизили жар, боль в желудке уменьшилась или, может быть, он просто свыкся с ней? Несколько вечеров он занимал себя тем, что, лежа в постели, ставил часы на грудь и следил по ним, какое действие «Волшебной флейты» сейчас идет на сцене театра.

Опера пользовалась огромным успехом, говорила ему Станци, но Шиканедер с обещанными дукатами не появлялся. Мало-помалу у Вольфганга вошло в привычку смотреть на часы и приговаривать:

– Началась увертюра. Тамино уже на сцене, а вот и Папагено. – И Вольфганг пытался напевать первую песенку птицелова, но голоса его почти не было слышно.

Однако и это развлечение стало его утомлять, теперь уже ни на что не хватало сил. Жар снова усилился, и 28 ноября доктор Клоссет пригласил на консилиум доктора фон Саллабу.

Доктор фон Саллаба, Главный врач центральной венской больницы, удивил Вольфганга своей молодостью, однако доктор Клоссет, который был гораздо старше Саллабы, относился к своему коллеге с заметным почтением.

Никто не сказал Вольфгангу, к какому выводу пришли доктора, но Станци выглядела

очень испуганной. Снова открылась рвота, желудок не принимал никакой пищи, и Вольфгангу казалось, что он уже одной ногой в могиле.

И все-таки утром в воскресенье, 4 декабря, когда должны были прийти несколько певцов, чтобы исполнить часть его реквиема; Вольфгангу немного полегчало, хотя ночь он провел ужасную.

Констанца от горя едва держалась на ногах. Состояние больного безнадежное, заявили лекари, у него тяжелая форма брюшного тифа, а Зюсмайер, явившийся в этот день помочь певцам при исполнении реквиема, сказал Констанце, сообщившей ему диагноз врачей:

– Один мой родственник умер с теми же симптомами, что и у господина капельмейстера, а доктора уверяли, будто у него болезнь почек. Только, пожалуй, лучше не говорить ему о почках, как бы он снова не заподозрил отравления.

– Это подозрение не дает ему покоя. Не позовете ли вы мою сестру?

Когда явилась Софи, у постели Вольфганга сидели три музыканта и вместо с ним пели реквием. Вольфганг пел партию альты и, казалось, немного приободрился.

Констанца увела Софи в другую комнату и испуганно прошептала:

– Слава богу, что ты пришла. Прошлую ночь ему было так плохо, я думала, он не доживет до утра. Останься сегодня вечером, если ему будет так же тяжело, он может ночью умереть. Посиди возле него, прошу тебя. Он тебя очень любит!

Софи с трудом взяла себя в руки и вошла в спальню. Вольфганг уже не пел – голос окончательно отказал ему, таким несчастным Софи его еще не видела. Музыканты успокаивали больного, обещали прийти в следующее воскресенье и продолжить с того места, где остановились, но Вольфганг отодвинул партитуру и прошептал сквозь слезы:

– Я ничто, ничто! Без музыки я ничто! – Заметив Софи, он поманил ее к себе и сказал:

– Софи, милая, как хорошо, что ты пришла. Останься сегодня у нас, ты должна видеть, как я умираю.

– Вы просто ослабели и угнетены. Это естественно. После такой ужасной ночи.

– Привкус смерти уже у меня на языке, Софи. Кто позаботится о Станци, когда меня не станет?

К ночи ему сделалось совсем плохо. Констанца упростила сестру сходить в церковь св. Петра за священником. Но ни один священник не соглашался прийти. Моцарт – масон, говорили они, язычник. Но Софи не хотела этому верить. Более благочестивого человека, чем Вольфганг, Софи не знала, он никогда не раздражался, не выходил из себя. Ей все-таки удалось уговорить молодого священника, любителя музыки, и тот обещал причастить умирающего.

Когда они вошли в дом, у постели Вольфганга сидел Зюсмайер. Партитура реквиема лежала на покрывале, и Вольфганг наставлял ученика, как закончить реквием после его смерти. Затем, попросив священника немного подождать, он прошептал на ухо Констанце:

– Не сообщай никому о моей смерти, пока не дашь знать Альбрехтсбергеру, пусть он попытается получить мое место в соборе св. Стефана. Оно принадлежит ему. Он прирожденный органист и не раз прекрасно играл во время служб.

Вольфганг чувствовал, что священник смотрит на него неодобрительно, хотя и свершил над ним последний обряд отпущения грехов.

Он лежал, мучаясь от боли, и Зюсмайер воскликнул:

– Надо позвать Клоссета! Доктор облегчит его страдания. Госпожа Моцарт, вы не знаете, где его можно найти?

Констанца от горя не могла вымолвить ни слова. В полуобморочном состоянии она лежала на кровати в своей комнате. Вольфганг с трудом выговорил:

– Доктор сейчас в театре. Он пошел послушать «Волшебную флейту». Я дал ему билеты за то, что он пригласил своего коллегу. Ему понравится Папагено. Доктор ничего не понимает в музыке, но Папагено нравится всем. Софи, где же Станци?

– Она прилегла.

Зюсмайер кинулся за Клоссетом.

- Разве она нездорова?
- Ей нужно отдохнуть. Прошлую ночь она плохо спала.
- Я знаю, – печально проговорил Вольфганг, – Это все из-за меня.
- Вовсе нет. Но вам было очень плохо.

– Что там плохо, я умираю, Софи, умираю. – Теперь, когда жизнь его подошла к концу, так хотелось все начать сначала. – В моем несгораемом шкафу лежат партитуры трех последних симфоний. Позаботься, чтобы они не пропали. Может быть, когда-нибудь они дождутся исполнения.

Он погрузился в какой-то странный мир, где все казалось чуждым, где не было даже Папы и Мамы. Он закрыл глаза, желая избавиться от этого наваждения. С тех пор как он слег, ни разу возле его постели не появлялись Пухберг, Ветцлар или ван Свитен. Но это не так уж важно. Он даже не мог вспомнить всего, что сочинил. Но жизнь ведь сильнее смерти. Разве он не доказал это своей музыкой?

Потом он услышал, как Зюсмайер сказал Софи, – к счастью, он еще не лишился слуха:

- Доктор Клоссет не хотел идти, пока не закончится опера.
- Я уж думала, он никогда не придет, – сказала Софи, – где же он?
- Моет руки. Боится подцепить какую-нибудь заразу.
- Зюсмайер, – пробормотал Вольфганг, – много было народу на «Волшебной флейте»?
- Зал ломился от публики. Как всегда. Певцов без конца вызывали на «бис». Кричали:

«Браво, Моцарт!»

Софи показалось, что Вольфганг улыбнулся, но так ли это было на самом деле?

Зюсмайер не добавил, как возмутил его доктор Клоссет, – он отказался покинуть театр до окончания спектакля. Опера Моцарта заинтересовала доктора, а композитору, считал он, уже ничем не поможешь.

Вольфганг видел, как наклонился над ним Клоссет. Доктор прикладывал к его пылающему лбу холодные компрессы, а ему казалось, будто его распинают на кресте – страшная боль в спине пронзила насквозь. Пой громче, любовь моя, пой громче! Все утверждали, что хуже всего на свете – слепота, но это не так, самое главное – способность слышать. Он уже плохо видел, перед глазами все расплывалось, но не ожидал, что потеряет и слух. Теперь он понял, что такое смерть.

Это тишина.

Клоссет обещал Софи, что холодные компрессы снизят жар и облегчат боли больному, но вместо этого Вольфганг снова потерял сознание. Доктор безнадежно развел руками: – Медицина не в силах ему помочь, – и покинул дом.

Софи сидела у постели Вольфганга, Констанца в полной прострации лежала в своей комнате, и Зюсмайер ухаживал за ней; и вдруг Софи услышала, как Вольфганг пробормотал: «Что делает мир со своими детьми». Затем у него судорожно задергался рот, он пытался изобразить партию барабанов в своем реквиеме, приподнял голову, словно прислушивался к их дробу, потом отвернулся к стене и затих. Полночь уже миновала, настал понедельник, 5 декабря 1791 года. Часы показывали без пяти минут час, когда Вольфганга не стало.

91

Все хлопоты по похоронам взяла на себя Софи – убитая горем Констанца совсем ослабела и не могла подняться. В доме не было ни единого гульдена, и Софи попросила Пухберга дать денег на похороны, но Пухберг отказал. Господин Моцарт и так много задолжал ему, возврата долга он не требует, но не видит смысла тратить деньги после того, как уже столько потерял. Ветцлар находился в передовых частях императорской армии, ожидавшей приказа ринуться на подавление революции во Франции, и Софи обратилась к самому близкому другу Вольфганга – барону ван Свитену.

Барон был в дурном настроении. Император уволил его с поста председателя придворной комиссии по образованию, которым барон так дорожил, и, хотя он по-прежнему

обладал солидным состоянием, увольнение означало, что его влиянию при дворе пришел конец. Смерть Вольфганга его, правда, сильно расстроила, но с тех пор как друг неодобрительно отозвался о его симфонии, барон заметно к нему охладел.

Барон сказал Софи:

– Разумеется, я не могу допустить, чтобы тело моего друга просто бросили в общую могилу для бедняков. Я заплачу за похороны по третьему разряду.

Это означало самые дешевые похороны, но спорить не приходилось. Когда Софи закончила все приготовления, ван Свитен вручил ей точную сумму: восемь гульденов пятьдесят шесть крейцеров за похороны и три гульдена на похоронные дроги. Не меньшую сумму Вольфганг истратил на похороны своего любимца скворца, подумала Софи. Констанца покорно согласилась – она была слишком слаба, чтобы возражать.

Похороны Вольфганга состоялись на другой день после смерти. Маленький гроб вынесли из дверей дома на Раухенштейнгассе, отвезли на дрогах к собору св. Стефана и поставили в часовне св. Креста, расположенной по северную сторону собора. За гробом следовало всего несколько человек – ван Свитен, Сальери, Дейнер, Софи, Анна Готлиб, Альбрехтсбергер, Зюсмайер, – госпожа Вебер осталась дома с Констанцей, прикованной к постели. День был тихий, и в часовне, как обычно, находилось много монахов и монахинь, приехавших из провинции поглядеть на это диво христианского мира – самый знаменитый собор в империи; по никто из них даже головы не повернул, когда в часовню внесли гроб. Похороны – обычное явление, а тут, по всему видно, хоронят какого-то неизвестного бедняка. Об этом свидетельствовал некрашенный сосновый гроб и более чем скромное число провожающих.

После отпевания тела гроб снова поставили на дроги, и возница повернул лошадь в сторону кладбища.

Маленькое кладбище св. Марка было создано всего пять лет назад стараниями прихожан собора св. Стефана для тех, у кого не было средств хоронить своих близких с большим почетом. И к тому времени, когда похоронные дроги затряслись по булыжной мостовой предместья Ландштрассе, за ними уже никто не следовал. Небо заволочло тучами, вот-вот грозила подняться метель, да и идти такое расстояние пешком было слишком далеко.

На кладбище находился всего лишь один могильщик. День сегодня что-то долго тянется, пожаловался он вознице. Он как раз заканчивал общую могилу.

Могильщик был стар и туговат на ухо; он уже составил много гробов возле длинной узкой ямы. Любивший порядок во всем, могильщик гордился своей аккуратностью. Он не расслышал имени, но прикинул, что покойник, должно быть, маленького роста, сразу видно по размеру гроба, да и бедняк, судя по третьеразрядным похоронам. Только такие похороны бывают без провожающих. Лишь бы ни за что не платить! Ни единого гульдена.

Возница свалил гроб на землю рядом с другими гробами и поспешил прочь. Он презирал такие; похороны. Разве на них заработаешь? Скажи спасибо, если окупишь расходы по содержанию лошади и повозки.

Тело Моцарта пошло в общую могилу, где в три яруса было свалено много других трупов.

Двое людей все-таки добрались в тот день до кладбища св. Марка. Альбрехтсбергер, глубоко тронутый заботой Вольфганга, приехал на кладбище, когда могилу уже зарыли. Он ожидал, что многие съедутся па похороны в каретах и когда карет у собора не оказалось, потерял немало времени на поиски экипажа, а затем и самого кладбища св.Марка. Могильщик уже ушел, а смотритель ему сказал:

– Мы тут сегодня целый день хоронили. Откуда нам знать, где могила вашего друга?

Выло уже совсем темно, когда Анна Готлиб добралась до кладбища св. Марка в карете, которую смогла нанять на Деньги, полученные за роль Памины.

С ней смотритель обошелся любезней – такая она была хорошенькая и такая опечаленная, видно, дружка потеряла, подумал он, и постарался быть с ней поласковой.

– Ваш приятель похоронен в общей могиле. А где – кто скажет? Вы же говорите, его

хоронили по третьему разряду.

Это на большом участке, вон там, за крестом. Там сегодня немало народу похоронено.

Анна стояла на свежевскопанной полосе земли; полоса тянулась на большое расстояние, разве определишь теперь, где опустили в землю последний гроб. Все случилось не так, как она ожидала. Но она любила его и знала, что всегда будет любить, как бы он ни относился к ней при жизни. Ни разу никому не сказал он резкого слова. С самого того момента, когда она еще совсем ребенком познакомилась с ним, он всегда был к ней очень внимателен. И как много он знал о музыке и о человеческих чувствах! Понимает ли кто-нибудь из его друзей, кого они потеряли?

Анна положила на землю цветок, хоть и понимала, что на декабрьском морозе он скоро погибнет. На небе уже выпали звезды, столько звезд – не сосчитать. Теперь они будут светить, над Вольфгангом, светить над его музыкой, которая приносила ей много радости и счастья. И тут она заплакала. Она плакала над Вольфгангом, плакала над собой, плакала над всеми, кто жил и умер, кто навсегда исчез с лица земли. А потом вдруг перестала плакать. Нет, он не исчез. Он не может исчезнуть, он с его музыкой, ставшей неотъемлемой частью ее существа. Может, и к лучшему, что его похоронили вот так, подумала Анна, сияние его славы распространится на всех безвестных покойников, которые волею судьбы оказались в одной с ним общей могиле, – ведь никто теперь не узнает, который из них Моцарт.

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ И ГИБЕЛИ МОЦАРТА

1

После того как двадцатипятилетний Моцарт пролежал несколько дней, вспоминая в горячечном бреде оскорбление, нанесенное ему графом Арко-младшим, камергером (точнее – оберкухмистером) его светлости князя-архиепископа зальцбургского, 20 июня 1781 года он писал отцу: «...сердце делает человека благородным; и если я и не граф, то благородства во мне больше, чем в любом графе, а дворецкий или граф, который меня оскорбляет, – негодяй». Германия в то время была раздроблена на сотни карликовых государств, хозяева которых – вассалы императора Священной Римской империи германской нации – были наделены не столько могуществом, сколько феодальной заносчивостью. И Моцарт рано начал понимать ничтожество этих «владык», к числу которых принадлежал и его бесславный повелитель, граф Иероним Колоредо, младший брат любимца Марии-Терезии, впоследствии имперского вице-канцлера и князя Франца де Паула Гундаккара I.

И уже в раннем детстве, чем больше погружался гениальный ребенок в тайны «искусства дивного», тем больше росла в нем вера в высокое достоинство человека, овладевшего этими тайнами. Эта вера укреплялась пристальным вниманием к этическим проблемам и неразрывной связи их с подлинно художественными образами, связи, объясняющей великие свершения Данте и Леонардо, Шекспира а Моцарта, Пушкина и Шопена, Гоголя и Флобера, Врубеля и Скрябина. Внимательно знакомясь с биографиями как этих титанов художественного творчества, так и многих других мастеров, можно – правда, весьма схематически – представить себе их путь к вершинам человеческой мудрости и созидания следующим образом.

Первым этапом этого пути, соответствующим характеру одаренности человека, следует считать начальные творческие опыты, которыми бывают то ранние стихи, то небольшие музыкальные пьесы, то рисунки. Наряду с накоплением (у Моцарта – беспримерно стремительным) профессионального опыта происходит и стимулирующее эти опыты расширение интеллектуального опыта, иными словами – приобретение знаний в самых различных областях. На этом, втором, этапе формируются и зачатки мировоззрения, связанные с попытками обобщить полученные знания и вместе с тем расширить их.

Нет сомнения, что довольно рано (вспомним дневники Гофмана!) мастер оказывается

на подступах к формированию третьего, завершающего, этапа созревания его интеллекта и личности. Данный этап характеризуется обращением к глубоким этическим проблемам, жгучий интерес к которым приходит, как правило, в относительно поздние годы – достаточно сравнить «Новую жизнь» и «Божественную комедию» Данте или «Руслана и Людмилу» и «Медного всадника» Пушкина, недолгий и горький век которого лишней раз подчеркивает относительность понятия «поздние годы».

Но Моцарт погиб, даже не достигнув возраста Пушкина. И слова о том, что «сердце делает человека благородным», перекликаются с высоким тезисом Данте о *cor gentile* (благородном сердце) и с вопросом Пушкина: «Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов?» И чье сердце оказалось благороднее – пушкинского камердинера, «простолюдина» Никиты Козлова, на своих руках несшего поэта к его смертному ложу, или того презренного представителя высшей русской аристократии, преступная рука которого тщательно выводила буквы пасквиля, погасившего солнце России? С самых ранних лет Моцарт встречался с людьми, подобными князю Долгорукову, омрачавшему жизнь Пушкина, или потомственному палачу Бибикову, затравившему Полежаева и шнырявшему, подобно гиене, вокруг Пушкина. Но сын бедного хорватского каретника, великий австрийский композитор Йосиф Гайдн стал как бы восприимчивым Моцарта, бежавшего из зальцбургского плена. Увы, Вена стала для него не «обителью трудов и чистых нег», а только трудов, настолько тяжких, что почти невозможно представить себе в полной мере их титанические масштабы.

Впрочем, Вольфганг непосильно работал не только в Вене. Автор книги правдиво и достоверно показывает, каким великим тружеником был Моцарт уже в раннем детстве, как, усваивая громадную музыкальную литературу в самых различных жанрах, предавался он импровизациям, в которых уже пылало пламя его гения. Впрочем, своеобразие его творческого облика Вейс передает лишь немногими штрихами, даже там, где рассказывается, как «чудо-ребенка» заставляли играть «в манере Телемана», «в манере Гассе», даже «в манере Михаэля Гайдна». Но прежде чем остановиться на книге, ныне публикуемой в русском переводе, нужно сказать несколько слов о ее авторе, тернистым путем пришедшем в литературу и завоевавшем мировую известность.

2

Дэвид Вейс сказал о себе: «В наши дни сделалось обычным для писателя, желающего глубже познать жизнь, менять множество профессий, и я в этом отношении не являюсь исключением». Вейс, действительно переменил множество профессий, – пожалуй, не менее пятидесяти, и нет надобности давать их полный список, достаточно сказать, что он был рабочим и грузчиком в моргу, сторожем, разносчиком мясных изделий, баскетболистом и тренером по плаванию, актером и помощником режиссера в киностудиях, кинокритиком и редактором сценариев, и, видимо, тема труда, закаляющего волю человека, наворожила его. «Жизни мышь беготня», погоня за куском хлеба, калейдоскоп впечатлений, связанных с этой темой, встречи с неисчислимым количеством людей – все это, чем дальше, тем больше, укрепляло в нем желание показать всему миру, что только неустанный труд может помочь человеку утвердить себя в искусстве. Чтобы осуществить это свое желание, Вейсу нужно было приобрести известные литературные навыки. Он справился с этим и, пройдя через жанры хроникальных заметок, рецензий, рассказов и эссе, уже в 1953 году выпустил роман «Виновники», вскоре отмеченный премией Фридера. Затем он почти всецело посвятил себя изучению судеб людей, занявших почетные места на лестнице, ведущей к олимпийским высотам искусства. Так появились книги об Айседоре Дупкан («Дух и плоть») и Огюсто Родене («Нагим пришел я»). Последняя в 1969 г. вышла на русском языке в издательстве «Искусство».

И наконец, в 1968 году в Лондоне вышла из печати книга Вейса о Моцарте, плод кропотливого изучения трагически оборвавшейся жизни величайшего музыканта мира,

человека, которого архиепископ венский именовал «Кальвином музыки», а уже следующее поколение обожествляло, сделав его имя нарицательным – разве не называли в Варшаве восьмилетнего Шопена «польским Моцартом»?...

Книга Вейса – одно из первых литературных произведений о композиторе, жизнь которого была настолько необычной, что, казалось бы, должна была привлечь внимание многих писателей. Однако художественная литература прошлого столетия мало занималась судьбой «человека, самое имя которого выражает идею об абсолютном совершенстве в музыкальном творчестве», как писал А. Д. Улыбышев в 1826 г. Известно, что вскоре после этого высказывания была завершена знаменитая «маленькая трагедия» Пушкина «Моцарт и Сальери», в которой даны и поныне непревзойденные по глубине и силе образы убийцы и его доверчивой жертвы. Примерно в эти же годы была опубликована и новелла «Враг музыки» («Der Musikfeind: Ein Nachtstück») забытого ныне немецкого писателя Густава Николаи, положившего в основу своего произведения тот же сюжет.

К столетию со дня рождения Моцарта появилась новелла Эдуарда Мёрике (напомним, как высоко ценили его творчество Шуман, Тургенев и Брамс) «Моцарт на пути в Прагу», и поныне считающаяся одним из лучших украшений немецкой романтической литературы и переведенная на десятки языков, в том числе и на русский. В этой новелле описаны немногие часы (увы, воображаемые), когда Моцарт чувствовал себя счастливым, хотя зловещая тень «синьора Бонбоньери» (так называли венцы Сальери) появляется и здесь. Если вспомнить еще основанный на обширном фактическом материале роман швейцарского музыковеда и писателя Франца Фарга «Сальери и Моцарт» (1937), где центральной темой является зарождение, развитие и страшная кульминация ненависти «завистника презренного» к Моцарту, то перечень художественных произведений о великом композиторе, заслуживающих упоминания, будет исчерпан.

Необходимо, правда, сказать о необозримой специальной и научно-популярной литературе о Моцарте. Она изобилует, к сожалению, противоречиями и неточностями. Почти все основные источники Дэвид Вейс внимательно изучил, как это явствует из текста книги.

Конечно, ограниченная протяженность человеческой жизни не дает возможности прочитать всю литературу, созданную, скажем, о Данте, Моцарте или Пушкине. Но все же представляется необходимым назвать хотя бы два в высшей степени важных труда, которых Вейс, видимо, не привлек в качестве источников. Это прежде всего первая монументальная монография о Моцарте, созданная нашим соотечественником Александром Дмитриевичем Улыбышевым (1794—1858), вышедшая впервые на французском языке в 1843 г. (русский перевод всех трех томов вышел в 1890—1892 гг.), т. е. за тринадцать лет до появления первого тома (1856) монографии Отто Яна (1813—1869). Затем пятитомное исследование Теодора де Визева (так называл себя во Франции некогда знаменитый критик поляк Теодор Вызевский) [(1862—1917) и графа Мари Оливье Жоржа де Сен-Фуа [(1874—1954), посвященное истории возникновения всех произведений Моцарта. Как будет показано дальше, глубокая и тонкая концепция Улыбышева не оказалась тем не менее чуждой Дэвиду Вейсу. И наконец, вне поля зрения Вейса осталась довольно обширная литература, посвященная пребыванию Моцарта в Праге.

3

Итак, Вольфганг импровизировал в манере различных композиторов, завоевавших признание к тому времени, когда начиналась «эпоха Моцарта». Он всегда ощущал преемственность традиций и не находил ничего странного в том, что ему предлагали играть в той или иной манере, характерные черты которой он постигал с уверенностью и легкостью. Судя по всему, наиболее близкими ему постепенно становились великий Бах (имеется в виду Иоганн Себастьян Бах, хотя в ту пору этим эпитетом обозначался нередко его сын Филипп Эммануил) и его младший сын, много лет проживший в английской столице, Иоганн Кристиан, с которым Моцарт впервые встретился в августе 1778 года. Нет сомнения, что эта

встреча сыграла значительную роль в творческом развитии юного Моцарта, как и музыка Гайдна, учеником которого он себя считал.

Нельзя забывать также о громадных заслугах в этом отношении его отца, Леопольда Моцарта, которому посвящено немало страниц в книге Вейса. Конечно, Леопольд был честолюбив и, если можно здесь употребить это слово, корыстолюбив, как, впрочем, почти все музыканты его времени, дрожавшие за место при дворе того или иного властодержца и даже магната – единственный источник хоть скудного, но постоянного заработка. Неудивительно поэтому нарочитое, навязчиво частое упоминание о дельгах или драгоценностях в повествовании Вейса. Но Леопольд Моцарт заботился не только о заработках сына, а больше всего и превыше всего о его музыкальном образовании, которое постепенно становилось все более обширным.

Отец Вольфганга был талантливым, первоклассным педагогом. Его «Скрипичная школа» была опубликована в год рождения Вольфганга (русское издание вышло в Петербурге в 1804 г.). Отец Моцарта был также композитором и во многих отношениях примечательным теоретиком. Об этом свидетельствует, в частности, исследование С. И. Танеева «Содержание тетради собственных упражнений Моцарта в строгом контрапункте», где автор называет Моцарта величайшим мастером многоголосной музыки. Единственный серьезный упрек, который мы можем сделать Дэвиду Вейсу, сводится, видимо, к тому, что он недостаточно ярко показал роль Леопольда Моцарта в процессе созревания гения и мастерства его сына, высоко, впрочем, ценившего авторитет отца.

Леопольд Моцарт (кстати, как явствует из свидетельства о крещении, его полное имя было Иоганн Георг Леопольд), сын аугсбургского переплетчика, был первым наставником и учителем своего сына и первым композитором – заметим попутно, чрезвычайно плодовитым, – манере которого начал подражать Вольфганг. Справедливость требует отметить, что довольно скоро они поменялись ролями, и отец оказался под сильным влиянием сына, ярчайшая творческая индивидуальность которого проявилась необычайно рано.

Поясним сказанное нами ранее о различных «манерах», усваивавшихся Вольфгангом. Важно помнить, что на протяжении очень долгого времени музыка носила, если можно так выразиться, «прикладной» характер. Католическая церковь требовала инструментально-вокальных произведений для сопровождения богослужебных обрядов. Так возникало неисчислимое количество месс, мелодии которых должны были укладываться в рамки грегорианского (плавного, не допускавшего скачков) *cantus planus*, пения, погружавшего слушателей в молитвенное настроение. Этой цели отвечали и другие жанры церковной музыки. Для балов и светских увеселений также требовалась музыка. В отличие от церковной она была оживленной, радостной, носила как бы декоративный характер.

Зарождение оперного жанра сильно изменило положение вещей. Мастера музыкально-сценического творчества уже ощущали и воплощали неизмеримые богатства человеческих чувств и переживаний. Впрочем, и в духовной музыке также наблюдалось стремление к расширению эмоциональной образности, что дало, например, основания церкви объявить «Высокую мессу» Баха «непригодной для литургии».

Но в музыке XVIII века созревали и другие жанры, прежде всего сонатно-симфонический, предпосылки которого возникали еще до появления первых сонат и симфоний. «Манера Телемана», в которой импровизировал чудо-ребенок, уже таила в себе некую взрывчатую силу, которой композитора научил так же, как и некоторых своих сыновей и любимого ученика Кребса (1690—1762), великий Бах. «Манера» эта заключалась в том, что во второй части менуэта – жанра вполне «благонадежного» – наступало свободное развитие темы первой части, а это уже давало некоторую возможность того эмоционального обогащения музыки, к которому на протяжении всей своей жизни стремился Моцарт.

И различные «манеры» многих других композиторов восходили к гениальному баховскому принципу варьирования (а затем и разработки тем), так или иначе развивавшемуся в творчество отдельных мастеров. Из жанра клавичембальных

«упражнений» Доменико Скарлатти (1685—1757), сына создателя неаполитанской оперы Алессандро Скарлатти, выросла постепенно одностая соната Скарлатти, написавшего в этом жанре около 600 произведений, поныне сохранивших свою жизненность. Название «соната» Скарлатти применял не в том смысле, который пришел позже, но он смело пользовался полифоническими приемами, контрастами двух тем, самыми разнообразными видами клавирной техники, и, конечно, именно он заложил основы многочастной сонаты моцартовской эпохи.

Необходимо упомянуть еще нескольких мастеров, сыгравших роль в становлении Моцарта-музыканта. Это – зальцбургский (с 1763 г.) композитор и первоклассный органист Иоганн Михаэль Гайдн (1737—1806), младший брат уже упоминавшегося великого мастера венской школы, особенно много работавший в области церковной музыки. Каковы бы ни были его личные качества, упоминаемые Вейсом, общение с этим, несомненно, незаурядным музыкантом принесло свои плоды для Моцарта в зальцбургский период его жизни. И крайне важными были для него связи со славянскими музыкантами. Трудно сказать, в какой степени Моцарт мог в детском возрасте, будучи в Брно и Оломоуце, познакомиться с моравской песенностью, но в Италии он, начиная с 1770 г., встречался с «божественным чехом» – Йозефом Мысливечком (за рубежом он был известен как Венаторини, 1737—1781), был знаком с достижениями яро-мержицкой и мангеймской школ, много работавших в области сонатно-симфонической музыки и музыкально-сценического искусства.

Если добавить, что Моцарт слушал в Париже наиболее выдающихся композиторов и клавесинистов, причем великий Рамо, как подчеркивает Вейс в соответствии с действительностью, отнесся к нему с отеческой благожелательностью, то можно сделать вывод, что уже в очень юном возрасте Моцарт глубоко изучил музыкальную литературу и исполнительское искусство, включая сценические произведения, пение и инструментальную музыку. Он в совершенстве знал традиционные нормы церковной музыки, хотя и не питал к ней склонности, и уже в детские годы начал постигать безграничные возможности звучания органа. Напомним, что Бах в свое время проделал пешком долгий путь из Арнштадта до Любека, чтобы послушать игру Дитриха Букстехуде, который сотрясал своды храма так, что оттуда, как утверждали прихожане, с ужасом вылетали нечистые духи, застревая в окнах собора... Вслед за Букстехуде и Бахом Моцарт стал одним из величайших мастеров клавирной, а затем и органной игры.

4

История музыкального искусства не знает примеров столь раннего овладения всеми видами профессиональных навыков, которое можно было бы сравнить с творческим созреванием Моцарта и которое, чаще всего объясняют уникальной, гениальной одаренностью, принесшей Вольфгангу, когда он был еще подростком, академические дипломы и связанный с возведением в дворянское достоинство орден Золотой шпоры. Не лишено интереса то обстоятельство, что этим орденом наградил юного композитора папа Клемент XIV Гапганелли, прославившийся буллой, которая объявляла орден иезуитов распущенным и, по словам папы, тем самым обрекала на смерть его самого. Предсказание это сбылось с поразительной быстротой.

В свои отроческие годы Моцарт с необыкновенным совершенством сочинял оперы, оркестровые произведения, камерные ансамбли, клавирные и вокальные пьесы, дирижировал, пел, играл на многих инструментах, по праву мог быть назван первым клавесинистом и замечательнейшим органистом Европы, – словом, он овладел всеми областями музыкального искусства. Но было ли это только проявлением несравненного, стихийного гения? Не забудем, что к тому времени, когда Моцарт появился в мире, уже совершил свой великий творческий подвиг Иоганн Себастьян Бах, открывший неисчерпаемые творческие возможности многоголосной музыки «свободного стиля», Клаудио Монтеверди и Алессандро Скарлатти утвердили молниеносно завоевывавший

суверенные права в музыкальном искусстве оперный жанр, вехами на пути развития которого явились флорентийская «камерата», венецианская, неаполитанская, французская школы. Стремительно развивалась усилиями австрийских, чешских и немецких мастеров сонатно-симфоническая форма. Бесконечно разнообразными делались музыкальные жанры, выдвигались новые имена композиторов, исполнителей.

Для того чтобы разобраться в этом небывалом изобилии, нельзя было дать увлечь себя тому или иному потоку. Нужен был громадный, эмоционально-чуткий и вместе с тем критический интеллект, который мог стать в центре эпохи, оценить ее достижения и устремления и, более того, определить пути грядущего развития мирового музыкального искусства. Трудно поверить, что эту задачу решил зальцбургский подросток, уже в детские годы ошеломивший своим искусством Австрию, Италию, Францию и Англию. И каковы бы ни были происки завистников Моцарта, мы вспоминаем о том, с каким выражением устремлялись на него старческие глаза Рамо и как Гайдн, великий предшественник Моцарта, который не был ни зазнавшимся вельможей, ни, подобно Сальери, ловким интриганом и карьеристом, клялся отцу Вольфганга «как перед богом и как честный человек», что юноша, скромно именовавший себя его учеником, – величайший композитор мира.

Такое определение предполагает не одну только гениальную одаренность. Вспомним, что писал в своем дневнике незадолго до смерти Шопена его единственный французский друг Эжен Делакруа: «Наука, как ее понимают и представляют себе люди, подобные Шопену, есть не что иное, как само искусство, и наоборот, искусство совсем не то, чем считает его невежда, т. е. некое вдохновение, которое приходит неизвестно откуда, движется случайно и изображает только внешнюю оболочку вещей. Это – сам разум, увенчанный гением, но следующий неизбежным путем, установленным высшими законами».

«Разум, увенчанный гением» – можно ли себе представить более точное определение творческой личности Моцарта? Десять лет спустя тот же Делакруа пришел к выводу: «Написать картину – значит обладать искусством довести ее от наброска до законченного состояния. Это одновременно и наука и искусство; чтобы проявить тут подлинное умение, необходим долгий опыт».

Моцарт с непостижимой быстротой прошел все стадии этого опыта, вплоть до утверждения нового направления, которое поистине может считаться историческим рубежом музыкального искусства, да, видимо, не только музыкального, ибо, например, Бернард Шоу в своих критических статьях, изобилующих афористическими определениями, не только заметил, что моцартовская «Фиалочка» является истоком песенного творчества Шуберта, Мендельсона и Шумапа («Music in London», I, 295), но и назвал моцартовскую Дон-Жуана «первым байроническим героем в музыке» («London Music», 190).

Труд Вольфганга всегда заключался как в непрерывавшемся создании художественных ценностей, так и в тщательном отборе средств выразительности и приемов развития тематического материала, включая полифонические, которые столь рано пачали привлекать внимание юного мастера. Именно эта отточенность мастерства ощущалась в умении Моцарта так свободно доводить свои замыслы «от наброска до законченного состояния». Придавая особенное значение мелодии как средству выразительности (и ставя ее, как известно, выше слова), Моцарт тщательно отработывал музыкальную ткань произведения в целом, стремясь к тому, что можно назвать «прочностью фактуры»: каждый голос, если даже произведение не было полифоническим, приобретал поразительную законченность. В многоголосных же произведениях – достаточно вспомнить финал симфонии «Юпитер» или фугу для струнного квартета, в которой Антоний Радзивилл (1775—1833) увидел образ Фауста, – Моцарт поистине не имел себе равных, достигнув баховских высот и озарив их новым содержанием, возвестившим приход романтизма, у колыбели которого стоял этот несравненный поэт звуков.

В книге Вейса отчетливо прослеживается напряженный труд Моцарта и вместе с тем обрисовывается образ живого человека, подчас веселого, подчас тяжело переживающего удары судьбы; увлекательного собеседника, находящего радость в общении с людьми, в

задорном остроумии, позволяющем блеснуть немецким, французским, итальянским языком. Но кажется все же, что автору не вполне удалось создать представление о формировании могучего интеллекта Моцарта, т. е. о том втором этапе созревания сильной человеческой личности, о котором уже шла речь. А Моцарт был не только гением, решавшим в области «искусства дивного» любую задачу, но и мудрецом, который глубоко постигал совершавшиеся в мире социальные сдвиги и изменения, понимал, что в связи с этим меняется назначение искусства и его роль в человеческой жизни.

5

Формирование интеллекта Вольфганга неуклонно отражалось на содержании его музыки, в частности на сценических образах, причем нельзя не заметить постепенного углубления этических проблем, приобретающих со временем все более и более серьезное значение в мировоззрении Моцарта. А вместе с тем расширяется и образный строй музыки во всех областях его творчества.

С юных лет Моцарт победоносно утверждал значение сонатно-симфонического цикла, трактуя его как широкий круг идейно-эмоциональных образов, примером чему могут служить симфонии и камерно-инструментальные ансамбли Моцарта, не имеющие себе равных по драматизму и контрастам, на которых строится содержание и развитие сонатной формы: сонатное аллегро с двумя темами, вступающими в противоборство, медленная, обычно лирически-созерцательная часть, менуэт, уже у Бетховена превратившийся в скерцо, и стремительный финал. Целый мир чувств и переживаний, никогда, впрочем, не подчиняющийся у Моцарта схеме музыкальной формы, элементы которой он нашел в творчестве яромержицких и мангеймских мастеров и, конечно, Гайдна.

Дэвиду Вейсу удалось искусно переплести сюжеты моцартовских опер, о которых речь идет в десятом разделе книги, с жизнью ее героя, с его взглядами и убеждениями. Здесь ярче всего возникают ситуации, в которых, так или иначе проявляется личность великого композитора. Мелкие уколы и тяжелые удары сыплются на него. Стоит только вспомнить негодяя Арко, обстановку императорского двор, при котором делали карьеру ловкие ремесленники, хозяев этого двора, зловещую фигуру Марии Терезии, в разгар бала покидавшую гостей и мчавшуюся в габсбургский склеп, порученный работам отцов-капуцинов. Но разве эта жестокая, хотя и слезливая старуха, похоронившая мужа и столько детей, была хоть немного более чуткой, чем ее августейший сын, считавший, что орден Золотого руна, с которым¹ он не расставался, придает ему неземное величие?

И разве более чуткой оказалась женщина, которую полюбил Моцарт, Алоизия Вебер? И каким унижениям подвергся «забавный (funny) маленький человек», добываясь брака с Констанцей, которая, судя по всему, так же мало понимала, чем был ее муж, как Наталья Николаевна, муж которой был только камер-юнкером.

Итак, «Похищение из сераля». Похищение Констанцы... Фрау Вебер была, видимо, гораздо менее великодушна, чем паша Селим, узнавший в Бельмонте сына своего заклятого врага, но простивший его за неудавшийся побег вместе с возлюбленной. Так же, как и во многих других случаях, Моцарт принял деятельное участие в работе над либретто оперы (в особенности над вторым и третьим актами), предложенным ему молодым актером Готлибом Стефани, переработавшим пьесу плодовитого венского комедиографа Криштофа Фридриха Бретцнера, немало сердившегося за переделки, которым подверглась его пьеса в процессе превращения в либретто. Но «Похищение» прошло с триумфальным успехом, и Моцарт стал первым композитором, не связанным со службой при дворе духовного или светского владыки. Впоследствии его примеру последовали Бетховен и Шопен. Шуберт, правда, тоже не служил, но только потому, что тогда, когда он буквально умирал с голоду, происки Сальери помешали ему получить должность второго учителя музыки в провинциальной школе.

Моцарт охотно принял бы придворный пост, соответствующий его рангу мастера. Но

«чудо-ребенок», гением которого некогда восторгались чуть ли не все столицы Европы, был забыт, вельможи восхищались шпагоглотателями, плясуньями, чревовещателями и, превыше всего, загадочными личностями, которыми так изобилует XVIII век, поныне называемый «Веком Просвещения». Но к просвещению стремились не вельможи, угодливо создававшие легенду «иозефинизма» (для коронованного после смерти Франца I в 1765 г. императора Иосифа II Моцарт значил едва ли больше, чем для фрау Вебер), а проницательные и дерзкие умы. И тогда, когда оказалось, что Моцарт не только покорила своей музыкой венцев, но и привлек к своей сильной личности пристальное внимание цента австрийской общественности, интриги, рожденные завистью, начали множиться.

Образ паши Селима был достаточно многозначителен. Но в «Свадьбе Фигаро» появился на сцене вельможа, одуроченный «простолюдинами», а «ужасная пьеса», па сюжет которой была написана эта опера, вызвала еще раньше негодование Версаля. Аббату Лоренцо да Понте удалось добиться разрешения венского двора на реализацию этого сюжета, комедийность которого он так усердно подчеркивал. Чешские друзья предупреждали отца доверчивого композитора об интригах, затеянных его врагами. Встревоженный Леопольд писал дочери: «Сальери и вся его свора опять попытаются перевернуть небо и землю. Душек сказал мне недавно, что против твоего брата плетется столько интриг, потому что его так уважают за его выдающийся талант и мастерство...»

Конечно, это объяснение нельзя признать исчерпывающим. Гений Моцарта мешал многим. Даже такое ничтожество, как состоявший в «своре Сальери» Леопольд Кожелуг (имя Леопольд он принял, чтобы выразить свои верноподданнические чувства при коронации нового императора – преемника Иосифа II), считал себя «соперником» Моцарта. Но громадный успех произведений Моцарта, казалось бы, делал его в этом отношении неуязвимым. Гораздо опаснее было другое. Моцарт, считавший, что «сердце делает человека благородным», был ненавистен той части австрийской знати, которая была чужда интеллектуальных, а тем более этических проблем. Иосиф II держал при своем дворе «Кальвина музыки» для сочинения танцев, исполнявшихся во время шёнбруннских маскараров. «Слишком много за то, что я делаю, и слишком мало за то, что я мог бы делать», – говорил Моцарт о своем нищенском жалованье.

«Первым музыкантом империи» в это время вполне официально был Сальери, умелый ремесленник, ретиво исполнявший свои обязанности и пользовавшийся высоким положением для продвижения своей «своры» и преследования инакомыслящих. Не забудем, что после переезда в Вену «синьор Бонбоньери» десять лет прожил там в епископском доме, завязал прочные связи и всю жизнь стремился слыть человеком богобоязненным.

Иначе обстояло дело с Моцартом. Мудрый, но прямодушный мастер создавал в своих операх образы благородства и честности, этической правоты и духовной силы, человека, противостоящего социальной несправедливости и моральным компромиссам, всегда унижающим людей. Пламенно любивший жизнь Моцарт стремился представить ее во всей сложности, во всех эмоциональных градациях, от высокого трагизма до веселой комедии. Именно это многообразие чувств и переживаний дало основание лексикографу Иозефу Хор-майру в своем знаменитом двадцатитомном «Австрийском Плутархе» назвать Моцарта «Шекспиром музыки».

«Дон-Жуан», о котором один из персонажей романа Вейса презрительно говорит, что эта опера через год будет уже забыта, явился едва ли не наиболее убедительным подтверждением характеристики, данной Хормайром Моцарту, – настолько великолепен и богат образный строй «оперы опер», по праву считающейся непревзойденным шедевром музыкально-сценического искусства. К сожалению, Вейс не останавливается на развивавшихся в период окончания оперы плодотворных творческих связях с чешскими музыкантами. Наиболее подробно об этих связях пишут Пауль Неттль («Mozart in ВБШеп», Prag, 1938) и Карель Коваль («Mozart v Praze», Praha, 1957).

Быть может, мало пишет Вейс, увлеченный неумолимо развивающимися событиями в жизни Моцарта, о жизненной правдивости, все ярче и ярче проявлявшейся в его операх,

включая написанного для Праги «Дон-Жуана». Между тем именно эта правдивость, зачастую достигаемая необыкновенной выразительностью мелодии, позволяет отнести оперы, созданные Моцартом на протяжении последнего десятилетия его жизни, к рубежным свершениям в этом жанре. В «Бертрамке» – тогда загородной вилле Франтишка Ксавера Душека, «отца чешской клавирной музыки», – а также в гостинице «У трех золотых львят» (как странно это название перекликается с пушкинским «трактиром Золотого льва») Моцарт провел пражские месяцы своей жизни, общаясь со многими выдающимися чешскими музыкантами, артистами и писателями.

То была эпоха патриотически-просветительского «будительского движения». И хотя формально Священная Римская империя перестала существовать только в начале следующего столетия, Моцарт здесь, в Праге, понимал все более и более отчетливо то, что улавливалось в тревожных беседах, в которых он участвовал в венских масонских ложах, достигнув высшей степени посвящения по так называемому шотландскому обряду (она символизировалась именем Адонирама, легендарного хранителя сокровищ и патрона строительства храма царя Соломона). Народно-освободительные восстания тревожили вельмож, беседовавших с Вольфгангом о равенстве людей в «иоанновых ложах» Вены.

И нужно сказать, что ранние контакты с венскими масонами произвели на Моцарта, даже судя по его немногим сохранившимся письмам, чрезвычайно сильное впечатление. Как известно, Моцарт был человеком высокой культуры, отличался начитанностью, и начало венского периода его жизни ознаменовалось напряженностью размышлений, проявившейся, в частности, в постепенном отходе от католичества: последняя, до-минорная месса, над которой Моцарт работал в 1783 году (т. е. именно тогда, когда он стал масоном), осталась незаконченной и была впоследствии переделана в кантату («*Davidde penitente*») «Кающийся Давид» с отчетливо выраженной масонской тематикой. За этой кантатой последовали другие произведения, в том числе и написанные на тексты членов масонских лож, а также получившая широкую известность «Траурная симфония», посвященная памяти членов Ордена – герцога Георга Августа фон Меклен-бург-Штрелитц и графа Франца Эстергази фон Таланта.

Постепенно Моцарт, которому были близки проповедовавшиеся в ложах идеи братства и равенства людей, убедился, однако, что на собраниях лож преобладали выпренные речи, многозначительная мистическая символика и что данная им некогда «присяга чудная четвертому сословью» не претворялась в жизнь. Были, видимо, у Моцарта причины, побудившие его предпринять в последние месяцы жизни попытку создать новую, не зависевшую от сильных мира сего, масонскую организацию – ложу «Грот». Вряд ли эта попытка увенчалась бы успехом даже в том случае, если бы Моцарту суждено было прожить еще несколько лет.

Последние годы жизни Моцарта более чем когда-либо были омрачены нуждой, интригами и унижениями, не попятными ему, чистому сердцем и полному возвышенных мыслей. Он попытался воплотить эти мысли в «Волшебной флейте», законченной незадолго до смерти и основанной на сказочном сюжете и символике, близкой к масонской. Судя по всему, император Иосиф II в последние месяцы своей жизни начал воздавать должное Моцарту – и это тревожило завистников.

Последняя поездка Моцарта в Прагу связана с возложением на Леопольда II чешской короны. Во время коронационных торжеств исполнялись «Дон-Жуан» и «Милосердие Тита», написанное в небывало короткий срок специально для этих торжеств. Из воспоминаний современников явствует, насколько глубокими были в этот период раздумья Моцарта о моральном преображении человечества, подобном тому, которое произошло с принцем Тамино в «Волшебной флейте».

В середине сентября 1791 года, принесшего больше произведений Моцарта, чем какой-либо иной год, мастер возвращается в Вену. Атмосфера, которую создают ему недоброжелатели, становится все более и более невыносимой, и русский посол в Вене граф Андрей Кириллович Разумовский примерно в то же время пишет светлейшему князю

Потемкину-Таврическому, что Моцарт, «имея основания быть недовольным», согласится приехать в Россию, если Разумовский получит разрешение сделать ему такого рода предложение. Но вскоре после того, как это письмо было послано, умерли и Моцарт и Потемкин, а 1 марта 1792 года скончался Леопольд II, лейб-медик которого публично заявил, что император был отравлен...

В начале октября 1791 года Моцарт, судя по его письмам к жене, был в отличном настроении, чему, возможно, содействовали многочисленные исполнения его опер: вслед за «Волшебной флейтой», которая шла в Вене в конце сентября и в октябре, итальянская труппа показала в Дрездене и Праге «Так поступают все», в Кельне был поставлен «Дон-Жуан». 18 ноября Моцарт дирижировал в венской ложе «Вновь увенчанной надежды», сочиненной им специально для открытия нового «храма» этой ложи, к которой он принадлежал, «Маленькой масонской кантатой». То было последнее выступление Моцарта. 20 ноября он слег, а в пятьдесят минут после полуночи в ночь на пятое декабря его уже не стало. Врачи поставили самые фантастические диагнозы, противоречащие друг другу и впоследствии опровергнутые медицинской наукой. С непонятной поспешностью Моцарта похоронили «по третьему разряду» (иначе говоря, закопали во рву, куда сбрасывали тела бродяг и самоубийц) на кладбище св. Марка.

Судя по свидетельству о смерти Моцарта, он все же не удостоился последнего причащения, хотя близкие его видели, что он умирает. Гроб с его телом не внесли в храм хотя бы для краткого отпевания, как того требует погребальный церемониал католической религии, а напутствовали в так называемой часовне св. Креста, и никто из сопровождавших катафалк до кладбища не дошел. Гроб простоял всю ночь в монастырской мертвецкой, а утром следующего дня сторож потащил его ко рву, вскоре засыпанному. Спустя короткое время скончался и сторож, а через неделю после смерти Моцарта в печать проникли сведения, что великий композитор был отравлен.

В совершении этого злодеяния молва обвинила Сальери, который, как известно из опубликованных записей в разговорных тетрадах глухого Бетховена, в 1823—1824 гг. и сам признался в этом своим друзьям. Правда, вплоть до последнего времени делались попытки объявить Сальери душевнобольным, а признания его – бредом. Но на протяжении только последних десятилетий медицинские журналы всего мира (впрочем, не только медицинские, можно назвать, например, барселонскую «Folia Humanistica», Novembre 1968) поместили несколько десятков статей, констатирующих, что, судя по описанным современниками симптомам краткого заболевания, унесшего Моцарта в могилу, он был отравлен сулемой. Совокупность всех доступных данных об этом преступлении содержится в двух книгах, которые опубликовали в г. Пэле (ФРГ) три доктора медицины – Иоганнес Дальхов, Гунтер Дуда и Дитер Кернер: «В. А. Моцарт. Документация его смерти» (1966, вступительная статья И. Ф. Бэлзы) и «Смерть Моцарта» (1971). Именно на эти книги ссылаются в своих работах член-корреспондент АН СССР Д. Д. Благой, А. А. Соловцов и другие советские историки культуры. Доктору Кернеру принадлежит также опубликованная в конце 1969 г. работа о «Моцарте и Сальери» Пушкина, в которой подчеркивается историческая достоверность сюжетной основы этой трагедии, энциклопедичность интересов и познаний великого русского поэта и говорится, что он «знал много, быть может, слишком много...»

Впрочем, преступлению этому уделено очень мало страниц в романе Вейса «Возвышенное и земное». Но в романе «Убийство Моцарта» (русский перевод этого романа опубликован также с моим предисловием в журнале «Волга», 1972, №№ 3, 4, 5) тайна гибели великого композитора занимает центральное место. Более всего захватывает в этих книгах, основанных, как уже было сказано, на прочной фактографической канве, обаятельный образ Моцарта, удивительно совпадающий с концепцией труда Улыбышева, начатого в год благословенной «болдинской осени», принесшей завершение «Моцарта и Сальери» – «лучшей биографии Моцарта», как назвал эту трагедию А. К. Лядов, любимец Римского-Корсакова, положившего ее, как известно, на музыку. Пушкин был завсегдаем в салоне австрийского посла в Петербурге, графа Фикельмона, и как знать, что сообщил ему

граф о признаниях Сальери, ставших достоянием всеобщности?...

Но, говоря о близости позиции Вейса к Улыбышеву, нужно сделать чрезвычайно важную оговорку. Оба автора, и это сразу же чувствуется, находятся под обаянием человечнейшей личности Моцарта. Но Улыбышев считает, что этому великому человеку суждено было стать величайшим музыкантом мира благодаря воле Провидения. Иначе поступает Вейс. Любому музыковеду сделал бы честь его анализ формирования творческого облика Моцарта, ставшего таким же неповторимым, уникальным явлением в своей области, как, скажем, Данте, Леонардо или Пушкин. Вейс показывает множество «манер», которые в какой-то степени помогли Моцарту накопить гигантский опыт, умноженный великими свершениями баховской школы и откровениями молодого оперного искусства. Очень толко отмечает Вейс критическое отношение Моцарта ко всему, что он воспринимал, ибо гений Вольфганга – и автор книги не раз умело подчеркивает это – блистал самобытностью.

Нужно напомнить., что Моцарт, хотя Вейс об этом не говорит, жадно поглощал не только музыку, но и литературу и все виды искусства. Он испытывал живую радость общения с людьми и был на редкость щедр в дружбе и в любви, хотя об избраннице его немало суровых слов сказал уже Улыбышев (вспомним хотя бы историю с продажей копий «Реквиема»). Вейс еще более строг по отношению к Констанце – но это его право. Не получает разгадки в книге «тайна Реквиема», – по всей вероятности, из-за того, что исследования последних лет показали, что тайна эта еще более сложна, чем предполагалось в прежние годы.

И наконец, нельзя не остановиться на этической коллизии «гения и злодейства», пронизывающей всю книгу и играющей в ней едва ли не первенствующую роль. Когда Моцарт соприкасается с высокими произведениями искусства, он восхищается ими, он воздаст должное и забытому ныне Вагензейлю, в прошлом учителю музыки Марии Терезии, и великому Гайдну. А когда «завистники презренные» встречаются с великими мастерами, то в сердцах этих недостойных людей вспыхивает ненависть. Эта коллизия придает трагический характер трактовке темы, которой она посвящена. Именно поэтому роман Дэвида Вейса, повествующий о жизни и творчестве великого и прекрасного человека, кончается его гибелью.

Игорь Бэлза